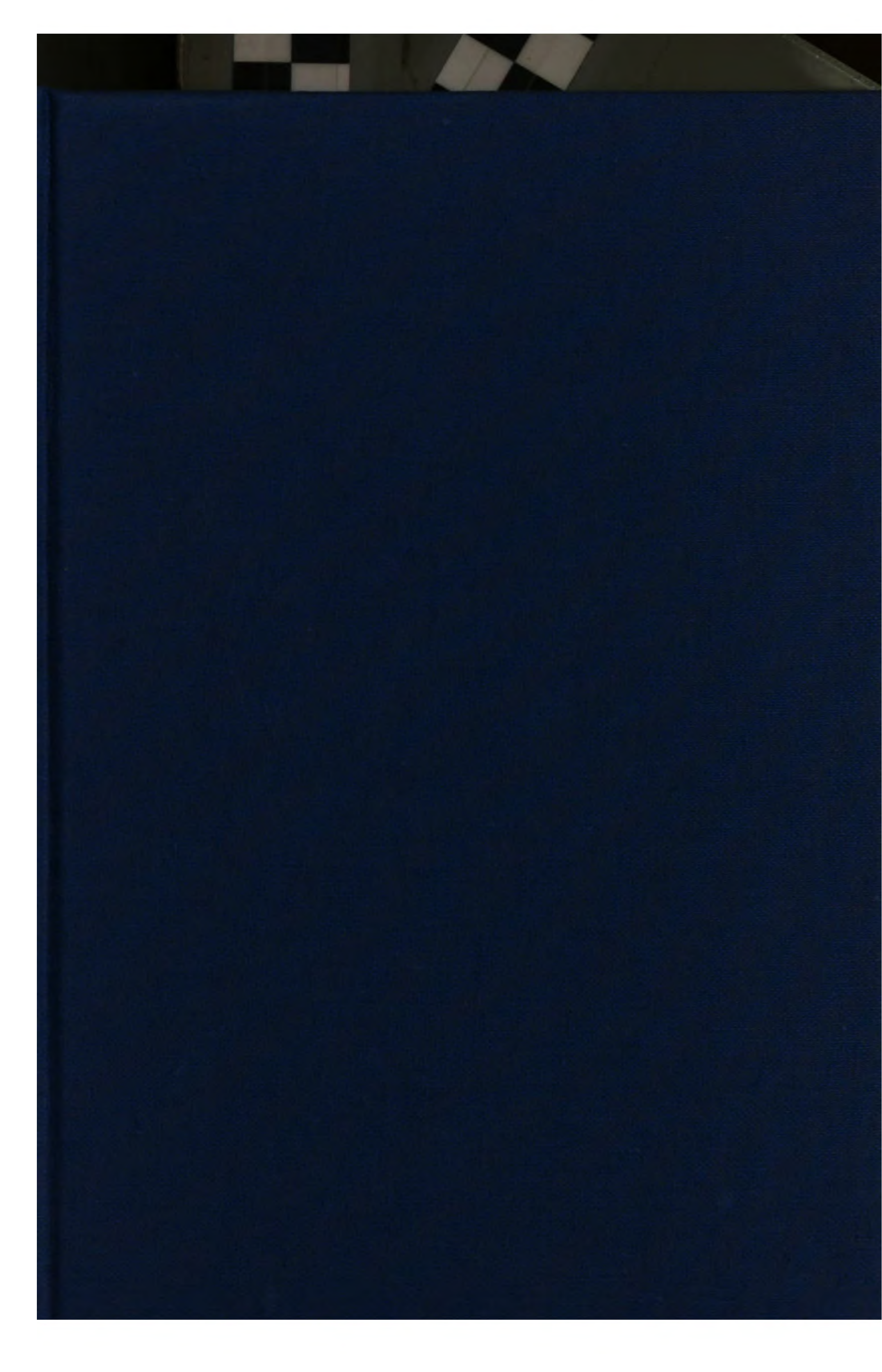

SLAVISTIC PRINTINGS AND REPRINTINGS

edited by

C. H. VAN SCHOONEVELD

Indiana University

158/18

1971

MOUTON

THE HAGUE · PARIS

IN COOPERATION WITH EUROPE PRINTING, VADUZ

ІЮНЬ. 1897.

June

РУССКОЕ БОГАТСТВО

Russkoe bogatstvo

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 6.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1897.

Printed in Germany

СОДЕРЖАНІЕ.

(*См. на оборотѣ*).

В. В. Лесевичъ. Опытъ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.
— Письма о научной философіи. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
— Этюды и очерки. Ц. 2 р. 60 к., съ пер. 2 р. 80 к.
— Что такое научная философія? Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.
Эд. Чаннингъ. Исторія Соединенныхъ Штатовъ Сѣв. Америки. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
В. Киддъ. Соціальная эволюція. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
Н. И. Наумовъ. Собраніе сочиненій. Два тома. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
Ч. Бэрдъ. Реформація XVI вѣка. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
Э. К. Ватсонъ. Этюды и очерки по общ. вопросамъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.
Н. А. Рубакинъ. Этюды о русской читающей публикѣ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Разсказы о великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы. Изд. 3-е. Ц. 18 к., съ пер. 29 к.
С. Я. Надсонъ. Литературные очерки. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
В. Острогорскій. Изъ исторіи моего учительства. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
Р. Левенфельдъ. Графъ Л. Н. Толстой (на простой бумагѣ). Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.
— (на веленовой бумагѣ). Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.
А. Н. Анненская. Анна. Романъ для дѣтей. Изданіе второе. Ц. 60 к., съ пер. 77 к. (Можно посылать почт. марками).
Дж. Мармери. Прогрессъ науки. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.
Э. Реклю. Земля и люди. Швеція и Норвегія. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.
— Бельгія и Голландія. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.
Дж. К. Ингрэмъ. Исторія рабства. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
I. К. Блунчли. Исторія общаго государственнаго права и политики. Цѣна (*вмѣсто* 3 р.) 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к. Большей уступки не дѣлается.
Е. П. Карновичъ. Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. Цѣна (*вмѣсто* 2 р. 50 к.) съ перес. 1 р. 50 к.
Б. Ф. Брандтъ. Борьба съ пьянствомъ за границей и въ Россіи. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.
Дж. Леббокъ. Какъ надо жить. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.
В. А. Гольцевъ. Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р 45 к.
Е. Н. Водовозова. Жизнь европейскихъ народовъ. I. т. Жители Юга. II т. Жители Сѣвера. III т. Жители Средней Европы. Ц. за каждый томъ. 3 р. 75 к., съ пер. 4 р. 40 к.
— Умственное и нравственное развитіе дѣтей. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.
В. И. Водовозовъ. Новая русская литература. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р 50 к.
— Словесность въ образцахъ и разборахъ. Ц. 1 р 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.
— Очерки изъ русской исторіи XVIII вѣка. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к
Э. Тэйлоръ. Первобытная культура. Въ двухъ томахъ. Ц. 4 р. съ пер. 4 р. 50 к.
Г. Геттнеръ. Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. Т. I. Англійская литература. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
С. А. Ан-скій. Очерки народной литературы. Ц. 80 к., съ пер. 95 к.
Путь-дорога. Художественно-литературный сборникъ. (На простой бумагѣ). Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.
— (На веленевой бумагѣ). Ц. 5 р., съ пер. 6 р.
Въ добрый часъ. Сборникъ. (Въ обложкѣ). Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 85 к.
— (Въ переплетѣ). Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 10 к.
Е. Дюрингъ. Великіе люди въ литературѣ. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 3 р. 85 к.

Подписчики «Русскаго Богатства», при покупкѣ книгъ, пользуются уступкой въ размѣрѣ стоимости пересылки.

Полные экземпляры журнала «Русское Богатство» за 1893, 1894, 1895 и 1896 года. Цѣна за годъ 8 р.

НА СТОЙБИЩѢ.

Очеркъ изъ чукотской жизни (отрывки изъ дневника).

Полдень давно миновалъ, но солнце еще высоко стояло на небѣ, обливая яркими лучами и хмурые ряды лиственницъ, безмолвно стоявшихъ на обрывистомъ берегу узкой и извилистой виски, *), и огромные сѣрые шатры нашего стойбища, похожіе скорѣе на холмы, чѣмъ на человѣческія жилища, и въ особенности гладкую, ослѣпительно бѣлую, снѣжную пелену, закутавшую и землю, и мерзлую рѣчку, и черныя вѣтви деревьевъ, упавшую легкимъ пушкомъ на длинныя и острыя верхушки шатровыхъ жердей, похожихъ на связку огромныхъ кольевъ, накрытыхъ толстымъ сѣрымъ чехломъ. Яркій блескъ снѣга рѣзалъ глаза и заставлялъ жмуриться. Воздухъ былъ наполненъ сверкающими блестками тончайшихъ снѣжныхъ пылинокъ, рѣявшихъ и переливавшихъ всѣми цвѣтами радуги. Свѣтъ какъ будто превратился въ вещество, въ блистающую ткань, струившуюся и трепетавшую вокругъ, и заполонялъ землю, вознаграждая ее за унылыя сумерки, еще вчера давившія ее своими тяжелыми тѣнями. Въ этомъ обиліи свѣта было что то горячее, сулившее обновленіе природы и близкое воскресеніе жизни, закованной уже болѣе полугода въ суровыя цѣпи полярной зимы.

Я довольно уныло бродилъ по стойбищу, стараясь отогрѣть ноги, которыя пощипывалъ славный мартовскій морозъ, не смотря на двойные мѣховые сапоги. Обиліе свѣта не особенно прельщало меня. Уныніе зимнихъ сумерекъ уже изгладилось изъ моей памяти, а невыносимый блескъ снѣга успѣлъ навязать мнѣ начало особой глазной болѣзни, которою въ это время страдають почти всѣ жители полярныхъ странъ. Я предпочелъ бы немножко меньше свѣта, а главное побольше тепла. А между тѣмъ холодъ ни за что не хотѣлъ смягчиться, и при постоянномъ пребываніи съ ранняго утра до поздней ночи на открытомъ воздухѣ, давалъ себя чувствовать самымъ непріятнымъ

---

*) Мелкая рѣчка, притокъ

образомъ, забираясь подъ всевозможные покровы и проникая сквозь самыя затѣйливыя сочетанія мѣховъ.

Однако населеніе нашего стойбища обращало мало вниманія на холодъ и спокойно предавалось обычнымъ занятіямъ. Эттынинъ, довольно тщедушный и тощій старикъ съ замѣтной просѣдью въ всклокоченныхъ волосахъ, съ плоскимъ лицомъ, похожимъ на потертую маску, и испорченными слезящимися глазами, сидѣлъ на корточкахъ у входа въ шатеръ и терпѣливо скоблилъ маленькимъ кривымъ ножичкомъ тонкія березовыя перекладины, изъ которыхъ должна была составиться новая ѣздовая нарта. Старшая жена его, Оттва въ странной одеждѣ, состоявшей изъ широчайшихъ мѣховыхъ шароваръ и просторнаго полудекольтированнаго корсажа, вырѣзаннаго глубокими мысами на груди и спинѣ и обнажавшаго всю шею, сидѣла на землѣ и, засучивъ широкіе рукава, мѣшавшіе ея работѣ, чинила, широко раскинутый передъ нею, старый шатеръ такъ спокойно, какъ будто ея бронзовое тѣло, свѣтившееся изъ подъ одежды, дѣйствительно было сдѣлано изъ бронзы и не имѣло никакой чувствительности къ холоду. Двѣ молодыя бабы, разостлавъ на снѣгу внутреннюю мѣховую палатку, ожесточенно колотили ее кривыми колотушками изъ оленьяго рога, стараясь удалить изъ густого мѣха слѣды человѣческаго дыханія, осѣвшаго на стѣны во время ночного сна и въ настоящую минуту, подъ дѣйствіемъ мороза, превратившагося въ бѣловатый иней. Онѣ уже цѣлый часъ исполняли эту тяжелую ежедневную обязанность чукотской хозяйки. Лица ихъ разгорѣлись отъ усилій, крупныя капли пота выступили на лбу и медленно текли по щекамъ, расплываясь въ толщѣ чисто геологическихъ наслоеній грязи, никогда не знавшихъ смывающаго вліянія воды. Одна изъ нихъ, чтобы облегчить свои движенія, спустила съ одного плеча широкій *кэркэръ*, открывъ всю правую половину своего здороваго торса и обнаживъ пышную бѣлую грудь, къ сожалѣнію испятнанную такими же геологическими наслоеніями, какъ и ея лицо. Другая хватала комьями снѣгъ и засовывала себѣ за пазуху, чтобы освѣжить разгоряченное тѣло. Кучка ребятишекъ, привязавъ концы крѣпкаго ремня къ вѣтвямъ двухъ деревьевъ, стоявшихъ рядомъ, съ визгомъ и криками забавлялась качаніемъ на качеляхъ. Мальчики помогали дѣвочкамъ раскачиваться и потомъ, хватая ихъ за длинные распустившіеся оборы мѣховыхъ сапогъ или просто за ноги, старались заставить упасть на снѣгъ.

Молодая здоровая ламутская баба Авдотья сидѣла на корточкахъ у огнища и варила въ маленькомъ желѣзномъ котелкѣ полужидкую зеленожелтую массу довольно подозрительной наружности, съ характернымъ острымъ запахомъ.

То была похлебка изъ оленьяго моняла *). Собственно говоря, на котелокъ съ варевомъ она обращала довольно мало вниманія, а все время занималась подкладываніемъ въ огонь миніатюрныхъ щепочекъ, едва достаточныхъ для того, чтобы поддерживать маленькое голубоватое пламя подъ самымъ донышкомъ котла. Кругомъ нея былъ густой лѣсъ, но она непоколебимо соблюдала обычай, вынесенный изъ безлѣсной тундры, гдѣ дрова цѣнятся почти на вѣсъ золота. Она такъ увлеклась своимъ занятіемъ, что рѣшительно не замѣчала, что дѣлается вблизи.

Мой спутникъ по странствіямъ, «походскій казакъ» Васька Кауровъ, неуклюжій парень съ чрезвычайно рябымъ лицомъ и маленькими узкими глазами, одинъ изъ которыхъ былъ испорченъ оспой, одѣтый въ длинную черную *кукашку* **) съ волчьимъ воротникомъ и прикрывшій плѣшивую голову выпороточнымъ малахаемъ, похожимъ на женскій капоръ, лѣниво поднялся съ пня, на которомъ просидѣлъ уже болѣе часа, спряталъ въ карманъ коротенькую трубку носогрѣйку, медленно подошелъ къ длинной нартѣ, стоявшей у одного изъ шатровъ, и, взявъ въ руку долгій чаутъ ***) изъ крѣпкаго моржоваго ремня, принялся свертывать его въ кольца. Свернувъ всѣ кольца и расправивъ какъ слѣдуетъ петлю, онъ съ притворно безпечнымъ видомъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ ничего не подозрѣвавшей ламуткѣ и вдругъ сильнымъ движеніемъ руки бросилъ арканъ и накинулъ ей петлю на шею и плечи.

— Хватилъ! Хватилъ!—радостно кричалъ Васька по русски, волоча свою добычу по глубокому снѣгу на длинномъ арканѣ.

— Не дури, дьяволъ!—визжала ламутка по чукотски.— А то полѣномъ хвачу!—Но торжествующій Василій не обращалъ вниманія на этотъ визгъ и, преодолѣвая отчаянное сопротивленіе ламутки, тащилъ ее къ высокому берегу виски, откуда узкая, гладко утоптанная тропинка круто спускалась внизъ. Дотащивъ ее до спуска, онъ весело покатился подъ гору, употребивъ свою плѣнницу, какъ живыя салазки, громкимъ свистомъ и гиканьемъ подражая крикамъ каюра ****), спускающагося на легкой собачьей нартѣ съ высокаго косогора.

Ламутка, получивъ свободу, встала и, отряхнувъ снѣгъ, облѣпившій ея одежду, полѣзла обратно на верхъ. Гладкая шерсть ея мягкаго кэркэра, обращенная наружу, предохранила ее отъ ушибовъ. Глаза ея весело улыбались. Явное уха-

---

*) Монялом называется зеленоватая масса полупереваренного мху, вынутая изъ желудка убитаго оленя и очищенная отъ непереварившихся растительныхъ волоконъ. Чукчи варятъ изъ нея похлебку, съ примѣсью крови и жира.

**) Мѣховая рубаха.

***) Арканъ.

****) Каюръ—человѣкъ, управляющій собачьей нартой.

живаніе Васьки, выражавшееся даже въ такихъ наѣздническихъ эволюціяхъ, очевидно, не было ей непріятно. Замахнувшись на своего рыцаря изъ приличія полѣномъ, подхваченнымъ по дорогѣ, она подошла къ костру и стала подкладывать въ почти угасшій огонь свои неизмѣнныя щепочки.

Черезъ четверть часа Василій возобновилъ нападеніе съ такимъ же успѣхомъ, какъ прежде: ему очень нравилась эта игра и онъ повидимому намѣревался продолжать ее до безконечности. Котелокъ совсѣмъ остылъ надъ погасшимъ костромъ. Зеленой похлебкѣ вѣроятно не было суждено свариться въ этотъ день.

Я стоялъ у дороги и, отъ нечего дѣлать, наблюдалъ за этими гимнастическими упражненіями. Спустившись съ горы въ третій или четвертый разъ и опять поднявшись на площадку, Василій отряхнулъ снѣгъ, запорошившій ему шею и лицо, и подошелъ ко мнѣ.

— А знаете, баринъ,—обратился онъ ко мнѣ, широко осклабляясь,—вѣдь эта ламутка, можно сказать, моя собственная! Я ее третьяго года купилъ на тундрѣ!

— Какъ купилъ?—спросилъ я съ удивленіемъ.

— А такъ! очень просто! Еще заплатилъ за нее тогда полъ-лахтака *) да кирпичъ *чай*, да папушу *табакъ!*

— Да развѣ на тундрѣ людей продаютъ?

— Бабъ продаютъ. По ламутской, да по тунгузской вѣрѣ, сами знаете, бабу даже полагается продавать!.. Я это ѣздилъ на тундру оленей убивать въ третьемъ годѣ... былъ тутъ одинъ чукча дружный: къ нему заѣхалъ. Ну, убилъ у него сколько то оленей, переночевалъ, собираюсь ѣхать дальше, а онъ и сталъ мнѣ продавать эту бабу. Сынъ у него былъ, за жену ее держалъ, да только изъ дому уѣхалъ, а бабу то оставилъ. Ну, старику какъ разъ и ловко ламутскую невѣстку съ рукъ спихнуть. Ихніе старики не любятъ чужеродныхъ бабъ!.. «Купи, говоритъ эту бабу! Дешево отдамъ!»—Да ты, говорю, какъ это, сынову жену продаешь?—«Не твоя, говоритъ, забота. Я, отецъ, я и хозяинъ! Да какая она, говоритъ, жена! Такъ себѣ, дѣвка гулящая! А для насъ совсѣмъ худа: ѣстъ по многу, работаетъ лѣниво, что подъ руку подвернется, крадетъ! Купи, братъ! За-дешево отдамъ. Только съ глазъ увези!..» Ну я и купилъ.

— Да на что она тебѣ? У тебя, вѣдь, своя жена есть!

— Ну, жена!.. Что жена!.. Все таки хоть на прислугу годится. У насъ, вѣдь, на Походской **) рыбу убирать некому! Хоть «горный» человѣкъ ***), а руки-то есть...

---

*) Шкура большого тюленя породы phoca barlata.

**) Походская виска впадаетъ въ западное устье рѣки Колымы. На мѣстѣ ея впаденія находится русское поселеніе.

***) *Горный* въ противуположность *рѣчному*, живущему на рѣкѣ, обозна-

— Ну, а потомъ что?—спросилъ я.

— Да потомъ то вышло худо. Такъ и попользоваться не пришлось. Посадилъ я ее на нарту, поѣхалъ дальше по тундрѣ къ *Шапкѣ Холму*. Верстъ сто не отъѣхалъ, встрѣтилъ тунгусовъ.—«Ты, говорятъ, куда это Якуля жену увезъ?» — «Какая она жена? — говорю, мнѣ ее старикъ за пол-лахтака, да за чай, да за табакъ продалъ! Онъ говоритъ: она совсѣмъ не жена!»—«Нѣтъ!—говорятъ,—вретъ старый лѣшій! Она настоящая жена Якулю! И попъ вѣнчалъ, и все какъ слѣдуетъ! Отдай лучше назадъ! Грѣхъ вѣдь! Да и Якуль узнаетъ, худо будетъ! Отдай лучше!.. Все равно, говорятъ, мы не попустимся! Якуль намъ друженъ. Не отдашь добромъ, силой возьмемъ! Якулевой жены не дадимъ увезти русаку!.. Отдай безъ грѣха!»...—Вижу я: ихъ пятеро, а я одинъ. Повертѣлся... Думаю: чортъ съ вами! Пускай мое пропадаетъ! Ссору затѣешь, еще до начальства дойдетъ. А мнѣ правымъ выйти некакъ!..

— Такъ и отдалъ?

— Такъ и отдалъ! Чего дѣлать стану?..

— А плата то?—спросилъ я, улыбаясь.—Вернулъ ли ее отъ старика?

— Вернешь ее отъ стараго черта!.. Весь животъ по пустому пропалъ. Я оттуль воротился, сталъ ему *говореть*. Говорелъ, говорелъ... да съ чукчей развѣ сговоришься? Такъ и попустился!.. «Лахтакъ, говоритъ, я изрѣзалъ. Вотъ, только лоскутъ остался!.. Чай вышелъ. Табакъ выкурилъ... *Нихто нѣту!*»—Жена моя даже крикъ подняла: «заплати, говоритъ, хоть чѣмъ нибудь!»—«Чего, говоритъ, дамъ? *Нихто нѣту!*.. Васька, говоритъ, у меня и такъ все въ карты выигралъ! Ничего не осталось!»

— Какъ выигралъ? — спросилъ я съ удивленіемъ.—Вы развѣ играли въ карты?

— *Какъ-да*, баринъ! Три дни, три ночи не переставали. Такъ и дулись *въ козла!* Этотъ Рэни на карты шибко жарный! Какъ русаковъ увидитъ, такъ и прильнется, какъ сѣра *): «Давай да давай»!.. А чего давай? Самъ то и играть *по путь* не умѣетъ! На то зарится, видишь, чтобы отъ русскаго хоть разъ выиграть!.. Ну, да гдѣ имъ противъ насъ!

— Да какъ же вы играли? Ты разскажи толкомъ!—попросилъ я.

— Да такъ и играли! Въ четвертомъ годѣ это было... Пріѣхалъ онъ на Походскую виску съ парнемъ своимъ на четырехъ оленяхъ,—второй сынъ у него, порядочный мальчонко! *Напроходъ* въ карты закатился на всю ночь... Оленей,

---

часть человѣка, живущаго вдали отъ Колымы, на западной тундрѣ или восточномъ *Камнѣ*.

*) Древесная смола, употребляемая для жеванія.

конечно, покинулъ безъ вниманія... Ну, собаки двухъ оленей и распластали. О! слышимъ крикъ! Выскочили на улицу, а олени совсѣмъ готовы, лежатъ на снѣгу. «Чортъ съ вами!»—говоритъ. Оттуль подошелъ ко мнѣ. А онъ мнѣ всегда дружный былъ. «Купи, говоритъ, мою бѣду! Все таки собакамъ на кормъ годится!» Я и взялъ оленчиковъ. Далъ ему полкирпича, да фунтъ *табакъ*,—больно ужъ изъѣли собаки... Маленько помеледилъ, оттуль опять приходитъ:—Водка, говоритъ, есть?— «Одна бутылка есть», говорю. — Продай мнѣ! — говоритъ.— Сердце хочетъ водки!—«А чѣмъ купишь?»—Оленями, говоритъ. «Какими оленями? У тебя *этто* олени нѣту!»—Два пряговые есть! Тѣмъ куплю!—«Братъ, говорю, грѣхъ вѣдь!» —Не твое дѣло! Мои олени не твои! Давай водки! По чашкѣ оленя отдамъ! Налилъ *я къ нему* двѣ чашки. Выпилъ онъ ихъ смаху, погодя приводитъ двухъ оленей. А парень то сзади идетъ, такъ и плачетъ.—А ты, говорю, голова, на чемъ домой уѣдешь?— Да ты, говоритъ, развѣ меня на своихъ собакахъ не отвезешь?—Поглядѣлъ я на него: совсѣмъ безъ ума доспѣлся парень... Легли спать. На утро приходитъ Рэни, *одинарно* голову книзу держитъ.—Ты о чемъ эдакъ? говорю.—О! худой я! Худой!—говоритъ,—пряговыхъ быковъ убилъ, теперь на чемъ ѣздить стану? Да ты, братъ, отвезешь ли хоть домой то?— Отвезу! говорю. Твоихъ оленей взялъ, какъ не отвезу?—И!.. обрадовался Рэни! — Спасибо,—говоритъ.—Пріѣдемъ, я тебѣ сколько хочешь оленей убью! Говори прямо, сколько надо?.. Я могу!—Десять, говорю, убей!—Хоть десять, хоть двадцать!— кричитъ. Пальцы на рукахъ ростопырилъ, для счету, значитъ... Подумаешь, у него и нивѣсть какой табунъ! Иванъ Татариновъ тутъ случился.—И ты, говоритъ, пріѣзжай! И тебѣ убью, сколько попросишь!—«Спасибо!—говоритъ Иванъ.—Пять убьешь, такъ и ладно». Поѣхали мы. Я на своей нартѣ Рэни везу и парня везу. А Иванъ Татариновъ налегкѣ сзади. Повезли съ собой животъ: сколько то кирпичей, да сколько то папушъ. Пріѣхали на стойбище, а у него и табуна *) нѣту. Такъ важенокъ **) 40-ли, 50-ли, кругомъ руйты ***) ходитъ. А какъ стали доѣзжать до стойбища, онъ и говоритъ: «Станетъ баба меня спрашивать про пряговыхъ, ты не говори, что тебѣ убилъ!» Вправду, только пріѣхали, баба и спрашиваетъ: «а пряговые гдѣ?»—«Волки, говоритъ, разогнали! Парень день и ночь проискалъ. Слѣдовъ чисто нѣту! *Однако* за рѣку ушли!» Парень молчитъ, и я молчу. Пообѣдали. Сталъ онъ *съ краю* ловить да убивать оленей, наубивалъ всѣ пятнадцать.

---

*) Мѣстное русское нарѣчіе говоритъ: оленій табунъ, а не оленье стадо.

**) Важенка—самка оленя.

***) Руйта—шатеръ.

— «Ну, говоритъ, давайте въ карты играть!

— «Чѣмъ станемъ играть?—говоримъ. Тебѣ весь животъ отдали!

— «И!..—говоритъ, развѣ мы не люди? Поставимъ хоть по рубахѣ, да раскозлимъ!

«Сняли мы съ себя рубахи, поставили на конъ. Я и выигралъ.

— «Давайте еще!—говоритъ.

— «Да чего поставимъ?

— «Да хоть по фунту *табакъ*, да по кирпичу поставимъ съ каждаго человѣка!

— «Да нѣту у насъ!

— «Ну чего тамъ! Вы, говоритъ, поставьте по оленю изъ моего убоя, а я поставлю товаръ!

«Сѣли играть, да оттуль играли день и ночь и опять день до вечера... И что же ты думаешь? Мнѣ карта такъ и идетъ, все выигрываю, да выигрываю. Выигралъ у него весь чай и весь табакъ, который мы ему дали. Оттуль сталъ онъ оленей ставить, а я ихъ такъ и забираю. Выигралъ 25 оленей, оттуль чайникъ, оттуль котелъ, двѣ тарелки, четыре чайныя пары, топоръ, сковороду, пол-лахтака... Какое только было обзаведеніе, все отобралъ. А Татариновъ не выигрываетъ и не проигрываетъ. Ночь пришла, онъ и отсталъ.—«Я, говоритъ, спать лягу!» А мы такъ и играемъ! Осталось у Рэни только шесть оленчиковъ, пустые, пряговые!—Четыре оленя поставлю—кричитъ.—А кочевать чѣмъ будешь?—Мои олени, моя и забота!

«Выигралъ я и этихъ оленей. А баба его такъ и плачетъ, глаза у нея запухли отъ слезъ. — Перестанемъ! — говорю — грѣхъ!—Нѣтъ, говоритъ, нельзя перестать!—Совсѣмъ умъ потерялъ. Спать не хочетъ, ѣсть не хочетъ, все о картахъ думаетъ. Выспался Татариновъ, сталъ собираться домой.—«Закажи, говорю, походчикамъ, чтобъ сюда всѣ нарты ѣхали! Я табунъ выигралъ!» Уѣхалъ Татариновъ, а мы еще играемъ.—Чего ставить станешь?—говорю.—Два пряговыхъ оленя!—Чѣмъ ѣздить станешь?—Не твое дѣло! Не стану ѣздить! У васъ на Походской лѣтовать стану!

«Выигралъ я и этихъ оленей.—Ну, а теперь чего?—Вотъ, говоритъ, мой домъ! Его поставлю! Стала его баба вопить голосомъ. А онъ ее колотитъ.—Ты чего ревешь, кричитъ, какъ надъ покойникомъ? Еще я живой! Могу я уйти *на Камень* *), привести оттуда большой табунъ!

«Выигралъ я и чумъ **), и пологъ **).—Конецъ!—говорю.—Ничего, нѣту! Теперь чего поставишь?—Есть! кричитъ,—себя

*) Камень—горе, скала. Нагорная сторона Колымы называется каменной стороной.

**) Чумъ—наружный шатеръ. Пологъ—внутренняя мѣховая палатка.

поставлю! жену поставлю! дѣтей поставлю!—«Ой, говорю, не могу! Дай мнѣ поспать! Встану, тогда опять играть станемъ». А межъ тѣмъ три нарты съ Походской пріѣхали, и моя жена вмѣстѣ. Убилъ я собакамъ по оленю: даровые, такъ чего жалѣть? *Лягъ* спать, проспалъ ночь и день! Потомъ всталъ и говорю:—«Ступайте вонъ изъ моего дома! Мой теперь домъ!» Вышли они вонъ, а я шесты обломалъ, и чумъ и пологъ на нарту уложилъ. Былъ у меня портяной положекъ, его наставилъ. Опять вошли, сѣли.

— «Ну чего ставишь?

— «Парня своего поставлю! Вотъ этого!

— «Грѣхъ, говорю, на людей играть!

— «Мой грѣхъ! кричитъ. Мой сынъ, не твой!

«А жена моя и говоритъ:—играй ужо! Можетъ онъ что нибудь и отыграетъ. Грѣхъ вѣдь!

— «Ну, говорю, во что сына цѣнишь?

— «Поставь хоть 10 *олень*,—говоритъ.—Въ работники на виску возьмешь!

— «Ну, ладно! говорю. Только въ послѣдній разъ сядемъ теперь играть! Выиграешь, конецъ! И проиграешь, конецъ!

«Сѣли опять. Навалилъ онъ на меня два козла, а на немъ нѣтъ ни одного. — Ладно! говорю. По крайности хоть разъ выиграешь! Сталъ онъ сдавать, я и давай *саксырить* *). Саксырилъ, саксырилъ... Сдалъ онъ карты. Что же ты думаешь? У меня полныя руки козырей! Да такъ подрядъ и навалилъ на него три козла и выигралъ! Разозлился онъ, страсть! Не то ему досадно, что имѣніе все отдалъ, а то, что ни разу выиграть не могъ. Собралъ карты, перервалъ пополамъ и бросилъ въ огонь.—Ну, говорю, все я у тебя забралъ! Все твое мое стало! Теперь оленей переубиваю, на нарты положу и домой повезу!

— «Братъ! говоритъ. А я какъ же?

— «А мнѣ, говорю, какое дѣло?

— «Оленей, говоритъ, убьешь, и меня убей вмѣстѣ!

— «Нѣтъ! говорю. Зачѣмъ человѣка убивать стану?

— «Все равно! говоритъ: уѣдешь, я *позадь* тебя жену и дѣтей зарѣжу и самъ зарѣжусь!

«Испугался я: храни Богъ, зарѣжется. Они вѣдь чукчи отчаянные. Были тутъ 12 оленей. Все пряговые быки.—Вотъ, говорю, это тебѣ! И сына твоего мнѣ не надо!—Далъ ему чайникъ, котелъ, топоръ. Четыре парочки чайныя были, и тѣхъ покинулъ.—А домъ, говоритъ, какъ же?—Домъ, говорю, увезу!—А мы какъ?—А какъ знаешь!—Домъ, говоритъ, увезешь, не надо мнѣ и оленей!

---

*) *Саксырить* особеннымъ образомъ тасовать карты, съ цѣлью привлечь удачу на свою сторону.

«Нечего дѣлать, оставилъ я ему и чумъ, и пологъ. О!.. Обрадовался Рэни, словно нивѣсть какое богатство получилъ. — «Другъ, кричитъ, другъ! Я на Камень пойду. Послѣ на Камень поѣдешь, ко мнѣ заѣдь! Что въ моемъ домѣ по нраву увидишь, самъ бери, меня не спрашивай!» Далъ ему еще кирпичъ, папушу. Съ тѣмъ и уѣхалъ!»

— А ламутка какъ же?

— Вотъ тогда то онъ и продалъ мнѣ ламутку. Старшаго сына дома не было, онъ и спихнулъ его жену. На тундрѣ это не за рѣдкость!

— Сколько же ты оленей выигралъ?—спросилъ я, помолчавъ.

— Да я, баринъ, 10 то купилъ,—высчитывалъ Васька съ довольной улыбкой, очевидно, увлекаясь пріятными воспоминаніями о своей удачѣ.—Да свой животъ назадъ воротилъ. Они, значитъ, даромъ пришлись. Оттуль три собакамъ убилъ, да еще тринадцать увезли на Походску. А пряговыхъ те 12 къ нему назадъ отдалъ. Вотъ и всѣ его олени!—Да и такой чудакъ! — продолжалъ Васька: — черезъ годъ ѣду по рѣкѣ, встрѣчаю его у «Креста». — Откуда идешь?—говорю. — «Съ Камня».—Куда?—«Въ Средній!» *). Смотрю оленей у него не то шесть, не то семь.

— Да ты зачѣмъ въ Средній?—говорю.—«Торговать!»—А чего есть?—«Два оленя, пять боковъ!» **). О, и посмѣялся я, ребяты!—Ой, говорю, далеко ты идешь, а мало везешь!—Нѣтъ! говоритъ. Два оленя продамъ по десять рублей, бока хоть по рублю, смогу я хоть полведра взять!

— Будто какой безумный дастъ ему по десять рублей за оленя!—прибавилъ Васька.

— А назадъ пойдешь, чего ѣсть станете?—говорю.

— Пустое! говоритъ.—Пряговыхъ убивать станемъ, вотъ и ѣда!—А въ ту же ночь у Креста Протопоповъ выигралъ и оленей, и бока. Съ тѣмъ онъ и вернулся на Пантелеиху!

— Здорово же тебѣ въ карты везло!—замѣтилъ я.

— Оно не совсѣмъ карты! — сказалъ Васька, подмигивая.—А только гдѣ имъ противъ нашего брата выстоять? Мы вѣдь, какъ сказать, на козлѣ ***) съ молоду выросли, а они вонъ и счету *попутъ* не знаютъ. Совсѣмъ нелюди! Сами видите: пальцы такъ и топырятъ ****). Ему ходить надо, а онъ подъ столомъ *глаза* *****) высчитываетъ. Такой человѣкъ какъ

---

*) Городъ Средне-Колымскъ.

**) Бокъ, мягкая часть мяса, покрытая жиромъ, снятая съ задняго бедра.

***) Козёлъ—карточная игра якутскаго происхожденія, чрезвычайно распространенная въ краѣ и не имѣющая ничего общаго ни съ козлами, ни съ козами, о которыхъ никто не имѣетъ понятія.

****) Въ чукотской системѣ счисленія пальцы рукъ занимаютъ мѣсто весьма важнаго вспомогательнаго средства.

*****) Очки на картахъ.

выиграетъ? Да они чисто ни у кого и не выигрываютъ. Съ якутами на Долбѣ сядутъ, все равно, якуты такъ смаху у нихъ шкурку и спустятъ. Ну да горная вѣра, чего будетъ?

— Постой!—сказалъ я, подумавъ.—Значитъ, когда ты ламутку купилъ, при тебѣ жена была?

Васька широко оскалилъ зубы.

— Какъ-да была! Вмѣстѣ и къ Шапкѣ Холму ѣздили!

— Что же? она ничего не говорила?

— И, баринъ! наши походскія бабы добрыя! Сами тоже... Ну и объ мужевьяхъ безо вниманія! Хоть онъ себя на десять кусковъ разорви, и десяти дѣвкамъ по куску раздай!..

Разговоръ нашъ былъ прерванъ громкими криками, раздавшимися внизу, въ глубинѣ занесенной снѣгомъ виски, гдѣ пролегала узкая дорога, твердо наѣзженная многочисленными полозьями чукотскихъ *турокъ* и русскихъ нартъ и выводившая на Колыму.

— Держи, держи!—кричали русскіе и чукотскіе голоса.— Порвутъ, порвутъ!

Васька сорвался съ мѣста и, что было мочи, почти покатился внизъ по косогору.

— Наши ѣдутъ, собакъ сдержать не могутъ!—бросилъ онъ на бѣгу. Я, какъ могъ, послѣдовалъ за нимъ. Въ узкой и глубокой ложбинѣ, огражденной крутыми склонами обрывистыхъ береговъ, происходило невыразимое смятеніе. Десятка полтора оленей, заложивъ на спину вѣтвистые рога, въ безумномъ ужасѣ неслись во весь опоръ по дорогѣ, толкая и сбивая другъ друга съ наѣзженной тропы. Три или четыре печвака *), спокойно пасшихся на косогорѣ, увидѣвъ бѣгущихъ товарищей, быстро сбѣжали къ нимъ на встрѣчу, очевидно, желая узнать, въ чемъ дѣло, и были увлечены ихъ стремленіемъ. Болѣе опытные быки, не поддаваясь суетному любопытству, напротивъ, быстро карабкались на косогоръ, торопясь поскорѣе скрыться подъ надежную защиту лѣсной чащи.

Изъ-за крутого поворота дороги съ трескомъ вылетѣла длинная и узкая нарта, увлекаемая дюжиною черныхъ косматыхъ собакъ. Зубастые скакуны, привязанные попарно къ крѣпкому шестисаженному *потягу* изъ моржевого ремня, такъ и рвались впередъ. Двѣ человѣческія фигуры, уцѣпившись за дугу нарты, волоклись по сторонамъ, упираясь ногами и всѣмъ тѣломъ о каждую неровность дороги въ отчаянныхъ, но тщетныхъ стараніяхъ замедлить быстроту остервенѣлыхъ животныхъ. Собаки мчались впередъ, очертя голову, съ тихимъ, но зловѣщимъ

*) Печвакъ—молодой олень.

повизгиваніемъ. Пасти ихъ были раскрыты, глаза сверкали, какъ у волковъ. Наиболѣе рѣзвыя подпрыгивали по временамъ всѣми четырьмя ногами вдругъ и какъ то особенно дергались впередъ, стараясь перервать *свару* *). Другія, разстилаясь по землѣ, съ визгливымъ плачемъ вытягивали впередъ лапы, и цѣпко хватались за каждый бугорокъ, чтобы ускорить движеніе надоѣдливой нарты, тяжело волочившейся сзади.

Васька, кубаремъ скатившись съ косогора, ворвался въ потягъ и, схватившись обѣими руками за ремень, тоже распластался по снѣгу, волочась среди бѣгущихъ собакъ, какъ мѣшокъ съ рухлядью.

— То-ой, тоо-ой, то-о-ой! **)—выкрикивалъ онъ протяжно, стараясь успокоить упряжку. Эттыгинъ и другой чукча въ старой кукашкѣ и потертыхъ камусныхъ ***) шароварахъ, съ криками бѣжали на встрѣчу. Двѣ дѣвки, выколачивавшія пологъ, сбѣжали съ косогора и побѣжали вслѣдъ за оленями, издавая рѣзкіе гортанные крики, похожіе на хлопанье бича: хокъ! хокъ! хокъ! и стараясь спугнуть ихъ съ дороги, чтобъ прогнать наверхъ въ безопасную лѣсную чащу. Но обезумѣвшіе олени бѣжали все прямо, путаясь и сбиваясь, какъ прежде. Ихъ длинныя ноги дѣлали удивительные прыжки въ воздухѣ, унося ихъ отъ преслѣдователей. Собаки, видя, что добыча готова ускользнуть, взвыли съ отчаянія, еще наддали, напрягая послѣднія силы, очень удачно обогнули чукочъ, бѣжавшихъ навстрѣчу, но въ рѣшительную минуту невольно посторонившихся, и, словно невзначай, налетѣли на какого то горемычнаго печвака, который въ сотый разъ сбился съ колеи въ глубокій снѣгъ. Олень тотчасъ же былъ сбитъ съ ногъ и со всѣхъ сторонъ опутанъ потягомъ, нарта остановилась, люди и собаки смѣшались въ одну безпорядочную кучу. Внезапное появленіе этой свирѣпой упряжной своры, олени, безпорядочно разсыпавшіеся по дорогѣ и по прибрежнымъ косогорамъ, группа косматыхъ хищниковъ, копошившихся надъ добычей, и людей, старавшихся отнять добычу у собакъ, все это вмѣстѣ походило скорѣе на сцену изъ феэріи, чѣмъ на дѣйствительность.

Когда я подбѣжалъ, люди успѣли, наконецъ, одержать верхъ. Васька и другой маленькій человѣчекъ, одинъ изъ тѣхъ, которые волочились за дугой нарты, отводили въ сторону потягъ, чтобы подняться наверхъ по тропинкѣ, по которой мы только что спустились. Заѣденный олень, лежалъ на землѣ, подергиваясь въ послѣднихъ судорогахъ. Эттыгинъ быстро и сердито

*) Свара—крѣпкій ремешокъ, прикрѣпляющійся къ потягу.
**) Стой!
***) Камусъ—шкура съ оленьихъ ногъ.

лопоталъ по чукотски, проклиная русскую ѣзду и требуя платы за убитое животное.

Васька посмотрѣлъ на него недоброжелательнымъ взглядомъ.

— Опять мечтоваться сталъ! — сказалъ онъ по русски.— Это какой олень? Худенькій печвакъ развѣ олень!—И развѣ ты не хочешь ни разу накормить моихъ собакъ?

Другая фигура изъ волочившихся за нартой, облеченная въ длинный балахонъ изъ черной дабы, достигавшій до пятъ и надѣтый поверхъ вытертой *парки* *), копалась теперь въ грядкѣ **) нарты, что то отыскивая. Эттыгинъ хотѣлъ возразить Васькѣ, но голосъ его пресѣкся. Въ рукахъ этой фигуры онъ увидѣлъ круглую жестяную посудину съ узкимъ горлышкомъ, похожую на тѣ, въ которыхъ держатъ керосинъ, которую она немного приподняла и снова сунула внутрь, тщательно завернувъ ее въ старую ровдужную комлейку.

— Водочка!—осклабился Эттыгинъ. — Водочку привезли! Люблю водочку!—продолжалъ онъ, зажмуривая свои красные глазки, воспаленные отъ нестерпимаго снѣжнаго блеска, узкія щелки которыхъ совсѣмъ заплыли гноемъ. — Васька, это твоя водка! Поднеси!

— Какъ-да, поднесу! А печвака собакамъскормлю сегодня, а?—заискивающе говорилъ Васька.—Ты, вѣдь, мой другъ, а?

— Возьми!—сказалъ Эттыгинъ равнодушно, тыкая ногой упавшаго оленя.—Развѣ мнѣ жалко?

Глаза его были прикованы къ грядкѣ нарты.

— Анюша, налей чашку!—сказалъ Васька, подходя къ нартѣ. Фигура въ длинномъ балахонѣ, оказавшаяся его женой, достала изъ старой нерпичьей сумы бѣлую чайную чашку, осторожно освободила жестяное горлышко изъ-подъ комлейки, налила изъ него драгоцѣнную влагу и тотчасъ же заткнула его деревянной пробкой. Эттыгинъ выпилъ ее, какъ воду.

— Еще, еще! — схватился онъ обѣими руками за драгоцѣнную жестянку. Налей еще одну!

Анюша бросила на него звѣрскій взглядъ и, снова оттоткнувъ пробку, неохотно налила еще полчашки.

— Мишка, поѣзжай наверхъ! — сказала она своему спутнику, положивъ посудину на прежнее мѣсто. — Да собакъ покрѣпче привяжите! А то сорвутся, бѣда вѣдь! Они всѣхъ оленей передушатъ!

Мишка, молодой мальчикъ съ бѣлокурыми волосами, съ

*) Парка—длинный мѣховой балахонъ съ капюшономъ, надѣваемый большей частью поверхъ другой мѣховой одежды.

**) Грядка—задокъ собачьей нарты, оплетенный низенькой оградой изъ тонкаго ремня, натянутаго поперекъ перекладинъ.

красивымъ, но болѣзненнымъ лицомъ, окончательно повернулъ нарту къ подъему.

— Таймъ таймъ! Тахъ, тахъ, тахъ! — раздался рѣзкій окрикъ собачьей команды. Собаки полѣзли на косогоръ, направляясь къ стойбищу. Васька и Анюша пошли сзади.

— Почего пріѣхала?—спрашивалъ Васька довольно суровымъ голосомъ. Они не поздоровались съ женой во время ея пріѣзда, и теперь оба позабыли объ этомъ.

— Ѣды не стало, такъ пріѣхала!—угрюмо сказала баба. У насъ на Походской вискѣ сей годъ чистая бѣда! Наказаніе божеское! Ни у людей, ни у собакъ! Всѣ нарты упали! Про васъ услышала, сюда пріѣхала. Можетъ ты мнѣ хоть два оленчика убьешь!

— Я чѣмъ убью?—также угрюмо сказалъ Васька.—Чай, табакъ нѣту! Можетъ ты привезла!

— Мы сами давно не пьемъ!—возразила баба.—Когды себѣ *четверть* выпросила у Омчата. Съ тѣмъ и жила до сегодня. А табаку отъ роду!... Всѣ кисеты выкрошили, да выкурили!.. Братанъ пріѣхалъ изъ Средняго, четыре бутылки далъ, то привезла.

Мы поднялись на гору. Мишка уже былъ на стойбищѣ и, отвязавъ потягъ отъ *барана* *) нарты, привязывалъ его прямо къ одному изъ деревьевъ, стоявшихъ вблизи. Собаки, почувствовавъ себя на привязи, спокойно улеглись на снѣгу, свернувшись клубочкомъ. По ихъ теперешнему виду можно было заключить, что это самыя смирныя животныя на свѣтѣ. Чукчанки, въ виду пріѣзда гостей, поспѣшно снимали съ шестовъ сушившійся пологъ, намѣреваясь поставить его въ шатрѣ на обычное мѣсто, тѣмъ болѣе, что солнце близилось къ закату. Оттва накладывала куски мерзлаго мяса въ огромный котелъ, намѣреваясь варить ѣду. Другая жена Эттыгина, молодая высокая чукчанка съ мѣдно-краснымъ загорѣлымъ лицомъ, съ двумя тонкими синими линіями татуировки, выгравированными иглой и спускавшимися отъ вершины лба вдоль щекъ до самого подбородка, съ рубашечными пуговками въ ушахъ вмѣсто серегъ, съ тонкой ниткой мелкаго цвѣтного бисера на полуобнаженной шеѣ, сидѣла на корточкахъ и толкла мерзлое мясо большимъ каменнымъ молотомъ, настоящимъ орудіемъ каменнаго вѣка, приготовляя любимое кушанье чукочъ нэкійтахэнъ (мерзлое мясо, раздробленное на мелкія крошки).

Пологъ, натянутый на кольяхъ, уже принялъ обычную форму четвероугольнаго короба, опрокинутаго вверхъ дномъ. Бабы, ползая внутри, устилали землю двойнымъ рядомъ мохнатыхъ

*) Баранъ—передняя дуга, къ которой привязывается потягъ.

постелей, тщательно запихивая подъ нихъ нижніе края полъ. У самого входа онѣ положили два длинные и плоскіе мѣшка, набитые рухлядью, составившіе низкій барьеръ вродѣ порога, который долженъ былъ служить изголовьемъ для спящихъ (чукчи ложатся въ пологѣ головою къ выходу). Передняя пола была подобрана кверху, подвязана тонкими ремешками и неуклюжими складками спускалась внизъ вокругъ отверстія, назначеннаго для входа. Оттва положила на большую желѣзную сковороду цѣлую груду топленаго жира, лежавшаго широкими, тонкими пластами въ деревянномъ корытѣ, и зажгла толстую свѣтильню изъ размельченной гнилушки; *лейка* загорѣлась яркимъ и чистымъ пламенемъ, не дававшимъ копоти и напоминавшимъ пламя стеариновой свѣчи. Баба внесла ее въ пологъ и поставила на широкую деревянпую поддставу, на самомъ видномъ мѣстѣ, у задней стѣны, какъ разъ противъ входа.

— Войдите!—позвала она насъ, окончивъ всѣ приготовленія. Русскіе гости, иззябшіе на морозѣ, который усиливался по мѣрѣ приближенія вечера, торопливо полѣзли въ пологъ. Баба отвязала входную полу и опустила ее внизъ, наглухо закрывая тѣсное помѣщеніе. Пологъ наполнился бѣлыми клубами отъ дыханія, потемнившими даже свѣтлое пламя лейки, и сталъ быстро согрѣваться. Я понемногу сталъ снимать лишнюю одежду, стянулъ съ себя верхнюю кукашку, положилъ въ сторону ошейникъ изъ песцовыхъ хвостовъ, рукавицы изъ лисьихъ лапъ, подбитыхъ недопескомъ (молодой песецъ) и т. д.

Со двора пролѣзали все новые и новые гости, наполняя всѣ углы тѣснаго помѣщенія. Входившіе чинно садились, поджимая ноги и стараясь занимать какъ можно меньше мѣста. Я, какъ почетный гость, сидѣлъ у лейки, какъ разъ противъ Эттыгина, который моргалъ своими красными глазками, мнѣ на встрѣчу, стараясь не смотрѣть на пламя, сіявшее передъ самымъ носомъ. Русскіе гости усѣлись подлѣ меня, а чукчи подлѣ Эттыгина. Мы составляли двѣ группы, разбитыя по народностямъ и, нѣкоторымъ образомъ, противупоставленныя другъ другу.

Началось чаепитіе, составляющее у всѣхъ здѣшнихъ народовъ родъ предисловія къ ѣдѣ и дѣйствительно необходимое для того, чтобы согрѣться послѣ продолжительнаго пребыванія на сорока градусномъ морозѣ. Оттва достала изъ маленькаго деревяннаго ящика нѣсколько разнокалиберныхъ чашекъ съ отбитыми краями, тщательно завернутыхъ въ невообразимо грязную тряпку, нѣчто вродѣ старой бумажной шали, истертой до дыръ. Разставивъ посуду на большой чугунной жаровнѣ, служившей вмѣсто стола, она налила изъ небольшаго неказистаго чайника съ полуотломленнымъ носкомъ горячую черную жидкость, потомъ прибавила кипятку. Посуда Эттыгина не отлича-

лась многочисленностью. Кому не хватило чашекъ, тѣ пили изъ желѣзныхъ тарелокъ, изъ ковша, изъ сковороды, даже изъ старой пороховой жестянки со срѣзаннымъ верхомъ. Чукчи и русскіе жадно глотали горячую воду, стараясь наполнить драгоцѣнной теплотой всѣ поры своего тѣла. На дворѣ готовились все новые и новые запасы кипятку. Чай, вначалѣ очень крѣпкій, черный, какъ пиво, сталъ свѣтлѣть и скоро обратился въ чуть окрашенную водицу. Клубы горячаго пара, поднимавшіеся надъ чайникомъ, наполнили пологъ густымъ бѣлымъ туманомъ. Въ пологѣ стало тепло, потомъ жарко, потомъ наступила температура арестантской бани или тропическаго болота, наполненнаго міазмами. Распаривавшіеся чукчи снимали безъ церемоніи свои двойныя мѣховыя рубашки, обнажая крѣпкіе неуклюжіе торсы, по обыкновенію покрытые толстыми пластами грязи. Бабы и дѣвки вползали и выползали изъ полога, услуживая мужчинамъ, принимали самыя невѣроятныя позы, вытягивались во весь ростъ по землѣ снаружи, всовывали голову и правую руку въ пологъ, чтобы поспѣшно выпить чашку, и снова исчезали въ наружномъ мракѣ. Оттва, разливавшая чай въ пологу, разогрѣлась пуще мужчинъ и, передернувъ плечами, спустила съ правой стороны свой отрепанный кэркэръ, обнаживъ шею, черную, какъ голенище, и грязную грудь.

Васька съ безобразнымъ лицомъ, изъѣденнымъ оспой, съ вытекшимъ лѣвымъ глазомъ и плѣшивымъ затылкомъ, странно противорѣчившимъ его ухваткамъ женскаго любезника и удальца, сидѣлъ подлѣ меня. На плечахъ его красовалась ветхая красная рубаха, надѣтая еще осенью и уже достигавшая той роковой минуты, когда она должна была окончательно распасться на куски и расползтись въ стороны.

Жена его, съ широкимъ лицомъ и выдающимися скулами обычнаго на Колымѣ русско-юкагирскаго типа, съ маленькими черными глазами, лишенными бровей, съ широкимъ ртомъ и тонкими, почти совсѣмъ безкровными губами, съ жидкой, но грубой косичкой, какъ будто сплетенной изъ конскаго волоса, была облечена въ сѣрую юбку и какую-то затрапезную кофту, украшенную двумя огромными бѣлыми фарфоровыми пуговицами, похожими на игрушечныя колеса. Такихъ пуговицъ я никогда не видѣлъ въ Россіи. Онѣ дѣлаются неизвѣстно гдѣ, должно быть нарочно для Колымы, которая украшаетъ ими даже мужскія куртки и пиджаки, сшитые по модному образцу. Одежда Анюши была праздничнымъ нарядомъ, далеко превосходившимъ обычный балахонъ изъ синей дабы, облекающій плечи русской порѣчанки. Мишка помѣстился у самого входа и поминутно высовывалъ голову на свѣжій воздухъ. Онъ былъ слабъ головой и чувствовалъ себя нехорошо въ угарной атмосферѣ полога.

Люди на противуположной сторонѣ сидѣли гораздо тѣснѣе насъ. Эттыгинъ, притиснутый къ задней стѣнкѣ, чтобъ не ударить въ грязь предъ русскими гостями, надѣлъ на свое обнаженное тѣло, за неимѣніемъ рубашки, черный вицмундиръ, купленный имъ за дорогую цѣну у какого-то чиновника, въ гор. Среднеколымскѣ, невообразимо ветхій и рваный, но украшенный новыми желтыми пуговицами съ государственнымъ орломъ. Правительство не хотѣло пожаловать Эттыгина параднымъ кафтаномъ, и онъ самъ пожаловалъ себя имъ, въ видѣ этого вицмундира. Старая тетка Эттыгина, Отаутъ, поблекшая и изсохшая, съ морщинистымъ лицомъ, на которомъ чуть виднѣлись двѣ синія черты, нататуированныя лѣтъ 40 тому назадъ, сидѣла рядомъ, обхвативъ трясущимися руками чашку и поджавъ ноги, обутыя въ толстѣйшіе торбаса, съ оттопыренными *щетками* *). Возлѣ нея сидѣли два тунгуса, Егоръ и Апанай, пришедшіе въ гости изъ тунгусскаго стойбища, расположеннаго на той-же вискѣ, на версту повыше, которые всю зиму слѣдовали за чукчами, чтобы питаться крохами съ ихъ стола. Эти тунгусы не имѣли ровно ничего и безъ чукочъ давно умерли-бы съ голоду. Но Апанай не принадлежалъ къ этому стойбищу. Онъ пріѣхалъ нѣсколько дней тому назадъ, съ рѣки Алазеи, гдѣ у него было нѣсколько десятковъ собственныхъ оленей. Оба они считались самыми сильными шаманами въ ближайшей округѣ, особенно старый Егоръ, видавшій на вѣку всякіе вида, говорившій по русски и по якутски, бывшій когда-то богачёмъ, но давно пропившій все до послѣдняго оленя. Лицо его было совсѣмъ другого типа, чѣмъ у чукочъ, блѣдное, продолговатое, съ лукавыми глазами, съ длинными волосами, висѣвшими кругомъ головы безпорядочными космами. Онъ тоже снялъ кукашку, обнаживъ тѣло, тощее, какъ у комара, и, если возможно, еще болѣе грязное, чѣмъ у чукочъ. Апанай (Афонасій) былъ гораздо моложе. Глаза его дико горѣли. Взоръ то уходилъ внутрь, то недвижно останавливался, устремляясь куда-то вверхъ, черезъ головы сидѣвшихъ напротивъ людей, какъ будто присматриваясь къ чему-то невидимому для иныхъ взоровъ. Чукчи въ такія минуты боязливо поталкивали другъ друга, испуганно взглядывая по направленію этихъ странныхъ глазъ. Даже Васька, черезъ голову котораго взглядывалъ дикій шаманъ, раза два обернулся и внимательно осмотрѣлъ стѣну за своей спиной. Волоса Апаная были заплетены въ двѣ косы, упадавшія по плечамъ; онъ носилъ національную тунгусскую одежду и снявъ свой кафтанъ страннаго покроя, узкій на груди, и, украшенный внизу широкими

*) Подошвы чукотской зимней обуви дѣлаются изъ жесткихъ „щетокъ", облекающихъ подошву оленя, между верхними и нижними копытами.

оттопыренными полами, собранными въ крупныя складки, остался въ одномъ нагрудникѣ, подпиравшемъ шею и переходившемъ внизу въ четыреугольный передникъ, спитый изъ сѣраго камуса.

Дальше Апаная сидѣли трое молодыхъ парней, пастуховъ Эттыгина, который не любилъ лично присматривать за табуномъ. Поближе сидѣлъ Пуккаль, тоже считавшійся шаманомъ, — маленькій, приземистый, съ темнокоричневымъ лицомъ и гладкоостриженной, почти обритой головой, обрамленной спереди узкой полоской волосъ и украшенной двумя небольшими клочками, похожими на звѣриныя уши. Въ его ушахъ виднѣлись длинныя бисерныя подвѣски, спускавшіяся до плечъ. У Пуккаля было нѣсколько десятковъ собственныхъ оленей, и онъ жилъ у Эттыгина скорѣе въ качествѣ *подсусѣдка*, чѣмъ настоящаго работника. Тощій и долгій, Ранаургинъ, тотъ самый, который недавно хотѣлъ остановить собакъ вмѣстѣ съ Эттыгиномъ, сидѣлъ рядомъ, выставивъ костлявыя колѣни, съ продранными мѣховыми заплатами. Это было признакомъ крайней нищеты, ибо даже самые бѣдные изъ чукочъ не носятъ зимою потертой или изорванной одежды: шкуръ на тундрѣ много, и онѣ ничего не стоятъ. Но жена Ранаургина была подъ стать ему, хворая, безсильная, почти глухая, сильно хромавшая на одну ногу, совсѣмъ задавленная тяжелой долей чукотской женщины. Мужъ ея вѣчно ходилъ въ старой изорванной одеждѣ, ибо она никогда не могла во время приготовить ему новую, пологъ ея протерся до дыръ, собственный кэркэръ давно потерялъ всю шерсть и лоснился отъ сала. Самъ Ранаургинъ былъ бѣднѣе всякаго тунгуса: у него не было даже собственной пары пряговыхъ оленей, а между тѣмъ старый Рукквать, его отецъ, владѣлъ трехтысячнымъ табуномъ. Но Руккваата унесла «долгозубая старуха», прокочевавшая по тундрѣ на красныхъ оленяхъ десять лѣтъ тому назадъ (по просту говоря, оспа), и Ранаургинъ остался послѣ него маленькимъ десятилѣтнимъ мальчикомъ. Плохо охраняемый табунъ растаялъ, какъ комъ снѣга подъ майскимъ солнцемъ, и теперь сынъ Руккваата долженъ былъ изъ милости сторожить чужія стада, питаясь *худомозглыми* печваками, которые годились на пищу развѣ собакамъ, но всегда выпадали на долю его шатра при очередномъ убоѣ.

У входной стѣнки сидѣлъ Эуръ, маленькій, корявый, съ совершенно животнымъ выраженіемъ лица, съ большими оттопыренными ушами, какъ у летучей мыши. Полтора года тому назадъ, Эуръ высваталъ у Эттыгина дочь, обязавшись ему, какъ нѣкогда Яковъ Лавану, сторожить его стада въ теченіе трехъ лѣтъ. Но бракъ считался дѣйствительнымъ со дня договора, и молодая Тытынна (игла) спала не только съ Эуромъ,

но даже съ его другомъ Пуккалемъ, не имѣвшимъ собственной жены. Это случалось каждый разъ, какъ Эуръ уходилъ ночевать въ табунъ, т. е. по меньшей мѣрѣ пять разъ въ недѣлю, ибо Эура, выкупавшаго себѣ жену, нечего было щадить. Узы дружбы, соединявшей его съ Пуккалемъ, превратились, благодаря этой оригинальной формѣ брака, въ узы родства, дававшаго даже право наслѣдства послѣ нэутумгина (смѣннаго товарища по женѣ).

Лица чукочъ не отличались рѣзкостью признаковъ монгольской расы: глаза были прорѣзаны прямо, носы имѣли довольно почтенный размѣръ, но ихъ никакъ нельзя было назвать красавцами. Черты ихъ были грубы, словно вытесаны топоромъ, лица имѣли широкую лунообразную форму. Узкій, покатый лобъ уходилъ назадъ, переходя въ квадратный, словно приплюснутый черепъ, маленькіе глазки не имѣли никакого выраженія, широкіе рты часто разѣвались, обнажая крѣпкія клыкастыя челюсти, легко разгрызающія твердыя оленьи кости. Что то неуклюжее, несимметричное было въ каждой головѣ и въ каждой фигурѣ. Бѣглому взгляду казалось, что и руки, и ноги, и голова каждаго изъ нихъ прикрѣплены какъ то не у мѣста, или что у нихъ обѣ руки только лѣвыя и обѣ ноги тоже лѣвыя, и все тѣло состоитъ изъ двухъ лѣвыхъ половинъ, не совсѣмъ удачно пригнанныхъ другъ къ другу.

Чаепитіе продолжалось добрыхъ полтора часа. Когда, наконецъ, нѣсколько огромныхъ чайниковъ кипятку были опорожнены, Оттва допила всѣ остатки изъ разнообразныхъ сосудовъ, тщательно облизала чашки, собирая языкомъ всѣ крошки спитаго чая, завернула вытертую посуду въ ту же тряпку и бережно сунула ее въ ящикъ. Женская рука, просунувшись изъ подъ полы полога, протолкнула на середину огромную сковороду, на которой лежала цѣлая гора толченаго мерзлаго мяса. О ложкахъ не было и помину, гости ѣли руками, погружая ихъ въ порошкообразную массу и каждый разъ тщательно облизывая полурастаявшія крошки, приставшія къ концамъ пальцевъ. Между тѣмъ бабы на дворѣ, притащивъ изъ подъ горы печвака, назначеннаго на кормъ собакамъ, достали изъ него внутренности, намѣреваясь приготовить ихъ для параднаго угощенія. Когда мерзлое мясо было съѣдено, со двора стали слѣдовать одинъ за другимъ всевозможные виды hors d'oeuvre'овъ, быстро приготовленныхъ по всѣмъ правиламъ чукотскаго кулинарнаго искусства. Тутъ были и головной мозгъ, который Оттва разорвала на мелкіе кусочки своими черными, какъ сама грязь, руками и положила на тарелку, оленьи глаза, видъ которыхъ внушалъ содроганіе, большіе, круглые, съ кровавыми бѣлками и мелкими обрывками связокъ; почки и печень, нарѣ-

ванные ломтиками, носовые хрящи, мелко изрубленные ножомъ. Самое видное мѣсто занимали свѣжеободранныя ноги, которыя болѣе почетные гости разобрали по рукамъ и, вооружившись огромными ножами, стали отдирать и разгрызать жесткія связки съ искусствомъ и остервенѣніемъ, которыя сдѣлали бы честь любой собакѣ. Обглодавъ жилы, обѣдающіе стали разбивать спинкой тяжелаго ножа костяныя трубки для того, чтобы извлечь *комель* (костный мозгъ), составляющій наиболѣе драгоцѣнное лакомство чукотскаго мэню. Разбивъ кость, они обязательно передавали ее хозяйкѣ, которая вынимала круглую полоску мозга и, разорвавъ на кусочки прежнимъ порядкомъ, раздавала присутствующимъ.

Сама Оттва во всѣхъ этихъ лакомыхъ блюдахъ не принимала никакого участія и ограничивалась тѣмъ, что каждый разъ тщательно собирала крошки, остававшіяся отъ мужчинъ, и запихивала ихъ въ ротъ. Только старая Отаутъ, истинная владѣтельница большей части оленьяго стада, пасшагося вокругъ стойбища, сидѣвшая рядомъ съ Эттыгиномъ на почетномъ мѣстѣ, имѣла право ѣсть вмѣстѣ съ мужчинами.

Послѣ закусокъ послѣдовала серьезная трапеза. Цѣлая гора полусваренныхъ кусковъ мяса, наваленныхъ грудою на ту же сковороду, явилась среди полога. Баба срѣзывала куски мякоти, немилосердно тискaя и комкая мясо своими липкими руками, и крошила ее на кусочки, чтобы мужчинамъ было удобнѣе ѣсть. На долю женщинамъ оставались кости и объѣдки. Вмѣстѣ съ мясомъ женское населеніе проникло въ пологъ и, разобравъ кости, принялось глодать ихъ, выковыривая ножомъ малѣйшіе остатки изъ самыхъ сокровенныхъ закоулковъ позвонка или тазоваго вертлуга. Гора мяса на сковородѣ дважды исчезала и дважды появлялась вновь, пополняясь изъ невидимаго запаса такой же таинственой рукой, просовывавшейся въ пологъ снаружи. Очевидно, на дворѣ еще оставались бабы, которымъ не было мѣста въ пологѣ.

Чукчи ѣли съ торопливымъ остервенѣніемъ, съ какими то отвратительными всхлебываніями послѣ каждаго куска, яростно разгрызая зубами кости. Бабы разбивали спинкой ножа костныя трубки, чтобы извлечь оттуда мозгъ, который отдавали мужчинамъ, обсасывая только жиръ, текшій по пальцамъ.

— Отчего мало варили?—проворчалъ Эттыгинъ, снимая со сковороды послѣдній кусокъ.—Принесите хоть крови!

Черезъ минуту таинственная рука, принявъ опустѣвшую сковороду, протолкнула ее обратно въ пологъ, наполненную оригинальнымъ кушаньемъ изъ опаленныхъ губъ и копытъ, мелко накрошенныхъ и облитыхъ свѣжей кровью недавно убитаго оленя. Пастухи и бабы, которые чувствовали еще голодъ, дружно накинулись на вновь принесенное блюдо и скоро вы-

пачкались въ немъ до ушей, напоминая общество пирующихъ людоѣдовъ, только что опустошившихъ жилы закланной жертвы.

Эттыгинъ ѣлъ неохотно. Мысли его были чѣмъ-то поглощены.

— Гдѣ Васька?—спросилъ онъ вдругъ.

Я уже нѣсколько минутъ чувствовалъ, что мнѣ стало свободнѣе сидѣть, и теперь понялъ, что это произошло отъ удаленія Каурова, который очень ловко выскользнулъ изъ полога.

Анюша скорчила недовольную гримасу.

— Гдѣ будетъ? *Оннако* у нарты стоитъ, съ фляжкой цѣлуется!—проговорила она по русски. Эттыгинъ, почти ничего непонимавшій по русски, всетаки утвердительно кивнулъ головой. Онъ хорошо зналъ и самъ, куда могъ скрыться Васька. Не говоря ни слова, онъ натянулъ свою кукашку на голову и торопливо скользнулъ изъ полога. Только бѣлыя пятки его сверкнули передъ глазами. Сосѣди не обратили вниманія на его исчезновеніе и продолжали пировать надъ сковородой. Пологъ былъ наполненъ запахомъ пота, вонью распарившагося человѣческаго тѣла, испареніями горячей пищи, промозглымъ зловоніемъ оттаявшихъ оленьихъ шкуръ и еще Богъ знаетъ, какими запахами. Короткіе сѣрые волосы оленьей шерсти носились повсюду, являясь необходимой приправой къ каждому блюду, прилипая къ потному тѣлу, залѣзая въ уши и въ носъ. Дышать было нечѣмъ. Мишка высунулъ голову изъ полога наружу и такъ и остался въ этомъ положеніи, не рѣшаясь вернуться обратно. Я кое какъ проползъ къ выходу и, приподнявъ край шкуры, тоже высунулся на улицу, обдаваемый ледянымъ дыханіемъ сорока градуснаго мороза. Но моя голова была крѣпче Мишкиной, и я разсудилъ вернуться къ покинутымъ мною сосѣдямъ, тѣмъ болѣе, что наши вытянутыя рядомъ тѣла сильно стѣсняли Анюшу, сидѣвшую въ промежуткѣ. Отсутствіе Эттыгина продолжалось недолго. Но когда онъ вернулся, въ его лицѣ и манерахъ была замѣтна явственная перемѣна. Забравшись въ пологъ, онъ вмѣсто того, чтобы сѣсть, выпрямился во весь свой, впрочемъ, очень маленькій ростъ, подпирая головой невысокую крышу.

Одна нога его попала въ самую середину сковороды и скользнула по размазанной крови, упираясь носкомъ въ желѣзные края. Ранаургинъ посмотрѣлъ съ упрекомъ вверхъ, но сказать ничего не рѣшился, только принялся усиленно выгребать пальцами остатки крови изъ подъ жесткой щетинистой подошвы сапога. Но Эттыгину было мало того, что онъ самъ стоялъ на сковородѣ.—«Встаньте!»—сказалъ онъ повелительно. Не долго думая, онъ опустилъ внизъ руки и, поймавъ за волосы двухъ ближайшихъ сосѣдей, потянулъ ихъ кверху. Остальные не заставили себя просить и встали сами. Ранаургинъ въ

послѣдній разъ провелъ ладонью по сковородѣ и, забравъ сколько могъ крови, всталъ на ноги и принялся тщательно облизывать свою руку. Я равнодушно смотрѣлъ на группу, стоявшую передо мной въ самыхъ нелѣпыхъ позахъ, подъ низенькой крышкой полога. Каждый разъ, когда Эттыгинъ напивался, онъ продѣлывалъ передо мной ту-же самую сцену.

— Великій начальникъ!—сказалъ Эттыгинъ.—Открой намъ свое ухо! Мы всѣ стоимъ передъ тобой, и у насъ во рту одинъ языкъ! Мы хотимъ просить великою просьбою на русскихъ гостей, которые пріѣзжаютъ къ намъ за торгомъ! Ты напиши наше слово на большую бумагу и пошли ее *Тірк—Эрэму* *), чтобы онъ узналъ объ обидѣ своихъ людей. Сердитая вода—худая вода, и люди на тундрѣ всѣ обѣднѣли отъ нея. На *Камень* мало ѣздятъ русскіе купцы, и всѣ люди тамъ богаты оленями, а мой народъ сталъ бѣденъ... Зачѣмъ купцы возятъ водку? Глаза увидятъ, душа захочетъ, тогда нэмнэмъ **) отдастъ все!

Онъ долго говорилъ на эту тему, кланяясь и заставляя кланяться другихъ, которые, впрочемъ, и безъ того стояли, сильно наклонившись впередъ.

Я безстрастно слушалъ рѣчи Эттыгина, не считая даже за нужное повторять мое прежнее увѣреніе, что я вовсе не великій начальникъ и не уполномоченъ принимать такія жалобы. Я ожидалъ, когда онъ закончитъ свою рѣчь послѣдней заключительной просьбой, а именно попроситъ, чтобы я угостилъ его хоть получашкой водки, ибо умъ «великаго начальника» хорошо знаетъ, гдѣ ее можно найти, и сердце его можетъ потребовать ее, напримѣръ, отъ казака, который не смѣетъ противиться начальству, такъ какъ онъ казакъ и получаетъ паекъ и т. д. Но услышать обычное заключеніе пьяныхъ жалобъ чукотскаго старосты мнѣ не пришлось на этотъ разъ. На дворѣ раздался оглушительный вой дюжины собачьихъ глотокъ Мишкиной упряжки, которому вторили разсѣянные голоса чукотскихъ собакъ, привязанныхъ тамъ и сямъ у опрокинутыхъ саней. Парни, сунувъ головы въ кукашки, проворно нырнули изъ полога. На стойбищѣ всегда можно опасаться нападенія волковъ на оленье стадо, и пастухамъ приходится вѣчно быть насторожѣ.

Но на этотъ разъ переполохъ произошелъ не отъ волковъ. Ку-ухъ! ку-ухъ!—послышалось протяжное *гарканье* ***), сопро-

---

*) Тірк-Эрэм—Солнечный Владыка, т. е. Государь.

**) Нэмнэмъ—житель. Этимъ именемъ чукчи часто обозначаютъ самихъ себя.

***) Собаками управляютъ посредствомъ особыхъ разнообразныхъ окриковъ, совокупность которыхъ называется гарканьемъ.

вождаемое мягкимъ шуршаніемъ *навойданныхъ* *) полозьевъ по снѣгу. Черезъ минуту Пуккаль подбѣжалъ къ пологу, наскоро просунулъ голову внутрь и, радостно сообщивъ: «Хечька пріѣхалъ, водку привезъ!»—такъ же быстро исчезъ вновь. Черезъ нѣсколько минутъ въ пологъ проползъ новый гость, высокій, плотный человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ лицомъ тоже крайне обезображеннымъ оспой, повредившей, какъ и у Васьки, лѣвый глазъ. То былъ Ѳедоръ Ошеловъ, извѣстный на тундрѣ подъ именемъ Хечьки (Ѳедька), одинъ изъ мелкихъ скупщиковъ выпоротка, песца и прочей чукотской пушнины. Ѳедька былъ мастеръ на всѣ руки: и промышленникъ, и собачій каюръ, и даже борецъ, съ молоду очень любившій участвовать въ состязаніяхъ, до которыхъ и чукчи, и тунгусы большіе охотники. Среди неуклюжихъ чукочъ и тощихъ тунгусовъ его статная фигура производила пріятное впечатлѣніе, почти выкупавшее безобразіе рябого лица.

Даже среди нижнеколымскихъ порѣчанъ Ѳедоръ выдавался пристрастіемъ къ карточной игрѣ, за которой проводилъ дни и ночи полярной зимы, когда порѣчанину и дѣлать то больше нечего. Онъ считался великимъ искусникомъ «козла» и собиралъ въ теченіи зимы посильную дань со всѣхъ своихъ партнеровъ, разныхъ казаковъ и мѣщанъ, живущихъ въ крѣпости по сосѣднимъ заимкамъ. Но весной, во время пріѣзда на анюйскую ярмарку купцовъ и властей изъ Среднеколымска, онъ каждый разъ отдавалъ всю эту дань «столичнымъ» игрокамъ, съ значительной приплатой изъ собственнаго кармана. Въ свободное отъ картъ время Ѳедоръ занимался мелкой торговлей на тундрѣ, кредитуясь для этого у среднеколымскихъ купцовъ на нѣсколько сотъ рублей.

Не смотря на выгодность этой торговли, имѣвшей впрочемъ очень незначительные размѣры, барышей съ нея не хватало даже для пополненія карточныхъ дефицитовъ, и Ѳедоръ сводилъ концы съ концами только благодаря торговлѣ водкой, въ которой онъ спеціализировался и которая въ нижнеколымскомъ округѣ даетъ барыши по истинѣ громадные. Въ Нижнеколымскѣ, собственно говоря, продажа спиртныхъ напитковъ воспрещена, но Ѳедоръ ежегодно выписывалъ двѣ или три фляги**) спирту «для собственнаго потребленія», разсыропливалъ ихъ содержимое водой и на каждой бутылкѣ наживалъ 300 или 400 процентовъ барыша.

Ѳедоръ пролѣзъ на почетное мѣсто и сѣлъ рядомъ съ Эттыгиномъ, оттѣснивъ старую тетку. Въ пологъ набилось народу

---

*) Полозья собачьей нарты обмываютъ водой на морозѣ (войдаютъ) предоставляя имъ покрываться тонкимъ слоемъ плотно пристававшаго льда чтобы уменьшить треніе при ѣздѣ.

**) Плоскій деревянный сосудъ, вмѣщающій 3 ведра.

больше прежняго. Пуккаль и Ранаургинъ тоже вернулись вслѣдъ за Ѳедькой, только Эура не было: онъ ушелъ, по обыкновенію, «въ ночное».

Собаки, завывавшія на дворѣ, очевидно, обрадовались поводу дать одинъ изъ тѣхъ ужасныхъ концертовъ, о которыхъ не слышавшій не имѣетъ никакого понятія. Ѳедькины собаки тоже присоединились къ дикому хору. Три десятка визгливыхъ глотокъ, надрываясь отъ усердія, издавали ужасающіе звуки, способные потрясти небо и землю. Старые псы лаяли отрывистымъ хриплымъ басомъ. Молодые щенки выводили тончайшимъ фальцетомъ унылыя, безконечно долгія рулады, надрывавшія душу и улетавшія въ недосягаемую высоту. То былъ чудовищный гимнъ дѣтей мрака, воспѣвавшихъ свое иго и морозныя узы. Я готовъ былъ заткнуть уши и забиться головою подъ шкуры, чтобы не слышать его...

— Здравствуй, другъ!—сказалъ Ѳедоръ, совершивъ церемонію привѣтственнаго прикладыванія щекъ крестъ на крестъ, замѣняющую поцѣлуй на тундрѣ.—Тебя давно не видалъ, соскучился, повидать пріѣхалъ!—говорилъ онъ льстивымъ голосомъ, изображая сладкую улыбку на своемъ хитромъ лицѣ.

— А гостинца привезъ?—спросилъ Эттыгинъ, который, повидимому, не могъ думать ни о чемъ другомъ, кромѣ водки.

— Другу да не привезу?—отвѣтилъ Ѳедоръ и, вытащивъ изъ за пазухи зеленую бутылку, передалъ ее Эттыгину.

Бутылка была весьма коварнаго свойства. По виду она совсѣмъ походила на *шампанку*, но была меньше ея объемомъ, съ короткимъ горлышкомъ и огромнымъ выемомъ на днѣ, значительно уменьшавшимъ ея вмѣстимость.

Но подслѣповатые глазки Эттыгина сразу оцѣнили коварство бутылки.

— Зачѣмъ маленькую бутылку привезъ?—зарычалъ онъ, схвативъ, однако, подарокъ и прижимая его къ груди обѣими руками.—Зачѣмъ не привезъ большую?.

— А ты мой тятя!—смиренно возразилъ Ѳедоръ.—Я передъ тобой все равно собака! Сказалъ: большую, въ другой разъ привезу большую. Теперь иной посуды дома не случилось!

Эттыгинъ налилъ чашку и выпилъ ее залпомъ.

— Посмотримъ!—сказалъ онъ,—какая водка! И, намочивъ палецъ прямо изъ бутылки, поднесъ его къ огню. Голубоватое пламя вспыхнуло около пальца.

— Не жжетъ!—сказалъ Эттыгинъ.—Вотъ я изъ Средняго взялъ флягу да пробовалъ, такъ палецъ горитъ вмѣстѣ. Вотъ водка!

— Видишь, какъ бредитъ!—сказалъ Васька. Это надъ подаркомъ такъ согнущается! Сказано, нехристь!

Өедоръ только покачалъ головой и не отвѣтилъ ни слова.

Началась попойка. Эттыгинъ пилъ съ собачьей жадностью, но считалъ за нужное угощать также почетныхъ гостей, хотя, подъ предлогомъ большого почета, поилъ ихъ не изъ чашки, а изъ мѣдной чарки, которую велѣлъ бабѣ достать изъ посуднаго ящика. Я рѣшительно отказался отъ вонючей сивухи, способной возбудить рвоту, при первомъ глоткѣ. Васька тоже долго отнѣкивался, потомъ выпилъ. Выпили и Өедоръ, и Егоръ, и старая Отаутъ. Эттыгинъ началъ пьянѣть, и буйство его дикой природы проснулось и вырывалось наружу. Ему хотѣлось задирать всѣхъ и каждаго. Но на первый разъ онъ счелъ за лучшее начать съ низшихъ членовъ общества.

— Ранаургинъ, ты худой человѣкъ! — заговорилъ Эттыгинъ.—Ты мое мясо ѣшь, ты худой человѣкъ! Отчего ты не въ табунѣ? Ты всегда хочешь сидѣть въ пологу! Каждую ночь спать съ бабой! Съ бабой спать станешь, какой пастухъ будешь?..

Ранаургинъ не отвѣчалъ ни слова.

— Ты воръ!—продолжалъ Эттыгинъ, повысивъ діапазонъ обвиненій.—Ты у меня укралъ десять оленей и отдалъ ихъ Ванчеру. Ты тунгусовъ къ моимъ оленямъ прикармливаешь!.. Твое сердце не любитъ оленей. Ты слишкомъ любишь спать! Дома съ бабой спишь, въ табунъ придешь, спишь!.. Худой человѣкъ! Лѣнивыя ноги, незрячіе глаза, тяжелая поясница!

Руккватовъ сынъ молчалъ и, кажется, плохо слушалъ слова хозяина. Все время онъ, не отрываясь, смотрѣлъ жадными глазами на зеленую бутылку, которая быстро пустѣла и изъ которой ему не досталось ни капли.

— А ты, Пуккаль, ѣздилъ на Анюй?—продолжалъ Эттыгинъ, обращая свое нападеніе на новое лицо.—Зачѣмъ даромъ оленей гонялъ? Зачѣмъ ничего не привезъ оттуда? Ни бѣличьяго хвоста, ни лисьей лапы! Два мѣсяца даромъ провелъ! Худой человѣкъ! Пустой человѣкъ! выпотрошенный желудокъ!

Пуккаль низко опустилъ голову и тряхнулъ своими длинными подвѣсками. Но Эттыгинъ умилостивился и налилъ ему чарку. Онъ опрокинулъ ее въ ротъ и хотѣлъ уже проглотить ея содержимое, какъ вдругъ его остановила рука Ранаургина, безмолвно требовавшаго своей доли.

Пуккаль безпрекословно выпустилъ изо рта часть водки обратно въ чарку и подалъ ее Ранаургину.

— Васька!—закричалъ Эттыгинъ, чувствовавшій все большую и большую злобу.—Давай водки! Ты много дней мою ѣду ѣшь! Пой меня водкой! Не то убирайся вмѣстѣ со своей бабой, на свою голодную землю!

Васька посмотрѣлъ на него злыми глазами.

— *Йау, йау!* *) — сказалъ онъ; однако, не тронулся съ мѣста.

— Вы нищіе!—кричалъ Эттыгинъ,—вы всѣ только нашу ѣду ѣдите! Дай водки, Васька! Сейчасъ!! Принеси!!..

— Хорошо!—отвѣтилъ Васька, но взглянулъ на него еще свирѣпѣе. У русскихъ принято въ разговорѣ не противорѣчить чукчамъ, что бы они ни говорили. Тѣмъ не менѣе, не смотря на утвердительные отвѣты Васьки, видно было, что еще одинъ окрикъ со стороны Эттыгина—и начнется драка.

— Анюша! — началъ опять Эттыгинъ.—Дай рыбки! хочу ѣсть рыбку! Тащи! У тебя есть! Вотъ сковорода! Сейчасъ принеси!.. Кроши!..

Дикій человѣкъ расходился и сознавалъ себя властелиномъ.

— Я всѣхъ голодныхъ кормлю! Я русаковъ сорокъ лѣтъ кормилъ, самъ бѣденъ сталъ! Кормите меня рыбкой! Больше не дамъ оленины!..

Анюша посмотрѣла на него еще злѣе, чѣмъ ея супругъ.

— Я въ первый разъ вижу этотъ твой домъ! — возразила она сердито.—Зачѣмъ ты говоришь понапрасну такъ много словъ? Охъ жалко, я настояще не знаю по чукотски! Я-бы тебя выговорила!—прибавила она уже по русски.

Женщина оказалась бойчѣе мужчинъ.

— Чтожъ дѣлать? подхватилъ Ѳедоръ. — Какъ мы, значить, всѣ имъ подвластны. Потому промышляй, не промышляй, до весны все равно не хватитъ. А тутъ еще собаки. Безъ оленей наплачешься. Такъ ужъ намъ надо угождать имъ!..

Но Эттыгинъ уже перешелъ къ другому предмету.

— Лаымэръ! **) — обратился ко мнѣ неукротимый старикъ.—Ты все пишешь!... Напиши коммиссару ***), чтобы онъ моихъ триста оленей отдалъ! Уже десять лѣтъ, какъ я заплатилъ сто оленей, да Эункэу по моему слову далъ сто, да сто отдалъ Аттанъ. Все равно я далъ всѣ триста! А кафтана все нѣтъ, да нѣтъ. Говорятъ, на будущій годъ! А я считаю, что онъ совсѣмъ не написалъ Тірк-Эрэму, что чукотскій староста Эттыгинъ отдалъ голоднымъ русскимъ триста оленей... Это все равно, что у меня украли! Не даютъ кафтана, давайте оленей назадъ!.. Ой! будемъ шумѣть!—неожиданно крикнулъ онъ.—Будемъ кричать! Сегодня праздникъ! Водка есть! У Хечьки есть! У Васьки есть! Много есть!.. Лаымэръ, давай сухарей и сахару!..

Я насыпалъ на тарелку жесткихъ ржаныхъ сухарей, изъ моего скуднаго дорожнаго запаса. Попойка разыгрывалась.

---

*) Ужо ужо!

**) Владиміръ.

***) Чукчи называютъ исправника, по старой памяти, коммиссаромъ.

Өедоръ принесъ боченокъ, въ которомъ было еще три бутылки, и отдалъ его Эттыгину. Даже Пуккаль успѣлъ напиться и дикимъ голосомъ вопилъ какую-то нелѣпицу, воспѣвая лейку и стѣны полога, боченокъ водки и рюмку, которую держалъ въ рукахъ. Я, молча, наблюдалъ за дѣйствіями всей подпившей компан!и.

— Вася!—сказалъ Өедоръ.—Надо веселить барина! И мы запоемъ!

— Запоемъ! согласился Васька. — Только стару пѣсенку! Баринъ стары пѣсни любитъ!

И, откинувъ назадъ голову, онъ затянулъ тончайшимъ фальцетомъ и жалобно наивный мотивъ «Скопиной пѣсни».

Скопину да его мати приговаривала:
Ты не ѣзди, Скопинъ, во каменну Москву и т. д.

Странно и печально зазвенѣла пѣсня древней Москвы, полная отраженіемъ чувствъ и впечатлѣній совершенно иного порядка, среди этой грубой обстановки, вылетавшая изъ устъ порѣчанина, почти такого же дикаря, какъ и окружавшіе его чукчи. Какъ будто внезапный лучъ свѣта прорѣзался среди безобразной мглы, въ которой погрязъ и я самъ, и все окружающее меня.

Но Васькѣ не пришлось допѣть до конца свою пѣсню.

Общее вниманіе привлекъ на себя тунгусъ Егоръ, который, подвыпивъ, расхвастался своимъ шаманскимъ искусствомъ:

— Я великій шаманъ! — кричалъ онъ. — Истыкайте меня всего ножами! Вотъ мое брюхо! распорите его ножомъ! Мнѣ все нипочемъ! Я живой буду! Только на столъ положите сто рублей! Вотъ мое брюхо! Колите ножомъ! Я не боюсь! Пропаду, пускай! Ладно!.. По крайней мѣрѣ у моихъ дѣтей ѣда будетъ!—закончилъ онъ не совсѣмъ логично.

— Выпей водки!—приставалъ къ нему Эттыгинъ.

— Мнѣ водки не надо, мнѣ надо ѣду, — закричалъ тунгусъ, однако съ жадностью схватилъ чарку и выпилъ что то ужъ въ десятый разъ.

— Какую тебѣ ѣду?—завизжалъ Эттыгинъ.—Вы, тунгусы, и такъ, какъ собаки, вытаскиваете мясо изъ нашего котла! Васъ убить надо!

Молодой тунгусъ, державшій въ рукахъ рюмку и собиравшійся ее выпить, рѣзкимъ движеніемъ бросилъ ее на сковороду.

— Ты чего кричишь? — спросилъ онъ тихимъ, но зловѣщимъ голосомъ:—Хочешь я тебя *съѣмъ?*

— Зачѣмъ ты льешь водку, мэрекичкинъ тури! *) — заревѣлъ Эттыгинъ.

— Сердце у тебя выну и скормлю собакамъ,—возвысилъ

*) Ругательство равносильное русскому: «Будь ты проклятъ».

голосъ тунгусъ. — Душу твою разорву на четыре части и разбросаю по сторонамъ!

Эттыгинъ разсвирѣпѣлъ.

— Ты кэля! *)—завопилъ онъ не своимъ голосомъ.—Я тебя зарѣжу!—И, схвативъ полуаршинный ножъ, лежавшій на шкурѣ подлѣ него, онъ бросился на тунгуса.

— Будетъ тебѣ, дьяволъ! — сказалъ Ѳедоръ по-русски и ловкимъ движеніемъ выбилъ ножъ изъ его нетвердой руки.— Ты чего, ыкыргаулинъ **) что ли? рѣзать людей задумалъ?— сказалъ онъ Эттыгину.

Эттыгинъ сразу утихъ.

— А зачѣмъ онъ водку проливаетъ? — бормоталъ онъ. — Здѣсь не Якутскъ! Водка дорога!

И, поднявъ сковороду на уровень своего рта, онъ выхлебнулъ изъ нея пролитую водку, смѣшанную съ остатками крови и цѣлой кучей оленьей шерсти.

— Якутскъ далеко!—повторилъ онъ, улыбаясь, и посмотрѣлъ побѣдоносно по сторонамъ, какъ будто совершивъ какой то подвигъ.—Тебѣ какая ѣда нужна?—обратился онъ опять къ Егору, что то припомнивъ.—А куда ты дѣлъ семьдесятъ оленей, которыхъ получилъ отъ моего брата за дѣвку? Неужели всѣхъ проигра́лъ въ карты?

— Полно безумное говорить! — разсердился Егоръ. — И одного не проигралъ въ карты! Все на водку ушло и теперь на водку идетъ! Полно кричать! Хочешь пить? Вотъ моя бутылка! Пей!

И онъ поставилъ на столъ бутылку, вынутую изъ-подъ полы, которую успѣлъ пріобрѣсти отъ Васьки, какъ послѣ я узналъ, въ обмѣнъ за одного изъ десяти пряговыхъ оленей, еще уцѣлѣвшихъ у него отъ прежняго табуна.

Пирующіе приходили и уходили. Только Ранаургинъ не слѣдовалъ за ними и печально сидѣлъ въ опустѣвшемъ пологу. Васька тоже остался и пододвинулся къ сыну Рукквата.

— Зачѣмъ это Эттыгинъ съ тобой такъ худо разговариваетъ?—подзадоривалъ онъ молодого пастуха.—Пьяный худо разговариваетъ, трезвый худо разговариваетъ... Зачѣмъ слушаешь, какъ тебѣ говорятъ худыя слова, будто ты дѣвка?..

Ранаургинъ поддакивалъ, но плохо слушалъ слова Васьки. Онъ думалъ о боченкѣ, который унесли изъ полога, и соображалъ, сколько тамъ еще осталось и достанется ли на его долю

---

*) Кэля—злой духъ.

**) Ыкыргаулинъ—рогатый. Такъ называютъ чукчи эскимосовъ, живущихъ на островахъ у Берингова пролива, которые имѣютъ обыкновеніе вставлять куски кости по сторонамъ рта въ обѣ щеки. Ыкыргаулины пользуются славой свирѣпыхъ воиновъ, пиратовъ и вообще людей, склонныхъ къ кровопролитію.

хоть нѣсколько капель. У чукоч считается большой обидой, если при выпивкѣ кому нибудь изъ присутствующихъ не поднесутъ ни капли, хотя бы на столько, чтобы замочить усы.

Пьяная компанія вернулась и продолжала попойку. Только Апаная не было.

— Давайте бороться! — кричалъ Егоръ. — Даромъ я тунгусъ, а давайте бороться! Я хоть старый человѣкъ, а постою за себя!

— Э, врешь! Русскіе лучше васъ!—сказалъ Ѳедоръ, блеснувъ единственнымъ глазомъ.—Если станемъ бороться, да мы всю землю вашей спиной вымѣряемъ! Вотъ давайте лучше побѣжимъ до Лакеева объ закладъ, кто кого покинетъ! Ставлю десять рублей! А станемъ бороться, да мы отъ васъ лоскутьевъ не найдемъ!.. Правда Васька? — спросилъ онъ казака.

Будь здѣсь какіе нибудь чукчи поудалѣе, дѣло не обошлось бы безъ драки, но, какъ нарочно, Эттыгинъ и его пастухи были люди слишкомъ ничтожные, чтобы состязаться съ Ѳедькой.

— Ты, Пуккаль, слушай и молчи! — ядовито заговорилъ Эттыгинъ.—Когда русскіе говорятъ, ты молчи и бойся, потому что они лучше тебя. Когда русскіе и тунгусы говорятъ тебѣ съ обидой, ты молчи и бойся, какъ трусливая дѣвка!

Но Пуккаль дѣйствительно молчалъ, несмотря на всѣ поддразниванія старика.

— Гдѣ Апанай? — вдругъ спросилъ Эттыгинъ съ замѣтнымъ безпокойствомъ.—Почему онъ не пьетъ съ нами? Пойдемъ искать его!

Вся толпа опять вылѣзла изъ полога. Я послѣдовалъ за ними. Апаная мы нашли въ сосѣднемъ пологу, гдѣ онъ сидѣлъ у лейки и угощалъ самъ себя водкой изъ чашки, которую ему удалось купить у казака. Онъ наливалъ изъ чашки нѣсколько капель въ рюмку, ставилъ ее на тарелку, потомъ приглашалъ самъ себя выпить, какъ будто обращаясь къ постороннему лицу, бралъ рюмку, подносилъ ее ко рту съ невнятнымъ бормотаніемъ и дѣлалъ медленный глотокъ. Все это имѣло цѣлью по возможности продолжить наслажденіе напиткомъ, ибо въ чашкѣ оставалось уже очень мало.

Однако, увидѣвъ эти манипуляціи, Эттыгинъ замѣтно струсилъ.—«Не надо худое думать!—заискивающе сказалъ онъ шаману.—Лучше выпей!» И онъ налилъ большой чайный стаканъ и поднесъ его Апанаю.

— И боченокъ тоже твой! Онъ поставилъ деревянный боченокъ около шамана на оленью шкуру, предварительно встряхнувъ его, чтобы доказать, что въ немъ есть еще водка.

Апанай величественно принялъ стаканъ.

— То-то!—сказалъ онъ.—Не надо слишкомъ много говорить! Пей да молчи! А съ шаманами не ссорься. — Пойдемъ

опять въ твой пологъ!—прибавилъ онъ, мимоходомъ допивая и свою чашку и подхвативъ боченокъ подъ мышку. Мы вернулись въ пологъ Эттыгина, который все таки былъ больше. Попойка дошла до апогея.

Егоръ припалъ ко мнѣ на грудь и совалъ мнѣ въ ротъ свои мокрые усы, вонявшіе сивухой.

— Начальникъ!—говорилъ онъ.—Я знаю, ты хочешь ѣхать далеко. Дай мнѣ четыре рубля, и я призову тебѣ на помощь всѣхъ своихъ духовъ. И того, что клокочетъ, какъ щеглокъ, и того, что каркаетъ, какъ воронъ, и того, что стучитъ, какъ желна, и того, что кичетъ, какъ лебедь!.. Ты вѣдь знаешь!

Я дѣйствительно зналъ, что духи тунгусскихъ шамановъ обладаютъ всевозможными птичьими голосами.

Компанія мало по малу расходилась, одолѣваемая опьяненіемъ и сномъ. Мишка, который все время смотрѣлъ на эти дикія сцены широкораскрытыми, немного испуганными глазами, задремалъ въ уголку, съежившись, какъ котенокъ. Ѳедоръ ушелъ спать въ пологъ Эура.

Оттва уложила въ другомъ углу двухъ своихъ маленькихъ сыновей и приготовляла ложе для своего властелина. Васька и Анюша легли тутъ же рядомъ. Я кое какъ примостился, протянувъ ноги къ тому углу, гдѣ скорчился Мишка. Егоръ сѣлъ посреди полога, на небольшомъ мѣстечкѣ у лейки, которое обыкновенно оставляется не занятымъ, и объявилъ, что тоже хочетъ остаться здѣсь и будетъ спать сидя.

Устроивъ ложе, т. е. расправивъ барьеръ изъ мѣшковъ, служившій изголовьемъ, и притащивъ огромное одѣяло изъ толстыхъ оленьихъ шкуръ, Оттва привела откуда то Эттыгина, стащила съ него одежду и стала укладывать его, какъ ребенка.

Но у Эттыгина были совсѣмъ другіе планы.

— Не хочу съ тобой спать!—кричалъ расходившійся старичишка.—Ты старая! У тебя кожа сморщилась, какъ опаленная ровдуга *). Пойду къ ламуткѣ! Пусть у меня будетъ три жены!—И, откинувъ одѣяло, онъ, совершенно нагой, быстро выползъ изъ полога.

Васька безпокойно заворочался съ боку на бокъ.

— Ты главная жена!—сказалъ онъ бабѣ, которая лежала въ нерѣшимости, не зная, что предпринять.—Ты ему столько дѣтей нарожала, а онъ тебя покидаетъ для какой то ламутской шлюхи!

Слова его вывели Оттву изъ нерѣшительнаго состоянія. Сбросивъ въ свою очередь одѣяло, она предстала предъ нами во всемъ ужасѣ своей наготы, какъ чукотская венера, выходящая изъ груды оленьихъ шкуръ, и, не обращая на насъ

*) Замша, выдѣланная изъ оленьей кожи.

особаго вниманія, стала подвязывать длинные оборы своихъ мѣховыхъ сапогъ, потомъ натянула на себя свое просторное платье и, въ свою очередь, вышла изъ полога въ погоню за невѣрнымъ мужемъ. Черезъ нѣсколько минутъ она вернулась, таща Эттыгина за загривокъ, какъ кошка тащитъ котенка. Онъ по прежнему былъ нагъ, какъ Адамъ до грѣхопаденія.

— Спи тутъ!—сказала она, съ силой бросая его на прежнее мѣсто.

— Харэм, Харэм, Харэм! Не стану, не стану, не стану!—кричалъ Эттыгинъ.—И онъ опять нырнулъ изъ подъ одѣяла.

— Ты отчего убѣгаешь?—сказалъ Егоръ со смѣхомъ ему въ догонку.

Но Эттыгинъ не слушалъ увѣщаній. Это была отвратительная, а вмѣстѣ съ тѣмъ забавная сцена: три раза Эттыгинъ убѣгалъ къ ламуткѣ, и три раза Оттва извлекала его изъ запретнаго Эдема и водворяла на законное мѣсто.

Не дожидаясь окончанія этой оригинальной борьбы, я забылся тяжелымъ и безпокойнымъ сномъ. Егоръ раздумалъ спать сидя и примостился поперекъ двухъ супружескихъ паръ, положивъ голову на постель Эттыгина, а ноги протянувъ прямо на Ваську. Пуккаль и Апанай еще ходили по стойбищу. Засыпая, я слышалъ ихъ пьяные голоса, распѣвавшіе дикую импровизацію чукотской пѣсни и очень похожіе на волчій вой.

На другой день пьяная компанія проснулась довольно поздно. Эттыгинъ, трезвый и мрачный, немедленно приступилъ къ выполненію тѣхъ обязательствъ, которыя онъ молча взялъ на себя вчера, выпивая Өедькину водку.

Өедькѣ надо было убить шесть оленей. Кромѣ того, по какому то странному разсчету, оказалось, что за водку, взятую у казака Егоромъ и Апанаемъ, приходится убивать оленей тоже Эттыгину. Одинъ изъ десяти пряговыхъ оленей Егора на этотъ разъ спасся отъ угрожавшей ему участи. Васькѣ нужно было убить трехъ оленей, принимая во вниманіе тѣ четыре чашки, которыми онъ угостилъ Эттыгина вечеромъ.

Ранаургинъ и Эуръ пригнали съ пастбища одинъ изъ табуновъ, принадлежавшихъ Эттыгину; нѣсколько сотъ оленей сгрудились на одномъ концѣ площадки, гдѣ было посвободнѣе, и испуганно смотрѣли на людей, копошившихся въ лагерѣ. Когда кто нибудь приближался къ нимъ, они спѣшили перебѣжать на другой конецъ площади. Они очевидно не довѣряли человѣку. На срединѣ площади образовалось нѣчто въ родѣ арены, по обѣимъ сторонамъ которой стояли Эуръ и Пуккаль съ длинными арканами въ рукахъ. Ранаургинъ на своихъ длинныхъ ногахъ бѣгалъ взадъ и впередъ, стараясь перегонять оленей черезъ арену самыми небольшими группами. Ему помогали и Эттыгинъ, и тунгусы, и русскіе гости, и ба-

бы, и даже старая Отаутъ, чуть ковылявшая на своихъ дряхлыхъ ногахъ. Нужно было девять оленей, заранѣе обреченныхъ на закланіе, прогнать мимо стоявшихъ впереди пастуховъ, на разстояніи, удобномъ для того, чтобы бросить арканъ. Но дѣло шло медленно. Олени ни за что не хотѣли повиноваться, и все устремлялись не туда, гдѣ стерегли ихъ Пуккаль и Эуръ. Наконецъ Эуръ, улучивъ минуту, кинулъ арканъ и поймалъ за рога молодую сѣрую важенку, пробѣгавшую мимо.

Почувствовавъ на своихъ рогахъ арканъ, важенка немедленно принялась выдѣлывать отчаянные прыжки и курбеты, оказывая ожесточенное сопротивленіе власти человѣка. Двое чукочъ подбѣжали на помощь и, осторожно перебираясь по аркану, успѣли схватить ее за рога. Эуръ, вынувъ ножъ изъ за пояса, подошелъ къ важенкѣ и ловкимъ ударомъ ткнулъ ее прямо въ сердце. Люди, державшіе арканъ, старались такъ натянуть его, чтобы убитое животное упало раной вверхъ. Эуръ омочилъ свои пальцы въ свѣжей крови и, зачерпнувъ немного, брызнулъ на закатъ солнца. Это животное, убитое для русскихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ составляло жертву духу ночи.

Когда всѣ олени были убиты, подошли бабы и стали потрошить. Вынувъ внутренности и вываливъ въ котелъ моняло изъ большого желудка, они наливали туда кровь, черпая ее ковшемъ изъ оленьяго брюха. Моняло предназначалось для ихъ собственнаго употребленія. Изъ брюха каждой важенки онѣ доставали совершенно сформировавшагося выпоротка, длиннаго и тощаго, обросшаго скользкой черной шкуркой. Ихъ было шесть, ибо Эттыгинъ велѣлъ убить трехъ быковъ и шесть важенокъ. Важенки были меньше, а потому дешевле. Эттыгинъ мрачно посмотрѣлъ на выпоротковъ.

— Вмѣсто одного оленя, двухъ убиваю! —сказалъ онъ Ѳедькѣ.

— На новый мѣсяцъ родились-бы, на своихъ ногахъ ходили-бы!—Выпоротковъ чукчанки тоже отложили въ сторону. Кромѣ того, у каждаго оленя онѣ очень искусно вырубили и выломали темянную кость вмѣстѣ съ рогами, укрѣпленными на ней. Это предназначалось для весенняго праздника роговъ, который долженъ былъ скоро наступить.

Когда оленьи туши были совсѣмъ готовы, Ѳедоръ и Мишка поспѣшно нагрузили свои нарты. Они торопились уѣхать, чтобы добраться до Ермолаева, лежавшаго верстахъ въ пятидесяти, хотя не позже полуночи. Анюша осталась на стойбищѣ, чтобы пожить нѣсколько дней вмѣстѣ съ мужемъ.

Проводивъ русскихъ гостей, Эттыгинъ по вчерашнему усѣлся у шатра и сталъ скоблить свои неизмѣнныя палочки. Пастухи угнали табунъ въ лѣсъ. Бабы принялись за обычныя работы.

Въ простотѣ моего сердца я полагалъ, что попойка окончена и что опять началась обычная трезвая и трудовая жизнь.

Однако Васька, тоже по вчерашнему сидѣвшій на пнѣ съ неизмѣнной трубкой въ зубахъ, скоро вывелъ меня изъ этого заблужденія.

— Вотъ сегодня закурятъ, такъ закурятъ!—сказалъ онъ, подходя ко мнѣ.—Вчера маненько выпили, а сегодня закрутятъ ужъ по настоящему!

— Какъ закрутятъ?—спросилъ я.—А водка гдѣ?

— Вона!—отвѣтилъ Васька.—Водка куда дѣвается? У стараго чорта за пологомъ цѣлая фляга спрятана. Онъ у Петрушки взялъ за казенныхъ оленей. Сами, однако, знаете!

Дѣйствительно, мнѣ было извѣстно, что казакъ, закупавшій оленей для Среднеколымской казачьей команды, заплатилъ Эттыгину за тридцать два оленя флягу спирта, но я какъ-то выпустилъ изъ виду это обстоятельство.

— Вотъ посмотрите, какъ они сегодня будутъ чертить!—продолжалъ Васька.—Старый-то дьяволъ русскую водку выдудилъ, такъ хорошо раззàрился! Теперь прильнется къ флягѣ, его и лошадьми не отодрать!

На вискѣ послышался топотъ и скрипъ полозьевъ, и два огромные оленя, какъ вихрь, взлетѣли по косогору, увлекая за собой маленькую, словно игрушечную, *турку*, на которой сидѣлъ верхомъ, толкаясь объ снѣгъ ногами, здоровый чукча въ длинной желтой кухлянкѣ *) съ волчьимъ кокулемъ **).

— Видишь! какъ воронъ на падаль, такъ и явился!—замѣтилъ Васька, набивая опять трубку.—У нихъ, однако, на водку особенный нюхъ есть!

Пріѣхавшій оказался двоюроднымъ братомъ Оттвы, старшей жены Эттыгина. Стойбище его находилось верстахъ въ восьмидесяти, но такое разстояніе для чукочъ ничего не значитъ. Онъ выѣхалъ утромъ и намѣревался переночевать, а на другое утро уѣхать домой.

Началась обычная вечерняя суета, происходящая всегда по одному и тому-же образцу и закончившаяся продолжительнымъ чаепитіемъ и обильной трапезой. Какъ только послѣдній кусокъ былъ съѣденъ, Эттыгинъ вышелъ изъ полога и скоро вернулся съ большой бутылкой, наполненной крѣпкимъ спиртомъ. Чукчи не признаютъ необходимости «сыропить» сердитую воду.

Попойка началась также, какъ и вчера. Чукчи пили спиртъ чашками, какъ воду, не думая о закускѣ.

— А знаешь, зачѣмъ я пріѣхалъ,—сказалъ Кэоульгинъ (та-

---

*) Кухлянка—верхняя одежда, состоящая изъ двухъ балахоновъ, ровдужнаго и мѣховаго, надѣваемыхъ одинъ на другой.

**) Кокуль—капишонъ.

ково было имя новаго гостя), обращаясь къ Эттыгину.—Арара приказалъ привезти ламутскую бабу!

Васька сдѣлалъ движеніе, какъ будто его укусили.

— Зачѣмъ Арарѣ ламутка?—спросилъ онъ отрывисто.

— Не Арарѣ, Якулю!—отвѣтилъ Кэоульгинъ,—Арара,—голова. Большой человѣкъ на тундрѣ... Якуль ему жаловался, говоритъ: «жену мою отняли!» Нехорошо! Она вѣдь его купленная, да и попъ вѣнчалъ!

— А тебѣ какое дѣло до Якуля?—спросилъ Васька грубо.

— Якуль мой другъ! Якуль мнѣ, все равно братъ, больше чѣмъ братъ!—живо возразилъ Кэоульгинъ.

Васька насупился и замолчалъ. Выпивка подвигалась впередъ быстрѣе вчерашняго. Видно было, что въ водкѣ нѣтъ недостатка. Эттыгинъ приносилъ изъ тайника, скрытаго гдѣ-то за пологомъ, бутылку за бутылкой. Гости, которымъ было душно въ пологу, вылѣзли въ *чоттонъ* *) и сѣли на разостланныхъ шкурахъ передъ огнищемъ, на которомъ еще тлѣло нѣсколько углей.

Сегодня въ попойкѣ принималъ большее участіе женскій элементъ, вчера пребывавшій совсѣмъ на заднемъ планѣ. Старая Отаутъ, выпивъ нѣсколько рюмокъ, скоро опьянѣла.

— У меня нѣтъ ни отца, ни матери, ни мужа, ни дѣтей!—запѣла она жалобнымъ голосомъ.—Отецъ и мать ушли, когда эти большія лиственницы были еще тонки, какъ оленій хвостъ...

Она широкимъ жестомъ показала на лѣсъ, виднѣвшійся сквозь отверстіе полуоткрытаго шатра.

— Мужа и сыновей унесъ Великій Моръ, чтобы они были пастухами при его красныхъ оленяхъ. А я осталась одна, какъ сухое дерево среди тундры... Когда Отаутъ сидѣла одна у порога своего пустого шатра и умъ ея былъ смутенъ отъ слезъ, пришелъ съ Запада лживый человѣкъ и сказалъ: «поди Отаутъ со мной! Я буду тебѣ сыномъ!» Лживый человѣкъ, лукавый человѣкъ любилъ не Отаутъ, а ея оленей, но безумная старуха повѣрила словамъ и покинула родные камни и могилы, и ушла на чужую западную тундру!.. Никогда, никогда не будетъ у Отаутъ сына на западной тундрѣ!..

Старуха пѣла эти жалобы протяжнымъ речитативомъ, разбивая ихъ на строфы и сопровождая каждую строфу самыми горькими рыданіями.

Подъ лживымъ человѣкомъ подразумѣвался Эттыгинъ. Старуха была родомъ съ «каменнаго» берега, но Эттыгинъ сманилъ ее съ собою на тундру, послѣ того, какъ оспа унесла ея мужа и дѣтей. Кэоульгинъ сидѣлъ рядомъ и пѣлъ дикимъ голосомъ:

---

*) Чоттонъ помѣщеніе въ наружномъ шатрѣ.

— «Вотъ моя тру-у-бка, тру-у-убка, тру-у-у-бка! А въ ней та-ба-акъ, таба-акъ, та-ба-а-акъ!»

Но старуха, окончивъ свою импровизацію, совсѣмъ разрыдалась и упала къ нему на грудь, повторяя свою вѣчную жалобу на одиночество. Кэоульгинъ нѣжно обнималъ ее, и отъ сочувствія ея слезамъ онъ и самъ прослезился; и замочилъ ей все лицо.

Отъ Кэоульгина старуха перешла къ Васькѣ и, заключивъ его въ объятія, снова стала произносить свои причитанія тѣмъ же раздирающимъ речитативомъ.

— Я одна, всегда одна!—повторяла она.—Мужъ и дѣти меня покинули! Зачѣмъ они ушли, а я осталась? Мои зубы не могутъ жевать, руки не въ силахъ мять кожу, глаза вѣчно плачутъ и не видятъ ничего! Когда падаетъ снѣгъ на мою шею, мнѣ холодно, когда солнце жжетъ мою голову, мнѣ жарко!.. Зачѣмъ старымъ глазамъ смотрѣть на солнце?.. Лучше для Отаутъ попросить «копья»!

Возможно, что Эттыгинъ воспользовался-бы намекомъ, заключавшимся въ этихъ словахъ, если-бы не было русскихъ гостей. Старая Отаутъ не разъ уже подумывала о спасительномъ ударѣ копья, освобождающемъ отъ старческаго бремени, невыносимаго при суровыхъ условіяхъ этой жизни, но еще не могла принять опредѣленнаго рѣшенія. Но въ присутствіи русскихъ гостей словамъ старухи о копьѣ нельзя было дать дальнѣйшаго развитія. Эттыгинъ ограничился только тѣмъ, что въ знакъ одобренія налилъ большую чашку водки и подалъ старухѣ. Эпитеты лживый и лукавый, относившіеся къ его особѣ, повидимому, мало задѣли его. Старуха выпила и окончательно опьянѣла.

Придвинувшись къ огницу, она наклонилась надъ тлѣвшими углями, дѣлая руками странные жесты и произнося невнятныя заклинанія. Она молилась огню, чтобы онъ даровалъ ей скорое свиданіе съ ея родными. Тѣло ея склонялось все болѣе и болѣе, и она окончила-бы тѣмъ, что упала-бы на горячіе угли, если-бы ламутка и другая баба не схватили ее за платье и не оттащили въ сторону. Видя, что она не шевелится и находится уже въ совершенно безсознательномъ состояніи, онѣ взяли ее за руки и за ноги и утащили въ ея пологъ, стоявшій рядомъ.

Оттва и другія бабы, которыхъ Эттыгинъ угощалъ все-таки очень скупо, тѣмъ не менѣе, становились все возбужденнѣе и веселѣе. Развязность ихъ рѣчей и движеній замѣтно увеличивалась. Очевидно, веселье мужчинъ дѣйствовало на нихъ заражающе, или-же онѣ черпали вдохновеніе изъ какого-то неизвѣстнаго источника. Оттва явно была навеселѣ и, прищелкивая пальцами, кружилась на одномъ мѣстѣ, тяжело прито-

пывая своими неуклюжими сапогами. Васька, выпившій три или четыре чашки, выглядѣлъ съ виду совершенно трезвымъ, Анюша, питавшая великое презрѣніе къ *чукчиткамъ*, ушла въ пологъ и легла спать.

Вдругъ Кэоульгинъ, замѣтивъ, что ламутка не показывается обратно, всталъ съ своего мѣста и вышелъ изъ шатра. Васька вскочилъ, какъ уколотый, и послѣдовалъ за нимъ. Выпивающее общество разбрелось по угламъ. Я тоже всталъ и вышелъ вслѣдъ за Васькой. На дворѣ уже не было никого, но изъ полога старухи слышались громкіе голоса, и я вошелъ туда.

Васька и Кэоульгинъ сидѣли другъ противъ друга и вели разговоръ, повидимому, довольно дружелюбный, но тонъ голосовъ повышался, и дѣло грозило окончиться дракой. Ламутки не было, а Отаутъ лежала навзничь, неподвижная, какъ трупъ, крѣпко сомкнувъ глаза и широко раскрывъ свой беззубый ротъ.

Кэоульгинъ былъ настроенъ примирительно. Васька, напротивъ, считалъ, что новый гость вторгается въ его владѣнія, и потому въ свою очередь задиралъ его.

— У меня сердце есть и мужество есть!—говорилъ Васька.—И я никого не боюсь! Никакихъ людей вашего рода я никогда не боялся!..

— И я не боюсь никого!—отвѣчалъ гость.—Ты все равно мой братъ! У насъ сердце равное!

— Сердце мое совершенно крѣпкое!—кричалъ Васька.— Нисколько я не пугаюсь! Не боялся я «коврплиновъ», а васъ и подавно! И раньше этого постоянно ѣздилъ къ вамъ и не боялся! Вашъ родъ плохой! Слабый вашъ родъ!

— Вотъ и я никого не боюсь!—кричалъ чукча.—У насъ сердце совсѣмъ одинаковое! Мы два брата!

Такіе переговоры продолжались до тѣхъ поръ, пока Кэоульгинъ, раздраженный приставаніями, не объявилъ, что у него сердце больше.

— А, больше?.. Могу я тебѣ показать, что не больше, а меньше!—И, не говоря лишняго слова, Васька полѣзъ на соперника со сжатыми кулаками. Кэоульгинъ приготовилъ ему достойную встрѣчу, и, сцѣпившись, какъ собаки, они стали кататься и кувыркаться по пологу, рискуя совсѣмъ задавить неподвижную старуху. Пользуясь уклономъ почвы, я выждалъ удобную минуту и вытолкнулъ живой клубъ изъ полога въ чоттонъ.

Очутившись въ чоттонѣ, они выбѣжали вонъ, ища болѣе удобной арены. Я поспѣшно послѣдовалъ за ними.

Противники уже стояли другъ противъ друга, въ боевой позиціи.

— Я за ламутскую бабу заплатилъ! — кричалъ Васька.—

Поллахтака! Фунтъ табаку! Кирпичъ чаю! Я ее купилъ! Она все равно моя жена! Ты зачѣмъ къ ней лѣзешь? Пока я тутъ живу, ни одинъ чукча не отниметъ ее!

— Я силенъ, я отниму!—кричалъ чукча.—Ты казакъ походскій, ѣздишь на собакахъ, умъ у тебя все равно, какъ у собаки! Собака! Собака! Собака! На! На! На!

— Ты хочешь драки?—кричалъ Васька.—Хочешь драки? Давай! Я могу!

Противники сняли кукашки и, швырнувъ ихъ въ сторону, кинулись другъ на друга. Я сдѣлалъ попытку растащить ихъ.

— Не мѣшай, баринъ!—сердито крикнулъ Васька.

Онъ перервалъ пополамъ свою ветхую рубаху, чтобы уровняться съ чукчей, и бросилъ обрывки на снѣгъ.

Противники опять встали другъ противъ друга. Видъ ихъ былъ ужасенъ. Нижняя часть тѣла, одѣтая въ толстую мохнатую одежду, какъ-то нелѣпо оттѣняла верхнюю, совершенно обнаженную и несоразмѣрно тонкую. Рябое и безобразное лицо Васьки совершенно исказилось отъ ярости, на углахъ рта выступила пѣна. Его худое и корявое тѣло, повидимому, зябло на морозѣ, и онъ каждый разъ передергивалъ плечами, безсознательно стараясь укрыть то треугольное мѣстечко между лопатками, которое у обнаженнаго человѣка зябнетъ больше всего. Короткіе усы Кэоульгина ощетинились, какъ у кота. Его большая голова моталась во всѣ стороны, зубы свѣтились, какъ у волка.

Онъ, повидимому, совершенно не ощущалъ холода и бѣгалъ, какъ безумный, вокругъ противника, осыпая его бранью и восхваляя свое мужество.

Наконецъ, они снова бросились другъ на друга и стали бороться. Топая ногами по снѣгу, они то толклись на одномъ мѣстѣ, то передвигались впередъ или кидались въ сторону, силясь пригнуть противника къ землѣ. Повременамъ одинъ схватывалъ другого за кожу и, собравъ ее въ рукѣ, какъ будто это была одежда, старался приподнять противника вверхъ. Васька, очевидно, былъ сильнѣе Кэоульгина и скоро подмялъ его подъ себя; но чукча, ловкій, какъ кошка, мгновенно высвободился, и, сцѣпившись клубомъ, враги стали кувыркаться по сугробамъ, перекатываясь другъ черезъ друга и обминая своими обнаженными плечами каждое мягкое мѣстечко на снѣгу. Черезъ минуту они уже опять стояли на старомъ мѣстѣ, другъ противъ друга, въ боевой позиціи.

Я видѣлъ, что дѣло не окончится для Васьки добромъ. Плечи его судорожно подергивались, шаровары были набиты снѣгомъ, затискавшимся за поясъ.

— Надо ихъ разнять!—сказалъ я Пуккаю и Ранаургину, которые стояли рядомъ со мной, съ наслажденіемъ лю-

буясь единоборствомъ. «Эгей!»—дружелюбно сказали пастухи. Неожиданное зрѣлище привело ихъ въ превосходнѣйшее расположеніе духа. Они осторожно зашли сзади Кэоульгина и, схвативъ его внезапно за руки, потащили къ шатру Эура, стоявшему поодаль. Васька, повидимому, былъ доволенъ такимъ оборотомъ дѣла. Молча надѣвъ свою кукашку, онъ опять полѣзъ въ пологъ старухи, куда, мимоходомъ сказать, недавно пролѣзла и ламутка. Она помогала старухѣ исполнять тяжелыя обязанности женскаго хозяйства, и пологъ Отаутъ былъ ея жилищемъ.

Пастухи дотащили Кэоульгина до входа въ шатеръ, но онъ выразилъ рѣшительное нежеланіе войти въ чоттонъ и принялся даже кусаться и лягаться ногами. Они были принуждены оставить его снаружи и сами остались вмѣстѣ съ нимъ. Кэоульгинъ стоялъ, широко разставивъ ноги и опираясь плечами на людей, державшихъ его за руки. Оставшись на свѣжемъ воздухѣ, онъ успокоился и больше не пытался рваться, остатокъ-же своей ярости изливалъ въ цѣломъ потокѣ вызововъ и бранныхъ словъ. Я стоялъ неподалеку и смотрѣлъ на его нелѣпую полуобнаженную фигуру. Его неуклюжее тѣло напоминало уродливыя формы деревянныхъ божковъ, вырѣзываемыхъ эскимосскими или негритянскими художниками. Холода онъ, очевидно, вовсе не ощущалъ, и ему въ голову не пришло потребовать свою одежду, лежавшую на снѣгу. Наскучивъ вызывать отсутствующаго врага, онъ сталъ обращаться ко мнѣ:

— Ты все равно русскій!—кричалъ онъ.—Давай, помѣряемъ силу!—Если ты мужчина и у тебя не бабье сердце, давай, попробуемъ, кто изъ насъ лучше!.. Ты писарь! Ты вѣчно пишешь! Я пишу лучше тебя!—кричалъ онъ, думая уязвить меня въ самое чувствительное мѣсто моего самолюбія.—Давай вмѣстѣ станемъ писать письмо на этомъ снѣгу!

Я уступилъ Кэоульгину поле сраженія и направился въ пологъ Эттыгина. Мнѣ было холодно, несмотря на двойную мѣховую одежду. Въ пологѣ были Эттыгинъ и его двѣ жены, Пуккаль и Ранаургинъ. Анюша спала въ углу сномъ праведницы. Эттыгинъ былъ совершенно пьянъ.

— У меня двѣ жены!—говорилъ противный старичишка, съ гадкой улыбкой.

. . . .

Обѣ бабы пришли въ неистовый восторгъ и шумно расхохотались. Оттва въ порывѣ неудержимаго веселья прищелкнула пальцами и, выдернувъ изъ за пазухи черную бутылку, наполненную до краевъ, потрясла ею надъ головой, подмигивая Эттыгину. Она, очевидно, разсчитывала, что смѣлость ея сойдетъ благополучно, ибо ея повелитель находится въ слиш-

комъ игривомъ настроеніи, чтобы сердиться на что-бы то ни было. Но ея разсчетъ не оправдался.

— Зачѣмъ женщины смѣются, когда я говорю?—неистово завопилъ Эттыгинъ.

Его охватилъ припадокъ неудержимой ярости, присущей каждому чукчѣ въ пьяномъ состояніи.

— Зачѣмъ женщины говорятъ такъ много словъ, когда мы вдвоемъ разговариваемъ?.. Зачѣмъ женщины пьютъ водку?.. Тірк-Эрэм не велѣлъ, чтобы женщины пили водку! Отчего онѣ пьяны?.. Мэркичкинъ омэле! *).

И, не долго думая, онъ схватилъ сковороду, наполненную растопленнымъ жиромъ, пылавшимъ большимъ и яркимъ пламенемъ, и бросилъ ее въ голову Оттвѣ, вмѣстѣ съ деревянной подставой. Въ пологѣ воцарилась тьма, а во тьмѣ началась борьба. Я слышалъ пыхтѣніе борющихся, переворачиваніе тѣлъ, сплетенныхъ вмѣстѣ, глухіе удары кулаковъ, ругательства и женскій визгъ. Подобравъ кое-какъ лейку, я поспѣшно выскочилъ изъ полога и зажегъ ее отъ угольевъ на огнищѣ, еще тлѣвшихъ подъ пепломъ. Вернувшись въ пологъ, я увидѣлъ, что маленькій Эттыгинъ сидитъ верхомъ на своей огромной женѣ и колотитъ ее кулаками по обнаженной спинѣ.

— Откуда у тебя бутылка?—кричалъ онъ въ изступленіи. Ты украла у меня бутылку водки! — и онъ старался вырвать у нея спорную посудину. Ранаургинъ и Пуккаль помогали ему, но не очень усердно. Они, пожалуй, предпочли-бы полюбовно распить эту бутылку, вмѣстѣ съ ея владѣтельницей. Оттва не защищалась, но упорно отстаивала свою драгоцѣнность, запихнувъ ее въ сокровенныя глубины своихъ косматыхъ шароваръ и какъ будто даже обвившись вокругъ нея своимъ долгимъ тѣломъ.

Видя, что съ ней ничего нельзя подѣлать, разсвирѣпѣвшій старикъ схватилъ кэнгуну *), валявшуюся на шкурахъ около лейки. Оттва только крѣпче стиснула зубы и зарылась головою въ широкій воротъ кэркэра.

Видя, что дѣло грозитъ зайти слишкомъ далеко, я счелъ необходимымъ вмѣшаться и, въ свою очередь, сталъ кричать на Эттыгина, требуя, чтобы онъ немедленно оставилъ въ покоѣ бабу.

— Я только хотѣлъ отнять у нея бутылку,—сказалъ старикъ.—Зачѣмъ женщинамъ пить краденую водку? — Однако, онъ послушался и выпустилъ Оттву. Она забилась въ уголъ, какъ избитая собака, и горько плакала, сжимая завѣтную бутылку въ глубинѣ своихъ одеждъ.

---

*) Всѣ будьте прокляты!

**) Кэнгуна—короткій жезлъ съ широкимъ роговымъ набалдашникомъ на нижнемъ концѣ, служитъ для опоры во время ходьбы.

— Развѣ я ребенокъ, что ты меня бьешь?—говорила она. Она была горда своимъ положенiемъ старшей жены, народившей мужу столько здоровыхъ дѣтей, и не ожидала съ его стороны такой жестокости.

Анюша проснулась отъ шума и сонно протирала глаза.

— А гдѣ твой Васька?—спросилъ я, не безъ задней мысли.

— Гдѣ будетъ?—отвѣтила она просто.—У ламутки *оннако!*

— Да развѣ тебѣ ничего,—спросилъ я съ удивленiемъ,—что онъ къ другимъ ходитъ?

— И, баринъ!—сказала баба.—Походитъ, походитъ, такой-же назадъ вернется! *Ихъ* Кауровыми не сдѣлаетъ и моего отъ меня не отниметъ. Я какъ была Каурова, такъ и останусь Каурова! Потому я вѣнчанная!

Предъ такой широкой терпимостью оставалось только развести руками.

Молодыя бабы принесли сковороду, наполненную кусками вареного мяса. Чукчи, торопившiеся при вечерней ѣдѣ, не успѣли хорошенько поѣсть и теперь опять проголодались. Эттыгинъ заискивающе посмотрѣлъ на меня.

— Ты не пилъ съ нами!—сказалъ онъ.—Съѣшь хоть кусокъ изъ моихъ рукъ!

И, отломивъ отъ запаса, лежавшаго на сковородѣ лейки, кусокъ грязнаго сала, къ тому-же совершенно обвалянный оленьей шерстью, онъ прибавилъ къ нему кусочекъ мяса, смялъ все это въ комокъ въ своей ужасной рукѣ и сдѣлалъ попытку втиснуть его въ мой ротъ. Я чуть не схватилъ его за горло.

Самый видъ этой черной лапы, съ затиснутымъ въ ней угощенiемъ, вызывалъ во мнѣ рвоту. Эттыгинъ, видя мое сопротивленiе, бросилъ на меня удивленный взглядъ, потомъ широко улыбнулся, сунулъ комокъ въ свой собственный ротъ, пожевалъ, проглотилъ и почмокалъ губами, чтобъ показать, какъ это вкусно. Оттва, не переставая плакать, вытянула руку и, схвативъ со сковороды огромную кость, принялась грызть ее, какъ волчица. Традицiонный ножъ появился въ ея рукѣ. Слезы мѣшали ей ѣсть. Отрѣзавъ одинъ или два куска, она провела ножемъ у себя подъ носомъ и продолжала разрѣзывать мясо, даже не обтеревъ запачканнаго клинка... Я положилъ кусокъ, который держалъ въ рукѣ. Меня тошнило.

Тотчасъ-же послѣ ужина попойка возобновилась. На этотъ разъ угощалъ Пуккаль, который купилъ у Эттыгина двѣ бутылки за пару «чемодановъ» *) и выставилъ ихъ обществу. Пирующiе опять покинули пологъ Эттыгина и ушли въ шатеръ Эура, гдѣ Пуккаль игралъ роль второго хозяина.

---

*) Чемоданъ,—неразрѣзанная шкура, искусно снятая съ круглой тюленьо туши и замѣняющая у чукочъ дорожный мѣшокъ.

На дворѣ снова раздались крики. То были недавніе противники, встрѣтившіеся у входа въ шатеръ.

— Собака, собака, собака!—кричалъ чукча по прежнему.

— А ты волкъ, волкъ! Не взять тебѣ ламутки! Чего пристаешь, по волчьи? Не взять тебѣ ламутки! Я за нее выкупъ далъ!

— Собака, собака, собака!—повторялъ чукча, еще ожесточеннѣе.

— А ты волкъ, волкъ!.. Ты волкъ, а я медвѣдь! Не боюсь никого! На своемъ владѣніи, какъ медвѣдь, противъ всѣхъ чукочъ!

Мнѣ надоѣло слушать эту перебранку, и я вернулся въ шатеръ Эттыгина. Нѣсколько бабъ суетились въ чоттонѣ, занимаясь совершенно необычайнымъ дѣломъ. Онѣ, очевидно, выпили уже бутылку Оттвы и хотѣли достать еще водки.

Долгая Оттва возилась, какъ домовой, въ черномъ и глубокомъ углу, сзади полога. Тытынна стояла на стражѣ, а вторая жена Эттыгина свѣтила Оттвѣ огромной головней, принесенной отъ костра, на которомъ недавно варили пищу, и разсыпавшей вокругъ искры.

Мое появленіе произвело было тревогу, но, узнавъ мое лицо, бабы успокоились. Оттва подняла голову и издали привѣтливо кивнула мнѣ. Она не забыла моего недавняго заступничества. Потомъ она опять принялась за прерванное занятіе. Вытащивъ флягу изъ подъ какихъ-то саней, она высвободила туго замкнутую пробку, при помощи ногтей и зубовъ, и, сильными руками приподнявъ грузный сосудъ, налила спирту въ подставленный котелокъ, еще хранившій на стѣнкахъ слѣды «моняльной» каши. Ламутка, изъ за которой на дворѣ происходила борьба, была тоже здѣсь. При невѣрномъ свѣтѣ головни, я увидѣлъ, какъ блестятъ ея глаза, издали слѣдившіе за каждымъ движеніемъ Оттвы.

Мужчины съ криками и шумомъ ходили изъ шатра въ шатеръ. Эттыгинъ упалъ на дворѣ, и обѣ жены дружно потащили его за ноги, къ его пологу. Онъ валялся по снѣгу и кричалъ.

— Когда я былъ молодъ, у меня было четыре жены, и мнѣ было хорошо! Теперь у меня двѣ жены, и мнѣ тоже хорошо!

Бабы шумно смѣялись и душили его поцѣлуями.

Маленькій сынъ Оттвы, котораго она впопыхахъ забыла кормить, съ ревомъ бродилъ по стойбищу. Онъ хотѣлъ ѣсть и спать. Но въ однихъ пологахъ было темно, другіе были набиты пьяными, которыхъ крики его пугали. Не находя удобнаго пріюта, онъ растянулся прямо на снѣгу, опираясь головой объ дерево и, спрятавъ поглубже голову въ большой мѣховой капюшонъ своей одежды, заснулъ подъ открытымъ небомъ. Васька и Кэоульгинъ давно уже обнимались и угощали другъ друга

водкой изъ Пукколевой бутылки. Кэоульгинъ называлъ Ваську своимъ братомъ и *нэутумгиномъ*, вѣроятно, имѣя въ виду, именно, ламутку. Онъ даже спрашивалъ, не ссорятся-ли люди на дворѣ. Ему казалось будто онъ недавно слышалъ чьи-то крики и будто кто-то хотѣлъ обидѣть его брата. Но онъ заступится!

— Пускай, пускай!—кричалъ чукча, ударяя правымъ кулакомъ по лѣвой ладони.—Пускай! Горло перерву!—и онъ выразительно щелкалъ своими волчьими челюстями.

Въ шатрѣ Эттыгина, напротивъ, происходила ожесточенная борьба между Оттвой и ея дочерью. Дѣло шло опять о бутылкѣ водки, которую Оттва припрятала себѣ на утреннее похмѣлье, а Тытынна подсмотрѣла и вытащила, собираясь угоститься, какъ слѣдуетъ. Оттва поймала ее на мѣстѣ преступленія и теперь хотѣла отвоевать свою собственность. Старая чукчанка оказалась гораздо болѣе жестокой, чѣмъ колотившіе ее недавно мужчины. Она съ неописанной яростью таскала дочь за волосы и топтала ее ногами. Тытынна не сопротивлялась, но также отчаянно сжимала добычу въ глубинахъ своихъ одеждъ.

— Я тоже хочу пить!—хрипѣла она, стараясь укрыть голову отъ сыпавшихся ударовъ.—Ты мнѣ ничего не давала!

Было уже за полночь. Я вошелъ въ пологъ, зажегъ свѣчу и сталъ устраиваться на ночлегъ, предоставивъ чукчамъ окончить пиръ безъ моего присутствія.

Кэоульгинъ уѣхалъ рано утромъ, когда я еще спалъ, и увезъ съ собой Авдотью; Васька, по словамъ Эттыгина, очень дружелюбно попрощался съ обоими. Впрочемъ, Кэоульгинъ обѣщалъ, что уговоритъ Якуля заплатить Васькѣ на Анюской ярмаркѣ покупную цѣну ламутки.

Черезъ два дня мы перешли Колыму и откочевали на тундру. Васька съ Анюшей жили, какъ примѣрные супруги, и о второй женѣ, купленной за поллахтака и т. д., не говорилось ни слова. Но чукчи долго съ наслажденіемъ вспоминали подробности попойки. Эттыгинъ припряталъ остатокъ спирту и крѣпился, намѣреваясь выгодно сбыть его на ярмаркѣ, гдѣ у «чаунскихъ» или у «носовыхъ» пришлецовъ можно взять по лисицѣ за «разсыропленную» бутылку. Пастухи все время проводили въ табунѣ, ибо олени стали безпокойнѣе. Приближалось время рожденія телятъ, когда для чукотскихъ *ріулиновъ* *) начинается страда, продолжающаяся всю весну и все лѣто, до тѣхъ поръ, пока воды снова покроются льдомъ, и земля одѣнется толстымъ слоемъ снѣга.

Н. Танъ.

Среднеколымскъ. 1895 г. Ноября 4.

Дворянскіе наказы въ Екатерининскую Комиссію 1767 года.

I.

Въ іюлѣ 1767 г. въ Москвѣ въ первый разъ собрались выборные отъ свободныхъ сословій русской земли, созванные императрицею для составленія новаго законодательнаго кодекса. Въ Москву они пріѣхали не съ пустыми руками: каждый привезъ отъ своихъ избирателей болѣе или менѣе объемистую тетрадь, въ которой послѣдніе высказали свои нужды и желанія. Депутаты же отъ свободныхъ крестьянъ, благодаря особымъ условіямъ представительства, которыя даны были этому сословію, привозили ихъ даже по нѣскольку: эти депутаты избирались по одному на провинцію, а наказы имъ вручались отъ каждаго «погоста»—прихода. Отсюда и выходило, напримѣръ, что представителю отъ крестьянъ Архангельской провинціи, заключавшей въ себѣ цѣлыхъ шесть уѣздовъ, пришлось захватить съ собою въ Москву—195 наказовъ. Дворянскіе депутаты, избираемые по уѣздамъ, привозили каждый по одному наказу; хотя были случаи, когда одинъ и тотъ же депутатъ представлялъ два или даже три уѣзда. Но тогда и наказъ былъ отъ этихъ уѣздовъ общій. Только Новгородскій уѣздъ въ послѣдній разъ вспомнилъ свое старинное дѣленіе на «пятины», приславъ по депутату отъ каждой. Свезенный ими всѣми матеріалъ былъ громаденъ: 163 наказа отъ дворянъ, 401 отъ городовъ и 1066 отъ свободнаго сельскаго населенія *). Для разбора ихъ была организована особая комиссія, и этой комиссіи было надъ чѣмъ поработать. Въ этихъ полутора тысячахъ тетрадей мѣстное общество, русская провинція, записало свои жалобы и выразило свои желанія. Уже и въ то время сознавали, повидимому, всю важность этихъ голосовъ изъ провинціи: недаромъ Большая Комиссія (такъ мы называемъ общее собра-

---

*) *Сергѣевичъ.* Екатерининская законодательная комиссія. Вѣстн. Евр. 1878, 1 стр. 229. Наказы отъ дворянъ изданы въ Сборникѣ Имп. Русск. Истор. Общ., тт. IV, VIII, XIV, LXVIII и XCIII. Въ этомъ изданіи они перенумерованы римскими цифрами. При ссылкахъ и будетъ указываться римскою цифрой № наказа, а поставленною съ нимъ рядомъ арабскою статья наказа.

ніе Екатерининской комиссіи въ отличіе отъ многихъ частныхъ комиссій, при ней состоявшихъ) съ обсужденія этихъ наказовъ и приступила къ своей работѣ. И для историка эта груда наказовъ— матеріалъ чрезвычайной важности. Теперь, открывая каждый день столичную газету, мы болѣе или менѣе внимательно просматриваемъ отдѣлъ съ заглавіемъ: «областная хроника», «провинціальная жизнь» и т. д., который знакомитъ насъ съ состояніемъ провинціальнаго общества, его нуждами, желаніями и настроеніемъ. Если мы хотимъ вникнуть въ эту мѣстную жизнь болѣе глубоко, мы имѣемъ къ тому сколько угодно различныхъ средствъ: мы можемъ выписывать областныя газеты, прислушиваться къ голосамъ земскихъ и дворянскихъ собраній и городскихъ думъ. Наконецъ, съ провинціей знакомитъ насъ какъ изящная, такъ и научная литература. Ничего подобнаго нѣтъ у насъ для XVIII в., точно такъ же, какъ и у правительства того времени не было иныхъ способовъ ознакомиться съ мѣстными нуждами, кромѣ созыва депутатовъ. Областныхъ органовъ печати тогда не существовало; до самаго конца вѣка не было также никакихъ мѣстныхъ общественныхъ собраній. Литература почти вовсе не касалась провинціи, изрѣдка только выводя ее на сцену, чтобы осмѣять ее въ комедіи, но никогда не затрогивала ее серьезно. Русская провинція втеченіе всего XVIII вѣка высказалась только одинъ разъ: въ серединѣ его въ Екатерининской комиссіи. Вотъ почему бумаги этой комиссіи служатъ для насъ надежнымъ фонографомъ, записавшимъ хоръ этихъ провинціальныхъ голосовъ и теперь передающимъ ихъ намъ. Эти голоса идутъ къ намъ двумя путями: во первыхъ, посредствомъ депутатскихъ наказовъ, а затѣмъ и самыя пренія въ комиссіи записаны и сохранились въ ея журналахъ. Оба эти ряда документовъ прекрасно дополняютъ другъ друга, но преимущество слѣдуетъ всетаки отдать первому изъ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, Комиссія дѣйствовала слишкомъ не долгое время и, ведя свои работы безъ всякаго опредѣленнаго плана, не успѣла коснуться всѣхъ вопросовъ, интересовавшихъ провинцію. Затѣмъ, не всѣ депутаты въ ней активно участвовали: какъ и всегда бываетъ въ такого рода собраніяхъ,—говорили только меньшинство; общихъ голосованій по обсуждаемымъ вопросамъ и совсѣмъ не бывало и обыкновенно комиссія переходила, повидимому, совершенно случайно къ слѣдующему вопросу, не окончивъ обсужденія предыдущаго. Притомъ могло случиться, что съ мнѣніемъ, высказаннымъ въ комиссіи депутатомъ, не всегда бы согласились пославшіе его избиратели. Съ другой стороны случалось, что тѣ вопросы, за которые очень горячо стояли дворяне на уѣздныхъ съѣздахъ, проходили равнодушно при обсужденіи ихъ въ комиссіи. Такъ, напримѣръ, очень многія дворянства высказались за дарованіе имъ и на будущее время права собираться на съѣзды для занятія мѣстными дѣлами. Между тѣмъ, когда коснулись такой статьи при обсужденіи проекта «правъ благородныхъ», внесеннаго въ большую комиссію изъ дирек-

ціонной, ни одинъ депутатъ не нашелся высказать свое мнѣніе *). Наконецъ, на мнѣніе, высказываемое депутатомъ въ комиссіи, во время борьбы партій могли оказать вліяніе, помимо его личныхъ взглядовъ, и та обстановка, въ какую онъ попалъ, и завязавшіяся въ комиссіи личныя отношенія. Въ пылу спора извѣстное мнѣніе могло получить гораздо болѣе рѣзкія очертанія, чѣмъ какія оно имѣло въ наказѣ. Вотъ почему наказы полнѣе и вѣрнѣе могутъ отражать взгляды провинціи, чѣмъ рѣчи депутатовъ въ самомъ собраніи. Этихъ мѣстныхъ наказовъ, какъ уже мы видѣли, три группы: отъ дворянства каждаго уѣзда, отъ каждаго города и отъ свободнаго земледѣльческаго населенія, подраздѣлявшагося на нѣсколько видовъ. Сюда входили во 1-хъ крестьяне, сохранившіе свободу, «черносошные» (государственные), «дворцовые», во 2-хъ такъ называемые служилые люди «старыхъ службъ»: однодворцы, пахотные солдаты—контингентъ старыхъ московскихъ полковъ, испомѣщавшійся цѣлыми поселеніями по границамъ Московскаго государства для ихъ защиты, въ 3-хъ—инородческое населеніе. Городскіе наказы, разумѣется, выясняютъ главнымъ образомъ потребности и желанія городского населенія, и только два остальныхъ разряда относятся къ уѣздному. Но наказы отъ свободнаго сельскаго населенія имѣютъ слишкомъ *мѣстное* значеніе. Въ самомъ дѣлѣ: свободная масса крестьянства постепенно все болѣе таяла подъ дѣйствіемъ крѣпостного права, сохраняясь только на безопасномъ русскомъ сѣверѣ, гдѣ не было надобности распространять помѣстную систему, бывшую однимъ изъ факторовъ въ распространеніи крѣпостного права. Изъ 1066 наказовъ отъ сельскаго населенія 496, т. е. почти половина приходится на одну Архангельскую губернію, гдѣ за то ревизіи совсѣмъ не находили крѣпостныхъ душъ. Другіе разряды этого класса: служилый (однодворцы, пахатные солдаты) и инородческій были размѣщены по противоположнымъ, южной и юго-восточной окраинамъ государства. Такимъ образомъ, только дворянскіе наказы представляютъ наиболѣе полно срединную часть Европейской Россіи, гдѣ сосредоточены были два важнѣйшіе класса русской земли: крѣпостное крестьянство и помѣстное дворянство. Благосостояніемъ послѣдняго, державшаго въ своихъ рукахъ громадную массу капитала и труда страны,—опредѣлялось экономическое благосостояніе всего государства. Притомъ въ XVIII вѣкѣ оно было наиболѣе просвѣщеннымъ классомъ, а обладая двумя такими силами, какъ капиталъ и просвѣщеніе, оно руководило и политическими судьбами русскаго народа, будучи въ троякомъ отношеніи его правительствомъ. Во 1-хъ оно управляло своими «подданными» по своимъ вотчинамъ. Затѣмъ изъ него же формировался весь составъ центральной и областной администраціи, отъ сенаторовъ до уѣздныхъ воеводъ включительно. Наконецъ, въ XVIII в. это же дворянство

*) Сб. И. О. XXXII стр. 297.

посредствомъ гвардіи, составленной всецѣло изъ его среды, обыкновенно играло рѣшающую роль и въ общемъ ходѣ государственной жизни. Итакъ, заключая въ себѣ два наиболѣе важные класса общества, эта срединная, дворянско-крѣпостная часть Россіи и была главною частью въ организмѣ всего государства. При томъ это была наиболѣе населенная и наиболѣе устроенная его часть. Бойкая жизнь русскаго сѣвера, какою мы ее знаемъ въ XVI и XVII вв., теперь, съ открытіемъ балтійскихъ портовъ и съ умиротвореніемъ южныхъ степей втеченіе XVIII в. совершенно замираетъ. Но сами эти южныя и восточныя окраины только еще колонизуются и устраиваются, находятся, такъ сказать, еще въ жидкомъ видѣ и болѣе интересны, какъ процессъ, чѣмъ какъ состояніе. Тѣмъ болѣе высокій интересъ получаютъ эти дворянскіе наказы, обрисовывающіе эту срединную часть Россіи. Въ нихъ, конечно, на первомъ планѣ представлены дворянскіе интересы; но въ XVIII в. они такъ тѣсно были связаны съ интересами крѣпостныхъ крестьянъ, что не могли, хотя бы косвенно, не касаться послѣднихъ. Правда, желанія несвободнаго крестьянства были въ иныхъ случаяхъ рѣзко противоположны стремленіямъ дворянства, когда, напримѣръ, заходила рѣчь о свободѣ; однако въ значительной степени они совпадали. Такъ или иначе, во всякомъ случаѣ, они настолько цѣплялись другъ за друга, что въ дворянскихъ наказахъ должны были отразиться до нѣкоторой степени и крестьянскіе интересы, хотя и преломившись, конечно, черезъ призму дворянскаго взгляда. Шла ли рѣчь о малоземельи, о тяжести податей, о дурномъ судоустройствѣ и т. п., во всѣхъ этихъ случаяхъ интересы обоихъ классовъ очень сходились и нашли себѣ выраженіе въ дворянскихъ наказахъ. Предлагаемая статья и есть попытка показать значеніе этихъ дворянскихъ наказовъ, какъ источника при изученіи исторіи русской провинціи въ XVIII в., притомъ только коренной русской провинціи т. е. главнымъ образомъ Великороссіи съ ея наиболѣе давно установившимися и застывшими русскими порядками. Поэтому она не касается ни Малороссіи, ни Остзейскаго края съ ихъ слишкомъ особой физіономіей, ни мѣстностей недавно присоединенныхъ и только организуемыхъ, какъ Новороссійскій и Оренбургскій край. Но прежде, чѣмъ перейти къ анализу содержанія этихъ наказовъ, слѣдуетъ рѣшить вопросъ, въ какой мѣрѣ въ нихъ могли отразиться состояніе и стремленія той провинціи, изъ которой они исходили, т. е. въ какой степени надеженъ и достовѣренъ этотъ источникъ. Изъ этого вопроса невольно возникаетъ другой, отъ котораго и зависитъ рѣшеніе перваго,—въ какой степени то общество, которое составляло наказы, могло выразить и дѣйствительно выразило свои взгляды, нужды и желанія.

Манифестъ 14 декабря 1766 г., которымъ предписывались выборы въ комиссію, былъ встрѣченъ обществомъ очень сочувственно и даже, пожалуй, восторженно. Такое настроеніе господствовало въ

самой комиссіи въ первые дни ея засѣданій, когда охваченные какимъ-то радостнымъ порывомъ депутаты не знали, чѣмъ только отблагодарить императрицу и какой титулъ ей придумать. Но и въ самыхъ наказахъ можно замѣтить тоже возбужденное и радостное настроеніе. Въ очень многихъ изъ нихъ въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ, хотя и переданныхъ тяжелымъ напыщеннымъ языкомъ XVIII в., изливается благодарность Екатеринѣ и предписывается депутату, «припавъ къ освященнымъ стопамъ», исходатайствовать позволеніе поставить ей отъ всего дворянства монументъ. Въ самомъ дѣлѣ, было отъ чего придти въ восторгъ русскому провинціальному дворянину. Отъ правительства, въ особенности со времени Петра, онъ привыкъ ожидать только самаго грубаго обращенія. Его насильно обучали и гнали на службу, а если онъ не былъ обученъ и не могъ получить офицерскаго ранга, то его исправно и били, нисколько не различая его отъ его-же мужика рекрута, стоявшаго въ строю съ нимъ рядомъ. «За раны и за кровь» его отставляли отъ военной службы и «опредѣляли къ дѣламъ», т. е. перечисляли въ статскую, посылая куда-нибудь въ «комиссары» къ пріему корабельнаго лѣса, въ надзиратели «надъ строеніемъ заводовъ» и т. п. Только дряхлымъ старикомъ, вымотавъ изъ него всѣ полезныя силы, его отпускали, «со смотра давая абшидъ», въ родную деревню доживать свой вѣкъ на чистомъ воздухѣ. Всю жизнь, во время этой тяжелой службы, онъ только и видѣлъ пинки и толчки. И вдругъ теперь правительство не только отпустило его со службы, но и любезно освѣдомилось, что ему не нравится и чего ему угодно. Понятно съ какимъ пріятнымъ удивленіемъ читалъ этотъ провинціальный дворянинъ манифестъ 14 декабря. Притомъ на поднятіе духа собравшихся дѣйствовала самая торжественность, какою были обставлены съѣзды и выборы. Что на съѣзды для выбора депутатовъ и сочиненія наказовъ собиралось всетаки меньшинство уѣзднаго дворянства—въ этомъ нельзя еще видѣть несочувственное отношеніе къ дѣлу: большинство дворянства было не дома—на службѣ; но нѣтъ причинъ думать, чтобы это отсутствующее дворянство не раздѣляло настроенія съѣхавшихся *). Однако иногда самое это радостное настроеніе, въ которомъ съѣзжавшееся дворянство принималось за порученную ему работу, мѣшало серьезнымъ образомъ отнестись къ дѣлу. Волоколамскіе дворяне съѣхались въ свой городъ къ 12 марта, выбрали въ этотъ день въ предводители А. А. Загряжскаго и комиссію изъ четырехъ лицъ для составленія проекта наказа, послѣ чего отправились на обѣдъ къ начальнику города. 14 марта они уже собрались въ загородномъ домѣ предводителя, оказавшагося большимъ хлѣбосоломъ, гдѣ «были угощены обѣденнымъ столомъ, во время

---

*) Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ „малолюдство“ съѣхавшихся объясняется временемъ, въ которое происходили съѣзды: въ мартѣ, во время разлива. См. XXIX.

котораго пили за здравіе Ея Императорскаго Величества, причемъ производилась пальба изъ пушекъ, поставленныхъ передъ домомъ». Послѣ этого предводительскаго обѣда, да еще съ тостами за государыню, «предводитель съ дворянствомъ», какъ гласитъ оффиціальное описаніе этого съѣзда, «упражнялись въ чтеніи проекта депутатскаго наказа». Вечеромъ зажженъ былъ фейерверкъ, въ которомъ изображено было имя государыни, а по сторонамъ начальныя литеры: Б. М. И. П. Б. О., означавшія: «благоволеніе монаршее, исполненіе подданныхъ, благополучіе общества», послѣ чего «всѣ угощены были ужиномъ». 15 выбрали депутата, подписали наказъ и обѣдали у одного изъ членовъ комиссіи по составленію наказа— кн. Шаховскаго. 16-го приглашены были на обѣденный столъ къ новоизбранному депутату, вице-президенту военной коллегіи графу Чернышеву въ его загородный домъ, послѣ чего и разъѣхались по своимъ деревнямъ. Откройте теперь волоколамскій наказъ: онъ проникнутъ самымъ радужнымъ настроеніемъ; такъ и видно, что его сочиняли люди прямо съ предводительскаго обѣда. «Его содержаніе», какъ его резюмировалъ протоколъ съѣзда, «главнѣйшее состояло въ томъ, чтобы принести Ея И. В. за изливаемыя ею на своихъ подданныхъ повседневно милости всеподданническую благодарность съ теплыми молитвами ко Всевышнему о непоколебимомъ ея здравіи» *). Въ самомъ дѣлѣ, въ наказѣ волоколамское дворянство говоритъ, что у него собственно нѣтъ никакихъ нуждъ, чтобы утруждать государыню; ужъ только изъ одного послушанія высочайшему манифесту оно избрало депутата и сочинило наказъ, включивъ въ него всего четыре пункта, въ которыхъ вскользь указало на нѣкоторое неудобство въ законахъ, опредѣлявшихъ наслѣдственное право, и ограничилось общей просьбой о дарованіи корпусу дворянства «правъ и преимуществъ», совершенно не указавъ, какихъ именно. Но за то депутату предписывалось «крайнее стараніе приложить» къ тому, чтобы «исходатайствовать высочайшее соизволеніе сдѣлать Ея И. В. статую», и это поручалось ему «какъ главнѣйшее нашихъ нуждъ и прошеній». Трудно думать, чтобы Волоколамскій уѣздъ благоденствовалъ больше прочихъ, его окружающихъ, но придя въ отличное расположеніе духа у радушнаго предводителя, дворяне забыли всѣ окружающія ихъ невзгоды и не только ни на что не жаловались и ничего не просили, но и заключили свой наказъ тѣмъ, чѣмъ часто заканчиваются такіе общественные обѣды по торжественнымъ случаямъ, когда сердца подогрѣты—пожертвованіемъ. Дворянство изъявило готовность ставить припасы на расположенный въ уѣздѣ полкъ ниже штатной цѣны, а убытокъ, который будетъ произведенъ такимъ пониженіемъ, расположить на всѣхъ помѣщиковъ уѣзда по числу ревизскихъ душъ. Точно также муромскіе дворяне заявили въ своемъ наказѣ, что «по

*) Сб. И. О. т. IV стр. 26—27.

довольномъ общемъ разсужденіи» они не признаютъ никакихъ отягощеній и нуждъ. Къ сожалѣнію, пока не издано никакихъ документовъ о томъ, кѣмъ именно и при какихъ обстоятельствахъ составлялись дворянскіе наказы, и поэтому нельзя рѣшить многихъ интересныхъ вопросовъ, какъ, напр., въ какой степени принимало участіе съѣзжавшееся дворянство въ обсужденіи наказа, составленнаго спеціальной комиссіей; возникали ли при этомъ споры или всѣ наказы проходили такъ же гладко, какъ волоколамскій; составлялось ли по нѣскольку проектовъ, сводимыхъ затѣмъ въ одинъ общій; въ какой мѣрѣ вліялъ на содержаніе наказа образъ мыслей отдѣльнаго выдающагося лица, увлекавшаго собраніе, какъ это замѣтно, напр., на ярославскомъ наказѣ. Этотъ послѣдній составленъ подъ сильнымъ вліяніемъ депутата ярославскаго дворянства, извѣстнаго кн. М. М. Щербатова, съ идеями котораго можно такъ хорошо познакомиться по журналамъ Комиссіи; ему принадлежитъ большая часть наказа *). Сынъ костромского депутата, впослѣдствіи маршала комиссіи Бибикова, разсказываетъ въ біографіи отца, что наказъ отъ костромскихъ дворянъ былъ составленъ послѣднимъ, и что въ немъ онъ старался приспособиться къ мыслямъ императрицы, которыя были ему очень хорошо извѣстны. Этотъ проектъ наказа и былъ утвержденъ костромскимъ дворянствомъ **). Только въ этихъ двухъ случаяхъ намъ и извѣстны авторы наказовъ.

Самая поспѣшность, съ какою велось дѣло, могла въ значительной степени мѣшать серьезному отношенію къ нему. Манифестъ о созывѣ комиссіи засталъ врасплохъ мирно дремавшую втеченіе долгаго времени провинцію и, разбудивъ ее внезапно, предписалъ ей высказать свои нужды: съ просонья не всякій соображаетъ сразу. Тѣмъ болѣе это было трудно для дворянства по тѣмъ обстоятельствамъ, въ какихъ оно находилось въ первой половинѣ XVIII в. Отвлеченная государственной службою наиболѣе дѣятельная часть его не жила въ мѣстности, гдѣ она владѣла землею. Въ Большомъ наказѣ ***) Екатерина жалуется, что хозяева деревень, бывая въ нихъ очень рѣдко или и совсѣмъ не бывая и, слѣдовательно, сами не занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, заводятъ тамъ оброчную систему, которую она признавала вредной, и что всѣ деревни

*) Ему принадлежатъ 1-ое и 3-е раздѣленіе наказа. 2-ое раздѣленіе—составлено неизвѣстнымъ лицомъ. Сочиненія кн. Щербатова, СПб. 1896 г. т. I, стр. 30 и 31.

**) Впрочемъ, къ показаніямъ Бибикова-сына слѣдуетъ относиться осторожно. Такъ онъ упоминаетъ о такихъ статьяхъ этого наказа, которыхъ на самомъ дѣлѣ тамъ нѣтъ (о вольныхъ хлѣбопашцахъ, о воспрещеніи продажи крѣпостныхъ). За то такое требованіе, которое тамъ есть—лишеніе права службою получать дворянское достоинство—едва ли соотвѣтствовало взглядамъ императрицы. Это онъ такъ преувеличенно обвинялъ костромскихъ дворянъ въ безграмотности, сказавъ что ½ избирателей была безграмотна, тогда какъ такихъ изъ 73 было только 9.

***) Стр. 269.

почти на оброкѣ. Изъ того, однако, что дворянство отвлекалось по большей части изъ своихъ деревень, никакъ не слѣдуетъ заключать, чтобы оно всетаки не интересовалось ихъ судьбою. Съ деревнею связывали отсутствующаго помѣщика самыя прочныя и важныя нити—экономическія. Оттуда онъ получалъ средства къ существованію, тамъ была «вся его жизнь», какъ сказалъ-бы древній лѣтописецъ. Дворянство отдавало государству свои цвѣты и плоды, но корни его, впитывающіе крѣпостной трудъ, таились въ глубинѣ деревни и тѣсно съ нею были связаны. Поэтому каждая невзгода деревни, поражавшая эти корни, отзывалась на немъ очень больно; но оно гораздо болѣе ощущало эту боль, чѣмъ умѣло разсказать о ней и точно формулировать свои ощущенія. Только этимъ наболѣвшимъ чувствомъ и можно себѣ объяснить такое, напр., требованіе одного изъ наказовъ, какъ назначеніе смертной казни за каждую взятку, какъ бы она ни была незначительна. Это просто крикъ отъ боли, причиняемый такимъ ужаснымъ недугомъ, какимъ было взяточничество въ XVIII вѣкѣ. При частныхъ встрѣчахъ другъ съ другомъ тогдашніе помѣщики, вѣроятно, не менѣе теперешнихъ умѣли охами и вздохами жаловаться другъ другу на печальное положеніе обстоятельствъ. Совсѣмъ иное было дѣло облечь эти жалобы въ опредѣленную точную форму. Къ тому же дворянство совсѣмъ отвыкло дѣйствовать обществомъ въ мѣстныхъ дѣлахъ, отставъ въ этомъ отношеніи даже отъ дворянъ XVII вѣка, всетаки съѣзжавшихся время отъ времени для разнаго рода выборовъ. Если уже послѣ долгаго дѣйствія екатерининскихъ учрежденій провинція была полна Плюшкиныхъ и Собакевичей, то не надо забывать, что наказы въ комиссію 1767 г. подписывались ихъ отцами, которые не испытали на себѣ воспитательнаго дѣйствія никакихъ общественныхъ учрежденій, подобныхъ екатерининскимъ. Тѣмъ труднѣе было имъ отдавать себѣ ясный отчетъ о мѣстныхъ дѣлахъ и, отрѣшаясь отъ частныхъ отдѣльныхъ фактовъ, которые было запрещено вносить въ наказы, представлять нужды уѣзда въ видѣ общихъ формулъ и отыскивать общія причины явленій. Съ трогательною скромностью тульскіе дворяне просили ихъ извинить, если наказъ ихъ покажется «смѣшаннымъ и непорядочно разсѣяннымъ по непривычкѣ нашей въ семъ упражненіи». Дворяне Серпуховскаго, Тарусскаго и Оболенскаго уѣздовъ боятся за неполноту довольно обстоятельно все таки составленнаго ими наказа; поводомъ къ такому опасенію служитъ у нихъ, очевидно, также сознаніе непривычки и неумѣнья работать на такого рода поприщѣ, «ибо мы ниже подписавшіеся», какъ говорятъ они въ наказѣ, «почти всю жизнь свою употребили въ военной Ея И. В. службѣ» *) Эта непривычка говорить публично и писать объ общественныхъ дѣлахъ отразилась даже на самомъ слогѣ наказовъ: нѣкоторые изъ нихъ написаны съ

*) XXVI. XLIV.

безтолковостью, достойною развѣ помѣщицы Коробочки, въ особенности когда дѣло касается юридической области. Это какой то надутый, расплывчатый, туманный и часто чрезмѣрно напыщенный языкъ, лишающій иногда возможности уловить какія-нибудь опредѣленныя очертанія. А между тѣмъ это вовсе не вина вообще языка XVIII вѣка: тогда же существовалъ и другой слогъ. Прочтите наряду съ этими наказами какое-нибудь «доношеніе», написанное простымъ подъячимъ любой воеводской канцеляріи: оно всегда ясно, полно и иногда даже со щегольствомъ. Значитъ, причина неполноты и неясности наказовъ зависитъ не отъ свойствъ языка, а отъ непривычки обстоятельно обдумывать мѣстныя общественныя нужды и дѣловито ихъ выражать. Раньше правительство никогда не спрашивало о нихъ дворянство, поэтому оно и не привыкло дѣловымъ языкомъ о нихъ отвѣчать. Быть можетъ именно это неумѣнье и сомнѣніе въ своихъ силахъ и побуждало иные уѣзды обращаться къ сосѣдямъ и списывать ихъ наказы цѣликомъ или внося только нѣкоторыя измѣненія *). Дворяне Рославльскаго уѣзда (Смоленской губерніи), опасаясь за неполноту составленнаго ими наказа, прямо поручали своему депутату заглянуть, если будетъ имѣть къ тому случай, въ наказъ дворянъ сосѣдняго Смоленскаго уѣзда и прибавить оттуда въ свой, если что нибудь найдетъ тамъ лишнее противъ ихъ наказа. Иногда это недовѣріе къ своимъ силамъ достигаетъ крайней степени: дворяне Юрьева-Польскаго уѣзда заявили, что они ничего представлять не могутъ по своему скудоумію. Но особенно тяжелое впечатлѣніе производитъ очень коротенькій наказъ дворянъ Кадыевскаго уѣзда **), уже достаточно, впрочемъ, осмѣянный въ нашей литературѣ. Эти захолустные дворяне обратили главное вниманіе на одно неудобство, казавшееся имъ наиболѣе существеннымъ: благодаря казенной винной монополіи, было ограничено право частнаго винокуренія и перевоза вина помѣщикомъ изъ своей деревни въ городъ: «посему дворянство», жалуется этотъ наказъ, «имѣя штабъ и оберъ-офицерскіе чины, пріѣхавъ въ городъ, за неимѣніемъ при себѣ домовой водки и вина, принуждены бываютъ съ питейныхъ домовъ покупать водку и вино многимъ съ противными и съ непристойными специями и запахомъ; почему дворянство по характерамъ ихъ видѣть принуждены въ томъ себѣ недостатокъ». Положимъ, Кадыевъ былъ одинъ изъ тѣхъ темнымъ угловъ русской земли, которые такъ мѣтко охарактеризовалъ Сквозникъ-Дму-

---

*) Въ этомъ для насъ еще небольшая бѣда относительно полноты наказовъ, какъ источника, такъ какъ сосѣдніе уѣзды жаловались обыкновенно на одно и тоже, даже если и самостоятельно составляли наказы. Но есть и другіе случаи заимствованія: наказъ Луховскаго у. теперешней Костромской губерніи весь сшитъ изъ лоскутовъ, взятыхъ изъ наказовъ довольно далекихъ отъ него уѣздовъ Тульскаго и Одоевскаго. Съ тульскимъ наказомъ очень много общаго также у шуйскаго.

**) Теперь Кадыевъ—заштатный городъ Костромской губерніи.

хановскій, сказавъ, что оттуда хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь.

Все это, однако, только немногія исключенія, которыя тѣмъ болѣе обращають на себя вниманіе, что они рѣдки. Совсѣмъ иное впечатлѣніе получишь, ознакомившись со всею массой наказовъ. Пусть нѣкоторые не полны и выражены невразумительно: они дополняются и объясняются другими. Что за бѣда, что немногіе изъ нихъ въ этомъ большомъ хорѣ берутъ невѣрную ноту и не дотягиваютъ за неимѣніемъ голоса: ихъ подавляетъ своей массой остальной хоръ, издающій вполнѣ согласное минорное созвучіе. Картина провинціи XVIII вѣка является нарисованною очень полно, когда прочтешь всѣ наказы. Большинство тогдашняго дворянства поняло и постаралось исполнить предложенную ему задачу вполнѣ серьезно. Это во 1-хъ показываетъ та дѣлающая ему честь откровенность, съ которою оно высказало свои жалобы предъ престоломъ, хотя приходилось иногда задѣвать довольно щекотливыя темы, рискуя попасть въ неловкое положеніе. Кажется, этимъ опасеніемъ и должно объяснить ту нѣсколько раболѣпную форму, которой отличаются многіе наказы: быть можетъ ею дворянство хотѣло заявить о своей неизмѣнной преданности самому престолу въ то время, какъ ему приходилось рѣзко осуждать изданные высочайшей властью законы или критиковать дѣйствія назначаемыхъ тою же властью агентовъ. Дворянство въ наказахъ сказало своей государынѣ горькую правду съ тою же откровенностью, съ какою его предки обращались съ челобитными къ своимъ царямъ, съ разницею развѣ только въ выраженіяхъ: тамъ, гдѣ послѣдніе коротко говорили: «*бьютъ челомъ холопи твои*», тамъ первые «съ рабскимъ подобострастіемъ преклоняли *колѣна сердецъ своихъ* и припадали къ освященнымъ стопамъ». Притомъ обстоятельства были уже иныя: правительство XVIII в. переставало отвѣчать взаимностью на такую откровенность. Царь XVI и XVII вв. не стѣснялся въ тысячахъ своихъ грамотъ соглашаться и заявлять публично о негодности воеводскаго персонала и о раззореніи управляемыхъ. Правительства XVIII вѣка были какъ то болѣе самолюбивы и менѣе склонны критиковать свои собственныя дѣйствія, а критиковъ изъ общества посылали въ Преображенскій приказъ или Тайную канцелярію бесѣдовать съ Ромодановскимъ или Ушаковымъ. Тѣмъ болѣе, слѣдовательно, дворянство могло опасаться очутиться въ неловкомъ положеніи, высказывая правду, которая могла колоть глаза—и тѣмъ не менѣе высказало. Въ своихъ сѣтованіяхъ оно иногда доходило до того одушевленія, въ которое приходитъ обиженный и жалующійся человѣкъ, найдя участливаго слушателя: въ этомъ можно легко убѣдиться прочтя наказъ Ряжскаго уѣзда, гдѣ съ необыкновенной горячностью дворяне перечислили всѣ тѣ обиды, которыя имъ приходилось терпѣть отъ воеводской канцеляріи своего уѣзда. Другой наказъ прямо таки требовалъ,

чтобы даже самое слово «воевода» было забыто *). Тутъ вылилось долго скрываемое, но сильно наболѣвшее чувство, котораго не могла удержать оффиціальность подаваемой жалобы.

Насколько серьезно относились иныя дворянства къ возложенному на нихъ дѣлу, это видно, затѣмъ, изъ того, что они не считали своего дѣла оконченнымъ, избравъ депутата и вручивъ ему наказъ, и не потеряли интереса къ дальнѣйшимъ судьбамъ этого наказа: они предписывали въ заключеніи наказа своему депутату поддерживать сношенія съ предводителемъ, иногда даже «еженочтно», увѣдомляя его о ходѣ дѣла въ коммиссіи. Наконецъ, ближайшее знакомство съ самымъ содержаніемъ наказовъ лучше всего показываетъ ихъ дѣльность.

II.

Въ двухъ отношеніяхъ наказы, данные уѣздными дворянствами своимъ депутатамъ, могутъ служить для насъ источникомъ для знакомства съ состояніемъ русской провинціи XVIII вѣка. Какъ извѣстно, дворянству было предоставлено изъяснить въ этихъ наказахъ мѣстные нужды и недостатки, т. е. жаловаться. Но цѣль коммиссіи была главнымъ образомъ законодательная: она призывалась «сочинить» проектъ Новаго Уложенія на мѣсто прежняго уложенія царя Алексѣя, совершенно устарѣвшаго и непригоднаго, а все еще не отмѣненнаго и продолжавшаго свое дѣйствіе. При выборѣ депутата имѣлось въ виду, что онъ поѣдетъ въ Москву не только представлять нужды, но и участвовать въ составленіи новыхъ законовъ. Вотъ почему и уѣздныя дворянства, обсуждая свои нужды и недостатки, добрую долю своего вниманія направили на критику стараго законодательства и на ходатайства объ изданіи цѣлаго ряда новыхъ законовъ, казавшихся ему необходимыми. Но критикуя старый законъ по частямъ или требуя отмѣны его въ цѣломъ, они въ большинствѣ случаевъ довольно подробно и обстоятельно мотивировали свое требованіе, указывали на неудобства отъ примѣненія извѣстнаго закона въ жизни, на его обходъ житейской практикой, на вредныя послѣдствія отъ него происходящія. Въ свою очередь настаивая на изданіи какого либо новаго закона, содержаніе котораго тутъ же въ наказѣ и проектировалось, дворянство указывало на тѣ существующія въ жизни неудобства, которыя, по его мнѣнію, такой законъ могъ бы искоренить. Чѣмъ подробнѣе эта мотивировка, чѣмъ она ближе къ жизни и конкретнѣе, тѣмъ для насъ она, конечно, драгоцѣннѣе, такъ какъ тѣмъ лучше она рисуетъ провинціальные порядки, на которые жаловалось дворянство. Но оно очень рѣдко ограничивалось только жалобой. По большей части оно тутъ же и подсказывало правительству тѣ средства, при помощи кото-

*) XXVI, 20.

рыхъ оно надѣялось прекратить окружающія его неудобства и достигнуть того общаго «блаженства», создать которое и было конечной цѣлью коммиссіи и о которомъ гласила надпись на депутатскихъ знакахъ. Такимъ образомъ, по дворянскимъ наказамъ мы узнаемъ не только то, на что дворянство жаловалось, но и то, чего оно хотѣло. Оба эти предмета: и предметъ его жалобъ, какъ и предметъ его просьбъ въ одинаковой степени для насъ важны. Первый знакомитъ насъ съ тою дѣйствительностью, въ которой жилъ руководящій провинціальный классъ, второй—съ тѣми идеалами, которыми онъ жилъ: а безъ идеаловъ, какъ бы ни была различна ихъ цѣнность, не можетъ *жить* никакое человѣческое общество, какъ безъ нихъ не живетъ никакая отдѣльная личность. Жизнь безъ идеала не жизнь, а только прозябаніе.

Правомъ обратиться къ правительству съ жалобой дворянство воспользовалось въ самой широкой степени, и эти жалобы были большею частью довольно горьки. Только очень немногіе уѣзды, съ наказами которыхъ мы познакомились выше, были настроены такъ оптимистически. Подавляющее большинство остальныхъ исполнено невеселаго взгляда на окружающую дѣйствительность. И такъ, на что же жаловалось дворянство XVIII в. въ своихъ наказахъ? Уже заранѣе можно предвидѣть, что главная масса жалобъ будетъ направлена на то, что болѣе всего задѣвало его главные интересы. До второй половины прошлаго вѣка русское дворянство имѣло двоякое значеніе: оно было служилымъ и владѣльческимъ классомъ. Въ первомъ своемъ качествѣ оно было связано съ государствомъ, которому оно обязано было службой, во второмъ—съ мѣстностью, гдѣ находился источникъ его содержанія. На него была наложена повинность личной службы государству, такъ же, какъ на другіе классы была наложена повинность доставлять государству финансы. Государственными интересами поглощались до половины XVIII в. въ Россіи всѣ остальные; поэтому первое значеніе дворянства несоизмѣримо господствовало надъ вторымъ. Пока главною изъ государственныхъ задачъ была внѣшняя оборона — мѣстность разсматривалась гораздо больше, какъ источникъ рессурсовъ для государственныхъ потребностей, чѣмъ какъ предметъ заботъ со стороны государства. Всѣ свои силы мѣстность напрягала для государства, отъ котораго получала пока только безопасность отъ внѣшнихъ враговъ. И дворянское землевладѣніе было тогда только рессурсомъ для отбыванія службы, подобно тому какъ теперь такимъ средствомъ для отбыванія государственной службы является для чиновника получаемое имъ денежное жалованье. Съ нашей точки зрѣнія плохъ тотъ чиновникъ, который жалованьемъ интересуется больше, чѣмъ самой службой, и не разсматриваетъ перваго какъ средство для второй; соотвѣтственно этому съ точки зрѣнія тогдашняго государства плохъ былъ бы тотъ дворянинъ, котораго интересы направлялись къ помѣстью больше чѣмъ къ службѣ, какъ бы велика ни была разница

между денежнымъ содержаніемъ, не требующимъ никакого ухода, и землею, требующею усиленныхъ трудовъ и заботъ, чтобъ быть дѣйствительнымъ источникомъ содержанія. Въ эпоху наказовъ это сословіе, выразившее на себя устами рыльскаго дворянства взглядъ, какъ на «камень, служащій основаніемъ государству»—не забываетъ еще своего служилаго значенія. Столичное московское дворянство «приводитъ себѣ на память, что россійское дворянство издревле яко корпусъ, составляющій силу, оборону и независимость государства». Совершенно такіе же взгляды на свое служилое происхожееніе и значеніе высказываютъ и провинціальныя дворянства, какъ, напр., болховское, заявляющее, что «вся слава и честь дворянства—жертвовать себя въ службѣ Ея И. В.», или валуйское, доказывавшее, что «начатокъ дворянства не инымъ образомъ произошелъ, какъ отъ достопамятныхъ дѣлъ и заслугъ предковъ ихъ». Но уже въ эпоху наказовъ служилый интересъ дворянства отошелъ на второй планъ: вѣдь онъ и состоялъ только въ томъ, быть или не быть обязательной службѣ. То былъ интересъ чисто отрицательнаго характера, какой возбуждаетъ въ обществѣ всякая накладываемая на него повинность: дворянство спало и видѣло, какъ бы добиться необязательности службы и, конечно, пиши оно свои наказы до манифеста 18 февраля 1762 г., въ нихъ на главномъ мѣстѣ стояли бы ходатайства объ отмѣнѣ или, по крайней мѣрѣ, о сокращеніи срока обязательной службы. Съ изданіемъ этого манифеста самая насущная потребность дворянства была удовлетворена: ему предоставлена была свобода служить или не служить по своей волѣ. Вотъ почему въ наказахъ и нѣтъ просьбъ о службѣ. Какъ это ни странно, въ одномъ изъ нихъ встрѣчается даже совершенно обратное требованіе. Наказъ Кашинскаго уѣзда проситъ о введеніи вновь обязательной службы, ограниченной только десятилѣтнимъ срокомъ, мотивируя свою просьбу тѣмъ соображеніенъ, что «первый долгъ дворянскій зависитъ въ томъ, чтобы показать заслуги своему отечеству за всѣ тѣ преимущества, которыми онъ (т. е. дворянинъ) отъ государя своего пожалованъ». Вполнѣ естественно, что вслѣдъ за снятіемъ съ очереди вопроса о службѣ, на первый планъ выступилъ другой существенный дворянскій интересъ — владѣльческій. Связь, бывшая прежде между землевладѣніемъ и службой, теперь уже порвалась. Наоборотъ даже, по мѣрѣ того какъ съ дворянина постепенно снималась повинность обязательной службы, его владѣльческія права все болѣе и болѣе укрѣплялись. Всѣ его земельныя владѣнія обращены были въ вотчины; помѣстье — этотъ временный и условный видъ владѣнія — было уничтожено. Мало того, владѣніе землей и крѣпостнымъ трудомъ дѣлалось все болѣе исключительной привиллегіей дворянскаго класса: переставая быть обязательно служилымъ, этотъ классъ все болѣе становился привиллегированно-владѣльческимъ. Такимъ онъ и выступилъ въ наказахъ. Въ нихъ болѣе всего дворянство занято своими владѣльческими правами и

довольно равнодушно къ личнымъ. Въ нѣкоторыхъ, но только въ немногихъ, наказахъ былъ возбужденъ вопросъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для дворянина. И позже при обсужденіи этого вопроса въ самой коммиссіи, когда въ ней разсматривался «проектъ правъ благородныхъ», послужившій основаніемъ для изданной впослѣдствіи жалованной грамоты, несмотря на сильную оппозицію представителей другихъ сословій, горячо возстававшихъ противъ такого изъятія для дворянъ изъ общаго уголовнаго права, эта важная статья не нашла себѣ защиты въ представителяхъ дворянскаго сословія, равнодушно выслушавшихъ нападки на нее.

И такъ, владѣльческіе интересы стоятъ у нашего дворянства XVIII в. на первомъ планѣ. Посмотримъ теперь, чѣмъ особенно было недовольно оно въ области своихъ владѣльческихъ правъ какъ земле- и душе владѣльцы. Прежде всего оно жаловалось на самое состояніе права собственности, т. е. на то положеніе, въ которомъ находилось законодательство о собственности. Излишне говорить, въ какомъ печальномъ положеніи находилось въ половинѣ XVIII в. наше законодательство вообще: лучшимъ доказательствомъ этого служитъ самый созывъ коммиссіи для сочиненія новаго Уложенія. На безпорядокъ въ законодательствѣ жаловалось и дворянство, заявляя въ своихъ наказахъ о «великомъ отягощеніи отъ умноженія указовъ» и прося, по изданіи новаго уложенія, впредь сепаратныхъ указовъ не издавать. Но быть можетъ ни въ одномъ отдѣлѣ правъ не было такой путаницы, какъ въ правѣ на землю. Дѣйствовало неотмѣненное формально уложеніе 1649 г.; вмѣстѣ съ нимъ дѣйствовала необъятная масса изданныхъ послѣ него указовъ, не рѣдко противорѣчивыхъ, притомъ нигдѣ не только не сведенныхъ, но даже и не собранныхъ. Не было не только никакого свода законовъ, но даже и простого ихъ сборника. Вслѣдствіе этого публика могла плохо быть знакома съ законодательствомъ, и оно могло быть хорошо извѣстно только опытному приказному практику. А между тѣмъ едва ли какимъ нибудь инымъ предметомъ законодательство интересовалось болѣе, чѣмъ правомъ на землю, и едва ли какой другой предметъ вызвалъ такое множество постановленій, какъ этотъ. При такомъ хаотическомъ состояніи законодательства о собственности на землю, вполнѣ естественно, что въ головахъ людей того времени право собственности или не сознавалось въ ясныхъ опредѣленныхъ очертаніяхъ, или, если такое ясное сознаніе права было, то это было только идеальное право, которое иногда шло совсѣмъ въ разрѣзъ съ существующимъ законодательствомъ. А между тѣмъ люди того времени и руководились иногда такимъ идеальнымъ правомъ, благодаря чему на практикѣ появлялись сдѣлки, противорѣчащія закону или непризнанныя имъ и потому могущія быть поводами къ процессамъ, особенно при развитіи ябедничества, на которое такъ жалуются наказы. И такъ, дворянинъ могъ владѣть попавшимъ къ нему въ руки имѣніемъ и не всегда давать себѣ

ясный отчетъ, соотвѣтствуетъ ли то основаніе, на которомъ онъ владѣетъ, закону или нѣтъ, и потому не всегда могъ быть спокоенъ за свое владѣніе, если бы какому нибудь сутягѣ сосѣду, заручившемуся небезкорыстною дружбою приказнаго крюка, вздумалось бы почему либо заявить на это имѣніе претензію. Вотъ почему дворянство и жаловалось, что «въ семъ дѣлѣ и законы государственные кажутся намъ быть темны или недостаточны» и что «отъ многаго числа разныхъ указовъ, кои всякій въ свою пользу наклоняетъ—одинъ, можетъ быть, не принадлежащее получитъ, а другой невинно обиженъ»

Кромѣ такой общей темноты въ правѣ собственности, въ отдѣльныхъ случаяхъ было невозможно выяснить и утвердить свое право на извѣстную землю. Въ отдаленномъ захолустномъ уѣздѣ одинъ помѣщикъ продавалъ или закладывалъ другому нѣсколько «четвертей» какой нибудь пустоши. Писался актъ этой сдѣлки—купчая или закладная. Но чтобы такой актъ имѣлъ дѣйствительную силу, его необходимо было «явить» въ правительственномъ мѣстѣ. Теперь въ каждомъ уѣздномъ городѣ есть нотаріусъ, у котораго и являютъ такіе акты. Тогда такую явку можно было сдѣлать только въ одной изъ столицъ въ вотчинной коллегіи или ея конторѣ. Такая централизація поземельныхъ сдѣлокъ не была безъ основаній; въ вотчинной коллегіи хранились писцовыя и межевыя книги всего государства, служившія, между прочимъ, доказательствомъ на право владѣнія за неимѣніемъ плановъ. Такимъ образомъ здѣсь только могла быть произведена какъ провѣрка правъ на извѣстную землю лицъ, заключавшихъ сдѣлку, такъ и отмѣтка о переходѣ этого имущества, съ тѣмъ, чтобы служить въ свою очередь основаніемъ для повѣрки на будущее время. Утвердивъ сдѣлку, Коллегія посылала указъ въ уѣздъ въ воеводскую канцелярію, которая и приводила сдѣлку въ исполненіе, «отказывала» землю тому, кто долженъ былъ получить ее. Это сосредоточеніе поземельныхъ дѣлъ въ одномъ центрѣ досталось вотчинной коллегіи еще отъ эпохи московскаго государства: оно было необходимо при той обширной раздачѣ земель въ помѣстье, какая производилась въ XVI и XVII вѣкахъ, когда правительство должно было зорко слѣдить за расходованіемъ все уменьшавшагося количества земли и для удобства справокъ имѣть весь поземельный архивъ подъ рукою. Въ XVIII в. въ такой централизаціи уже не было нужды, а между тѣмъ она была страшно тяжела для дворянъ землевладѣльцевъ; поѣздка въ отдаленную столицу, наемъ тамъ квартиры и продовольствіе, пока тянулось дѣло, а въ вотчинной коллегіи «скораго рѣшенія по множеству тѣхъ дѣлъ получить было не можно»—легко себѣ представить, что должна была испытать какая нибудь уѣздная Коробочка, когда, пріобрѣтая какое нибудь владѣньице, принуждена бывала отправляться въ Москву. Иногда и

*) XXXIX, 3.

случалось, что поѣздка въ Москву и исполненіе всей этой процедуры при переходѣ земли изъ однихъ рукъ въ другія могла обойтись дороже стоимости самой земли. Поэтому очень часто мелкому и бѣдному дворянину такія поѣздки бывали не подъ силу, и приходилось владѣть землею или по неутвержденному формально документу, или же и вовсе безъ документа. Случалось, что имѣніе могло нѣсколько разъ перемѣнить владѣльцевъ, переходя изъ рукъ въ руки такимъ формально не обезпеченнымъ путемъ, такъ что и самая нить этихъ переходовъ порывалась въ памяти. Создавалась тогда полнѣйшая неясность правъ на извѣстный участокъ земли и невозможность доказать ихъ. При отдаленности присутственнаго мѣста по поземельнымъ дѣламъ и при неполнотѣ и неясности поземельнаго законодательства, возможны были случаи такого рода, упоминаемые иными наказами: покупщикъ имѣнія отдалъ уже за него продавцу деньги и получилъ отъ него купчую крѣпость. Ему остается одна формальность, чтобы вступить во владѣніе пріобрѣтеннымъ имѣніемъ, съѣздить въ Москву явить крѣпость, которую онъ и откладывалъ, отвлеченный службою или по инымъ причинамъ. Между тѣмъ продавецъ умиралъ, имѣніе переходило къ наслѣдникамъ, не знавшимъ о продажѣ, которые и отказывались признать крѣпость дѣйствительной *). Въ этомъ случаѣ нѣтъ еще ничего злоумышленнаго со стороны продавца. Но бывало такъ, и на это жалуются многіе наказы, что владѣлецъ продавалъ землю сразу нѣсколькимъ лицамъ, выдавая каждому купчую крѣпость и получая съ каждаго деньги. Изъ этихъ купчихъ утверждалась вотчинною коллегіей не та, которая раньше была совершена, а просто та, которая раньше другихъ была туда представлена къ утвержденію. Остальные же покупатели, держа въ рукахъ купчія, считали свое право обезпеченнымъ и не спѣшили ѣхать въ вотчинную коллегію. Когда они узнавали объ обманѣ, они могли, если хотѣли, взыскивать потерянныя деньги судомъ; но въ то время это было слишкомъ рискованнымъ предпріятіемъ: начать даже справедливую тяжбу было тогда все равно, что начать азартную игру — можно было потерять и послѣднее. Вотъ почему дворянство такъ настойчиво проситъ перенести поземельныя дѣла въ мѣстность — децентрализовать вотчинную коллегію и ея архивъ.

Итакъ, на общемъ неопредѣленномъ фонѣ имущественнаго права бывало очень часто неясно право отдѣльнаго лица на отдѣльное имущество. Не ограничиваясь, однако, такой общей жалобой на печальное состояніе права собственности, дворянство указывало на отдѣльныя явленія въ области этого права, которыя его тревожили. При этомъ въ однихъ случаяхъ оно жаловалось на излишнюю стѣснительность существующихъ законовъ, въ другихъ же, напротивъ, приводило послѣдствія недостатка ихъ и требовало ихъ дополненія.

*) CXXXI, 36.

Такъ нерѣдко въ наказахъ встрѣчаемъ жалобы на очень съуженное право распоряженія недвижимымъ имуществомъ, на стѣсненіе свободы духовнаго завѣщанія законами о наслѣдствѣ. «О коль совершенно счастливымъ можетъ тогда назваться всякій россійскій дворянинъ», восклицаетъ дмитровскій наказъ, если ему будетъ предоставлена полная свобода распоряжаться своимъ имѣніемъ, не различая движимаго отъ недвижимаго и родового отъ благопріобрѣтеннаго. «Теперь же», мотивируетъ свое пожеланіе наказъ, «родители, видя между дѣтей своихъ одного благоразумнаго и воздержнаго, другого расточителя, желали бы ввѣрить свое имѣніе первому для содержанія другого». Но законъ связываетъ ихъ, и имѣніе дѣлится поровну, ко «взаимному убытку» обоихъ дѣтей. Точно также родители «съ горестью взираютъ на бѣдныхъ дочерей своихъ». Сыну, иногда недостойному, отецъ принужденъ оставить 13 долей имѣнія, а дочь въ нищетѣ съ четырнадцатою долею; между тѣмъ какъ мужчина имѣетъ гораздо болѣе средствъ доставить себѣ пропитаніе, чѣмъ женщина, «которыхъ нерѣдко видимъ угнетаемыхъ скудостью, ведущихъ горестную жизнь, потому что, привыкнувъ жить изобильно въ домѣ родительскомъ, несносно имъ, лишась родителей, лишиться и достаточнаго содержанія». Дворянство жаловалось далѣе на то, что даже бездѣтный владѣлецъ стѣсненъ въ распоряженіи имуществомъ: онъ не можетъ оставить его близкому другу, отъ котораго пользовался самъ одолженіями, а обязанъ оставлять его дальнимъ, иногда и неблагодарнымъ родственникамъ. Съ другой стороны дворянство желало бы большаго стѣсненія въ практикѣ раздѣловъ наслѣдуемыхъ имѣній. Доли равноправныхъ наслѣдниковъ должны были быть равны, и практика доводила этотъ принципъ до абсурда. Если наслѣдодатель оставлялъ нѣсколько небольшихъ имѣній, разбросанныхъ по разнымъ уѣздамъ, наслѣдники дѣлились не отдѣльными имѣніями, а дробили ихъ на части, такъ чтобы каждому наслѣднику приходилась доля въ каждомъ имѣніи. Такимъ образомъ и выходило, что доставалось каждому «въ одномъ мѣстѣ пять, въ другомъ двѣ, а въ иномъ почасту и по одной душѣ крестьянъ». «И до того отъ сихъ выдѣловъ дошло», говоритъ псковскій наказъ, «что рѣдко можно сыскать одно селеніе, гдѣ бъ не было пять или десять разныхъ владѣльцевъ». Отсюда недоимки въ государственныхъ сборахъ и нескончаемыя ссоры между сосѣдями, такъ что «бѣдные люди, а наипаче вдовы, претерпѣвая крайнее разореніе, и такія малыя частицы принуждены продавать за безцѣнъ, единственно для избѣжанія ссоръ и нападеній отъ сильныхъ и, однимъ словомъ сказать, въ своемъ имѣніи невольники» *). Части, приходящіяся на долю каждаго изъ дѣлящихся наслѣдниковъ, иногда такъ малы, что, по замѣчанію керенскаго наказа, и одного крестьянина содержать

*) LXIX, 18.

нечѣмъ, и если правительство не прекратитъ такихъ раздѣловъ, то «все дворянство исчезнетъ и хуже однодворцевъ быть могутъ».

Были и другіе пробѣлы въ области наслѣдственнаго права, на которые жаловалось дворянство. Законодательство плохо слѣдило за практикой и не всегда отвѣчало потребностямъ, вызываемымъ этой послѣдней. Очень часто на практикѣ родители еще при жизни передавали все свое имѣніе дѣтямъ, чтобы избавить ихъ отъ хлопотъ по утвержденію въ правахъ наслѣдства и вѣрнѣе укрѣпить за ними имѣніе, и сами поступали на содержаніе къ нимъ. Случай, такъ художественно изображенный Тургеневымъ въ его «Степномъ королѣ Лирѣ», бывалъ, какъ видно изъ наказовъ, очень частымъ въ дворянскомъ быту XVIII в. Если дѣти, получивъ имѣніе, умирали раньше своихъ родителей—имѣніе должно было переходить уже къ ихъ наслѣдникамъ нисходящимъ или боковымъ, но никакъ не къ родителямъ, такъ какъ законъ не зналъ наслѣдованія восходящихъ. Хорошо еще, если такіе наслѣдники—дѣти, умирая, оставляли своимъ родителямъ внуковъ; но если они умирали бездѣтно — наслѣдство могло перейти иногда къ очень отдаленнымъ родственникамъ помимо родителей-наслѣдодателей, не смотря на ближайшую кровную связь ихъ съ умершими. Такой порядокъ вещей одинъ изъ наказовъ называетъ удаленнымъ отъ «естественнаго права», обнаруживая тѣмъ нѣкоторое знакомство съ терминами философіи XVIII в. Здѣсь законодательство, не предполагавшее такой широкой практики сдачи имѣній при жизни, шло въ разрѣзъ со взглядами общества, задѣвая чувство справедливости; поэтому и вызвало противъ себя такъ много жалобъ въ наказахъ.

Подобное же неудовольствіе возбуждали законы о наслѣдованіи бездѣтныхъ супруговъ. По смерти одного изъ нихъ его имущество переходило къ его наслѣдникамъ въ его родъ, оставшійся же въ живыхъ получалъ изъ имущества умершаго только такъ называемую «указную часть» въ размѣрѣ $^1/_7$. Между тѣмъ при жизни обоихъ имущество на практикѣ не раздѣлялось. Если бы оно заключалось въ деньгахъ, тогда легко было выдѣлить часть умершаго. Но совсѣмъ иное дѣло, когда приходилось разстаться съ имѣніемъ, гдѣ была прожита жизнь вмѣстѣ, на хозяйственное улучшеніе котораго были затрачены средства именно того, которому приходилось съ нимъ разставаться. Поэтому дворянство и проситъ установить между супругами наслѣдованіе одного послѣ другого «ибо въ союзномъ бракѣ обще о приращеніи своего интереса трудятся» *), съ тѣмъ, чтобы владѣніе такимъ наслѣдствомъ было пожизненнымъ или до вторичнаго вступленія въ бракъ. Въ особенности большое затрудненіе причинялъ въ такихъ случаяхъ раздѣлъ крѣпостныхъ душъ. Богатая дворянская невѣста приводила за собою въ домъ мужа болѣе или менѣе значительное число такъ называемыхъ «приданыхъ

*) CXX, 6.

дѣвокъ». Эти послѣднія съ теченіемъ времени выдавались за крѣпостныхъ мужа. По смерти жены, если бракъ былъ бездѣтенъ, ея родственники требовали съ мужа не только этихъ «приданыхъ дѣвокъ» ставшихъ теперь уже матерями семействъ, но и ихъ мужей и семейства. Такое требованіе поддерживалось закономъ *), а между тѣмъ оно могло произвести цѣлое разореніе въ хозяйствѣ овдовѣвшаго супруга. Вообще трудно себѣ представить что нибудь печальнѣе положенія, въ какое попадалъ такой бездѣтный вдовецъ. Тотчасъ же на него набрасывалась вся женина родня со взысканіемъ ея имущества до послѣдней нитки: ея земель, ея крѣпостныхъ, его крѣпостныхъ, женившихся на ея приданыхъ дѣвкахъ; мало того, требовали всю движимость и даже платья, которыя давнымъ давно могли быть изношены. Списокъ приданаго вносился обыкновенно въ такъ называемую «рядную», составлявшуюся предъ бракомъ, и вдовецъ обязанъ былъ возвратить въ точности все перечисленное въ этомъ спискѣ. Отъ этого возвращенія по рядной, говоритъ болховскій наказъ, «нерѣдко мужъ въ крайнее разореніе приходитъ, ибо, не взирая на тридцати и сорокалѣтнее жены его съ нимъ пребываніе, съ него требуютъ возвращенія приданаго, которое она уже переносила», тѣмъ болѣе, что въ рядной обыкновенно цѣна всякой вещи «ради пышности и тщеславія» сильно преувеличивалась. Всѣ эти явленія въ области наслѣдственнаго права казались дворянству несправедливыми, и оно требовало ихъ измѣненій. Но то, чего оно добивалось, было нисколько не чуждо вообще русскому праву. Еще въ Псковской Правдѣ есть постановленія о взаимномъ наслѣдованіи супруговъ другъ послѣ друга, пожизненнаго или до второго брака, какъ въ движимомъ, такъ и въ недвижимомъ имуществѣ. Тамъ есть также оговорка, какъ разъ предотвращавшая возникновеніе явленій только что изложенныхъ. Въ случаѣ вступленія во второй бракъ мужъ долженъ былъ возвратить родственникамъ первой жены также и ея платье, но при этомъ ему должны были повѣрить на слово, что онъ все отдалъ, и не принуждать его къ показанію подъ присягой **).

Замѣчательно, что самое главное изъ владѣльческихъ правъ, принадлежавшихъ дворянству—крѣпостное право на крестьянъ—не возбудило къ себѣ въ наказахъ почти никакого вниманія. Въ нихъ, какъ мы увидимъ ниже, очень много недовольства на нѣкоторые частные законы, стоявшіе въ связи съ крѣпостнымъ правомъ, напр., на законы о бѣглыхъ крестьянахъ, но самое крѣпостное право по существу не вызвало никакихъ замѣчаній. Легко понять, почему такъ было. Очевидно, что уѣздныя дворянства, составляя наказы, не могли допустить и мысли о томъ, чтобы это право было поставлено подъ знакъ вопроса. Они считали его на-

*) CXXIV, 9.
**) Пск. Суд. Гр. ст. 89—90.

столько исконнымъ и неотъемлемымъ, что не находили нужнымъ о немъ и заговаривать, совершенно не предвидя, что оно сдѣлается вопросомъ, хотя и мимолетнымъ, уже въ самой комиссіи. Дворянство нисколько не боялось за прочность этого права сверху. И если наказъ Шелонской пятины просилъ въ новомъ Уложеніи «подтвердить съ такимъ объявленіемъ, что узаконенная издревле помѣщицкая власть надъ ихъ людьми и крестьянами неотъемлется, какъ донынѣ была, такъ и впредь будетъ», то вовсе не потому, чтобы составители его не были увѣрены въ дальнѣйшемъ существованіи крѣпостного права: напротивъ, самый тонъ этихъ словъ показываетъ, что они не имѣли на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній—а единственно только по тому, что они «стали примѣчать, что люди и крестьяне помѣщикамъ своимъ послушаніе по нѣскольку уменьшаютъ». Такимъ образомъ дворяне Шелонской пятины гораздо болѣе боялись за крѣпостное право снизу, чѣмъ сверху, и эта статья должна была быть включена въ Уложеніе не ради увѣренія дворянства, а только ради внушенія крѣпостнымъ. Не безпокоясь за самое бытіе крѣпостного права, дворянство не ходатайствовало вовсе и о его развитіи. На практикѣ это развитіе, очевидно, дошло уже до такихъ предѣловъ, что не оставалось желать ничего большого. Законодательство, слѣдуя въ направленіи, указанномъ практикою, доходило къ половинѣ XVIII в. до высшей точки въ развитіи этого права: какъ разъ наканунѣ созванія депутатовъ, въ 1765 г., законъ настолько расширилъ власть помѣщика надъ крѣпостнымъ, что позволилъ первому ссылать второго въ Сибирь уже не только на поселеніе, какъ это разрѣшалось закономъ 1760 г., но и въ каторжныя работы. Вотъ почему дворянство Керенскаго уѣзда, одно изъ очень немногихъ, коснувшихся крѣпостного права, не находя уже ничего, о чемъ бы можно было просить для его расширенія, просило только *не ограничивать* власти и полномочія дворянства надъ своими дворовыми и крестьянами, «ибо Россійской имперіи народъ сравненія не имѣетъ въ качествахъ съ европейскими». Иными словами оно считало основаніемъ для крѣпостного права самыя природныя свойства русскаго народа, совершенно также, какъ Аристотель полагалъ, что сама природа предназначаетъ нѣкоторыя племена къ рабству. Положеніе дѣла въ жизни вполнѣ удовлетворяло дворянъ-помѣщиковъ, и только одно ливенское дворянство не посовѣстилось выступить съ требованіемъ, сильно отдававшимъ воззрѣніями Двинской Судной Грамоты (1397): не ставить въ вину помѣщикамъ и ихъ прикащикамъ смерти крестьянина, если она «учинится ему паче чаянія при бою» плетьми, батожьемъ или палками въ наказаніе «за продерзности», прося такимъ образомъ для помѣщика не иного чего, какъ замаскированнаго права смертной казни надъ крестьянами. Что такіе случаи бывали на практикѣ, это хорошо извѣстно, но только у одного уѣзда хватило духу обратиться съ просьбой санкціонировать эту практику закономъ.

Недостатки въ общемъ правѣ, о которыхъ сочло нужнымъ заявить дворянство, отражались въ одинаковой мѣрѣ въ каждой провинціи и болѣе или менѣе сильно давали себя знать всему дворянству. Но гораздо болѣе вниманія привлекали къ себѣ въ наказахъ тѣ спеціально мѣстныя условія, при которыхъ дворянству приходилось осуществлять свои, хотя бы и неудовлетворявшія его владѣльческія права. Въ жалобахъ этого рода выступаютъ мрачныя стороны мѣстной жизни: наказы, конечно, могутъ характеризовать провинцію только съ этой стороны. Дѣйствительно, картина тѣхъ условій, въ которыхъ жило помѣстное дворянство въ первой половинѣ XVIII в., какъ ее рисуютъ наказы, является крайне безотрадной. «Мы вообще не такъ время свое провождаемъ, какъ бы надлежало», жалуется рыльское дворянство, «не такъ живемъ, какъ благородному дворянству прилично». Нѣсколько наказовъ коснулись нравовъ общества и жаловались на недостатокъ просвѣщенія и въ простомъ народѣ и въ дворянствѣ: «по несчастію нашему простой нашъ народъ мало о законѣ Божіемъ знаетъ, а много таковыхъ, кои и совсѣмъ не знаютъ—отчего въ обществѣ большія несправедливости, ложь, воровство, грабительство и смертоубійство не искореняются». Свѣтскіе же законы и наказанія противъ такихъ нравственныхъ золъ недѣйствительны, разсуждаетъ псковское дворянство. Дѣти бѣдныхъ дворянъ, по замѣчанію костромскаго наказа, «въ невѣжествѣ и косности возрастаютъ и не только дѣлаются неспособными къ службѣ, но и ни малѣйшаго вида дворянскаго въ житіи и въ поведеніи своемъ не имѣютъ: а многіе черезъ то приходятъ въ разныя гнустныя страсти и шалости, которыя имъ же самимъ, наконецъ, во вредъ и погибель обращаются». То сословіе, которое должно было бы просвѣщать народъ, оказывалось ниже своего назначенія и по темнотѣ развѣ немногимъ отличалось отъ простого народа. «Можетъ-ли незнающій научить незнающаго», спрашиваетъ псковское дворянство, разсуждая о невѣжествѣ сельскаго духовенства. Все хоть немного образованное духовенство получаетъ мѣста въ городахъ, сельскій священникъ «не токмо какое поученіе, ниже о чемъ изъяснить о худомъ и о хорошемъ можетъ, ибо самъ мало знаетъ». Низшіе церковно-служители: дьячки и пономари при уѣздныхъ церквахъ «того-жъ сорта незнающихъ и самые простѣйшіе». Ефремовскіе дворяне, прося правительство «вкоренить въ сердца наши страхъ, чтобы помнили Бога и законъ Его», жаловались, что во всемъ городѣ Ефремовѣ и въ уѣздѣ нѣтъ ни одного ученаго священника, а какіе есть—тѣ отъ неразумія не только не могутъ никого наставить на истинный законъ, но еще и сами «въ худыхъ предпріятіяхъ состоятъ, многіе входятъ въ ябеды... и употребляютъ себя въ другихъ количествахъ, то есть въ пьянствахъ и въ чиненіи безобразностей». Поэтому «подлый народъ» никакого благочинія отъ нихъ «набраться не можетъ». Бѣлевское дворянство, жалуясь на бѣдствія, которыя ему приходится терпѣть

отъ воровъ и разбойниковъ, прибавляетъ, что, какъ оказывается изъ розыскныхъ дѣлъ, «по большей части въ сихъ разбойническихъ партіяхъ попы, дьяконы и дьячки являются—и самое большое пристанодержательство отъ нихъ же происходитъ». Съ такимъ неудовлетворительнымъ положеніемъ духовенства керенскій наказъ ставитъ въ связь усиленіе раскола и даже выражаетъ опасеніе, «чтобъ и вся подлость въ ту ересь прельщена не была». Поученія въ церкви эта «подлость» никогда никакого не слышитъ, раскольники, «яко ханжи таскаясь по селамъ и деревнямъ», всячески прельщаютъ народъ въ ересь, а сельскіе священники и церковники «больше стараются себя употреблять въ воровство». Жалобы этихъ двухъ послѣднихъ наказовъ читаешь съ немалымъ удивленіемъ.

Но только очень и очень немногіе наказы видятъ средство для борьбы съ такимъ печальнымъ состояніемъ нравственнаго уровня народа въ распространеніи среди него грамотности и требуютъ учрежденія для него школъ. Таковы псковскій, который желалъ распространенія школъ грамотности, гдѣ преподавателями были бы церковнослужители, или дмитровскій, предлагавшій помѣщикамъ содержать учителя на каждые сто дворовъ для обученія крестьянскихъ дѣтей грамотѣ и первымъ ариѳметическимъ правиламъ, и внушавшій помѣщикамъ, что отъ грамотнаго крестьянина они же получатъ больше пользы и что во всякомъ случаѣ «грамота пахать не помѣшаетъ». Надо, впрочемъ, замѣтить, что эти два наказа вообще отличаются гораздо большею широтою взгляда сравнительно съ другими. Требованія объ учрежденіи мѣстныхъ школъ встрѣчаются и въ нѣкоторыхъ другихъ наказахъ, но только для дворянскихъ дѣтей. Притомъ такія требованія вызывались вовсе не стремленіемъ къ просвѣщенію, а, главнымъ образомъ, условіями военной службы, установившей образовательный цензъ для полученія офицерскаго чина. И тогда, слѣдовательно, какъ еще и теперь, военная служба была главнымъ двигателемъ русскаго просвѣщенія...

Если даже пастыри церкви попадались иногда въ разбойническихъ партіяхъ, то легко себѣ представить, какъ распространены были разбои и какъ жутко было жить тогда въ деревнѣ. Безопасность, дѣйствительно, была совсѣмъ необезпечена; рѣдкій наказъ не пожалуется на воровство и разбои. Это была, очевидно, самая наболѣвшая язва русской провинціи. На населеніе Пензенскаго уѣзда разбойники нагнали ужасъ. Дворяне этого уѣзда, подъ живымъ еще впечатлѣніемъ злодѣйства надъ какимъ то помѣщикомъ Тоузаковымъ, о которомъ они упоминаютъ въ наказѣ, не находятъ словъ для выраженія бѣдствій отъ разбойниковъ. Эти послѣдніе, «кого изъ помѣщиковъ въ домахъ застанутъ, мучатъ злодѣйски, пытаютъ, жгутъ огнемъ, рѣжутъ и на части разрубаютъ и прочими безчеловѣчными мученіями людей, а особливо дворянство умерщвляютъ, а домы ихъ и съ жительствы выжигаютъ». Отъ этого помѣщики, по словамъ наказа, «бѣдственные страхи претерпѣваютъ и

многіе, а особливо въ ночное время, въ домѣхъ своихъ не бываютъ, а укрываютъ себя въ неизвѣстныхъ никому мѣстахъ». Съ необыкновеннымъ единодушіемъ и съ рѣдкимъ ожесточеніемъ дворянство проситъ отмѣны новыхъ болѣе гуманныхъ законовъ, ограничивающихъ пытку и смертную казнь, и настойчиво требуетъ возврата къ старой практикѣ Уложенія, видя въ такихъ суровыхъ наказаніяхъ единственное средство прекратить зло. Тѣ «увѣщеванія отъ священника», которыми законъ 1763 г. пробовалъ замѣнить пытку, годятся, по выраженію алаторскаго дворянства, «просвѣщенному и политизированному народу, а россійскій народъ, когда который сдѣлается злодѣемъ, то уже такое окамененное сердце и духъ сугубый имѣетъ, что не только священнику, и въ розыску, когда его пытаютъ, правды не скажетъ». Не сознавая, дворянство прямо не говорило, отчего россійскій народъ такъ часто дѣлался злодѣемъ, но косвенно оно же само указывало, что главнѣйшій контингентъ разбойническихъ партій составляли бѣглые крѣпостные, и тѣ звѣрства, которыя такъ краснорѣчиво описало пензенское дворянство, совершались именно этого рода людьми и очень часто надъ собственными своими же помѣщиками. Эти послѣдніе попадали въ положеніе между двухъ огней: они принуждены были для защиты себя отъ разбойническихъ наѣздовъ содержать огромную дворню, а между тѣмъ нерѣдко эта же дворня служила источникомъ, откуда формировались разбойническія партіи. По заявленію бѣлевскаго наказа, между разбойниками бываетъ очень много холопей, которые мстя помѣщикамъ «за учиненныя имъ по продерзостямъ ихъ наказанія—съ великимъ свирѣпствомъ возлагаютъ на нихъ руки». Многіе дворяне, продолжаетъ наказъ, «черезъ немногое время жалостно лишены жизни въ нашей провинціи». Судъ и полиція были недостаточны и бездѣйствовали. Само общество не могло имъ содѣйствовать изъ страха. На повальныхъ обыскахъ обыватели принуждены бывали «одабривать» задержанныхъ въ разбоѣ, потому только, что боялись съ ихъ стороны мести, такъ-какъ имъ по большей части удавалось тѣмъ или инымъ путемъ ускользнуть изъ рукъ правосудія.

Не лучше разбойника бывалъ иногда свой же сильный сосѣдъ помѣщикъ, на котораго негдѣ было искать управы и котораго боялись мѣстныя власти. Вотъ почему въ наказахъ такъ же много жалобъ на притѣсненія отъ сильныхъ сосѣдей, какъ и отъ разбойниковъ. Уже по наказамъ видно, что исторія Троекурова съ Дубровскимъ разыгрывалась въ каждомъ уѣздѣ: разработка мѣстныхъ архивовъ вскроетъ не одну сотню дѣлъ подобнаго рода. Самый порядокъ тогдашняго дворянскаго землевладѣнія только содѣйствовалъ этимъ ссорамъ между сосѣдями. Надо замѣтить, что онъ во многомъ не походилъ на тотъ, какой мы знаемъ теперь. Когда мы говоримъ о помѣстьѣ теперь, намъ сейчасъ же рисуется опредѣленный, обведенный точно обозначенными межами участокъ земли разнаго рода съ усадьбою и хозяйственными постройками. Отъ та-

кого представленія надо отрѣшиться, когда идетъ рѣчь о дворянскомъ землевладѣніи первой половины XVIII в.; оно вовсе не было такимъ индивидуальнымъ, за исключеніемъ, быть можетъ, только крупныхъ имѣній. Мелкое дворянское землевладѣніе того времени во многомъ напоминаетъ порядки, которые мы наблюдаемъ въ современной намъ крестьянской общинѣ. Участки отдѣльныхъ лицъ вовсе не были размежеваны: межеваніе только что начиналось не задолго до созванія комиссіи. Одно селеніе, какъ мы видѣли изъ наказовъ, рѣдко когда принадлежало одному и тому же помѣщику: по большой части имъ владѣли нѣсколько лицъ. Между ними распредѣлены были крестьянскіе дворы, раздѣлить которые было не трудно. Но тѣмъ неопредѣленнымъ участкомъ земли, который примыкалъ къ этому селенію, они владѣли сообща. Земля всего селенія разбивалась на три поля, какъ и теперь разбивается земля крестьянской общины. Но въ каждомъ полѣ каждый изъ помѣщиковъ-односельчанъ могъ пользоваться только тѣмъ количествомъ десятинъ, которое полагалось ему по тому документу, по которому онъ владѣлъ землею (т. е. писцовой книгѣ, грамотамъ жалованнымъ, купчимъ и т. д.) и никакъ не больше. Въ XVII в. такая излишняя захваченная помѣщикомъ сверхъ «указной дачи» пахотная земля называлась «примѣрной» и отбиралась у помѣщика при поземельныхъ переписяхъ. Понятно, почему въ то же селеніе, если тамъ оказывалось излишнее количество пахатной земли, достаточное для помѣстнаго оклада, правительство могло присадить еще одного помѣщика и такимъ образомъ содержать въ уѣздѣ однимъ служилымъ человѣкомъ болѣе. И такъ разграничивались не участки земли проведенными на нихъ межами, а только самыя права на извѣстныя количества земли, опредѣляемыя поземельными документами. Такое землевладѣніе замѣтно уже по писцовымъ книгамъ XVI вѣка; съ тѣхъ поръ дробленіе владѣній только увеличилось и черезполосица участковъ могла только возрасти. Въ этихъ дворянскихъ общинахъ происходили постоянныя ссоры: дрались между собой крестьяне одного села, принадлежавшіе разнымъ владѣльцамъ, дрались и сами эти владѣльцы, жившіе тутъ-же въ одномъ селѣ группой. Поэтому и встрѣчаемъ въ наказахъ такія настойчивыя просьбы о размежеваніи общихъ дачъ на отдѣльные участки. Въ такой дворянской общинѣ и былъ особенно широкій просторъ для притѣсненія слабыхъ сильнымъ. Въ нее втирался богатый сосѣдъ помѣщикъ, пріобрѣтая въ ней какимъ-бы то ни было путемъ право хотя бы на одинъ крестьянскій дворъ и нѣсколько четвертей земли. Тогда онъ дѣлался совершеннымъ повелителемъ въ общинѣ: пригоняя изъ своего помѣстья такое количество крѣпостныхъ, что съ ними не могло сладить все селеніе, онъ вырубалъ и свозилъ общій лѣсъ, захватывалъ такое количество земли, какое ему было угодно и т. д. Жалобы на такіе захваты особенно часты въ наказахъ. Судъ былъ безсиленъ противъ силь-

наго и слишкомъ дорогъ для бѣднаго. Да и самыя наказанія за завладѣніе были настолько незначительны, что завладѣніе всегда давало извѣстную прибыль, хотя-бы за него пришлось отвѣтить штрафомъ. Такса этого штрафа установлена была еще Уложеніемъ и была слишкомъ низка сравнительно съ измѣнившимися цѣнами. Такъ напр., по Уложенію за завладѣніе десятиной пашенной земли взыскивалось по 2 руб. за каждый годъ, а по вычисленію одного изъ наказовъ эта десятина, засѣянная рожью, давала въ годъ до 20 рублей *). Другіе посѣвы приносили и болѣе. Завладѣвшій, даже проигравъ процессъ, не былъ такимъ образомъ въ накладѣ.

Эти чрезвычайныя, однако частыя несчастія должны были еще болѣе подрывать благосостояніе помѣщичьяго хозяйства, которое, какъ его рисуютъ наказы, находилось и безъ того въ незавидномъ положеніи. Было много постоянныхъ причинъ, мѣшавшихъ процвѣтанію сельскаго хозяйства въ то время. Изъ нихъ главнѣйшая — непривычка тогдашняго дворянина хозяйничать, вслѣдствіе постояннаго его отсутствія на службѣ — не была отмѣчена наказами, такъ какъ ничто не мѣшало уже теперь дворянину усѣсться въ имѣніи и заняться хозяйствомъ. Но за то вполнѣ ясно, хотя и не прямо, обозначена другая, также отрицательно дѣйствующая причина—крѣпостной трудъ, на которомъ держалось все сельское хозяйство того времени. Дворянство, поскольку оно высказалось въ наказахъ, не сознавало основной причины того бѣдствія, на послѣдствія котораго оно заявляло такія громкія жалобы. Оно жаловалось на то, что этотъ не свободный трудъ ускользалъ изъ его рукъ, что крѣпостные массами бѣжали изъ помѣстій, но оно не сознавало или не хотѣло признаться, что коренной причиной этихъ побѣговъ было именно самое крѣпостное право, и поэтому надѣялось пресѣчь ихъ палліативными средствами въ видѣ усиленія строгости законодательства относительно бѣглыхъ. Какъ бы то ни было, но это послѣдствіе неволи сильно давало себя знать землевладѣльцамъ, и рѣдкій наказъ не пожалуется на крестьянскіе побѣги. Само собою разумѣется, что эти жалобы всего громче раздавались въ окраинныхъ уѣздахъ, откуда и крестьянамъ бѣжать было легче. Тамъ этотъ побѣгъ являлся «главнѣйшимъ изнеможеніемъ». По наказамъ можно прослѣдить даже тѣ направленія, по которымъ отливалъ крѣпостной трудъ изъ центральной Россіи. Ихъ было два: изъ юго-восточныхъ уѣздовъ крестьяне бѣжали по Волгѣ или въ низовые приволжскіе города, гдѣ находили заработокъ, или въ степи Яицкаго и Донского войска, гдѣ, зимуя, организовали разбойническія шайки, весной подымавшіяся на свой промыселъ къ сѣверу **). Эта масса бѣглаго люда, скопившаяся на юго-восточной окраинѣ, и была нѣсколько лѣтъ спустя однимъ изъ

*) XXIX, 7, 8.
**) LXXXIV, 2).

главныхъ элементовъ пугачевскаго ополченія. Другое направленіе шло на западъ въ Польшу, и отъ него страдали пограничныя съ Польшей мѣстности теперешнихъ Новгородской, Псковской, Смоленской и Калужской губерній. Пограничная линія не была естественною и плохо охранялась рѣдкими и малолюдными военными форпостами, такъ что перейти ее было довольно не трудно. Какъ можно судить изъ наказовъ, положеніе крестьянъ въ сосѣдней Литвѣ было легче, чѣмъ въ Россіи. По крайней мѣрѣ дворянство Пусторжевскаго уѣзда чистосердечно разсказало правительству о томъ, какъ оно пытается иногда возвратить бѣглецовъ «ласковымъ вызовомъ» и какіе «бездѣльническіе отвѣты» получаетъ отъ бывшихъ крѣпостныхъ. Въ этихъ отвѣтахъ они «не токмо помѣщиковъ, но и самую природную свою сторону безстрашно порицаютъ». Перечислены далѣе и тѣ отечественные порядки, противъ которыхъ направлена была критика этихъ бѣжавшихъ и которые заставляли покидать родину: на первомъ мѣстѣ неволя, затѣмъ тягость государственныхъ повинностей; «а сверхъ того клевещутъ и на господскія тяглы, чего де въ Польшѣ уже нѣтъ, а знаютъ де только заплатить за грунтъ и панскую работу, а въ прочемъ де *я во всемъ воленъ*», прибавляетъ наказъ, передавая уже эти крестьянскіе отвѣты прямою рѣчью. Кромѣ того для крестьянъ были тяжелы въ Россіи казенныя монополіи винная и въ особенности соляная, которыхъ не было въ Польшѣ, и, если вѣрить наказамъ, дешевизна соли и вина за-границей была одной изъ приманокъ къ побѣгу. Словомъ, крестьянинъ находилъ польскіе порядки гораздо болѣе легкими и постоянно «озирался на тамошнія вольности», а бѣжавъ и «облакомясь» этими вольностями, по выраженію одного наказа, переводилъ туда свои семейства и подговаривалъ къ бѣгству своихъ односельчанъ. Одна часть бѣглецовъ садилась на земляхъ польскихъ помѣщиковъ и тамъ оставалась, перемѣняя даже вѣру на уніатскую или католическую. По замѣчанію опочецкаго наказа, сосѣдніе съ Россіею польскіе владѣльцы, которые прежде совсѣмъ не имѣли крестьянъ и по бѣдности сами пахали землю,—теперь, благодаря притоку русскихъ бѣглецовъ, разбогатѣли и имѣютъ большія маетности. Другіе бѣглецы, напротивъ, распродавъ всѣ захваченные съ собою съ родины пожитки, составляли шайки, и, получивъ отъ польскихъ помѣщиковъ оружіе, возвращались въ Россію, гдѣ грабили прежнихъ своихъ господъ. Пусторжевскіе дворяне жалуются, что они принуждены въ вешнее и лѣтнее время, когда бы именно и слѣдовало заняться сельскимъ хозяйствомъ, опасаясь «нечаяннаго тѣхъ злодѣевъ нападенія, спасая животъ свой отлучаться» и что поэтому всѣ они доходятъ до «всеконечной скудости». По свѣдѣніямъ, приводимымъ смоленскимъ наказомъ, число бѣжавшихъ за послѣднее передъ его составленіемъ время изъ Смоленской губерніи превосходило 50.000.

Эти два главныя русла, по которымъ направлялись бѣжавшіе,

не были единственными. Масса крестьянъ растекалась по всему пространству русской земли, не выходя за ея предѣлы. Сами помѣщики, нуждаясь въ рабочихъ рукахъ, не прочь были сажать у себя бѣглыхъ. Часто прежній владѣлецъ очень хорошо зналъ, у кого живетъ его бѣглый, но не имѣлъ средствъ ѣхать или посылать повѣреннаго въ ту далекую воеводскую канцелярію, въ которую надо было подать искъ противъ укрывателя. При томъ процессъ былъ по большей части сомнителенъ и всегда долгъ, а въ благопріятномъ случаѣ, выигравъ дѣло, приходилось переправлять бѣглеца на прежнее мѣсто частными средствами, и онъ часто бѣжалъ вновь, убивъ на дорогѣ своихъ провожатыхъ. Очень много бѣглыхъ крестьянъ поступало на фабрики и заводы, которые одинъ изъ наказовъ и называетъ даже главнымъ «каналомъ» для ихъ бѣгства. Достать такого бѣглеца отъ фабриканта и заводчика было совсѣмъ невозможно: они были неподсудны областнымъ учрежденіямъ, и приходилось начинать противъ нихъ дѣло въ мануфактуръ и бергколлегіи, гдѣ они были вѣдомы судомъ, и расходы по отысканію бѣжавшаго крестьянина могли обойтись дороже, чѣмъ стоила покупка новаго. Вотъ почему дворянство выражало въ наказахъ такое сильное неудовольствіе противъ изъятія фабрикантовъ и заводчиковъ изъ общей подсудности.

Понятно, какъ должны были отражаться эти побѣги на помѣщичьихъ хозяйствахъ. Земля, лишаясь прилагаемаго къ ней крѣпостного труда, пустѣла и не приносила дохода, а свободнаго наемнаго труда совсѣмъ не существовало. Между тѣмъ правительство продолжало взимать съ помѣщика, отъ котораго бѣжали крестьяне, всѣ взносы въ томъ же размѣрѣ, какъ и прежде: бѣжавшіе, какъ и умершіе, не исключались изъ оклада. Особенно усиливались побѣги и особенно они были тяжелы для помѣщиковъ во время рекрутскихъ наборовъ: за каждаго бѣжавшаго своего рекрута помѣщикъ обязанъ былъ выставить новаго, котораго иногда, за неимѣніемъ крестьянъ, приходилось покупать, а цѣны во время наборовъ страшно повышались. «Черезъ продолженіе такихъ побѣговъ» жаловался пусторжевскій наказъ, многіе дворяне, имѣвшіе прежде немалое число крестьянъ, нынѣ совсѣмъ ничего не имѣютъ и находятся въ жалостномъ состояніи». Смоленское дворянство еще въ 1762 г. жаловалось императрицѣ, что крестьяне не только семьями, но и цѣлыми деревнями бѣгутъ въ Польшу, а повинности взыскиваются «съ пустоты безъ изъятія», и что отъ всего этого оно пришло въ крайнюю бѣдность. Дѣйствительно, въ томъ же году одно оффиціальное «доношеніе» командира этого смоленскаго дворянства, служившаго въ то время особымъ полкомъ, увѣряло, что есть самые природные смоленскіе дворяне, которые такъ обѣднѣли, что скитаются межъ дворовъ, нанимаются на работу не только у «своей братіи», но даже и у крестьянъ и тѣмъ только себя питаютъ, «бродятъ въ раздранныхъ одеждахъ, аки нищіе». Нѣсколько лѣтъ раньше

(1755 г.) на смотръ и разборъ, произведенный смоленскимъ дворянамъ, иные изъ нихъ являлись пѣшкомъ, въ лаптяхъ и въ крестьянскихъ сѣрыхъ кафтанахъ. Слѣдовательно, наказы не преувеличивали печальнаго положенія дѣла.

Были и другія условія, препятствовавшія процвѣтанію сельскаго хозяйства. Многіе наказы, въ особенности южныхъ черноземныхъ и густо населенныхъ губерній, Воронежской и Бѣлгородской, жаловались на тѣсноту населенія и недостатокъ земли совершенно такъ же, какъ Смоленская и Новгородская жаловались на недостатокъ населенія. Такъ дворяне Крапивенскаго уѣзда заявляли, что «у многихъ помѣщиковъ за малоимѣніемъ земли крестьянскій дворъ меньше десятины земли владѣютъ». Въ Карачевскомъ уѣздѣ не только нельзя было и думать о переложной системѣ хозяйства, но по недостатку земли не приходилось даже оставлять третьяго поля, и черноземъ истощали ежегодными посѣвами, не давая ему отдыха. Недостатокъ лѣса къ югу отъ Москвы также давалъ себя чувствовать. Тульское дворянство припоминало, что когда-то были великіе лѣса по рѣкамъ Жиздрѣ и Угрѣ, отъ которыхъ теперь остается только «печальное напоминовеніе бывшаго благоденствія», и ему приходится довольствоваться жалкими остатками прежней роскоши, сожалѣя «о истребленномъ безвременно и безполезно государственномъ сокровищѣ». Поэтому же многіе наказы просили принять мѣры къ сохраненію лѣсовъ и, прежде всего, уничтожить истреблявшіе ихъ стеклянные, желѣзные и другіе заводы. Большое недовольство вызывало во многихъ уѣздахъ также законодательство о лугахъ: по уложенію, еще продолжавшему дѣйствовать, луга предоставлялись въ общее пользованіе для выгона скотины до Троицына дня. Съ этого срока они запирались и трава запускалась до сѣнокоса. Но такой общій законъ не былъ удобенъ для всего пространства Россіи съ разными климатами, и самый терминъ былъ неудобенъ, такъ какъ былъ непостояненъ. Въ наказахъ и предлагались опредѣленные сроки.

Въ хозяйственномъ отношеніи интересы помѣщиковъ и крестьянъ совпадали: вотъ почему первые въ статьяхъ наказовъ, касавшихся сельскаго хозяйства, такъ горячо вступались за вторыхъ. Общимъ врагомъ являлся купецъ-кулакъ, скупщикъ сельскихъ продуктовъ. Дворянство и крестьяне были лишены возможности торговли въ городахъ: торговля въ городахъ была исключительно въ рукахъ посадскаго населенія. Между производителемъ и потребителемъ сельскихъ продуктовъ становился посредникъ купецъ, который, являясь въ деревню безъ всякой конкурренціи, понижалъ, на сколько могъ, цѣны. Притомъ онъ не только прижималъ сельскихъ хозяевъ пониженіемъ цѣны, но по большей части обмѣривалъ и обвѣшивалъ ихъ. Обманъ въ торговлѣ — характерный признакъ неразвитыхъ странъ: въ Россіи онъ сталъ исчезать только въ послѣднее время. Жалобы на плохое состояніе мѣръ и вѣсовъ общи всѣмъ наказамъ:

встрѣчаются просьбы завести на рынкахъ казенныя образцовыя мѣры и гири и держать ихъ на цѣпяхъ, прикованными къ каменной стѣнѣ. Стѣснительны были также казенныя монополіи; винная и соляная. Хотя инымъ дворянамъ первая давала чувствовать свое неудобство только тѣмъ, что имъ запрещалось привозить свое домашнее вино въ городъ, гдѣ, какъ жаловался одинъ наказъ, «къ дворянамъ приходятъ гости, а за неимѣніемъ вина по чести своей остаются безъ удовольствія» *), однако другіе указывали болѣе существенное неудобство стѣсненія винокурія: оно лишало возможности содержать большое количество скота (для котораго продукты винокуренія служатъ кормомъ), необходимое для удобренія земли**). Для крестьянъ была особенно тяжела другая изъ монополій—соляная, и многіе наказы находятъ цѣну соли слишкомъ высокой. Соль продавалась изъ казенныхъ амбаровъ по 40 к. за пудъ, прибыль частнаго торговца, распредѣлявшаго этотъ продуктъ среди населенія, была строго ограничена закономъ: она не могла превышать 2 коп. на пудъ. Такая цѣна (42 к.=3 р. 78 к. на наши деньги, такъ какъ рубль 50-хъ годовъ XVIII в. равнялся 9 нынѣшнимъ) была велика для населенія и слишкомъ невыгодна для частнаго торговца. Онъ и не везъ соль туда, куда стоимость провоза не покрывалась прибылью. Поэтому во многія мѣстности соли совсѣмъ не привозилось, и населеніе должно было питаться безъ этого предмета первой необходимости ***).

Но хорошо, когда оно еще какъ нибудь питалось. Многіе наказы указываютъ на частые неурожаи и довольно ярко описываютъ бѣдствія, переживаемыя тогда сельскимъ населеніемъ. «Пусторжевскій уѣздъ имѣетъ свое мѣстоположеніе подъ студеными полюсами», читаемъ мы въ его наказѣ; рѣдко когда тамъ урожай бываетъ самъ третей, а иногда едва и на сѣмена хватаетъ; отчего крестьяне бываютъ принуждены, съѣвъ свой и господскій хлѣбъ, распродать скотъ и все, что имѣютъ, и затѣмъ, скитаясь по міру, питаться милостынею, «и единственно до того многіе дошли, что подкрѣпляютъ животъ свой только травою и кореньемъ»; помѣщики же «смотря на ту нищету — непрестанно терзаются жалостью», а помочь не въ состояніи, такъ какъ многіе,раздавъ имъ хлѣбъ свой, едва и сами до нови пропитаться могутъ ****). Но такія печальныя происшествія случались не только подъ «студеными полюсами». На югѣ, въ черноземной полосѣ, при урожаяхъ хлѣба было такое изобиліе и цѣны на него были на-

*) CXXIV, 8.

**) Помѣщикамъ разрѣшалось выкуривать свое вино въ имѣніяхъ, но въ строго опредѣленномъ количествѣ, пропорціональномъ ихъ «рангамъ».

***) LXIV, 18. Дворянство Обонежской пятины Новгородскаго уѣзда и просило поэтому отмѣнить этотъ опредѣленный размѣръ прибыли, «ибо торгъ жилы государства, любитъ волю, а не принужденіе».

****) LIX, 8.

столько дешевы, что, по увѣренію мценскаго наказа, не вознаграждали труда земледѣльца. Но хлѣбъ отсюда вывозился весь и, когда случались «неродимые года», когда измученная безобразнымъ хозяйствомъ почва, какъ избитая кляча, отказывалась служить хозяину—приходилось терпѣть голодъ, распродавать скотъ и одежду. Справиться съ такими чрезвычайными бѣдствіями было тогда гораздо труднѣе, чѣмъ теперь. Занять деньги можно было только у частныхъ лицъ за очень высокій %. Казенный кредитъ еще только начинался: банки были открыты только въ столицахъ, куда поѣздки были не всѣмъ доступны. Вотъ почему дворянство уже съ 60-хъ годовъ XVIII в. затянуло ту жалобную пѣсню объ открытіи ему дешеваго и удобнаго кредита, которой оно не прекратило еще до нашихъ дней. Тогда оно просило объ открытіи провинціальныхъ банковъ и распространеніи изданнаго для купечества вексельнаго устава и на дворянъ, такъ какъ послѣдніе принуждены были занимать деньги при помощи подставныхъ лицъ, чтобы, согласно требованію закона, вексель былъ написанъ на купеческое имя. Но просьбы о денежномъ кредитѣ еще только начинались. Гораздо настойчивѣе дворянство ходатайствовало объ открытіи казенныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, откуда оно могло бы въ случаѣ неурожая получать ссуду хлѣбомъ, возвращая ее впослѣдствіи съ разсрочкой за недорогой %. Эта просьба о магазинахъ едва ли не самая общая въ наказахъ.

Тогда же раздались въ наказахъ жалобы и на тотъ недостатокъ въ деревенской жизни, противъ котораго такъ напряженно борются теперешнія земства—отсутствіе какой бы то ни было санитарной помощи для сельскаго населенія. Врачей не было не только въ уѣздахъ, но очень нерѣдко даже и въ городахъ. Въ особенности, конечно, страдало крестьянство, которому медицинская помощь была уже совсѣмъ недоступна. Орловское дворянство представляло въ наказѣ, что множество дворовыхъ людей и крестьянъ умираютъ отъ такихъ болѣзней, которыя могли бы быть излѣчимы; дворяне «соболѣзновали о жизни человѣческой, взирая на сей бѣдный народъ, которые умираютъ, какъ скоты, безъ всякаго призрѣнія, иногда отъ самой малой раны, которую можно бы и пластыремъ залѣчить». При этомъ дворянство серьезно замѣчало, что и крестьяне, несмотря на ихъ грубое воспитаніе, всетаки способны получать облегченіе отъ медицинской помощи.

Въ значительной мѣрѣ плохому состоянію сельскаго хозяйства содѣйствовало неудовлетворительное устройство податей и повинностей, отбываемыхъ населеніемъ въ пользу государства. Не столько жаловались на тягость отъ высоты самыхъ податей и повинностей, сколько на неудобства отъ дурной организаціи ихъ взиманія, благодаря которой онѣ падали на населеніе неравномѣрно, собирались въ неудобное время и не измѣнялись соотвѣтственно измѣненіямъ платежныхъ силъ общества. Та подать, на введеніе которой правительству XVIII в. пришлось потратить столько трудовъ—по-

душная—не вызвала противъ себя возраженій по существу, за исключеніемъ двухъ наказовъ, изъ которыхъ одинъ, находя ее вредной для земледѣлія, предлагалъ ее замѣнить косвенными налогами на предметы потребленія, а другой поземельнымъ налогомъ, какой былъ введенъ уже только въ нашемъ столѣтіи *). Остальные наказы не находили ее тяжелой и требовали только частичныхъ техническихъ исправленій въ ея раскладкѣ и взиманіи: производства ревизій черезъ болѣе короткіе сроки, исключенія изъ оклада, во первыхъ, такъ называемыхъ «убылыхъ душъ», т. е. умершихъ, бѣжавшихъ, за которыхъ приходилось платить до новой ревизіи; во вторыхъ, старыхъ и увѣчныхъ, которые не могли заработать на подать. Если исключить изъ оклада «убылую душу» было такъ трудно, то съ другой стороны правительство очень охотно и скоро включало въ окладъ всякаго новаго поселенца на землѣ помѣщика, хотя онъ приходилъ обыкновенно съ пустыми руками, и помѣщикъ долженъ былъ тратиться и на его хозяйственное обзаведеніе, и на взносъ за него подушной. Но все это были только частности дѣла; сама по себѣ подать не казалась тяжелой, къ самому способу раскладки по душамъ дворянство вполнѣ уже привыкло. Московское дворянство находило даже подушную подать «самою простою и чистою дворянскою податью». Многія другія дворянства предлагали замѣнить увеличеніемъ подушной разные другіе сборы, изъ которыхъ вызывалъ особенное неудовольствіе сборъ «съ частныхъ банъ» (по 1 рублю съ каждой). Налогъ этотъ, введенный Петромъ Великимъ, былъ не столько тяжелъ, сколько несправедливъ, такъ какъ падалъ совершенно одинаково, какъ на того могущественнаго помѣщика вельможу XVIII в., который обладалъ десятками тысячъ крѣпостныхъ, строилъ дворцы съ колоннадами и флигелями, заводилъ парки съ разными «монплезирами» и «миловидами», содержалъ несмѣтныя стаи гончихъ и борзыхъ собакъ и приживателей гостей, такъ и на того его сосѣда, который владѣлъ двумя—тремя крестьянскими дворами, если только этотъ послѣдній не отказывалъ себѣ въ столь необходимомъ для русскаго человѣка удовольствіи, какъ баня. Гораздо болѣе, впрочемъ, чѣмъ самыми сборами, дворянство тяготилось тою процедурой, съ которой принимались эти сборы въ воеводскихъ канцеляріяхъ: въ видѣ подачи особыхъ «доношеній», при которыхъ слѣдовало вносить деньги; самая подача была устроена съ одною только цѣлью: содрать съ плательщика лишнюю взятку подъ благовиднымъ прикрытіемъ платы за написаніе этихъ «доношеній», такъ какъ платить въ канцелярію пріѣзжали отъ помѣщиковъ прикащики и старосты—люди по большей части не грамотные.

Гораздо болѣе страдало сельское населеніе отъ натуральныхъ повинностей. Такъ, нѣкоторыя дворянства жаловались на тягость

*) V, 6. XVI, 9.

рекрутскаго набора, прося замѣнить его вербовкой вольныхъ охотниковъ, и мотивировало просьбу тѣмъ, что рекрутскіе наборы отрываютъ хлѣбопашцевъ отъ земли. Наиболѣе тяжелы были эти наборы въ мѣстностяхъ, пограничныхъ съ Польшею: сданные въ рекруты тотчасъ же бѣжали за границу, а на мѣсто ихъ помѣщики должны были поставлять новыхъ. Но гораздо болѣе неудовольствія возбуждала противъ себя повинность постоя: жалобы на нее почти въ каждомъ наказѣ. Особыхъ казармъ для войска въ городахъ тогда не существовало; войска были расквартированы по домамъ обывателей въ городѣ и по деревнямъ уѣзда. Повинность эта распредѣлялась очень неравномѣрно; всею своею тяжестью она падала на тѣ мѣстности уѣзда, гдѣ стояли войска, и для нихъ постой былъ истиннымъ наказаніемъ. Крестьяне такихъ деревень, жалуется наказъ Обонежской пятины, «принуждены подъ образомъ, будто добровольно, отъ страха давать подводы для перевозки провіанта, исправлять конюшенъ мощеніе и покрышкою оныхъ изъ своей соломы, которая по недороду хлѣба и самимъ къ пропитанію скота весьма нужна; стоящихъ же солдатъ, кромѣ ихъ провіанта, хозяевамъ—нѣкоторые по согласію, и другіе неспокойныхъ по необходимости, принуждены довольствовать харчемъ и солью». Бывали хозяевамъ и другія обиды «по амбиціи солдатской». Съ солдатомъ крестьянинъ еще уживался, но особенно приходилось терпѣть отъ офицеровъ, безъ церемоніи высылавшихъ хозяевъ занятыхъ ими квартиръ совсѣмъ вонъ, такъ что тѣ, жалуется наказъ, лишась своихъ домовъ, принуждены скитаться съ женами и съ дѣтьми по чужимъ *). «Солдатъ, стоящій у крестьянина на квартирѣ», разсказываетъ другой наказъ **), «есть господинъ, и оный бѣдный земледѣлецъ, страшась его, исполняетъ все повелѣнное и, хотя самъ не имѣетъ, что ѣсть, а служивому послѣднее отдать не отказывается и какое имѣетъ бѣдное питомство—довольствуетъ». Если крестьянинъ не исполнялъ требованій своего суроваго повелителя, ему приходилось испытывать на себѣ его тяжелую боевую руку. «Итакъ и въ семъ случаѣ *бѣдный для претерпѣнія созданный трудникъ*», какъ называетъ «наказъ крестьянина, не ушелъ отъ разоренія и отягощенія».

Также неравномѣрно падала на уѣздное населеніе повинность содержанія и ремонта большихъ дорогъ. Отъ нея гораздо болѣе страдало ближайшее къ дорогѣ населеніе, отдаленныя мѣстности чувствовали ее меньше. Крестьянъ сгоняли чинить дорогу, не обращая вниманія на время года, и часто отрывали отъ сельскихъ работъ въ самую рабочую пору. «По сгнаніи» ихъ «обобравъ—распускали, отчего кромѣ всеконечнаго раззоренія и несноснаго отягощенія крестьянству ничего не происходитъ», какъ замѣчаетъ наказъ

*) LXIV, 5.
**) LXIX, 8.

Псковскаго уѣзда. На придорожныхъ деревняхъ лежала еще обязанность поставлять подводы по казеннымъ требованіямъ, которой уже совсѣмъ не знали далекія отъ дороги деревни. Сверхъ того нерѣдко крестьянина отрывали отъ работъ по разнымъ казеннымъ порученіямъ, назначая въ сторожа къ казеннымъ солянымъ амбарамъ и т. п. Отъ всей этой совокупности повинностей положеніе «къ претерпѣнію созданнаго трудника» дѣлалось, дѣйствительно, не завиднымъ. Неудивительно послѣ этого, что алаторское дворянство, сравнивая положеніе сосланнаго въ каторжныя работы разбойника съ положеніемъ крестьянина земледѣльца, находило послѣднее болѣе тяжелымъ и поэтому требовало для разбойниковъ смертной казни: злодѣй, разсуждало оно, предпочитаетъ быть въ каторгѣ, нежели деревенскимъ земледѣльцемъ; «понеже бѣдный крестьянинъ троедатчикъ: платитъ въ казну подушныя, помѣщику доходы, себя-жъ, жену и дѣтей кормитъ». А ссыльный ни о чемъ такомъ не заботится, да кромѣ того получаетъ еще отъ казны и пищу, и одежду.

Таковы были главнѣйшія жалобы дворянства на тѣ условія, при которыхъ ему приходилось осуществлять свои владѣльческія права: отсутствіе безопасности въ уѣздѣ, дурныя хозяйственныя обстоятельства, тяжесть податей и повинностей вслѣдствіе ихъ неравномѣрности. Но самыми громкими жалобами уѣздныхъ наказовъ были жалобы на тѣ государственные органы, задачею которыхъ и бываетъ обыкновенно устраненіе всѣхъ этихъ невзгодъ: мѣстную администрацію и судъ. По смерти Петра Великаго эти двѣ функціи были соединены въ рукахъ губернаторовъ, провинціальныхъ и уѣздныхъ воеводъ, посаженныхъ въ тѣхъ же городахъ, гдѣ они бывали въ XVII в. При Екатеринѣ I, какъ извѣстно, было воскрешено воеводское управленіе XVII в. замѣнившее собой довольно сложное областное устройство съ отдѣленіемъ суда отъ администраціи, заведенное было Петромъ. Но вернувшееся теперь къ XVII столѣтію и по формѣ областное управленіе XVIII вѣка не разрывало никогда съ нимъ по духу. Какъ и въ XVII в., его главной задачей было вовсе не благо мѣстности, гдѣ оно дѣйствовало, а общегосударственные интересы. Пересматривая сохранившіяся дѣла воеводскаго управленія XVIII в. легко замѣтить, что наибольшее вниманіе воеводы поглощалось такъ называемыми «интересными», т. е. казенными дѣлами и уже на второмъ планѣ стояли дѣла, направленныя къ удовлетворенію нуждъ мѣстнаго общества. Воеводское управленіе первой половины XVIII в., не могло дать мѣстному обществу даже самаго необходимаго—безопасности. Оно не только не было озабочено увеличеніемъ блага мѣстнаго общества, но даже не было способно оградить его отъ самаго жестокаго зла, какъ разбои. Можетъ быть воевода XVIII в. приносилъ обществу своею дѣятельностью менѣе вреда, чѣмъ его предшественникъ XVII в., во всякомъ случаѣ нельзя сказать, чтобы онъ приносилъ ему больше пользы, если уже только не считать большей пользой меньшаго количества вреда. Можно думать, что

воевода XVIII в. былъ менѣе самодуромъ и грабителемъ, но порядки въ воеводскихъ канцеляріяхъ этого вѣка были не лучше предыдущаго. До чего мѣстное общество было раздражено воеводскимъ управленіемъ, видно изъ требованія одного наказа, просившаго предать забвенію самое названіе воеводъ: очевидно, какую ассоціацію идей и чувствъ возбуждало это названіе. Всецѣло поглощенный отправленіемъ казенныхъ, главнымъ образомъ финансовыхъ, дѣлъ по указамъ изъ центра, воевода не только не шелъ навстрѣчу мѣстному обществу, но съ досадою отталкивалъ его отъ себя, когда оно къ нему обращалось за помощью: ему некогда было заниматься этими дѣлами. Когда обиженный, жалуется лихвинское дворянство, обращается къ судьямъ съ просьбою о правосудіи и рѣшеніи своего дѣла—то «судьи отвѣтствуютъ свирѣпымъ взоромъ» и прямо встрѣчаютъ просителя выговоромъ. Еще большее огорченіе дворянство усматривало въ обращеніи воеводской канцеляріи съ публикой: когда случается дворянамъ, даже заслуженнымъ, имѣющимъ офицерскіе чины и выше, обращаться къ секретарю и повытчику, «и они отвѣтствуютъ также, слѣдуя судейскому обычаю неучтиво и грубо» *). Въ виду этого, нѣкоторыя изъ дворянствъ просили не назначать въ секретари имѣющихъ «офицерскій рангъ», для того, чтобы можно было «штрафовать секретаря палкою». Въ ряжской канцеляріи обыкновенно всѣ подаваемыя прошенія возвращались просителямъ безъ всякаго объясненія причинъ. Ряжское дворянство наиболѣе подробно изложило недостатки своей воеводской канцеляріи. Особенно рѣзко подчеркивало оно ея бездѣятельность для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ: слѣдствій о воровствахъ и смертныхъ убійствахъ тамъ не производятъ втеченіе долгаго времени и рѣшеній съ виновными не чинятъ; колодниковъ держатъ въ заключеніи дольше, чѣмъ полагается, и даже, желая избѣгнуть лишняго производства, даютъ имъ свободу; дорогъ и мостовъ въ исправности не содержатъ; прошенія о бѣглыхъ оставляютъ безъ послѣдствій; за продажей казенной соли не наблюдаютъ, поэтому приставленные къ ней цѣловальники обвѣшиваютъ покупателей, а жалобы на нихъ въ канцеляріи не принимаются; подводную повинность распредѣляютъ неправильно; присылаемыхъ изъ высшихъ правительственныхъ мѣстъ указовъ не публикуютъ, такъ что никто въ уѣздѣ о нихъ и не знаетъ. Наказъ нарисовалъ выразительную картину нравовъ самой воеводской канцеляріи: «канцелярскихъ служителей допустили до великаго пьянства, распускнаго житія и непорядочныхъ поступокъ, такъ что оные, не имѣя начальничья страху и должнаго воздержанія и наказанія, во время самаго присутствующихъ засѣданія находятся въ томъ пьянствѣ почти безпрерывно». Само собою разумѣется, что уже излишне и говорить о процвѣтаніи «злопріимства и лакомства» въ этихъ воеводскихъ канцеляріяхъ: брали какъ

*) CXVII, 3.

только могли, при каждомъ удобномъ случаѣ. Достаточно будетъ привести одно замѣчательно наивное требованіе алаторскаго дворянства. Хорошо зная, что по закону одинаково жестоко должны быть наказаны какъ берущіе взятки, такъ и дающіе, оно просило освободить «датчика» отъ такихъ угрозъ, т. е. косвеннымъ образомъ разрѣшить взятки! Взяточничество иногда было умѣло организовано и съ формальной стороны прикрыто: въ ряжской канцеляріи подъячіе безусловно не брали, о чемъ и заявляли открыто. Но тутъ же посажены были пятнадцать вольнонаемныхъ писцовъ, которымъ и должно было вносить за «труды, что они потребуютъ», а требовали они, конечно, такъ, что на всѣхъ хватало.

Въ особенности сильные нападки вызвало, разумѣется, судопроизводство. Даже Юрьевъ-Польскіе дворяне, «по скудоумію» не заявившіе никакихъ жалобъ въ своемъ наказѣ, и тѣ оговорились: «кромѣ того, что имѣется въ произведеніи по формѣ судовъ великія продолженія, какъ всѣмъ извѣстно». Жалобу на судебные порядки можно назвать самой общей и самой громкой въ наказахъ. Указывалось главнымъ образомъ два недостатка: *недоступность* суда и его *медленность*. Малодоступенъ для населенія судъ былъ по двумъ причинамъ: во 1-хъ онъ былъ слишкомъ *далекъ* отъ населенія: по незначительному дѣлу о потравѣ поля, порубкѣ лѣса и т. п. приходилось ѣхать верстъ за триста въ воеводскую канцелярію далекаго города, иные уѣзды были громадны. Во 2-хъ онъ былъ слишкомъ *дорогъ*. Уже при самой подачѣ искового прошенія взыскивалась пошлина въ три рубля (=рублей 27 на наши деньги), какова бы ни была цѣна иска. Все производство совершалось на гербовой бумагѣ; для посылки за отвѣтчикомъ снаряжался канцелярскій служитель; при изготовленіи ему инструкціи взыскивалась особая плата, а такихъ посылокъ бывало по нѣскольку. Данковское дворянство вычисляло, что одна только подача иска и три посылки по отвѣтчика обходились въ 5 р. 84 к., что составитъ рублей сорокъ пять на наши деньги. Выходило нерѣдко, что цѣна иска могла быть значительно меньше, чѣмъ приходилось уплачивать пошлинъ при его подачѣ, и это конечно, во многихъ случаяхъ, препятствовало обиженному начинать дѣло. Но то были только казенныя пошлины по таксѣ. Чтобы дѣло не затягивалось, надо было давать взятки. Служители канцеляріи, посылаемые за отвѣтчикомъ, соглашались ѣхать не иначе, какъ «за договорную цѣну» съ истцомъ. Но кромѣ всѣхъ этихъ поборовъ, приходилось тратиться на прожитіе въ городѣ или на наемъ повѣреннаго: трудно сказать что было хуже.

Судъ былъ еще тѣмъ болѣе дорогъ, что онъ былъ долгъ. По выраженію дмитровскаго наказа, «судъ есть обрядъ весьма продолжительный и, можно сказать, безконечный». Въ ряжской воеводской канцеляріи, какъ увѣряло дворянство, «черезъ пятнадцать лѣтъ ни одного суднаго дѣла, кромѣ тѣхъ, въ коихъ сами тяжущіеся помирятся, въ рѣшеніи не найдется». Что процессы тянулись

лѣтъ по 10 и по 20, на это часто указываютъ наказы: эти цифры, кажется, и употребляются въ нихъ для выраженія средней продолжительности процесса. Эта медленность, даже и помимо злоупотребленій, происходила частью отъ самыхъ свойствъ судебнаго процесса, частью отъ безсилія суда. Большое недовольство въ наказахъ возбуждалъ сложный, медленный состязательный процессъ, обставленный разными формальностями, способный затянуться на безконечное время, введенный Петромъ Великимъ и извѣстный подъ именемъ «формы суда 1723 года». Дворянство единогласно требовало его отмѣны и возвращенія къ прежнему слѣдственному процессу. Жаловались также на множество инстанцій, по которымъ могло пройти одно и те же дѣло; если оно начиналось въ уѣздномъ городѣ, то ихъ было пять: уѣздная воеводская канцелярія, губернская канцелярія, коллегія юстиціи и сенатъ. Понятно, на сколько времени могъ отвѣтчикъ затянуть процессъ, если только хотѣлъ поволочить истца.

Итакъ, процессъ могъ продолжаться безконечно даже и тогда, когда стороны явились на судѣ. Но обыкновенно проходило значительное время прежде, чѣмъ удавалось добыть на судъ отвѣтчика, который, по выраженію одного наказа *), «всѣми мѣрами происки и пронырства употребляетъ, отъ суда отбываетъ и обиженнаго разными вымыслами волочитъ и убытчитъ, къ сему обыклая и застарѣлая поведенція». Часто бывало, замѣчаетъ верейскій наказъ, что истецъ, подавъ исковую челобитную, «лѣтъ пять и болѣе отвѣтчика своего къ суду сыскать не можетъ». Отвѣтчики не являлись не только по тремъ, установленнымъ по закону посылкамъ, но даже и по многимъ, а судъ, по крайней мѣрѣ по «крѣпостнымъ дѣламъ», (т. е. по дѣламъ, гдѣ доказательствами были крѣпостные документы) не могъ постановить заочнаго рѣшенія. Обыкновенно посланный изъ воеводской канцеляріи за отвѣтчикомъ подъячій не заставалъ отвѣтчика дома: ему объявляли тамъ, что онъ находится въ отдаленныхъ мѣстахъ,—въ Сибири или въ Астрахани, о чемъ посланный и доносилъ, возвращаясь въ канцелярію. Тогда на явку отвѣтчику давался «поверстный срокъ» по Уложенію, который для дальнихъ мѣстъ могъ быть продолжителенъ. По прошествіи этой отсрочки отвѣтчикъ получалъ новую, сказываясь больнымъ. Наконецъ, иногда, если отвѣтчикъ былъ мало мальски сильнымъ человѣкомъ, онъ попросту не обращалъ вниманія на эти приглашенія явиться въ судъ, и послѣдній ничего не могъ съ нимъ одѣлать. Въ Комиссіи одинъ депутатъ отъ однодворцевъ откровенно заявилъ, что когда однодворцамъ случалось подавать челобитную на господъ помѣщиковъ, то судья кричалъ на нихъ: «какъ вы смѣете на такую знатную персону просить!» или даже просто, не говоря ни слова, приказывалъ выталкивать челобит-

*) CXVII, 3.

чиковъ изъ канцеляріи *). Быть можетъ, этотъ судья руководился въ такомъ образѣ дѣйствій тѣмъ простымъ соображеніемъ, что все равно онъ и самъ бы ничего не могъ подѣлать съ «знатной персоной»

Всякаго рода злоупотребленія могли только еще болѣе затягивать волокиту. Къ этому обыкновенно и направлялись всѣ усилія «повѣренныхъ». Благодаря состязательному устному процессу 1723 года, институтъ адвокатуры сильно развился: дворянство жалуется въ наказахъ, что, благодаря неумѣнью говорить на судѣ, оно постоянно принуждено нанимать повѣренныхъ. У богатыхъ помѣщиковъ бывали такіе адвокаты изъ своихъ же дворовыхъ людей, обученные всякимъ юридическимъ тонкостямъ. Но, главнымъ образомъ, контингентъ этой адвокатуры формировался изъ низшаго приказнаго элемента. Что такое былъ этотъ стряпчій въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка, это мы хорошо знаемъ по комедіямъ Островскаго. легко себѣ представить, чѣмъ онъ могъ быть столѣтіемъ раньше; «Повѣренные», какъ выразился козельскій наказъ, «не всѣ люди свойствъ честныхъ». Но такое заявленіе было слишкомъ скромнымъ. Другіе наказы обыкновенно не находятъ словъ, чтобы изобразить пріемы современной имъ адвокатуры. Повѣренные «по своему ябедническому искусству стараются судное дѣло волочить и продолжать и завязывать недѣльными спорами и дальновидными справками» и «сплетаютъ рѣчи такъ, что, наконецъ, изъ того произойдетъ къ сысканію правды хотя и безпристрастному судьѣ немалое затрудненіе» **). Вся задача, слѣдовательно, сводилась къ тому, чтобы запутать и затянуть дѣло, и это было выгодно повѣренному, такъ какъ онъ отъ дѣла кормился. Нерѣдко, не сойдясь въ гонорарѣ, онъ, ознакомившись съ бумагами одной стороны, переходилъ въ другую. «Продаютъ ненасыщенною, несытною своею алчею и одѣлаютъ праваго виноватымъ»—характеризуетъ одинъ наказъ дѣятельность повѣренныхъ.

Наконецъ, дѣло затягивалъ и самъ судья-воевода или его канцелярія въ своихъ интересахъ. Ускорить дѣло можно было только взяткой, иначе являлась въ каждомъ дѣлѣ необходимость въ такомъ множествѣ бумагъ, разнаго рода записей, выписей и пр., что дѣло, даже и не откладываемое подъ сукно, грозило сдѣлаться безконечнымъ. «Просители отягощены», заявляло алаторское дворянство, «совсѣмъ напрасными бумагами: дѣло бываетъ такое, что только сдѣлать справку и составить протоколъ, а вмѣсто этого производятся должайшія изслѣдованія и чинятся изъ многочисленныхъ примѣрныхъ законовъ выписки», такъ что какъ будто законовъ на столѣ судейскомъ не имѣется, а знаютъ законы только секретари съ подъячими.

Само собою разумѣется, что въ такой судъ можно было придти

*) XIV, 46.
**) XXXII, 6; XXIX, 7.

съ жалобой на убытокъ въ нѣсколько рублей и уйти оттуда совсѣмъ раззореннымъ. Предпринимать искъ всегда было рискованнымъ дѣломъ: вѣсы Өемиды колебались не по обыкновеннымъ естественнымъ законамъ тяжести. Судъ не только не защищалъ обиженныхъ и не возстановлялъ ихъ правъ, но часто только содѣйствовалъ ихъ большему раззоренію. Вотъ почему не будетъ особенной натяжки въ жалобахъ наказовъ половины XVIII в. видѣть большое сходство съ челобитными дворянъ и дѣтей боярскихъ половины XVII вѣка (на соборѣ 1642 г.) въ которыхъ они говорили: «а раззорены мы, холопи твои, пуще турскихъ и крымскихъ басурмановъ московскою волокитою и отъ неправдъ и отъ неправедныхъ судовъ»; или, еще раньше, съ жалобами земскихъ людей половины XVI в., простодушно заявлявшихъ царю, что они запустѣли отъ воровъ и разбойниковъ да отъ его государевыхъ намѣстниковъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

М. Богословскій.

ОЛИВЬЕ ДАТАНЪ.

(*Изъ политическихъ нравовъ современной Франціи*).

Романъ Жюля Каза.

(*Окончаніе*).

XXIX.

На слѣдующее утро Оливье проснулся вдругъ, какъ будто кто-то закричалъ въ его комнатѣ. Онъ приподнялся на постели и прислушался. Было уже поздно, солнце свѣтило въ окна и широкими блестящими полосами освѣщало паркетъ и полировку новой мебели.

Онъ былъ одинъ. Все было тихо.

Онъ сталъ медленно одѣваться; его члены были вялы, безкровны, какъ бы разбиты паденіемъ. Свѣтъ мѣшалъ ему. Онъ проснулся съ чувствомъ стыда, остающагося послѣ ночи, полной чудовищныхъ грезъ. Въ его ушахъ звучалъ злой смѣхъ Жюли. Она, какъ призракъ, вростала въ его жизнь.

— Пусть такъ,—сказалъ онъ громко.—Не будемъ думать объ этомъ больше. Быть можетъ, я былъ глупъ. Почему? потому что потерпѣлъ неудачу. Я могъ имѣть успѣхъ. Тогда я не былъ бы глупъ... Будемъ сильны и не станемъ больше думать объ этомъ...

Часы пробили десять.

Онъ рѣшительно взялъ дѣло Баратье и сталъ читать его. Но черезъ нѣсколько минутъ онъ сидѣлъ, облокотившись на столъ локтями, приподнявъ голову, устремивъ глаза на чернильницу. Его рука лихорадочно вертѣла карандашъ.

Онъ думалъ о засѣданіи палаты, которое должно было открыться черезъ нѣсколько часовъ. Республика падетъ. Члены правой были увѣрены въ своемъ большинствѣ. Голоса считались и пересчитывались заранѣе. Паденіе демократіи неизбѣжно.

Что ему до этого, разъ онъ не увидитъ больше Полинь-

еровъ? Если бы даже его позвали, его нога не будетъ въ этомъ домѣ. Это нелѣпо, безумно, но это такъ!

А если восторжествуетъ Республика?

Онъ быстро всталъ и расхохотался. Побѣда Республики, а онъ скомпрометировалъ себя, примкнувъ къ другой партіи!. Своими статьями, своей полемикой въ реакціонныхъ журналахъ!.

— Это было бы смѣшно! И право, мнѣ кажется, я желаю этого... Да, именно! да здравствуетъ Республика и пусть все идетъ къ чорту!.. Я не буду ничѣмъ никогда!.. Такихъ членовъ, насъ такихъ тридцать шесть милліоновъ во Франціи. Что я дѣлалъ до сихъ поръ: я читалъ, изучалъ всѣ системы, всѣ философіи политики, я всасывалъ въ себя все, что могъ вмѣстить и переварить. Къ чему я пришелъ? Къ тому, что всѣ мнѣнія кажутся мнѣ одинаковы. Есть только одно вѣчное,— это всемірное недоразумѣніе! Разрѣшите его сегодня, оно возникнетъ завтра! Впрочемъ, я достигъ еще одного результата: мой отецъ меня не уважаетъ, женщину, которая любила меня безкорыстно,—я прогналъ самъ... Что мнѣ остается?.. Симона? маленькая Симона, это прелестное потерянное и вновь найденное бѣлокурое и прозрачное видѣніе, видѣніе поэта, который боится испортить свою мечту, точно опредѣливъ ее... Первый насморкъ, первый сквозной вѣтеръ унесетъ ее, превратитъ въ безформенную массу это прелестное лицо, эти чистосердечные глаза, крошечный ротикъ, который произноситъ невинныя шутки... Что мнѣ до этого? что она мнѣ? что я ей? ничего... Я зѣваю, я голоденъ, вотъ и все.

Онъ кончилъ одѣваться и пошелъ завтракать въ ресторанъ. Тутъ онъ подумалъ, что было бы полезно повидаться съ Баратье. Ему нужно было поговорить съ нимъ объ его дѣлѣ. Симона накануне предупредила его, что она, по всей вѣроятности, останется въ постели весь день. Не отложить-ли визитъ на завтра? Зачѣмъ? Развѣ ему такъ хочется встрѣтить молодую дѣвушку? Онъ шелъ туда только ради дѣла.

Онъ нашелъ ее, однако, въ кабинетѣ Баратье, котораго не было дома. У него вырвался жестъ удивленія.

— Вы, значитъ, не очень устали?

Она подбѣжала къ нему съ таинственнымъ видомъ.

— Совсѣмъ нѣтъ... я васъ ждала.

— Меня?

— Да.

— Вы съ мной желаете говорить о прошломъ?

— О! нѣтъ... я желаю вамъ сообщить новость... Я узнала ее сегодня утромъ... Я думаю, что это и придало мнѣ такую бодрость сегодня, я чувствую себя живой и дѣятельной..

Оживленная, съ розовыми щеками, блестящими глазами и быстрыми жестами, она вся была движеніе и жизнь.

— Въ чемъ же дѣло?—спросилъ онъ, улыбаясь.

Она произнесла торжественно.

— Жюли.... выходитъ замужъ.

Оливье поблѣднѣлъ.

— А! за кого же?

— Тише! это секретъ... я только вамъ его довѣряю... я не должна была его знать... Она мнѣ ничего объ этомъ не говорила вчера вечеромъ... Ея отецъ сказалъ папа... Я поклялась молчать... не вамъ, впрочемъ... Я сейчасъ же подумала о васъ, потому что секретъ лучше хранить вдвоемъ, втроемъ даже, считая и папа... Она выходитъ замужъ за посланника... Они встрѣтились на водахъ... Это рѣшено, но не хотятъ объявлять свадьбы раньше, чѣмъ черезъ мѣсяцъ... Ну! что вы скажете на это?

— Что же мнѣ сказать? Этотъ бракъ самая естественная вещь въ мірѣ.

— Конечно, конечно... Но вы, вы не знаете, что значитъ подруга, выходящая замужъ... Я совсѣмъ сбита съ толку. Я не знаю, грустно мнѣ или весело... Готова я прыгать отъ радости или плакать... Знаете, это странно, но мнѣ кажется въ эту минуту, что я еще больше люблю Жюли и въ тоже время я сержусь на нее... за что, скажите?

Она сѣла въ кресло своего отца, передъ бюро... Ея рука играла машинально разрѣзнымъ ножомъ, взглядъ былъ обращенъ въ пространство, лицо задумчиво.

Оливье смотрѣлъ на нее, сидя рядомъ на низенькомъ табуретѣ.

Она медленно повернула голову въ его сторону, и онъ увидѣлъ жалкое, грустное личико, страдальческое, нѣжное съ большими, свѣтлыми, печальными глазами, говорящими: «а мнѣ никто не предложитъ руки, никто и не предлагалъ никогда, я не выйду замужъ, а, между тѣмъ, я могла-бы любить, о! я могла-бы любить такъ сильно... я была бы весела, добра..: я составила бы счастье того, кто пожелалъ бы взять меня».

Оливье былъ тронутъ до глубины души этимъ безсознательнымъ призывомъ нѣжности и любви. Бѣдное, маленькое созданье, слишкомъ слабое, слишкомъ тщедушное для грубыхъ прикосновеній, каждая минута жизни его сохранялась лишь заботами и предосторожностями, душа его была создана, чтобъ раствориться въ душѣ другого, губы призывали поцѣлуй и оно должно было умереть съ сердцемъ полнымъ невысказанныхъ желаній, завернуть въ саванъ свою дѣвственную наготу, свою узкую, округлую грудь, которой не коснется ничей поцѣлуй.

Ужасное, дикое желаніе потрясло его, какъ электрическій токъ. Рычаніе звѣря слышалось въ глубинѣ души, подобно

крику самца въ пустынѣ. Чудовищное, преступное тянуло его къ себѣ. Въ немъ накопилось слишкомъ много ненависти. Ему хотѣлось зла, хотѣлось видѣть жертву, бьющуюся подъ его торжествующей силой. Ему хотѣлось броситься на эту нѣжную дѣвушку и взять ее. Ея взгляды, безъ ея вѣдома, выражали безмолвное согласіе отдающагося тѣла. При первомъ поцѣлуѣ, при первомъ грубомъ объятіи мужскихъ рукъ, она отдастся вся, покорно и безмолвно.

Они молча смотрѣли другъ на друга.

Онъ вскочилъ, сдѣлалъ быстрое движеніе впередъ, причемъ его шляпа покатилась на полъ, потомъ сразу остановился, круто повернулся и большими шагами перешелъ комнату. Его лицо было блѣдно, какъ смерть, и подергивалось конвульсіями. Рѣзкимъ движеніемъ приподнялъ онъ занавѣсъ у окна и, прислонившись лбомъ къ стеклу, остался неподвижнымъ.

Симона, изумленная, встала также и подошла къ нему.

— Что съ вами? — спросила она дрожащимъ голосомъ, блѣдная, съ испуганнымъ взглядомъ.

Она не поняла; но она чувствовала, что опасность была близка; она дрожала, какъ лань передъ грозой, въ атмосферѣ, насыщенной электричествомъ.

— Что съ вами?—повторила она.

Она стояла совсѣмъ близко, почти касаясь его. Ея рука протянулась инстинктивно, чтобъ взять его руку.

Онъ смотрѣлъ на нее, не говоря ни слова.

— Со мной то̀,—думалъ онъ,—что я тебя люблю... что ты ангелъ... что я всегда любилъ тебя... ты первый женскій образъ, который мнѣ снился по ночамъ; юношей я слѣдилъ за тобой безъ твоего вѣдома; мужчиной я опять думалъ о тебѣ; со мной то, что теперь я хотѣлъ-бы стать на колѣни передъ тобою, цѣловать твои маленькія ножки, заставить ихъ раздавить мою голову, потому что я чудовище. Со мной то, что я обожаю тебя, что я знаю, что ты любила бы меня и что это невозможно... Со мной то, что я все это думаю и даже не могу этого сказать тебѣ.

— Вы больны? Не хотите-ли чего-нибудь?

— Извините, mademoseille... да, я выпью немного воды.

Онъ наполнилъ стаканъ, стоявшій на бюро, и выпилъ воду залпомъ.

Имъ было неловко. Въ передней послышались шаги.

— Это папа,—сказала Симона вполголоса.

Она поспѣшила сѣсть въ кресло у бюро, стараясь придать своему лицу выраженіе веселой беззаботности.

Она не сдѣлала ему никакого знака, но онъ понялъ по ея взгляду, что она приказывала ему сѣсть снова около нея, на низенькомъ табуретѣ. Онъ повиновался, поднялъ свою шляпу

и улыбнулся этой женской уловкѣ, къ которой одинаково могла прибѣгнуть опытная развратница и этотъ невинный, дрожащій отъ волненія ребенокъ.

— Нельзя войти, — закричала она отцу, отворявшему дверь.—Мы заняты дѣлами, мы говоримъ о твоемъ процессѣ.

Но она бросилась ему на встрѣчу. Онъ поцѣловалъ ее, окинувъ влюбленнымъ взглядомъ.

— Знаешь,—сказала она сейчасъ-же.—Я ему разсказала.

— Что?

— О бракѣ Жюли.

Баратье улыбнулся, и Оливье замѣтилъ на этомъ красномъ, здоровомъ лицѣ легкое облако грусти. Рана, которую этотъ человѣкъ носилъ въ сердцѣ, должна была всегда сочиться кровью, растравляемая постоянными намеками, на которые не скупилась жизнь.

Они пожали другъ другу руки.

— Вы знаете, чѣмъ кончилась вотировка въ палатѣ?

— Нѣтъ.

— Большинство оказалось за республику. Конституція прошла, мы разбиты.

Новость ошеломила Оливье. За себя онъ почувствовалъ ударъ не сразу. Но разрушеніе надеждъ Полиньеровъ, паденіе всего ихъ кружка, конецъ этой тщеславной болтовни и суеты,—все это наполнило его тайной радостью, и его глаза загорѣлись. Ему хотѣлось репрессій, ссылокъ, заключеній въ тюрьму. Пусть актъ справедливости, начатый ходомъ событій, идетъ до конца. Ему было безразлично, что потокъ захватитъ его вмѣстѣ съ другими.

— Я васъ оставляю,—сказала Симона.

На порогѣ двери она повернулась и обмѣнялась быстрымъ съ Оливье взглядомъ.

Черезъ двадцать минутъ ушелъ и онъ.

Его нервы ослабли; онъ былъ спокоенъ и не страдалъ. Его охватило какое-то оцѣпенѣніе.

Онъ разсуждалъ хладнокровно.

Жюли его наказала... «Симона чахоточная. Бракъ ее убьетъ, на ней также нельзя жениться...» Какое вѣроломство! какое презрѣніе! Однако, что-же? Жюли была права... Она только мстила. Ей надо было стереть стыдъ того, что она сама предложила себя. Львица, призвавъ льва, царапаетъ и рветъ его когтями. Она также царапнула его по сердцу.

Онъ отправился къ Дьелафуа и встрѣтилъ его у дверей. Они прошли нѣсколько шаговъ вмѣстѣ.

— Что за лицо у васъ, мой милый!—воскликнулъ Дьелафуа.—Знаю, знаю. Видите, я былъ правъ. Вы сдѣлали промахъ. Но, чортъ возьми! не все еще потеряно. Вы никого не

убили, ничего не украли... Пока не побываешь въ тюрьмѣ, все еще можно спасти... Двадцать шесть лѣтъ! Вамъ только двадцать шесть лѣтъ!.. Республика только что начинаетъ свой путь... Идите къ ней... Ваше прошлое? Грѣшки молодости, какое кому дѣло до нихъ! Милый мой, я хотѣлъ бы быть въ вашей шкурѣ... У васъ есть талантъ и передъ вами золотой рудникъ для разработки.

— Какой рудникъ?

— Радикализмъ.

Оливье покраснѣлъ, возмущенный цинизмомъ своего патрона, а тотъ уходилъ, смѣясь, и въ этомъ смѣхѣ звучало презрѣніе ко всѣмъ человѣческимъ дѣлишкамъ.

На улицахъ господствовало оживленіе, на иныхъ лицахъ виднѣлась радость. Какой-то жалкій чудакъ, съ желтымъ лицомъ и опущенной головой, въ пальто, которое висѣло на немъ, точно мокрое бѣлье,—бросилъ на Оливье взглядъ безмолвнаго отчаянія, и этотъ взглядъ проникъ ему въ сердце. Молодой человѣкъ увидѣлъ какъ бы свое отраженіе. Другіе шли торопливо и молча, третьи жестикулировали и шумѣли... Всѣ несли куда-то свое оживленіе, у всѣхъ была цѣль, всѣхъ кто-нибудь ждалъ, не спрашивая, честны они или нечестны... всѣ работали и бились для кого-нибудь дорогого и близкаго.

А онъ одинокъ, какъ всегда! Для него собственное *я* замѣняло религію, стѣна отдѣлила его отъ тѣхъ, кто его любитъ, а на сердцѣ у него сухо и пусто, какъ въ знойной пустынѣ...

Вдругъ что-то пронеслось въ этой томительной тишинѣ души.. дуновеніе влажнаго вѣтра, капля росы... что-то неуловимо мягкое и нѣжное. Онъ подумалъ о Симонѣ.

Симона! Это значитъ любовь невозможная и безкорыстная, отъ которой онъ не потребуетъ для себя ничего, но которая неодолимо влекла теперь его изсушенное эгоизмомъ сердце, какъ чаша свѣжей воды привлекаетъ губы раненаго...

XXX.

Онъ сталъ часто ходить къ Баратье. При малѣйшемъ предлогѣ, онъ бѣжалъ туда. Часто онъ находилъ Симону одну.

Однажды она сказала ему:

— Васъ не видно больше у Полиньеровъ. Знаете, что о васъ дурно отзываются?

— Кто?

— Всѣ, m-me Полиньеръ, Жюли...

— Что же они говорятъ?

Она покраснѣла, не рѣшаясь продолжать.

— Но... я ужъ и не знаю... Они говорятъ, что вы боитесь скомпрометировать себя... что вы дезертируете... что вы...

Она замолчала.

— Интриганъ?—спросилъ онъ.

— О! нѣтъ,—воскликнула она съ движеніемъ протеста.

Она покраснѣла, какъ ракъ.

Онъ пожалъ плечами.

— Скажите мнѣ всю правду. Что говоритъ Жюли?

— Жюли?

Медленно, тихимъ голосомъ, какъ будто это открытіе было необходимо и ее принуждалъ къ нему долгъ, она проговорила:

— Жюли злая, она васъ не любитъ.

Она слѣдила за дѣйствіемъ своихъ словъ по лицу молодаго человѣка.

Знала она что-нибудь? Угадала она? Выраженіе страданія мелькало въ углахъ ея рта, голубые глаза заволоклись тѣнью. Неужели она ревновала?

Она прибавила:

— Ея свадьба уже объявлена... Это будетъ черезъ шесть недѣль... Я не буду на свадьбѣ, насъ уже здѣсь не будетъ.

— Какъ не будетъ?—вскричалъ онъ.

— Да, мы уѣзжаемъ въ Канны, черезъ двѣ, три недѣли... Я никогда не провожу зиму въ Парижѣ...

Она произнесла послѣднія слова такъ грустно, что у Оливье сжалось сердце, какъ будто онъ былъ у изголовья умирающей.

Они замолчали. Ихъ взгляды встрѣтились и они продолжали смотрѣть другъ на друга, испытывая одинаковое волненіе.

Онъ приходилъ каждый день, говоря съ Баратье о его процессѣ, требуя отъ него объясненій, которыя тотъ долженъ былъ повторять на слѣдующій день. Ему необходимо было видѣть Симону.

Онъ всегда ее находилъ въ кабинетѣ отца. Рѣдко оставались они одни, но она слушала разговоръ, опершись локтями на бюро, внимательная, какъ будто ей были интересны эти безконечныя цифры. Время отъ времени она забывалась, глядя на него.

Ему нравилось говорить при ней. Порядокъ и ясность, которые онъ вкладывалъ въ свои мысли, слова, которыя находилъ, чтобы ихъ выразить, наполняли его гордостью. Онъ ловилъ на серьезномъ личикѣ дѣвушки наивное восхищеніе, которое его поднимало, освѣщало его мозгъ, смягчало сердце.

— Мы тебѣ очень надоѣли, дѣвочка?—говорилъ Баратье.

— Вовсе нѣтъ. Увѣряю тебя, что я все понимаю. Теперь это занимаетъ меня.

Разъ Баратье принужденъ былъ выйти. Онъ долженъ былъ вернуться только черезъ часъ.

На Симонѣ было розовое платье, которое она надѣвала на

обѣдъ у Полиньеровъ. Она держала въ рукѣ бѣлую гвоздику; и нюхала ее, разговаривая.

Оливье узналъ платье и сказалъ это ей.

— Да,—отвѣчала она.—Я его надѣла сегодня, сама не знаю почему. Проснувшись, я сейчасъ подумала объ этомъ розовомъ платьѣ, мнѣ захотѣлось его надѣть, я такъ и сдѣлала... У васъ не является иногда такихъ фантазій... капризовъ? Это пустяки, а между тѣмъ они даютъ счастье.

— Вы въ немъ прелестны... Мнѣ представляется, что мы съ вами только что вышли изъ-за стола.

— Я часто думаю объ этомъ обѣдѣ... Мнѣ было весело, я смѣялась, я была немножко сумасшедшая, быть можетъ... Мы познакомились съ вами въ тотъ вечеръ.

— Ваша память вамъ измѣняетъ... Мы видѣлись раньше... у Полиньеровъ.

— Да, но мы еще не болтали... Представьте себѣ, я была очень удивлена, найдя васъ такимъ любезнымъ Сначала мнѣ было немножко страшно сидѣть рядомъ съ вами... Это потому, что я васъ всегда видѣла съ ужасно серьезнымъ лицомъ, почти злымъ... я боялась. Обыкновенно я васъ видѣла въ салонѣ въ разговорѣ съ важными господами... о политикѣ, конечно... Никогда вы не смѣялись... не танцовали... Вы не говорили съ дамами.

Ея лицо измѣнилось, стало грустнымъ, приняло чуть замѣтное выраженіе упрека. Ея голосъ получилъ оттѣнокъ горечи.

— Впрочемъ, да... Вы говорили съ Жюли... даже часто... Ну! именно вотъ въ эти минуты у васъ было злое лицо... Можно было подумать, что вы ссоритесь... и вы были часто вмѣстѣ.

Она замолчала, кусая свою гвоздику, обративъ глаза на молодого человѣка, съ молчаливымъ вопросомъ.

Онъ былъ тронутъ и слушалъ ее, улыбаясь.

— Ну, ничего!—сказала она вздыхая, и такимъ тономъ, въ которомъ Оливье угадывалъ нѣчто въ родѣ прощенія.

Внезапно измѣнивъ настроеніе духа, охваченная порывомъ веселости, она продолжала:

— Но мы съ тѣхъ поръ прекрасно вознаградили себя... Мнѣ кажется, что мы знакомы давно, давно... Увѣрены-ли вы, что мы не встрѣчались ранѣе?.. Мнѣ кажется, что я васъ видѣла гдѣ-то еще въ другомъ мѣстѣ, не у Полиньеровъ.

Неужели ея память, дѣйствительно, сохранила смутное воспоминаніе о Монморанси, о молодомъ человѣкѣ, проходившемъ иногда мимо террасы ея дома? Или ея чувство продолжилось инстинктивно въ невѣдомое прошлое, смутное, таинственное, за предѣлами существованія?

Оливье колебался. Къ чему возобновлять воспоминанія,

которыя навѣрное хранились только въ немъ? Не вспугнутъ-ли эти слова иллюзію, въ которой они жили оба въ эту минуту и были такъ счастливы?

Онъ промолчалъ.

Они услышали возвращавшагося Баратье.

Она быстро положила гвоздику на стулъ, раздѣлявшій ее отъ Оливье. Онъ взялъ цвѣтокъ, теплый и влажный, и спряталъ его въ рукѣ.

Черезъ часъ онъ уходилъ и, спускаясь съ лѣстницы, прижималъ гвоздику къ губамъ, цѣлуя ее, вдыхая ея собственный ароматъ вмѣстѣ съ тѣмъ, который въ ней оставила молодая дѣвушка, ея улыбку, ея веселость, ревнивую грусть, всю грацію больного, невиннаго ребенка.

— Она меня любитъ! она меня любитъ и я люблю ее! Я люблю невозможное, смерть! Мнѣ не надо было бы ее больше видѣть. Быть можетъ, я совершаю преступленіе. Но я пойду къ ней завтра-же. Виноватъ-ли я? Я долженъ видѣть, слышать этого ребенка, ласкать своими глазами ея волосы, глаза, губы, ея нѣжную шейку, все ея тѣло... Она забудетъ меня... Я не первый возбудилъ въ ней потребность ласки... Она, бѣдняжка, которую избѣгаютъ, какъ зачумленную, отдавалась и другимъ... Зачѣмъ мнѣ отказываться отъ нѣсколькихъ минутъ забвенія, радости, счастья? Что мнѣ до всего прочаго? Коломесъ назначенъ су-префектомъ: его, выходца реакціонныхъ салоновъ, республика принимаетъ; она ему платитъ за славу отцовскаго имени; я не завидую. Дюнонкъ, главный редакторъ вечерней газеты, сила нынѣшняго дня! Онъ поддерживаетъ и свергаетъ министровъ; я не завидую и ему. Перонна ставитъ свою кандидатуру въ ближайшіе выборы, онъ пройдетъ; у меня нѣтъ къ нему дурного чувства. Мой умъ остановился на одной мысли, на молчаливомъ и восхитительномъ созерцаніи. Что-то плачетъ, рыдаетъ въ мнѣ, что-то нѣжное и счастливое. Симона, маленькая Симона, я только люблю тебя, я весь твой!

Эта тайная, безнадежная любовь, о которой никто не узнаетъ, нравилась ему. Ночью онъ засыпалъ съ мыслью о смерти, не о грубомъ самоубійствѣ, выказывающемъ трусость или безсиліе: небытіе и любовь сливались теперь въ одно, отождествлялись въ его воображеніи.

Физически онъ себя чувствовалъ больнымъ. Онъ не ѣлъ, его энергія и воля упали. Онъ испытывалъ захватывающее ощущеніе тяжелаго сна, непреодолимаго, какъ медленно потухающій вулканъ, становящійся все холоднѣе съ каждой новой зарей.

Дни проходили за днями; отъѣздъ Симоны приближался. Она теряла свою веселость и съ каждымъ свиданіемъ становилась все грустнѣе. Молча сидѣла она, углубясь въ какое ни-

будь рукодѣлье. Ея маленькая рука, протягиваемая ему на прощаніе, была холодная, вялая.

Въ послѣдній разъ, когда онъ ее засталъ одну, она сказала:

— Черезъ пять дней мы уѣдемъ.

— Холода приближаются.

— Я бы хотѣла не уѣзжать, остаться въ Парижѣ. Я боюсь этой поѣздки...

— Однако, она необходима... докторъ не позволитъ вамъ остаться на зиму въ Парижѣ.

Она опустила голову, вздыхая, сложивъ руки на колѣняхъ.

— Да... да... я знаю, что я больна... очень больна... я думаю объ этомъ... о смерти... я боюсь умереть. Ночью я вдругъ просыпаюсь, оледенѣвъ отъ ужаса, и сажусь на постели... я стала-бы кричать, если бы дверь въ комнату папа не была открыта, и я не боялась его тревожить.

— Тысячи людей проводятъ зиму на югѣ.

Она покачала головой, все смотря на свои блѣдныя, слабыя руки, и сказала серьезно и важно:

— Я знаю... понятно, что мнѣ ничего не говорятъ, но вѣдь это не трудно угадать. Я сравниваю себя съ другими, и, увѣряю васъ, знаю хорошо... Моя мать, мой маленькій братъ умерли... отъ болѣзни груди... отъ чахотки! Обыкновенно я не думаю объ этихъ грустныхъ вещахъ; мнѣ довольно настоящаго; я весела и счастлива... Все меня развлекаетъ и занимаетъ... Прежде я уѣзжала съ радостью, потому что я люблю прекрасную страну, куда мы уѣзжаемъ, люблю ея голубое небо, солнце, цвѣты. Но этотъ годъ поѣздка мнѣ кажется такой скучной, я такъ не хотѣла бы ѣхать. Я предчувствую горе. Эта комната... Мнѣ кажется, что я больше не войду въ нее... что я говорю прости всему, что меня окружаетъ, и...

Она подняла свои большіе, свѣтлые глаза на молодого человѣка и замолчала, но лицо ея продолжало говорить:

«И вамъ. Я васъ больше не увижу, а я хочу васъ видѣть, я не хочу разставаться съ вами. Скажите мнѣ что-нибудь... одно слово... Скажете мнѣ, что вы меня любите... Вы вѣдь видите, что я васъ люблю, что смерть пугаетъ меня теперь потому, что она разлучитъ меня съ вами... а этого не должно быть»...

Онъ заставилъ себя улыбнуться и проговорилъ голосомъ полнымъ слезъ:

— Mademoiselle, позвольте побранить васъ, вы не благоразумны, вы огорчаете своихъ друзей... послушайте... Симона..

Услышавъ свое имя, произнесенное чуть слышно, точно дыханьемъ вѣтерка, молодая дѣвушка просіяла и разцвѣла, какъ свѣтлая утренняя зорька. Ея губки задрожали, жилки на шеѣ налились. Все ея существо выражало благодарность и

въ тоже время страшную усталость. Любовь была не по силамъ ея душѣ.

Ихъ руки готовы были встрѣтиться, но въ эту минуту вошелъ Баратье.

— Я провожу васъ на вокзалъ,—сказалъ Оливье.

Въ день отъѣзда онъ проводилъ ихъ на платформу до самого вагона. Симона шла рядомъ съ нимъ, и вдругъ онъ почувствовалъ, что она беретъ его руку и сжимаетъ ее изо всей силы своими маленькими, нѣжными пальчиками. Такъ они сдѣлали нѣсколько шаговъ.

Она не могла отвѣчать на его прощальныя слова. Ея горло сжалось.

Сидя въ углу вагона противъ окна, она не сводила глазъ съ молодого человѣка.

Раздался пронзительный свистокъ и поѣздъ тронулся.

Симона кинулась къ дверямъ и бросила ему прощальную улыбку, улыбку банальную и свѣтскую. Но оба почувствовали, что ихъ губы искали воображаемаго поцѣлуя, въ которомъ судьба отказывала имъ навсегда!

Поѣздъ ползъ мимо, извивая свой хвостъ при шумѣ выпускаемыхъ паровъ и вертящихся колесъ, потомъ сталъ меньше и меньше, удаляясь со всей скоростью, и надъ нимъ развѣвался только султанъ бѣлаго дыма.

Оливье повернулся. Платформа была пуста, въ вокзалѣ царила тишина и холодная сырость.

Онъ обернулся еще разъ. Поѣздъ сталъ черной точкой, удаляющейся вдаль, и на ней блестѣлъ, какъ глазъ, кровавый кругъ краснаго фонаря.

Потомъ и онъ исчезъ, путь опустѣлъ.

Тогда Оливье бросился бѣжать со всѣхъ ногъ, и грудь его разрывалась отъ рыданій.

XXXI.

Зима установилась холодная, печальная.

Оливье, очень занятый въ судѣ, слѣдилъ за политикой по газетамъ. Республика торжествовала при крикахъ и вопляхъ побѣжденныхъ партій, которыя мельчали и раздроблялись. Рауль Барро, недавній трибунъ, сталъ главой государства. Оливье опять восхищался имъ. Онъ купилъ его портретъ и поставилъ на своемъ бюро.

Между тѣмъ, кризисъ духовнаго безсилія прошелъ. Онъ проснулся съ новыми силами, съ отдохнувшими мышцами, съ пустой душой, съ жаждой дѣятельности. Онъ мечталъ уѣхать изъ Франціи, странствовать по свѣту въ поискахъ неизвѣстныхъ приключеній; онъ задыхался въ Парижѣ.

Весною вспыхнула стачка въ одной изъ каменноугольныхъ провинцій центра Франціи. Происходили безпорядки, было убито нѣсколько жандармовъ.

— Возьмите на себя защиту рудокоповъ!—говорилъ ему Дьелафуа,—и ваше дѣло въ шляпѣ.

— Я? Но какъ-же я могу? Кто меня знаетъ?

— Хотите, я поговорю съ Барро?

— Вы, значитъ, съ нимъ видитесь?

— Рѣдко... Но мы были близко знакомы, когда онъ начиналъ свою карьеру въ судѣ. Насъ связывали симпатіи, хотя онъ былъ гораздо моложе меня. Вотъ уже десять лѣтъ, какъ мы не встрѣчались. Но я пойду къ нему... Теперь онъ сила.

Оливье смотрѣлъ на адвоката съ бьющимся сердцемъ, взволнованный, какъ передъ опасностью.

— Но это невозможно. А если Барро узнаетъ, что я писалъ въ консервативныхъ газетахъ, что я сражался противъ республиканцевъ?

Адвокатъ пожалъ плечами.

— Зачѣмъ-же вамъ признаваться, вы скажете *нѣтъ* на все. вы будете отрицать устно, письменно, печатно. Нѣтъ и нѣтъ! Отрицаніе—это превосходное средство! Вамъ сунутъ подъ носъ статьи Коріолана, а вы скажете: это не я! Приведутъ свидѣтелей, типографщиковъ, кассира, который выдавалъ гонораръ, а вы все свое: нѣтъ, и кончено!

— Какъ убійцы въ судѣ?

— Именно... Итакъ, я побываю у Барро...

Оливье протянулъ ему руку.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ просто.

— Ну чего тамъ! Я радъ буду поговорить съ этимъ державнымъ властелиномъ.

Черезъ день послѣ этого Оливье ждалъ, блѣдный и нервный, въ передней Барро, который, занимая высшую оффиціальную должность, жилъ теперь въ одномъ изъ дворцовъ.

Судебный приставъ пригласилъ Оливье слѣдовать за собою и доложилъ громко:

— Г. Оливье Датанъ.

Молодой человѣкъ едва узналъ Барро. Онъ ожирѣлъ, почти опухъ, щеки у него отвисли, какъ мѣшки, въ откинутыхъ назадъ длинныхъ волосахъ виднѣлись бѣлыя пряди. Его лицо также измѣнилось и имѣло выраженіе нѣсколько надменнаго величія. Глаза, окруженные опухшими вѣками, смотрѣли сверху внизъ.

Оливье поклонился ниже, чѣмъ намѣревался. Какая-то сила согнула его спину. Онъ сѣлъ на указанное ему малиновое кресло, ожидая, узнаетъ-ли его Барро.

— Дьелафуа мнѣ говорилъ о васъ по поводу этого дѣла...

онъ мнѣ сказалъ о васъ много хорошаго, и я вполнѣ вѣрю ему... Это человѣкъ... Знакомы-ли вы съ вопросами, относящимися до каменноугольной промышленности?

— Когда я имѣлъ честь, милостивый государь, быть принятымъ вами нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вы дали мнѣ слѣдующее наставленіе: ничто не должно быть незнакомо государственному человѣку, онъ долженъ все изучить, все знать...

Онъ невольно покраснѣлъ, произнося эту лесть. Барро сдвинулъ брови, посмотрѣлъ на него молча, проницательно и покачалъ головой съ недовольнымъ видомъ.

Онъ задалъ молодому человѣку нѣсколько вопросовъ, какъ бы зондируя его. Мало-по-малу его лицо прояснялось. Наконецъ, довольный сдѣланнымъ экзаменомъ, онъ улыбнулся и сталъ вдругъ снова добрымъ малымъ, простымъ и привѣтливымъ, какимъ Оливье его зналъ прежде.

— Я очень люблю Дьелафуа,—сказалъ онъ.—Я желалъ бы, чтобъ онъ принялъ отъ меня какую-нибудь должность, онъ оказалъ-бы большія услуги: люди его закала рѣдки. даже между республиканцами,—прибавилъ онъ съ иронической улыбкой...

— Но его убѣжденія... его прошлое во время Имперіи...

— Пустяки!.. Политика не должна быть ни злопамятна, ни застѣнчива. Моя мечта сдѣлать министрами герцога X.,—маркиза Z,—г. У.,—всѣхъ подвижниковъ павшаго роялизма... Что касается до принцевъ спретендентовъ, то я ихъ назначилъ бы корпусными командирами и посланниками. Они были-бы нашими представителями у державъ. Окруженные королевской роскошью, въ общеніи съ королями,—они оставались-бы вѣрны Франціи, потому что это сыновья храбрецовъ... Они были-бы лучшими слугами республики... Но все это фантазія.. Въ настоящую минуту выплываютъ на сцену подонки общества; они поднимаются и хотятъ завладѣть всѣмъ... Этотъ каменноугольный процессъ очень щекотливое дѣло... Нужно будетъ добиться оправданія рабочихъ, даже виновныхъ въ убійствахъ. Но зачинщиковъ нужно погубить непремѣнно; ихъ надо обличить; мы ихъ покажемъ буржуазіи, которая, обезумѣвъ отъ страха, кинется къ намъ; нужно сдѣлать ихъ предметомъ презрѣнія для рудокоповъ, которые должны отнестись равнодушно къ ихъ высылкѣ.

Онъ говорилъ долго, увлекаясь своимъ краснорѣчіемъ, объяснялъ дѣло, излагая подробно его причины, разсматривая самыя отдаленныя послѣдствія, набрасывая широкими штрихами защитительную рѣчь, которую требовали обстоятельства.

Онъ нарисовалъ ропотъ демагогіи, готовой къ возмущенію, жаждущей безпорядковъ и власти. Плотина могла прорваться. Кровавыя грезы копошатся въ мозгахъ. Эта толпа шла сти-

хійно, безъ оружія, безъ начальника, группируясь около нѣсколькихъ неопредѣленныхъ девизовъ. Кто знаетъ, не придется-ли пустить въ ходъ силу? Это прямая угроза буржуазіи, которой приходится думать о необходимой самооборонѣ...

Слушая и отмѣчая его совѣты, проникаясь его мыслью, Оливье видѣлъ передъ глазами эту орду нищихъ и недовольныхъ; слышалъ ея рычаніе. Изъ нея подымался, ей предшествовалъ еще глухой, но чудовищный гулъ, точно внезапные порывы вѣтра передъ грозой. Цѣлый океанъ головъ,—черный народъ, — волновался передъ нимъ, лишенный организаціи, движимый лишь инстинктомъ борьбы за существованіе. Какой магической властью облечется имя того, кто явится символомъ объединенія для всѣхъ этихъ обездоленныхъ! Въ первый разъ эта перспектива открывалась передъ нимъ во всей своей простотѣ и ясности... И вотъ, судьба посылаетъ ему это дѣло...

Онъ едва слушалъ Барро; на его губахъ застыла улыбка согласія и восхищенія. Слава шла къ нему на встрѣчу. Минута была рѣшительная. Побѣжденный этотъ разъ, онъ уже не поднимется.

Когда онъ простился съ Барро, смиренно, какъ удовлетворенный проситель, онъ чувствовалъ, что не любитъ больше этого человѣка, что въ одинъ прекрасный день онъ будетъ съ нимъ бороться. Онъ оставлялъ за собою врага.

Въ передней пристава почтительно встали при его появленіи. Онъ вышелъ, сіяющій, высоко поднявъ голову.

— Я долженъ побѣдить—говорилъ онъ себѣ.

Черезъ шесть недѣль онъ говорилъ въ провинціи передъ присяжными. На него была возложена защита одного изъ руководителей, на которомъ лежали самыя тяжкія обвиненія. Буржуазія требовала его головы, соглашаясь лишь на этомъ условіи помиловать рабочихъ.

Когда Оливье поднялся на своемъ мѣстѣ, блѣдный, почти мрачный, наступила глубокая тишина. Онъ окинулъ аудиторію быстрымъ взглядомъ: съ одной стороны—безстрастныя лица судей, съ тонкими благородными чертами, затѣмъ присяжные, видимо запуганные, какъ стадо, почуявшее волка; напротивъ, среди обвиняемыхъ въ рабочемъ платьѣ, его кліентъ, смотрѣвшій на него и тоже содрогавшійся отъ неизвѣстности и страха. Это былъ человѣкъ съ большой головой, съ выпуклымъ лбомъ, умнымъ и суровымъ лицомъ; съ другой стороны, позади барьера, составленнаго изъ жандармскихъ трехуголокъ—блузы, головы женщинъ, чепчики, сѣдые и черные волосы, молчаливая толпа бѣдняковъ.

Въ продолженіи одной секунды Оливье испытывалъ смертельную тоску. Ему стало страшно.

Онъ началъ громкимъ голосомъ, который заставилъ его

самого задрожать, и онъ чувствовалъ, что дрожь охватила все собраніе.

Его рѣчь была апологіей народа. Оставивъ скоро частный предметъ своей защиты, онъ пустился въ отступленія общаго характера. Онъ нашелъ образы, чтобы нарисовать бѣдствія рудокоповъ, онъ ихъ заставилъ рычать отъ страданія. Онъ говорилъ объ ихъ правѣ на существованіе, на хлѣбъ насущный, на покой въ старости, когда волосы побѣлѣютъ и члены потеряютъ силу...

Каждое его слово производило впечатлѣніе. Въ одномъ мѣстѣ толпа стала рукоплескать. По слову президента снова водворилось молчаніе. Оливье продолжалъ, сжавъ кулаки съ искаженнымъ, страшнымъ лицомъ, поднимая руки, блѣдный, безъ кровинки, похожій, въ широкихъ складкахъ своей тоги, на ангела смерти, свирѣпаго и неумолимаго.

Судьи облокотились на столъ. Присяжные слушали, блѣдные отъ испуга. Его кліентъ, поддерживая голову обѣими руками, слѣдилъ за всякимъ его движеніемъ. Толпа, молчаливая, двигалась, точно волны передъ близкою бурей, на него смотрѣли сотни глазъ, пламенныхъ и дикихъ.

Онъ импровизировалъ, увлеченный своимъ краснорѣчіемъ, не слѣдя за собой. Внутренно, его сердце разрывалось отъ радости. Его губы дрожали отъ страстной потребности смѣха: онъ говорилъ противъ Барро.

Его кліентъ былъ оправданъ. Всѣ подсудимые также.

Толпа стучала ногами и расходилась съ шумными криками торжества.

На улицѣ Оливье окружили. Было темно, онъ еле могъ разглядѣть людей; сотни рукъ пожимали его руки. Какая-то женщина поцѣловала его въ губы.

Онъ задрожалъ, его ноги подкосились, сердце, казалось, переставало биться въ груди, когда могучій крикъ поднялся изъ тысячи грудей къ беззвѣздному небу:

— Да здравствуетъ Датанъ!

Онъ оперся на чье-то плечо, проливая слезы, невидимыя въ темнотѣ.

На другой день въ двѣнадцать часовъ поѣздъ уносилъ его въ Парижъ. Первый его визитъ былъ къ Дьелафуа, который встрѣтилъ его объятіями.

— Браво!—воскликнулъ онъ.—Браво!..

Онъ показалъ Оливье груду развернутыхъ газетъ. Защитительная рѣчь Оливье была приведена in extenso. Статьи въ радикальныхъ газетахъ носили заглавіе: Оливье Датанъ. Онъ вернулся въ Парижъ знаменитостью.

— Я не знаю, по правдѣ сказать,—проговорилъ Дьела-

фуа,—придется-ли ваша защита по вкусу Барро. Десять лѣтъ тому назадъ онъ бы ей апплодировалъ, но теперь...

Оба улыбнулись.

Отецъ ожидалъ его на квартирѣ. Добрый старикъ бросился въ объятія сына съ изліяніемъ, въ которомъ Оливье почувствовалъ прощеніе.

— Видишь, я пришелъ обнять тебя, поздравить,— сказалъ докторъ.—Я долго сомнѣвался въ тебѣ. Я не понялъ тебя. Я видѣлъ въ тебѣ ренегата. У тебя была минута слабости... очевидно, нужда, которой я никогда не зналъ, заставила тебя потерять голову... Но сегодня все заглажено... О! дорогое дитя, если-бы ты зналъ, какъ меня мучило это недоразумѣніе. Ты не былъ больше моимъ сыномъ, были дни, когда я спрашивалъ себя, живъ-ли ты, не умеръ-ли. Но, знаешь-ли, что въ твоей рѣчи ты сказалъ тоже, что сказалъ-бы, безъ твоего краснорѣчія, конечно, твой старый, глупый отецъ?.. Нѣсколько преувеличенно... ну, это горячая кровь... молодость...

Оливье слушалъ въ смущеніи. Прощеніе, какъ прежде презрѣніе отца, было ему больно. Эти преувеличенія, которыя старикъ объяснилъ увлеченіемъ, были преднамѣрены и разсчитаны... Убѣжденія! Но у него ихъ не было больше. Его совѣсть умерла, онъ просто плыветъ по теченію къ славѣ и богатству! Въ судѣ звуки собственнаго голоса, игра интонаціи и удареній вызывали въ немъ самомъ какое-то волненіе, но теперь его сердце было сухо. Все это было ему безразлично. Важно было одно: все увеличивающееся значеніе его имени, неизвѣстнаго еще наканунѣ, сегодня переходившаго изъ устъ въ уста; это имя, которое повторяли, быть можетъ, въ предмѣстьяхъ и въ мастерскихъ, которое обѣжало Францію, Европу, весь свѣтъ, разнесенное всюду печатью, имя, упавшее, какъ бомба, среди Полиньеровъ, имя, которое въ прошлую ночь провозглашали во мракѣ сотни грубыхъ голосовъ, между тѣмъ какъ буржуа дрожали за своими закрытыми ставнями.

Докторъ ушелъ, а онъ легъ. Его силы истощились. Но онъ гналъ отъ себя приближавшійся сонъ: ему хотѣлось встать, опять перечитывать газеты, на столбцахъ которыхъ всюду виднѣлось его имя, большими буквами, какъ будто горѣвшими передъ его утомленными глазами...

Онъ проснулся, проспавъ болѣе двѣнадцати часовъ.

На полу у дверей онъ нашелъ письмо, просунутое наканунѣ консьержемъ.

M-me Наполи писала ему на восьми страницахъ, исполненныхъ энтузіазма, называя его великимъ гражданиномъ, напоминая, что имѣла удовольствіе видѣть его разъ у себя, и

упрекая, что онъ никогда не переступалъ больше дверей, которыя передъ нимъ широко открыты.

Наполи! Онъ забылъ о ней. Давно какъ-то говорили о ея бракѣ съ Барро. Теперь они не видѣлись, и она нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ основала соціалистическую газету.

Онъ одѣлся, купилъ свѣтлыя перчатки и пошелъ къ ней. Ему казалось, что вотъ уже нѣсколько часовъ его зацѣпило какое-то зубчатое колесо и тянуло куда-то безъ его вѣдома и воли.

Онъ удержался отъ движенія удивленія, когда увидѣлъ Наполи, спѣшившую ему на встрѣчу,—такъ она постарѣла и завяла. Впрочемъ, она была еще недурна, но румяны на щекахъ, крашеныя губы и подведенныя рѣсницы старили ее еще больше. Она была въ платьѣ, слишкомъ свѣтломъ для ея возраста. Пепельная пудра въ волосахъ должна была скрывать сѣдыя пряди.

Она схватила его руки, долго ихъ держала, стоя близко къ нему, поднявъ голову, улыбающаяся, съ блестящими глазами. Отъ нее пахло сильными, изысканными духами.

— Я васъ ждала и очень благодарна, что вы тотчасъ же пришли на мое приглашеніе... Садитесь...

Они сѣли на маленькій диванъ для двоихъ; она—спиной къ окну, въ полусвѣтѣ, который дѣлалъ ее значительно красивѣе; онъ—въ полуоборотъ къ ней, нѣсколько удивленный впечатлѣніемъ, которое она теперь производила на него.

Они находились въ маленькомъ темноватомъ будуарѣ; большая двустворчатая дверь вела въ салонъ, въ которомъ четыре года тому назадъ онъ видѣлъ ее въ первый разъ. Онъ вспомнилъ, какъ онъ тогда дрожалъ, сконфуженный, оттиснутый до самой стѣны локтями гостей, избѣгая высокомѣрныхъ взглядовъ. Ему припомнилось также желтое лицо отца и то, какъ они уходили тайкомъ, молчаливые, униженные.

— У васъ громадный талантъ,—говорила Наполи.—Меня такъ взволновало чтеніе вашей защитительной рѣчи. Это такъ больно и въ то же время такъ пріятно. Нужно вернуться къ далекимъ временамъ, чтобъ найти такое горячее, убѣдительное, сильное краснорѣчіе... За то и какое торжество!..

Оливье чуть замѣтно поклонился. Онъ улыбался и ликовалъ: ея голосъ звучалъ восхитительной мелодіей въ его ушахъ. Это лицо казалось ему достойнымъ обожанія.

— Но почему вы никогда не приходили ко мнѣ?

Ея губы сжались милой и своенравной гримаской; ея брови поднимались вопросительно; глаза ласкали его, полные нѣжности и упрека.

Онъ отвѣтилъ неопредѣленнымъ жестомъ.

— Я должна была бы бранить васъ... Но я хочу вамъ

сдѣлать одно предложеніе... Не отказывайте мнѣ... Будьте сотрудникомъ въ нашей газетѣ... Вы будете въ ней полнымъ хозяиномъ, конечно... Согласны?

— Принимаю съ благодарностью, madame.

Она подскочила отъ радости.

— Въ завтрашнемъ номерѣ мы объявимъ объ этомъ большими буквами. О, я такъ вамъ благодарна. Съ этого дня газета ваша... Она становится вашей трибуной, вы станете подготовлять свою кандидатуру.

Онъ сдѣлалъ жестъ удивленія.

— Какую кандидатуру?

— Въ депутаты, разумѣется.

— О, но кандидатура стоитъ дорого, а я заработываю еще далеко недостаточно.

— А газета? ея средства въ вашемъ распоряженіи.

Она прибавила рѣшительнымъ тономъ, не ожидая отвѣта:

— Наконецъ, и я что нибудь значу! Я хочу, чтобъ вы стали депутатомъ при слѣдующихъ-же выборахъ, т. е. черезъ восемь мѣсяцевъ... вы будете кандидатомъ или отъ Парижа, или отъ одного изъ департаментовъ... кое-гдѣ я имѣю большое вліяніе.

Онъ вскричалъ, задыхаясь отъ счастья:

— Но вы раскрываете передо мною будущность... Я вамъ буду обязанъ всѣмъ.

Онъ схватилъ ея руки, готовый поцѣловать ихъ. Ему показалось, что она ихъ сама приближаетъ къ его губамъ.

Она продолжала серьезно:

— Вамъ удастся... Вы явились, чтобы занять вакантное мѣсто... Барро становится диктаторомъ, онъ окружаетъ себя сомнительными личностями, онъ дѣлаетъ авансы побѣжденнымъ партіямъ. Его популярность колеблется... Онъ падетъ... Нужно, чтобы онъ палъ... Измѣнникъ относительно тѣхъ программъ, которыя дали ему положеніе, узурпаторъ деспотической власти, которую самъ заклэймилъ, диктаторъ послѣ того, какъ былъ проповѣдникомъ свободы, развратникъ и плутъ,—онъ долженъ искупить все это... Вы примкнете къ его врагамъ, и удары новаго противника онъ долженъ почувствовать...

Она говорила сурово, сдержаннымъ голосомъ.

Оливье вспомнилъ взглядъ полный любви, которымъ она когда-то окинула Барро. Теперь она его ненавидѣла. Она хотѣла его паденія и раззоренія. Быть можетъ, онъ, Оливье, будетъ обязанъ своимъ счастьемъ неизвѣстной ему ссорѣ, раздѣлившей эти два существа. Онъ достигнетъ своей цѣли, какъ преемникъ, какъ мститель. Онъ чувствовалъ, что въ немъ развивалась и росла такая же ненависть къ Барро.

Они молчали. Между ними заключался безмолвный договоръ,

Оживившись и снова улыбаясь, она проговорила:

— Завтра у меня обѣдаетъ вся редакція и нѣсколько депутатовъ... Вы придете, не правда-ли?

Онъ согласился и всталъ.

Она проводила его до дверей передней.

— Вы тутъ у себя,—сказала она, пожимая ему руку въ послѣдній разъ, поднявъ голову, протянувъ шею, съ вызывающимъ жестомъ, который его привелъ въ смущеніе.

Сказала она это, какъ собственница газеты? какъ хозяйка? или какъ женщина?

Предчувствіе говорило ему, что она будетъ его любовницей. Общность интересовъ связывала ихъ и бросала въ объятія другъ друга. Эта женщина, принадлежавшая прежде другимъ, уже не молодая, привлекала его, вызывала въ немъ чувство сладострастія, котораго онъ еще никогда не испытывалъ.

XXXII.

Разъ утромъ онъ получилъ записку отъ Баратье, который его извѣщалъ о своемъ возвращеніи въ Парижъ и просилъ придти съ нимъ повидаться по дѣлу о процессѣ.

Семь мѣсяцевъ прошло съ того дня, какъ онъ провожалъ Симону на платформу желѣзной дороги, гдѣ они разстались соединенные тайной любовью, не имѣвшей завтрашняго дня.

Ему не хотѣлось ее видѣть. Эта мимолетная нѣжность, блѣдный цвѣтокъ сентиментальности оставилъ въ немъ чувство какой-то неловкости.

Онъ задрожалъ и поблѣднѣлъ, входя въ кабинетъ Баратье. Симона была тамъ; она сидѣла въ креслѣ, блѣдная, съ впавшими щеками, съ большими глазами, окруженными черной тѣнью. Она съ трудомъ приподнялась, согнувшись вдвое, напоминая старушку... Она надѣла то розовое платье, въ которомъ была во время ихъ памятнаго свиданья наединѣ.

Она протянула молодому человѣку свою блѣдную маленькую руку, хрупкую и прозрачную, всю сквозящую голубыми жилками.

— Какъ ваше здоровье, mademoiselle,—спросилъ онъ машинально.

Она улыбнулась, хотѣла отвѣтить, но жестокій кашель чуть не задушилъ ее, на щекахъ загорѣлось два красныхъ пятна, глаза, подернутые влажной дымкой, зажглись, какъ горячіе угли. Въ изнеможеніи, она снова сѣла, почти упала въ кресло.

— Это ничего,—сказалъ Баратье.—Она простудилась.

Онъ говорилъ громко, почти кричалъ. Его глаза блуждали. Онъ зналъ, что его дочь погибла.

— Вамъ надо было еще остаться на Югѣ.

— Тамъ слишкомъ жарко; кромѣ того, она непремѣнно хотѣла вернуться.

Оливье повернулся къ Симонѣ. Она смотрѣла на него молча, не сводя глазъ, и казалось, говорила: «Видите, я была права; мнѣ не надо было уѣзжать. Теперь я умираю. Но я хотѣла васъ увидѣть еще разъ, я вернулась. Вы тутъ, я смотрю на васъ. Оставайтесь, оставайтесь... Любите вы меня? я—люблю васъ»...

Никакого намека не было сдѣлано на успѣхи Оливье. О нихъ, казалось, и не знали. Одна вещь только занимала этого человѣка и этого ребенка: смерть. Время отъ времени взгляды отца и дочери встрѣчались, спрашивая другъ друга нѣжно и ласково.

Оливье задыхался. Симона какъ бы упрекала его въ чемъ-то, приписывала ему свою болѣзнь. Она какъ бы звала его на помощь, просила изъ глубины души спасти ее отъ смерти, унести, перенести ее туда, гдѣ она будетъ здорова, гдѣ они будутъ счастливы, будутъ любить другъ друга.

Его разговоръ съ Баратье длился не болѣе четверти часа. Они говорили, не понимая другъ друга.

Когда онъ поклонился на прощанье Симонѣ, она улыбнулась ему, вытянувъ голову впередъ, какъ бы подставляя свой лобъ для поцѣлуя.

— До скораго свиданья,—прошептала она и пожала ему руку изо всѣхъ силъ. Но пожатіе было такъ слабо, что Оливье едва почувствовалъ его.

Онъ ушелъ точно въ туманѣ.

Много разъ послѣ этого онъ подходилъ къ ихъ дверямъ, но непреодолимый ужасъ удерживалъ его, и онъ уходилъ обратно.

Такъ проходили дни, недѣли. Онъ писалъ ежедневно въ газетѣ Наполи. Его книга объ ораторахъ, начатая въ дни бѣдности и вѣры, теперь печаталась. Событія бѣжали другъ за другомъ безпорядочно, нелогично и поднимали его все выше съ каждымъ днемъ. Яростная полемика съ газетой Барро еще болѣе увеличила его зарождавшуюся популярность и бросила ее, какъ опасную волну, разрывающую плотину, среди откормленной и спокойной буржуазіи.

Всѣ статьи скрывали въ себѣ нападеніе на самаго Барро. Наполи ихъ пересматривала и подбавляла яду. Ихъ головы склонялись и сталкивались надъ корректурами, исправляемыми сообща. Однажды вечеромъ онъ ее поцѣловалъ въ високъ. Она улыбнулась и продолжала писать.

Въ это время избиратели Барро потребовали, чтобы онъ далъ отчетъ на публичномъ собраніи въ своихъ полномочіяхъ. Было рѣшено, что Оливье будетъ говорить тоже. Съ нимъ отправится Наполи и вся редакція газеты.

Барро, великолѣпный своей силой и пренебреженіемъ, съ откинутыми назадъ волосами, съ блестящимъ взглядомъ, встрѣтилъ ихъ улыбкой презрѣнія и пожалъ плечами. Затѣмъ онъ сталъ смотрѣть въ другую сторону. Оливье поблѣднѣлъ, почувствовалъ себя униженнымъ, безсильнымъ передъ этимъ гигантомъ и задыхался отъ сознанія своей измѣны,

— Я не буду говорить,—сказалъ онъ тихо Наполи.

Она сжала ему руку и прижалась къ нему.

— Это необходимо, это необходимо,—отвѣчала она быстро.

— Но я буду раздавленъ.

Она его умоляла дрожащимъ отъ нетерпѣнія голосомъ. Схвативъ его руку, она нервно, лихорадочно ее пожимала.

Они посмотрѣли другъ другу въ лицо. Она улыбалась и своими полуоткрытыми губами призывала его губы.

Толпа шумѣла и волновалась при свѣтѣ висячихъ лампъ, издававшихъ рѣзкій, удушливый запахъ.

Оливье сталъ говорить. Онъ сознавалъ себя ниже противника. Барро, откинувшись въ креслѣ, закинувъ голову назадъ, опустилъ сжатый кулакъ на столъ и смущалъ его своимъ взглядомъ. Оливье уже слышались свистки и шиканье. Холодный потъ выступилъ на его лбу.

Вдругъ Барро вскочилъ и, ударивъ кулакомъ по столу, кинулъ сильное презрительное возраженіе.

Поднялось волненіе. Барро настаивалъ. Начался шумъ. Съ полчаса всѣ только кричали. Обрывки фразъ летали въ воздухѣ. Безуміе сорвалось съ цѣпи. Барро, красный, съ вытаращенными глазами, выставивъ впередъ свою широкую грудь, жестикулировалъ, билъ кулакомъ по столу и открывалъ ротъ, но ничего не было слышно, кромѣ криковъ толпы. Угрозы смертью гремѣли, какъ выстрѣлы. Стулъ брошенный изъ глубины залы, разбилъ лампу и упалъ среди толпы. Насталъ невообразимый шумъ, потрясавшій стѣны, началась свалка. Кулаки, трости, стулья подымались и опускались при крикахъ боли и ярости. Одинъ человѣкъ упалъ къ ногамъ Оливье. Его черепъ былъ раздробленъ скамьей, которою, какъ шарикомъ, управляли трое бѣснующихся. Оливье потащилъ прочь Наполи, почти унесъ ее на рукахъ безъ сознанія. На ея платьѣ была кровь.

Они сѣли въ фіакръ.

Въ продолженіи всего пути она оставалась въ его объятіяхъ, пассивно поддаваясь его поцѣлую.

— Я васъ люблю,—повторялъ онъ,—я васъ люблю.

Онъ какъ бы просилъ прощенія. Ему казалось, что онъ былъ

неудовлетворителенъ. Онъ думалъ, что она уже не вѣритъ въ него, что она сердится, что онъ ее обманулъ. Его охватывалъ ужасъ при мысли объ этой бойнѣ...

Вдругъ она обвила его руками, прижалась къ нему и подставила свой ротъ его поцѣлуямъ.

— Я также люблю васъ.

Фіакръ остановился.

Она протянула ему руку, еще дрожа всѣмъ тѣломъ, близкая къ обмороку.

— Когда я васъ увижу?—спросилъ онъ.

— Завтра, конечно.

Онъ удержалъ ея руку въ своихъ, понизилъ голосъ, сдѣлалъ его нѣжнымъ, умоляющимъ и спросилъ:

— Хотите придти ко мнѣ завтра... чтобъ быть совсѣмъ однимъ...

Она колебалась секунду.

— Хорошо, завтра, въ три часа...

Еще одно рукопожатіе, и она исчезла въ воротахъ, которыя за нею заперъ Оливье.

Онъ вернулся къ себѣ пѣшкомъ.

Наполи отдавалась ему. Значитъ, онъ не потерялъ ничего въ ея глазахъ. Его слабость прошла не замѣченной въ этой сумятицѣ, которая послужила ему на пользу. Во всякомъ случаѣ Барро потерпѣлъ неудачу. Ему шикала толпа.

Придя домой, онъ нашелъ извѣщеніе о смерти Симоны. Похороны должны были происходить завтра на кладбищѣ Монмартра.

Онъ долго и задумчиво смотрѣлъ на это траурное письмо. Ему припомнилось первое появленіе Симоны въ его жизни. Онъ думалъ о голубой лентѣ. Онъ видѣлъ снова себя, робко проходящимъ мимо террасы съ опущенной головой, прислушивающимся къ этому свѣжему дѣтскому голосу. Потомъ онъ нашелъ ее. Была минута любви, любви безъ надежды. Послѣдній разъ, какъ они видѣлись, она умирала. Теперь все кончено! Она думала о немъ въ послѣднія минуты своего блѣднаго существованія! Онъ старался представить ее себѣ на смертномъ одрѣ... Если бы она могла жить, если бы они любили другъ друга!.. Жалѣлъ онъ объ этомъ?.. Дало-ли бы ему это счастье? Почему его сердце такъ болѣзненно сжималось и почему онъ не плакалъ?

Онъ вынулъ изъ ящика цвѣтокъ бѣлой гвоздики, который она дала ему за нѣсколько дней до ея послѣдняго путешествія. Цвѣтокъ сморщился, пожелтѣлъ, облетѣлъ... Онъ поцѣловалъ жалкіе остатки, разсыпавшіеся подъ его губами,—и почувствовалъ легкій нѣжный запахъ. Этотъ поцѣлуй назначался холод-

ному, бѣлому лбу мертвой Симоны. Его глаза оставались сухи, въ горлѣ пересохло.

Онъ пойдетъ завтра сказать ей послѣднее прости, онъ послѣдуетъ за маленькимъ гробомъ, который не будетъ тяжелъ для носильщиковъ. Но ему не хотѣлось мѣшаться въ толпу присутствующихъ. Ихъ любовь была тайной, тайной останется и послѣднее «прости», и его вздохъ, быть можетъ, и его слезы...

На другой день, скрываясь за могилами у самыхъ воротъ кладбища, онъ слѣдилъ за чьей-то похоронной процессіей, которая тянулась черная и молчаливая.

Бѣлыя, прозрачныя облачка бѣжали по голубому небу. Солнце ярко и горячо освѣщало памятники. Зеленые, свѣжіе листья вытягивались въ горячемъ воздухѣ. Тысячи птичекъ пѣли, порхали по крестамъ и вѣткамъ, влетали въ чащу деревьевъ, поднимались стаей, когда процессія растягивалась зловѣщей линіей по бѣлымъ аллеямъ. Цвѣты издавали благоуханія, среди нихъ жужжали насѣкомыя...

Еще разъ прозвучалъ кладбищенскій колоколъ, возвѣщая о новой похоронной процессіи.

Оливье увидѣлъ бѣлыхъ лошадей и карету, обитую бѣлымъ. Гробъ исчезалъ подъ кучей бѣлыхъ букетовъ и вѣнковъ.

Сзади шелъ Баратье, опустившійся, съ непокрытой головой, свѣсившейся на грудь. За нимъ слѣдовали обычные посѣтители салона Полиньеровъ. Всѣ были здѣсь. Въ первомъ ряду среди дамъ шла Жюли съ матерью.

Онъ слѣдилъ издали, скользя между памятниками.

Всѣ остановились.

Онъ ждалъ. Молчаніе царствовало надъ могилой Симоны. Онъ ждалъ, смотрѣлъ, какъ присутствующіе расходились и возвращались одинъ за другимъ. Прошелъ и Баратье. Тогда онъ побѣжалъ. Каменьщики собирались укрѣпить памятникъ. Они его отодвинули немного, чтобъ установить лучше, и Оливье, наклонившись, увидѣлъ крышку гроба и мѣсто, гдѣ должна была покоиться голова, окруженная бѣлокурыми волосами.

Его сердце разрывалось, двѣ крупныя слезы скатились по щекамъ.

— Прощай Симона, прощай, любившая меня малютка!

Онъ возвращался одинъ по пустынному кладбищу, ярко освѣщенному солнцемъ; птицы пѣли, взлетая при его приближеніи, цвѣты и листья издавали благоуханіе.

Онъ вышелъ въ ворота кладбища и ему показалось, что онъ оставилъ за собою кого-то, кто еще жилъ и думалъ о немъ.

Онъ спустился въ Парижъ. Веселая, дѣятельная толпа двигалась по улицамъ. Магазины открывали широко двери теплому, легкому воздуху. Улицы были залиты солнцемъ, блестѣли

проѣзжающіе экипажи. Толпа сновала, точно въ муравейникѣ, въ который сунули палку.

Вниманіе Оливье привлекла картинка, вывѣшенная въ окнѣ кіоска, нарисованная ярко и сильно. Онъ подошелъ и остановился съ открытымъ ртомъ, не вѣря своимъ глазамъ.

Каррикатура, подъ названіемъ: *Левъ* и *комаръ*, изображала Барро подъ видомъ льва съ открытой пастью, источающей пѣну, съ поднятыми усами, съ налитыми кровью глазами; пригнувшійся на своихъ чудовищныхъ лапахъ, онъ какъ бы собирался сдѣлать яростный скачокъ, въ то время какъ его хвостъ разсѣкалъ пространство. Надъ нимъ носился на лазоревыхъ крыльяхъ комаръ, гиперболически толстый и рослый. У него была человѣческая голова, украшенная краснымъ колпакомъ. Лицо было желто, точно въ желтухѣ. И эта голова была его собственная. Это былъ онъ, Оливье Датанъ.

Его голова закружилась. Онъ закрылъ ослѣпленные глаза. Зубы сжались такъ сильно, что чуть не сломались.

Съ другой стороны, въ другомъ кіоскѣ была выставлена таже каррикатура. Комаръ въ красномъ колпакѣ выдѣлялся на бѣлой бумагѣ, господствуя надъ львомъ, дразня его, крылатый, неуловимый. Всѣ кіоски, всѣ продавцы газетъ выставили каррикатуру. Прохожіе останавливались, смотрѣли и улыбались.

— Въ баснѣ комаръ побѣждаетъ льва, — подумалъ Оливье.

Въ глубинѣ его души подымались крики радости и опьяняли его. Блѣдный и сіяющій, шелъ онъ полный торжества среди всеобщихъ восклицаній.

Когда онъ переходилъ бульваръ, его остановила чья-то рука.

— Ты, великій человѣкъ, уже не видишь больше друзей? — проговорилъ чей-то басъ, который онъ сейчасъ же узналъ.

Это былъ Лазарюсъ, громадный въ своемъ желтомъ костюмѣ, который онъ носилъ уже нѣсколько лѣтъ. Подъ мышкой онъ держалъ картонку.

Оливье едва удержался, чтобъ не обнять его.

— Ахъ! старина, какъ я радъ тебя встрѣтить... что новаго у тебя?

Онъ невольно смѣялся. Радость переливалась черезъ край, какъ кипящая вода.

Лазарюсъ пожалъ плечами и сдѣлалъ губами свою обычную гримасу.

— Не много...

И затѣмъ онъ прибавилъ съ ироніей:

— Это ты становишься знаменитостью. Твои изображенія на всѣхъ стѣнахъ Парижа.

— А Гонорина?—спросилъ Оливье.

Богема посмотрѣлъ на него и помолчалъ, колеблясь. Наконецъ сказалъ:

— Гон рина?.. Мы живемъ теперь вмѣстѣ. Ты знаешь, что я ждалъ отъ одной тетки наслѣдства въ нѣсколько тысячъ франковъ. Тетка умерла, и я отдалъ деньги Гоноринѣ. Она открыла маленькую мастерскую. У нея есть работница и ученица. Она хозяйка... Я исполняю порученія.

Онъ показалъ на кортонку, которую держалъ подъ мышкой.

— Такъ вотъ, старина... Сѣдые волосы и ревматизмъ могутъ теперь приходить. Я у пристани. Однако я тебя оставляю, мнѣ нужно отнести заказъ. До свиданья...

Оливье казалось, что онъ ушелъ слишкомъ скоро. Онъ видѣлъ, какъ Лазарюсъ скрылся въ толпѣ, возвышаясь надъ нею своей широкой, мягкой шляпой, которая качалась въ тактъ его тяжелой походкѣ.

— Онъ мнѣ завидуетъ и ненавидитъ меня,—подумалъ онъ. Друзья! У меня ихъ больше не будетъ. Да и были-ли они когда? Что за дѣло! Пусть же они сдохнуть отъ зависти! Если они станутъ поперекъ моей дороги и если я смогу, я ихъ уничтожу.

Онъ продолжалъ свой путь.

— Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я буду депутатомъ. А потомъ? потомъ... кто знаетъ? Быть можетъ, я никогда не поднимусь выше. Этотъ вопросъ рѣшитъ время... При первой революціи я бы составилъ себѣ безсмертное имя. Смерть не испугала бы меня; я бы повелѣвалъ ею, и самъ принялъ бы ее мужественно... Что значитъ эшафотъ послѣ побѣды, послѣ опьяненія власти? Развѣ эти герои были сильнѣе насъ? энергичнѣе? рѣшительнѣе? Хотѣть!—въ этомъ все. Мое желаніе громадно!.. Кто знаетъ, что будетъ завтра? Быть можетъ, разразится революція... Явятся люди. Нѣмые теперь, признанные неспособными, они станутъ гигантами черезъ двадцать четыре часа... Война!... Я сталъ взрослымъ въ эпоху разгрома, въ эпоху паническаго страха раззореннаго народа... Та война влечетъ за собою другую, еще отдаленную, но роковую... Мой голосъ можетъ когда нибудь рѣшить эту войну, привести Францію къ побѣдѣ.

Онъ вспомнилъ портретъ Барро, продававшійся послѣ пораженія: трибунъ, въ мѣховой шубѣ, стоитъ на бастіонѣ, покрытомъ снѣгомъ... Быть можетъ, въ одинъ прекрасный день будутъ продавать и его портретъ, портретъ Оливье... послѣ побѣды!

— —

Бурныя, хотя смутныя желанія охватили его... Безумная отъ энтузіазма толпа толкалась на площадяхъ... Милліоны рукъ рукоплескали... Раздавались торжественные пушечные залпы... Молодыя, прекрасныя женщины подходили къ нему, покоренныя, улыбающіяся... Его ослѣпляли картины счастья...

Часы пробили надъ его головой. Было три четверти третьяго.

Его охватила дрожь любви. Онъ ускорилъ шаги, боясь, что Наполи придетъ первая на свиданье.

Конецъ.

Карлъ Марксъ и его русскій критикъ.

Л. Слонимскій. «Марксъ и его школа». Вѣстн. Евр. 1896 г., мартъ. «Экономическая теорія Маркса». Вѣстн. Евр., апрѣль и май 1896 г. «Капитализмъ въ доктринѣ Маркса» Вѣстн. Евр. 1896 г. іюль, августъ, сентябрь.

II.

Посвятивъ предыдущую статью критикѣ возраженій г. Слонимскаго противъ теоріи цѣнности Маркса, мы показали, что существенная заслуга этого ученія заключается въ *историчности*, а существенный недостатокъ названной критики—въ игнорированіи этой историчности. Марксъ извлекъ свой законъ цѣнности изъ анализа исторически-характерныхъ чертъ капиталистическаго хозяйства,—г. Слонимскій закрылъ глаза на эти черты и этимъ лишилъ себя возможности оцѣнить по достоинству выдающіяся черты ученія, подвергаемаго имъ, однако, энергической критикѣ.

Совершенно такимъ же характеромъ отличаются разсужденія г. Слонимскаго о прибавочной стоимости.

До сихъ поръ еще пользуется популярностью та мысль, что теорія прибавочной стоимости есть спеціальное изобрѣтеніе Маркса, пущенное имъ въ ходъ въ цѣляхъ апологіи правъ рабочихъ и для вящшаго посрамленія капиталистовъ. А между тѣмъ достаточно самаго поверхностнаго знакомства съ экономической литературою, чтобы понять, что эта часть ученія нѣмецкаго экономиста, такъ же какъ и его теорія цѣнности, есть лишь дальнѣйшій логическій шагъ на общемъ пути классической экономической школы. Еще Ад. Смитъ разсматривалъ ренту, какъ «первый вычетъ изъ труда, приложеннаго къ землѣ»,—произведенія котораго въ первобытномъ состояніи общества, предшествовавшемъ обращенію земель въ собственность и скопленію капиталовъ, безраздѣльно принадлежали работнику. Вторымъ вычетомъ—является прибыль.

Точно такъ же Рикардо смотритъ на прибыль, какъ на вычетъ изъ труда, говоря, что «прибыль зависитъ отъ количества труда, расходуемаго на доставленіе рабочимъ предметовъ первой необходимо-

сти» *). Ясно выраженнымъ мы находимъ подобный взглядъ у завершителя классической экономіи—Дж. Ст. Милля. «Причина прибыли»,—говоритъ послѣдній,—«та, что трудъ производитъ больше, чѣмъ требуется на его содержаніе... Капиталъ даетъ прибыль потому, что пища, одежда, матеріалы и орудія длятся больше времени, чѣмъ какое нужно было для производства ихъ. Прибыль возникаетъ не отъ посторонняго обстоятельства, не отъ обмѣна, а отъ производительной силы труда... Прибыль опредѣляется *стоимостью* (курс. автора) труда» **).

Въ этихъ словахъ уже отчетливо вырисовывается мысль, что источникомъ прибавочной стоимости, прибыли, чистаго дохода является только производительность человѣческаго труда. Но, не говоря уже о нѣкоторыхъ отступленіяхъ у названныхъ экономистовъ отъ этой точки зрѣнія, можетъ ли приведенное мнѣніе, вѣрное по существу, считаться окончательнымъ разрѣшеніемъ вопроса? Разрѣшила ли классическая политическая экономія интересующій насъ вопросъ, дала ли она на него исчерпывающій отвѣтъ и въ какомъ отношеніи къ ея отвѣту находится ученіе Маркса?

Человѣческій трудъ способенъ въ данное время произвести больше, чѣмъ сколько нужно на его содержаніе. Примемъ это за фактъ. Но вытекаетъ ли отсюда необходимость возникновенія прибавочной стоимости? «Если»,—удачно замѣчаетъ по этому поводу Зиберъ,—«если въ одинъ часъ труда я добуду себѣ пищи, одежды и т. д., сколько мнѣ нужно на цѣлыя сутки, то стану ли я послѣ этого производить еще излишекъ пищи, одежды и т. под.,—будетъ зависѣть отъ того, захочу-ли я этого или не захочу. Въ послѣднемъ случаѣ, очевидно, нельзя будетъ сказать, что прибыль или излишекъ отъ капитала возникаетъ отъ того, что пища, одежда и проч. живутъ дольше времени, какое нужно для ихъ производства, такъ какъ хотя это послѣднее условіе и будетъ состоять на лицо, но прибыли не будетъ и слѣда. Вотъ если я буду поставленъ общественными условіями, а не природой производства, въ такое стѣсненное положеніе, что не могу не захотѣть продолжать свою работу сверхъ опредѣленнаго времени, тогда прибыль получится, но не для меня» *).

Постановка опредѣленныхъ общественныхъ условій на мѣсто природы производства, доказательство, что прибавочная стоимость возникаетъ въ силу историческихъ условій современнаго хозяйства, что она неразрывно связана съ самимъ процессомъ капиталистическаго производства—это и составляетъ главную и выдающуюся заслугу ученія Маркса.

---

*) Рикардо. Сочиненія. Стр. 170.
**) Дж. Ст. Милль. Основ. политич. экономіи. Спб. 1874, т. I, стр. 477, 78, 80.
***) Н. Зиберъ. Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ. Спб. 1885. Стр. 354.

Прибыль, чистый доходъ, или то, что Марксъ называетъ прибавочною стоимостью, реализируется только при продажѣ товара, въ процессѣ обмѣна. Къ послѣднему мы и должны обратиться прежде всего для опредѣленія источника прибавочной стоимости. Всматриваясь ближе въ процессъ обмѣна, мы видимъ, что непосредственная форма обращенія товаровъ выражается такою формулою: т (товаръ)—д (деньги)—т (товаръ), т. е. превращеніе товара въ деньги и обратное превращеніе денегъ въ товаръ—продажа одного товара для покупки другого товара. Мотивы такой сдѣлки совершенно ясны, конечною его цѣлью является потребленіе. Здѣсь одна потребительная стоимость отчуждается, для того, чтобы за полученныя деньги пріобрѣсти другую, качественно отличную потребительную стоимость.

Но рядомъ съ разобранною формою обращенія открываемъ мы другую, специфически отличную отъ нея, а именно Д—Т—Д, т. е. превращеніе денегъ въ товаръ и обратное превращеніе товара въ деньги, покупку для продажи. На первый взглядъ эта форма кажется совершенно лишенною содержанія: вымѣнять 100 ф. ст. на хлопокъ для того, чтобы, вслѣдъ за тѣмъ, опять вымѣнять этотъ хлопокъ на тѣ же 100 ф. ст., представляется намъ операціей столь же безцѣльной, какъ и нелѣпой. И она была бы таковой, если бы дѣло представлялось въ томъ видѣ, въ какомъ рисуетъ его приведенный примѣръ. Но процессъ Д—Т—Д обязанъ своимъ содержаніемъ количественному различію между его конечными членами. Хлопокъ, купленный за 100 ф. ст., продается не за 100 ф., а, напримѣръ, за 100+10 ф. ст. или за 110 ф. ст. Полная форма этого процесса должна быть представлена, поэтому, слѣдующимъ образомъ: Д—Т—Д'; гдѣ Д = Д+д., т. е. равна денежной суммѣ, первоначально пущенной въ ссуду, плюсъ приращеніе. Это приращеніе или избытокъ надъ первоначальною стоимостью и называется прибавочною стоимостью.

Мы видимъ, что полученіе прибавочной стоимости является характерною и неотъемлемою чертою сдѣлки Д—Т—Д'. Конечно, она можетъ возникать и при сдѣлкѣ Т—Д—Т. Земледѣлецъ, продающій пшеницу для того, чтобы купить на эти деньги платье, можетъ продать свою пшеницу выше ея настоящей стоимости, или купить платье за цѣну, низшую по отношенію къ ея дѣйствительной стоимости. И наоборотъ, онъ можетъ быть самъ обманутъ купцомъ, торгующимъ платьемъ. Тѣмъ не менѣе для самой этой формы обращенія подобныя различія въ стоимости представляютъ всегда обстоятельства чисто случайныя, а эквивалентность этихъ стоимостей представляетъ здѣсь скорѣе условіе нормальнаго хода процесса. Напротивъ, процессъ Д—Т—Д' почти совершенно теряетъ содержаніе, какъ скоро крайніе члены этой формулы представляютъ стоимости, равныя по своей величинѣ. Въ общемъ, при нормальномъ ходѣ процесса сдѣлка Д—Т—Д' необходимо рождаетъ прибавочную стоимость.

Къ болѣе подробному анализу сдѣлки этого типа мы поэтому и должны обратиться, чтобы получить отвѣтъ на интересующій насъ вопросъ объ источникѣ прибавочной стоимости.

Но чтобы освободить процессъ обращенія отъ болѣе сложныхъ и запутанныхъ формъ его, оставимъ на время сдѣлку Д—Т—Д' и возьмемъ самый простой случай, когда два лица А и В обмѣниваются между собой двумя товарами: виномъ и рожью и посмотримъ, получатъ-ли они при этомъ прибавочную стоимость? Намъ извѣстно, что, по крайней мѣрѣ въ теоріи, обмѣнъ есть противуставленіе другъ другу двухъ равныхъ стоимостей. А если такъ, то здѣсь очевидно нѣтъ мѣста возникновенію прибавочной стоимости. Но дѣйствительность не всегда соотвѣтствуетъ теоріи; поэтому допустимъ, что на самомъ дѣлѣ въ обмѣнѣ участвуютъ неравныя стоимости. Объяснится ли тогда возникновеніе прибавочной стоимости.

Предположимъ, что вслѣдствіе какой нибудь необъяснимой привиллегіи продавецъ получилъ право продать товаръ выше его настоящей стоимости, напр., за 110 вмѣсто 100, т. е. съ номинальною надбавкою цѣны въ 10%. Такимъ образомъ продавецъ кладетъ въ свой кошелекъ прибавочную стоимость въ 10%. Но послѣ того какъ онъ былъ продавцомъ, становится онъ покупщикомъ. Навстрѣчу ему выступаетъ теперь какой нибудь третій владѣлецъ товаровъ и, въ свою очередь, пользуется привиллегіей продавать товаръ на 10% выше его первоначальной стоимости. Итакъ, нашъ купецъ выигралъ 10, какъ продавецъ, для того только, чтобы потерять тѣ-же 10, какъ покупатель. Въ цѣломъ дѣло представляется дѣйствительно такимъ образомъ, что всѣ владѣльцы товаровъ продаютъ другъ другу свои товары на 10% выше ихъ стоимости, вслѣдствіе чего результатъ получается такой-же, какъ если бы они продавали свои товары по ихъ настоящей стоимости. Предположимъ теперь наоборотъ, что покупатель получилъ привиллегію покупать товары ниже ихъ истинной стоимости. Здѣсь нѣтъ даже надобности напоминать, что покупатель становится въ свое время тоже продавцомъ. Такимъ образомъ все опять остается по старому. Образованіе прибавочной стоимости не можетъ быть объяснено ни тѣмъ, что продавцы продаютъ свои товары выше ихъ настоящей стоимости, ни тѣмъ, что покупатели покупаютъ ихъ ниже этой стоимости; мѣняются-ли эквиваленты на эквиваленты, или въ обмѣнъ вступаютъ стоимости неэквивалентныя между собою, въ обоихъ случаяхъ прибавочной стоимости не получается. Иначе говоря, обращеніе или обмѣнъ товаровъ не создаетъ прибавочной стоимости. Поэтому, мы должны искать ея источника гдѣ нибудь внѣ обмѣна, внѣ непосредственнаго обращенія товаровъ.

Но можетъ-ли прибавочная стоимость произойти изъ чего нибудь другого, кромѣ обращенія, обмѣна? Прибавочная стоимость реализируется въ обмѣнѣ; до обмѣна товаръ проходитъ процессъ производства. Слѣдовательно, кромѣ обмѣна, только процессъ произ-

водства товара можетъ создать прибавочную стоимость. Но возможно-ли это? Владѣлецъ товара можетъ посредствомъ труда создавать стоимости, но въ состояніи-ли онъ создать самовозрастающую стоимость, прибавочную стоимость? Онъ можетъ возвысить стоимость товара, прибавивъ къ существующей уже стоимости новую стоимость посредствомъ прибавленія новаго труда, что онъ дѣлаетъ, напр., когда превращаетъ кожу въ сапогъ. Сапогъ получаетъ большую стоимость, чѣмъ кожа, но стоимость кожи остается прежнею; въ продолженіи изготовленія сапога она не возрастаетъ присоединеніемъ какой либо прибавочной стоимости. Для того, чтобы получилась прибавочная стоимость, чтобы данная стоимость самовозрасла, необходимо увеличеніе этой стоимости безъ прибавленія соотвѣтствующаго количества труда, а это невозможно въ непосредственномъ процессѣ производства. Итакъ, въ сферѣ производства прибавочная стоимость не создается. За процессомъ производства непосредственно слѣдуетъ актъ обмѣна, въ которомъ реализуется прибавочная стоимость, и если эта прибавочная стоимость не создана въ производствѣ, то, очевидно, она создается въ обмѣнѣ. Но мы уже видѣли, что въ обмѣнѣ прибавочная стоимость создаваться не можетъ.

Итакъ, мы получили двойной результатъ: прибавочная стоимость не можетъ создаваться въ обмѣнѣ и, въ то же время, не можетъ создаваться внѣ обмѣна. Она должна, слѣдовательно, создаваться и въ обмѣнѣ, и внѣ обмѣна.

Таково противорѣчіе, изъ котораго необходимо во что бы ни стало выйти, иначе мы не разгадаемъ тайны происхожденія прибавочной стоимости.

Тайна будетъ нами разгадана, противорѣчіе устранено, если мы поближе вглядимся въ формулу обмѣна Д—Т—Д' (Д+д).

Формула эта распадается на два акта:

1) Д—Т, покупка на деньги извѣстнаго товара;

2) Т—Д' (Д+д), продажа товара за деньги.

Прибавочная стоимость, получающаяся въ результатѣ этого процесса, должна создаться въ одномъ изъ двухъ актовъ. Но оба эти акта суть акты обмѣна, а въ обмѣнѣ, какъ мы уже доказали, прибавочная стоимость создаться не можетъ. Въ силу этого правила въ первомъ актѣ Д—Т стоимость Д была вымѣнена на равную же стоимость Т. Въ силу этого же правила во второмъ актѣ Т—Д'—(Д+д) стоимость Д'—(Д+д) могла получиться только въ результатѣ обмѣна на равную стоимость, непревышающую стоимость товара, фигурировавшаго въ первомъ актѣ (Т). Слѣдовательно, для того, чтобы сдѣлка Д—Т—Д' (Д+д) вообще могла состояться, необходимо допустить, что стоимость Т, полученная въ результатѣ перваго акта (Д—Т) сдѣлки, превратилась до начала второго акта Т—Д'—(Д+д) въ возросшую стоимость Т'=Т+т. Иными словами,

сдѣлка расчленяется и должна быть формулирована слѣдующимъ образомъ:

Д—Т . . . . Т' (Т+т)—Д' (Д+д)

Въ промежуткахъ между окончаніемъ перваго акта (Д—Т) и началомъ второго (Т'—Д') стоимость Т должна была превратиться въ Т'. Должна была возрасти. Но какимъ образомъ возрасти? Конечно, не вслѣдствіе приложенія соотвѣтствующаго количества труда самого владѣльца товара, такъ какъ въ такомъ случаѣ мы бы не имѣли возникновенія прибавочной стоимости, а лишь фактъ созданія новой стоимости путемъ затраты труда. Нѣтъ. Сама стоимость Т должна была дать прибавочную стоимость, она должна была само-возрасти, и въ этомъ самовозростаніи кроется секретъ возникновенія прибавочной стоимости. Необходимо, чтобы товаръ Т родилъ новую стоимость не въ силу приложенія къ ней труда ея владѣльцемъ, а лишь на основаніи одного пользованія, потребленія его. Итакъ, источникомъ прибавочной стоимости служитъ потребленіе нѣкотораго товара. Но какой же это товаръ, потребляясь, способенъ давать прибавочную стоимость или рождать новую стоимость? Мы знаемъ, что стоимость создается только трудомъ. Трудъ есть опредѣленная дѣятельность, сумма дѣйствій, составляющихъ проявленіе извѣстной силы,—силы, которая въ этой дѣятельности находитъ свое потребленіе. И вотъ, та сила, потребленіе которой выражается въ трудѣ человѣческомъ, потребляясь, создаетъ прибавочную стоимость. Прибавочная стоимость создается потребленіемъ рабочей силы.

Мы нашли искомый источникъ прибавочной стоимости. Теперь займемся ближайшимъ опредѣленіемъ способа этого создаванія.

Прежде всего, что такое рабочая сила? Подъ рабочею силою разумѣется сумма физическихъ и умственныхъ способностей, которыя существуютъ въ организмѣ живой человѣческой личности и которыя она приводитъ въ движеніе каждый разъ, когда производитъ потребительную стоимость какого бы то ни было рода.

Какъ создается рабочею силою прибавочная стоимость? Прибавочная стоимость, создаваемая рабочею силою, есть излишекъ сверхъ стоимости этой рабочей силы. Чѣмъ же опредѣляется стоимость рабочей силы? Мы опредѣлили рабочую силу какъ товаръ, потребленіе котораго даетъ прибавочную стоимость. Стоимость каждаго товара опредѣляется количествомъ труда, потребнаго на его производство. Поэтому и стоимость товара—рабочая сила опредѣляется количествомъ труда, потребнаго на ея производство. Но рабочая сила есть свойство человѣка, ея проявленіе предполагаетъ существованіе этого человѣка; поэтому стоимость рабочей силы опредѣляется количествомъ труда, необходимаго для производства, а, слѣдовательно, для воспроизведенія человѣка, или, иными словами, стоимость рабочей силы человѣка опредѣляется количествомъ труда, необходимаго для производства средствъ существованія рабочаго; короче:

стоимость рабочей силы равняется стоимости средствъ существованія рабочаго.

По этой стоимости покупается товаръ—рабочая сила владѣльцемъ капитала. Все, что рабочая сила производитъ въ процессѣ производства сверхъ этой стоимости, есть прибавочная стоимость, получаемая капиталистомъ. Если рабочій, проработавъ 12 часовъ въ день, въ теченіи 6 часовъ окупилъ стоимость своей рабочей силы, то эти 6 часовъ составляютъ оплаченный *необходимый трудъ*; остальные 6 часовъ, составляя неоплаченный, *прибавочный* трудъ рабочаго, образуютъ прибавочную стоимость для капиталиста. Отношеніе труда необходимаго къ прибавочному можетъ быть нетолько 6:6, но самое разнообразное. Отъ величины этого отношенія зависитъ, между прочимъ, количество прибавочной стоимости, получаемой капиталистомъ.

Такъ разрѣшается поставленный нами вопросъ объ источникѣ прибавочной стоимости: прибавочная стоимость создается въ процессѣ производства, но не непосредственно, путемъ самаго производства,—а посредствомъ эксплуатаціи живой рабочей силы. Созданіе прибавочной стоимости есть фактъ, объясняемый не техническими, а соціальными, общественно-историческими условіями современнаго хозяйства.

Чтобы создать законъ прибавочной стоимости, потребовалась весьма трудная работа вслѣдствіе крайней сложности и замаскированности буржуазныхъ отношеній, и если сила абстракціи, замѣнявшая Марксу по собственнымъ его словамъ микроскопъ и реактивы, вообще сослужила ему полезную службу, то особенно это примѣнимо къ изложенному нами блестящему мѣсту «Капитала». Марксъ съумѣлъ сквозь внѣшнюю, товарную форму современнаго обмѣна, сквозь всѣ рыночныя, вещныя отношенія проникнуть въ общественное содержаніе совершающихся на поверхности процессовъ и изъ ихъ анализа извлечь законъ, не оставляющій въ смыслѣ доказательности желать ничего лучшаго. Въ яркихъ краскахъ изобразивъ возможные случаи мѣновыхъ сдѣлокъ, Марксъ доказалъ невозможность созданія прибавочной стоимости въ обмѣнѣ. Затѣмъ онъ обратился къ производству, и невозможность созданія и здѣсь прибавочной стоимости была доказана послѣ мастерского разграниченія двухъ явленій созданія новой стоимости путемъ приложенія соотвѣтствующаго количества труда и созданія прибавочной стоимости, самовозрастанія ея безъ трудовыхъ затратъ. Изъ этого былъ сдѣланъ логическій выводъ о потребленіи купленной рабочей силы, какъ объ источникѣ прибавочной стоимости, и въ результатѣ на мѣсто *природы производства* англійской классической школы явились у Маркса *общественныя отношенія*, рождающія разбираемую экономическую категорію.

И здѣсь, какъ и при предыдущемъ изложеніи теоріи цѣнности, не распространяясь подробно объ отношеніи ученія Маркса къ

ученіямъ англійской школы, укажемъ на эту одну черту, отмѣченную самимъ Марксомъ: «Природа», — говоритъ Марксъ, — «не производитъ, съ одной стороны, владѣльцевъ денегъ и товаровъ, а съ другой,—владѣльцевъ одной лишь своей собственно й рабочей силы. Это отношеніе вовсе не есть отношеніе естественное, вытекающее изъ законовъ природы; оно не есть также отношеніе общественное, которое было бы свойственно всѣмъ историческимъ періодамъ. Очевидно, что само это отношеніе есть результатъ предшествующаго историческаго развитія, произведеніе многихъ экономическихъ переворотовъ, продуктъ разрушенія цѣлаго ряда болѣе старыхъ формъ общественнаго производства» (Кап., т. I, стр. 112). Эта *историчность* теоріи прибавочной стоимости какъ и ученія о цѣнности—составляетъ главную ея заслугу, и ее то забылъ или не понялъ г. Слонимскій.

Противъ изложеннаго ученія г. Слонимскимъ сдѣлано много возраженій, разсыпанныхъ на протяженіи всѣхъ шести его статей безъ опредѣленнаго плана и руководящей нити. Мы постараемся однако собрать этотъ критическій агломератъ и расположить существенные пункты его въ порядкѣ—отчасти наибольшей важности ихъ, отчасти наиболѣе пригодномъ для уясненія.

Изъ изложеннаго только что ученія мы видѣли, что Марксъ приходитъ къ своей теоріи прибавочной стоимости прежде всего на основаніи отрицанія возможности возникновенія ея въ процессѣ обмѣна. Г. Слонимскій думаетъ совершенно наоборотъ. Прибавочная стоимость, по его мнѣнію, возникаетъ именно въ процессѣ обмѣна. Какъ мы видѣли изъ ученія Маркса, главнымъ аргументомъ въ пользу невозможности созданія прибавочной стоимости въ обмѣнѣ служитъ соображеніе о равенствѣ выигрышей при продажѣ и потерь при покупкѣ. Мы выше отмѣтили, что это равенство есть несомнѣнное условіе современнаго мѣнового хозяйства, необходимое слѣдствіе содержанія сдѣлки Д—Т—Д, господствующей въ капиталистическомъ обществѣ. Г. Слонимскій беретъ быка за рога и нападаетъ на этотъ краеугольный камень теоріи.

„Функція производителей", — говоритъ онъ, — „заключается именно въ томъ, что они производятъ товары и продаютъ ихъ съ выгодою для себя. Они всегда должны болѣе продавать, чѣмъ покупать,—иначе они были бы уже не производителями, а торговцами, перекупщиками, между которыми только распредѣляется извѣстная часть прибыли производителей. Марксъ молчаливо ставитъ невозможное предположеніе, что фабриканты столько же покупаютъ товаровъ, сколько продаютъ, т. е. что они спеціально торговцы, а не фабриканты. Вмѣстѣ съ этимъ невѣроятнымъ предположеніемъ рушится и построенный на немъ выводъ о равенствѣ прибылей и потерь для производителей при продажѣ и покупкѣ товаровъ выше ихъ стоимости; слѣдовательно, уничтожается самъ собою выводъ о невозможности извлеченія прибавочной цѣнности изъ обмѣна или обращенія товаровъ" (Апр., 836).

Такова общая мысль г. Слонимскаго, противополагаемая мысли

Маркса. Послѣдній, какъ мы видѣли, доказываетъ свою мысль примѣромъ. Русскій критикъ опровергаетъ эту мысль и доказываетъ справедливость своей мысли тоже при помощи примѣра.

„Фабрикантъ",—говоритъ онъ,—„продаетъ свои товары съ надбавкою десяти процентовъ къ ихъ стоимости и выручаетъ при этомъ сто тысячъ рублей прибыли; затѣмъ на эти сто тысячъ онъ покупаетъ другіе товары, нужные ему для производства или для потребленія, и съ своей стороны переплачиваетъ въ ихъ цѣнѣ десять процентовъ, т. е онъ теряетъ при покупкѣ десять тысячъ рублей, что вовсе не одно и то же. Гдѣ же тутъ равенство, которое предполагаетъ Марксъ. Для того, чтобы существовало это равенство, т. е. чтобы выигрышъ при продажѣ соотвѣтствовалъ потерѣ при покупкѣ, необходимо было бы, чтобы фабрикантъ купилъ товаровъ на милліонъ, т. е. на всю сумму стоимости своего производства. Допустимъ, однако, что онъ купилъ товаровъ на милліонъ и потерялъ въ ихъ цѣнѣ всѣ свои сто тысячъ прибыли; изъ этихъ купленныхъ продуктовъ онъ выработалъ на своей фабрикѣ новые товары, цѣнностью въ десять милліоновъ рублей, и при продажѣ ихъ онъ опять выигрываетъ десять процентовъ, т. е. цѣлый милліонъ, на мѣсто потерянныхъ при покупкѣ ста тысячъ... Потеря при покупкѣ товаровъ уменьшаетъ прибыль только на одинъ процентъ, такъ что послѣ операціи продажи и покупки фабриканту остается девять процентовъ барыша вмѣсто десяти. Этимъ ограничивается все практическое дѣйствіе того обстоятельства, на которое указываетъ Марксъ,—и никогда не можетъ выйти ничего другого, если не играть словами, а анализировать дѣйствительныя явленія" („Вѣстникъ Европы", апрѣль, стр. 829—30).

Любопытно, что этимъ примѣромъ г. Слонимскій, анализирующій дѣйствительныя явленія, въ сущности (какъ мы это сейчасъ увидимъ) лишь подтвердилъ оспариваемую мысль Маркса, «играющаго словами».

Отмѣтимъ прежде всего что, желая доказать возможность созданія прибавочной стоимости въ *обмѣнѣ*, г. Слонимскій пользуется примѣромъ промышленника-фабриканта, т. е. беретъ случай изъ области *производства*. Въ силу такой методологической ошибки вся аргументація критика получаетъ невѣрное направленіе и приводитъ къ результату, совершенно обратному тому, который желательно было при помощи ея доказать. Примѣръ распадается на два случая. Въ первомъ г. Слонимскій предполагаетъ, что фабрикантъ, послѣ продажи продуктовъ своего производства, затратитъ лишь прибыль (сто тысячъ) на дальнѣйшую покупку товаровъ; во второмъ—что вся вырученная сумма (милліонъ сто тысячъ) пойдетъ на такую покупку. Разберемъ сначала второй случай.

По словамъ г. Слонимскаго выходитъ слѣдующее: фабрикантъ вложилъ въ производство товары стоимостью въ милліонъ рублей, пріобрѣтенные за милліонъ сто тысячъ, т. е. съ потерею ста тысячъ; затѣмъ въ производствѣ фабрикантъ выработаетъ продукты стоимостью въ десять милліоновъ, которые продастъ съ прибылью въ одинъ милліонъ; вычтя изъ этой прибыли потерянныя раньше при покупкѣ сто тысячъ, мы все таки получимъ въ результатѣ выигрышъ для фабриканта въ девятьсотъ тысячъ. Со всѣмъ этимъ мы совершенно согласны, но не доказываетъ ли этотъ результатъ

безусловную правильность мнѣнія Маркса и полную несообразность возраженій его оппонента? Фабрикантъ затратилъ на производство милліонъ сто тысячъ рублей, выработалъ къ концу производства товаровъ на десять милліоновъ и при продажѣ ихъ получилъ прибыль въ милліонъ. Гдѣ произведенъ этотъ милліонъ? Что дало возможность его получить? Не то ли, что стоимость въ одинъ милліонъ *процессомъ производства* превращена въ стоимость десяти милліоновъ? Неужели этотъ примѣръ можетъ какимъ нибудь образомъ доказать ту мысль, что прибыль возникаетъ изъ обмѣна? Предоставляемъ послѣ этого читателямъ судить, кому изъ спорящихъ экономистовъ принадлежитъ анализъ дѣйствительныхъ явленій, и кому игра словъ...

Конечно, гораздо послѣдовательнѣе логика г. Слонимскаго въ первомъ случаѣ разбираемаго примѣра, гдѣ для доказательства возникновенія прибавочной стоимости въ обмѣнѣ, онъ предполагаетъ, что изъ всей вырученной послѣ производства суммы лишь прибыль отдѣляется предметомъ дальнѣйшаго оборота. Но основательно ли такое предположеніе? Отвѣчаетъ ли оно дѣйствительной природѣ капиталистическаго хозяйства? «Истинный побудительный мотивъ и опредѣляющая цѣль капиталистическаго процесса производства состоитъ въ возможно большемъ самовозрастаніи капитала. Прибыль, по словамъ Vanderlint'a, есть единственная цѣль промышленности» (Капиталъ, I, 284). «Въ процессѣ круговращенія современнаго капитала начало и конецъ процесса одинъ и тотъ же, т. е. деньги, мѣновая стоимость, и уже въ силу одного этого движеніе здѣсь должно быть безконечно» (Ibidem, 93). «Движеніе капитала безмѣрно, такъ какъ въ самомъ заключеніи своемъ оно открываетъ принципъ и побудительную причину для своего дальнѣйшаго возобновленія, и такъ какъ цѣль его, т. е. увеличеніе стоимости при заключеніи процесса оказывается каждый разъ такъ же мало достигнутой, какъ и при его началѣ». «Владѣлецъ денегъ становится капиталистомъ лишь постольку, поскольку онъ представляетъ собою живое олицетвореніе этого процесса, одаренное сознаніемъ и волею. Его особа, или лучше сказать, его карманъ, есть тотъ пунктъ, откуда постоянно исходятъ деньги и куда онѣ постоянно снова возвращаются. Объективное содержаніе этого процесса—возрастаніе стоимости—есть, въ тоже время, субъективная цѣль капиталиста... Слѣдовательно, потребительная стоимость никогда не можетъ быть разсматриваема, какъ непосредственная цѣль капиталиста. Его цѣль не состоитъ также въ достиженіи какого-нибудь отдѣльнаго единичнаго выигрыша, но въ постоянной погонѣ за выигрышемъ, за прибылью» (Ibidem, 94—5). Вотъ въ какихъ чертахъ представляется сущность круговращенія капитала глубокимъ знатокомъ капиталистической жизни. Кто мало-мальски вдумывался въ эту жизнь, тотъ понимаетъ, что сколько-бы капиталистъ ни выручилъ отъ продажи своихъ продуктовъ, онъ всю выручку обратитъ снова на покупку,

и въ этихъ безпрестанныхъ актахъ обращенія не можетъ создаваться прибавочная стоимость въ силу равенства потерь при покупкѣ и барышей при продажѣ.

Примѣняя эти общія разсужденія къ разбираемому примѣру, мы придемъ къ слѣдующему его пониманію. Фабрикантъ произвелъ товаръ на милліонъ рублей, и при условіи существующей на рынкѣ десятипроцентной прибыли на капиталъ, выручилъ при продажѣ этого товара милліонъ сто тысячъ. Какъ поступитъ далѣе этотъ фабрикантъ? Г. Слонимскій думаетъ, что онъ изъ полученной при продажѣ суммы истратитъ только прибыль — сто тысячъ. Но куда же дѣнетъ онъ вырученный милліонъ? Пойдетъ-ли эта сумма вмѣстѣ съ прибылью на покупку предметовъ потребленія, или же для продолженія производства, или же для того и другого вмѣстѣ,—но ясное дѣло, что, выручивъ милліонъ сто тысячъ рублей, фабрикантъ затѣмъ совершитъ покупку другихъ товаровъ на всю вырученную сумму, т. е. на милліонъ сто тысячъ рублей, при чемъ онъ пріобрѣтетъ за эту сумму товаровъ стоимостью лишь въ милліонъ, т. е. потеряетъ при своей покупкѣ сто тысячъ, выигранныхъ при предыдущей продажѣ. Потеря полностью погаситъ выигрышъ, и вотъ то «равенство», на которое ссылается Марксъ и противъ котораго совершенно напрасно силится бороться его критикъ.

Итакъ, если держаться второй половины примѣра г. Слонимскаго, то есть предполагать покупку фабрикантомъ товаровъ на всю вырученную сумму, то мы неминуемо приходимъ къ выводу Маркса о происхожденіи прибавочной стоимости въ процессѣ производства. Держаться же первой половины примѣра невозможно, такъ какъ предположеніе, что капиталистъ, выручая въ результатѣ производства извѣстную сумму, лишь прибыль дѣлаетъ предметомъ дальнѣйшаго оборота, равносильно непониманію задачъ и стремленій капитала, роли капиталиста, вообще природы капиталистическаго хозяйства.

Наговоривъ достаточно много о возможности созданія прибыли въ обмѣнѣ въ апрѣльской книгѣ, критикъ въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года заявляетъ, что въ сущности и самъ Марксъ допускалъ то же самое, во II томѣ «Капитала», къ явному противорѣчію ученію, развитому въ первомъ томѣ того же сочиненія. Это даетъ, между прочимъ, поводъ нашему критику для нѣкоторой общей аттестаціи нѣмецкаго ученаго.

„Прибѣгая“, говоритъ онъ—«къ извѣстнымъ доводамъ для подтвержденія своей теоріи, Марксъ легко отказывается отъ нихъ или даже самъ опровергаетъ ихъ по миновавіи въ нихъ надобности. Такъ, между прочимъ, въ первомъ томѣ «Капитала» доказывается невозможность для капиталиста извлечь прибыль изъ товарнаго обращенія на томъ основаніи, что при всеобщей надбавкѣ къ трудовой стоимости товаровъ капиталисты столько же теряли бы въ цѣнѣ покупаемыхъ продуктовъ, сколько выигрывали бы при продажѣ своихъ собственныхъ товаровъ, при этомъ подразумѣвалось, что цѣнность покупокъ фабриканта всегда равняется цѣнности

его продажъ. Во второмъ томѣ объясняется уже, что фабриканты неизбѣжно продаютъ больше, чѣмъ покупаютъ, и что безъ этой разницы въ цѣнности покупокъ и продажъ капиталъ не исполнялъ бы вовсе своей производительной функціи (стр. 94 и др.). Въ этомъ случаѣ Марксъ, очевидно, отрекается отъ одного изъ существенныхъ своихъ аргументовъ, какъ отъ ненужнаго софизма, сослужившаго свою службу» (іюль 360).

Рѣшительный тонъ разсужденія и ссылка на страницу «Капитала» должны окончательно убѣдить читателей въ правотѣ г. Слонимскаго. Но если, не довольствуясь одною ссылкою, читатель заглянетъ въ ту страницу «Капитала», которую цитуетъ г. Слонимскій», онъ увидитъ, что дѣло обстоитъ не совсѣмъ такъ, какъ утверждаетъ г. Слонимскій. Дѣйствительно, Марксъ говоритъ, что со стороны капиталиста «предложеніе товарныхъ стоимостей постоянно больше, чѣмъ запросъ его на товарныя стоимости»; что «если бы его предложенія уравновѣшивались съ его запросомъ въ этомъ отношеніи, то его капиталъ не сыгралъ бы роли производительнаго капитала»; что капиталистъ долженъ «продать дороже, чѣмъ купилъ»— все это говоритъ Марксъ, но всетаки онъ говоритъ нѣчто прямо противоположное тому, что ему приписываетъ г. Слонимскій. Вотъ подлинныя слова Маркса: «Капиталистъ именно потому вноситъ въ обращеніе стоимостей въ формѣ денегъ меньше, чѣмъ сколько извлекаетъ изъ него, что въ видѣ товаровъ онъ вноситъ стоимостей больше, чѣмъ сколько извлекаетъ ихъ въ этой формѣ. Насколько онъ играетъ роль простого олицетворенія капитала, промышленнаго капиталиста, предложеніе товарныхъ стоимостей съ его стороны постоянно больше, чѣмъ запросъ его на товарныя стоимости. Если бы его предложенія уравновѣшивались съ его запросомъ въ этомъ отношеніи, то это было бы равносильно тому, что стоимость его капитала не возрастала бы; его капиталъ не сыгралъ бы роли производительнаго капитала; производительный капиталъ превратился бы въ товарный, который не былъ бы обремененъ сверхстоимостью, онъ бы не извлекъ изъ рабочей силы въ продолженіе процесса производства сверхстоимости въ товарной формѣ,—слѣдовательно, вообще, не разыгралъ бы роли производительнаго капитала; въ дѣйствительности онъ долженъ продать дороже, чѣмъ купилъ», «это же можетъ ему удасться только въ томъ случаѣ, если онъ помощью капиталистическаго процесса производства превратитъ купленный имъ болѣе дешевый товаръ, имѣющій меньшую стоимость, въ такой, который будетъ имѣть большую стоимость, слѣдовательно, болѣе дорогой. Онъ продаетъ свой товаръ дороже не потому, что продаетъ его выше стоимости, но потому, что товаръ имѣетъ стоимость высшую, чѣмъ сумма стоимостей составныхъ частей, вошедшихъ въ его производство» (Кап., II, 73). Все это мѣсто взятое цѣликомъ, а не отрывочными фразами, очевидно, не содержитъ въ себѣ ни іоты той мысли, которую приписываетъ Марксу его критикъ. Марксъ говоритъ, что фабрикантъ продаетъ болѣе, чѣмъ покупаетъ, но въ

какомъ смыслѣ? Марксъ отлично понималъ, что «капиталистическій процессъ производства, разсматриваемый въ цѣломъ, представляетъ единство процесса производства и обращенія» (Ib., III, 1). Поэтому, говоря въ цитируемомъ мѣстѣ о дѣятельности фабриканта, онъ бралъ его во всемъ объемѣ его промышленно-торговыхъ функцій, въ моментъ производства и обращенія. Въ этомъ смыслѣ, фабрикантъ, вкладывая въ производство извѣстное количество купленныхъ товаровъ, и получая въ результатѣ производства большее количество ихъ,—продаетъ больше, чѣмъ покупаетъ. Г. же Слонимскій, забывъ о производственной дѣятельности фабриканта, взялъ его исключительно въ процессъ обращенія, и въ этомъ смыслѣ утверждаетъ, что фабрикантъ больше продаетъ, чѣмъ покупаетъ. И Марксъ, и его критикъ произносятъ одни и тѣ же слова, но говорятъ совершенно различныя вещи. Впрочемъ не въ этомъ дѣло. Мы спрашиваемъ только, есть ли во всей приведенной цитатѣ хоть малѣйшее отступленіе отъ того, что говорилось въ первомъ томѣ «Капитала»? Оставилъ ли Марксъ «одинъ изъ существенныхъ своихъ аргументовъ», «по минованіи въ нихъ надобности»?

Г. Слонимскій не ограничивается однимъ возраженіемъ, не довольствуется утвержденіемъ, что прибавочная стоимость можетъ возникать въ обмѣнѣ; онъ доказываетъ далѣе, что она не можетъ создаться въ производствѣ.

«Всѣ разсужденія объ образованіи прибавочной цѣнности во время процесса производства теряютъ почву, если вспомнить, что цѣнность вовсе не составляетъ самостоятельнаго внутренняго качества, присущаго товарамъ, а зависитъ отъ внѣшнихъ условій, надъ которыми производители не властны, т. е. отъ степени общественной потребности въ данныхъ товарахъ и отъ среднихъ общественно-необходимыхъ условій ихъ производства. Какая прибавочная цѣнность можетъ создаться до появленія товаровъ на рынкѣ, когда цѣнность существуетъ еще только въ предположеніяхъ и расчетахъ предпринимателя? Сколько-бы ни употреблялось усилій на созданіе и увеличеніе прибавочной цѣнности, въ процессѣ производства, никакой прибавочной цѣнности не окажется на дѣлѣ, если она не входитъ въ цѣны производимыхъ товаровъ и не вліяетъ на эти товарныя цѣны. Въ предѣлахъ-же существующихъ цѣнъ можно достигнуть «прибавочной цѣнности» только путемъ удешевленія производства; но удешевленіе производства, дѣлаясь всеобщимъ и доступнымъ, понижаетъ цѣны товаровъ и слѣдовательно опять-таки не оставляетъ въ рукахъ производителя никакой спеціальной прибавочной цѣнности» (іюль, 357—8).

Въ этихъ строкахъ что ни слово, то путаница. Цѣнность, по мнѣнію г. Слонимскаго, зависитъ «отъ степени общественной потребности въ данныхъ товарахъ и отъ среднихъ общественно-необходимыхъ условій ихъ производства». Что это означаетъ? По опредѣленію Маркса и всѣхъ сторонниковъ трудовой теоріи трудъ лишь тогда считается производительнымъ, если онъ приложенъ къ производству предметовъ, на которые существуетъ спросъ, которые отвѣчаютъ извѣстной общественной потребности Общественная потребность въ данномъ продуктѣ есть, слѣдовательно, условіе sine qua non

цѣнности этого продукта. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что отъ этой потребности зависитъ цѣнность, что *она опредѣляетъ* цѣнность продукта? Какъ въ такомъ случаѣ объяснить фактъ отсутствія цѣнности для воздуха, растительности дѣвственнаго лѣса,—продуктовъ, несомнѣнно отвѣчающихъ насущнымъ потребностямъ? Наконецъ, какъ измѣрить величину данной потребности, гдѣ найти почву для взаимной оцѣнки разнородныхъ потребностей? Нѣтъ, г. Слонимскій просто смѣшалъ условіе существованія цѣнности съ источникомъ или мѣриломъ этой цѣнности. Такое же смѣшеніе онъ допустилъ и въ указаніи роли общественно-необходимыхъ условій производства, на что мы уже указали въ первой статьѣ—при разборѣ возраженій противъ этой части ученія Маркса. Но полное непониманіе того, что такое прибавочная стоимость, а вмѣстѣ съ нею и капиталистическое хозяйство, сквозитъ въ утвержденіяхъ г. Слонимскаго о несуществованіи прибавочной стоимости внѣ реализаціи ея при продажѣ. Здѣсь опять смѣшеніе необходимаго условія съ *причиною* явленія. Марксъ это предвидѣлъ «Хотя»,—говоритъ онъ,—«избытокъ стоимости товара сравнительно съ издержками его производства (т. е. прибавочная стоимость) *образуется* въ непосредственномъ процессѣ производства, но *реализуется* онъ только въ процессѣ обращенія; вслѣдствіе этого тѣмъ легче является представленіе, что этотъ избытокъ возникаетъ изъ процесса обращенія». (Капиталъ, III, 15, 96 и др.). Реализація и возникновеніе—два совершенно различныя понятія, и смѣшивать ихъ совершенно нелогично. Наконецъ, чтобы покончить съ даннымъ мѣстомъ, укажемъ еще на провозглашеніе въ концѣ приведенной цитаты г. Слонимскимъ какой-то «спеціальной прибавочной цѣнности», подъ которой онъ очевидно разумѣетъ надбавку къ общей цѣнѣ товара или къ издержкамъ его производства. Это уже полное непониманіе того, что такое прибавочная стоимость, этотъ гвоздь современнаго капиталичес каго хозяйства.

Итакъ, приведенныя возраженія г. Слонимскаго мы считаемъ неубѣдительными, основанными на невѣрной оцѣнкѣ явленій капиталистическаго хозяйства и созданнаго для ихъ уясненія ученія Маркса. Но у критика имѣется въ запасѣ еще нѣсколько возраженій. Предположимъ, говоритъ онъ, что мысль Маркса о созданіи прибавочной стоимости въ процессѣ производства и вѣрна. Но на какомъ же основаніи Марксъ утверждаетъ, что созданіемъ этой прибавочной стоимости мы обязаны исключительно одному фактору, участвующему въ производствѣ—именно человѣческому труду, и почему онъ игнорируетъ производительную силу машинъ, рабочаго скота? «Всѣ разсужденія Маркса о покупкѣ рабочей силы капиталомъ и созданіи прибавочной цѣнности путемъ эксплоатаціи особаго дара живаго труда примѣняются въ болѣе полной мѣрѣ къ рабочему скоту, чѣмъ къ людямъ» (май. 270). Съ другой стороны и при замѣнѣ работы машинами нѣтъ и рѣчи о потерѣ преимуществъ,

связанныхъ съ упомянутымъ выше природнымъ даромъ живой рабочей силы (271). Словомъ, критикомъ поднятъ вопросъ о производительности рабочей силы животныхъ и машинъ, о способности ихъ производить цѣнность и прибавочную цѣнность. Признаться, намъ нѣсколько совѣстно пускаться въ опроверженіе высказанныхъ только что г. Слонимскимъ мыслей; намъ придется для этого завернуть въ область самыхъ элементарныхъ истинъ экономической науки, правда весьма часто затемняемыхъ чисто-словесной путаницей.

Нелѣпое заблужденіе думать, будто Марксъ весь процессъ производства представляетъ результатомъ одного лишь человѣческаго труда. «Трудъ»,—говоритъ онъ,—«есть не единственный источникъ произведенной имъ потребительной стоимости, вещественнаго богатства. Трудъ—его отецъ, по словамъ William'a Petty, а земля (природа) его мать».

Но созданіе богатства не имѣетъ ничего общаго съ созданіемъ стоимости. «Земля (природа) въ качествѣ фактора производства потребительной стоимости, матеріальнаго богатства, пшеницы, играетъ дѣятельную роль. Но она не имѣетъ никакого отношенія къ производству стоимости пшеницы. Насколько выражается въ пшеницѣ стоимость, пшеница разсматривается только какъ опредѣленное количество овеществленнаго общественнаго труда, при чемъ совершенно все равно, въ чемъ именно трудъ этотъ овеществленъ, или какова потребительная стоимость этого вещества». (Капиталъ III, 675). Къ силамъ природы, очевидно, относится рабочій скотъ, къ нимъ же относятся, по роли своей въ процессѣ производства, и машины. «Подобно каждой другой части постояннаго капитала, машины не создаютъ стоимостей, но передаютъ свою собственную стоимость продукту, для производства котораго онѣ служатъ. Если мы исчислимъ ихъ среднюю ежедневную затрату, или ту составную часть стоимости, которую они передаютъ продукту ежедневнымъ изнашиваніемъ своимъ и поглощеніемъ вспомогательныхъ средствъ, напр. масла, угля и т. п., то окажется, что они дѣйствуютъ даромъ, какъ-бы безъ содѣйствія человѣческаго труда, одной силой природы». (Капиталъ, I, 342—3). А разъ ни рабочій скотъ, ни машины не способны создать стоимости, то, конечно, они не могутъ явиться и создателями прибавочной стоимости, составляющей лишь часть первой.

Таково ученіе Маркса. Теперь обратимся къ возраженіямъ его критика.

Г. Слонимскій весьма энергично и ядовито высмѣиваетъ, какъ оригинальный парадоксъ, мысль Маркса объ «исключительномъ дарѣ живой рабочей силы» производить прибавочную стоимость. Въ другомъ мѣстѣ онъ съ большимъ усердіемъ указываетъ на то, что все ученіе Маркса есть одно повтореніе «шаблоновъ англійской классической школы». Удивительно, какъ при подобныхъ общихъ

взглядахъ г. Слонимскій не догадался, что и критикуемая мысль Маркса есть не болѣе и не менѣе какъ одинъ изъ подобныхъ классическихъ «шаблоновъ». Сомнѣвающихся въ этомъ мы просимъ прочитать извѣстную главу изъ сочиненія Рикардо «Объ отличительныхъ свойствахъ цѣнности и богатства» *).

Въ этой, замѣчательной по ясности и убѣдительности аргументаціи главѣ Рикардо останавливается на спорѣ между Адамомъ Смитомъ и Сэемъ, спорѣ, для насъ крайне интересномъ. «Сэй—говоритъ Рикардо,—обвиняетъ Смита въ томъ, что послѣдній не обратилъ вниманія на цѣнность, придаваемую товарамъ силами природы и машинами, потому что полагалъ, что цѣнность всѣхъ вещей порождается трудомъ человѣка». Обвиненіе, какъ мы видимъ, совершенно подобное тому, какое въ настоящее время, не смотря на много давностей, протекшихъ съ этой эпохи, воздвигается на нѣмецкаго ученаго его русскимъ критикомъ.

„Но обвиненіе это мнѣ кажется неосновательнымъ",—возражаетъ Рикардо. „Ад. Смитъ нигдѣ не уменьшаетъ значенія услугъ, оказываемыхъ намъ этими естественными агентами и машинами, но онъ справедливо отличаетъ родъ цѣнности, придаваемой ими товарамъ: они (т. е. силы природы и машины) оказываютъ намъ услуги, увеличивая количество продуктовъ, дѣлая людей богаче, увеличивая цѣнность потребленія, но такъ какъ они исполняютъ свое дѣло даромъ, ибо за употребленіе воздуха, теплоты или воды ничего не платится, то оказываемая ими намъ помощь не присоединяетъ ничего къ мѣновой цѣнности". „Какъ скоро при помощи машинъ или знакомства съ естественными науками вы принуждаете силы природы исполнять ту работу, которая прежде производилась человѣкомъ, то мѣновая цѣнность такой работы соотвѣтственно уменьшается. Если мельница приводилась въ движеніе трудомъ 10 человѣкъ, а потомъ сдѣлано открытіе, при помощи котораго трудъ этихъ десяти человѣкъ сберегается дѣйствіемъ вѣтра или воды, то цѣнность муки, составляющей частью продуктъ работы мельницы, немедленно понизилась бы въ соотвѣтствіи съ количествомъ сбереженнаго труда, хотя общество стало бы богаче на сумму товаровъ, которые могъ бы произвести трудъ 10 человѣкъ... Сэй постоянно упускаетъ изъ виду весьма существенное различіе между цѣнностью потребленія (т. е. потребительною стоимостью, богатствомъ) и мѣновою цѣнностью, стоимостью".

Напротивъ Рикардо, продолжая точку зрѣнія Ад. Смита, настаиваетъ на необходимости такого различія.

„Цѣнность существенно отличается отъ богатства", — категорически заявляетъ онъ—„вслѣдствіе механическихъ изобрѣтеній... милліонъ людей можетъ въ одну эпоху увеличить вдвое или втрое размѣръ богатства... но эти люди ничего не прибавили бы вслѣдствіе того къ цѣнности произведеній. Постоянно увеличивая легкость производства, мы постоянно уменьшаемъ цѣнность товаровъ, хотя тѣмъ же способомъ мы увеличиваемъ національное богатство. Большое количество ошибокъ въ политической экономіи возникло изъ ложнаго на этотъ предметъ взгляда, по которому увеличеніе богатства и увеличеніе цѣнности принимались за одно и тоже».

---

*) Д. Рикардо, сочиненія, перев. Зибера. Спб. 1882 стр. 171—180.

И много еще блестящихъ мыслей и остроумныхъ примѣровъ приведено Рикардо въ защиту положенія, что силы природы (въ томъ числѣ и рабочій скотъ) и машины создаютъ богатство, но не создаютъ цѣнности, стоимости.

Совершенно такова же, какъ мы видѣли, точка зрѣнія Маркса, которая, такимъ образомъ, оказывается вовсе не его открытіемъ и не оригинальнымъ парадоксомъ, будучи давнымъ давно установлена англійскою классическою школою. Конечно, и противъ положенія этой школы раздавались возраженія. Съ однимъ изъ нихъ, принадлежащимъ Сэю, мы выше познакомились. Время классической экономіи давнымъ-давно минуло; наука сдѣлала съ тѣхъ поръ громадные шаги впередъ. Къ чему же привела исторія науки? Чье мнѣніе: Смита-Рикардо (а вслѣдъ за ними Маркса), или Сэя,—восторжествовало? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, оставимъ на время Маркса, способнаго лишь запугать иныхъ благонамѣренныхъ мыслителей своими якобы партійными соображеніями, а раскроемъ произведеніе объективной, оффиціальной академической науки: Handwörterbuch der Staatswissenschaften, гдѣ читаемъ слѣдующія слова, принадлежащія перу одного изъ редакторовъ этой энциклопедіи, проф. Лексиса.

„Производство есть изготовленіе хозяйственныхъ благъ посредствомъ человѣческой дѣятельности. Совершенно обратно взгляду физіократовъ, согласно которому природа является единственною, дѣйствительно производительною силою, — новѣйшая политическая экономія разсматриваетъ производство, какъ исключительный результатъ личной дѣятельности человѣка... Въ сравненіи съ человѣческой мускульной силой, мускульная сила животныхъ является силой природы, которой люди уже съ древнѣйшихъ временъ пользовались для облегченія своего труда. Современное же производство отличается особеннымъ характеромъ въ силу постоянно возрастающаго примѣненія машинъ, приводимыхъ въ дѣйствіе стихійными силами. Такъ какъ эти машины исполняютъ тѣ же самыя дѣйствія, которыя прежде непосредственно производились человѣческой силой,—возможно заблужденіе, будто работа, исполняемая машинами и называемая въ механикѣ также работой, можетъ быть поставлена наравнѣ съ человѣческимъ трудомъ и слѣдовательно разсматриваться какъ самостоятельное производство. Но, очевидно, отношеніе машины къ производству въ сущности таково же, каково отношеніе между природными силами, дѣйствующими въ жизни растеній и животныхъ, и инструментами, управляемыми рукой человѣка для полученія сырыхъ матеріаловъ и изготовленія ремесленныхъ издѣлій. Производительная дѣятельность крестьянина состоитъ въ обработкѣ земли, разбрасываніи зерна, сборѣ урожая; обусловливаемый силами природы ростъ хлѣбныхъ растеній не есть производство въ нашемъ хозяйственномъ смыслѣ, но лишь условіе продуктивности труда крестьянина. Точно также желѣзный топоръ—не самостоятельный факторъ производства, но только вспомогательное средство, повышающее производительность труда дровосѣка въ сравненіи съ примитивными орудіями каменнаго періода... Отъ того, что этими вспомогательными средствами являются не ручные инструменты, а машины, дѣло ничуть не измѣняется.. Правильный взглядъ на машины и вообще техническія вспомогательныя средства, не какъ на самостоятельные факторы производства, а лишь какъ на повышающіе производительность труда, этотъ взглядъ былъ обоснованъ

впервые Родбертусомъ, хотя онъ принадлежитъ къ числу основныхъ идей Маркса. Такому воззрѣнію противоположно старинное ученіе о трехъ координированныхъ факторахъ производства—трудѣ, капиталѣ и землѣ или естественномъ факторѣ... Этотъ взглядъ, съ объективной народно-хозяйственной точки зрѣнія, очевидно, несостоятеленъ. Земля или природа и капиталъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть поставлены рядомъ съ трудомъ, но вполнѣ подчинены ему. Трудъ — вотъ единственный активный факторъ производства, природа доставляетъ лишь матеріалъ для осуществленія труда или даетъ первоначальныя свободныя силы, приданіе которымъ цѣнности возможно только посредствомъ труда. Капиталъ въ своемъ объективномъ значеніи совокупности уже произведенныхъ вспомогательныхъ средствъ производства, не можетъ вообще быть первичнымъ факторомъ производства, такъ какъ онъ самъ уже является продуктомъ. Капиталъ представляетъ собою лишь подготовительный трудъ для конечной цѣли производства настоящихъ предметовъ *).

Читатель вправѣ жаловаться на обиліе цитатъ въ нашей статьѣ, но мы рѣшились привести длинныя выписки для того, чтобы документально доказать, что мысль объ «исключительной производительной силѣ человѣческаго труда» не есть спеціальная выдумка Маркса, изобрѣтенная изъ какихъ-то партійныхъ соображеній; что это основное положеніе англійской классической школы, устоявшее вопреки обильнымъ нападеніямъ главнымъ образомъ французской школы и теперь, по компетентному свидѣтельству проф. Лексиса, являющееся господствующимъ въ наукѣ, замѣнивъ собою «старинное ученіе о трехъ координированныхъ факторахъ производства».

Высмѣивая оригинальный парадоксъ Маркса, критикъ, очевидно, не зналъ, что онъ этимъ самымъ высмѣиваетъ основное положеніе, усвоенное современною экономическою наукою въ качествѣ прочнаго наслѣдія отъ классической школы.

Всякій, кто согласится съ этимъ, пойметъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что г. Слонимскимъ «не было понято основное отношеніе постояннаго капитала къ перемѣнному, а, слѣдовательно, не была понята также сущность прибавочной стоимости, а вмѣстѣ съ тѣмъ и все основаніе капиталическаго способа производства» (Капиталъ, III 593).

Если намъ удалось доказать неубѣдительность доводовъ г. Слонимскаго по вопросу о производительности силъ природы и машинъ, то остается въ силѣ утвержденіе Маркса, что такою производительною силою обладаетъ только трудъ человѣческій. Но этимъ мы еще не устранили всѣхъ возраженій г. Слонимскаго по вопросу о производительныхъ силахъ.

Дѣло въ томъ, что по его мнѣнію, если уже допустить возможность созданія прибавочной стоимости исключительно человѣческимъ трудомъ (чего онъ вовсе, конечно, не допускаетъ), то и тогда невозможно согласиться съ утвержденіемъ Маркса, будто цѣнность создается трудомъ исключительно простыхъ рабочихъ.

---

*) *Lexis*, „Production“. Статья въ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“, herausg. von Conrad, Elsber, Lexis, Loening. 5 Band. Iena 1893 282, 283—5.

„Почему собственно“ восклицаетъ г. Слонимскій,—„лишь простые рабочіе, случайно приставленные къ непонятнымъ имъ изобрѣтеніямъ чужого ума, должны считаться единственными творцами промышленнаго капитала и его доходности, и почему они имѣютъ большее право на обогащеніе, чѣмъ другія категоріи рабочихъ и чѣмъ сами устроители машинъ—объ этомъ умалчиваетъ Марксъ въ обширныхъ трехъ томахъ своего изслѣдованія“ (Май, 277—8). „Онъ всегда говоритъ исключительно о наемныхъ рабочихъ, о величинѣ ихъ рабочаго дня, объ ихъ прибавочномъ неоплаченномъ трудѣ и о создаваемой ими прибавочной цѣнности, присвояемой капиталистомъ“ (Май, 280), въ то время какъ „эти понятія очевидно непримѣнимы къ труду высшаго разряда—къ труду техниковъ, инженеровъ и разныхъ ученыхъ спеціалистовъ, работающихъ не поденно и получающихъ вознагражденіе не по количеству рабочихъ часовъ. Капиталистъ извлекаетъ выгоду изъ работы ученыхъ техниковъ и инженеровъ не присвоеніемъ части ихъ рабочаго дня, а другими способами, неимѣющими ничего общаго съ эксплоатаціей простыхъ наемныхъ рабочихъ“.

Замѣчаніе о томъ, что «ученые» работники получаютъ вознагражденіе не по количеству рабочихъ часовъ, мы, очевидно, можемъ оставить безъ вниманія, такъ какъ способъ полученія вознагражденія не измѣняетъ сущности дѣла, и поштучная плата простыхъ рабочихъ, какъ это прекрасно разъяснилъ Марксъ, допускаетъ еще большую капиталистическую эксплоатацію, чѣмъ плата поденная. Точно также и замѣчаніе о томъ, что капиталистъ извлекаетъ прибавочную стоимость изъ труда этихъ рабочихъ «не присвоеніемъ части ихъ рабочаго дня, а иными способами» мы не въ состояніи обсудить за неимѣніемъ болѣе опредѣленныхъ указаній на характеръ этихъ «иныхъ способовъ», какъ они представляются г. Слонимскому. Поэтому, мы остановимся исключительно на вопросѣ о томъ, вѣрно ли передалъ критикъ мнѣніе Маркса о созданіи прибыли трудомъ только простыхъ рабочихъ и возможно ли такое мнѣніе по смыслу всего ученія о прибавочной стоимости.

Признаться, недоумѣнію нашему не было конца при чтеніи предыдущихъ строкъ критика, приписывающихъ Марксу мысль о производительности будто бы труда исключительно простыхъ рабочихъ. На чемъ основано это странное сужденіе—мы положительно не понимаемъ. Общее опредѣленіе понятія производительности труда дается Марксомъ въ самомъ началѣ «Капитала», между прочимъ, въ слѣдующихъ строкахъ: «Какъ товаръ прежде всего долженъ быть предметомъ потребленія, чтобы имѣть стоимость, такъ точно трудъ прежде всего долженъ быть полезнымъ трудомъ, цѣлесообразною производительною дѣятельностью, чтобы считаться расходомъ человѣческой рабочей силы вообще, а слѣдовательно и просто человѣческимъ трудомъ», опредѣляющимъ стоимость товара (Капиталъ, I, 11). Здѣсь въ качествѣ условія производительности человѣческаго труда поставлено лишь требованіе полезности его, цѣлесообразности, способности удовлетворить извѣстную общественную потребность. Но здѣсь и рѣчи нѣтъ о категоріи труда, о болѣе простыхъ и высшихъ формахъ его. Наоборотъ, всѣ разсужденія

Маркса о приведеніи высшихъ родовъ труда къ среднему простому труду очевидно указываютъ на то, что производительность болѣе сложныхъ работъ нисколько имъ не отрицается. Наконецъ, вѣдь самъ же г. Слонимскій вслѣдъ за своимъ огульнымъ обвиненіемъ приводитъ такія слова Маркса: «Было замѣчено раньше»,—говоритъ Марксъ,—«что для процесса образованія стоимости вполнѣ безразлично, какую работу присвоиваетъ себѣ капиталистъ—простую среднюю общественную работу, или сложную, имѣющую высшій специфическій вѣсъ. Въ каждомъ процессѣ образованія стоимости высшая работа должна быть сведена къ среднему общественному труду, и, напр., день высшей работы будетъ считаться равнымъ такому то числу дней простого труда. Избѣгаютъ поэтому излишняго расчета и упрощаютъ анализъ предположеніемъ, что употребляемый капиталомъ рабочій исполняетъ простую общественную среднюю работу». Напрасно г. Слонимскій не обратилъ еще вниманія на примѣчаніе, слѣдующее у Маркса за приведенными словами, въ которомъ указывается на то, что «обширный классъ. немогущій предложить взамѣнъ пищи ничего, кромѣ простого труда, составляетъ главную массу народа» (слова Джемса Милля *). Итакъ, вотъ двѣ причины, по которымъ, какъ намъ думается, Марксъ, говоря объ образованіи прибавочной стоимости, сравнительно мало касался представителей высшаго труда. 1) число такихъ лицъ весьма незначительно въ общей массѣ населенія; 2) трудъ высшій Марксъ считалъ возможнымъ приводить къ простому среднему труду. Правда г. Слонимскій протестуетъ противъ такого приведенія, въ виду чего онъ и объясненіе Маркса считаетъ неубѣдительнымъ; но объ этомъ мы уже достаточно распространялись въ первой статьѣ. Во всякомъ случаѣ для насъ важно прямое заявленіе Маркса о томъ, что въ образованіи прибавочной стоимости представители высшаго труда принимаютъ участіе вполнѣ однородное съ участіемъ простыхъ рабочихъ.

До сихъ поръ мы разбирали общее опредѣленіе производительности труда. Но у Маркса имѣется еще опредѣленіе этого понятія въ смыслѣ спеціально капиталистическомъ. Такъ какъ конечною цѣлью капиталистическаго хозяйства служитъ полученіе прибавочной стоимости, а послѣдняя достигается покупкою живой рабочей силы, то въ специфически-капиталистическомъ смыслѣ производительнымъ можетъ считаться лишь трудъ, создающій прибавочную стоимость, т. е. наемный трудъ.

«Вмѣстѣ съ кооперативнымъ характеромъ самаго рабочаго процесса по необходимости расширяется и понятіе о производительномъ трудѣ и его источникѣ—производительномъ работникѣ. Съ другой же стороны, оно, напротивъ того,, суживается. Капиталистическое производство не есть только производство товаровъ, но

---

*) См. Капиталъ, I, 143—4.

есть, главнымъ образомъ, производство прибавочной стоимости. Работникъ производитъ не для себя, а для капитала. Поэтому недостаточно, чтобы онъ производилъ вообще. Онъ долженъ производить прибавочную стоимость. Только тотъ работникъ производителенъ, который производитъ прибавочную стоимость для капиталиста, или который служитъ для самоувеличенія стоимости капитала» (Капиталъ, I, 442).

Можетъ быть по отношенію къ этому послѣднему опредѣленію г. Слонимскій правъ? Можетъ быть, въ спеціально-капиталистическомъ смыслѣ производительностью, по Марксу, обладаетъ только трудъ простыхъ рабочихъ? Чтобы отвѣтить отрицательно на эти вопросы, стоитъ только продолжить приведенную цитату и обратить вниманіе на тотъ примѣръ, которымъ Марксъ поясняетъ свое опредѣленіе. «Съ этой точки зрѣнія»,—говоритъ онъ,—«школьный учитель бываетъ производительнымъ работникомъ только въ томъ случаѣ, если не ограничивается обработкою дѣтскихъ головъ, но, въ то же время, обрабатываетъ и самаго себя для обогащенія предпринимателя. Дѣло нисколько не измѣнится отъ того, что капиталъ будетъ вложенъ въ школьное заведеніе, а не въ колбасное. Поэтому понятіе о производительномъ работникѣ содержитъ не только отношеніе между дѣятельностью и полезнымъ результатомъ, между работникомъ и продуктомъ труда, но также и специфически общественное отношеніе производства, которое обращаетъ работника въ прямое средство возрастанія стоимости капитала» (Ib., I, 443—4). Сопоставимъ съ этимъ слѣдующее мѣсто: «Наука вообще ничего не стоитъ капиталисту, что, однако, не препятствуетъ ему эксплоатировать ее. Капиталъ присвоиваетъ чужую науку, какъ и чужой трудъ» (Ibid., I. 342, прим.). Послѣ этихъ словъ наши собственныя толкованія едва-ли необходимы. Съ категоричностью, не оставляющею мѣста для малѣйшихъ сомнѣній, Марксъ заявляетъ, что въ вопросѣ о производительности капиталистическаго работника рѣшающее значеніе имѣетъ: 1) полезность работы, 2) извѣстное общественное отношеніе продавца рабочей силы къ ея покупателю. Но опять-таки въ числѣ условій не упоминается о категоріяхъ работъ, о трудѣ высшаго или низшаго рода. Напротивъ, опредѣленно говорится, что продуктъ самой высшей работы—наука—присваивается капиталистомъ совершенно такъ-же, какъ матеріальное богатство. А затѣмъ въ качествѣ примѣра выбранъ учитель, представитель несомнѣнно высшаго труда, и примѣръ подкрѣпляется опять-таки весьма категорическимъ замѣчаніемъ, что «дѣло нисколько не измѣняется отъ того, что капиталъ будетъ вложенъ въ школьное заведеніе, а не въ колбасное», т. е. все равно, съ эксплоатаціей какого рода труда, низшаго или самаго высшаго, мы бы ни имѣли дѣло. Дѣло вовсе не въ томъ, а только въ извѣстномъ отношеніи лицъ другъ къ другу, въ общественномъ отношеніи. Та же мысль высказывается и въ 3-мъ томѣ «Капитала»: «Поскольку трудъ не

обладаетъ особеннымъ характеромъ наемнаго труда, онъ стоимости не создаетъ... И вообще, если мы опредѣляемъ трудъ, какъ созидающій стоимость, мы смотримъ на него не въ его конкретномъ видѣ, какъ условіе производства, но въ его общественномъ значеніи» (Капиталъ, III, 681).

То обстоятельство, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о стоимости вмѣсто прибавочной стоимости, не измѣняетъ мысли Маркса, такъ какъ очевидно, что если необходимо извѣстное условіе для производства прибавочной стоимости, а послѣднее не мыслимо безъ производства стоимости вообще, то и для производства стоимости остается въ силѣ то же условіе.

Послѣ всего сказаннаго очевидно, какъ неосновательно, какъ невѣрно возраженіе г. Слонимскаго о томъ, что Марксъ считалъ производительнымъ только трудъ простыхъ рабочихъ и только объ этомъ трудѣ говорилъ «въ трехъ обширныхъ томахъ своего Капитала»: приведенныя опредѣленія вмѣстѣ съ примѣромъ труда учителя служатъ прямымъ тому опроверженіемъ. Мы можемъ теперь по достоинству оцѣнить убѣдительность общаго мнѣнія критика по этому вопросу. «Если-бы Марксъ»,—говоритъ онъ,—«включилъ въ теорію прибавочной цѣнности элементъ высшаго труда, то все его ученіе неизбѣжно приняло бы другой видъ, и онъ не могъ бы придти къ тѣмъ положеніямъ и комбинаціямъ, которыми наполнены три тома «Капитала» (май, 281). Мы, наоборотъ, видѣли, что Марксъ «элементъ высшаго труда» въ свою теорію включилъ, и теорія отъ этого нисколько не измѣнилась. Повторяя слова критика, но только по другому адресу, мы можемъ сказать, что предсказаніе на счетъ «измѣненія вида» теоріи ни въ какомъ случаѣ не могло имѣть смысла, если только «не играть словами, а анализировать дѣйствительныя явленія». Игра словами въ данномъ случаѣ, очевидно, на сторонѣ г. Слонимскаго, а анализъ дѣйствительности несомнѣнно принадлежитъ Марксу,—тому ученому, который, создавъ теорію прибавочной стоимости, вытекающую изъ опредѣленнаго общественнаго отношенія лицъ, изъ исторически-общественнаго характера капиталистическаго производства, не могъ оставить эту теорію въ зависимости отъ посторонникъ, общественнаго отношенія не измѣняющихъ условій, вродѣ вопроса о тѣхъ или иныхъ категоріяхъ труда. Сдѣлать это могъ только тотъ критикъ, который, не понявъ историческихъ характерныхъ чертъ капиталистическаго хозяйства, тѣмъ самымъ оказался лишеннымъ способности понять то ученіе, которое не имѣетъ смысла и объясненія внѣ этой исторической обстановки.

Непониманіе или игнорированіе историчности ученія Маркса не представляетъ, впрочемъ, исключительной особенности критики только г. Слонимскаго. Къ сожалѣнію, это почти общій грѣхъ критиковъ нѣмецкаго ученаго. Сознаніе общности и распространенности этого явленія въ научной литературѣ и служитъ для насъ однимъ изъ главныхъ побудительныхъ мотивовъ веденія полемики съ г. Слонимскимъ, такъ какъ сама по себѣ взятая нами на себя задача, право, весьма скучная вещь.

М. Б. Ратнеръ.

ЖРЕЦЫ.

Романъ.

VIII.

За черверть часа до шести Невзгодинъ подъѣхалъ съ Неглинной къ небольшому подъѣзду отдѣльныхъ кабинетовъ «Эрмитажа». Озябшій на сильномъ морозѣ, онъ торопливо сунулъ извозчику деньги и вошелъ въ ярко освѣщенныя сѣни. Пріятное ощущеніе тепла и свѣта охватило его.

Два видные швейцара, остриженные въ кружокъ, и, по московской модѣ, въ черныхъ полукафтанахъ и въ высокихъ сапогахъ, привѣтливо поклонились гостю.

— Вы на обѣдъ въ честь Андрея Михайлыча? — освѣдомился одинъ изъ нихъ, помоложе, снимая съ Невзгодина его, нѣсколько легкое для русской зимы, парижское пальто съ маленькимъ барашковымъ воротникомъ.

— Да...

Невзгодинъ невольно улыбнулся и нѣсколько торжественному выраженію лица молодого, востроглазаго ярославца, и значительному тону, какимъ отчеканилъ онъ имя и отечество юбиляра, съ московскою почтительностью не называя его по фамиліи.

— А вы знаете, кто такой Андрей Михайлычъ?

— Помилуйте-съ... Какъ не знать-съ Андрея Михайлыча! — обидчиво замѣтилъ молодой швейцаръ.—Извѣстные ученые и профессоры... Я ихъ не разъ видѣлъ... Бываютъ у насъ.

«Вотъ она популярность!»—подумалъ Невзгодинъ и спросилъ:

— Собралось еще не много?

— Человѣкъ ста полтора, пожалуй, уже есть!—отвѣчалъ швейцаръ, помахивая черноволосой головой на вѣшалки, полныя шубъ.

— Ого!—удивленно воскликнулъ Василій Васильевичъ, хорошо знавшій привычку москвичей опаздывать.

— А ждемъ свыше двухсотъ персонъ-съ!—не безъ гордости продолжалъ швейцаръ.—Извольте получить нумерокъ!

Оправившись передъ зеркаломъ, которое отразило небольшую статную фигуру въ отлично сидѣвшемъ парижскомъ новомъ фракѣ, Невзгодинъ поднялся на верхъ и остановился на площадкѣ, у столика, гдѣ собирали за обѣдъ деньги. Заплативши семь рублей и написавши на листѣ свою фамилію, онъ хотѣлъ, было, двинуться далѣе, какъ его окликнулъ чей-то высокій, необыкновенно мягкій тенорокъ...

Въ этомъ маленькомъ, толстенькомъ пожиломъ господинѣ во фракѣ и въ бѣломъ галстухѣ,—выскочившемъ съ озабоченной физіономіей изъ корридора къ столику,—Невзгодинъ сразу узналъ Ивана Петровича Звенигородцева—всегдашняго устроителя юбилеевъ и распорядителя на торжественныхъ обѣдахъ, извѣстнаго застольнаго оратора и знакомаго со всей Москвой присяжнаго повѣреннаго.

Выраженіе озабоченности внезапно исчезло съ его лица. Румяненькое, заплывшее жиркомъ, съ жиденькой бородкой и маленькими блестящими глазками, полными плутовства и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушія, оно теперь все сіяло радостною улыбкой, словно-бы Звенигородцевъ увидалъ передъ собою лучшаго своего друга. И, не смотря на то, что Иванъ Петровичъ былъ очень мало знакомъ съ Невзгодинымъ и считалъ его, какъ и многіе, пустымъ зубоскаломъ, онъ, какъ коренной москвичъ, широко раскрылъ свои объятья и троекратно облобызалъ Невзгодина необыкновенно крѣпко и сочно.

— Давно-ли, Василій Васильевичъ, къ намъ изъ Парижа?—ласково и пѣвуче спрашивалъ Звенигородцевъ, задерживая руку Невзгодина въ своей пухлой потной рукѣ.

— Вчера.

Осторожно высвободивъ руку, Невзгодинъ отеръ губы.

— Какъ разъ на юбилей попали... Увидите, дорогой Василій Васильичъ, какъ у насъ хорошихъ людей чествуютъ... Двѣсти пятьдесятъ человѣкъ записались на обѣдъ... Было бы и вдвое больше, но мы отказывали... Нельзя-же всѣхъ пускать, безъ строгаго выбора... Ну и усталъ же я сегодня. Хлопотъ, я вамъ скажу, съ этими юбилеями! И навѣрное въ назначенный часъ публика не соберется. Ужъ скоро шесть, а всего только стошестьдесятъ человѣкъ. Надо дать знать, чтобы юбиляра привезли не раньше половины седьмого...

И Звенигородцевъ тутъ-же распорядился объ этомъ.

— Развѣ юбиляра привезутъ?

— Обязательно и въ четырехмѣстной каретѣ. Или вы забыли московскій юбилейный чинъ? А еще москвичъ!

— Кто-же привезетъ Косицкаго?

— Двое. Представитель стараго поколѣнія профессоровъ:

Левъ Александровичъ Цвѣтницкій и представитель молодой науки: Николай Сергѣичъ Зарѣчный.

— А Маргарита Васильевна здѣсь?

— Не видалъ. Кажется, еще не пріѣзжала. А вы что-же?.. Все еще поклоняетесь гордой англичаночкѣ?.. А хорошѣетъ съ тѣхъ поръ, какъ замужемъ... Прелесть, что за женщина. Вотъ увидите!—оживленно и щуря глаза прибавилъ Звенигородцевъ.

— Давно не поклоняюсь, Иванъ Петровичъ... И я недавно женился...

Звенигородцевъ горячо поздравилъ Невзгодина и, замѣтивъ, что тотъ собирается отойти, остановилъ его словами:

— На одну минутку, Василій Васильичъ!

Отведя Невзгодина въ сторону, онъ проговорилъ, слегка понижая свой тенорокъ и принимая значительный видъ человѣка, озареннаго счастливою мыслью:

— Челомъ вамъ бью, Василій Васильичъ! Не откажите.

— Въ чемъ?

— Вы вѣдь, я слышалъ, занимались въ Парижѣ науками?

— Занимался.

— Такъ знаете-ли что? Скажите, голубчикъ, за обѣдомъ рѣчь Косицкому въ качествѣ представителя отъ русскихъ учащихся въ Парижѣ. Это будетъ, я вамъ скажу, эффектно и очень тронетъ старика...

Невзгодинъ разсмѣялся.

— Да какъ-же я буду говорить, никѣмъ не уполномоченный?

— Такъ что за бѣда! Развѣ на васъ будутъ въ претензіи за то, что вы почтите хорошаго человѣка? Косицкій вѣдь не Найденовъ... Онъ сохранилъ традиціи и вполнѣ нашъ... Право, скажите, Василій Васильичъ, нѣсколько теплыхъ словъ... Сдѣлайте это для меня... Я васъ запишу... Вы будете говорить пятнадцатымъ... идетъ?

— Нѣтъ, не идетъ, Иванъ Петровичъ. Не записывайте... я говорить не стану.

— Экій вы какой! Ну, въ такомъ случаѣ, скажите что-нибудь отъ своего имени... Вы, вѣдь, хорошо говорите.

— Совсѣмъ не умѣю...

— Полно, полно... Я помню, вы разъ говорили на какомъ-то обѣдѣ... Сколько остроумія, сколько...

Звенигородцевъ вдругъ оборвалъ рѣчь и, засіявшій, съ замаслившимися глазками, бросился, словно ошалѣлый котъ, къ поднимавшейся по лѣстницѣ молодой, хорошенькой дамѣ.

«Все тотъ-же юбочникъ!»—подумалъ, улыбаясь, Невзгодинъ и быстрыми шагами пошелъ по корридору, мимо отдѣльныхъ кабинетовъ, встрѣчая безшумно снующихъ половыхъ въ ихъ ослѣпительно бѣлыхъ рубахахъ и шароварахъ.

Отворивъ бѣлыя съ золотомъ двери, онъ вошелъ въ знаменитую колонную залу «Эрмитажа», въ которой Москва даетъ фестивали и упражняется въ краснорѣчіи.

Въ большой бѣлой залѣ, ярко освѣщенной свѣтомъ громадной люстры, три длинные стола, расположенные покоемъ, были уставлены приборами, сверкая бѣлизной столоваго бѣлья и блескомъ хрусталя. Длинный рядъ бутылокъ и массивныя канделябры дополняли сервировку.

Мужчины, большею частью во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, дамы въ свѣтлыхъ нарядныхъ туалетахъ наполняли пространство у колоннъ и между столами. У всѣхъ были праздничныя лица. Шелъ оживленный говоръ, и до ушей Невзгодина часто доносилось имя юбиляра. Видимо, онъ сегодня былъ главнымъ предметомъ разговоровъ собравшейся публики.

Невзгодинъ торопился занять два мѣста рядомъ, стараясь найти ихъ поближе къ среднему столу, гдѣ долженъ былъ сидѣть юбиляръ. Ему хотѣлось разсмотрѣть поближе разныя московскія знаменитости и лучше слышать рѣчи. Но мѣстъ вблизи почетнаго стола уже не было—во всѣхъ стаканахъ или рюмкахъ торчали карточки, такъ что Невзгодинъ нашелъ два мѣста рядомъ въ концѣ одного изъ боковыхъ столовъ.

Взглянувъ на изящное меню съ портретомъ юбиляра, лежавшее у каждаго прибора, онъ направился къ выходу, чтобы встрѣтить Маргариту Васильевну.

Это было не такъ-то легко. Публика все прибывала, и на пути Невзгодину приходилось останавливаться, чтобы удовлетворять болѣе или менѣе праздное любопытство знакомыхъ, отвѣчая на одни и тѣ-же вопросы и восклицанія удивленія, что онъ въ Москвѣ, что женатъ, что занимался химіей и написалъ повѣсть.

Оказывалось, что про него ужъ все было извѣстно, хотя самъ онъ еще и не былъ извѣстностью.

Наконецъ, онъ выбрался къ дверямъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ увидалъ Маргариту Васильевну. Она вошла одна и была очень изящна и мила въ своемъ черномъ шерстяномъ платьѣ, оттѣнявшемъ ослѣпительную бѣлизну ея красиваго строгаго лица.

Она тихо подвигалась среди толпы, щуря близорукіе глаза и слегка наклоняя голову въ отвѣтъ на поклоны знакомыхъ.

Невзгодинъ подошелъ къ ней.

— Вы давно здѣсь?—спросила она, радостно улыбаясь, и по пріятельски пожала руку Невзгодина.

— Пріѣхалъ къ шести, какъ назначено... по-европейски.

— А я по-азіатски опоздала... И какой же вы нарядный во фракѣ, Василій Васильевичъ!—прибавила молодая женщина, оглядывая Невзгодина.

— И какая-же вы интересная въ своемъ черномъ платьѣ, Маргарита Васильевна!—тѣмъ-же тономъ отвѣчалъ Невзгодинъ.

— Будто? — кокетливо уронила Маргарита Васильевна. оживляясь и видомъ нарядной толпы, и комплиментомъ Невзгодина.

— Увѣряю васъ, что говорю безъ малѣйшаго пристрастія!—подчеркнулъ онъ.

— Здѣсь всѣ въ свѣтлыхъ нарядахъ, а я—монашкой.

— И всетаки вы одѣты лучше всѣхъ.

— А Аносова?

— Великолѣпная вдова? Я ее не видалъ. Она развѣ будетъ? Что въ сущности ей Гекуба и она Гекубѣ? А, впрочемъ, московскія дамы отъ скуки ѣздятъ не только на юбилеи, но даже и на засѣданія юридическаго общества... Такъ Аносова будетъ?

— Непремѣнно. По крайней мѣрѣ, утромъ говорила, что будетъ.

— Вы развѣ съ ней знакомы?

— Сегодня познакомилась. Была у нея по дѣлу. Очень она мнѣ понравилась.

Они на минуту остановились. Зарѣчная поздоровалась и обмѣнялась нѣсколькими словами съ какой-то дамой.

— И вы, Василій Васильевичъ, кажется, знакомы съ Аносовой?—продолжала Магарита Васильевна, когда они двинулись далѣе.

— Какъ-же, сподобился нынѣшнимъ лѣтомъ въ Бретани. Такъ вамъ великолѣпная Аглая Петровна даже очень понравилась? Вѣрно удивила чѣмъ-нибудь по благотворительной части?

— Именно... удивила. Обѣщала пятьдесятъ тысячъ на одно дѣло, о которомъ мы съ вами еще будемъ бесѣдовать. А вамъ развѣ Аносова не нравится?—спросила Зарѣчная, останавливая пытливый взглядъ на Невзгодинѣ.

Онъ нисколько не смутился отъ этого взгляда и спокойно отвѣтилъ·

— Нравится, какъ хорошій экземпляръ роскошной женской красоты.

— И только?—съ живостью кинула Маргарита Васильевна.

— Ну и неглупая, характерная женщина, изучавшая даже Шелли... А вообще не моего романа.

— Не вашего?—весело промолвила Зарѣчная, внезапно обрадованная эгоистически радостнымъ чувствомъ женщины, прежній поклонникъ которой не сотворилъ себѣ новаго кумира.

Помолчавъ, она прибавила:

— А вы, Василій Васильичъ, кажется, могли-бы быть героемъ ея романа?

Невзгодинъ нѣсколько смутился и не безъ раздраженія спросилъ:

— Откуда сіе, Маргарита Васильевна?

— Плоды моихъ наблюденій надъ Аглаей Петровной, когда мы говорили о васъ!—смѣясь отвѣтила молодая женщина.

— Такъ они ошибочны. По крайней мѣрѣ, я не замѣчалъ этого.

— А я замѣтила!—настаивала Зарѣчная.

— И, признаться, я не особенно былъ-бы польщенъ благоволеніемъ красавицы-вдовы, еслибъ у нея и явился такой невѣроятный капризъ...

— Отчего невѣроятный?.. Развѣ вы не можете понравиться?

— Только не Аносовой. Повѣрьте, что она съ ея красотой и милліонами давно нашла-бы себѣ героя—и, конечно, не такого невзрачнаго, какъ вашъ покорнѣйшій слуга, еслибъ чувствовала въ томъ потребность...

— Но она васъ всетаки заинтересовала. Вы часто съ ней видѣлись въ Бретани?

— Еще бы! Эта современная московская купчиха съ отличнымъ англійскимъ выговоромъ, съ ласковымъ взглядомъ бархатныхъ глазъ, скрывающимъ холодную жестковатость натуры, крайне любопытна и стоитъ изученія. Въ самомъ дѣлѣ, въ ней какъ-то уживаются вмѣстѣ расточительная благотворительница и самая отчаянная скавалыга... Наклонность къ умственнымъ отвлеченіямъ и кулачество. Восхищеніе Шелли и обсчитываніе рабочихъ...

— Будто?

— Навѣрное. Я знаю. Мой пріятель былъ техникомъ на одной изъ аносовскихъ фабрикъ. Онъ кое-что мнѣ поразсказалъ. Рабочимъ тамъ очень скверно, а управляющій англичанинъ просто-таки скотина.

— И Аносова все это знаетъ?

— Превосходно. Она баба-дѣлецъ и сама во все входитъ. Она и Маркса читала, не даромъ-же говоритъ, что капитализмъ необходимая стадія развитія... Герой ея—нажива.

— Вы, Василій Васильичъ, кажется, черезъ-чуръ сгущаете краски... Развѣ Аносова при всемъ этомъ не женщина... Развѣ она не способна увлечься?

— Неспособна. Слишкомъ трезвенна и темпераментъ спокойный.

— Ну, такъ вы недостаточно ее изучили. Надо продолжать.

— Что-жъ, я не прочь... Здѣсь, въ Москвѣ на своей почвѣ она будетъ виднѣе, чѣмъ за границей!—засмѣялся Невзгодинъ... Ну, вотъ и наши мѣста... Далеконько отъ юбиляра, но лучшихъ не нашелъ, Маргарита Васильевна!

— И отлично, что далеко...

— А я недоволенъ. Пожалуй, и не разслышишь всѣхъ рѣчей, а ихъ будетъ много. Четырнадцать ужъ обезпечено!

— Четырнадцать? Это ужасно! Несчастный Косицкій!

— Ну и публика не особенно счастливая! Я, впрочемъ, намѣренъ всѣ рѣчи слушать... Вѣдь два года не слыхалъ московскаго краснорѣчія.

— А я постараюсь не слушать ни одной... Надоѣли онѣ. И все однѣ и тѣ-же...

— Звенигородцевъ и меня просилъ сказать пятнадцатую рѣчь.

— Что-жъ, скажите... Васъ я буду слушать.

— Благодарю, но я рѣчи не скажу.

И, объяснивъ просьбу Звенигородцева, Невзгодинъ прибавилъ:

— И вѣдь Звенигородцевъ не находитъ ничего страннаго, предлагая говорить рѣчь отъ имени другихъ... Меня же будетъ костить за то, что я отказался... Впрочемъ, нынче мало что считается предосудительнымъ... читали въ газетахъ объясненіе одного петербургскаго профессора, уличеннаго въ фабрикаціи анонимнаго письма?.. Какая развязность у этого профессора!.. Какой мѣдный лобъ!

— Ну и у здѣшнихъ есть мѣдные лбы.

— Не смѣю спорить, но все-таки наши до анонимныхъ писемъ не доходили...

— А кто нашими сосѣдями будутъ за обѣдомъ? Вы знаете, Василій Васильичъ?

— Сейчасъ узнаю.

Невзгодинъ взглянулъ на карточки, вложенныя въ стаканы по бокамъ занятыхъ имъ приборовъ, и проговорилъ:

— Вашъ сосѣдъ: молодой беллетристъ Тумановъ... Вы его знаете?

— Знаю...

— Такъ познакомьте меня съ нимъ. Онъ талантливыя вещи пишетъ.

— А рядомъ съ вами кто?

— Анна Аполлоновна Вербицкая. Кто такая?

— Не имѣю понятія...

— Я и того менѣе... Однако три четверти седьмого... ѣсть хочется, а юбиляра не везутъ его асистенты.

— Кто такіе?

— Цвѣтницкій и вашъ супругъ. Николай Сергѣичъ вѣрно будетъ сегодня говорить?

— Конечно!—промолвила Маргарита Васильевна, и тѣнь пробѣжала по ея лицу.

Въ эту минуту раздался громъ рукоплесканій. Толпа двинулась къ дверямъ.

— Наконецъ-то, будемъ закусывать! — весело сказалъ Невзгодинъ и сталъ аплодировать, приподнимаясь на цыпочки, чтобъ увидать юбиляра.

Но вмѣсто него въ глаза Невзгодина бросилась крупная, статная фигура Зарѣчнаго.

Прислонившись къ колоннѣ близь входа и высоко поднявъ свою красивую голову съ гривой волнистыхъ черныхъ волосъ, онъ жаднымъ, неспокойнымъ взглядомъ всматривался въ толпу, словно кого-то искалъ.

«Жену ищетъ!» — подумалъ Невзгодинъ и незамѣтно взглянулъ на Маргариту Васильевну.

Прежняго оживленія уже не было въ ея поблѣднѣвшемъ, казалось, лицѣ. Серьезная и почти суровая, она тоже смотрѣла на красавца-мужа, и въ ея сѣрыхъ глазахъ блестѣлъ злой огонекъ, и тонкія губы складывались въ презрительную улыбку.

— Что-жъ вы не аплодируете, Маргарита Васильевна? Косицкій этого стоитъ. Онъ прелестный человѣкъ!

— Всѣ они прелестные! — съ какимъ-то порывистымъ озлобленіемъ произнесла молодая женщина.

Встрѣтивъ удивленный и пытливый взглядъ Невзгодина, она внезапно покраснѣла, точно досадуя на свою несдержанность, и прибавила:

— Я сегодня въ зломъ настроеніи.

— Косицкій право порядочный человѣкъ. Я немножко знаю его и помню, какъ джентельментски онъ провалилъ меня на экзаменѣ, хоть и благоволилъ ко мнѣ!

«Пахнетъ серьезной драмой и, кажется, послѣднимъ актомъ!» — рѣшилъ про себя Невзгодинъ и, какъ истинный беллетристъ, почувствовалъ даже нѣкоторую радость при мысли о возможности близкаго наблюденія этой драмы.

И онъ снова захлопалъ, увидавши, наконецъ, юбиляра.

IX.

Улыбаясь растерянной и словно-бы виноватой улыбкой, маленькій, худенькій старичекъ въ мѣшковатомъ фракѣ, съ сѣдой бородой клиномъ и съ длиннымъ носомъ, придававшимъ его добродушному лицу нѣсколько птичій видъ, кланялся направо и налѣво, двигаясь мелкими шажками среди рукоплескавшей толпы, и поминутно останавливался, чтобы пожать руки встрѣчающимся знакомымъ и благодарить за поздравленія, добавляя слова благодарности взглядомъ, который будто говорилъ, что онъ, Андрей Михайловичъ Косицкій, не виноватъ во всемъ томъ, что происходитъ и проситъ снисхожденія.

Не ожидавшій такого многолюдства и сконфуженный аплодисментами и тѣмъ, что служитъ предметомъ общаго вниманія, онъ, видимо, находился въ затрудненіи: въ какую сторону залы ему направиться, остановиться-ли, или идти и что вообще предпринять. Въ этотъ затруднительный моментъ онъ невольно вспомнилъ совѣтъ своей супруги, преподанный еще сегодня утромъ: «не быть хоть на юбилеѣ разсѣянной фефелой и держать себя съ достоинствомъ!»

«Ей хорошо давать указанія, а попробовала-бы она быть въ моемъ положеніи!»—невольно подумалъ смущенный и взволнованный юбиляръ, снова кланяясь на аплодисменты и обрадованно останавливаясь около знакомаго, точно ища у него помощи.

Но Иванъ Петровичъ Звенигородцевъ не даромъ былъ превосходнымъ распорядителемъ на всякихъ торжествахъ и не напрасно-же его въ шутку звали «оберъ-церемоніймейстеромъ».

Какъ только смолкли привѣтственныя рукоплесканія, его кругленькая, толстенькая фигурка вынырнула изъ толпы, и онъ, сіяющій и торжественный, словно-бы самъ былъ юбиляромъ, очутился около Косицкаго и фамильярно, въ качествѣ друга, подхвативъ его подъ руку, повелъ юбиляра, какъ послушнаго бычка на веревочкѣ, въ сосѣднюю комнату, къ громадному столу, сплошь уставленному всевозможными закусками.

— Ты, Андрей Михайлычъ, кажется, померанцевую?

Это была первая обыденная фраза, которую сегодня услыхалъ старикъ. Съ утра къ нему на квартиру являлись разныя депутаціи, говорили рѣчи въ приподнятомъ тонѣ, волновавшія и трогавшія Андрея Михайловича. Онъ порядкомъ-таки усталъ и до сихъ поръ находился въ напряженномъ состояніи. Вопросъ о водкѣ словно-бы возвратилъ его къ привычной ему дѣйствительности, и онъ могъ попросту отвѣтить съ шутливымъ укоромъ, аппетитно поглядывая на закуски:

— А еще пріятель! Я, Иванъ Петровичъ, очищенную!

— Прости, голубчикъ. Я и забылъ... Это Левъ Александрычъ пьетъ померанцевую!

Звенигородцевъ налилъ двѣ рюмки, но прежде чѣмъ чокнуться, не могъ, конечно, не выразить своихъ чувствъ публично. Распоряжаясь юбиляромъ, какъ своей собственностью, онъ привлекъ его къ себѣ и такъ крѣпко поцѣловалъ трижды въ губы, что шатавшійся передній зубъ юбиляра чуть было не выпалъ, и Андрей Михайловичъ благодарно поморщился отъ боли.

Чокнувшись затѣмъ съ юбиляромъ и проглотивъ рюмку водки, Звенигородцевъ куда-то исчезъ.

Толпа обступила плотной стѣной закусочный столъ. Закусывали, по московскому обыкновенію, долго и основательно.

Только бѣдняга юбиляръ, не смотря на желаніе попробовать закусокъ основательно, никакъ не могъ этого сдѣлать, и нѣкоторое время стоялъ съ пустой тарелочкой въ рукѣ, не имѣя возможности что-нибудь себѣ положить. Къ нему, не переставая, подходили добрые знакомые съ поздравленіями и къ нему подводили незнакомыхъ почитателей и почитательницъ его ученой дѣятельности, съ которой они, впрочемъ, были незнакомы, считавшихъ долгомъ выразить старику свое уваженіе. Поневолѣ приходилось отвѣчать, благодарить и пожимать руки и терять надежду полакомиться свѣжей икрой, до которой Андрей Михайловичъ былъ большой охотникъ.

Спасибо супругѣ—она выручила. Эта внушительныхъ размѣровъ, гренадерскаго роста и рѣшительнаго вида дама, лѣтъ за сорокъ, сохранившая слѣды былой красоты и, судя по костюму и слишкомъ оголенной шеѣ, имѣвшая еще претензію производить впечатлѣніе,—не оставила и здѣсь, на юбилеѣ, мужа безъ своего властнаго надзора, какой неослабно имѣла за нимъ въ теченіе долголѣтняго супружества. Нѣсколько удивленная, что съ утра такъ чествуютъ Андрея Михайловича, котораго она высокомѣрно всю жизнь считала фефелой и съ которымъ дома обращалась, какъ неограниченная монархиня съ своимъ вѣрноподданнымъ, вполнѣ игнорируя, что онъ читалъ полицейское право,—госпожа профессорша возмутилась, увидавши, что Андрей Михайловичъ «мямлитъ», какъ она выражалась, съ какою-то барышней и при этомъ даже умильно улыбается вмѣсто того, чтобы ѣсть хорошую закуску съ такимъ-же аппетитомъ и съ такимъ-же достоинствомъ, съ какими это дѣлаетъ она. И профессорша, рѣшительно отстранивъ отъ стола какого-то господина, наложила полную тарелку свѣжей икры, достала хлѣбъ и подойдя къ мужу, который передъ ней казался карликомъ, нѣжно проговорила:

— Вотъ кушай, а то ты ничего не ѣшь!

Юбиляръ благодарно и въ то-же время нѣсколько боязливо взглянулъ на жену, принимая тарелку.

— Да ты лучше отойди въ сторону, а то здѣсь тѣсно!—продолжала нѣжнымъ тономъ супруга.

Барышня исчезла, и Андрей Михайловичъ покорно отошелъ за женой.

— Вотъ здѣсь никто не помѣшаетъ тебѣ... Присядь къ столу... Ты совсѣмъ сонный какой-то... И всего точно боишься... Совсѣмъ не похожъ на юбиляра!—выговаривала она шопотомъ.—Чего еще хочешь... Я тебѣ принесу...

—Спасибо, Варенька... Мнѣ довольно икры... А я точно усталъ... И наконецъ развѣ я могъ ожидать... Столько сегодня неожиданной чести.

— Ну ѣшь... ѣшь... И какая неожиданность... Ты развѣ не

стоишь почета... Слава Богу, тридцать лѣтъ профессоромъ... Ѣшь... ѣшь... Не говори...

Юбиляръ не заставилъ болѣе себя просить и съ удовольствіемъ уплеталъ икру, оберегаемый супругой, которой почти всѣ знакомые нѣсколько побаивались, какъ очень рѣшительной дамы.

Зарѣчный еще въ залѣ увидѣлъ жену и Невзгодина.

Онъ велъ ее подъ руку и о чемъ-то весело ей разсказывалъ. Рита улыбалась! Зарѣчный видѣлъ потомъ, какъ Невзгодинъ услуживалъ ей, подавая закуски, и теперь они опять вмѣстѣ стоятъ въ сторонкѣ и снова оживленно разговариваютъ, не обращая ни на кого вниманія.

Ревнивыя подозрѣнія съ новою силой охватили молодого профессора. Онъ сдѣлался мраченъ, какъ туча, и украдкой наблюдалъ за Ритой и Невзгодинымъ. Откуда такая дружба между ними послѣ того, какъ онъ былъ отвергнутъ и уѣхалъ изъ Москвы? О чемъ они говорятъ? О, какъ хотѣлъ бы Николай Сергѣевичъ узнать, но къ нимъ всетаки не подходилъ, не желая встрѣчаться съ этимъ пустѣйшимъ человѣкомъ, который вдругъ сдѣлался ему ненавистнымъ. Онъ понималъ неизбѣжность встрѣчи, если не здѣсь, не сегодня, то на дняхъ, дома—этотъ «нахалъ» теперь зачаститъ къ Ритѣ—но, какъ человѣкъ нерѣшительный, хотѣлъ встрѣчу отдалить.

Послѣ юбиляра Николай Сергѣевичъ, повидимому, обращалъ на себя наибольшее вниманіе публики, и въ особенности дамъ. Къ нему то и дѣло подходили, съ нимъ заговаривали, ему восторженно улыбались, на него указывали, называя фамилію и прибавляя: «извѣстный профессоръ». Одна дама назвала его «неотразимымъ красавцемъ» такъ громко, что Зарѣчный слышалъ, и умоляла познакомить ее съ нимъ.

Но сегодня Николай Сергѣевичъ былъ равнодушнѣе къ проявленіямъ восторговъ поклоненія и, обыкновенно мягкій и ласковый въ обращеніи съ людьми, былъ сдержанъ, неразговорчивъ и меланхоличенъ.

Онъ выпилъ уже четыре рюмки водки, желая разогнать ревнивыя думы, и скупо подавалъ реплики какой-то поклонницѣ, пережевывая кусокъ балыка. Глаза его невольно смотрѣли въ ту сторону, гдѣ были Рита и Невзгодинъ.

«И какимъ сталъ франтомъ этотъ прежній замухрыга! Видно, болѣе не отрицаетъ приличныхъ костюмовъ»! со злостью думалъ Зарѣчный.

Въ эту минуту откуда-то выскочилъ Звенигородцевъ и обхватывая талію Николая Сергѣевича, весело воскликнулъ

— А вѣдь мы съ тобой, Николай Сергѣевичъ, не пили. Выпьемъ?

Звенигородцевъ со всѣми болѣе или менѣе извѣстными людьми былъ на «ты».

— Пожалуй...

Они подошли къ столу, чокнулись и выпили.

Пока они закусывали, Звенигородцевъ успѣлъ уже сообщить, торопливо кидая слова своимъ нѣжнымъ и пѣвучимъ голоскомъ, о томъ, что Невзгодинъ—вотъ она современная молодежь!—оказался просто-таки трусомъ. Иначе, чѣмъ же объяснить его отказъ сказать рѣчь Косицкому?

— Прежде, не бойсь, радикальничалъ. Помнишь? Всѣ у него оказывались лицемѣрными болтунами, показывающими кукиши въ карманѣ, а теперь и кукишъ боится показать! Видно, какъ женился, такъ и того... Радикализмъ въ отставку!—говорилъ Звенигородцевъ почти шепоткомъ и при этомъ такъ добродушно и весело улыбался, точно онъ искренно радовался, что Невзгодинъ оказался трусомъ и вообще негоднымъ человѣкомъ.

— Развѣ Невзгодинъ женатъ?—воскликнулъ Зарѣчный.

Въ голосѣ его невольно звучала радостная нотка.

— То-то женился. Только-что самъ мнѣ сообщилъ. Да онъ развѣ у тебя не былъ?

— Былъ, но не засталъ дома.

— Говорятъ, и химію въ Парижѣ изучалъ. Что-то сомнительно. И повѣсть написалъ... мнѣ сейчасъ говорилъ Тумановъ... И принята. Ну, да мало-ли дряни нынче принимаютъ! Признаться, я не думаю, чтобы Невзгодинъ могъ написать что нибудь порядочное... Какъ по твоему?

— И мнѣ кажется... Поверхностный человѣкъ...

— Брандахлыстъ, хоть и не лишенъ иногда остроумія. Да ты развѣ не видалъ его?

— Нѣтъ, не видалъ!—солгалъ Зарѣчный.

— Онъ только что здѣсь былъ съ Маргаритой Васильевной.

— А жена его съ нимъ?

— Жена? Жены не видалъ. Вѣрно, и она здѣсь!—рѣшилъ Звенигородцевъ, отдававшійся иногда порывамъ вдохновенія...

— Однако пора юбиляра и къ столу вести. А каковъ юбилейчикъ-то? Двѣсти сорокъ человѣкъ обѣдающихъ... Ты будешь говорить пятымъ... не забудь!

Съ этими словами Иванъ Петровичъ исчезъ, отыскивая глазами юбиляра.

Нѣсколько обрадованный вѣстью о женитьбѣ Невзгодина, Зарѣчный направился къ женѣ. Онъ засталъ ее одну. Невзгодинъ въ эту минуту разговаривалъ около съ извѣстнымъ профессоромъ химикомъ.

— Я и не видался съ тобой сегодня. Здравствуй, Рита!—

съ нѣжностью шепнулъ Зарѣчный, протягивая женѣ руку и словно бы внезапно притихшій при видѣ Риты.

— Здравствуй!—безучастно промолвила она.

Онъ пожалъ маленькую руку и сказалъ:

— Я тебѣ занялъ мѣсто за среднимъ столомъ... недалеко отъ юбиляра... Около тебя будетъ сидѣть профессоръ Марголинъ... Ты, кажется, его перевариваешь?—прибавилъ онъ съ грустной улыбкой.

— У меня уже есть мѣсто.

— Съ кѣмъ же ты сидишь? Одна?

— Нѣтъ. Я буду сидѣть рядомъ съ Невзгодинымъ. Онъ на дняхъ вернулся изъ за границы, вчера былъ у меня, и я ему обѣщала.

Это подробное объясненіе, которое почему-то сочла нужнымъ дать Маргарита Васильевна, вызвало въ ней досаду, и она покраснѣла.

— Въ такомъ случаѣ, виноватъ. Съ Невзгодинымъ, конечно, тебѣ будетъ веселѣе! — произнесъ Зарѣчный взволнованнымъ голосомъ.

— Разумѣется, веселѣе, чѣмъ съ твоими профессорами.

— А ты, Рита, все еще въ чемъ-то обвиняешь профессоровъ и главнымъ образомъ меня?—чуть слышно спросилъ онъ.

Рита молчала.

— О, какъ ты жестока Рита,—съ мольбою шепнулъ Зарѣчный... Обвинять другихъ легко.

— Я и себя не оправдываю! — отвѣтила такъ же тихо Рита и громко прибавила: — А ты Василья Васильевича не узнаешь?

Услыхавъ свое имя, Невзгодинъ подошелъ.

Бывшіе соперники встрѣтились сдержанно. Они раскланялись съ преувеличенной вѣжливостью, молча пожали другъ другу руки и нѣсколько секундъ глядѣли одинъ на другого, не находя, казалось, о чемъ говорить.

Молодая женщина наблюдала обоихъ.

Она видѣла въ лицѣ мужа скрытую непріязнь и поняла, что источникъ ея—ревность. Въ Невзгодинѣ, напротивъ, она не замѣтила ни малѣйшаго недоброжелательства къ мужу. Одно только равнодушіе. И это кольнуло ея женское самолюбіе. Она вспомнила, какъ страстно относился прежде Невзгодинъ къ своему счастливому сопернику.

Наконецъ, Зарѣчный сказалъ:

— Васъ, я слышалъ, можно поздравить, Василій Васильичъ?

— Съ чѣмъ?

— Вы женились.

— Какъ-же. Свершилъ сей подвигъ!—шутливо промолвилъ Невзгодинъ.

- - -

Тонъ этотъ не понравился Зарѣчному.

— И, говорятъ, избрали карьеру писателя?

— По крайней мѣрѣ, хочу попробовать.

— И будете жить въ Москвѣ?

— А тебѣ вѣрно этого не хочется. Уже возревновалъ! подумалъ Невзгодинъ и отвѣтилъ:

— Не рѣшилъ еще...

— Надѣюсь, мы будемъ имѣть честь васъ видѣть у насъ... Вы гдѣ остановились?

Невзгодинъ сказалъ.

— На дняхъ я буду у васъ, Василій Васильичъ.

Съ этими словами Зарѣчный поклонился и отошелъ, далеко не успокоенный въ своихъ ревнивыхъ чувствахъ. Такіе господа, какъ Невзгодинъ, легко смотрятъ на бракъ. Недаромъ же онъ выразился о своей женитьбѣ въ шуточномъ тонѣ. И отчего жена его не съ нимъ?

Тѣмъ временемъ Звенигородцевъ отыскалъ юбиляра на угловомъ диванѣ и проговорилъ:

— Ну братъ, Андрей Михайлычъ, пойдемъ на закланіе.

— Пойдемъ!—покорно отвѣтилъ юбиляръ, поднимаясь.

Звенигородцевъ на минутку остановилъ его и спрашивалъ:

— Кого посадить около тебя? Молоденькихъ дамъ желаешь?..

— Зачѣмъ же дамъ, да еще молоденькихъ?—смущенно возразилъ старикъ, озираясь: нѣтъ-ли вблизи жены.

— Ты находишь это нѣсколько легкомысленнымъ для юбилея?

— Пожалуй что такъ...

— И, быть можетъ, Варвара Николавна этого не одобритъ?—лукаво подмигнулъ глазомъ Звенигородцевъ и засмѣялся. Ну въ такомъ случаѣ ты будешь сидѣть между своими сверстниками — коллегами... Или хочешь, чтобъ около тебя сидѣла супруга твоя Варвара Николавна?—спросилъ самымъ, повидимому, серьезнымъ тономъ Иванъ Петровичъ, хорошо знавшій, какъ побаивается Косицкій своей жены.

— Какъ знаешь... Я вѣдь сегодня собой не распоряжаюсь.. Только удобно-ли на юбилеѣ устроивать семейную обстановку?..

— Конечно, не слѣдуетъ... Ея и такъ достаточно. Такъ ты будешь между коллегами. Этакъ выйдетъ солиднѣе.. Ну идемъ!

Звенигородцевъ съ торжественностью подвелъ юбиляра къ столу и указалъ ему мѣсто на самой серединѣ. По бокамъ и напротивъ усѣлись профессора, въ томъ числѣ и Зарѣчный, и нѣсколько болѣе близкихъ знакомыхъ юбиляра. Супругу его Звенигородцевъ усадилъ не вдалекѣ около одного молчаливаго профессора.

Скоро всѣ разсѣлись за столами, и тотчасъ же замелькали бѣлыя рубахи половыхъ, которые разносили тарелки съ су-

помъ и блюда съ пирожками, предлагая «консоме или кремъ д'аспержъ».

Въ залѣ наступило затишье.

— Поглядите, Василій Васильичъ, нѣтъ-ли здѣсь Аносовой. Я своими близорукими глазами не увижу!—проговорила Маргарита Васильевна, озирая столы.

— Вы думаете такъ легко ее замѣтить въ этой массѣ публики?

— Такую красавицу? Она невольно бросится въ глаза.

— Ну извольте.

Невзгодинъ обглядѣлъ столы и промолвилъ:

— Не вижу великолѣпной вдовы.

— Значитъ ея нѣтъ. Странно!

— Отчего странно?

— Обѣщала быть, а она, какъ кажется, изъ тѣхъ рѣдкихъ женщинъ, которыя держатъ слово.

Въ эту самую минуту сидѣвшій за столомъ противъ Невзгодина, скромнаго вида, въ новенькомъ фракѣ, молодой рыжеватый блондинъ въ очкахъ, все время безпокойно поглядывавшій на двери, не дотрогиваясь до супа, внезапно поднялся со своего мѣста, около котораго былъ никѣмъ незанятый приборъ, и двинулся къ выходу.

Въ дверяхъ показалась Аносова.

— Вотъ и она!—Смотрите, что за красота!—шепнула Маргарита Васильевна.

— Что и говорить: великолѣпна... И, кажется, напротивъ насъ сядетъ. А кто этотъ блондинъ?

— Это племянникъ и наслѣдникъ Аносовой!—сказалъ кто-то.

— Но долго ему дожидаться наслѣдства!—раздался чей-то голосъ.

Всѣ глаза устремились на эту высокую, статную, ослѣпительную красавицу въ роскошномъ, но не бьющемъ въ глаза черномъ бархатномъ платьѣ, обшитомъ бѣлыми кружевами у лебединой шеи, въ длинныхъ перчаткахъ почти до локтей, съ крупными кабошонами въ ушахъ, которая плывущей неспѣшной походкой, слегка смущенная и зардѣвшаяся, шла къ столу въ сопровожденіи блондина.

— Вотъ, тетенька... Другихъ мѣстъ не могъ достать!—проговорилъ онъ съ особенною почтительностью.

— Чѣмъ худы мѣста... Отличныя!—весело промолвила она, опускаясь на стулъ.

Звенигородцевъ уже летѣлъ со всѣхъ ногъ къ Аносовой.

— Аглая Петровна!.. Здравствуйте, божественная, и пожалуйте за столъ юбиляра. Для васъ берегъ мѣсто, чтобы сидѣть подлѣ... И Андрей Михайловичъ будетъ очень радъ видѣть васъ поближе.

— Мнѣ и тутъ хорошо... Благодарю васъ, Иванъ Петровичъ. Да кстати у меня vis-à-vis добрая знакомая!—прибавила Аносова, увидавъ противъ себя Зарѣчную.

Щеки ея какъ будто зарумянились гуще, и она, ласково улыбаясь своими большими, ясными глазами, привѣтно, какъ короткой знакомой, нѣсколько разъ кивнула Зарѣчной и сдержанно, почти строго, чуть-чуть наклонила голову въ отвѣтъ на поклонъ Невзгодина, не глядя на него.

«Ишь... королевой себя въ публикѣ держитъ. Боится «морали»!—усмѣхнулся про себя Невзгодинъ, не безъ тайнаго восхищенія посматривая на великолѣпную вдову, которую онъ видѣлъ въ первый разъ въ парадѣ, и вспомнилъ, какъ просто она себя держала съ нимъ въ Бретани.

— И жарко-же здѣсь!—обратилась она, снимая перчатки, къ Зарѣчной и, повидимому, не обращая ни малѣйшаго вниманія на Невзгодина.

Маргарита Васильевна деликатно согласилась, что жарко, хоть и приписала румянецъ Аносовой другой причинѣ.

Спокойнымъ жестомъ своей бѣлой холеной руки Аглая Петровна отстранила тарелку съ супомъ.

— Я очень рада, что случай свелъ меня сидѣть противъ васъ, Магарита Васильевна. По крайней мѣрѣ, есть съ кѣмъ перемолвиться словомъ!..—съ замѣтнымъ оживленіемъ продолжала Аносова.—А вы не думайте, что я люблю опаздывать. Я этого не люблю. Но раньше не могла пріѣхать—было серьезное дѣло. Впрочемъ, я послала сюда артельщика и просила его дать знать, когда будутъ садиться за столъ, и, какъ видите, ошиблась на нѣсколько минутъ!—прибавила она, улыбаясь чарующей улыбкой и открывая рядъ чудныхъ зубовъ.

«Всѣ статьи свои показываетъ!»—рѣшилъ Невзгодинъ и уже настраивалъ себя недоброжелательно противъ «великолѣпной вдовы», которая не удостоивала его ни однимъ словомъ, точно лѣтомъ и не называла его пріятелемъ и не звала непремѣнно побывать у нея въ Москвѣ.

— Рыбы прикажете, Маргарита Васильевна?

— Пожалуйста...

Онъ положилъ ей на тарелку рыбы и, наливая въ рюмку бѣлаго вина, прошепталъ:

— Такъ даже очень нравится?

Маргарита Васильевна усмѣхнулась и, точно поддразнивая, утвердительно кивнула головой.

— А вы, Василій Васильичъ, давно сюда пожаловали?—обратилась, наконецъ, Аглая Петровна къ Невзгодину послѣ того, какъ покончила съ рыбой и запила ее рюмкой бѣлаго вина.

— Третьяго дня, Аглая Петровна.

Взгляды ихъ встрѣтились. И въ глазахъ у обоихъ мелькнуло что-то не особенно привѣтливое.

— Собираетесь и меня удостоить посѣщеніемъ? — кинула съ едва замѣтной усмѣшкой Аносова.

— Обязательно собираюсь удостоиться этой чести, Аглая Петровна. Только боюсь...

— Какой пугливый! Чего вы боитесь?

— Помѣшать вамъ. Вы, говорятъ, всегда заняты.

— Кто это вамъ сказалъ? — вспыхивая, отвѣчала Аносова. — Вѣрно сами сочинили ради краснаго словца? Положимъ, занята, но у меня есть время и для знакомыхъ... Отъ трехъ до шести я дома... Маргарита Васильевна подтвердитъ это.

— Охотно, Аглая Петровна... Но вы мало знаете Василія Васильича?.. Онъ любитъ иногда поднять на зубокъ... Вдобавокъ и беллетристъ. Его повѣсть въ январѣ будетъ напечатана.

— Вы лѣтомъ этого мнѣ не говорили, Василій Васильичъ? — промолвила Аглая Петровна.

— Да развѣ нужно трубить о своихъ грѣхахъ?..

— Значитъ, и насъ грѣшныхъ когда нибудь опишете?

— Васъ съ особеннымъ удовольствіемъ, Аглая Петровна, возвелъ бы въ перлъ созданія.

— Только ему не достаетъ изученія. Онъ васъ недостаточно знаетъ, — вставила Маргарита Васильевна.

— Недоволенъ онъ мною... Я это знаю! — засмѣялась Аглая Петровна. — А узнать меня — не мудрое дѣло... Съ Богомъ, описывайте, Василій Васильичъ. Обижаться не буду, если вы даже и сгустите краски!..

— Вы-то не будете сердиться?... Еще какъ! — насмѣшливо проговорилъ Невзгодинъ.

Но Аглая Петровна уже не слушала и о чемъ-то заговорила съ племянникомъ.

— Ваше здоровье, Маргарита Васильевна! — сказалъ Невзгодинъ, чокаясь со своей сосѣдкой. — Желаю вамъ..:

— Чего вы мнѣ пожелаете?

— Говорить? — шепнулъ Невзгодинъ...

— Говорить...

— Какъ добрый пріятель?..

— Да что вы съ предисловіями... Я не боюсь правды...

— Ну такъ искренно желаю вамъ... полюбить кого-нибудь и...

— И что?

— А дальше все приложится.

— Вы думаете?

— Думаю, если только васъ не захватитъ какая-нибудь широкая дѣятельность. Да и гдѣ она? И то... одна дѣятельность васъ, женщинъ, не удовлетворитъ... А вы вѣдь все

искали людей, да разсуждали, а никого по настоящему не любили. . Не правда-ли?

— Правда. И за то расплачиваюсь!—чуть слышно проронила молодая женщина.

— Вольно-же!

Маргарита Васильевна нетерпѣливо пожала плечами и примолкла, отставивъ рюмку.

— Вы не сердитесь, что я... завелъ такой разговоръ. Больше не буду!—виновато промолвилъ Невзгодинъ.

— За что сердиться? Я сама завела-бы его. Вы не слѣпы и видите, что я не любила и не люблю мужа и вдобавокъ...

— Развѣнчали его?

Маргарита Васильевна молча кивнула головой.

— И всетаки жили и живете съ нимъ! — съ какою-то безжалостностью художника и съ искреннимъ негодованіемъ правдивой натуры продолжалъ Невзгодинъ, понижая голосъ.

— За преступленіемъ слѣдуетъ наказаніе!

— Но не такое варварское и — извините — постыдное... Мужчинъ вы обвиняете въ компромиссахъ, а сами...

— Довольно... Мы объ этомъ поговоримъ... Здѣсь не мѣсто...

— Никто не слышитъ... Здѣсь шумъ...

— Во всякомъ случаѣ, спасибо вамъ за пожеланіе...

Маргарита Васильевна отпила изъ рюмки. Выпилъ полную рюмку и Невзгодинъ.

— Постараюсь послѣдовать вашему совѣту и полюбить какого-нибудь интереснаго человѣка... Только вотъ вопросъ: гдѣ его искать?—съ нервнымъ, злымъ смѣхомъ сказала Маргарита Васильевна.

И, помолчавъ, прибавила:

— А у васъ все та же страсть затронуть самое больное мѣсто человѣка.. посыпать соли на свѣжую рану, чтобы человѣкъ не предавался самообману на счетъ своихъ добродѣтелей... Но я за это не сержусь... Напротивъ, очень благодарна... Ваше здоровье, Василій Васильичъ, и литературнаго успѣха.

Съ этими словами Маргарита Васильевна допила свою рюмку и спросила:

— Когда-же вы прочтете мнѣ свою повѣсть?

— Какъ-нибудь на-дняхъ.

Нѣсколько разъ Аглая Петровна взглядывала на Маргариту Васильевну и Невзгодина, прислушиваясь къ ихъ разговору, и сама разговаривая въ то же время съ племянникомъ, казалось, съ интересомъ и совершенно спокойная. По крайней мѣрѣ, ея лицо словно бы застыло въ своемъ безстрастномъ великолѣпіи и глаза свѣтились яснымъ, холоднымъ блескомъ. И только густыя брови чуть-чуть сдвинулись, да пальцы нервно

сжимали хлѣбный катышекъ, обнаруживая тайное волнен Аносовой.

Нѣкоторыя слова, долетавшія, среди общаго говора, до тонкаго слуха, изощреннаго въ дѣтствѣ и потомъ во вре несчастнаго ранняго супружества, бывшаго дѣломъ коммерческ сдѣлки родителей, и возбужденныя лица Зарѣчной и Нев година—особенно первой — не оставляли въ Аносовой поч никакого сомнѣнія въ томъ, что между ними произошло об ясненіе самаго интимнаго характера. (Точно они не наш для этого болѣе удобнаго мѣста!—мысленно подчеркнула Агл Петровна, бросая взглядъ въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Зарѣ ный, и замѣчая, что и онъ, мрачный и взволнованный, спускаетъ глазъ съ жены).

И Аносова втайнѣ сердилась, испытывая обидную доса дѣловой женщины, увѣренной въ своемъ умѣ и въ знан людей, которую обошла другая—эта, казалось, вполнѣ искре няя, маленькая, худенькая блондиночка, заставившая повѣри осторожную и мало довѣрчивую къ людямъ Аглаю Петров ея словамъ, что она только дружна съ Невзгодинымъ и люби его, какъ добраго стараго пріятеля.

«Тутъ не одной дружбой пахнетъ!»—рѣшила «великолѣ ная вдова», чувствуя, что въ сердцѣ ея растетъ непріязне ное чувство къ Маргаритѣ Васильевнѣ.

«Ужели это ревность, и Невзгодинъ ей, въ самомъ дѣл нравится?»—подумала Аносова и даже презрительно пове плечомъ, словно-бы сама удивленная этому странному каприз

Что особеннаго въ этомъ Невзгодинѣ?—задала она се вопросъ.

Правда, онъ уменъ, но умъ у него какой-то насмѣшливы и взгляды совсѣмъ дикіе, какъ у голыша, которому личн ничего не стоитъ держаться крайнихъ мнѣній... Онъ, правд естественъ и простъ, но вообще «непутевой» человѣкъ. собою такъ ужъ совсѣмъ не виденъ... Такъ себѣ... подвиж ная, нервная мордочка...

Но, не смотря на эту оцѣнку, что-то говорило въ ея душ что ее интересуетъ, и больше чѣмъ кто либо другой, изъ е многочисленныхъ поклонниковъ, этотъ непутевой человѣкъ съ его «мордочкой», едва-ли не единственный, который равн душно относится и къ ея красотѣ, и къ ея уму, и къ ея мил ліонамъ и который съ рѣзкой откровенностью говорилъ ей в глаза то, чего никто не осмѣливался, и, повидимому, нисколь не боялся разорвать съ ней знакомство, завязавшееся совер шенно неожиданно въ Бретани. И она должна была признатьс себѣ, что и тогда, когда они часто видались, встрѣчаясь на «пля жѣ», Аглая Петровна была нѣсколько изумлена тому интерес который впервые возбудилъ въ ней Невзгодинъ не только, как

любопытный, не шаблонный человѣкъ, но и какъ интересный мужчина. Не даромъ же она въ Бретани съ нимъ даже слегка кокетничала, стараясь понравиться ему и умомъ, и чарами своей красоты, и видимо искала его общества. Она, всегда точная, отложила даже на недѣлю свой отъѣздъ съ морского берега, на что-то надѣясь, чего-то ожидая и, къ изумленію своему, не дождалась ни малѣйшаго намека со стороны Невзгодина на силу ея очарованія. Не даромъ-же она, какъ какая-нибудь глупая дѣвчонка, посылала справляться объ его адресѣ, досадуя, что онъ не явился къ ней тотчасъ-же по пріѣздѣ, какъ обѣщалъ, и такъ обрадовалась неожиданной встрѣчѣ, хотя и не показала вида.

Неужели Невзгодинъ можетъ нарушить ея горделивый покой, который доселѣ не нарушалъ ни одинъ изъ мужчинъ?

«Вздоръ!» рѣшительно протестовала она противъ этого.

И Аглая Петровна подняла на Невзгодина строгій, почти непріязненный взглядъ, словно бы возмущенная, что этотъ легкомысленный, ненадежный человѣкъ могъ занимать ея мысли.

А онъ перехватилъ этотъ взглядъ и хоть бы что!

«Пусть себѣ увлекается чужою женой... Чортъ съ нимъ!» рѣшила Аглая Петровна и обратилась съ какимъ-то вопросомъ къ Туманову, молодому, молчаливо наблюдавшему беллетристу.

Половые, между тѣмъ, разносили третье блюдо.

— Что-жъ это значитъ? Еще рѣчей не говорятъ! — воскликнулъ удивленно Невзгодинъ.

— Успокойтесь... будутъ!—промолвила Маргарита Васильевна.

— Прежде на обѣдахъ рѣчи обыкновенно начинались послѣ супа, а то послѣ рыбы... Вѣроятно, намъ хотятъ дать поѣсть, чтобы мы могли слушать ораторовъ не на голодный желудокъ... Это не глупое новшество.

Онъ принялся за ѣду и прислушивался, какъ его сосѣдка слѣва, молодая женщина, довольно миловидная, не умолкая, громко и авторитетно говорила сидѣвшему рядомъ съ ней господину о задачахъ настоящей благотворительности. Она изучала ее въ Европѣ. Она посѣщала тамъ разныя благотворительныя учрежденія. Необходимо и въ Москвѣ совершенно реформировать это дѣло... Но ее не слушаютъ... Она одна... Никто не хочетъ понять, что это дѣло очень серьезное и требуетъ самаго внимательнаго отношенія... Надо строго различать виды бѣдности...

«О несчастный! — пожалѣлъ Невзгодинъ господина, которому читали лекцію о благотворительности и, обращаясь къ Маргаритѣ Васильевнѣ, тихо замѣтилъ:

— Счастливы вы, что не слышите моей сосѣдки. Она пропагандируетъ благотворительность во всѣхъ ея видахъ... Это въ

Москвѣ, кажется, нынче въ модѣ? Благотворительность является чуть-ли не спортомъ.

— А вы уже успѣли замѣтить?

— Еще бы! Кого только изъ дамъ я не видалъ въ эти дни, всѣ благотворительницы. Что это: вліяніе скуки или мода изъ Петербурга?

— И то, и другое. Впрочемъ, у нѣкоторыхъ есть и искреннее желаніе что-нибудь дѣлать, помочь кому-нибудь. Вы знаете, и я работаю въ попечительствѣ... И не отъ скуки только!— прибавила Маргарита Васильевна.

— И довольны этой дѣятельностью?—удивленно спросилъ Невзгодинъ.

— Все что-нибудь, если нѣтъ другого.

— А вы и благотворительности не одобряете?—неожиданно кинула Аглая Петровна, обращаясь къ Невзгодину.

— Почему же непремѣнно: «и». И почему вамъ кажется, что я ее не одобряю, Аглая Петровна?—съ насмѣшливой улыбкой небрежно спросилъ Невзгодинъ.

Этотъ тонъ и эта улыбка взорвали Аносову. Но она умѣла хорошо владѣть собою и, скрывая раздраженіе, промолвила:

— Да потому, что вы ко всему относитесь пессимистически... Это, впрочемъ, придаетъ извѣстную оригинальность! — иронически прибавила она.

— И не заслуживаетъ вашего милостиваго благоволенія? Но положите гнѣвъ на милость и не сѣките неповинную голову, Аглая Петровна. Если васъ такъ интересуетъ знать, какъ я смотрю на благотворительность, то я почтительнѣйше доложу вамъ, что я ровно ничего не имѣю противъ благотворительныхъ экспериментовъ. Я только позволяю себѣ иногда недоумѣвать...

— Чему?—съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ перебила Аносова.

— Тому, что иногда и неглупые люди хотятъ себя обманывать, воображая, что въ этихъ дѣлахъ панацея отъ всѣхъ золъ, и возводятъ въ перлъ созданія выѣденное яйцо; увѣренные, что они... истинные евангельскіе мытари, а не самые обыкновенные фарисеи.

— А вы развѣ знаете, что они считаютъ себя мытарями? Или вы имѣете даръ угадывать чужія мысли?

— То-то знаю, Аглая Петровна... встрѣчалъ такихъ и среди мужчинъ, и среди женщинъ... И, кромѣ того, имѣю претензію угадывать иногда и чужія мысли!—смѣясь, прибавилъ Невзгодинъ.

— Можно и ошибиться!

— И весьма. Не ошибаются только люди, слишкомъ влюбленные въ свои добродѣтели. А я вѣдь—грѣшникъ и непогрѣшимымъ себя не считаю!—улыбнулся Невзгодинъ. Когда-нибудь

если позволите, мы возобновимъ эту тему, а теперь невозможно. Звенигородцевъ поднялся и призываетъ насъ къ вниманію... Сейчасъ, вѣрно, онъ начнетъ говорить.

Раздался звонъ стакана, по которому стучали ножомъ. Разговоры сразу замолкли. Прекратила свою лекцію и сосѣдка Невзгодина, бросая на него негодующіе взгляды за его сравненіе благотворительной дѣятельности съ выѣденнымъ яйцомъ. Половые убирали тарелки, стараясь не шумѣть. Стали разливать по бокаламъ шампанское. Въ залѣ воцарилась тишина. Юбиляръ торопливо вытеръ бороду, закапанную соусомъ, и, нѣсколько размякшій послѣ утреннихъ поздравленій и послѣ двухъ стакановъ бѣлаго вина, въ ожиданіи рѣчей, уже чувствовалъ себя вполнѣ готовымъ къ умиленію, все еще недоумѣвая, за что его такъ чествуютъ?

«Это все Иванъ Петровичъ устроилъ!»—подумалъ скромный старикъ и, благодарно взглянувъ на Звенигородцева, потупилъ очи въ пустую тарелку.

X.

Возвысивъ свой тенорокъ, Звенигородцевъ просилъ милостивыхъ государынь и государей прослушать нѣкоторыя изъ привѣтственныхъ телеграммъ и писемъ, полученныхъ глубокочтимымъ юбиляромъ изъ разныхъ концовъ Россіи и изъ-за-границы.

— Ихъ такъ много, что всѣ читать займетъ много времени. Ихъ перечтетъ потомъ самъ Андрей Михайловичъ и убѣдится, что не одна Москва цѣнитъ и глубоко уважаетъ его научную и общественную дѣятельность, а вся Россія. Онъ узнаетъ, что и за границей у него есть горячіе почитатели... Я позволю себѣ прочитать только нѣкоторыя.

И когда смолкли рукоплесканія, Звенигородцевъ сталъ читать телеграммы отъ университетовъ, отъ редакцій журналовъ и газетъ, отъ разныхъ обществъ и отъ болѣе или менѣе извѣстныхъ лицъ.

Нѣкоторыя изъ привѣтствій сопровождались рукоплесканіями. Телеграмма Найденова встрѣчена была гробовымъ молчаніемъ.

Перечисливъ затѣмъ фамиліи лицъ, совсѣмъ неизвѣстныхъ, приславшихъ поздравленія юбиляру, Звенигородцевъ торжественно поднесъ весь этотъ ворохъ бумаги юбиляру, положилъ передъ нимъ на столъ и затѣмъ удалился на свое мѣсто, шепнувъ Цвѣтницкому, чтобы тотъ начиналъ.

Тогда поднялся сосѣдъ юбиляра за обѣдомъ, старый профессоръ Цвѣтницкій. Тотчасъ же всталъ и юбиляръ, и, такъ

какъ они очутились близко другъ къ другу, то Цвѣтницкій, плотный, коренастый старикъ, отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ.

— Бѣдняга Косицкій! Неужели онъ будетъ выслушивать всѣ рѣчи стоя! — замѣтилъ Невзгодинъ.

— А то какъ-же, не сидѣть-же ему, когда къ нему обращаются! — отвѣтила Маргарита Васильевна.

Ораторъ, между тѣмъ, откашлялся и началъ слегка вздрагивающимъ, громкимъ, низковатымъ голосомъ:

— Глубокоуважаемый и дорогой мой другъ и товарищъ, Андрей Михайловичъ! Мнѣ выпала честь первому привѣтствовать тебя, и гордый этой честью я тѣмъ не менѣе чувствую, что едва ли смогу выразить съ достаточною силою тѣ чувства глубокаго уваженія и, можно сказать, даже благоговѣнія, которыя невольно внушаешь ты, высокочтимый Андрей Михайловичъ, и своими учеными заслугами, и безупречною своею дѣятельностью, какъ профессоръ и, наконецъ, какъ безупречный, добрый человѣкъ и рѣдкій товарищъ. Обозрѣвая пройденный тобою путь, путь труда и чести, глазамъ моимъ представляется...

И почтенный ораторъ, продолжая въ томъ же нѣсколько приподнятомъ тонѣ, познакомилъ слушателей съ пройденнымъ юбиляромъ путемъ, начиная со студенческаго возраста до настоящаго дня, и такъ какъ путь былъ дологъ, то и рѣчь профессора была нѣсколько длинновата и при этомъ изобиловала такимъ количествомъ прилагательныхъ въ превосходнѣйшихъ степеняхъ, что самъ юбиляръ, хотя и умиленный, тѣмъ не менѣе испытывалъ не малое смущеніе, когда его называли однимъ изъ европейскихъ ученыхъ, рѣдкимъ знатокомъ науки и смѣлымъ борцомъ за правду... И самъ этотъ Левъ Александровичъ Цвѣтницкій, съ которымъ онъ еженедѣльно винтилъ по маленькой и послѣ за ужиномъ выпивалъ бутылочку дешевенькаго бѣленькаго вина, никогда не заикаясь о наукѣ, отъ которой они оба, признаться-таки, давненько отстали, — казался ему другимъ Львомъ Александровичемъ, не настоящимъ, довольно-таки прижимистымъ и практическимъ человѣкомъ, съумѣвшимъ получить казенную квартиру раньше, чѣмъ онъ, — а какимъ-то возвышеннымъ и торжественнымъ и необыкновенно добрымъ.

И когда онъ, наконецъ, кончилъ, пожелавъ юбиляру на долго оставаться еще «гордостью московскаго университета и однимъ изъ лучшихъ людей Москвы», то Андрей Михайловичъ почувствовалъ нѣкоторое облегченіе и, растроганный, поцѣловавшись съ ораторомъ, проговорилъ:

— Ну ужъ ты того, Левъ Александрычъ... Хватилъ, братъ...

— Ты, заслужилъ, Андрей Михайловичъ. Заслужилъ, братъ. Я хоть и плохой ораторъ, но за то отъ души! — отвѣчалъ Цвѣтницкій.

Подъ впечатлѣніемъ-ли собственной рѣчи и вообще торжественности обстановки или, быть можетъ, и нѣсколькихъ рюмокъ водки за закуской и хереса послѣ супа, но дѣло только въ томъ, что положительный и вообще мало чувствительный профессоръ (что особенно хорошо знали студенты во время экзаменовъ) внезапно почувствовалъ себя нѣсколько растроганнымъ и ощутилъ приливъ нѣжности къ «другу», котораго въ обыкновенное время частенько-таки поносилъ за глаза.

И, смахивая толстымъ пальцемъ съ глазъ слезу, прибавилъ:

— Ты, Андрей Михайлычъ, скроменъ, а ты, собственно говоря, замѣчательный человѣкъ!

Публика, между тѣмъ, въ знакъ благодарности за окончаніе длинной и скучноватой рѣчи, наградила оратора умѣренными аплодисментами.

— Ну, что, понравилась рѣчь? Будете еще слушать? — иронически спрашивала Невзгодина Маргарита Васильевна.

— Плоха. Ораторъ пересолилъ даже и для москвича. Косицкій навѣрное сконфузился, узнавши, что онъ европейскій ученый. Бѣдный! Ему опять не даютъ покоя! — замѣтилъ Невзгодинъ.

Дѣйствительно, къ юбиляру подходили со всѣхъ сторонъ, чтобы чокнуться. И онъ благодарилъ, пожимая руки и цѣлуясь съ коллегами и болѣе близкими знакомыми. Ему то и дѣло подливали въ бокалъ шампанскаго.

— Сколько приметъ онъ сегодня поцѣлуевъ! — замѣтила, усмѣхнувшись, Маргарита Васильевна.

— Цѣловаться — московскій обычай.

— И ругать тѣхъ, кого только-что цѣловали, тоже московскій обычай. Профессора его свято держатся.

— Ужъ вы слишкомъ на нихъ нападаете, Маргарита Васильевна... Косицкаго къ тому-же всѣ любятъ...

— Я вѣдь знаю эту среду. Насмотрѣлась.

— И что-же?..

— Лицемѣры и сплетники не хуже другихъ... Косицкаго любятъ, а послушали бы, что про него говорятъ его же друзья...

— Смотрите, Маргарита Васильевна! «Матримоніальное право» направляется къ своему вѣрноподданному.

— Кого это вы такъ зовете?

— Такъ въ мое время студенты звали жену Андрея Михайлыча. Вы съ ней знакомы?

— Нѣтъ.

— Ну и бабецъ... я вамъ скажу!.. Она хочетъ, кажется, дать представленіе: публично расцѣловать Андрея Михайлыча. Она вѣдь дама отважная, я ее знавалъ!

Но этого не случилось.

Правда, монументальная, вся сіяющая и торжественная

профессорша съ самымъ рѣшительнымъ видомъ подошла къ юбиляру, но, повидимому, не имѣла намѣренія засвидѣтельствовать публичнымъ поцѣлуемъ свою преданность и любовь.

Она невольно взглянула сверху внизъ съ нѣкоторымъ, не лишеннымъ восторженности, изумленіемъ на своего крошечнаго передъ нею Андрея Михайловича, котораго считала не только не орломъ, а скорѣе вороной, и который вдругъ оказался, по словамъ Цвѣтницкаго, такимъ знаменитымъ человѣкомъ,—и съ чувствомъ проговорила:

— Твое здоровье, Андрей Михайлычъ! Какъ я счастлива за тебя!

Она отхлебнула изъ бокала и, словно боясь, какъ бы «знаменитый человѣкъ» не возгордился послѣ юбилея и не вышелъ изъ ея повиновенія, внушительно прибавила, понижая до шопота свой густой низкій голосъ:

— Бороду оботри... На ней крошки... Да не пей много... Раскиснешь!

— Оботру, Варенька... Я не много, Варенька... И я чувствую себя отлично, Варенька!—покорно отвѣтилъ Андрей Михайловичъ и тотчасъ же сталъ перебирать бороду своими маленькими костлявыми пальцами.

Убѣдившись, что слава не испортила юбиляра, она улыбнулась ему такой пріятной улыбкой, какую онъ видѣлъ изрѣдка и всегда только при публикѣ, и вернулась на свое мѣсто.

Присѣлъ, наконецъ, и юбиляръ. Но, увы, сидѣть ему пришлось недолго.

Вслѣдъ за Цвѣтницкимъ говорили рѣчи еще два профессора и—надо отдать справедливость—не особенно злоупотребили вниманіемъ юбиляра и многочисленныхъ слушателей. Вѣроятно, въ качествѣ профессоровъ другихъ факультетовъ (одинъ былъ математикъ, другой—химикъ) они упомянули о научныхъ заслугахъ Андрея Михайловича въ общихъ чертахъ, не переходя предѣловъ юбилейнаго славословія, и не приводили въ смущеніе юбиляра гиперболическими сравненіями.

Стремительно поднявшійся со стула послѣ нихъ Иванъ Петровичъ Звенигородцевъ началъ съ того, что скромно, потупивъ свои глазки въ тарелку, просилъ у юбиляра позволенія сказать «всего нѣсколько словъ», а говорилъ, однако, по крайней мѣрѣ, съ четверть часа, заставивъ половыхъ, только что вошедшихъ съ блюдами жаркого, замереть въ неподвижныхъ позахъ и слушать вмѣстѣ съ публикой, съ какою необыкновенною легкостью выбрасывалъ онъ періоды за періодами, одинъ другого глаже, закругленнѣе и красивѣе, съ тою нѣжною, почти вкрадчивою интонаціей своего мягкаго тенорка, которая пріятно ласкала слухъ, придавая рѣчи тонъ задушевности. При этомъ ни одной затруднительной паузы, ни малѣй-

шей запинки, словно бы въ горлѣ Звенигородцева помѣщался исправный органчикъ, исполнявшій только что заведенное попури.

Его рѣчь именно представляла собою легонькое попури, которое и юбиляръ, и присутствующая публика слушали съ удовольствіемъ, хотя и затруднились бы передать содержаніе этой музыки пріятныхъ, красивыхъ и подчасъ хлесткихъ фразъ, касавшихся слегка всевозможныхъ темъ. Восхваляя юбиляра, какъ одного изъ стойкихъ и энергичныхъ хранителей завѣтовъ и носителей идеаловъ, не погасившаго въ себѣ духа, ораторъ затѣмъ говорилъ обо всемъ понемногу: о завѣтахъ Грановскаго, объ идеалахъ лучшихъ людей, о наукѣ, о правдѣ въ жизни и жизни въ правдѣ, объ обществахъ грамотности, юридическомъ и психологическомъ, въ которыхъ юбиляръ работаетъ, не покладая рукъ, объ интеллигенціи и народѣ, о литературѣ, искусствѣ и поэзіи и о любви москвичей къ своимъ избраннымъ людямъ, какъ глубокочтимый юбиляръ. Сравнивъ затѣмъ его дѣятельность съ яркимъ огонькомъ маяка, который, во мракѣ ночи, служитъ предостерегательной звѣздочкой для пловцовъ, ораторъ весьма ловко перешелъ къ пожеланію, чтобы у насъ было бы побольше такихъ огоньковъ, ярко свѣтящихся среди мрака нашей жизни, и эффектно закончилъ слѣдующей тирадой:

— И тогда, господа, будетъ кругомъ свѣтлѣе, и тогда скорѣе наступитъ царство знанія и красоты, добра и правды... Такъ поднимемъ же наши бокалы за одного изъ лучшихъ и достойнѣйшихъ представителей этихъ вѣчныхъ началъ, безъ которыхъ такъ несовершенна, такъ безплодна жизнь, за дорогого нашего Андрея Михайловича!

И съ этими словами Иванъ Петровичъ, съ поднятымъ бокаломъ въ рукѣ, побѣжалъ цѣловать юбиляра, и въ ту же минуту половые стали разносить жаркое.

Любимому оратору, часто доставлявшему удовольствіе своими рѣчами, благодарные москвичи дружно поаплодировали. Многіе подходили пожать ему руку за прочувствованную рѣчь, а одинъ изъ его пріятелей назвалъ его Гамбеттой.

Сосѣдка Невзгодина пришла просто въ восторгъ и громко удивлялась способности Ивана Петровича говорить такъ просто, задушевно и краснорѣчиво.

— Иванъ Петровичъ мастеръ! Онъ когда угодно скажетъ рѣчь!—замѣтилъ кто-то блатотворительной дамѣ, тоже не лишенной способности говорить безъ удержа о благотворительности.

— Разбудите Ивана Петровича ночью и попросите рѣчь — онъ мигомъ ее произнесетъ!—подтвердилъ какой-то господинъ.

Наступила маленькая передышка. Всѣ занялись жаркимъ.

Почтенный юбиляръ, пользуясь перерывомъ, пришелъ нѣсколько въ себя и торопливо жевалъ остатками своихъ зубовъ рябчика.

— А вѣдь хорошо, Андрей Михайлычъ! — шепнулъ его другъ Цвѣтницкій, только что покончившій изрядный кусокъ индѣйки и запившій ее шампанскимъ.—Отлично, братъ!—прибавилъ онъ, дружески потрепавъ Андрея Михайловича по колѣнкѣ своею широкою волосатою рукой.

Юбиляръ растроганно улыбнулся и положилъ себѣ салату.

— И, главное, знаешь-ли что?

— Что, голубчикъ?

— А то, что на твоемъ юбилеѣ нѣтъ никакой натянутости. Просто и задушевно. И все хорошіе люди собрались... Не бойсь, Неждановъ не осмѣлился... И многіе другіе... Знаютъ, что имъ не мѣсто здѣсь...

— Да... это ты вѣрно: именно задушевно. Ужъ я и не знаю, за что я удостоился такой чести... Просто—не могу понять... И утромъ... эти адреса... Отъ товарищей, отъ студентовъ... За что?

— Не скромничай, Андрей Михайлычъ. Значитъ, есть за что... Ты во всякомъ случаѣ величина... понимаешь — сила, крупная величина! Повѣрь мнѣ... Я кое-что понимаю... Я не дуракъ, надѣюсь!—вызывающе прибавилъ нѣсколько заплетающимся языкомъ коренастый профессоръ, основательно знакомившійся, во время рѣчей, съ винами разныхъ сортовъ.

— Что ты, что ты, Левъ Александрычъ!.. Ты вѣдь у насъ... слава Богу... извѣстный умница.

— И живи, мы, напримѣръ, съ тобою во Франціи или въ Англіи, Андрей Михайлычъ, мы бы...

Профессоръ многозначительно улыбнулся...

— Мы бы... давно были министрами, Андрей Михайлычъ... Вотъ что я тебѣ скажу, дорогой мой коллега!—самоувѣренно досказалъ профессоръ и налилъ себѣ и юбиляру шампанскаго, предлагая выпить.

Въ это время среди шумнаго говора раздалось чье-то громкое восклицаніе:

— Николай Сергѣичъ хочетъ говорить... Николай Сергѣичъ!

— Николай Сергѣичъ будетъ говорить!—повторило нѣсколько голосовъ и мужскихъ и женскихъ.

— Тсс, тсс!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

Въ залѣ, почти мгновенно, наступила мертвая тишина.

Всѣ глаза устремились на статную, высокую фигуру Зарѣчнаго и обратили вниманіе на то, что Николай Сергѣевичъ, обыкновенно спокойный передъ своими рѣчами, сегодня, казалось, былъ взволнованъ. Лицо его слегка поблѣднѣло и было напряженно серьезно. Брови нахмурились, и полноватая рука

нервно теребила бороду. Въ блестѣвшихъ красивыхъ глазахъ было что-то вызывающее.

Одна только Маргарита Васильевна не глядѣла на мужа. Она опустила глаза и уже заранѣе относилась враждебно къ тому, что будетъ говорить мужъ.

Многія дамы бросали завистливые взгляды на счастливицу, у которой мужъ такой замѣчательный человѣкъ и такой красавецъ и при томъ влюбленный въ нее, и находили, что она недостаточно цѣнитъ такого мужа.

Взглянула на Маргариту Васильевну и Аносова. Взглянула и, точно окончательно разрѣшившая свои сомнѣнія, отвела взглядъ и, слегка подавшись впередъ своимъ роскошнымъ бюстомъ, приготовилась слушать, внимательная и серьезная, чувствуя себя вполнѣ одинокой среди этой толпы, гдѣ у нея было такъ много знакомыхъ.

«А Зарѣчный сила въ Москвѣ, и какъ здѣсь его почитаютъ!» — невольно думалъ Невзгодинъ, замѣчая общее напряженное вниманіе и восторженныя лица у многихъ дамъ и молодыхъ людей.

Прошла небольшая пауза, и Зарѣчный, бросивъ взглядъ на жену, началъ свою рѣчь, обращаясь къ юбиляру, но говоря ее исключительно для Риты.

XI.

Слегка вибрирующимъ отъ волненія, но увѣреннымъ и звучнымъ голосомъ, хорошо слышнымъ въ дальнихъ концахъ зала, Зарѣчный сказалъ, что не станетъ повторять ни объ ученыхъ заслугахъ юбиляра, ни объ его отзывчивости на все хорошее и честное, ни объ его скромности и добротѣ. Объ этомъ говорили другіе, и это всѣмъ извѣстно.

— Но я считаю долгомъ обратить особенное вниманіе всѣхъ здѣсь собравшихся почитателей вашихъ, Андрей Михайловичъ, — продолжалъ ораторъ, слегка повышая тонъ и словно бы подчеркивая, — на нѣчто другое и, по моему мнѣнію, болѣе важное съ общественной точки зрѣнія, — это на то скромное, некрикливое и въ то же время воистину мужское упорство, съ какимъ вы шли по трудному и нерѣдко даже тернистому пути профессора, не поступаясь своими завѣтными убѣжденіями и стараясь, по скольку это было возможно, проводить свои принципы и во всякомъ случаѣ трусливо не таили ихъ даже и тогда, когда приложеніе ихъ не всегда могло имѣть мѣсто. Надо, повторяю, имѣть неистощимый запасъ любви къ своему дѣлу и много нравственнаго мужества, чтобы въ теченіе тридцати лѣтъ, не смотря на неблагопріятныя подчасъ условія,

являющіяся нерѣдко непрошенными спутниками дѣятельности порядочныхъ людей, не покидать, какъ доблестный часовой, своего обязывающаго поста и высоко держать свѣточъ знанія, охраняя независимость науки, по крайней мѣрѣ, въ своей аудиторіи. И—что всего удивительнѣе—долгіе годы трудового служенія не иссушили васъ, не сдѣлали равнодушнымъ къ добру и злу. Вы не растеряли на жизненномъ пути своихъ идеаловъ, не предавали ихъ страха ради іудейска, увеличивая собою ряды маловѣровъ и отступниковъ, и, случалось, переживали трудныя времена, когда торжествующими идеалами были не ваши, не падали духомъ отъ того, что такихъ, какъ вы, мало, а малодушныхъ — большинство. Такимъ образомъ, вы, Андрей Михайловичъ, всей своей дѣятельностью даете всѣмъ намъ поучительный примѣръ настоящаго пониманія общественнаго долга и блестящее рѣшеніе этическаго вопроса, являющагося для многихъ мучительнымъ и спорнымъ, а для нѣкоторыхъ теоретиковъ и мечтателей, знающихъ жизнь только по книгамъ и думающихъ, что она легко укладывается въ безпредѣльности героическихъ, но безплодныхъ стремленій, къ сожалѣнію, и поводомъ къ несправедливымъ и оскорбительнымъ обвиненіямъ. Вопросъ этотъ старъ, какъ міръ: что лучше и плодотворнѣе—дѣлать-ли возможно хорошее, хотя быть можетъ и не въ полномъ его объемѣ, являясь скромнымъ работникомъ небольшого, но честнаго дѣла, или же, усомнившись въ возможности сдѣлать желательное, бросить любимое дѣло и горделиво отойти, потѣшивъ на время себя призракомъ геройства, въ сущности никому не нужнаго и безплоднаго? Нѣсколько поколѣній вашихъ учениковъ, обязанныхъ вамъ не одними только знаніями, и вашъ сегодняшній праздникъ — краснорѣчивый отвѣтъ на этотъ вопросъ!

Взрывъ бурныхъ рукоплесканій не далъ продолжать Зарѣчному. Слова его, видимо, нравились, отвѣчая настроенію и взглядамъ большинства слушателей. Каждый какъ будто внутренно удовлетворялся и придавалъ еще большую значительность и своимъ маленькимъ дѣламъ, и своимъ маленькимъ стремленіямъ, и всей своей безмятежно-эгоистической жизни.

Невзгодинъ впервые слушалъ Зарѣчнаго.

Далеко не изъ его поклонниковъ, онъ съ первыхъ же словъ молодого профессора почувствовалъ силу его таланта и съ возраставшимъ вниманіемъ слушалъ оратора, отдаваясь, какъ художникъ, обаянію и самой рѣчи, и гибкаго, выразительнаго и, по временамъ, страстнаго голоса Зарѣчнаго.

«Pro doma sua!» подумалъ онъ и взглянулъ на Маргариту Васильевну.

И она, казалось, внимательно слушала мужа.

Когда смолкъ взрывъ рукоплесканій, и снова воцарилась

тишина, Зарѣчный, казалось, еще съ большей страстностью и съ большимъ краснорѣчіемъ продолжалъ развивать ту-же тему. Онъ снова говорилъ о безполезности и вредѣ безсмысленнаго геройства, хотя и допускалъ, что бываютъ такіе случаи, когда должно принести въ жертву даже любовь къ дѣлу. Онъ пользовался юбиляромъ, приписывая ему, уже осовѣвшему отъ умиленія, ту борьбу въ минуты сомнѣній между желаніемъ бросить все и чувствомъ долга, которой въ дѣйствительности почтенный Андрей Михайловичъ никогда не испытывалъ, не имѣя ни малѣйшаго желанія «бросать все» и быть изведеннымъ супругой; и мудрость змія, и чистоту горлицы, и тѣ соображенія о наукѣ и объ оставленіи молодежи безъ настоящаго руководительства, которыя будто-бы удерживали юбиляра на его посту въ тяжелыя минуты унынія; соображенія, которыхъ Андрей Михайловичъ никогда не имѣлъ, а просто тянулъ добросовѣстно лямку, не дѣлая никому зла по своему добродушію.

Когда Николай Сергѣевичъ кончилъ, въ залѣ стоялъ гулъ отъ рукоплесканій. Дамы махали платками. Почти всѣ поднялись со своихъ мѣстъ и спѣшили пожать руку Зарѣчнаго. Вездѣ раздавались восклицанія восторга. Ему устроили овацію.

— Превосходная рѣчь. Я иду пожать руку вашему талантливому мужу, Маргарита Васильевна!—проговорила нѣсколько возбужденная Аглая Петровна.

И, поднимаясь, спросила:

— А вы не пойдете?

— Нѣтъ.

— А ваше сочувствіе, я думаю, ему дороже сочувствія всѣхъ насъ!—полушутя кинула Аносова и тихо двинулась, степенно и величаво отвѣчая на поклоны знакомыхъ.

— Ну, а вы что скажете о рѣчи мужа, Василій Васильичъ?

— У вашего мужа ораторскій талантъ. Рѣчь талантлива по формѣ.

— А содержаніе?

— Спеціально отечественное. Оправданіе получки жалованья возвышенными соображеніями.

— А всѣ въ восторгѣ.

Въ это время не вдалекѣ отъ нихъ раздался громкій голосъ высокаго старика съ большой сѣдой бородой, который, обращаясь къ сидѣвшей съ нимъ рядомъ молоденькой дѣвушкѣ, произнесъ:

— Я помню, Ниниша, какъ въ этой же самой залѣ говорилъ Пироговъ на своемъ юбилеѣ. Онъ не то говорилъ, что говорятъ нынче молодые профессора.

Невзгодинъ и Маргарита Васильевна прислушивались.

— А что онъ, папочка, говорилъ?

— Многое, но особенно живо врѣзались въ моей памяти слѣдующія слова Пирогова, обращенныя къ профессорамъ: «Поступитесь вашимъ служебнымъ положеніемъ, пожертвуйте тѣмъ, что дается зависимостью положенія, и вы получите полную свободу мысли и слова!»... Теперь даютъ совсѣмъ другіе совѣты!—негодующее прибавилъ старикъ.

— Не всѣ въ восторгѣ, Маргарита Васильевна. Кто этотъ старикъ?

— Развѣ вы не знаете—это Лунишевъ. Интересный старикъ. Бывшій профессоръ, потомъ доброволецъ-солдатъ въ крымскую войну, затѣмъ гарибальдіецъ и съ тѣхъ поръ непримиримый земецъ.

Между тѣмъ, снова начались рѣчи, но уставшій юбиляръ слушалъ ихъ сидя, и публика послѣ Зарѣчнаго уже не съ прежнимъ вниманіемъ слушала ораторовъ.

Встали изъ-за стола часовъ въ десять, и Маргарита Васильевна тотчасъ же уѣхала. Невзгодинъ проводилъ ее до подъѣзда и обѣщалъ заѣхать къ ней на другой же день.

Возвратившись въ залу, онъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ Аносовой.

При видѣ Невзгодина Аглая Петровна, казалось, была изумлена, и съ ея губъ сорвалось:

— А я думала...

— Что вы думали?

— Что вы уѣхали, какъ только скрылась Маргарита Васильевна!—насмѣшливо кинула Аносова.

— Какъ видите, вы ошиблись. Я только проводилъ Маргариту Васильевну. Мнѣ еще хочется посмотрѣть, что здѣсь дѣлается.

— Опять говорятъ рѣчи. Замучили Андрея Михайлыча. Ну прощайте, и я уѣзжаю.

И внезапно поднимая на Невзгодина взглядъ, полный чарующей ласковости, она крѣпко пожала его руку и тихо бросила:

— Пріѣзжайте же поскорѣй ко мнѣ. Я очень буду рада васъ видѣть и съ вами поспорить.

Проговоривъ эти слова, она вспыхнула и торопливо вышла изъ залы.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

К. Станюковичъ.

Среди ночи и льда.

Норвежская полярная экспадиція 1893—96 гг.

Фритьофа Нансена.

Вторникъ, 16-го января. Сегодня ледъ спокоенъ. Притупляетъ ли страстное желаніе чувствительность, или же само по себѣ это желаніе постепенно сглаживается и переходитъ въ отупѣніе? О, это жгучее стремленіе, которое я испытывалъ днемъ и ночью, было блаженствомъ! Теперь же его пламя превратилось въ ледъ. Почему родина кажется мнѣ теперь такой далекой? Она составляетъ жизненный нервъ человѣка и безъ нея жизнь кажется такой пустой и одинокой; ничего кромѣ могильной пустоты! Ужъ не весна-ли это порождаетъ безпокойство въ человѣкѣ, вызываетъ въ немъ стремленіе къ дѣятельности, къ чему нибудь отличному отъ этой безпечной, разслабляющей жизни? Не представляетъ ли душа человѣка только послѣдовательную смѣну настроеній и чувствованій, мѣняющихся столь же неожиданно, какъ вѣтеръ? Можетъ быть мой мозгъ переутомился, такъ какъ мои мысли были направлены и днемъ и ночью на одинъ и тотъ же пунктъ: достигнуть полюса и снова вернуться домой. Быть можетъ я нуждаюсь только въ покоѣ, въ снѣ? Боюсь ли я жизни? Нѣтъ, этого не можетъ быть!

Но что же меня гнететъ? Быть можетъ тайныя сомнѣнія въ исполнимости моего плана? Мой умъ смущенъ и все пришло въ безпорядокъ; я самъ составляю для себя загадку. Я усталъ, хотя и не чувствую утомленія. Быть можетъ это оттого, что я вчера вечеромъ долго читалъ? Вокругъ меня образовалась какая то пустота и мой умъ представляетъ какъ будто чистый листъ. Я смотрю на картины, изображающія родину, но онѣ какъ то мало меня трогаютъ, я думаю о будущемъ, но мнѣ какъ будто довольно безразлично, вернусь ли я теперь или будущею осенью. Если мнѣ вообще суждено когда нибудь вернуться, то одинъ годъ или два уже не идутъ въ счетъ.

Прежде я такъ не думалъ. Теперь у меня нѣтъ никакого желанія читать, рисовать или вообще что нибудь дѣлать. Глупости! Не попробовать ли мнѣ прочесть нѣсколько страницъ изъ Шопен-

гауэра? Нѣтъ, пойду лягу, хотя мнѣ и не хочется вовсе спать. Быть можетъ, еслибъ истина была мнѣ извѣстна, то меня бы охватило такое сильное желаніе, какого я не испытывалъ никогда.

Единственное, что мнѣ помогаетъ—это писаніе, попытка высказаться на этихъ листкахъ и взглянуть, такъ сказать, на себя самого извнѣ. Да, человѣческая жизнь ничто иное, какъ рядъ послѣдовательныхъ измѣненій душевнаго настроенія, наполовину воспоминаній, на половину надеждъ.

Четвергъ, 18-го января. Юговосточный вѣтеръ, начавшійся вчера вечеромъ, продолжался цѣлый день со скоростью 5—6 метровъ въ секунду. Онъ, безъ сомнѣнія, подвинулъ насъ довольно далеко къ сѣверу, но къ вечеру началъ спадать и около полуночи скорость его была не болѣе 4 метровъ. Барометръ, поднимавшійся все время, вдругъ началъ падать. Будемъ надѣяться, что мимо насъ не пройдетъ циклонъ и не принесетъ съ собою сѣвернаго вѣтра. Замѣчательно, что при болѣе сильномъ вѣтрѣ почти всегда наблюдается повышеніе термометра; сегодня онъ поднялся почти до 25° С. Южный вѣтеръ меньшей скорости вызываетъ обыкновенно паденіе температуры, а умѣренный сѣверный вѣтеръ поднимаетъ ее. Пайеръ объясняетъ это повышеніе температуры тѣмъ, что при сильныхъ вѣтрахъ воздухъ, проходя черезъ большія отверстія во льду, согрѣвается. Но это врядъ ли справедливо, по крайней мѣрѣ въ нашемъ случаѣ этого нѣтъ, такъ какъ вблизи насъ очень мало или даже почти нѣтъ отверстій. Скорѣе я склоненъ думать, что повышеніе температуры вызывается тѣмъ, что воздухъ изъ верхнихъ слоевъ спускается до поверхнотти земли. Безъ всякаго сомнѣнія верхніе слои атмосферы теплѣе глубже лежащихъ, которые приходятъ въ соприкосновеніе съ охладившимися посредствомъ лучеиспусканія, покрытыми снѣгомъ и льдомъ поверхностями. Наши наблюденія указываютъ, что это именно такъ и есть. Воздухъ при своемъ паденіи согрѣвается вслѣдствіе усиливающагося давленія. Сильный вѣтеръ, даже если онъ и не изъ верхнихъ слоевъ атмосферы происходитъ, необходимо долженъ вызвать нѣкоторый безпорядокъ въ относительномъ расположеніи различныхъ слоевъ и смѣшать верхніе съ нижними и наоборотъ.

Прошлою ночью мнѣ приснился удивительный сонъ. Я вернулся домой. До сихъ поръ еще я ощущаю трепетное чувство радости, соединенной со страхомъ, съ которымъ я приближался къ первой телеграфной станціи на берегу. Я выполнилъ свой планъ; мы достигли сѣвернаго полюса и вернулись къ землѣ Франца-Іосифа. Я ничего не видалъ, кромѣ пловучаго льда, и когда меня люди спрашивали, какъ мы узнали, что находимся на полюсѣ, то я не могъ дать никакого отвѣта. Я забылъ произвести точныя наблюденія и теперь только сообразилъ, что это было съ моей стороны очень глупо.

Очень странно, что мнѣ приснился такой же точно сонъ, какой

я видѣлъ однажды, когда мы плыли на льдинѣ вдоль восточнаго берега Гренландіи и думали, что насъ уноситъ все дальше и дальше отъ нашей цѣли; мнѣ тогда снилось, что я вернулся домой, пройдя по льду поперегъ Гренландіи, но я совѣстился этого, потому что ровно ничего не могъ сообщить, о томъ, что я видѣлъ во время пути; я все позабылъ. Не слѣдуетъ ли считать счастливымъ предзнаменованіемъ это сходство обоихъ сновидѣній? Я достигъ тогда цѣли, какъ ни плохи были мои шансы, быть можетъ и теперь будетъ тоже самое?

Будь я суевѣренъ, я питалъ бы большую увѣренность въ успѣхѣ, но и теперь я всетаки твердо убѣжденъ, что предпріятіе мое удастся. Такая увѣренность вызывается во мнѣ не только южнымъ вѣтромъ, который дуетъ непрерывно вотъ уже два дня, но гораздо больше внутреннимъ голосомъ, нашептывающимъ мнѣ, что мы будемъ имѣть успѣхъ. Я даже самъ смѣюсь надъ собою, что былъ такъ слабъ и могъ въ этомъ сомнѣваться. Я могу цѣлыми часами смотрѣть на огонь и мечтать о томъ, какъ я, дрожа отъ волненія и ожиданія, отправился искать ближайшую телеграфную станцію на берегу, посылать одну депешу за другой и распрашивать телеграфиста о всѣхъ новостяхъ съ родины.

Пятница, 19-го января. Чудный вѣтеръ со скоростью 4—9 метровъ въ секунду; мы быстро двигаемся къ сѣверу. Въ полдень становится настолько свѣтло, что будь мы въ болѣе южной широтѣ, то могли бы каждую минуту ожидать появленія солнца надъ горизонтомъ во всемъ блескѣ и великолѣпіи. Но намъ придется ждать этого еще съ мѣсяцъ.

Суббота, 20-го января. Я приказалъ вынести изъ трюма 270 килограммъ пеммикана *) и 90 килограммъ хлѣба и сложить это въ носовой части судна. Было бы неразумно не имѣть никакихъ запасовъ на палубѣ на случай внезапной необходимости, напримѣръ, если бы произошелъ пожаръ.

Воскресенье, 21-го января. Мы предприняли дальнюю прогулку на сѣверозападъ. И въ этомъ направленіи также ледъ оказался довольно плоскимъ. Мы съ Свердрупомъ вскарабкались на высокій ледяной холмъ, образовавшійся вслѣдствіе напора на нѣкоторомъ разстояніи отъ судна. Этотъ холмъ находился въ самомъ центрѣ сильнаго давленія, но тѣмъ не менѣе ледяная стѣна не превышала въ своей высшей точкѣ пяти метровъ, хотя это и была одна изъ самыхъ высокихъ, какія я видѣлъ до сихъ поръ.

Вычисленіе высоты луны, сдѣланное вчера вечеромъ, указываетъ, что мы находимся подъ 79°35′ сѣв. широты, совершенно такъ, какъ я предполагалъ. Мы уже такъ привыкли теперь разсчитывать теченіе на основаніи вѣтра, что въ состояніи почти навѣрное опре-

---

*) Сушенное мясо бизона, заготовляемое на зиму сѣвероамериканскими индѣйцами.

дѣлить, гдѣ находимся. Мы опять сдѣлали хорошій шагъ впередъ въ сѣверномъ направленіи: еслибъ такъ шло и дальше! Въ честь дня рожденія короля у насъ было сегодня угощеніе изъ фигъ, изюма и миндаля.

Вторникъ, 23 го января. Когда я сегодня утромъ взошелъ на палубу, то увидалъ, что «Кайфасъ» сидитъ на льду у кормы и повернувшись къ востоку, лаетъ, не переставая. Предполагая, что тамъ что нибудь да есть, я взялъ револьверъ и спустился на ледъ. Свердрупъ слѣдовалъ за мною также съ револьверомъ. Когда я приблизился къ собакѣ, то она встала и побѣжала впередъ по направленію къ востоку; очевидно, тамъ находился какой нибудь звѣрь и, конечно, это могъ быть только медвѣдь.

Полная луна, красуясь въ сѣверной части неба, казалась красного цвѣта. Ея слабые лучи косвенно освѣщали разломанную поверхность льда. Я смотрѣлъ по всѣмъ направленіямъ черезъ холмы, бросавшіе длинныя и разнообразныя тѣни, но въ этомъ хаосѣ ничего не могъ разглядѣть. Мы пошли дальше. Кайфасъ бѣжалъ передъ нами, ворча и лая и насторожившъ уши; я же слѣдовалъ за нимъ, ожидая каждую минуту, что вотъ передъ нами появится медвѣдь.

Нашъ путь направлялся къ востоку, вдоль канавы. Вдругъ собака стала выказывать большую осторожность. Наконецъ она остановилась, издавая глухое ворчаніе; мы, значитъ, приблизились къ звѣрю. Я вскарабкался на ледяной холмъ, чтобы осмотрѣться, и замѣтилъ между двумя ледяными глыбами что то темное, что, повидимому, къ намъ приближалось.

— Это какая то черная собака, крикнулъ я.

— Нѣтъ, это медвѣдь, возразилъ Свердрупъ, стоявшій сбоку и поэтому лучше видѣвшій.

Я тоже разглядѣлъ наконецъ, что это былъ большой звѣрь и то, что я принялъ за собаку, была его голова; своими движеніями онъ походилъ на медвѣдя, но цвѣтъ его какъ будто былъ темнѣе. Я выхватилъ револьверъ изъ кармана и бросился впередъ, чтобъ пустить звѣрю нѣсколько пуль въ голову, но когда я былъ отъ него на разстояніи всего лишь нѣсколькихъ шаговъ и собирался стрѣлять, онъ вдругъ поднялъ голову и тогда я увидалъ, что это моржъ. Въ ту же самую минуту онъ бросился въ сторону, въ воду. Мы остановились. Стрѣлять въ этого молодца изъ револьвера было бы все равно, что опрыскивать гуся водой. Тотчасъ же послѣ того большая черная голова снова показалась въ полосѣ луннаго свѣта, видиѣвшейся на темной поверхности воды. Звѣрь долго смотрѣлъ на насъ, потомъ на минуту исчезъ подъ водой и снова появился поближе къ намъ, ныряя и фыркая и то появляясь, то исчезая подъ водой. Еслибъ только у насъ былъ гарпунъ, я бы легко могъ запустить его въ спину звѣря. Да, если-бъ былъ... Мы побѣжали назадъ на «Fram», чтобъ принести оттуда ружье и гарпунъ, но гарпуны вмѣстѣ съ веревкой были уложены и найти ихъ было не такъ-то

легко. Кто-же могъ подумать, что они могутъ намъ здѣсь понадобиться? Притомъ вѣдь гарпунъ надо было еще отточить, а это также беретъ время.

Несмотря на всѣ наши поиски вдоль канавы къ востоку и западу, мы больше не нашли моржа. Богъ вѣсть куда онъ дѣвался: на большомъ пространствѣ въ окружности не было видно ни одного отверстія во льду. Тщетно досадовали мы съ Свердрупомъ на себя, что не догадались сразу, что это былъ за звѣрь, такъ какъ тогда моржъ былъ бы въ нашихъ рукахъ. Но кто же могъ ожидать, что мы наткнется на моржа, посреди пустыннаго, покрытаго льдомъ моря, на 1800 метрахъ глубины и притомъ въ серединѣ зимы? Никто изъ насъ ни о чемъ подобномъ не слыхивалъ прежде и это было настоящимъ чудомъ.

Такъ какъ я думалъ, что мы, быть можетъ, попали на мелкое мѣсто, вблизи берега, то сдѣланъ былъ промѣръ, но лотъ длиною въ 240 метровъ дна не достигъ.

Согласно вчерашнимъ наблюденіямъ мы находимся теперь подъ 79°41′ сѣв. широты и 135°29′ восточной долготы, это большой прогрессъ, и то, что мы нѣсколько подвинулись къ западу, особеннаго значенія не имѣетъ. Сегодня вечеромъ видно какъ несутся облака, гонимыя сильнымъ южнымъ вѣтромъ, который вѣроятно скоро и насъ потащитъ дальше, но теперь пока бриза, дующая съ юга, очень слаба, такъ что едва ощутима.

Среда, 24-го января. За ужиномъ Педеръ разсказывалъ намъ разныя удивительныя исторіи про Новую Землю и своего товарища Андреаса Бека.

— Видите ли, разъ мы съ Андреасомъ наткнулись на берегу на могилы. Мы подумали, что не худо бы посмотрѣть, что тамъ такое есть, и потому разломали нѣсколько гробовъ. У нѣкоторыхъ покойниковъ еще сохранилось мясо на подбородкѣ и носу и даже шапки остались на головѣ. Андреасъ, видите ли, былъ отпѣтый малый, онъ разломалъ гробы, вытащилъ оттуда черепа и сталъ катать ихъ, а изъ нѣкоторыхъ сдѣлалъ цѣль и стрѣлялъ въ нихъ. Потомъ ему захотѣлось посмотрѣть, сохранился ли въ костяхъ костный мозгъ; онъ взялъ бедренную кость и разломалъ ее, и дѣйствительно тамъ оказался мозгъ. Онъ взялъ деревянную палочку и выковырялъ его оттуда.

— Какъ же онъ рѣшился?

— О, вѣдь онъ былъ, знаете, голландецъ. Но въ эту ночь ему приснился дурной сонъ. Къ нему явились мертвецы и хотѣли забрать его, но онъ бросился отъ нихъ бѣжать и взобрался на бугшпритъ, гдѣ онъ сидѣлъ и страшно кричалъ, а мертвецы стояли на бакѣ. Одинъ изъ нихъ со сломанною бедренною костью, стоявшій впереди, сталъ требовать, чтобы Андреасъ починилъ кость. Въ этотъ моментъ онъ проснулся. Мы, видите ли, лежали въ одной койкѣ. Я сидѣлъ и смѣялся, слушая какъ онъ оретъ. Я не хотѣлъ

его будить, нѣтъ! Я думалъ, что недурно будетъ, если ему отплатится за это.

— Нехорошо было, Педеръ, что вы принимали участіе въ этомъ оскверненіи труповъ.

— О, я вѣдь ничего имъ не сдѣлалъ. Я только разломалъ одинъ гробъ на дрова, чтобы развести огонь для кофе. Когда мы раскрыли этотъ гробъ, то трупъ распался.

Кто то замѣтилъ:

— Вѣдь это, кажется, чортъ употреблялъ человѣческій черепъ вмѣсто чашки?

— Видите ли, у него не было ничего другого подъ рукой и онъ случайно нашелъ черепъ. Въ этомъ вѣдь ничего не было дурного, или.....?

Тутъ вмѣшался Якобсонъ.

— Въ стрѣльбѣ по черепамъ ничего необычайнаго нѣтъ, сказалъ онъ, потому ли, что люди питаютъ особенное пристрастіе къ такой мишени или по какой либо другой причинѣ. Стрѣляютъ по глазнымъ впадинамъ и т. д.

Я опросилъ Педера насчетъ могилы Тобисена *), вырывали ли его, чтобы установить съ точностью, не былъ ли онъ и его сынъ убиты своими людьми?

— Нѣтъ, его никогда не вырывали.

— Я проѣзжалъ тамъ въ прошломъ году, сказалъ Якобсонъ. На берегъ я не съѣзжалъ, но помнится, что я слышалъ будто его должны были выкопать.

— Это все вздоръ; никогда его не выкапывали.

— Ну, сказалъ я, мнѣ кажется, что я что то слышалъ объ этомъ и даже, кажется, здѣсь на суднѣ. Если я не очень ошибаюсь, то вы сами, Педеръ, разсказывали объ этомъ.

— Нѣтъ, я никогда этого не разсказывалъ; я говорилъ только, что одинъ человѣкъ однажды всадилъ острогу въ гробъ и она до сихъ поръ торчитъ тамъ.

— Зачѣмъ же онъ это сдѣлалъ?

— Да потому, что онъ хотѣлъ знать, есть ли что нибудь въ гробу, но не хотѣлъ его открывать, видите ли. Оставимъ его покоиться въ мирѣ.

Пятница, 26-го января. Мы съ Педеромъ прошли сегодня утромъ почти 12 километровъ вдоль полыньи и увидали, что она оканчивается между старыми сдвинутыми ледяными гребнями; въ общемъ полынья длиннѣе 13 километровъ. На обратномъ пути ледъ началъ сдвигаться и все время ощущался довольно сильный напоръ.

---

*) Зивертъ Христіанъ Тобисенъ былъ одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ норвежскихъ китолововъ. Онъ родился въ Тромсö въ 1821 году и умеръ на Новой Землѣ въ 1873. Полагаютъ, что онъ былъ убитъ во время зимовки на западномъ берегу Новой Земли.

Когда мы шли по новообразованному льду, то онъ вдругъ началъ трещать подъ нашими ногами и морщиться и затѣмъ поднялся, образовавъ двѣ высокія стѣны, между которыми мы шли точно по улицѣ. Это сопровождалось непрекращающимся шумомъ, напоминающимъ то вой и визгъ собаки, жалующейся на холодъ, то грохотъ огромнаго водопада. Мы часто бывали вынуждены бѣжать на старый ледъ, то потому что попадали въ цѣлый хаосъ пловучихъ глыбъ, то вслѣдствіе того, что сдвигающіяся льдины направлялись какъ разъ поперекъ полыньи и передъ нами поднималась высокая стѣна, похожая на застывшій валъ. Казалось будто ледъ, съ южной стороны полыньи, тамъ, гдѣ находился «Fram», двигается къ востоку или же съ сѣверной стороны отодвигается на западъ, такъ какъ ледяныя глыбы съ обѣихъ сторонъ направлялись косвенно, возвышаясь другъ противъ друга.

Мы нашли слѣды маленькаго медвѣдя, пробѣжавшаго наканунѣ вдоль полыньи. Къ сожалѣнію, онъ отправился оттуда на юго-западъ и у насъ было мало надежды на то, что онъ, при продолжающемся южномъ вѣтрѣ, почуетъ судно и явится къ намъ, чтобы раздобыть себѣ немного мяса.

Суббота, 27-го января. Дни стали теперь гораздо свѣтлѣе; мы можемъ даже читать за обѣдомъ.

Въ полдень Свердрупу показалось, что онъ видитъ землю, темную и неправильной формы, на нѣкоторыхъ мѣстахъ которой замѣчались возвышенности. Впрочемъ онъ думалъ, что это могли быть облака. Вернувшись съ прогулки, я отправился наверхъ, чтобы осмотрѣться, но нигдѣ не видѣлъ ничего, кромѣ нагроможденнаго льда. Быть можетъ это именно и видѣлъ Свердрупъ, но возможно также, что я явился слишкомъ поздно (на слѣдующій день выяснилось, что это былъ по просту оптическій обманъ).

Сегодня вечеромъ былъ сильный напоръ льда; онъ начался въ $7^1/_2$ часовъ въ полыньѣ и продолжался непрерывно два часа. Казалось, на насъ сбрушивается водопадъ, противъ силы котораго ничто устоять не можетъ. Слышно было также, какъ разламываются большія глыбы и взаимно разбиваютъ другъ друга въ дребезги. Высокія ледяныя стѣны, образовавшіяся вслѣдствіе сдвиганія и нагроможденія льда, распространялись вѣроятно вдоль полыньи на востокъ и западъ, такъ какъ грохотъ слышался на всемъ этомъ пространствѣ.

Шумъ приближается. Судно получаетъ сильные толчки, точно отъ волнъ подо льдомъ. Эти волны подходятъ сзади и направляются впередъ. Мы пристально вглядываемся въ темноту, но ничего разглядѣть не можемъ, потому что ни зги не видать. Въ настоящее время я слышу трескъ и толчки въ ледяной возвышенности, находящейся у кормы. Шумъ все усиливается, становится громче и постепенно распространяется. Наконецъ, онъ нѣсколько затихаетъ, затѣмъ становится неравномѣрнымъ и между отдѣльными толчками

наблюдаются все болѣе и болѣе длинныя паузы. Мнѣ такъ холодно, что я удаляюсь внизъ.

Едва я усѣлся за писаніе, какъ судно снова начало подниматься и содрогаться, и я сквозь его стѣнки слышалъ гулъ напора. Такъ какъ медвѣжьей ловушкѣ могла грозить опасность, то трое изъ насъ отправились посмотрѣть что съ нею. Убѣдившись, что между сдвинувшеюся цѣпью ледяныхъ горъ и проволокою, къ которой прикрѣплена ловушка, находится еще свободный промежутокъ въ 50 шаговъ, они оставили ее на мѣстѣ. Они разсказываютъ, что образовавшаяся подъ вліяніемъ напора ледяная цѣпь имѣетъ отвратительный видъ. Однако въ темнотѣ многаго не различишь.

Теперь снова начинается сильный напоръ, такъ что я даже долженъ выйти на палубу, чтобы осмотрѣться. Какъ только отворяется дверь, такъ сейчасъ слышится громкій грохотъ. Этотъ шумъ слышится какъ у носовой части судна, такъ и по направленію къ кормѣ. Очевидно съ обѣихъ сторонъ сдвиганіе льдовъ вызываетъ образованіе ледяныхъ цѣпей и если эти цѣпи подойдутъ къ судну съ обоихъ концовъ, то онѣ захватятъ его и легко поднимутъ вверхъ. Ледъ напираетъ со всѣхъ сторонъ и совсѣмъ близко отъ насъ.

На старомъ холмѣ у бакборда также слышится трескъ, который сиановится все громче и, насколько я могу разглядѣть, холмъ медленно поднимается. Поперекъ большой льдины, у бакборда, также образовалась полынья, въ которой, несмотря на темноту, можно разсмотрѣть воду. Напоръ и шумъ, производимый льдинами, все усиливаются, и я начинаю испытывать такое чувство, какъ будто меня самого поднимаютъ вмѣстѣ съ кормою, на которой я стою и смотрю на сумятицу, господствующую среди ледяныхъ массъ. Эти послѣднія напоминаютъ своимъ видомъ гигантскихъ змѣй, чудовищныя туловища которыхъ извиваются въ разныя стороны. Надъ всѣмъ этимъ возвышается безмятежное, усѣянное звѣздами небо и только на сѣверовостокѣ непрерывная игра свѣта сѣвернаго сіянія, лучи котораго то потухаютъ, то загораются снова, нарушаетъ спокойствіе небесъ. Я подумалъ опять, какъ хорошо в безопасно у насъ на «Fram» и съ нѣкоторымъ презрѣніемъ взглянулъ на ужасный хаосъ, вызываемый природой совершенно безъ всякой цѣли. Нѣтъ, природѣ не удастся раздавить насъ такъ скоро, и даже напугать насъ!

Вдругъ я вспомнилъ, что мой прекрасный термометръ лежитъ въ отверстіи на льдинѣ, по ту сторону канавы и подвергается опасности. Я тотчасъ же спрыгнулъ на ледъ и отыскалъ мѣсто, гдѣ я могъ перескочить черезъ канаву. Я сталъ шарить въ темнотѣ, пока не нашелъ, наконецъ, кусокъ льда, прикрывающій отверстіе и, тотчасъ же схвативъ веревку, вытащилъ термометръ. Довольный, поспѣшилъ я на судно, въ свою каюту, гдѣ и закурилъ трубку мира. Прислушиваясь съ наслажденіемъ къ грохоту, произ-

водимому напором, я принялся за свой дневник, лишь по временам ощущая сотрясенія, точно причиняемыя землетрясеніем.

Испытывая такое чувство увѣренности и безопасности, я не могу не подумать съ глубокимъ сожалѣніемъ о тѣхъ многихъ, которые должны были стоять на палубѣ, и быть на готовѣ оставить свое хрупкое судно, какъ только наступало давленіе льда. Несчастный экипажъ «Тегетгофа»! Онъ пережилъ трудныя времена, а между тѣмъ судно его было еще лучше многихъ другихъ судовъ.

Теперь половина двѣнадцатаго и шумъ начинаетъ затихать.

Удивительно, что въ настоящее время, когда луна находится въ послѣдней четверти и время прилива миновало, давленіе льда такъ сильно. Это совсѣмъ не соотвѣтствуетъ нашимъ прежнимъ наблюденіямъ, также какъ и то обстоятельство, что напоръ начался позавчера въ полдень и продолжался до двухъ часовъ, а затѣмъ опять возобновился въ два часа утра.

Сегодня онъ продолжался отъ $7^1/_2$ до $10^1/_2$ часовъ вечера. Не вліяетъ ли тутъ материкъ? Температура сегодня—41,4° С, но вѣтра нѣтъ и давно уже у насъ не бывало такой пріятной погоды для прогулки. Температура кажется здѣсь почти мягкой, когда нѣтъ вѣтра.

Нѣтъ, давленіе льда не прекратилось. Когда я вышелъ на палубу въ безъ четверти 12 часовъ, то опять начался грохотъ и содроганіе льда. На этотъ разъ давленіе ощущалось у бакборда. Вдругъ послышались точно громкіе выстрѣлы, раздавшіеся одинъ за другимъ и затихшіе вдали. Одинъ толчокъ, послѣ котораго ощущалось слабое давленіе, и затѣмъ уже наступало спокойствіе. Слабое сѣверное сіяніе.

Воскресенье, 28-го января. Страннымъ образомъ съ 12 часовъ мы не ощущали больше напора. Ледъ, повидимому, совершенно покоенъ. Образовавшійся вслѣдствіе давленія позади судна цѣлый хребетъ ясно указываетъ, какъ силенъ былъ напоръ. Въ одномъ мѣстѣ высота хребта достигаетъ $5^1/_2$—6 метровъ надъ поверхностью воды. Льдины въ $2^1/_2$ метра толщины разламывались, громоздились другъ на друга, образуя четырехъугольныя глыбы и раздроблялись на куски. Въ одномъ мѣстѣ высилась въ воздухѣ огромная колонна, образованная ледяными глыбами. По ту сторону этой ледяной стѣны не было замѣтно особеннаго безпорядка и лишь мѣстами ледъ нѣсколько сдвинулся и кое гдѣ виднѣлись большія трещины, объясняющія тотъ грохотъ взрыва, который мы слышали ночью. У штирборда ледъ также треснулъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Очевидно, давленіе шло съ сѣвера или съ сѣверовостока.

Горная ледяная цѣпь позади насъ—самая большая, какую я когда-либо видѣлъ. Если-бы Fram находился въ этомъ мѣстѣ, то по всей вѣроятности судно было-бы поднято совсѣмъ изъ воды наверхъ. Пройдя нѣкоторое разстояніе въ сѣверо-восточномъ направленіи, я не замѣтилъ тамъ никакихъ слѣдовъ напора.

Снова воскресенье! Удивительно какъ быстро идетъ время. Въ одномъ отношеніи мы теперь находимся въ лучшемъ настроеніи духа—мы знаемъ, что, непереставая, двигаемся на сѣверъ. Бѣглый выводъ изъ сегодняшнихъ наблюденій указываетъ на 79° 50′ сѣв. широты. Это небольшой успѣхъ, начиная съ понедѣльника, но вѣдь вчера и сегодня почти не было вѣтра, а въ другіе дни онъ былъ очень слабъ. Только одинъ или два раза наибольшая скорость вѣтра была три метра; въ остальное же время—1 или 2 метра.

Вчера послѣ обѣда произошло замѣчательное событіе. Я велѣлъ прикрѣпить къ стѣнѣ картину Мунте «Три принцессы». Съ самаго отъѣзда изъ Христіаніи мы собирались сдѣлать это, но до сихъ поръ у насъ не хватало достаточно энергіи, чтобы исполнить такую тяжелую работу—надо вѣдь было вколотить четыре гвоздя!—и поэтому картина постоянно срывалась и, падая, гильотинировала того. кто сидѣлъ въ это время на софѣ.

Вторникъ, 30-го января. 79° 49′ сѣв. широты, 134° 57 восточной долготы—вотъ что докладываютъ намъ сегодняшнія наблюденія. Въ воскресенье мы находились подъ 79° 50′ сѣв. ш. и 133° 23′ в. д., но это отступленіе не представляетъ для меня ничего неожиданнаго, такъ какъ съ воскресенья почти полное затишье. Я объясняю себѣ это дѣло слѣдующимъ образомъ: ледъ, приходящій въ движеніе въ извѣстномъ направленіи, подъ вліяніемъ вѣтра, дувшаго въ этомъ направленіи болѣе или менѣе долгое время, постепенно сдвигается тѣснѣе. Когда вѣтеръ спадаетъ, то происходитъ обратное движеніе. По моему мнѣнію, такая перемѣна направленія явилась причиною давленія, бывшаго въ субботу: напоръ льда тогда прекратился столь же внезапно, какъ и начался. Съ тѣхъ поръ не замѣтно во льду ни малѣйшихъ признаковъ движенія. Давленіе льда по всей вѣроятности указываетъ на тотъ моментъ, когда начинается обратное движеніе.

Сегодня послѣ обѣда подулъ легкій вѣтерокъ съ юго-востока, постепенно перешедшій въ «мельничный вѣтеръ». Мы снова идемъ на сѣверъ и на этотъ разъ навѣрное перейдемъ черезъ 80°.

Среда, 31-го января. Вѣтеръ свиститъ надъ ледяными холмами, снѣгъ съ шумомъ носится въ воздухѣ и кажется будто небо и ледъ слились въ одно. Темно, кожа болитъ отъ холода, но мы быстро идемъ на сѣверъ и поэтому находимся въ прекрасномъ настроеніи духа.

Четвергъ, 1-го февраля. Та же погода, что и вчера, только гораздо мягче (—22° С). Снѣгъ падаетъ совершенно такъ, какъ у насъ зимой. Вѣтеръ повернулъ еще болѣе къ югу, но началъ спадать.

Мы можемъ навѣрное считать, что уже перешли 80° и поэтому у насъ было сегодня маленькое предварительное празднество, угощеніе изъ фигъ, изюма и миндаля, а также стрѣльба стрѣлами; причемъ эта послѣдняя имѣла для меня послѣдствіемъ наполненіе моего кармана папиросами.

Пятница, 2-го февраля. Сегодня большой пиръ въ честь 80°, начавшійся съ угощенія свѣжимъ ржанымъ хлѣбомъ и пирогами за завтракомъ. Я предпринялъ далекую прогулку, чтобы нагулять аппетитъ для обѣда.

Согласно наблюденіямъ, сдѣланнымъ сегодня утромъ, мы находимся подъ 80° 10′ сѣв. широты и 132° 10′ восточной долготы. Ура! Хорошо плыли! Я предлагалъ большое пари, что мы достигли 80°, но никто не выразилъ желанія принять мой вызовъ.

Меню нашего обѣда было слѣдующее: супъ изъ бычачьихъ хвостовъ, пуддингъ изъ рыбы, картофель, паштетъ изъ мяса, зеленый горошекъ, турецкіе бобы, морошка съ молокомъ и каждому полагалась цѣлая бутылка пива. Послѣ обѣда кофе и папиросы. Можно-ли желать большаго? Вечеромъ намъ подали варенье изъ грушъ и персиковъ, пряники, сушеные бананы, фиги, изюмъ и миндаль. Мы праздновали цѣлый день.

Мы читали разсужденія по поводу нашей экспедиціи, опубликованныя передъ нашимъ отъѣздомъ, и временами отъ души смѣялись надъ многими изъ возраженій. Но наши близкіе, тамъ на родинѣ, быть можетъ и не будутъ смѣяться, если прочтутъ въ настоящую минуту эти возраженія.

Понедѣльникъ, 5-го февраля. Сегодня за столомъ мы выпили послѣднюю бутылку пива Рингнеса. Печальный день.

Вторникъ, 6-го февраля. Тихая, ясная погода. На югѣ, надъ горизонтомъ сильное мерцаніе, то желтое, то зеленое и свѣтло-голубое; все-же остальное небо ультрамариноваго цвѣта. Смотря на это небо, я старался припомнить, бываетъ-ли когда-либо итальянское небо еще болѣе голубымъ. Я этого не думаю. Удивительно, что такая окраска совпадаетъ обыкновенно съ холодомъ. Быть можетъ воздушное теченіе въ верхнихъ слояхъ, идущее изъ сѣверныхъ, болѣе свѣтлыхъ областей, приноситъ съ собою болѣе сухой и прозрачный воздухъ?

Цвѣтъ небесъ сегодня былъ такъ замѣчателенъ, что нельзя было не любоваться имъ. Поразительный контрастъ представляютъ красная рубка на Fram и бѣлый снѣгъ, покрывающій крышу палатки и такелажъ. Ледъ и холмы кажутся фіолетовыми, тамъ, гдѣ дневной свѣтъ на нихъ не падаетъ; эта окраска выражена особенно рѣзко на снѣжныхъ поляхъ, покрывающихъ льдины. Температура —47° и —48° С. Выходя изъ салона, гдѣ термометръ указываетъ +22° С, мы слѣдовательно внезапно испытываемъ пониженіе на цѣлыхъ 70°. Несмотря на это, хотя и легко одѣтые и съ непокрытою головой, мы все-таки не чувствуемъ сильнаго холода и даже можемъ безнаказанно прикасаться къ мѣдной ручкѣ дверей и держаться за проволочный канатъ у вантъ.

Но за то мы можемъ видѣть холодъ! Дыханіе наше образуетъ точно облако порохового дыма, а если плюнуть на палубу, то вокругъ сырого мѣста тотчасъ-же образуется маленькое облачко

пара. Fram постоянно выдѣляетъ туманъ, который уносится вѣтромъ, а человѣка и собаку можно издали распознать между ледяными холмами и цѣпями по столбу пара, который слѣдуетъ за ними по стопамъ.

Среда, 7-го февраля. Удивительное дѣло, какъ непрочна надежда или, вѣрнѣе, настроеніе человѣка!

Сегодня утромъ дулъ слабый вѣтеръ отъ нордъ-нордъ-оста, со скоростью двухъ метровъ въ секунду; термометръ стоялъ на —49,6° С. Духъ мой омрачился опять и мнѣ снова сдѣлалось безразлично, какъ мы вернемся домой, только бы это случилось скорѣе. Я предположилъ, что на сѣверѣ находится земля, откуда и происходятъ холодные вѣтры, прозрачная атмосфера, морозъ и свѣтло-голубое небо, и пришелъ къ заключенію, что эта обширная земля образуетъ полюсъ холода, гдѣ постоянный максимумъ атмосфернаго давленія, и насъ снова гонитъ къ югу сѣверо-восточнымъ вѣтромъ.

Около полудня стало облачнѣе и мое настроеніе улучшилось. Надо ожидать, что снова задуетъ южный вѣтеръ, но теперь пока температура еще слишкомъ для этого низка. Однако температура также начинаетъ подниматься, такъ что мы можемъ положиться теперь на вѣтеръ.

Дѣйствительно, сегодня вечеромъ вѣтеръ подулъ съ юго-запада. Теперь въ 12 часовъ скорость его 3,6 метра, температура же поднялась до —42°. Это много обѣщаетъ. Вѣроятно мы скоро достигнемъ 81°. Земля на сѣверѣ опять исчезла.

За столомъ намъ подавался сегодня, вмѣсто пива, лимонный сокъ съ сахаромъ, что всѣмъ понравилось. Мы называемъ этотъ напитокъ виномъ и находимъ, что онъ лучше сидра.

Сегодня вечеромъ произведено было взвѣшиваніе. Прибавленіе вѣса у нѣкоторыхъ имѣетъ даже тревожный характеръ, нѣкоторые прибавились въ вѣсѣ за послѣдній мѣсяцъ на два килограмма, напримѣръ, Свердрупъ, Блессингъ и Юэллъ, которому принадлежитъ первенство, такъ какъ онъ вѣситъ 86,2 килограмма. «Я еще никогда столько не вѣсилъ», заявилъ Блессингъ, но у всѣхъ можно было констатировать такое-же прибавленіе жира.

Да, безъ сомнѣнія наша экспедиція требуетъ напряженія силъ, но меню нашихъ обѣдовъ вполнѣ соотвѣтствуетъ нашей работѣ. Сегодняшній обѣдъ: супъ изъ бобовъ, пуддингъ съ мясомъ, картофель, рисъ въ молокѣ и брусничное варенье. Вчерашній обѣдъ: рыба, обжаренная въ сухаряхъ, съ картофелемъ, кролики и къ нимъ картофель и французскіе бобы; пареная черника и брусника съ молокомъ. Къ завтраку вчера давали намъ свѣжеиспеченный пшеничный хлѣбъ, а сегодня ржаной. Это образцы нашего обычнаго питанія.

Случилось такъ, какъ я и ожидалъ. Я слышу вой вѣтра въ такелажѣ. Это уже настоящій штормъ, какъ мы его здѣсь понимаемъ.

Суббота, 10-го февраля. Изъ вѣтра ничего хорошаго не вышло.

Но мы все таки надѣялись, что прошли порядочное разстояніе къ сѣверу, поэтому для насъ было непріятною неожиданностью узнать, что мы опять находимся подъ 79° 57′ сѣв. широты—значитъ ушли на 13′ далѣе къ югу, а не къ сѣверу.

Просто удивительно какъ легко привыкаешь къ разочарованіямъ! Опять возникаетъ страстное стремленіе и опять мнѣ кажется, что достиженіе цѣли такъ далеко и такъ сомнительно! И къ тому же ночью мнѣ снится какъ разъ, что мы выходимъ изо льда къ западу отъ Исландіи. Надежда слишкомъ непрочное судно, которому довѣряться не слѣдуетъ.

Сегодня я предпринялъ далекую и успѣшную поѣздку на собакахъ.

Воскресенье, 11-го февраля. Мы отправились съ двумя упряжками. Дѣло шло хорошо; сани гораздо лучше двигались по льду, чѣмъ я думалъ, но они все-таки глубоко врѣзываются въ снѣгъ. На плоскомъ льду четыре собаки могутъ везти двухъ человѣкъ.

Вторникъ, 13-го февраля. Вчера была одѣлана далекая поѣздка на юго-востокъ съ бѣлыми собаками; сегодня же мы отправились еще дальше на лыжахъ, въ томъ же направленіи. Это хорошее, здоровое упражненіе при температурѣ —42° до —44° и рѣзкомъ сѣверномъ вѣтрѣ.

Природа здѣсь такъ прекрасна и непорочна, ледъ такой безукоризненно бѣлый и свѣтъ и тѣни начинающагося дня такъ чудно отражаются на свѣжевыпавшемъ снѣгѣ! Покрытый инеемъ и снѣгомъ такелажъ Fram, ослѣпительно бѣлый, выдѣляется на голубомъ фонѣ сверкающаго небосклона.

Четвергъ, 15-го февраля. Вчера я прошелъ на лыжахъ дальше на сѣверо-востокъ, чѣмъ это дѣлалъ раньше, и все-таки могъ видѣть издалека такелажъ судна, возвышающійся надъ краемъ льда. Такъ какъ ледъ въ этомъ направленіи былъ плоскій, то я могъ бѣжать быстро. Сегодня я проѣхалъ по этому же пути на собакахъ. Я изслѣдую кругомъ эту область и обдумываю свои планы на будущее.

Какъ преувеличены понятія объ арктическихъ холодахъ! Въ Гренландіи было холодно и здѣсь не меньше. Средняя температура дня равняется теперь 40° и 42° ниже нуля.

Вчера я былъ одѣтъ обыкновеннымъ образомъ: на ногахъ кальсоны и брюки, чулки, гамаши, чулки для снѣга и финскіе башмаки; сверху обыкновенная рубашка, воротникъ изъ волчьяго мѣха и куртка на тюленьемъ мѣху. Я потѣлъ въ этой одеждѣ, какъ лошадь. Сегодня я сидѣлъ смирно въ саняхъ и ѣхалъ, одѣтый лишь въ тонкіе панталоны, надѣтые на обыкновенные, и въ шерстяную рубашку, жилетку, вязаную исландскую шерстяную куртку, а сверху куртку изъ сукна и изъ тюленьяго мѣха. Я нашелъ температуру очень пріятной и даже потѣлъ и сегодня. Вчера, какъ и сегодня, на лицо у меня была надѣта красная фланелевая маска,

но мнѣ отъ нея сдѣлалось жарко, такъ что я ее снялъ, несмотря на рѣзкій холодный вѣтеръ съ сѣвера.

Этотъ сѣверный вѣтеръ продолжаетъ держаться и дуетъ по временамъ со скоростью 3—даже 4 метровъ, но мы, повидимому, не двигаемся къ югу и стоимъ смирно подъ 80° с. ш. или быть можетъ даже нѣсколькими минутами сѣвернѣе. Что тутъ за причина? Теперь ежедневно ощущается слабый напоръ; замѣчательно, что этотъ напоръ также возникаетъ во время послѣдней четверти луны.

Луна стоитъ высоко на небѣ и кромѣ того теперь уже появился дневной свѣтъ. Скоро появится и солнце. Какъ только это произойдетъ, мы устроимъ большое пиршество.

Пятница, 16-го февраля. Ура! 80° 1′ сѣв. широты, слѣдовательно съ прошлой пятницы мы подвинулись на нѣсколько минутъ къ сѣверу, и притомъ несмотря на постоянный сѣверный вѣтеръ, не прекращающійся съ понедѣльника. Это что-то удивительное! Объясняется-ли это тѣмъ, какъ я думалъ все время на основаніи вида облаковъ и тумана, что на югѣ господствовалъ южный вѣтеръ, препятствующій движенію льдовъ въ этомъ направленіи, или же мы попали наконецъ въ область теченія.

Обратное движеніе къ югу, испытанное нами вопреки южному вѣтру, заключаетъ въ себѣ нѣчто удивительное; то же самое надо сказать и по поводу того обстоятельства, что мы остаемся стоять на мѣстѣ, несмотря на сѣверный вѣтеръ. Выходитъ такъ, какъ будто начали дѣйствовать какія то новыя силы.

Сегодня произошло также нѣчто удивительное: мы увидали въ полдень солнце, или, точнѣе выражаясь, его изображеніе, такъ какъ это было лишь отраженіе солнца. Видъ этого яркаго свѣтила, появившагося надъ самымъ краемъ льдовъ на горизонтѣ, произвелъ странное впечатлѣніе. Можно было бы ожидать на основаніи встрѣчающихся у полярныхъ путешественниковъ восторженныхъ описаній перваго появленія этого «божества жизни» послѣ долгой зимней ночи, что это зрѣлище вызоветъ ликованіе и у насъ; но я не испыталъ ничего подобнаго, и такъ какъ мы ожидали появленія солнца лишь спустя нѣсколько дней, то мною овладѣло чувство разочарованія и огорченія при видѣ этого свѣтила теперь, потому что это означало, что мы болѣе подвинулись на югъ, чѣмъ это думали.

Я очень обрадовался, когда убѣдился, что это не могло быть солнце. Отраженіе его въ воздухѣ вначалѣ имѣло видъ плоской пламенно-красной огненной полосы на горизонтѣ; затѣмъ оно раздѣлилось на двѣ огненныя полосы, одна надъ другой и между ними темное пространство. Съ верхушки гротъ-мачты я разглядѣлъ четыре или пять такихъ горизонтальныхъ линій и всѣ онѣ были одинаковой длины, такъ что представляли какъ бы четырехъ-угольное матово-красное солнце, пересѣченное темными горизонтальными полосами.

Астрономическія вычисленія, сдѣланныя нами послѣ обѣда, показали, что солнце въ дѣйствительности находилось въ полдень на 2°22' ниже горизонта. Мы не можемъ ожидать появленія его диска надъ поверхностью льда раньше вторника, это находится въ связи съ преломленіемъ лучей, которое очень сильно въ здѣшнемъ холодномъ воздухѣ. Сегодня вечеромъ, на основаніи появленія изображенія солнца, мы всетаки устроили маленькій праздникъ въ честь этого свѣтила, заключавшійся въ угощеніи фигами, бананами, изюмомъ, миндалемъ и пряниками.

Воскресенье, 18-го февраля. Вчера я отправился на лыжахъ къ востоку и нашелъ путь очень удобнымъ, какъ для лыжъ, такъ и для саней. Сначала приходится пробираться между ледяными холмами и цѣпями, что довольно утомительно, но затѣмъ идетъ большая гладкая равнина, простирающаяся далеко къ сѣверу, востоку и юго-востоку.

Сегодня я отправился съ восьмью собаками; теперь ѣзда на собакахъ идетъ отлично.

Все еще дуетъ сѣверный вѣтеръ. Это скучно. Погода однако свѣтлая.

Все прекрасно. Мы бѣгаемъ на лыжахъ, катаемся на саняхъ, читаемъ для своего развлеченія и поученія, потомъ производимъ наблюденія, болтаемъ, куримъ, играемъ въ карты и шахматы, пьемъ и ѣдимъ, но тѣмъ не менѣе такая жизнь, долго продолжаясь, становится проклятіемъ, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется иногда.

Когда я смотрю на картину, изображающую мой домъ при вечернемъ освѣщеніи, мою жену, стоящую въ саду, то мнѣ кажется, что я не въ состояніи больше продолжать эту жизнь. Но лишь безжалостной судьбѣ извѣстно, когда мы снова будемъ стоять вмѣстѣ, снова будемъ ощущать сладость жизни и любоваться фіордомъ...

Если принять все въ соображеніе, то, признаюсь по совѣсти, положеніе вещей представляется мнѣ чертовски непріятнымъ. Мы находимся теперь подъ 80° сѣв. широты; въ сентябрѣ мы находились на 78°. Это значитъ—одинъ градусъ въ мѣсяцъ. Если мы будемъ подвигаться и далѣе съ такою же скоростью, то въ 45 или быть можетъ 50 мѣсяцевъ мы достигнемъ полюса и, затѣмъ, черезъ 90 или 100 мѣсяцевъ, достигнемъ 80° по ту сторону полюса, имѣя въ виду еще черезъ одинъ или два мѣсяца освободиться отъ льда и вернуться домой. Въ лучшемъ случаѣ, слѣдовательно, если такъ будетъ идти и дальше, мы попадемъ домой лишь черезъ восемь лѣтъ!

Мнѣ припоминается, что когда я, передъ отъѣздомъ, разсаживалъ въ своемъ саду маленькіе кусты и деревья, то профессоръ Бреггеръ писалъ мнѣ, что никому неизвѣстно, какія длинныя тѣни будутъ бросать эти деревья, когда я вернусь. Теперь они лежатъ подъ покровомъ зимняго снѣга, но весною опять распустятся и будутъ расти. Какъ часто это повторится?

О, это бездѣятельное состояніе временами дѣйствуетъ по истинѣ угнетающимъ образомъ. Жизнь представляется такою же мрачной, какъ и зимняя ночь. Нигдѣ ни одного солнечнаго луча, только въ прошедшемъ и въ очень, очень отдаленномъ будущемъ. Мнѣ кажется иногда, что я долженъ порвать это оцѣпенѣніе, побороть апатію, овладѣвшую мною, и найти исходъ своимъ силамъ.

Но развѣ не можетъ произойти что нибудь? налетитъ ураганъ, который поломаетъ весь этотъ ледъ и приведетъ его въ движеніе словно высокія волны открытаго моря? Пусть наступитъ бѣда, пусть мы должны будемъ бороться за свою жизнь, но только пусть мы двигаемся впередъ! Играть роль пассивнаго зрителя, не имѣть возможности пошевелить рукой, чтобы двинуться впередъ—это ужасно. Надо обладать въ десять разъ большими душевными силами, чтобы сидѣть смирно, довѣряя собственнымъ теоріямъ и предоставляя лишь дѣйствовать силамъ природы, не имѣя возможности ничего сдѣлать для достиженія своей цѣли, чѣмъ бороться собственными силами.

Я сижу здѣсь и жалуюсь, какъ старая баба. Развѣ же все это было мнѣ неизвѣстно, когда я отправлялся сюда? Обстоятельства сложились не хуже, чѣмъ я ожидалъ; наоборотъ—скорѣе даже лучше. Куда же дѣвалась возвышенная радостная надежда? Куда дѣвались гордыя мечты, парившія высоко, точно юные орлы? Точно мокрыя вороны, съ парализованными крыльями, покинули онѣ освѣщенное солнцемъ море и скрылись въ туманныхъ болотахъ отчаянія. Быть можетъ все это вернется назадъ съ южнымъ вѣтромъ. Но нѣтъ, пойду лучше почитаю кого нибудь изъ старыхъ философовъ.

Сегодня вечеромъ былъ небольшой напоръ; сдѣланное только что наблюденіе указываетъ, что мы подвинулись къ югу на 3'.

11 часовъ вечера. Напоръ льда. Ледъ трещитъ, давитъ на судно и потрясаетъ его.

Понедѣльникъ, 19-го февраля. Еще разъ приходится подтвердить, что ночь всего темнѣе бываетъ передъ разсвѣтомъ. Сегодня вѣтеръ началъ дуть съ юга и достигъ скорости 4-хъ метровъ въ секунду.

Утромъ мы бурили ледъ и нашли, что у бакборда толщина льда 1 м. 875 и слой покрывающаго его снѣга—4 сант. Спереди судна толщина льда—2,08 м., но сюда надо причислить и слой снѣга въ нѣсколько сантиметровъ. Такое приращеніе льда нельзя считать очень значительнымъ, если вспомнить, что температура упала до 50° С ниже нуля.

Сегодня, также какъ и вчера, мы наблюдали отраженную картину солнца; сегодня оно стояло высоко надъ горизонтомъ и почти имѣло форму круглаго диска. Нѣкоторые утверждали, что они разглядѣли верхній край настоящаго солнца. Педеръ и Блессингъ увѣряли даже, что они видѣли по крайней мѣрѣ половину солнечнаго диска, а Юэлль и Скоттъ Гансенъ настаивали на томъ, что весь

солнечный дискъ находился надъ горизонтомъ. Я боюсь, что они совсѣмъ забыли какъ солнце выглядитъ, такъ какъ уже давно не видали его.

Вторникъ, 20-го февраля. Сегодня большое празднество въ честь солнца, хотя и безъ него. Мы увѣрены, что увидали бы солнце, еслибъ не облака на горизонтѣ. Мы однако не хотѣли пропустить праздникъ и рѣшили воспользоваться случаемъ и отпраздновать во второй разъ, когда на самомъ дѣлѣ увидимъ солнце.

Утро началось стрѣльбою въ цѣль; затѣмъ слѣдовалъ обѣдъ изъ трехъ или четырехъ блюдъ и «вино Fram» (alias: лимонный сокъ), кофе и позднѣе «пирогъ—Fram». Вечеромъ мы лакомились ананасами, пирожными, фигами, бананами и конфектами, послѣ чего полѣзли въ свои койки, думая о томъ, что мы пресыщались ѣдой, въ то время какъ сильный юговосточный вѣтеръ гналъ насъ на сѣверъ.

Мельница цѣлый день находилась въ движеніи и хотя настоящее солнце и не показалось для нашего праздника, но нашъ салонъ освѣщало наше искусственное солнце, когда мы сидѣли за столомъ.

Великое омовеніе нашихъ физіономій по случаю праздника. Богъ мой, до чего мы дойдемъ! Нѣкоторые изъ насъ положительно напоминаютъ своимъ видомъ убойный скотъ и округлость щекъ Юэлля начинаетъ принимать тревожные размѣры. Когда я сегодня разсматривалъ его профиль, то у меня явилась мысль, какъ это онъ потащитъ свое тѣло черезъ ледъ, если намъ придется въ одинъ прекрасный день оставить судно. Мы должны подумать теперь о томъ, чтобы уменьшить порціи на нѣкоторое время.

Среда, 21-го февраля. Южный вѣтеръ держится. Сегодня я вытащилъ шелковыя сѣти, которыя мы вчера опустили. Въ верхней, висѣвшей ближе къ поверхности, находились главнымъ образомъ крошечные крабы, а въ Мюрреевской, опущенной приблизительно на глубину 90 метровъ, находилось множество другихъ маленькихъ ракообразныхъ животныхъ, такъ сильно фосфоресцировавшихъ, что все содержимое сѣти, когда я опорожнилъ ее въ кухнѣ, при свѣтѣ лампы, сверкало, какъ раскаленные уголья.

Къ моему удивленію, направленіе веревки сѣти указывало на сѣверо-западъ, хотя мы, судя по вѣтру, должны были двигаться быстро на сѣверъ. Чтобы выяснить себѣ дѣло, я опять опустилъ сѣть, но едва она опустилась подъ ледъ на нѣкоторую глубину, какъ веревка снова стала указывать на сѣверо-западъ и все время удерживалась въ этомъ направленіи. Какъ же объяснить это явленіе? Возможно ли, что мы, не смотря ни на что, всетаки находимся въ теченіи, направляющемся на сѣверозападъ? Будущее, надо надѣяться, подтвердитъ это. Мы можемъ считать два румба ($22^1/_2{}^0$) отклоненія компаса, и въ такомъ случаѣ теченіе должно идти по направленію къ нордъ-весту.

Во льду замѣчается сильное движенiе; во многихъ мѣстахъ образовались полыньи.

Четвергъ, 22-го февраля. Веревка сѣти въ теченiе цѣлаго дня указывала западное направленiе, но теперь, послѣ обѣда, она направляется внизъ вертикально, такъ что мы, повидимому, не двигаемся съ мѣста. Вѣтеръ спалъ и послѣ обѣда стало совсѣмъ тихо. Однако къ вечеру снова подулъ слабый вѣтерокъ, сначала съ юго-запада, потомъ съ запада и наконецъ къ вечеру начался сѣверо-восточный вѣтеръ, появленiя котораго мы такъ боялись. Въ 9 часовъ вечера подулъ сильный вѣтеръ съ сѣверо-запада. Послѣобѣденныя наблюденiя указываютъ, что мы ни въ какомъ случаѣ не подвинулись сѣвернѣе 80° 11', и это не смотря на южный вѣтеръ, не перестававшiй въ теченiи четырехъ дней. Что же это значитъ? Не находится ли подо льдомъ «мертвая вода», которая мѣшаетъ намъ двигаться впередъ или назадъ?

Вчера ледъ раскололся у штирборда, и трещина распространилась дальше медвѣжьей западни. Толщина плотнаго льда была 3,45 метровъ, но подъ нимъ образовался другой ледъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ льдина раскололась поперекъ, ясно было замѣтно наслоенiе глетчеровъ; даже видны были болѣе темные и грязные слои, хотя цвѣтъ этихъ слоевъ въ данномъ случаѣ былъ результатомъ присутствiя въ водѣ коричневокрасныхъ организмовъ, экземпляры которыхъ мнѣ случалось находить раньше. На многихъ мѣстахъ льдины слои были изогнуты, совершенно такъ, какъ геологическiе слои, образующiе земную кору. Безъ сомнѣнiя, они обязаны своимъ происхожденiемъ горизонтальному давленiю во время напора льдовъ, что особенно можно было замѣтить по близости одного огромнаго холма, образовавшагося во время послѣдняго напора. Удивительно, какъ это льдина, въ 3 метра толщины, могла такъ волнообразно изогнуться, не расколовшись. Очевидно, это было произведено напоромъ, что можно было ясно видѣть вблизи образовавшихся вслѣдствiе напора ледяныхъ цѣпей, которыя такъ стиснули льдину, что ея верхняя поверхность лежала на одномъ уровнѣ съ поверхностью воды, между тѣмъ какъ въ другомъ мѣстѣ она находилась на высотѣ приблизительно полметра надъ водой,—ее приподнялъ ледъ сдвинувшiйся подъ нею. Температура льда на его поверхности во время напора должна была быть—20° или—30° С. Во многихъ мѣстахъ льдина треснула. Трещины были часто покрыты рыхлымъ льдомъ, такъ что легко было провалиться, какъ это случается на опасныхъ глетчерахъ.

Суббота, 24-го февраля. Сегодняшнiя наблюденiя указываютъ 79°54' сѣв. широты и 132°,57' восточной долготы. Просто удивительно, какъ быстро мы подвинулись къ югу, хотя сѣверный и сѣверо-западный вѣтеръ дулъ не болѣе 24 часовъ.

Воскресенье, 25-го февраля. Кажется, будто ледъ снова двигается къ востоку. О, я вижу передъ собою лѣтнiя картины, зеле

вые деревья, журчащіе ручейки, я читаю о жизни альпійскихъ пастуховъ, о жизни въ горахъ, и тоска заползаетъ мнѣ въ душу. Зачѣмъ думать теперь о такихъ вещахъ? Вѣдь пройдутъ годы прежде, чѣмъ мы все это увидимъ снова.

Мы уподобляемся въ быстротѣ улиткѣ, но двигаемся далеко не съ такою же увѣренностью, какъ она. Мы тащимъ съ собою свой домъ, но то, что мы выполнили сегодня, завтра уничтожается.

Понедѣльникъ, 26-го февраля. Мы идемъ къ сѣверо-востоку. Сильная мятель. Вѣтеръ достигаетъ временами скорости 11 метровъ въ секунду; онъ завываетъ вокругъ такелажа и свиститъ надъ льдомъ. Мятель такъ сильна, что можно погибнуть у самаго судна.

Мы сидимъ здѣсь и прислушиваемся къ завыванію въ трубѣ и вентиляторахъ, точно у себя дома, въ Норвегіи. Крылья мельницы вертятся съ такою силою, что мы ихъ едва можемъ различить. Намъ пришлось, однако, ихъ остановить сегодня вечеромъ, такъ какъ аккумуляторы были заряжены въ достаточной степени; мы привязали крылья, чтобы вѣтеръ не могъ ихъ переломать. Электрическій свѣтъ у насъ не прекращается почти всю эту недѣлю.

Сегодня дуетъ самый сильный вѣтеръ, какой когда-либо былъ въ теченіе этой зимы. Если что-нибудь вообще можетъ встряхнуть ледъ и погнать насъ къ сѣверу, то это долженъ сдѣлать такой вѣтеръ. Однако, барометръ падаетъ слишкомъ быстро; скоро опять подуетъ сѣверный вѣтеръ. Надежда много разъ меня обманывала и теперь не имѣетъ для меня болѣе никакой привлекательности; буря не производитъ на меня сильнаго впечатлѣнія. Я жду весны и лѣта, не вѣдая какія они принесутъ съ собою перемѣны.

Но полярная ночь, страшная арктическая ночь прошла, и у насъ снова дневной свѣтъ. Я долженъ сказать, что не вижу вокругъ себя изможденныхъ блѣдныхъ лицъ, которыя, какъ предполагалось, должны были явиться результатомъ этой ночи. Куда я ни взгляну, я вижу днемъ, при яркомъ солнечномъ освѣщеніи, только круглыя, хорошо упитанныя физіономіи.

Странное впечатлѣніе производитъ теперь искусственный свѣтъ. Намъ казалось раньше, когда горѣли наши лампочки накаливанія, что у насъ свѣтло, какъ днемъ. Но теперь, когда мы опускаемся въ каюты днемъ, намъ кажется, что мы попали въ погребъ, хотя и зажжены всѣ лампы. Впечатлѣніе получается одинаковое, какія бы лампы ни горѣли.

Вторникъ, 27-го февраля. Мы плывемъ на востоко-юго-востокъ. Мой пессимизмъ оправдывается. Почти весь день дулъ сильный западный вѣтеръ; барометръ стоитъ низко, но начинаетъ подыматься неправильнымъ образомъ. Температура самая высокая, какую только намъ пришлось наблюдать въ теченіи зимы:—9,7° С. Въ 8 часовъ утра термометръ стоялъ на —22° С. Температура поднимается и падаетъ въ обратномъ отношеніи къ барометру. Согласно сего-

дняшнимъ послѣобѣденнымъ наблюденіямъ мы находимся приблизительно на 80°10' сѣв. широты.

Среда, 28-е февраля. Прекрасная погода сегодня; вѣтра почти нѣтъ, и температура приблизительно—26° до—30° С. На югѣ находятся облака, такъ что солнце мало видно, но тѣмъ не менѣе давно уже очень свѣтло. Послѣ обѣда мы съ Свердрупомъ отправились на лыжахъ, въ первый разъ въ этомъ году можно было совершить такую прогулку послѣ обѣда.

Вчера и сегодня мы пробовали выкачивать воду, такъ какъ, по нашему мнѣнію, въ суднѣ должна была находиться вода, но помпа не дѣйствовала, хотя мы и употребляли соль и теплую воду. Весьма вѣроятно, что вода замерзла вокругъ помпы; впрочемъ, можетъ быть, въ суднѣ и нѣтъ воды. Въ машинномъ трюмѣ уже болѣе мѣсяца не показывалась вода и въ переднемъ трюмѣ воды нѣтъ, тѣмъ болѣе теперь, когда носъ судна приподнятъ напоромъ льда; слѣдовательно, вообще въ суднѣ не можетъ быть много воды.

Сегодня вечеромъ вѣтеръ снова задулъ съ юго-юго-запада, и барометръ падаетъ, изъ чего можно заключить, что приближается хорошій вѣтеръ. Но «барометръ надежды» все еще не поднимается выше своей нормы. Вечеромъ я выкупался на кухнѣ въ жестяной ваннѣ; когда вымоешься чисто, то какъ то больше чувствуешь себя человѣкомъ.

Четвергъ, 1-го марта. Мы почти не двигаемся. Прекрасная мягкая погода, только—19° С. Небо облачно, небольшой снѣгъ при слабомъ вѣтрѣ.

Мы попробовали сегодня бросить лотъ, удлиннивъ пеньковую веревку нашего лота кускомъ стальной проволоки; но послѣдняя оборвалась вмѣстѣ съ лотомъ. Мы прикрѣпили новый лотъ и спустили всю веревку около 3,475 метровъ, не достигнувъ дна. При выниманіи лота стальная проволока снова оборвалась; въ результатѣ, слѣдовательно, мы дна не достигли, но потеряли два лота, около 50-ти килограммовъ каждый, которые и остались въ глубинѣ. Богъ вѣсть, достигли ли они уже дна. Я почти готовъ вѣрить Бентсену, что въ земной оси есть дыра, и мы пробовали промѣрить глубину въ этой дырѣ.

Пятница, 2-го марта. До этого времени щенки оставались въ рубкѣ и надѣлали много бѣдъ: изгрызли ящикъ для инструментовъ Гансена, корабельные журналы и т. п. Вчера мы ихъ въ первый разъ выпустили на палубу и сегодня они все утро тамъ оставались. Они выказываютъ большую любознательность, тщательно изслѣдуя всѣ предметы, но, повидимому, особенный интересъ возбудили въ нихъ всѣ собачьи конуры, имѣвшіяся на суднѣ.

Воскресенье, 4-го марта. Теченіе по прежнему направляется къ югу. Сегодня снова дуетъ сѣверо-западный вѣтеръ, но не такой сильный. Я ожидалъ, что мы далеко подвинулись на югъ, но послѣобѣденныя наблюденія указываютъ только 79° 54 сѣв. шир.

Мы, слѣдовательно, за послѣдніе дни, прежде чѣмъ началъ дуть этотъ вѣтеръ, ушли довольно далеко на сѣверъ. Вчера и сегодня погода была непріятная, такъ какъ—37° и 38° С. при скорости вѣтра въ 11 метровъ въ секунду очень чувствительны. Замѣчательно, что сѣверные вѣтры теперь несутъ съ собою холодъ, а южные—тепло. Въ началѣ зимы наблюдалось какъ разъ обратное явленіе.

Понедѣльникъ, 5-го марта. Свердрупъ и я сдѣлали большую прогулку на лыжахъ на сѣверо-востокъ. Дорога была въ хорошемъ состояніи, такъ какъ вѣтеръ намелъ кругомъ снѣгъ и насколько возможно сгладилъ поверхность льда.

Вторникъ, 6-го марта. Сегодня былъ рѣзкій холодъ—44°, 46° С. и вѣтеръ дулъ со скоростью 5,8 метровъ. Представлялся удобный случай отморозить себѣ лицо и руки, и нѣкоторые изъ насъ воспользовались этимъ.

Сѣверо-западный вѣтеръ продолжается, но я какъ то начинаю уже равнодушно относиться къ тому, какой дуетъ вѣтеръ. Сегодня я фотографировалъ Іогансена у анемометра и въ то время, когда я снималъ его, онъ отморозилъ себѣ носъ.

Вечеромъ происходило всеобщее взвѣшиваніе. Эта процедура всегда насъ чрезвычайно интересуетъ; мы съ любопытствомъ слѣдимъ за тѣмъ, кто выигралъ и кто потерялъ въ вѣсѣ. На этотъ разъ большинство потеряли не много, быть можетъ, потому, что перестали пить пиво и вмѣсто него употребляемъ лимонный сокъ. Только одинъ Юэлль не перестаетъ увеличиваться въ вѣсѣ и теперь уже достигъ 600 граммовъ. Нашему доктору также везетъ въ этомъ отношеніи, но сегодня онъ показываетъ увеличеніе въ вѣсѣ всего лишь на 300 граммъ. Но въ другомъ отношеніи бѣднягѣ не везетъ: никто не хочетъ хворать на суднѣ. Съ отчаянія онъ самъ захворалъ, у него сдѣлалась головная боль, но онъ себя вылѣчилъ. Въ послѣднее время онъ сталъ изучать собачьи болѣзни; быть можетъ, тутъ ему будетъ практика.

Четвергъ, 8-го марта. Теченіе къ югу. Свердрупъ и я совершили хорошенькую прогулку на лыжахъ на сѣверъ и на западъ. Снѣгъ послѣ вѣтра въ прекрасномъ состояніи, и мы мчались, какъ пухъ, гонимый вѣтромъ, минуя всѣ препятствія въ видѣ ледяныхъ хребтовъ.

Погода была прекрасная, температура только—39 С. Но сегодня вечеромъ опять было очень холодно (—48,5 С.) при силѣ вѣтра въ 5—8 метровъ. При такой погодѣ, конечно, очень невесело стоять у вѣтряной мельницы, чтобы управлять ея крыльями, пальцы при этомъ сильно болятъ, и порою отмораживаются щеки, но такъ какъ безъ этого нельзя обойтись, то приходится всетаки исполнять эту работу.

Днемъ всегда бываетъ болѣе чѣмъ достаточно вѣтра для нашей мельницы, и мы уже третью недѣлю пользуемся электрическимъ свѣтомъ, но всетаки очень грустно, что все время дуетъ этотъ сѣ-

верный и сѣверо-западный вѣтеръ, и Богъ вѣсть, когда онъ наконецъ прекратится.

Не находится ли къ сѣверу отъ насъ материкъ? Насъ все тащитъ къ югу. Трудно сохранять увѣренность при такихъ обстоятельствахъ, но придетъ время и научитъ, что дѣлать.

Послѣ продолжительной паузы судно снова испытало сотрясеніе сегодня послѣ обѣда. Я вышелъ на палубу. Въ полыньѣ произошелъ напоръ льда, какъ разъ у носовой части судна. Такъ какъ теперь новолуніе, то мы могли ожидать напора, но мы уже привыкли не думать о приливахъ, потому что въ послѣднее время они обнаруживали мало дѣйствія. Само собою разумѣется, что теперь приливы должны быть особенно сильны, такъ какъ приближается весеннее равноденствіе.

Пятница, 9-го марта. Сегодня утромъ веревка сѣти показывала на юго-западъ, между тѣмъ канатъ, къ которому былъ привязанъ сыръ, опущенный въ воду для оттаиванія, указывалъ противоположное направленіе. Имѣемъ ли мы южное теченіе съ вѣтромъ? Гм! въ такомъ случаѣ что-нибудь должно произойти. Или быть можетъ это только теченіе прилива, принимающее такое направленіе?

Все еще дуетъ тотъ же самый сѣверный вѣтеръ; мы все двигаемся къ югу. Вотъ въ чемъ заключается перемѣна, которую намъ должно было принести равноденствіе, какъ я надѣялся. Сѣверный вѣтеръ дуетъ вотъ уже болѣе двухъ недѣль, и я не могу не сознаться, что мнѣ становится грустно. Спокойно и медленно, но безпощадно гибнетъ одна надежда за другой... Развѣ же я не имѣю основанія грустить?

Я несказанно тоскую по родинѣ. Быть можетъ, я отъ нея удаляюсь, но, быть можетъ, наоборотъ. Во всякомъ случаѣ не очень утѣшительно, что осуществленіе плана постоянно задерживается, если не совсѣмъ уничтожается, подобнымъ скучнымъ и утомительно однообразнымъ способомъ.

Природа безстрастно совершаетъ впродолженіи многихъ тысячелѣтій свой круговой путь. Лѣто и зима смѣняются, исчезаетъ весна, приходитъ осень и находитъ насъ среди прежняго же хаотическаго безпорядка смѣлыхъ плановъ и разрушенныхъ надеждъ. Это точно вертящееся колесо: то одна, то другая его сторона оказываются наверху. Между тѣмъ въ душѣ по прежнему раздается нѣжная музыка воспоминаній; то звучитъ она, какъ бурный водопадъ, то слышатся тихіе и нѣжные звуки, точно отдаленная музыка.

Я стою и смотрю на безотрадныя ледяныя пространства, съ ихъ равнинами, возвышенностями и долинами, образовавшимися подъ вліяніемъ напора, вызываемаго смѣняющимися теченіями зимнихъ приливовъ. Солнце освѣщаетъ ихъ своими яркими лучами. Посреди находится Fram, недвижимо заключенный во льду. Когда же ты, мое гордое судно, снова будешь свободно плыть по открытому морю?

На этихъ, плывущихъ по неизвѣстнымъ путямъ, ледяныхъ массахъ, сосредоточились всѣ помыслы жалкаго человѣческаго существа, мало-по-малу сообщившаго свое стремленіе цѣлому народу, который употребилъ всѣ старанія, чтобы дать ему возможность отправиться туда, куда влекли его мечты, между тѣмъ этотъ народъ могъ бы на что-нибудь другое употребить свои силы. Но къ чему же весь этотъ шумъ? Вѣдь если разсчетъ вѣренъ, то эти льдины должны быть превосходными—нѣтъ, непреодолимыми—союзниками. Но если въ разсчетѣ есть какая нибудь ошибка, то, разумѣется, имѣть дѣло съ этими льдинами не такъ пріятно. Но часто ли разсчеты оказываются вѣрными?

Ну, а еслибъ я былъ свободенъ теперь? Я бы повторилъ то же самое, исходя изъ тѣхъ же положеній. Надо выждать, пока научишься вѣрно разсчитывать.

Я смѣюсь надъ цынгой! Нѣтъ лучшаго санаторія, какъ наше судно. Я смѣюсь надъ могуществомъ льда! Мы живемъ точно въ неприступномъ укрѣпленіи. Я смѣюсь надъ холодомъ; онъ—ничто! Но надъ вѣтрами я не смѣюсь; они составляютъ все. Они не подчиняются никакой человѣческой волѣ.

Что пользы постоянно сокрушаться о будущемъ? Зачѣмъ создавать себѣ заботы по поводу того, плывемъ ли мы впередъ, или назадъ? Отчего не жить безпечно, день за днемъ, не нарушая ничѣмъ мирнаго теченія времени? Отъ времени до времени вѣдь порывъ вѣтра нарушаетъ это затишье.

Жизнь—удивительное учрежденіе! Вѣчное стремленіе впередъ, все впередъ—къ какой цѣли? Потомъ приходитъ смерть, и всему наступаетъ конецъ раньше, чѣмъ цѣль бываетъ достигнута.

Сегодня я сдѣлалъ большую прогулку на лыжахъ. На нѣкоторомъ разстояніи къ сѣверу находятся многочисленныя, новообразованныя полыньи и ледяныя вершины, черезъ которыя трудно было проходить. Но терпѣніе все преодолѣваетъ, и я скоро достигъ отдаленной равнины, очень удобной для бѣга.

Было довольно холодно—47° и —48° С. при скорости сѣверовосточнаго вѣтра въ 5 метровъ, но я не особенно чувствовалъ это. Здорово и пріятно быть на воздухѣ въ такую погоду. Я одѣтъ былъ, какъ обыкновенно, и только сверху куртка изъ тюленьяго мѣха и холщевыя панталоны, на лицо же я надѣлъ полумаску для защиты лба, носа и щекъ.

Сегодня было довольно сильное давленіе льда, въ различномъ направленіи. Сегодняшнія вычисленія указываютъ широту 79° 45′, слѣдовательно, въ четыре дня, съ 4-го марта, мы подвинулись къ югу только на 8 минутъ. Это медленное движеніе, не смотря на сильный вѣтеръ, поразительно. Если на сѣверѣ есть земля? Я все болѣе и болѣе начинаю думать объ этомъ. Существованіе материка на сѣверѣ тотчасъ же бы намъ объяснило, почему мы не идемъ на сѣверъ, а насъ такъ медленно подвигаетъ къ югу. Но это обстоя-

тельство можетъ зависѣть также и отъ того, что ледъ сдвинулся очень плотно и образовалъ огромнуюземерзшую массу. Меня удивляетъ, что сѣверо-западные вѣтры дуютъ такъ часто, а сѣверо-восточнаго вѣтра почти не бываетъ, хотя на основаніи круговращенія земли мы должны были бы ждать появленія этого послѣдняго. Если тамъ нѣтъ никакой земли, то я совсѣмъ не могу найти объясненія этому явленію, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что касается направленія вѣтра.

Распространяется ли земля Франца-Іосифа на востокъ или на сѣверъ или же оттуда идетъ въ одномъ или другомъ направленіи непрерывный рядъ острововъ? Тутъ во всякомъ случаѣ ничего нѣтъ невозможнаго. Когда австрійцы прошли довольно далеко на сѣверъ, то имъ пришлось преимущественно имѣть дѣло съ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ, между тѣмъ какъ у насъ дуютъ сѣверо-западные вѣтры. Не находится ли ядро этого материка на сѣверѣ, посрединѣ между ихъ меридіаномъ и нашимъ? Я едва могу вѣрить, что эти удивительно холодные вѣтры съ сѣвера происходятъ только отъ того, что они дуютъ надъ поверхностью покрытаго льдомъ моря. Если тамъ, дѣйствительно, есть земля, и мы ее достигнемъ, то всѣ наши тревоги исчезнутъ. Но никто не знаетъ, что принесетъ съ собою будущее и, быть можетъ, лучше, что мы этого не знаемъ.

Суббота, 10-го марта. Веревка указываетъ теченіе къ сѣверу и теперь, послѣ обѣда, подулъ легкій южный вѣтерокъ. Мнѣ онъ принесъ пользу, какъ всегда, разсѣявъ мое уныніе. Сегодня у меня опять бодрое настроеніе, и я снова могу предаваться счастливымъ мечтамъ о большой странѣ на сѣверѣ, съ горами и долинами, и мы сидимъ у подножія стѣны горъ и жаримся на солнцѣ, ожидая весны. На льдинахъ этой страны мы совершаемъ свой путь до самаго полюса.

Воскресенье, 11-го марта. Прогулка на лыжахъ на сѣверъ. Температура—50° С. Сила вѣтра 3 метра. Холодъ не очень чувствителенъ, только низъ живота и ноги у насъ сильно озябли, такъ какъ никто изъ насъ не надѣлъ «панталонъ для вѣтра» (такъ называли мы легкія панталоны изъ тонкаго плотнаго сукна, служащія для защиты отъ вѣтра и снѣга) и мы были одѣты въ обыкновенные шерстяныя панталоны и кальсоны. На верхнюю часть тѣла у насъ была надѣта рубашка, воротникъ изъ волчьяго мѣха или обыкновенный шерстяной костюмъ и куртка на оленьемъ мѣху.

Въ первый разъ въ жизни я чувствовалъ, что у меня мерзнутъ ноги, а именно колѣни. Мои спутники испытывали то же самое. Это ощущеніе появилось послѣ того, какъ мы довольно долго бѣжали противъ вѣтра. Мы стали растирать ноги, и онѣ опять согрѣлись, но я думаю, что мы бы ихъ сильно отморозили, еслибъ продолжали бѣжать дальше, не обращая вниманія. Въ другихъ отношеніяхъ мы не имѣли никакихъ основаній жаловаться на холодъ. Наоборотъ, температура была вполнѣ пріятная, и я убѣжденъ, что даже пони-

женіе ея еще на 10—20, даже 30° вполнѣ переносимо для человѣка.

Удивительно, какъ измѣняется у человѣка способность воспріимчивости. Дома мнѣ было непріятно выходить на воздухъ въ 20° мороза, даже въ безвѣтряную погоду. Когда сидишь дома въ теплой комнатѣ, то понятіе объ ужасахъ холода всегда бываетъ преувеличеннымъ. Мы всѣ чувствуемъ себя прекрасно, не смотря на холодъ, хотя нѣкоторые изъ насъ и сокращаютъ свои прогулки изъ-за этого. Но это бываетъ тогда, когда одежда слишкомъ легка и недостаточно защищаетъ отъ вѣтра.

Сегодня вечеромъ—51,2° С и сѣверо-восточный вѣтеръ со скоростью 4,4 метра. Блестящее сѣверное сіяніе въ южной части неба. Даже въ полночь заря теперь становится очень замѣтной.

Понедѣльникъ, 12-го марта. Медленное движеніе къ югу. Я предпринялъ одинъ далекую прогулку на лыжахъ къ сѣверу. Сегодня я надѣлъ теплые панталоны и нашелъ, что онѣ слишкомъ теплы. Утромъ было—51,6° С при сѣверномъ вѣтрѣ, приблизительная скорость котораго была 4 метра. Въ полдень стало теплѣе на нѣсколько градусовъ. Уфъ! этотъ сѣверный вѣтеръ освѣжаетъ таки! Барометръ снова поднялся, и я думалъ, что вѣтеръ перемѣнится, но онъ остался тотъ же.

Вотъ что принесъ намъ мартъ мѣсяцъ, на которомъ я основывалъ всѣ свои надежды. Я долженъ ждать теперь лѣта. Скоро пройдетъ цѣлое полугодіе, и мы почти не двинулись съ мѣста.

Ахъ, я усталъ, такъ усталъ; дайте мнѣ спать, только спать. Пусть придетъ сонъ и безшумно закроетъ двери моихъ мыслей, прекративъ ихъ теченіе. Пусть придутъ сновидѣнія, и безснѣжный берегъ Готгааба освѣтится снова яркими солнечными лучами!

Среда, 14-го марта. Вечеромъ вдругъ всѣ собаки начали лаять; мы рѣшили, что онѣ чуютъ медвѣдя. Свердрупъ и я похватали свои ружья, спустили двухъ собакъ и бросились впередъ.

Заря еще не прекратилась, луна же начала свѣтить. Лишь только собаки были на льду, какъ бросились стремглавъ, точно двѣ ракеты, прямо на западъ; мы старались поспѣвать за ними. Прыгая черезъ канаву, я провалился сквозь ледъ до самыхъ колѣнъ. Страннымъ образомъ я не промокъ, какъ это можно было ожидать, хотя на мнѣ были обуты только финскіе башмаки и гамаши, но при этой температурѣ (—39° С) вода замерзаетъ на поверхности холодной матеріи раньше, чѣмъ проникнетъ сквозь нее. И позднѣе я ничего не чувствовалъ, такъ какъ вода образовала ледяной панцырь, который почти согрѣвалъ меня. Добравшись до довольно отдаленной канавы, мы открыли, что собаки почуяли вовсе не медвѣдя, а скорѣе моржа или тюленя, такъ какъ въ новообразованномъ льду мы замѣтили много отверстій, черезъ которыя этотъ звѣрь просовывалъ голову. Но какое удивительно тонкое чутье у собакъ! Звѣрь

находился на разстояніи болѣе одного километра и, вѣдь, только чуть чуть высунулъ свою морду изъ-подо льда наружу.

Мы вернулись на судно, чтобы взять гарпунъ, но звѣря больше не видали, хотя нѣсколько разъ обходили канаву. Между тѣмъ одна изъ собакъ, «Панъ», въ пылу увлеченія, подошелъ слишком близко къ отверстію и упалъ въ воду. Ледъ былъ такъ высокъ, что онъ не могъ выкарабкаться безъ чужой помощи, и еслибъ меня тутъ не было, то онъ навѣрное утонулъ бы. Теперь онъ лежитъ въ салонѣ, гдѣ чувствуетъ себя прекрасно, и сохнетъ. Хотя онъ пробылъ въ водѣ довольно долго, но не промокъ насквозь, и кожа подъ его толстымъ грубымъ мѣхомъ была совсѣмъ теплая и сухая. Собаки всегда бываютъ чрезвычайно довольны, когда ихъ впускаютъ въ каюты, но это удовольствіе не часто выпадаетъ на ихъ долю. Въ такихъ случаяхъ онѣ обыкновенно расхаживаютъ по всѣмъ каютамъ, отыскивая удобное мѣстечко, гдѣ бы могли разлечься.

Пріятная погода, вѣтра почти нѣтъ. Яркій свѣтъ и луна; въ сѣверной части неба вечерняя заря, въ нижней—сѣверное сіяніе, то имѣющее видъ пылающихъ трезубцовъ, то превращающееся въ серебряную завѣсу, въ складкахъ которой, колыхающихся отъ дуновенія вѣтра, тамъ и сямъ выглядываютъ красивыя кружева. Это чудное зрѣлище всегда одинаково ново и одинаково приковываетъ вниманіе.

Четвергъ, 15-го марта. Сегодня утромъ—41,7°C и къ восьми часамъ вечера—40,7°, но въ теченіе дня было нѣсколько теплѣе. Утромъ температура была—40,5°, а въ 4 часа послѣ обѣда—39°. Повидимому, солнце скоро вступитъ въ свои права.

Собаки—удивительныя существа. Сегодня вечеромъ имъ опять должно быть было жарко въ конурахъ, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ вылѣзли на крышу. При 50° градусахъ холода онѣ большею частью залѣзаютъ другъ на дружку въ конуру и лежатъ тамъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу; у нихъ нѣтъ тогда охоты совершать прогулки, и онѣ предпочитаютъ лежать и грѣться на солнцѣ. Но сегодня, очевидно, онѣ находятъ погоду пріятной и умѣренной, и поэтому нетрудно было соблазнить ихъ на прогулку.

Пятница, 16-го марта. Свердрупъ въ послѣднее время былъ занятъ приготовленіемъ парусовъ для лодокъ. Сегодня дуетъ легкій юго-западный вѣтерокъ, поэтому мы и рѣшили испробовать одинъ изъ его парусовъ, прикрѣпивъ его къ двумъ, связаннымъ вмѣстѣ ручнымъ санкамъ. Проба вышла удачной и даже не нужно было сильнаго вѣтра, чтобы сани скользили. Такой способъ передвиженія можетъ намъ очень пригодиться въ томъ случаѣ, если намъ придется возвращаться по льду домой.

Среда, 21-го марта. Наконецъ, наступила перемѣна. Вѣтеръ дуетъ съ юго-востока и снова насъ тащитъ къ сѣверу. Равноденствіе миновало, и съ того времени мы не подвинулись ни на одинъ градусъ къ сѣверу. Интересно, гдѣ то встрѣтитъ насъ слѣдующе

равноденствіе. Если мы попадемъ къ тому времени еще дальше къ югу, то побѣда наша будетъ очень сомнительна; если же мы подвинемся дальше на сѣверъ, то битва выиграна, хотя она и можетъ долго продлиться. Я возложилъ всѣ упованія на лѣто; оно должно принести какую-нибудь перемѣну. Открытое море, по которому мы доѣхали, не могло образоваться исключительно только подъ вліяніемъ таянія льдовъ; тутъ должны были дѣйствовать и вѣтры, и теченіе. Если же ледъ, на которомъ мы теперь находимся, такъ далеко уносится на сѣверъ, чтобы уступить мѣсто этому открытому морю, то онъ долженъ помочь намъ пройти большое разстояніе нашего пути. Можно предположить, что лѣто, подъ вліяніемъ холоднаго полярнаго моря на сѣверѣ и теплой Сибири на югѣ, принесетъ съ собою сѣверные вѣтры. Во мнѣ это всетаки возбуждаетъ нѣкоторыя сомнѣнія, но съ другой стороны мы имѣемъ теплыя моря на западѣ, которыя, пожалуй, дѣйствуютъ сильнѣе; притомъ же и Жаннету вѣдь потащило на сѣверо-западъ.

Удивительно, что, не смотря на западные вѣтры, мы всетаки не двигаемся къ востоку; мы находимся подъ 135° вост. долготы.

Великій четвергъ, 22-го марта. Такой же сильный юго-восточный вѣтеръ и теченіе на сѣверъ. Наше настроеніе улучшается. Вѣтеръ свиститъ въ такелажѣ, и эти звуки раздаются точно побѣдная пѣснь.

Утромъ съ одною изъ собакъ сдѣлался тяжелый припадокъ судорогъ; у нея показалась пѣна изо рта, и она бѣшено кусала все, что ей попадалось. Когда припадокъ завершился столбнякомъ, мы отнесли животное на ледъ и положили его. Собака прыгала точно жаба, вытянувъ неподвижно ноги, загнувъ голову и шею вверхъ, между тѣмъ какъ спина у нея вытянулась, какъ сѣдло. Опасаясь, что у нея водобоязнь или какая-нибудь другая заразительная болѣзнь, я пристрѣлилъ ее на мѣстѣ. Быть можетъ я поторопился, такъ какъ вѣдь врядъ ли теперь могла у насъ быть какая-нибудь зараза на суднѣ. Однако, что же это было такое? Эпилептическій припадокъ?

Недавно меня напугалъ одинъ изъ щенковъ, начавшій бѣгать кругомъ въ рубкѣ точно безумный, послѣ чего онъ залѣзъ въ щель между ящикомъ и стѣной, гдѣ и спрятался. Это видѣли и другіе, но вскорѣ послѣ того онъ опять былъ здоровъ.

Страстная пятница, 23-го марта. Наблюденія въ полдень указываютъ 80° сѣв. широты. Въ четверо сутокъ мы прошли такое же разстояніе на сѣверъ, какое прошли на югъ въ теченіе трехъ недѣль. Во всякомъ случаѣ это можетъ служить утѣшеніемъ.

Удивительно, какъ скоро ночи стали свѣтлыми. Теперь даже первой величины звѣзды едва замѣтны въ полночь.

Суббота, 24-го марта. Канунъ Пасхи. Сегодняшній день ознаменовался тѣмъ, что мы впустили дневной свѣтъ въ салонъ. Въ теченіе всей зимы люкъ, для предохраненія отъ холода, былъ покрытъ снѣгомъ, и, кромѣ того, вокругъ были поставлены собачьи ко-

нуры. Теперь же мы выбросили весь снѣгъ на ледъ и хорошенько вычистили и вымыли стекла люка.

Понедѣльникъ, 26-го марта. Мы не двигаемся; теченія нѣтъ. Какъ долго это протянется? Какъ я гордился и торжествовалъ въ послѣдній день равноденствія; весь міръ казался мнѣ тогда свѣтлымъ; теперь я уже больше не горжусь!

Солнце стоитъ надъ ледяными равнинами и освѣщаетъ ихъ своимъ сіяніемъ. Весна приходитъ, но не приноситъ съ собою радости. Здѣсь все также пустынно и холодно. Душа застываетъ.

Еще семь лѣтъ такой жизни или, быть можетъ, только четыре, что же тогда будетъ съ душой? А она?.. Еслибъ я только могъ дать волю своей тоскѣ! О, я тоскую гораздо больше, чѣмъ бы слѣдовало. Я не имѣю мужества думать о будущемъ... Что будетъ дома, когда пройдутъ года, и никто не явится?

Я знаю, что это болѣзненное настроеніе; но это бездѣятельное, мертвое однообразіе безъ всякой перемѣны угнетаетъ душу! Никакой борьбы, даже никакой возможности бороться! Все это тихо и мертво, такъ неподвижно и все такъ застыло подъ ледянымъ покровомъ... О, даже душа цѣпенѣетъ! Чего бы я не далъ за одинъ только день борьбы! За одинъ только моментъ опасности!

Я все еще долженъ ждать и наблюдать теченіе, но если оно приметъ обратное направленіе, то я сожгу свои корабли и рискну всѣмъ, чтобы только пробраться по льду на сѣверъ. Это будетъ опасное путешествіе, тутъ будетъ поднятъ вопросъ жизни и смерти, но развѣ у меня есть другой выборъ? Недостойно человѣка брать на себя задачу и затѣмъ бросать ее, когда предстоитъ сразиться за нее. Есть только одинъ путь и этотъ путь—«впередъ, Fram!»

Вторникъ, 27-го марта. Мы снова идемъ къ югу; вѣтеръ сѣверный. Наблюденія въ полдень указываютъ 80,4' сѣв. широты.

Но зачѣмъ такъ унывать! Я уставился на одинъ единственный пунктъ и только и думаю о томъ, какъ бы достигнуть полюса и проложить дорогу въ Атлантическій океанъ.

Но вѣдь наша настоящая задача—изслѣдовать неизвѣстныя полярныя области. Развѣ же мы ничего не дѣлаемъ для пользы науки? Мы привеземъ съ собою довольно богатое собраніе наблюденій, произведенныхъ въ этой области, намъ теперь уже слишкомъ хорошо извѣстной. Остальное же есть и остается лишь вопросомъ тщеславія. «Люби больше истину и меньше—побѣду».

Разсматривая картину Эйлифа Петерсена, изображающую норвежскій сосновый лѣсъ, я мысленно переношусь туда. Какъ чудно-хорошо теперь тамъ весной, среди этой задумчивой, меланхолической тишины, между этими статными древесными стволами. Я чувствую влажный мохъ, въ который безшумно погружается моя нога. Желтовато-коричневая вода освобожденнаго отъ зимнихъ оковъ ручейка журчитъ въ расщелинахъ скалъ; воздухъ напоенъ ароматомъ мха и сосновыхъ иголъ, между тѣмъ какъ надъ головой

темныя верхушки сосенъ колышутся весеннимъ вѣтеркомъ на фонѣ свѣтло-голубыхъ небесъ и издаютъ вѣчно жалобный шелестъ, а внизу, подъ ихъ защитой, душа безстрашно отдается своимъ порывамъ и находитъ успокоеніе въ лѣсной глуши.

О ты, возбуждающій благоговѣніе сосновый лѣсъ, единственный повѣренный моего дѣтства! Отъ тебя я научился понимать природу, ея дикость и грусть. Ты воспиталъ мою душу для жизни. Одинъ, въ глуби лѣса, у пылающихъ углей костра, на краю безмолвнаго, мрачнаго лѣсного болота, въ то время, какъ темная ночь разстилалась надо мной, какъ я бывалъ счастливъ, наслаждаясь гармоніей природы!

Четвергъ, 29-го марта. Удивительно какую перемѣну производитъ дневной свѣтъ, снова освѣщающій нашу каюту. Когда мы встаемъ къ утреннему завтраку и видимъ свѣтъ, проникающій въ каюту, то вполнѣ сознаемъ, что, дѣйствительно, наступило утро.

Мы много работаемъ. Надо изготовить паруса для лодокъ и ручныхъ саней, надо также сдѣлать новыя крылья для мельницы, которыя могли бы дѣйствовать при всякой погодѣ. Если бы мы могли также придѣлать крылья и Fram! Надо приготовить ножи, остроги для медвѣдей, которые намъ ни на что негодны, западни, въ которыя мы не поймаемъ ни одного медвѣдя, топоры и разныя другія столь же полезныя вещи. Въ настоящее время мы заняты изготовленіемъ деревянныхъ башмаковъ въ большомъ количествѣ, затѣмъ мы организовали еще одну отрасль промышленности: кованіе гвоздей. Участниками этой промышленной компаніи являются Свердрупъ и кузнецъ Ларсъ. Изготовляемый продуктъ превосходенъ, и на него постоянно имѣются требованія, такъ какъ наши маленькіе гвозди израсходованы на сооруженіе ручныхъ саней. Кромѣ того, мы очень усердно работаемъ надъ нашими санями. Затѣмъ у насъ есть еще одна мастерская, изготовляющая скрѣпленія для лыжъ, а въ жестяной мастерской заняты исправленіемъ лампъ.

Нашъ докторъ, за недостаткомъ паціентовъ, устроилъ переплетную, очень полезную для библіотеки Fram, гдѣ нѣкоторыя книги много читаются и поэтому приходятъ въ весьма печальное состояніе. Всего болѣе, однако, у насъ на суднѣ занимаются веденіемъ дневниковъ, всѣ ихъ пишутъ. Короче говоря: нѣтъ ничего на свѣтѣ, чего бы мы не дѣлали, и только одного мы не можемъ сдѣлать— хорошаго вѣтра.

Наши мастерскія можно смѣло рекомендовать; работаютъ онѣ прочно и хорошо. Недавно наша промышленная дѣятельность еще расширилась организаціей, подъ фирмою «Нансенъ и Амундзенъ», фабрики нотныхъ дисковъ для гармоніума. Картонные диски отъ долгаго употребленія и сырости сильно пострадали, такъ что въ теченіе зимы мы испытывали большой недостатокъ въ музыкѣ. Вчера, однако, я серьезно взялся за работу и приготовилъ цинковый дискъ. Такъ какъ онъ дѣйствовалъ прекрасно, то мы займемся впослѣд-

ствія приготовленіемъ церковной и свѣтской музыки, но теперь, сейчасъ приготовляемъ вальсы. Эти послѣдніе, къ нашему утѣшенію и удовольствію, звучатъ превосходно. Какъ только раздаются звуки вальса, такъ въ сердцахъ многихъ обитателей Fram пробуждается новая жизнь

Я жалуюсь на утомительное однообразіе нашей обстановки, но право же я несправедливъ.

Въ теченіе послѣднихъ дней солнце ярко освѣщало снѣжные холмы, но сегодня мятель окутываетъ Fram снѣжною завѣсой. Но затѣмъ вскорѣ опять появляется солнце, и снѣжная пустыня сверкаетъ, какъ прежде.

Въ природѣ есть настроеніе. Часто я останавливался, какъ вкопанный, когда менѣе всего думалъ объ этомъ, при видѣ чудной вечерней игры красокъ. Ледяные холмы, окутанные голубовато-лиловыми сумерками, выдѣляющіеся на оранжевомъ фонѣ небесъ, освѣщенныхъ мерцаніемъ солнечнаго заката, представляютъ такое зрѣлище, которое навсегда запечатлѣвается въ душѣ, какъ самая глубокая поэзія красокъ. А эти свѣтлыя, мечтательныя ночи! Сколько воспоминаній о Норвегіи вызываютъ онѣ въ насъ, норвежцахъ! Въ воображеніи рисуется весеннее утро; звѣзды уже начали меркнуть въ небесахъ, и блѣдный мѣсяцъ уже выглядываетъ надъ верхушками деревьевъ, въ то время, когда я отправлялся на охоту за тетеревами. Здѣсь, на сѣверѣ, заря со своими сверкающими тонами красокъ напоминаетъ весенній разсвѣтъ въ лѣсной чащѣ, тамъ, на родинѣ. Облачный голубой туманъ, разстилающійся внизу, а вверху сверкаетъ заря, переходящая въ свѣжій утренній сумракъ надъ болотомъ; темныя и низкія облака, выдѣляющіяся на темнокрасномъ фонѣ, кажутся далекими возвышенностями.

Дневной свѣтъ, суровый и безжизненно бѣлый, не представлятъ ничего привлекательнаго. Но за-то вечеръ и ночь смягчаютъ душу этого ледяного міра. Онъ видитъ печальныя грезы и, кажется, будто въ вечернихъ тонахъ красокъ можно разслышать подавленную жалобу. Но скоро это прекращается, и снова солнце однообразно свѣтитъ днемъ и ночью, безъ всякихъ оттѣнковъ, на вѣчно голубомъ далекомъ небосклонѣ.

Пятница, 6-го апрѣля. Сегодня должно было произойти замѣчательное событіе, котораго мы ожидали съ большимъ интересомъ: солнечное затменіе. Ночью Скоттъ Гансенъ вычислилъ, что затменіе начнется въ 12 часовъ 56 минутъ. Для насъ было очень важно хорошо обставить наблюденіе, такъ какъ мы могли бы при этомъ провѣрить самымъ точнымъ образомъ наши хронометры. Поэтому мы и приготовили, для большей вѣрности, свои инструменты и часа за два принялись уже наблюдать. Мы пользовались при этомъ большою подзорною трубой и нашими большими теодолитами.

Гансенъ, Іогансенъ и я, каждый по очереди, сидѣли пять минутъ передъ инструментами, чтобы наблюдать края солнца; мы ожи-

дали, что первая тѣнь покажется съ западной стороны. Тутъ же стоялъ кто нибудь другой и наблюдалъ за часами. Мы такимъ образомъ прождали цѣлыхъ два часа. Наконецъ, наступилъ счастливый моментъ, когда, по нашему вычисленію, мы должны были увидѣть тѣнь. Гансенъ смотрѣлъ въ большую подзорную трубу, когда вдругъ ему почудилось какое-то дрожаніе солнечныхъ краевъ; 33 секунды позднѣе онъ вскрикнулъ: «Вотъ!» И въ тотъ же моментъ то же самое воскликнулъ Іогансенъ. Часы показывали 12 ч. 56 минутъ $7^1/_2$ секундъ. Позднѣе на семь съ половиною секундъ, чѣмъ мы вычислили, какое-то темное тѣло заслонило солнце. Всѣ мы испытали громадное удовольствіе, и въ особенности Гансенъ, такъ какъ отсюда можно было вывести заключеніе, что наши хронометры находятся въ превосходномъ порядкѣ.

Дневной свѣтъ замѣтно угасалъ, когда мы сошли въ каюту къ столу. Въ два часа затмѣніе достигло своей высшей точки, и мы даже въ салонѣ могли замѣтить, насколько уменьшился дневной свѣтъ. Послѣ обѣда мы стали наблюдать тотъ моментъ, когда кончилось затмѣніе.

Воскресенье, 8-го апрѣля. Вчера утромъ я еще лежалъ въ своей койкѣ и раздумывалъ, вставать или нѣтъ, когда на палубѣ надо мной послышались чьи-то поспѣшные шаги, за которыми послѣдовали другіе. Что-то въ этихъ звукахъ было такое, что меня невольно заставило подумать о медвѣдѣ; у меня явилось безсознательное стремленіе спрыгнуть съ кровати, но я остался лежать и прислушивался, не услышу ли выстрѣла изъ ружья. Но ничего больше не было слышно и я вскорѣ опять погрузился въ свои мечтанія.

Вдругъ въ салонъ вбѣжалъ Іогансенъ и крикнулъ, что пара медвѣдей, полуживыхъ или быть можетъ уже мертвыхъ, лежатъ на большомъ ледяномъ холмѣ за кормою судна.

Могштадъ и онъ стрѣляли по этимъ медвѣдямъ, но у нихъ нѣтъ больше патроновъ. Многіе тотчасъ же похватали ружья и бросились наверхъ; я уже напялилъ на себя поскорѣе платье и отправился на палубу, гдѣ узналъ, что медвѣди бѣжали, и наши люди бросились за ними въ погоню. Но пока я надѣвалъ свои лыжи, они уже успѣли вернуться и разсказали, что медвѣди убѣжали. Не смотря на это, я всетаки отправился за ними такъ быстро, какъ только могъ это сдѣлать на лыжахъ, и вскорѣ напалъ на слѣдъ медвѣдей, вначалѣ слегка окровавленный. Это была медвѣдица съ медвѣженкомъ, который, какъ я полагалъ, долженъ былъ быть тяжело раненъ, такъ какъ послѣ первой пули Іогансена онъ нѣсколько разъ падалъ. Поэтому мнѣ казалось, что не трудно овладѣть имъ. Нѣсколько собакъ бѣжали передо мною по слѣду. Онѣ повернули къ сѣверо-западу, и я устремился за ними, страшно потѣя на солнцѣ.

Снѣжная равнина, сверкающая своею ослѣпительною вѣчною бѣлизной, сильно утомляла мое зрѣніе. Я, повидимому, не приближался къ медвѣдямъ. Шансы поймать ихъ могли быть разстроены

собаками, которыя были достаточно горячи, чтобы загнать медвѣдя но не могли бы удержать его на мѣстѣ. Мнѣ не хотѣлось, однако отказаться отъ этого удовольствія.

Вскорѣ послѣ того поднялся туманъ и скрылъ все отъ моихъ глазъ, за исключеніемъ слѣдовъ медвѣдей. Затѣмъ туманъ разсѣялс и солнце снова заблистало, какъ прежде. Мачты Fram давно уж исчезли за краями льдовъ, а я все продолжалъ бѣжать. Вскорѣ однако, я почувствовалъ слабость и голодъ, такъ какъ впопыхах даже не позавтракалъ и долженъ былъ сознаться, что «зеленъ ви ноградъ»—и вернуться назадъ безъ медвѣдей.

По дорогѣ я прошелъ мимо удивительнаго холма. Онъ был болѣе шести метровъ высоты (къ сожалѣнію, мнѣ не удалось выме рить его до самой верхушки), средняя его часть, вѣроятно, под вліяніемъ напора, рушилась, между тѣмъ какъ остальныя част образовали роскошную тріумфальную арку изъ самаго бѣлаго мра мора, на которую солнце бросало свои яркіе сверкающіе лучи. Уж не ради ли моего пораженія сооружена эта арка?

Я вскарабкался на возвышенность, чтобы разглядѣть Fram; и долженъ былъ пробѣжать еще нѣкоторое разстояніе прежде чѣмъ наконецъ, разсмотрѣлъ на горизонтѣ такелажъ судна. Только к пяти съ половиною часамъ добрался я, наконецъ, послѣ этой не ожиданной прогулки, голодный и усталый, до судна, гдѣ вознагра дилъ себя за долгій постъ.

Во время моего отсутствія нѣкоторые изъ товарищей отправи лись за мною съ санями, чтобы привезти убитыхъ мною медвѣдей Едва достигли они мѣста, гдѣ былъ произведенъ первый выстрѣл какъ Іогансенъ и Блессингъ, бывшіе нѣсколько впереди прочих увидали за однимъ ближнимъ холмомъ свѣжіе слѣды медвѣдей. Н прежде, чѣмъ они зарядили ружья, звѣри уже удалились, и нача лась новая охота. Іогансенъ погнался за ними на лыжахъ, и его охота оказалась такою же безуспѣшной, какъ моя.

Не покинуло ли насъ счастье? Я похвалялся, что еще ни раз не случилось, чтобы я не забралъ съ собою застрѣленнаго медвѣд но сегодня!... Удивительно, что мы въ теченіе одного дня увидѣл четырехъ медвѣдей, тогда какъ вотъ уже три мѣсяца къ намъ н показывался ни одинъ! Не означаетъ ли это что нибудь? Не на ходимся ли мы вблизи материка на сѣверозападѣ, чего я жду давн Повидимому, готовится какая-то перемѣна.

Наблюденія вчерашняго вечера указываютъ 80°15' сѣв. ши роты — самый сѣверный пунктъ, какого мы только достигли.

Воскресенье, 15-го апрѣля. Вотъ уже и половина апрѣля. Как радостно звучитъ это слово, какой въ немъ источникъ блаженств Уже при одномъ его произнесеніи встаютъ въ воспоминаніи весе нія картины, такое время, когда настежъ растворяются двери окна, чтобы впустить въ комнаты весенній воздухъ, изгоняющ зимнюю пыль, — когда трудно усидѣть спокойно и такъ и тянет

уйти въ лѣсъ, въ поле, чтобы дышать воздухомъ свѣжевспаханной земли и любоваться фіордомъ, освободившимся отъ ледяныхъ оковъ и сверкающимъ на солнцѣ. Какой неизсякаемый источникъ ликованія пробуждающейся природы заключается въ словѣ «апрѣль»! Но здѣсь—здѣсь ничего подобнаго нѣтъ! Солнце также долго блеститъ на небѣ, но его яркіе лучи падаютъ не на поля, лѣса и горы, а на ослѣпительную бѣлизну свѣжевыпавшаго снѣга. Почти не тянетъ покинуть зимнее убѣжище. Апрѣль здѣсь не влечетъ за собою никакихъ перемѣнъ; если они и происходятъ, то гораздо позднѣе. Дни протекаютъ однообразно. Я не ощущаю здѣсь и слѣдовъ безпокойства, вызываемаго весной, и замыкаюсь, какъ въ раковинѣ, въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ. Я провожу день за днемъ, погружаясь въ міръ микроскопа и забывая время и все окружающее. По временамъ я выхожу не надолго изъ темноты на свѣтъ; дневные лучи сверкаютъ вокругъ меня и въ моей душѣ раскрывается узкая щель, дающая проходъ свѣту и бодрости, но затѣмъ снова надо идти внизъ, въ темноту, и опять работать.

Прежде чѣмъ лечь спать, я еще разъ выхожу на палубу. Дневной свѣтъ только что погасъ и одинокія звѣзды слабо сверкаютъ на небѣ, въ то время какъ блѣдная луна освѣщаетъ ледъ. Но теперь и этого не бываетъ; солнце не исчезаетъ за горизонтомъ и все время день. Я смотрю вдаль, на эту пустынную снѣжную равнину, на эти безпредѣльныя, безмолвныя, безжизненныя ледяныя массы, находящіяся въ незамѣтномъ движеніи. Ничего не слыхать, кромѣ слабаго шелеста вѣтра въ такелажѣ, да иной разъ, вдали, глухого треска сдвигающагося льда. И среди этой безжизненной пустыни виднѣется только маленькое темное пятно — Fram! Но подъ этимъ ледянымъ покровомъ, на сотни метровъ въ глубину, находится цѣлый міръ, изобилующій самыми разнообразными формами жизни, міръ, заключающій въ себѣ такія же сочетанія, какъ и нашъ, такія же стремленія, заботы и навѣрное такія же радости и такую же борьбу за существованіе повсюду. Если мы проникнемъ сквозь крѣпкую раковину, то натыкаемся на такой же пульсъ жизни, какъ бы ни была толста кора, подъ которою онъ скрывается.

Мнѣ представляется, что я сижу въ одиночествѣ и прислушиваюсь къ звукамъ одной изъ самыхъ могущественныхъ струнъ природы. Безпрепятственно звучитъ надъ вселенной величественная симфонія природы безчисленные вѣка, то выражаясь оглушительнымъ шумомъ дѣловой жизни, то неподвижнымъ холодомъ смерти, какъ въ Шопеновскомъ похоронномъ маршѣ. А мы, — мы представляемъ лишь безконечно малыя, незамѣтныя колебанія струны въ этой постоянно мѣняющейся, но въ тоже время неизмѣнной, могущественной музыкѣ вселенной. Тоны этой музыки — это міры; колебанія однихъ продолжаются дольше, другихъ — короче, но каждый поочереди долженъ уступить мѣсто новымъ тонамъ.

Грядущій міръ! Снова и снова я возвращаюсь къ этой мысли. Я смотрю далеко за предѣлы вѣковъ... Медленно и незамѣтно уменьшается теплота и также медленно падаетъ температура земли. Тысячи, сотни тысячъ, милліоны лѣтъ проходятъ, наступаютъ ледниковые періоды и проходятъ, теплота все уменьшается. Пловучія ледяныя массы очень медленно но все подвигаются дальше, все дальше къ южнымъ широтамъ и никто не замѣтитъ, когда наконецъ наступитъ такое время, что всѣ моря земли будутъ представлять одну большую ледяную массу. Жизнь исчезла съ поверхности земли и сосредоточилась лишь вглуби океана. Но температура продолжаетъ падать; ледъ растетъ, становится все толще и толще, господство жизни прекращается. Милліоны лѣтъ пройдутъ, прежде чѣмъ ледъ достигнетъ дна морей. Послѣдній слѣдъ жизни исчезъ, земля покрыта снѣгомъ. Все, ради чего жилось, болѣе не существуетъ. Плоды всѣхъ нашихъ усилій и страданій исчезли милліоны лѣтъ тому назадъ, погребенные подъ снѣжнымъ саваномъ.

Окоченѣлая, безжизненная ледяная масса—земля всетаки продолжаетъ свой путь въ вѣчности; солнце свѣтитъ тускло и луна болѣе не блеститъ на небѣ и едва замѣтна. Но сѣверное сіяніе, быть можетъ, еще пламенѣетъ надъ пустынною ледяною поверхностью и звѣзды тихо и мирно сверкаютъ, какъ и прежде. Однѣ уже погасли, но новыя заблестѣли и кругомъ вращаются новые міры съ новою жизнью и такими же безцѣльными страданіями. Таковъ безконечный кругъ вѣчности, вѣчный ритмъ природы.

Понедѣльникъ, 30-го апрѣля. Мы плывемъ на сѣверъ. Вчерашнія наблюденія указываютъ 80°42'; сегодняшнія 80°44'30" сѣв. широты. Вѣтеръ все время дуетъ съ юга и юго-востока.

Пріятная весенняя погода. Чувствуется, что пришла весна, хотя термометръ и оспариваетъ это.

На суднѣ мы производимъ большую весеннюю чистку; очищаемъ Fram отъ льда и снѣга и наше судно выглядитъ точно освобожденная отъ зимняго покрова скала, покрытая цвѣтами. Снѣгъ выбрасывается съ палубы лопатами за бортъ. Темный такелажъ рѣзко выдѣляется на голубомъ небѣ, а позолоченные шарики флаговъ на верхушкѣ мачтъ сверкаютъ на солнцѣ.

Мы купаемся въ лучахъ палящаго солнца на солнечной сторонѣ судна, гдѣ термометръ показываетъ выше точки замерзанія; мирно покуриваемъ трубки, любуясь легкими весенними облачками, плывущими по голубому пространству. Быть можетъ нѣкоторые изъ насъ вспоминаютъ свою родину, гдѣ теперь распускается береза...

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО.

(Изъ жизни русскихъ въ Америкѣ).

I.

Вдали показалась темная полоса берега. Бѣлогрудыя чайки съ однообразнымъ крикомъ носились вокругъ парохода, едва касаясь волнъ своими плоскими крыльями. По временамъ волной приносило къ самому борту зеленую вѣтку или цѣлый комъ водорослей.

Въ третьемъ классѣ эмигрантскаго парохода «Норвегія», приближавшагося къ американскому берегу, въ такъ называемомъ «Steerage», народу было биткомъ набито. Шумъ и говоръ пестрой толпы, съ взрывами хохота, взвизгиваньемъ женщинъ и крикомъ ребятъ, непріятно нарушалъ торжественную картину океана. Волны, будто сердясь, ударяли въ пароходъ, забрызгивая съ головы до ногъ пассажировъ, которые съ крикомъ и хохотомъ отскакивали отъ борта, давя и толкая задніе ряды. Начиналась давка и возня.

Но, по мѣрѣ того, какъ приближался берегъ, толпа стихала. Точно близость обѣтованной земли, къ которой стремились всѣ помыслы послѣднихъ годовъ, ради которой терпѣлись лишенія и откладывался каждый грошъ, сковывала уста. За послѣднее время все темное и безотрадное на родинѣ скрашивалось однимъ свѣтлымъ лучомъ въ будущемъ: «Мы ѣдемъ въ Америку». Все терпѣлось только пока, а тамъ, въ Америкѣ, начнется новая жизнь.

Но что такое Америка? На этотъ вопросъ едва-ли кто могъ отвѣтить съ точностью. Каждый представлялъ себѣ Америку по своему. Для мечтательныхъ головъ это былъ какой-то чудный призракъ въ туманѣ, что-то прекрасное, великое, хотя неясное. Людямъ практическимъ она представлялась болѣе конкретно, но каждый рисовалъ ее себѣ довольно односторонне. Нѣмецъ-булочникъ ожидалъ громаднаго сбыта своихъ булокъ, ирландецъ—освобожденія отъ англійскаго гнета, итальянецъ-землѣдѣлецъ—огромныхъ пространствъ свободной

земли, гдѣ и онъ можетъ облюбовать себѣ кусочекъ; богатому еврею она представлялась волшебной страной милліонныхъ гешефтовъ; для бѣднаго еврея прелесть ея была въ томъ, что у него не спросятъ паспорта и не будутъ гонять съ мѣста на мѣсто. Каждый ожидалъ найти въ Америкѣ рѣшеніе именно того вопроса, который его мучилъ, который составлялъ для него главное въ жизни. Но какъ все это сложится, каковы условія жизни, никто не зналъ. Всѣ кое-что слыхали, кое-что читали, получали короткія, наскоро набросанныя письма отъ родныхъ и друзей, уѣхавшихъ въ Америку, вотъ и все.

У самаго борта, отдѣлившись отъ всей толпы, стоялъ съ задумчивымъ видомъ блѣдный, темноглазый человѣкъ съ нервнымъ, подвижнымъ лицомъ. Высокій ростъ, большой бѣлый лобъ, темная окладистая бородка и темные же волнистые волосы дѣлали его красивымъ. Но слегка вздернутый носъ и открытыя губы придавали нѣсколько наивный видъ его лицу. Судя по мягкимъ линіямъ, нѣкоторой неправильности и неопредѣленности чертъ, въ немъ можно было угадать славянина.

Константинъ Сергѣевичъ Бунинъ былъ русскій, москвичъ. Одѣтъ онъ былъ скромно, даже небрежно; дешевое темносѣрое пальто сидѣло на немъ мѣшковато, дорожный картузъ былъ порядочно помятъ.

Бунинъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за приближавшимся берегомъ и казался очень взволнованнымъ. Взглядъ его близорукихъ глазъ былъ прикованъ къ берегу. По временамъ онъ вынималъ большой дорожный бинокль изъ сумки, висѣвшей у него черезъ плечо, и всматривался въ даль.

Съ той самой минуты, какъ исчезъ изъ глазъ берегъ Стараго Свѣта, Бунина охватило какое-то особенное чувство. Онъ будто сразу отдѣлился отъ прежней жизни, полной мелкихъ интересовъ и недовольства собой; теперь онъ свысока смотрѣлъ на прошлое; даже тѣ порывы къ чему-то «невѣдомому», которые онъ называлъ «подъемомъ духа» и которыми онъ такъ дорожилъ, казались ему теперь смѣшными. Что за смыслъ былъ въ этихъ безплодныхъ стремленіяхъ «перевернуть землю», въ этой никогда не удовлетворенной жаждѣ «великихъ дѣлъ»? По мѣрѣ того, какъ онъ отдалялся отъ того берега, онъ чувствовалъ, какъ въ немъ росло и крѣпло сознаніе своихъ силъ, сознаніе, что онъ уже совершилъ что-то, рѣшившись порвать со старымъ и уѣхать въ Америку.

Величіе океана, то мирнаго и тихаго, съ поразительно гладкой и ясной, будто стальной поверхностью, то бурнаго и страшнаго, съ дикимъ ревомъ и гуломъ волнъ и неистовыми порывами вѣтра, постоянно поддерживало его приподнятое настроеніе. На родинѣ онъ никогда не испытывалъ такого продолжительнаго прилива силъ. Даже толпа вокругъ съ своими

будничными заботами, ссорами и крикомъ дѣтей, съ своею несмолкавшей болтовней, не могла нарушить торжественнаго настроенія его души. А главное, это вѣчное недовольство собой, которое грызло его за послѣдніе годы, исчезало подъ вліяніемъ чудныхъ картинъ моря, какъ таетъ снѣгъ отъ теплыхъ солнечныхъ лучей весной. Онъ чувствовалъ, что усталая душа его отдыхаетъ, что она воскресаетъ къ новой жизни, полной смысла и значенія, а главное, полной настоящаго дѣла... Да, это главное. За всѣ послѣдніе годы, съ тѣхъ поръ, какъ десять лѣтъ тому назадъ Бунинъ кончилъ университетъ, онъ метался изъ стороны въ сторону, хватался то за то, то за другое, бросалъ, опять искалъ, снова бросалъ, отчаявался.

Два года тому назадъ онъ присоединился къ одной земледѣльческой общинѣ, членами которой были нѣкоторые товарищи его по университету.

Сначала все шло хорошо. Но за послѣднее время въ ихъ организацію началъ вкрадываться ригоризмъ, который претилъ его любви къ нравственной свободѣ, и независимости. Ввели даже исповѣдь по субботамъ—всѣ члены должны были «открывать душу» и «каяться»...

У него какъ разъ начинался мучительный періодъ недовольства собой и своимъ дѣломъ, когда онъ прочелъ книгу Беллами «Взглядъ назадъ» и увлекся ею. У него всегда была способность добавлять и развивать то ученіе, которымъ онъ увлекался; но черезъ нѣсколько времени наступала критика и «идолъ разбивался». Тутъ же онъ былъ такъ завлеченъ, что, услыхавъ отъ кого-то о попыткахъ Беллами основать въ Америкѣ общество, согласное съ принципами его книги, рѣшилъ бросить все и ѣхать въ Америку. Конечно, желаніе уѣхать жило уже въ немъ безсознательно и прежде, книга Беллами была только послѣднимъ толчкомъ.

Но какое громадное значеніе имѣлъ этотъ толчокъ! Точно годы, длинные годы онъ шелъ скованный цѣпями, а тутъ вдругъ цѣпи спали и онъ почувствовалъ себя свободнымъ, какъ вѣтеръ. Да, хуже всякихъ цѣпей были сомнѣнія, которыя терзали его, отравляли жизнь, отнимали волю...

И какъ онъ ни работалъ надъ собой, какъ ни стремился къ душевному успокоенію, «смыслъ жизни», казалось, уходилъ отъ него все дальше и дальше впередъ, точно маня и поддразнивая.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ того, какъ онъ прочиталъ «Взглядъ назадъ», онъ уже бралъ билетъ на вокзалѣ Смоленской желѣзной дороги. Онъ ѣхалъ въ Америку съ намѣреніемъ сначала познакомиться съ жизнью, поработать простымъ рабочимъ, а потомъ поступить въ общество Беллами, поучиться въ немъ и впослѣдствіи устроить подобное же общество са-

мостоятельно. Денегъ у него всего было сто рублей, такъ что отступленіе было отрѣзано.

По мѣрѣ того какъ пароходъ приближался къ американскимъ берегамъ, Бунинъ чувствовалъ, что душа его наполняется такимъ восторгомъ и счастьемъ, какихъ онъ не испытывалъ во всю жизнь. У него захватывало духъ отъ прилива новыхъ ощущеній.

Небо было подернуто розовой дымкой. Вдали, въ таинственномъ туманѣ, былъ еще скрытъ Нью-Іоркъ. Но вотъ блеснуло солнце и яркіе лучи словно прорвались сквозь бѣлорозовыя облака. Вотъ туманъ разсѣевается понемногу и справа появляется цвѣтущей полосою берегъ Длиннаго Острова, съ потонувшими въ зелени домами и виллами. Солнце свѣтитъ все ярче и ярче; съ разныхъ сторонъ, точно вынырнувъ изъ воды, показываются пароходы, парусныя суда, барки, нагруженныя лѣсомъ, легкія лодочки, и все это тянется къ одной точкѣ, Нью-Іорку. Длинный Островъ остается въ сторонѣ, а вдали, соединяя его съ Нью-Іоркомъ, виднѣется Бруклинскій мостъ—чудо инженернаго искусства, издали кажущійся огромной волшебной паутиной, раскинутой надъ моремъ.

А тамъ влѣво, на фонѣ яснаго голубого неба выдѣлялась гигантская Статуя Свободы, съ высоко поднятой вверхъ рукой, въ которой она держитъ факелъ. Бунину казалось, что она дѣлаетъ имъ, новымъ пришельцамъ, привѣтственный знакъ.

Бунинъ оглянулся на своихъ спутниковъ. Всѣ зашевелились. Нѣкоторые тащили багажъ, убирали дѣтей, другіе слѣдили за приближавшимся берегомъ, перебрасываясь веселыми шутками и остротами. Все утомленіе длиннаго пути было забыто. Лица большинства свѣтились радостью.

У Бунина шевельнулось въ сердцѣ какое-то особенное теплое чувство къ нимъ. Вѣдь это все братья по труду, люди, такъ же какъ и онъ, идущіе на рискованное, неизвѣстное будущее, такъ же недовольные своимъ прошлымъ и ищущіе лучшей жизни. Онъ готовъ былъ обнять и этого еврея съ длинной сѣдой бородой, поддерживающаго старушку жену въ черномъ какъ смоль парикѣ, изъ подъ котораго выбивались бѣлые волосы, и этого краснощекаго нѣмца, невозмутимо покуривающаго сигару, и ту молодую женщину съ ребенкомъ на рукахъ, устремившую взглядъ, полный безпокойства на берегъ.

Бунинъ подошелъ къ ней и улыбнулся ребенку, черноволосому и черноглазому мальчугану, лѣтъ трехъ. Тотъ отвѣтилъ ему также улыбкой, плутовски прищуривъ глаза, и спряталъ лицо на груди матери.

«E un Italiano *)?» спросила она. Бунинъ отрицательно по-

*) «Вы итальянецъ?»

качалъ головой. Marito? *) спросилъ онъ указывая пальцемъ на берегъ. Она поняла. Si, Signore, si **), отвѣтила она, вся просіявъ. Теперь, когда она улыбалась, онъ замѣтилъ, какъ она красива своей типичной красотой южной Италіи, съ смуглымъ цвѣтомъ лица и темнымъ румянцемъ. Глаза также были очень хороши, черные, блестящіе, съ продолговатымъ разрѣзомъ. Мальчикъ прыгалъ у нея на рукахъ и тянулся къ берегу.

А новый край все приближался, манилъ къ себѣ свѣжей зеленью своего берега—цвѣтомъ надежды, и всѣ лица оживлялись однимъ чувствомъ, чувствомъ удовлетворенія и радости достигнутой цѣли. Что до того, что завтра опять явится новое желаніе, новая цѣль? Вѣдь въ этомъ стремленіи впередъ вся жизнь человѣка.

II.

По мѣрѣ приближенія къ Нью-Іорку неясныя очертанія зданій опредѣлялись все болѣе и болѣе, и берегъ, казавшійся издали фантастическимъ, принялъ весьма прозаическій видъ. Кирпичныя зданія заводовъ и фабрикъ, съ высокими трубами, преобладали. Мѣстами возвышались башни и церкви самыхъ разнообразныхъ стилей, или вдругъ неожиданно надъ всѣми зданіями выросталъ неуклюжій многоэтажный домъ современной архитектуры, одинъ изъ тѣхъ «домовъ до неба», которыми такъ гордятся американцы; издали онъ имѣлъ видъ высочайшаго карточнаго дома, за который дрожишь—какъ-бы онъ не повалился: такъ несоразмѣрна его вышина съ шириною.

Пароходъ подошелъ не прямо къ Нью-Іорку, а остановился сначала у острова Эллисъ для инспекціи, какъ было заявлено пассажирамъ. Толпа повалила съ парохода. Странное впечатлѣніе произвелъ на Бунина вокзалъ, обширный и длинный, въ концѣ котораго сновали чиновники въ черныхъ пиджакахъ съ свѣтлыми пуговицами. Можетъ быть обиліе желѣзныхъ рѣшетокъ, которыя особенно поразили Бунина, придавали ему «казенный» видъ. Пассажиры шли по одному въ рядъ и ряды были раздѣлены рѣшеткой; вправо и влѣво отъ нихъ также были желѣзныя рѣшетки. Эти рѣшетки направо и налѣво поднимались до потолка, а за рѣшетками сидѣли и ходили люди. Въ первую минуту Бунинъ не могъ ихъ разсмотрѣть и не зналъ, что о нихъ подумать. Онъ былъ слишкомъ занятъ той процедурой, которая продѣлывалась надъ но-

---

*) «Мужъ?»

**) «Да, господинъ, да».

воприбывшими. Онъ стоялъ въ концѣ длиннаго ряда и видѣлъ, что каждаго изъ переднихъ пассажировъ останавливалъ чиновникъ, стоявшій у конторки, допрашивалъ его о чемъ-то, очевидно, записывалъ его отвѣтъ и или пропускалъ, или отправлялъ за одну изъ рѣшетокъ, направо или налѣво. Теперь допрашавали ту молодую итальянку съ ребенкомъ, которая обратила на себя вниманіе Бунина на пароходѣ, и онъ видѣлъ, какъ она волновалась, отвѣчая, путалась и вся дрожала. Чиновникъ, очевидно, не понималъ ея и съ нетерпѣніемъ крикнулъ: Signore professore!» Другой такой же чиновникъ, брюнетъ съ итальянскимъ типомъ лица, развязно подошелъ къ молодой женщинѣ и заговорилъ на ея родномъ языкѣ. Она просіяла и стала торопливо ему что-то объяснять. Бунинъ вспомнилъ, что еще дорогой слышалъ о новыхъ правилахъ для иммиграціи, чрезвычайно строгихъ, но тогда онъ совсѣмъ не обратилъ на это вниманія: онъ былъ слишкомъ полонъ своими мыслями и мечтами. Но теперь мечты кончились и дѣйствительность вступила въ свои права. Онъ понялъ, что молодую женщину не хотятъ пропустить. Итальянецъ-профессоръ отошелъ къ другимъ своимъ товарищамъ и между ними происходило совѣщаніе. Молодая женщина смотрѣла на нихъ умоляющимъ взоромъ, полнымъ страха.

— No, no and no,—отрѣзалъ наконецъ профессоръ, беря плачущую женщину за руку и подводя къ правой рѣшеткѣ, дверь которой тотчасъ-же за ней захлопнулась.

— Ваше имя, національность, возрастъ, занятіе, имѣете-ли родныхъ въ Америкѣ, сколько имѣете съ собой денегъ?—этотъ градъ вопросовъ посыпался совершенно неожиданно на Бунина, который внимательно слѣдилъ за сценой съ молодой женщиной и былъ сильно взволнованъ. Что это значитъ? Неужели ее отправятъ назадъ? Чиновнику пришлось сердито повторить вопросы. Къ счастью, отвѣты Бунина оказались удовлетворительными, и его пропустили. Но онъ не ушелъ тотчасъ же, а рѣшилъ разузнать объ участи итальянки и помочь ей, если будетъ возможность. Онъ сталъ въ сторонѣ и высматривалъ, кто изъ служащихъ менѣе занятъ, чтобы разспросить его. Но всѣ они были въ такой суетѣ, отвѣчали всѣмъ такъ рѣзко и нетерпѣливо, что Бунинъ долго не рѣшался подойти. Онъ смотрѣлъ то на чиновниковъ, сновавшихъ взадъ и впередъ, то на пассажировъ, оцѣпленныхъ рѣшетками, и невольно сравнивалъ представителей Новаго и Стараго Свѣта. Передъ нимъ стояла толпа пришельцевъ, еще не перешагнувшихъ чрезъ очарованный кругъ. На каждомъ взволнованномъ лицѣ можно было прочесть одинъ безпокойный вопросъ—приметъ-ли ихъ новая родина или холодно оттолкнетъ, какъ это сдѣлала старая. Свѣжестью и силой вѣяло отъ этой толпы ори-

гинальныхъ, типичныхъ представителей Европы, съ ихъ пестрой одеждой разныхъ мѣстностей, загорѣлыми лицами и грубыми рабочими руками. Какой рѣзкій контрастъ представляли они съ этими прилизанными чиновниками въ однообразной формѣ, съ гладко обритыми лицами и коротко, по солдатски, обстриженными головами. Бунину стало смѣшно, когда онъ вспомнилъ, какъ онъ представлялъ себѣ американцевъ въ дѣтствѣ— какими-то сказочными героями, непремѣнно съ перьями на головѣ.

Наконецъ Бунинъ рѣшился обратиться къ одному юркому блондину съ живыми проницательными глазками, бѣжавшему мимо него.

— Скажите пожалуйста, что за люди сидятъ тамъ за рѣшеткой?—спросилъ онъ вѣжливымъ тономъ, но ломаннымъ англійскимъ языкомъ. Блондинъ окинулъ его испытующимъ недовѣрчивымъ взглядомъ.

— Направо пассажиры, которые должны быть снова отправлены назадъ, въ Европу, а налѣво — временно-задержанные.

— Но почему же ихъ отправляютъ назадъ?

— Вы слишкомъ много хотите знать. Это совсѣмъ не ваше дѣло. Вѣдь васъ пропустили, ну и довольно съ васъ.

— Да, но меня интересуетъ судьба моихъ товарищей по путешествію. Что сдѣлаютъ съ этой молодой женщиной?

Чиновникъ посмотрѣлъ на него пристально, усмѣхнулся и насмѣшливо сказалъ:

— А, такъ это *она* васъ интересуетъ. Ее отправятъ назадъ, въ Европу, съ слѣдующимъ пароходомъ. У нея нѣтъ адреса ни мужа, ни родныхъ и она можетъ быть въ тягость странѣ. Да вотъ прочитайте правила.

Онъ подвелъ Бунина къ одной изъ конторокъ, на которой лежалъ печатный листокъ съ правилами. Вотъ что прочелъ Бунинъ:

Назадъ въ Европу отправляются:

1) Рабочіе, пріѣхавшіе изъ Европы по контракту, т. е. впередъ заручившіеся работой въ Америкѣ и заключившіе контрактъ.

2) Люди, не имѣющіе ни денегъ, ни знакомыхъ въ Америкѣ.

3) Пауперы, бывшіе въ Европѣ въ рабочемъ домѣ, или сидѣвшіе въ тюрьмѣ преступники.

4) Жены, не знающія адреса своихъ мужей въ Америкѣ.

5) Беременныя дѣвушки (буквальное выраженіе).

Прочитавъ эти правила, подѣйствовавшія на него вродѣ ушата холодной воды, Бунинъ невольно оглянулся вправо, на желѣзную рѣшетку. Теперь онъ ясно увидѣлъ, что за ней

кромѣ итальянки, сидитъ еще человѣкъ тридцать мужчинъ. Всѣ они были очень бѣдно одѣты, имѣли блѣдныя, опухшія лица, всклокоченныя бороды и вообще неряшливый видъ людей, надъ которыми благовоспитанное общество давно произнесло свой приговоръ, назвавъ ихъ «отребьями». Они ходили за рѣшеткой взадъ и впередъ точно дикіе звѣри въ клѣткѣ, каждый погруженный въ свою горькую думу, нѣкоторые съ едва сдерживаемымъ волненіемъ, другіе покорно, съ пришибленнымъ видомъ...

— И эти всѣ будутъ возвращены въ Европу? спросилъ Бунинъ.

— Да, у нихъ нѣтъ ни денегъ, ни друзей. Америкѣ не нужны люди, которые будутъ въ тягость странѣ. Америка для американцевъ! Вотъ нашъ девизъ!

И чиновникъ отошелъ отъ Бунина, небрежно махнувъ ему рукой. Въ манерахъ всѣхъ чиновниковъ таможни Бунинъ замѣтилъ это небрежно повелительное и вмѣстѣ фамильярное отношеніе. Бунинъ догналъ его.

— Можно мнѣ взглянуть на списки эмигрантовъ?

— Повторяю, мы не хотимъ, чтобы вы знали слишкомъ много. Ну, да ужъ такъ и быть, вотъ одинъ.

Бунинъ просмотрѣлъ списокъ. Противъ фамиліи каждаго эмигранта было обозначено имя его, возрастъ, занятіе, сумма имѣющихся на лицо денегъ. Денегъ у большинства было очень мало: по 5, 6, 8 долларовъ, у нѣкоторыхъ только по 2 доллара. Бунинъ покраснѣлъ, онъ вспомнилъ какой суммой, въ его глазахъ казавшейся ничтожной, онъ «отрѣзалъ себѣ отступленіе». Но отдаваться самобичеваніямъ было некогда, и онъ снова принялся наблюдать.

Въ эту минуту изъ-за рѣшетки появилась семья, которую онъ замѣтилъ еще на пароходѣ. Люди эти, повидимому, пріѣхали изъ Сѣв. Германіи, можетъ быть, изъ Помераніи. Всѣ члены семьи—бѣлобрысые, съ безцвѣтными лицами и длинными желтоватыми волосами. Отецъ семьи—высокій, худой, въ очкахъ на маленькомъ вздернутомъ носу, въ длинномъ черномъ сюртукѣ и круглой низенькой шляпѣ, кроткимъ выраженіемъ лица напоминалъ пастора. Жена его, женщина среднихъ лѣтъ, съ отцвѣтшимъ лицомъ и плоской грудью, тоже въ черномъ скромномъ платьѣ, потертомъ, хотя опрятномъ, и очень старомоднаго покроя, казалась забитой, замученной работой. Дѣти, которыхъ было 5 человѣкъ и всѣ на одно лицо, некрасивыя и блѣдныя, какъ родители, цѣплялись за юбку матери. Бунину невольно пришло въ голову, что они будутъ лишними въ Америкѣ. Гдѣ имъ начинать жить сначала? Законченной жизнью вѣяло отъ этой пары. И дѣти какія-то захудалыя. Бунинъ только что хотѣлъ подойти къ нимъ и заговорить по-нѣмецки, какъ вдругъ громкій возгласъ: «Nicolo Picco-

lomini» отвлекъ его вниманіе. Онъ оглянулся,—кричалъ чиновникъ, стоявшій у рѣшетки, за которой помѣщались родные новоприбывшихъ, пріѣхавшіе ихъ встрѣтить, и посторонняя публика. Красивая итальянка за рѣшеткой оживилась и вся засіяла радостью. Итальянецъ небольшого роста съ загорѣлымъ, худощавымъ лицомъ и выразительными глазами вышелъ изъ-за рѣшетки, гдѣ стояли ожидающіе, и почти бросился къ маленькой крестьянкѣ. Она, вся сіяющая, спокойно и ласково ему кланяется—у нея здоровые деревенскіе нервы, а онъ порывисто обнимаетъ ее.—Видно очень стосковался безъ нея на чужбинѣ. Мальчикъ, живой портретъ отца, довѣрчиво идетъ къ нему на руки, какъ будто только вчера его видѣлъ и сразу чувствуетъ себя на своемъ мѣстѣ. У отца на глазахъ слезы радости.

— Здѣсь всѣ наши, товарищи,—говорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ,—пришли тебя встрѣтить.

У барьера ихъ встрѣтило четверо такихъ же черноглазыхъ итальянцевъ въ синихъ рабочихъ блузахъ.

Всѣ торопливо жмутъ руку пріѣзжей и закидываютъ ее вопросами. Они говорятъ на своемъ пѣвучемъ языкѣ радостно и задушевно, не обращая ни малѣйшаго вниманія на толпу вокругъ.

— Go ahead, go ahead! *)—раздается повелительный голосъ чиновника у двери.—Итальянцы захватываютъ вещи пріѣзжей и предшествуемые отцомъ, къ щекѣ котораго крѣпко прильнулъ ребенокъ, направляются къ двери. Съ ними исчезаетъ точно лучъ солнца, на мгновеніе освѣтившій мрачную залу съ рѣшетками, и лица, озарившіяся было улыбкою, дѣлаются опять серьезными и озабоченными.

Но вниманіе Бунина уже отвлечено. Изъ-за рѣшетки, гдѣ стоятъ пассажиры, показывается крестьянка, судя по одеждѣ—полька, въ широкой короткой юбкѣ, грубыхъ мужскихъ сапогахъ и бѣломъ платочкѣ на головѣ. Она согнулась почти до земли подъ тяжестью необъятнаго краснаго полосатаго мѣшка, который перекинутъ у нея черезъ плечо. Она изнемогаетъ, но тащитъ его, въ немъ все ея имущество.

А чиновникъ пристаетъ къ ней: «Какъ имя, сколько лѣтъ, какое занятіе, сколько денегъ» и отправляетъ ее въ отдѣленіе временно задержанныхъ. Она едва плетется, да еще подгоняетъ двухъ крошечныхъ дѣвочекъ, которыя цѣпляются за ея передникъ.

За ней тянется огромная семья польскихъ евреевъ. Ребятишекъ, оборванныхъ, худыхъ, блѣдныхъ—не перечесть. Отецъ, съ большой рыжей бородой и крючковатымъ носомъ, изо всѣхъ

*) «Впередъ, впередъ»!

силъ хлопочетъ, чтобы ихъ пропустили. Но онъ единственный взрослый работникъ: такая семья можетъ быть въ тягость Америкѣ.

Но что это? Какія отчаянныя рыданія! Бунинъ оглянулся. Одинъ изъ чиновниковъ велъ за руку молодую женщину, одѣтую по-городски, съ нѣкоторой претензіей. Легкое лѣтнее платье, отдѣланное лентами и кружевами, широкими складками падало вокругъ ея неестественно полнаго стана. Свѣтлая соломенная шляпка скрывала верхнюю часть ея страшно поблѣднѣвшаго лица. Ея полное тѣло вздрагивало отъ судорожныхъ рыданій, похожихъ на стоны. Она шла, поникнувъ головой и стараясь закрыться платкомъ отъ направленныхъ на нее со всѣхъ сторонъ взглядовъ. Но не смотря на то, что часть лица ея была скрыта, Бунинъ угадывалъ, что она красива. Изящный овалъ лица, нѣжная розоватая кожа, свѣтлые вьющіеся волосы, бѣлыя руки съ тонкими пальцами, рѣзко отличали ее отъ всей пріѣзжей толпы. Въ рыданіяхъ ея слышалось безпомощное отчаяніе слабой, изнѣженной женщины. Бунинъ удивился, что не замѣтилъ ея на пароходѣ. Вѣрно, пряталась въ каютѣ, бѣдняжка. Вдругъ, какъ молнія, у него промелькнула мысль о послѣднемъ параграфѣ устава объ иммиграціи. Какая страшная драма должна происходить въ ея душѣ! Неужели нельзя ей помочь? Бунинъ рванулся къ ней, охваченный чувствомъ глубокаго состраданія.

— Можетъ быть и эта васъ интересуетъ?—раздался насмѣшливый голосъ блондина, съ которымъ Бунинъ говорилъ прежде. Бунинъ отшатнулся, какъ ужаленный. Блондинъ втолкнулъ молодую женщину за рѣшетку, гдѣ сидѣли отправлявшіеся въ Европу, захлопнулъ за ней дверь и, видя, что инспекція кончена, крикнулъ громкимъ голосомъ: «All out!» (Всѣ вонъ!)

Всѣ оставшіеся въ вокзалѣ пассажиры двинулись къ перевозу.

Бунинъ былъ въ недоумѣніи. Что тутъ дѣлать? Нельзя же такъ бросить несчастную... Сердце Бунина было полно жгучимъ чувствомъ жалости. Онъ стоялъ и оглядывался съ нерѣшительнымъ видомъ вокругъ, не зная что предпринять. Вдругъ у выходныхъ дверей онъ замѣтилъ высокаго старика почтеннаго вида, въ черной длинной одеждѣ и съ пушистой сѣдой бородой. Онъ раздавалъ какіе-то листки пассажирамъ. Бунинъ обрадовался—это навѣрно пасторъ или представитель какого нибудь благотворительнаго общества. Онъ можетъ помочь. Не долго думая, Бунинъ подлетѣлъ къ нему.

— Вы нѣмецъ?—спросилъ его старикъ.

— Нѣтъ, русскій.

— Еврейскаго вѣроисповѣданія? — сказалъ старикъ, при-

готовившійся было дать Бунину листокъ, но теперь кладя его обратно въ сумку.

— Нѣтъ, русскій, христіанинъ,—догадался добавить Бунинъ. Тогда старикъ сунулъ ему въ руку нѣсколько брошюрокъ и хотѣлъ уже отойти, но Бунинъ удержалъ его.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ нужно съ вами поговорить... Тутъ такой ужасный случай... Можетъ вы въ состояніи помочь. Путаясь и перерывая разсказъ ненужными объясненіями, Бунинъ передалъ старику свои догадки.

— Какъ вы думаете, есть-ли возможность помочь? Вѣдь вы принадлежите къ филантропическому обществу?

— Я принадлежу къ Евангелическому обществу, которое разноситъ истинное ученіе Христа по всему міру — съ важностью сказалъ старикъ.—А какой филантропъ можетъ быть выше Христа, который охватываетъ своей любовью весь міръ...

— Да, да, конечно,—радостно подтвердилъ Бунинъ. И онъ опять сталъ ему говорить о молодой женщинѣ и о необходимости помочь ей. Старикъ выслушалъ его внимательно, но подъ конецъ покачалъ головой съ сомнѣніемъ.

— Я понимаю, вы говорите о молодой женщинѣ, которую сейчасъ провели за рѣшетку. Ваше участіе къ несчастной весьма похвально. Но я боюсь, другъ мой, что вы еще слишкомъ юны душой и придаете слишкомъ большое значеніе нашему временному пребыванію на этой грѣшной землѣ. Эта молодая женщина, очевидно, вступила на путь грѣха и несетъ справедливое возмездіе. Мы, служители Христа, не должны вмѣшиваться въ мелкія житейскія дѣла; мы смотримъ дальше, заботимся не о временномъ пребываніи въ сей юдоли слезъ, а стараемся приготовить человѣка къ иной, лучшей жизни, жизни вѣчной — онъ поднялъ взоръ къ небу—тамъ на небесахъ. Въ этомъ смыслѣ я поговорю и съ молодой женщиной. А вы возьмите эти листки, прочтите; въ нихъ вы найдете утѣшеніе. Онъ всунулъ Бунину въ руки нѣсколько листковъ и Евангеліе и опять отошелъ къ входнымъ дверямъ и сталъ раздавать листки проходившимъ.

Бунинъ въ грустномъ раздумьѣ остался на своемъ мѣстѣ и машинально развернулъ одинъ изъ листковъ. Заголовокъ былъ слѣдующій: «Нуженъ-ли тебѣ другъ?»—Бунинъ сталъ читать дальше. «Нуженъ-ли тебѣ другъ, любезный читатель, другъ, который защититъ тебя отъ всякихъ опасностей, поможетъ тебѣ въ нуждѣ, другъ, который съ любовью проститъ тебѣ твои слабости, дастъ тебѣ мудрый совѣтъ въ затрудненіяхъ твоихъ и не откажется руководить тобою? Нуженъ-ли тебѣ другъ, которому ты можешь повѣрить свои страданія и печали, который съ полнымъ сочувствіемъ отнесется къ твоему

горю, сердце котораго открыто для тебя во всѣхъ случаяхъ жизни? Да, милый читатель, я радуюсь, что могу указать тебѣ такого друга! Другъ этотъ—Христосъ». Бунинъ нѣсколько разъ перечиталъ эти слова, силясь понять ихъ, а самъ все думалъ: что дѣлать, что дѣлать?.. Наконецъ одинъ изъ чиновниковъ подошелъ къ нему и сказалъ:

— Вы опоздаете на пароходъ, который перевозитъ пассажировъ въ Нью-Іоркъ и вамъ придется ждать до вечера. Бунинъ молча взялъ свой чемоданъ и въ раздумьи пошелъ за другими.

III.

Въ хлопотахъ перехода на берегъ въ Нью-Іоркѣ, никто не замѣтилъ, что небо заволокло тучами. Когда всѣ вышли на улицу, дождь начиналъ идти частыми, крупными каплями, точно Новый Свѣтъ для пріема незваныхъ гостей приготовилъ имъ холодную ванну. Но Бунинъ не обращалъ на дождь ни малѣйшаго вниманія. Онъ схватилъ свой чемоданчикъ, открылъ зонтикъ и помчался съ пристани. Его что-то толкало впередъ. Въ ушахъ его все еще звучали рыданія молодой женщины и онъ мучился угрызеніями совѣсти, что ничего не сдѣлалъ для облегченія ея участи. Вѣдь эдакое малодушіе! Ему хотѣлось убѣжать отъ своихъ мыслей. Нужно признаться, первое впечатлѣніе въ Америкѣ, полученное отъ инспекціи на островѣ Эллисъ, было не особенно пріятное. У него на душѣ осталось какое-то смутное чувство обиды за человѣка. Нечего сказать, эти прилизанные чиновники обращались съ людьми, какъ съ пѣшками. Но, вѣдь, они исполняли свою обязанность и дѣйствовали въ интересахъ своей родины; они исполняли свой нравственный долгъ. Бунинъ старался всячески отогнать неотвязныя мысли и опять настроиться на тотъ возвышенный душевный ладъ, который охватилъ его на пароходѣ и далъ ему такія счастливыя мгновенья.

Нѣтъ, нѣтъ, не нужно судить по первому впечатлѣнію. Прочь критика, прочь жесткая проза жизни! Онъ пріѣхалъ сюда не для того, чтобы подмѣчать отрицательныя свойства американцевъ. Ему нужно знать, что они создали положительнаго, онъ пріѣхалъ учиться.

Бунинъ шелъ быстрымъ шагомъ, съ жадностью вдыхая въ себя влажный воздухъ. Ему не вѣрилось, что онъ по другую сторону океана, что онъ ногами своими касается почвы Америки. Ему казалось какимъ-то святотатствомъ попирать ногами эту священную землю и онъ не шелъ, а летѣлъ, бросая бѣглый взглядъ на окружающее. Дождь усиливался, но Бунинъ

не замѣчалъ этого. Онъ долго шелъ по узкимъ улицамъ, прилегавшимъ къ пристани. Ряды кирпичныхъ, иногда деревянныхъ домовъ, часто недостроенныхъ, смотрѣли непривѣтливо. Нѣкоторые были положительно грязны. Во многихъ домахъ внизу помѣщались овощныя лавочки, съ грудами фруктовъ и зелени передъ окнами. Кое-гдѣ попадались маленькія китайскія прачечныя, гдѣ китайцы-мужчины съ косичками и въ широкихъ балахонахъ стирали и гладили съ самымъ серьезнымъ видомъ и очень ловко. Бунину это показалось очень смѣшнымъ. «Ужъ не своеобразное-ли это рѣшеніе женскаго вопроса?»—подумалъ онъ и остановился передъ окномъ. Китаецъ съ косицей добродушно улыбнулся ему. Утюгъ гладко и легко скользилъ по бѣлью въ его ловкихъ рукахъ. Бунинъ отвѣтилъ ему тоже улыбкой и пошелъ дальше.

Въ общемъ эта часть города производила впечатлѣніе чего-то заброшеннаго, недодѣланнаго. Мѣстами были навалены грудами, безъ всякой крыши, доски, дрова, желѣзо. Все это ржавѣло и гнило отъ сырости. Непривѣтливый видъ улицъ и усиливающійся дождь понемногу умѣрили пылъ Бунина, и онъ сталъ подумывать о томъ, чтобы найти квартиру. Какъ ее искать? Кого спросить? Вдругъ у него мелькнула мысль объ эмигрантскомъ бюро, о которомъ онъ много слышалъ. Увидѣвъ на углу улицы почталіона, онъ подошелъ къ нему и разспросилъ его о дорогѣ. Почталіонъ говорилъ на американскій ладъ, у Бунина былъ сильный русскій акцентъ, но всетаки въ концѣ-концовъ они поняли другъ друга. Эмигрантское бюро оказалось недалеко, и минутъ черезъ 10 Бунинъ уже шагалъ по Кэстлъ Гарденъ, небольшому парку, въ углу котораго пріютилось скромное кирпичное зданіе, а въ нижнемъ этажѣ его—эмигрантское бюро.

Бунинъ вошелъ и совсѣмъ растерялся—столько пытливыхъ взоровъ обратилось на него. Вдоль большой комнаты съ очень низкимъ потолкомъ были поставлены длинныя скамьи и на нихъ сидѣли «жаждущіе труда», на лѣвой сторонѣ мужчины, на правой, въ значительно меньшемъ числѣ, женщины. Въ сторонѣ, у окна, стояла конторка, у которой сидѣлъ завѣдующій бюро, окруженный нѣсколькими рабочими. Бунинъ рѣшился подождать и прошелъ на лѣвую сторону, мужчины потѣснились и дали ему мѣсто. Поставивъ чемоданъ, онъ сѣлъ и обернулся назадъ. Боже, какія серьезныя, энергичныя лица! Большую часть рабочихъ составляла цвѣтущая молодежь — рослые, здоровые парни, съ грубыми руками, привыкшими къ труду, видно прямо изъ деревни. Были и пожилые люди, два-три старика. Бунину чувствовалась какая-то особенная привлекательная простота въ этихъ сильныхъ фигурахъ. «Мы ищемъ работы», какъ будто говорили они, «и не

стыдимся этого. Мы имѣемъ на нее право, стоитъ взглянуть на наши мозолистыя руки».

— Да, вотъ какихъ людей шлетъ Европа Америкѣ,—подумалъ Бунинъ.

— Скажите, какого рода работу достаетъ бюро?—спросилъ онъ своего сосѣда, молодого парня, разговаривавшаго по-нѣмецки съ сидѣвшимъ съ нимъ рядомъ старикомъ.

— Всякую,—отвѣтилъ тотъ,—смотря по вашей спеціальности. Ваша какая?

Бунинъ замялся.

— Переплетное мастерство.

За нѣсколько дней до отъѣзда онъ дѣйствительно подъучился переплетать книги. Онъ слыхалъ, что въ Америкѣ необходима спеціальность.

— Ну, не знаю, есть-ли такая работа. Спросите у завѣдующаго.

Когда Бунинъ, дождавшись своей очереди, подошелъ къ человѣку, сидѣвшему у конторки, и спросилъ, можетъ ли онъ имѣть занятіе по переплетному мастерству, тотъ рѣзко отвѣтилъ:

— У насъ нѣтъ на это спроса.

Бунинъ, сконфуженный, тотчасъ-же отошелъ, не сказавъ болѣе ни слова, точно у него языкъ прилипъ къ гортани, даже забылъ о цѣли своего прихода—квартирѣ. Ему захотѣлось уйти, какъ можно скорѣе, и, захвативъ свой чемоданчикъ, онъ поспѣшно вышелъ, успѣвъ замѣтить добродушно-насмѣшливую улыбку молодого нѣмца—сосѣда.

— Чортъ возьми, какая безхарактерность,—подумалъ онъ, останавливаясь съ растерявнымъ видомъ на крыльцѣ и неудоумѣвая, куда ему теперь дѣваться.

— Вы русскій?—вдругъ раздалось подлѣ него.—Онъ вздрогнулъ и обернулся. Передъ нимъ стоялъ гладко выбритый господинъ съ небольшими усиками, щегольски одѣтый. Бунину бросился въ глаза ярко малиновый клѣтчатый галстухъ на туго накрахмаленной рубашкѣ.

Склонивъ голову на бокъ и растопыривъ руки, онъ ласково смотрѣлъ на Бунина маленькими черными глазками.

— Зъ нашихъ?—спросилъ онъ. Бунинъ улыбнулся.

— Нѣтъ, я русскій,—отвѣчалъ онъ.

— Ну, чтожъ такое? И я русскій. Позвольте зарекомендоваться—портной Вейнштейнъ, зъ Минска. А давно-ли вы пріѣхали? А не можно-ли вамъ чѣмъ помогать?

Бунинъ вдругъ почувствовалъ, какъ въ душѣ у него шевельнулся одинъ изъ многочисленныхъ предразсудковъ «русскаго барина», но онъ въ ту же минуту вспомнилъ, что онъ въ Америкѣ, гдѣ всѣ люди равны, и подавилъ въ себѣ непріятно шевельнувшееся чувство.

— Не поможете-ли вы мнѣ найти квартиру?

— А зачѣмъ нѣтъ? Мы всегда рады помогать greene horn'амъ *). А какую квартиру вы бы желали? У меня въ семействѣ есть комната, хорошая комната, чистая, только не очень большая. И возьму недорого.

— А вы гдѣ-же живете?—спросилъ Бунинъ.

— Въ Дантанѣ.

— Дантанъ? Это чтожъ такое? Городъ, что-ли?

Вейнштейнъ тихо засмѣялся.

— Это мы такъ называемъ Нижній Нью-Іоркъ. Американцы говорятъ down-town, ну, а мы немножко сократили для скорости, и вышелъ Дантанъ. Всѣ русскіе тамъ живутъ. Мы можемъ доѣхать по этой конкѣ за пятакъ. Вы квартиру посмотрите и сами рѣшите.

Онъ махнулъ кондуктору и побѣжалъ, а за нимъ и Бунинъ.

Когда они вошли въ конку, Вейнштейнъ отеръ потъ съ лица и сталъ съ пріятнымъ видомъ поглядывать по сторонамъ. Народу въ вагонѣ было порядочно. У Вейнштейна лицо прояснялось все болѣе и болѣе и, наконецъ, совсѣмъ расцвѣло улыбкой. Онъ съ небрежнымъ видомъ вынулъ изъ кармана папироску и, не зажигая, коснулся до нея губами. Кондукторъ сейчасъ-же закричалъ на него довольно рѣзко.

— Развѣ вы не знаете, что здѣсь курить не позволено?

Вейнштейнъ плутовски смотрѣлъ на него и улыбался во весь ротъ.

— А развѣ я курю?—развѣ можно курить незажженую папиросу?

Кондукторъ засмѣялся.

Вейнштейну только этого и было нужно. Онъ потрогивалъ самодовольно карманы, и точно какимъ-то волшебствомъ изъ нихъ стали вылѣзать маленькія коробки. Вейнштейнъ продолжалъ плутовски улыбаться и наконецъ заговорилъ, обращаясь къ публикѣ:

— Ladies and gentlemen! here are beautiful Russian political cigarettes. Good for all political opinions. *)

А самъ продолжалъ вытаскивать коробку за коробкой.

Бунинъ только удивлялся, откуда онѣ брались.

Публика посматривала на него и одобрительно посмѣивалась.

А онъ все раздавалъ да раздавалъ.

---

*) Greenhorn—новичекъ, зеленый.

**) Леди и джентльмены! Вотъ чудесныя русскія политическія папиросы. Онѣ хороши для разныхъ политическихъ взглядовъ, мнѣній!

— Here are Russian nihilist cigarettes, here Russian Empire cigarettes. *)

Теперь только Бунинъ замѣтилъ, что коробки были съ разными картинками. На тѣхъ, которыя онъ вытаскивалъ изъ лѣвыхъ кармановъ, были изображены какія-то страшныя всклоченныя головы съ свирѣпымъ видомъ, а на тѣхъ, которыя онъ таскалъ изъ правыхъ—генералы въ каскахъ и довольно фантастическихъ ярко зеленыхъ мундирахъ.

Публика быстро раскупала папиросы.

Вейнштейнъ сіялъ все болѣе и болѣе.

— Are those real Russian nihilists? **)—совершенно серьезно спросилъ одинъ американецъ, указывая на чудовище, изображавшее русскаго нигилиста.

— O, yes, Sir, yes, quite genuine ***)—съ такой увѣренностью отвѣчалъ Вейнштейнъ, какъ будто самъ присутствовалъ на его крестинахъ.

— Это вы чтожъ такое, батенька мой, творите?—спросилъ удивленный Бунинъ.

— Ахъ,—махнулъ на него рукой Вейнштейнъ съ легкимъ оттѣнкомъ презрѣнія, но потомъ вдругъ вскинулъ на него вопросительный взглядъ:—Да вы ужъ сами не принадлжите-ли къ «грѣшнымъ лицамъ»?

— Что вы хотите этимъ сказать?—съ удивленіемъ спросилъ Бунинъ.

— О, я знаю, я знаю,—погрозилъ ему пальцемъ Вейнштейнъ.

— Зъ русскихъ только «грѣшное лицо» заѣзжаетъ въ Америку.

Бунинъ засмѣялся.

— Нѣтъ, я вполнѣ легальный.

— Легальный?—недовѣрчиво протянулъ Вейнштейнъ.

— Да, да. А вы вотъ лучше объясните мнѣ, что за махинацію вы продѣлываете съ вашими папиросами?

— О, вы этого совсѣмъ еще не знаете и не можете понять. Но я постараюсь вамъ объяснить. Видите-ли, Америка—страна рекламы. Здѣсь все построено на рекламѣ. Такъ это first rate ****) реклама, первый сортъ реклама. Кто во всей Америкѣ придумалъ что нибудь такое, кромѣ Вейнштейна? А, скажите-ка, кто? Good for all political opinions! Вѣдь это прямо въ бровь! Кто можетъ отказаться купить такую сигарету? Демократъ? Нѣтъ. Республиканецъ? Нѣтъ. Популистъ? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Эти сигареты соединяютъ всѣхъ въ одно!

---

*) Вотъ русскія нигилистическія папиросы, вотъ имперскія.

**) Что это настоящія русскіе нигилисты?

***) О, да сэръ, самые настоящіе.

****) Первый сортъ.

Вейнштейнъ совсѣмъ разгорячился и вертѣлъ въ воздухѣ пальцемъ, показывая, какъ онъ соединяетъ всѣхъ въ одно.

Бунинъ смотрѣлъ на него съ искреннимъ изумленіемъ.

— Но я вижу, что вы еще не можете понимать, какое важное значеніе имѣетъ реклама. Нѣтъ не можете, вижу изъ вашихъ глазъ, что не можете. Вы еще зеленый, ой какой зеленый. Но когда вы поживете въ Америкѣ и посмотрите вокругъ, вы вспомните вашего перваго друга Вейнштейна и скажете: «He was right»! *)

— Да, зачѣмъ за горы ходить, вотъ, посмотрите въ окно. Всѣ стѣны Нью-Іорка—одна реклама. Посмотрите, тамъ нарисована эта хорошенькая дѣвушка въ одной рубашкѣ, которая, безъ большихъ церемоній, надѣваетъ корсетъ? Это объявленіе отъ одной корсетной фабрики. Или видите вы эту громадную картину, семь страшно толстыхъ женщинъ, такихъ толстыхъ, что, кажется, онѣ сейчасъ лопнутъ. Но, нѣтъ, нисколько, это только такъ кажется, это реклама отъ одного театра, который загребаетъ деньги. И если вы туда пойдете, вы увидите, что женщины эти совсѣмъ не такія, а даже довольно обыкновенныя, но это такъ нужно, это реклама.

Бунинъ выглянулъ въ окно и дѣйствительно увидалъ громадную, грубо намалеванную картину, изображавшую шесть бѣлыхъ женщинъ и одну негритянку, ѣдущихъ на велосипедахъ. Всѣ онѣ были въ узкихъ панталонахъ и въ невѣроятно вырѣзанныхъ и стянутыхъ лифахъ. Женщины были представлены неестественно крупными и жирными, такъ что грубое тѣло положительно выпирало изъ узкихъ корсетовъ. Бунинъ съ отвращеніемъ отвернулся.

— Какая гадость!—сказалъ онъ.

— Гадость!—обидѣлся Вейнштейнъ, гадость! А будете-ли вы ихъ когда нибудь забывать или нѣтъ? Я вамъ прямо скажу, никогда. А это все, что было только нужно. О, какая здѣсь бываетъ великолѣпная реклама, и какіе здѣсъ есть умные люди! Вотъ видите на всѣхъ стѣнахъ объявленіе: «Большая нужда! Большая нужда! Great necessity значитъ большая нужда. И дальше Ридлей переполненъ, Ридлей это извѣстный купецъ. Это значитъ ни что другое, а что у него слишкомъ много лежалаго товара, и что онъ продаетъ его за безцѣнокъ. Ридлей самый умный здѣшній рекламистъ. Прошлаго года онъ объявлялъ: «Величайшее бѣдствіе! (Greatest calamity!) У Ридлей слишкомъ много товара! Продаетъ за безцѣнокъ.» И всѣ бѣгутъ. И дамы умираютъ отъ жары около его прилавковъ и страдаютъ. Но, какъ одѣты! Какъ одѣты! И шелкъ, и бархатъ, и кружева—и все за 24 цента аршинъ, а кружево по 1 центу.

*) Онъ былъ правъ.

О, Ридлей—чудодѣй, волшебникъ! Какъ онъ одѣваетъ американскихъ и еврейскихъ дамъ! Боже! Не дамы, а куклы.

Онъ опять отеръ потъ съ лица и продолжалъ:

— Вонъ посмотрите, тамъ, во всю стѣну напечатано: «Жуй юкатанскую смолку!» и всѣ жуютъ, а тутъ: «Кури виргинскій листъ» и курятъ. Или «Читай Солнце» и читаютъ. Да, и такъ нужно. Здѣсь каждый себя прославляетъ, т. е. и Америку, и себя. И каждый дѣлается полезнымъ человѣкомъ, и каждый имѣетъ право черезъ пять лѣтъ сдѣлаться американскимъ гражданиномъ. Вотъ вы легальный русскій господинъ, пріѣхавшій только сегодня, не имѣете права, а я безпаспортный еврей изъ Минска, имѣю право, потому что я вотъ уже 5 лѣтъ продаю русскія сигареты «Good for all political opinions» и стараюсь на пользу Америки. Да, а тамъ я разбогатѣю и буду выбираться и куплю много вотовъ, и буду важнымъ чиновникомъ. И, можетъ быть, когда нибудь президентомъ Америки будетъ не Кливелендъ, а Вейнштейнъ, конечно, не я, а мой внукъ или правнукъ.

Онъ на минуту замолчалъ, а потомъ медленно перевелъ на Бунина мечтательный взглядъ и спросилъ:

— А зачѣмъ нѣтъ, скажите, зачѣмъ же нѣтъ?

Бунинъ съ любопытствомъ посматривалъ на прадѣда президента Вейнштейна. Оживленное лицо, блестящіе глаза, довольный видъ показывали, что онъ чувствуетъ себя, какъ рыба въ водѣ.

Такого типа въ Россіи онъ не встрѣчалъ и тутъ же рѣшился нанять у него квартиру и поближе съ нимъ познакомиться.

— Хотите, я разскажу вамъ еще одну маленькую исторію?—спросилъ Вейнштейнъ, очевидно, довольный впечатлѣніемъ, которое онъ произвелъ на своего спутника.

— Разскажите, пожалуйста.

Вейнштейнъ ерзалъ на мѣстѣ, потиралъ руки, вообще готовился къ чему-то необыкновенно интересному.

— Слушайте-же,—началъ онъ,— Въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ по Бруклинскому мосту идетъ молодой человѣкъ прекрасной наружности, въ отличной одеждѣ—бѣлая крахмальная рубашка, шелковый галстухъ, новенькая пара, все какъ слѣдуетъ приличному молодому человѣку изъ высоко-нравственной семьи. На лицѣ у него напечатлѣно благообразіе. Но не смотря на все это, онъ очень печаленъ и даже дѣлаетъ какія-то отчаянныя движенія руками, какъ будто хочетъ броситься въ воду. Онъ подходитъ къ периламъ, смотритъ пристальными глазами на воду, перевѣшивается, точно собирается кувыркомъ въ воду. Это продолжается полчаса. Вокругъ собралась большая толпа и думала: «Рѣшится онъ, или не рѣшится?» Какъ вы думаете, что сдѣлалъ молодой человѣкъ?

— Утопился,—неувѣренно вырвалось у Бунина.

— Ха, ха, ха,—покатился Вейнштейнъ.—Вотъ это все, что только мнѣ было нужно. А нѣтъ-же, нѣтъ, не угадали. Въ тотъ моментъ, когда толпа уже хотѣла схватить его за фалды, онъ обернулся, вынулъ изъ кармана сигарету и пошелъ спокойно по мосту, а когда всѣ стали смотрѣть, что онъ станетъ дѣлать, онъ вытащилъ изъ кармановъ коробки съ сигаретами Good for all political opinions и сталъ продавать и въ 10 минутъ продалъ на 10 долларовъ. И знаете-ли кто это былъ?

— Ужъ не вы-ли?—сказалъ Бунинъ.

— Да,—съ скромной гордостью отвѣчалъ Вейнштейнъ.—Это былъ мой первый дебютъ. И тогда я подумалъ, что я ловкій человѣкъ для Америки, и я что нибудь такое обѣщаю въ будущемъ.

— А вотъ мы и въ Дантанѣ!—воскликнулъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

Вейнштейнъ соскочилъ съ конки и почти побѣжалъ впередъ, а за нимъ Бунинъ, едва поспѣвая.

Бунинъ съ любопытствомъ оглядывался по сторонамъ, и чѣмъ дальше они шли, тѣмъ болѣе онъ удивлялся.

Ему показалось, что его путешествіе чрезъ океанъ и пріѣздъ въ Америку—не болѣе, какъ сонъ, что онъ все еще не выѣхалъ изъ западной Россіи: до того на него пахнуло атмосферой западно-русско-еврейскаго городка; тотъ-же смѣшанный запахъ чеснока и рыбы въ воздухѣ, такія же маленькія лавченки со старьемъ, у дверей которыхъ сидятъ толстыя еврейки въ парикахъ, тотъ-же пронзительно-громкій говоръ, то по-русски, то на жаргонѣ, и крикъ босоногихъ ребятъ, которыми кишатъ грязныя улицы.

Конечно, архитектура не та—въ Россіи совсѣмъ нѣтъ этихъ правильныхъ трехъ-этажныхъ домовъ, построенныхъ по одному шаблону и имѣющихъ видъ одной длинной казармы, но атмосфера улицъ совершенно такая-же.

У дверей одного изъ домовъ Вейнштейна встрѣтила хорошенькая молодая женщина.

— Какъ ты долго сегодня, я тебя ждала, ждала...

— А я тебѣ гостя и жильца привезъ. Сегодня пріѣхалъ въ Нью-Іоркъ въ Россіи. Позвольте представить, г. Бунинъ,—моя супруга.

Молодая женщина привѣтливо поклонилась.

— Пойдемте на верхъ, надѣюсь, что комната вамъ понравится.

Она говорила по-русски совершенно чисто, безъ малѣйшаго акцента, который былъ очень замѣтенъ у ея мужа.

Вейнштейны жили въ 3-мъ этажѣ въ маленькой, очень скромной квартирѣ. Комната, предназначенная для Бунина, была такъ мала, что кровать загораживала ее всю.

Но Бунинъ былъ радъ и такой комнатѣ и тотчасъ-же рѣшилъ остаться.

— Ну, а вамъ какъ живется въ Америкѣ?—спросилъ Бунинъ молодую женщину.

— Очень скучаю по Россіи,—отвѣчала она.—Сейчасъ бы уѣхала, да вотъ онъ у меня такой американскій энтузіастъ, что и думать нечего. Вѣрно, уже успѣлъ разсказать вамъ про свой дебютъ?—засмѣялась она.

— Какъ-же, я слушалъ съ большимъ интересомъ.

— А какъ мы бѣдствовали первые шесть мѣсяцевъ, работая на фабрикѣ—вѣрно не разсказалъ?

— Нѣтъ.

— Да, онъ добрый, помнитъ только хорошее. А я не могу забыть, какъ съ нами обращались. Наконецъ, мы не вытерпѣли и уѣхали на рискъ въ Нью-Іоркъ. Тутъ его папиросы насъ спасли. Живемъ порядочно, не нуждаясь, но я скучаю, чего-то мнѣ здѣсь не достаетъ. Тянетъ въ Россію...

Въ ея голосѣ звучала грусть.

— Вѣдь я московская, была на фельдшерскихъ курсахъ.

— Ну, хорошо, хорошо. Успѣешь еще все разсказать,—перебилъ ее Вейнштейнъ.—А теперь угощай гостя чѣмъ богата.

— Вотъ бѣда,—сказалъ Вейнштейнъ, когда она вышла,—пріѣхала въ Америку, а живетъ въ Россіи. Тѣло здѣсь, а душа тамъ. Нельзя, нельзя такъ. Нужно умѣть приспособиться къ новой жизни. Въ чужой монастырь съ своимъ караваемъ не ходятъ.

— Экая у него несчастная страсть къ пословицамъ,—подумалъ Бунинъ. Но хозяева ему нравились оба, и мужъ, и жена.

IV.

Первое время своего пребыванія въ Нью-Іоркѣ Бунинъ цѣлые дни рыскалъ по городу. Работу онъ рѣшилъ искать недѣли черезъ двѣ, а пока хотѣлъ познакомиться съ Нью-Іоркомъ. Денегъ на это время хватитъ — у Вейнштейна онъ устроился очень дешево.

Нью-Іоркъ сильно интересовалъ Бунина. Не внѣшностью своей, нѣтъ. Съ внѣшней стороны этотъ длинный и узкій полуостровъ, не смотря на довольно живописные берега и прекрасный паркъ въ самой его серединѣ, далеко уступалъ по красотѣ любому европейскому городу. Весь раздѣленный на правильные четыреугольники, съ номерованными улицами и домами, съ однообразной казарменной архитектурой, Нью-Іоркъ, конечно,

не могъ плѣнить сердце москвича, полное поэтическихъ воспоминаній о Вшивой Горкѣ, Николѣ на Курьихъ Ножкахъ, безчисленныхъ кривыхъ, косыхъ и тупыхъ переулкахъ. Бунину Нью-Іоркъ казался какимъ-то безцвѣтнымъ и шаблоннымъ. Во всѣхъ постройкахъ чувствовалось отсутствіе оригинальнаго творчества, слабость фантазіи. Улицы, огороженныя рядами домовъ, какъ двѣ капли воды похожихъ другъ на друга, казались Бунину глубокими ящиками съ кирпичными стѣнами. Въ богатой части города встрѣчались дома покрасивѣе, но система была все таже—одинъ домъ плотно прилегалъ къ другому, безъ двора или сада между ними.

Сначала его, какъ новичка, поражали «дома до неба», въ 20 и болѣе этажей, и онъ простаивалъ передъ ними, закинувъ назадъ голову и терпѣливо считая этажи до тѣхъ поръ, пока не начинала болѣть шея. Но это занятіе скоро ему надоѣло. Онъ сталъ привыкать къ этимъ неуклюжимъ «скребницамъ неба» *), какъ американцы называютъ двадцати-этажные дома.

Къ постоянному, ни на минуту не смолкающему шуму Нью-Іорка, который вначалѣ не давалъ ему спать по ночамъ, Бунинъ также началъ по немногу привыкать.

Первые дни, когда ему приходилось переходить перекрестки многолюдныхъ улицъ, онъ чувствовалъ совершенное одуреніе. Вотъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ несутся электрическіе вагоны, перерѣзывая дорогу конкамъ. Между ними удивительно ловко лавируютъ громадныя фуры и маленькія повозки. На верху, тяжело громыхая, стремглавъ несется поѣздъ воздушной желѣзной дороги. Звонки электрическихъ каровъ и конокъ, грохотъ вагоновъ желѣзной дороги, наконецъ, крикъ и говоръ людской сливаются въ невѣроятный оглушительный шумъ, доводящій новичка до головокруженія.

Болѣе всего занималъ и интриговалъ Бунина народъ на улицахъ. Онъ внимательно присматаивался къ дѣловымъ и озабоченнымъ лицамъ людей, торопливо снующихъ по улицамъ съ утра до поздней ночи, и часто задавалъ себѣ вопросъ: на что идетъ удивительная энергія этой толпы, день и ночь волнующейся, какъ море? На что направлены силы этихъ неутомимыхъ людей, день и ночь наполняющихъ вагоны элеваторовъ (воздушной желѣзной дороги), конокъ и электрическихъ дорогъ? Всѣ спѣшатъ, летятъ куда-то, съ опасностью жизни вскакиваютъ на поѣзда, съ быстротою лани перебѣгаютъ улицы, задыхаясь взбѣгаютъ на лѣстницы станцій элеватора, едва успѣвъ схватить газету и сунуть центъ въ руку продающаго ее мальчика, поглощаютъ дорогой огромный листъ, тутъ же бросая его и запасаясь новой газетой гдѣ-нибудь на другой

*) Sky-skrapers.

станціи. Куда спѣшатъ они? Какая цѣль ихъ жизни? Сколько убѣжденности въ правотѣ этой цѣли и рѣшительности нужно, чтобы такъ жить, не оглядываясь, не задумываясь. Впередъ, впередъ!

Бунинъ, увлекающійся и вмѣстѣ нерѣшительный, измученный сомнѣніями, которыя всегда мѣшали ему дѣйствовать, поражался этой энергіей. Она импонировала ему и казалась какой-то загадкой.

Иногда, сидя въ своей комнаткѣ и вслушиваясь въ несмолкаемый шумъ, во всякое время дня и ночи доносившійся до него, онъ старался схватить характеръ этого «вѣчнаго движенія». Онъ напоминалъ ему ровный шумъ гигантскаго водопада, который стихалъ къ ночи, но не прекращался ни на мгновеніе. Бунину невольно приходилъ вопросъ: «Когда же спитъ Нью-Іоркъ? Когда отдыхаетъ и набирается силъ этотъ громадный муравейникъ?» Онъ подстерегалъ хоть одну спокойную минуту, но напрасно: шумъ не смолкалъ ни на мгновеніе, даже ночью.

Бунинъ внимательно всматривался, изучалъ, обдумывалъ, но не могъ ухватить главную руководящую нить этой безпокойной, лихорадочной жизни. Онъ чувствовалъ, что знаетъ еще слишкомъ мало, и жадно накидывался на газеты, ища въ нихъ объясненія; но огромные листы мелкой печати, отнимая у него массу времени, не давали никакого отвѣта. Напротивъ, огромное количество фактовъ, пестрыхъ, отрывочныхъ, казавшихся случайными, только загромождали его умъ и затемняли мысль. Все въ газетахъ Нью-Іорка казалось ему неестественнымъ, преувеличеннымъ, такъ же грубо намалеваннымъ, какъ тѣ семь толстыхъ женщинъ на велосипедахъ, отъ которыхъ онъ, проходя мимо, каждый разъ съ омерзеніемъ отвертывался. Даже жаргонъ газетъ, совсѣмъ особенный, хлесткій и дерзкій, не щадящій для краснаго словца ни друга, ни недруга, былъ ему противенъ. Онъ искалъ передовицъ, которыя бы помогли ему выяснить себѣ направленіе газеты, но не находилъ ихъ. Все, повидимому, опредѣлялось интересомъ минуты, и газета наполнялась матеріаломъ, на который былъ спросъ въ данный моментъ.

Бунинъ злился, упрекалъ себя въ несправедливости, въ слишкомъ поспѣшныхъ выводахъ, мучился и всетаки продолжалъ терпѣливо читать.

Въ политическую борьбу партій, безцеремонно грызущихъ другъ друга, онъ еще не успѣлъ окунуться, его болѣе интересовали соціальныя и бытовыя черты. Но тутъ ему встрѣчались факты совершенно невѣроятные, онъ положительно не могъ имъ вѣрить, не могъ себѣ представить, чтобы они были возможны въ странѣ, стоящей на вершинѣ прогресса. Убій-

ства, самоубійства, сложные процессы о злоупотребленіяхъ полиціи, ловкія мошенничества воровъ — тянулись длинной вереницей изо дня въ день и подъ цвѣтистымъ перомъ репортера обращались чуть не въ романическія приключенія.

Бунинъ дрожалъ за свои иллюзіи и иногда чуть не стоналъ отъ душевной боли. Въ такія минуты онъ вскакивалъ и бѣжалъ къ Вейнштейну.

Вейнштейнъ своей вѣрой въ Америку дѣйствовалъ на Бунина успокоительно, не смотря на страшныя стычки, которыя бывали между ними. Какъ часто бываетъ съ новообращенными, Вейнштейнъ былъ до крайности нетерпимъ. Когда Бунинъ пробовалъ сообщать ему свои впечатлѣнія, сопровождая ихъ иногда довольно рѣзкими критическими замѣчаніями, Вейнштейнъ положительно становился на дыбы. Онъ не допускалъ никакой другой точки зрѣнія, кромѣ безусловнаго преклоненія передъ Америкой и американцами.

Разъ вечеромъ Вейнштейнъ въ халатѣ и ермолкѣ мирно сидѣлъ передъ большимъ столомъ, заваленнымъ коробками, папиросами, бумагой, и акуратно раскладывалъ папиросы по генеральскимъ и нигилистическимъ коробкамъ.

Вдругъ дверь отворилась и порывисто вошелъ Бунинъ съ газетой въ рукахъ. Видъ у него былъ очень взволнованный.

— Скажите, Вейнштейнъ,—началъ онъ,—неужели въ Америкѣ вѣрятъ въ вѣдьмъ?

Вейнштейнъ покосился на газету и, продолжая работу, уклончиво отвѣчалъ:

— А почему я знаю? Можетъ быть, вѣрятъ, а можетъ быть, и нѣтъ.

— Какъ же вы говорите—нѣтъ? — вспылилъ Бунинъ.— Вѣдь вотъ въ «Геральдѣ» совершенно ясно стоитъ: Судъ надъ вѣдьмой. Чортъ знаетъ, что такое! Въ Америкѣ, чуть не въ двадцатомъ столѣтіи—судъ надъ вѣдьмой. Вотъ полюбуйтесь: въ городѣ Патерсонѣ, въ штатѣ Нью-Джерси, рядомъ съ Нью-Іоркомъ цѣлый уѣздъ взволнованъ — въ немъ оказалась вѣдьма м-съ Кильби (вѣдьма-то—миссисъ!), которая испортила (да, это самое выраженіе—кивнулъ онъ въ сторону Вейнштейна), испортила молодую дѣвушку Сузи и довела ее до ужасныхъ припадковъ по ночамъ. Семья Сузи подала въ судъ жалобу на вѣдьму. Собирается цѣлая толпа свидѣтелей, и когда судья спрашиваетъ ихъ, вѣрятъ-ли они въ вѣдьмъ, *всѣ даютъ утвердительный отвѣтъ*... Понимаете-ли вы это, Вейнштейнъ—*всѣ даютъ утвердительный отвѣтъ*.

Въ голосѣ Бунина дрожала драматическая нотка.

— Да что же это такое? Средніе вѣка или конецъ девятнадцатаго вѣка? Отвѣчайте же, Вейнштейнъ, что это такое?

Вейнштейнъ молчалъ. Онъ былъ нѣсколько смущенъ и со-

валъ въ генеральскую коробку больше папиросъ, чѣмъ слѣдовало, такъ что штуки двѣ упали на полъ.

На минуту онъ задумался и опустилъ глаза. Потомъ онъ медленно поднялъ голову, и Бунинъ увидалъ уже его обычный, самоувѣренный взглядъ.

— А чтожъ такое? Очень просто,—сказалъ онъ спокойнымъ тономъ.

— Какъ просто?—въ недоумѣніи спросилъ Бунинъ.

— А такъ просто. Это остатки.

— Остатки чего?—наступалъ Бунинъ на Вейнштейна.

— Остатки отъ старой Европы, изъ jenseits,—невозмутимо отвѣчалъ Вейнштейнъ.

— Ну, хороши остатки!—насмѣшливо протянулъ Бунинъ,—цѣлый уѣздъ! Нѣтъ, что ни говорите, это чортъ знаетъ что такое!

— А вы возьмите географическую карту, молодой господинъ, и сравнивайте, что такое одинъ уѣздъ при всей Америкѣ. Капля, одна капля! Да и чтожъ такого? Въ каждой семьѣ есть чучело, какъ говорится по пословицѣ.

Онъ помолчалъ, потомъ изъ подлобья взглянулъ на Бунина.

— А позвольте васъ спрашивать, молодой господинъ, зачѣмъ это вы всегда напоминаете чорта?

Бунинъ не понялъ.

— Что вы хотите сказать? — съ удивленіемъ спросилъ онъ.

— А при разговорѣ, вотъ и сейчасъ раза три напомянули чорта.

— Скверная привычка,—нахмурившись, сказалъ Бунинъ.— Онъ не любилъ, когда переходили въ личности.

— А хотите, я вамъ скажу, что это такое? Это тоже остатокъ. Остатокъ отъ вашихъ предковъ—они вѣрили въ чорта, а вы не вѣрите, но напоминаете.

Бунинъ нахмурился, молча отыскивалъ что-то въ газетѣ и не отвѣчалъ.

— Ахъ да, вотъ еще случай, нашелъ,—началъ онъ снова,—вы только послушайте. Въ городскую Нью-Іоркскую больницу привозятъ молодую монашенку. Ноги ея покрыты страшными нарывами. Сначала пораженный докторъ не можетъ понять причину болѣзни, но, при дальнѣйшемъ осмотрѣ, вытаскиваетъ до тридцати швейныхъ иголокъ изъ больныхъ ногъ. И представьте себѣ, дѣвушка сознается, что она грѣшила съ одной подругой, и въ наказаніе за каждый проступокъ онѣ обѣ втыкали себѣ по иголкѣ въ ногу, въ видѣ искупленія. Развѣ это не ужасно? Я положительно содрогаюсь, когда представляю себѣ эти несчастныя ноги. А главное, что за смыслъ? Грѣшатъ и искупаютъ, искупаютъ и опять грѣшатъ. Вѣдь это

нелѣпость! Ну, положимъ, это уродливый фактъ личной жизни, но развѣ не то же и въ общественной жизни? Тамъ тоже идетъ это искупленіе. Вотъ хотьбы, къ примѣру, эта казнь Буканана *).

— Нѣтъ позвольте, позвольте, господинъ,—перервалъ на этотъ разъ нетерпѣливо Вейнштейнъ,—и что вы такое знаете объ Америкѣ, чтобы такъ критиковать ее? Живете здѣсь недѣлю безъ году, а думаете, что уже что-то такое поняли.

Онъ начиналъ сердиться.

— Но послушайте, Вейнштейнъ, вѣдь каждый имѣетъ право высказывать свое мнѣніе...

— Да, каждый, кто прожилъ здѣсь пять, десять лѣтъ. Но не каждый, кто только что вылупился изъ яйца, — отвѣчалъ рѣшительно Вейнштейнъ.

Бунинъ не выдержалъ и засмѣялся.

— Да, помилуйте, мнѣ вѣдь ужъ 33-й годъ. Хорошъ цыпленокъ!

— А всетаки вы цыпленокъ, сэръ! Настоящій такой-сякой цыпленокъ,—кипятился Вейнштейнъ.—Потому что только въ Америкѣ вы можете получить настоящій взглядъ на міръ, только здѣсь вы можете учиться жить.

— Такъ вотъ вы какъ ругаетесь, Вейнштейнъ,—раздался вдругъ у дверей мужской голосъ: — Настоящій такой сякой цыпленокъ! Вѣдь придумалъ! И курицей выругаютъ, такъ обидно, а тутъ цыпленокъ, да еще такой сякой. На вашемъ мѣстѣ, милостивый государь, я вызвалъ бы его на дуэль и убилъ наповалъ.

Въ пылу спора ни Вейнштейнъ, ни Бунинъ не замѣтили, какъ отворилась дверь, и не подозрѣвали, что ихъ слушаетъ третье лицо. Въ дверяхъ стоялъ и смѣялся, выказывая чудесные бѣбые зубы, молодой человѣкъ лѣтъ 28.

— А, Красавцевъ, очень радъ, очень радъ!—вскричалъ Вейнштейнъ и вскочилъ, разсыпавъ папиросы.—Позвольте васъ рекомендовать, господа. Красавцевъ—благородный басъ и благородный человѣкъ, что не всегда сходится вмѣстѣ. Знаменитый пѣвецъ Парижской оперы. А это—г. Бунинъ, пріѣхалъ въ Америку искать коммуну Белами, но, къ несчастью, черезчуръ много увлекается другими вопросами и пока еще ея не находилъ. Такъ-ли я говорю, мистеръ Бунинъ?

И онъ лукаво на него взглянулъ.

— Очень, очень пріятно,—отвѣтилъ Красавцевъ на рукопожатіе Бунина. Онъ говорилъ пѣвучимъ низкимъ голосомъ, протягивая гласныя.

«Чудесный голосъ», — подумалъ Бунинъ. «Да и наружность оригинальная».

---

*) Buchanan.

Красавцевъ былъ высокъ ростомъ и хорошо сложенъ. Красивая голова его съ черными волнистыми кудрями, падавшими почти до плечъ, имѣла видъ чрезвычайно эффектный, можетъ быть, немного театральный. Блѣдное, длинное лицо съ прекрасными черными глазами, безпрестанно мѣнявшими свое выраженіе, имѣло видъ нѣсколько мрачный, благодаря глубокой морщинѣ между густыми бровями.

Но когда онъ смѣялся, все лицо его освѣщалось, глаза блестѣли и мрачное выраженіе исчезало.

— Давно-ли вы въ Америкѣ?—спросилъ Бунинъ.

— Два года, два длинныхъ года и не знаю, когда выберусь. Попалъ въ эту страну *доллара*, самъ не знаю зачѣмъ.

Красавцевъ говорилъ, точно пѣлъ, растягивая гласныя и видимо любуясь своимъ голосомъ. Голосъ былъ дѣйствительно хорошъ, звучный, низкій и полный.

— Не по душѣ мнѣ эта меркантильная страна,—добавилъ онъ.

— Ну да, ну да, а вы лучше спросите м-ръ Бунинъ, выучился-ли онъ впродолженіи двухъ годовъ здѣшнему языку. Ни слова въ зубъ толкнуть не знаетъ — сказалъ Вейнштейнъ.

— Il a raison,—добродушно улыбнулся Красавцевъ.—Я плохо знаю англійскій языкъ. Не учусь изъ принципа,—cette langue guturale abîme la voix *). Право, я начинаю чувствовать какое-то странное сжиманіе въ горлѣ, какъ только поговорю по англійски десять минутъ. Одна хорошенькая американка начала было меня учить выговаривать *th*. Нужно, говоритъ, немного высунуть языкъ. Ну помилуйте, какъ бы я могъ, показать языкъ дамѣ, je suis trop bien élevé pour ça **) Такъ и бросилъ. Онъ махнулъ рукой.

— И газетъ не читаю, развѣ рецензіи о себѣ—это понять не трудно. М-ръ Бунинъ, мнѣ очень жаль, что я перебилъ васъ. Я, кажется, засталъ васъ за интереснымъ разговоромъ. Скажите, кто этотъ Букананъ?

— Это извѣстный преступникъ, убившій изъ за денегъ свою вторую жену, богатую старуху, которую онъ ненавидѣлъ,—оживленно заговорилъ Бунинъ.—Разбогатѣвъ такимъ образомъ, онъ снова женился на своей первой женѣ, молодой и красивой, которую онъ по своему любилъ, но бросилъ, какъ обузу, мѣшавшую его карьерѣ, когда онъ былъ бѣденъ. Онъ только что собирался наслаждаться жизью, когда совершенно случайно преступленіе его было открыто. Два года тянулся судъ надъ нимъ, онъ упорно не сознавался. Наконецъ, правосудіе восторжествовало, хотя вина его нѣ была вполнѣ доказана. На дняхъ онъ былъ казненъ электричествомъ «въ одну минуту»,

---

*) Этотъ горловой языкъ портитъ голосъ.

**) Я слишкомъ хорошо воспитанъ для этого.

какъ радовались всѣ газеты. Почти во всѣхъ газетахъ были иллюстраціи этой казни. Букананъ былъ изображенъ сидящимъ на электрическомъ креслѣ, въ маскѣ, съ привязанными ремнемъ руками и ногами. И всѣ газеты радовались, прославляли цивилизацію и *удивительно гуманный способъ отнятія жизни у человѣка*. Вотъ это прославленіе такой, удивительно ловко убивающей человѣка, цивилизаціи меня и поражаетъ,—обратился Бунинъ къ Вейнштейну.—Развѣ счастливѣе человѣчество отъ того, что убиваетъ электричествомъ по всѣмъ правиламъ науки, вмѣсто первобытнаго удара обухомъ по головѣ? Дѣлается-ли нравственнѣе общество? Легче-ли самому преступнику, у котораго все равно жизнь отнимается? Вѣдь это все то же—око за око, зубъ за зубъ....

Бунинъ все болѣе и болѣе горячился. Онъ уже не стоялъ передъ Вейнштейномъ, а ходилъ большими шагами по комнатѣ. Красавцевъ по прежнему стоялъ у двери и съ оживленнымъ лицомъ слушалъ. Вейнштейнъ молчалъ.

— Вообще, знаете ли,—продолжалъ Бунинъ,—я отношеній здѣшнихъ газетъ къ разнымъ криминальнымъ дѣламъ понять не могу. Постоянно звучитъ какая-то хвастливая нотка: вотъде, что мы открыли, какіе мы молодцы! Какъ будто преступленіе, которое открыто, не служитъ доказательствомъ существованія другихъ подобныхъ же преступленій, остающихся тайными, какъ будто оно не характеризуетъ всего общества, прячущаго подъ красивой одеждой страшную рану!

Онъ остановился передъ Вейнштейномъ. Вейнштейнъ продолжалъ свою работу съ опущенными глазами и не отвѣчалъ.

— А тѣ,—продолжалъ Бунинъ,—которые открыли это преступленіе, развѣ не члены того же общества? А сама американская полиція? Развѣ, вы думаете, я не читаю эти безконечные процессы полицейскихъ злоупотребленій, подкуповъ, взятокъ за назначеніе на должности, за разрѣшеніе держать публичные дома! И это Америка! Мнѣ просто страшно дѣлается. И зачѣмъ только я пріѣхалъ?

Тутъ Вейнштейнъ не вытерпѣлъ, бросилъ работу и вскочилъ.

— Да, да, вотъ онъ настоящій русскій характеръ. Понюхалъ немножко Нью-Іоркъ, прочиталъ пару газетъ—не понравилось и сейчасъ готовъ уже на задворки. Ахъ, м-ръ Бунинъ, м-ръ Бунинъ! Развѣ такъ можно? Развѣ можно осуждать цѣлый народъ такъ, съ размаху, какъ говорится, съ высоты небеснаго полета. И помните, это великій народъ, какого еще на свѣтѣ никогда не бывало. Конечно, и на солнцѣ есть тѣнь. А только я скажу одно: вотъ я, бѣдный еврей зъ Минска, котораго могли тыкать ногой, какъ паршивую собаку, пріѣхалъ въ Америку и теперь я человѣкъ, настоящій человѣкъ. Я работаю на одной линіи съ другими людьми, и меня всѣ уважа-

ютъ и я всѣхъ уважаю. Нѣтъ, вы должны войти въ ихъ жизнь, работать съ ними заодно и тогда вамъ многое можетъ открываться, многое можетъ разъясниться. А пока удержите языкъ за зубами. Ну, что же такое? Развѣ у васъ лучше? Сосчитайте-ка по пальцамъ, сколько грамотныхъ въ Россіи и сколько въ Америкѣ? И что же выйдетъ?

— Ну вотъ, Вейнштейнъ,—заговорилъ нетерпѣливо Бунинъ,—вы всегда такъ. Причемъ тутъ Россія? Мы, русскіе—варвары, это всѣми признано. Но вѣдь это совсѣмъ другое дѣло. Мы и сознаемъ, даже слишкомъ, что мы плохи и учить никого не беремся, а сами учимся. А Америка? Вѣдь на Америку мы смотримъ, какъ на высшій идеалъ. Вѣдь она для насъ звѣзда путеводная! Я вонъ какъ пріѣхалъ, на берегъ ступить боялся, чтобъ не попрать своей грѣшной ногой священную землю!

У Бунина задрожалъ голосъ.

— Ну, полноте, полноте, м-ръ Бунинъ,—уже совсѣмъ добродушно заговорилъ Вейнштейнъ: послѣднія слова Бунина подѣйствовали на него, какъ бальзамъ—не огорчайтесь. Но, ой, ой, ой молодой человѣкъ, работать надо, работать! Безъ работы человѣкъ пропадать можетъ.

— А знаете, онъ правъ,—сказалъ Красавцевъ, величественно выходя на средину комнаты.—Когда у меня нѣтъ ангажемента, на меня находитъ страшная ипохондрія, что то вродѣ mal du pays, и все рисуется въ мрачномъ цвѣтѣ, а какъ что-нибудь наладится, опять точно расцвѣтешь.

— Да, это вѣрно, это вѣрно,—задумчиво повторялъ Бунинъ, шагая по комнатѣ съ опущенной головой и потирая лобъ рукой.

Вдругъ онъ встрепенулся.

— Что же это? Вѣдь мы только мѣшали Вейнштейну. Садитесь, г-нъ Красавцевъ, давайте помогать ему укладывать папиросы.

Всѣ трое усѣлись за работу и миръ былъ возстановленъ.

V.

Въ эту ночь мысли мѣшали Бунину спать. Онъ всталъ очень рано.

Въ маленькой комнатѣ было невыносимо душно. Онъ посмотрѣлъ на часы, было всего четыре. Онъ одѣлся и вышелъ на улицу. Сѣренькое утро чуть брезжило. На улицахъ было тихо, но звонокъ конки слышался безпрестанно и на элеваторѣ ходили поѣзда. Бунинъ поднялся на ближайшую станцію элеватора и, войдя въ вагонъ, къ удивленію своему, нашелъ его полнымъ.

Рабочіе въ синихъ парусинныхъ блузахъ, съ мѣшками, наполненными инструментами, сидѣли и по большей части дремали, качаясь изъ стороны въ сторону отъ толчковъ элеватора. Бунинъ зналъ со словъ Вейнштейна, что многіе рабочіе, ради дешевизны квартиръ, живутъ на далекихъ окраинахъ Нью-Іорка, на разстояніи полутора и 2-хъ часовъ ѣзды отъ мѣста ихъ работы, такъ какъ плата за проѣздъ одинаковая для короткаго или длиннаго пути. Эти часы имъ и приходится урывать отъ сна.

Изъ всѣхъ пассажировъ Бунинъ одинъ сидѣлъ съ газетой, да и онъ мало читалъ: тусклый свѣтъ керосиновой лампы былъ слишкомъ слабъ для мелкаго шрифта, которымъ печатаются всѣ американскія газеты. Его тоже начинало укачивать.

По временамъ молодой кондукторъ отворялъ дверь и называлъ имена станцій, мимо которыхъ проѣзжалъ поѣздъ.

Вдругъ кондукторъ вошелъ и крикнулъ:

— Эй, молодецъ, тамъ въ углу. Мы проѣхали Чатамъ Скверъ. Вѣдь это ваша станція? Выходите, а то вамъ придется платить второй разъ за билетъ.

Но «молодецъ въ углу» спалъ мертвецкимъ сномъ и даже не шевельнулся. Впрочемъ, названіе молодца какъ нельзя менѣе шло къ нему. Грязный, оборванный, съ небритой бородой, въ какой-то странной курткѣ неопредѣленнаго цвѣта, въ штанахъ съ продранными колѣнями и лохматой бахрамой, спускавшейся на дырявые сапоги, онъ рѣзко отличался отъ чисто одѣтыхъ рабочихъ.

Худое лицо его и вся одежда были забрызганы грязью, потрепанная шапка также была въ грязи, какъ будто онъ только что вылѣзъ изъ какой-нибудь придорожной канавы.

— Трампъ *) должно быть,—сказалъ кондукторъ.—Радъ, что нашелъ себѣ квартиру за пятакъ. Онъ подошелъ къ спящему, безъ церемоніи потрясъ его за плечо и закричалъ ему прямо въ ухо:—Мы проѣхали вашу станцію, сэръ, проснитесь!

«Сэръ» на мгновеніе продралъ глаза, пробурчалъ «all riht», потомъ отвернулся къ окну, пристроилъ поудобнѣе свой локоть, положилъ на него голову и опять захрапѣлъ.

— Не знаю, что съ нимъ дѣлать—въ раздумьи сказалъ кондукторъ.—Высажу его на слѣдующей станціи, да и дѣло съ концомъ. Онъ ѣдетъ изъ Трентона, съ самаго сѣвера, не везти же его назадъ.

— Сити Голлъ, послѣдняя станція!—крикнулъ онъ, обращаясь ко всѣмъ пассажирамъ.

Съ помощью одного изъ пассажировъ онъ поднялъ спящаго трампа и высадилъ его на платформу. Тотъ, качаясь, до-

*) Бродяга.

брелъ до первой скамьи, тяжело на нее опустился и опять захрапѣлъ. Худыя, длинныя руки безпомощно повисли, какъ плети, почти касаясь земли, голова ударилась о желѣзную спинку скамьи, но, очевидно, страшная усталость брала свое, и онъ не могъ проснуться.

Кондукторъ вошелъ въ вагонъ, сжавъ кулаки и дѣлая движеніе руками, какъ-бы боксируя.

«Дзумъ, дзумъ, дзумъ»,—приговаривалъ онъ.

— Терпѣть не могу этотъ народъ, сэръ,—обратился онъ къ Бунину.—Лѣнтяи, которые не хотятъ работать. Въ Америкѣ нѣтъ человѣка, который не могъ бы найти работу, если у него есть двѣ руки и голова на плечахъ.

Въ тонѣ его звучало безграничное презрѣніе обезпеченнаго человѣка къ пролетарію.—А вы куда же? Опять на Сѣверъ? Тогда вамъ нужно взять новый билетъ въ кассѣ.

— Что сдѣлаютъ съ этимъ бродягой?—спросилъ Бунинъ.

— Возьмутъ въ полицейскій участокъ. Тамъ онъ выспится, и прогонятъ. Вѣрно, опять пойдетъ гулять. Этотъ народъ любитъ шляться.

Бунину въ первый разъ пришлось видѣть американскаго трампа. «Жалкая фигура,—подумалъ онъ,—не лучше нашего золоторотца».

Бунинъ проѣхалъ еще два раза по этой линіи. Все время до 8 часовъ возили рабочихъ. Къ восьми часамъ онъ сильно проголодался, спустился съ элеватора и зашелъ позавтракать въ ресторанъ, неподалеку отъ того мѣста, гдѣ жилъ Вейнштейнъ.

Народу въ ресторанѣ было много, служанки, въ черныхъ платьяхъ и бѣлыхъ фартукахъ, едва успѣвали подавать. Всѣ столы были заняты. Бунинъ въ смущеніи оглядывался, отыскивая себѣ мѣсто, какъ услыхалъ за собой басистый голосъ Красавцева:

— А, мосье Бунинъ! je suis charmé! Venez à cette table *).

Бунинъ обрадовался, онъ терпѣть не могъ ѣсть одинъ.

— Что это вы все французите?—шутливо спросилъ онъ Красавцева, подсаживаясь къ его столу

— Да знаете, долго жилъ въ Парижѣ,—отвѣчалъ тотъ.—Я пѣлъ нѣсколько лѣтъ въ Парижской оперѣ и имѣлъ громадный успѣхъ, ce qu'on nomme un succès fou **). А тамъ друзья посовѣтовали поѣхать въ Америку. Вы сами знаете, въ Европѣ думаютъ, что Америка — золотыя горы. Я поддался совѣтамъ коварныхъ друзей, да и попалъ въ кашу. Et maintenant je suis planté là, comme vous le voyez ***) при печальномъ интересѣ.

---

*) Очень радъ! Идите къ этому столу.

**) Что называется безумный успѣхъ.

***) А теперь я и сижу здѣсь, какъ видите.

Бунина немного коробило это смѣшеніе французскаго съ нижегородскимъ, но открытое лицо его собесѣдника ему очень нравилось.

— А что же, развѣ вамъ не везетъ?—спросилъ Бунинъ, съ аппетитомъ принимаясь за яичницу, которую подала ему служанка въ бѣломъ чепчикѣ, съ взбитой челкой и съ претензіей на манеры свѣтской дамы.

— Знаете, ce pays n'a pas d'art *)—нѣтъ пониманія настоящаго искусства. Подумайте, такой артистъ, какъ я,—онъ сдѣлалъ величественное движеніе головой и встряхнулъ кудрями,—долженъ имѣть дѣло съ этими подлыми торгашами—музыкальными агентами. И что же, вотъ уже два года, какъ я вожусь съ ними, и ничего, говоря вульгарнымъ слогомъ, ни тпру, ни ну... Были кое-какіе ничтожные ангажементы, да и то одинъ антрепренеръ надулъ, завезъ далеко на западъ и бросилъ насъ всѣхъ на произволъ судьбы. Многіе изъ труппы насилу добрались до Нью-Іорка. Говорятъ, нѣкоторымъ пришлось идти пѣшкомъ.

Красавцевъ отхлебнулъ нѣсколько глотковъ кофе.

— Ah, monsieur,—заговорилъ онъ опять и грустная нота звучала въ его тонѣ—Un talent sans argent est une infirmité, c'est moi qui vous le dit **). Представьте, я хотѣлъ дебютировать здѣсь въ итальянской оперѣ. Поймите, я, съ моимъ renommée, готовъ былъ пѣть даромъ, pour le merçi du bon Dieu. И чтоже? не допустили. У насъ, говорятъ, на басовыя партіи приглашенъ Эдуардъ де-Решке—Ну что же, говорю, одинъ другому не мѣшаетъ. Онъ Эдуардъ де Решке, а я Nicolas le Beau, Basse du Grand Opéra de Paris—я тамъ пѣлъ подъ этимъ именемъ. Нѣтъ, ни за что! Вездѣ эта проклятая монополія. Опера въ рукахъ какихъ-то лавочниковъ, президентъ симфоническаго общества торгуетъ консервами. Что вы хотите?

Благородный басъ съ полной безнадежностью махнулъ рукой.

— Я думаю, за два года вамъ не мало пришлось испытать,—сказалъ Бунинъ, принимаясь за кофе.

— И не говорите. Иногда такіе курьезы бывали, что трудно повѣрить. Представьте, мы разъ давали Фауста безъ Маргариты.

— Но какъ же? Развѣ это возможно?—наивно удивился Бунинъ.

— Для американца *все* возможно. Пока вы кончаете вашъ завтракъ — я свой кончилъ, merçi — разскажу вамъ, какъ это случилось. Нужно вамъ сказать, что въ этомъ оперномъ предпріятіи принимала финансовое участіе одна крупная компанія швейныхъ машинъ. Оперная компанія, по условію, бралась

*) Въ этой странѣ нѣтъ искусства.

**) Талантъ безъ денегъ—несчастіе, я вамъ это говорю.

пропагандировать швейныя машины довольно оригинальнымъ способомъ: во второмъ дѣйствіи Фауста Маргарита должна была пѣть арію въ хижинѣ не за прялкой, а за швейной машиной. Это-ли не «утилитарное» пониманіе искусства, pour l'amour de bon Dieu? Ну-съ, хорошо. Ѣдемъ мы благополучно. Въ трехъ городахъ Маргарита пропѣла свою арію подъ акомпаниментъ швейной машины, на которой, замѣтьте, крупными буквами стояло имя фабриканта, и съ большимъ успѣхомъ. Американцы любятъ всякія новинки, безъ разбора. Въ четвертомъ городѣ, кажется Торенро, или что-то въ этомъ родѣ, Маргарита заболѣваетъ. Антрепренеръ былъ въ большомъ затрудненіи—по условію съ компаніей швейныхъ машинъ, опера Фаустъ должна была даваться извѣстное количество разъ и пропустить представленіе было нельзя. Въ кассѣ билеты были всѣ проданы. Что тутъ дѣлать? Ловкій янки не потерялся. Надѣвъ фракъ и сунувъ розу въ петличку, передъ началомъ представленія онъ вышелъ на авансцену и обратился къ публикѣ. «Лэди и джентльмены, сказалъ онъ. Я надѣюсь, что имѣю дѣло съ людьми настолько просвѣщенными, что каждый навѣрно не разъ слышалъ Фауста и знаетъ партію Маргариты чуть не наизусть. Въ виду того, что наша примадонна заболѣла, а спектакль отмѣнить нельзя, я прошу уважаемую публику своимъ воображеніемъ пополнить пробѣлы представленія. Мы рѣшаемся съиграть Фауста безъ Маргариты». Польщенная публика аплодировала ему за находчивость, que voulez vous: американцы цѣнятъ ее послѣ денегъ больше всего и кричали ему «Smart fellow» *).

— Ну, и что же?—спросилъ Бунинъ.

— Да такъ и пѣли безъ Маргариты, вся ея партія была выпущена. Передъ началомъ аріи «Привѣтъ тебѣ», Фаустъ повертѣлъ машинку, чтобы не нарушить контракта съ компаніей швейныхъ машинъ, пропѣлъ одинъ дуэтъ, обнимая невидимую Маргариту, знаменитый квартетъ пропѣли въ 3 голоса. Вообще управлялись чисто по-американски. Антрепренеръ нашъ a empoché l'argent **), міръ отъ этого ничего не потерялъ, развѣ бѣдный Гете лишній разъ повернулся въ своей могилѣ.

Красавцевъ всталъ и досталъ висѣвшую на стѣнѣ шляпу.

— Вы куда?—спросилъ онъ Бунина, который тоже поднялся.

— Я опять на элеваторъ—занимаюсь наблюденіями.

— И я съ вами, si vous le permettez, monsieur. Vous me plaisez,—и онъ протянулъ руку Бунину. Въ васъ есть что-то, comment dirai je, невинное, un petit air innocent qu'on ne

*) Молодецъ.

**) Прикарманилъ деньги.

trouve pas tous les jours en Amérique *). Позволите вы мнѣ вамъ сопутствовать? Кстати мнѣ сегодня и дѣлать нечего.

— Пожалуйста, я буду очень радъ,—привѣтливо отвѣчалъ Бунинъ.— Мнѣ надоѣло скитаться одному.

Оба быстро взбѣжали на станцію, тутъ же у самаго ресторана. На элеваторѣ за это время публика совсѣмъ перемѣнилась; повалилъ народъ, служащій въ конторахъ и мастерскихъ. Зѣвая украдкой, хорошенькія приказчицы спѣшили занять мѣста поудобнѣе, всегда успѣвая взглянуть въ зеркало между окнами и поправить свой завитой хохолокъ. Одѣты онѣ всѣ были съ большой претензіей, по послѣдней модѣ, съ необъятными рукавами «шириною въ Черное море», хотя матеріалъ ихъ костюмовъ былъ плохой и наскоро приколотые въ изобиліи бантики изъ грошевыхъ лентъ.

Конечно, Бунинъ этого бы и не замѣтилъ, еслибы Красавцевъ не заявилъ себя знатокомъ женскихъ костюмовъ и не обратилъ на туалеты дамъ особеннаго вниманія. Впрочемъ, онъ оказался знатокомъ не только туалетовъ — ни одно хорошенькое личико не ускользало отъ его вниманія. Онъ сидѣлъ очень величественно съ серьезнымъ видомъ и только поводилъ кругомъ своими выразительными глазами. Приэтомъ онъ самымъ непринужденнымъ образомъ сыпалъ замѣчаніями на своемъ смѣшанномъ русско-французскомъ нарѣчіи.

— Saperlot, какія брови снурочкомъ. И глаза недурны, да очень, очень недурны. А тамъ, посмотрите, препикантная мордочка, немножко обезьянья, но прехорошенькая. А у той темные волосы и голубые глаза. C'est joli, n'est ce pas? Очень часто встрѣчается въ Америкѣ, замѣтьте. Вонъ та тоже недурна, но талія черезчуръ тонка, обхватить нечего. Mais en revanche elle a l'air distingué **).

Бунину было страшно неловко. Онъ не могъ понять такого отношенія къ женщинѣ. Но Красавцевъ говорилъ все съ такимъ серьезнымъ видомъ, что непонимающему языкъ было трудно угадать, что именно онъ говоритъ. Барышни вокругъ посматривали на него очень благосклонно и съ интересомъ. Его эффектная наружность, весьма живописная, нѣсколько театральная поза и величественныя движенія обращали на себя всеобщее вниманіе — онъ сильно выдѣлялся между прилизанными американцами. Даже свѣтлое, желтоватаго цвѣта пальто, которое очень шло къ его смуглому лицу, и обыкновенную соломенную шляпу онъ умѣлъ носить какъ-то особенно, «avec du chic», по его собственному выраженію.

---

*) Вы мнѣ нравитесь. Въ васъ есть что-то, какъ сказать, невинное, а это не каждый день встрѣчается въ Америкѣ.

**) Но за то у нея изящный видъ.

Красавцевъ болталъ безъ умолку до самаго Сити Голлъ, гдѣ онъ предложилъ Бунину проѣхать на сѣверъ въ Гарлемъ по другой, западной сторонѣ Нью-Іорка, а потомъ снова вернуться на югъ. Это будетъ какъ разъ между 10—11 часами, когда выѣдетъ на свѣтъ Божій нью-іоркская аристократія, «l'aristocratie bourgeoise de New-Jork», какъ ее насмѣшливо назвалъ Красавцевъ.

Черезъ какихъ-нибудь полчаса быстрый поѣздъ элеватора уже летѣлъ надъ городомъ по направленію къ Гарлему. Около 90-хъ улицъ дорога начала подниматься. Внизу дома и улицы мелькали съ быстротою молніи. Видъ расширялся. Вправо виднѣлись живописные холмы центральнаго парка, влѣво, черезъ нѣсколько улицъ отъ элеватора, то сверкая на солнцѣ, то исчезая за высокими домами, голубовато-серебристою лентою тянулся Гудзонъ.

— А вѣдь, пожалуй, это самый красивый видъ въ Нью-Іоркѣ,—сказалъ Бунинъ.

— Да, если не считать зданія газеты «Свѣтъ», гдѣ изъ верхней башни вы видите весь Нью-Іоркъ, какъ на ладони.

Когда около 11 часовъ наши путешественники возвращались снова на югъ, въ Сити двигалась уже болѣе зажиточная публика. Между мужчинами преобладали крупные биржевые дѣльцы, банкиры и брокеры. Многіе изъ нихъ, очевидно, были знакомы другъ съ другомъ, толковали о политикѣ, повышеніи и пониженіи курса, о новомъ тарифѣ. Лица были большею частью не молодыя, съ глубокими морщинами житейской заботы, съ ввалившимися глазами, обведенными темною тѣнью.

«Нелегко, должно быть, дается богатство», подумалъ Бунинъ, глядя на эти изношенныя, преждевременно состарившіяся лица.

Ѣхало также не мало женщинъ, пестрѣя яркими туалетами, точно бабочки крыльями. Странно, но Бунину всѣ дамы казались на одно лицо. Утрированные модные фасоны платья, высокія шляпы съ цѣлымъ огородомъ цвѣтовъ и одинаковая прическа дѣлали всѣхъ похожими на модную картинку—индивидуальность совершенно стиралась. Можетъ быть, также одно общее выраженіе недовольства, которое поразило Бунина, дѣлало ихъ похожими другъ на друга. «Чѣмъ онѣ недовольны? Откуда у всѣхъ эти брезгливо опущенные углы рта и продольная морщинка на лбу?» Онъ сообщилъ свои наблюденія Красавцеву.

«Да вы правы,—сказалъ благородный басъ,—я тоже это подмѣчалъ въ американкахъ. Мнѣ кажется, это своего рода кокетство. Въ американскихъ женщинахъ очень сильно развита .. comment dirai-je... une certaine fierté de sexe *),—что вы рѣдко

---

*) Гордость пола.

встрѣтите въ русской женщинѣ. Здѣсь, въ Америкѣ, женщинъ страшно балуютъ. Одинъ знакомый американецъ шутя увѣряетъ, что у нихъ въ Америкѣ скоро возникнетъ «мужской вопросъ» и имъ придется защищать «мужскія права». Я лично нахожу въ американкахъ своеобразную прелесть. Je la trouve adorable, la jeune fille de Boston avec son velocipède. Elle a l'air un peu garçon, indépendante et courageuse. Vous savez, les americaines...»*).

Но вдругъ онъ смолкъ, устремивъ взглядъ куда то впередъ. Онъ весь встрепенулся, глаза его блестѣли, лицо искривилось, губы улыбались какою-то загадочной улыбкой. Вся физіономія его выражала не то любопытство, не то ожиданіе— онъ внимательно всматривался въ кого-то.

— Посмотрите, Бунинъ,—заговорилъ онъ тихо,—скамьи черезъ три отъ насъ, видите, рядомъ съ этимъ старикомъ à la barbe blanche, сидитъ дѣвушка, совсѣмъ молоденькая. Видите, вонъ та, скромная, гладко причесанная, въ простомъ черномъ платьѣ. Вотъ она наклоняется и говоритъ что-то старику. Золотистые волосы и каріе глаза, le genre que j'aime **). Теперь она смѣется! Боже какая прелесть, зубы какъ у мышки. И какой румянецъ! Ахъ пойдемте, сядемъ противъ нихъ. Исполните просьбу человѣка, который... ну, который, однимъ словомъ, жаждетъ красоты.

Бунинъ засмѣялся.

— Что-жъ, перейдемъ, мнѣ все равно, только обѣщайте мнѣ сидѣть молча.

Красавцевъ приложилъ руку къ груди.

— Ma parole, je ne veux que contempler ***),—сказалъ онъ.— Идемъ, идемъ, теперь какъ разъ мѣняется публика.

Поѣздъ остановился, пассажиры выходили и входили. Бунинъ и Красавцевъ вмѣшались въ толпу и черезъ мгновеніе очутились на скамьѣ противъ старика и молодой дѣвушки. Бунинъ развернулъ газету и весь за ней спрятался.

Красавцевъ помѣстился у окна, противъ молодой дѣвушки, принявъ свой мрачный видъ и сложивъ по-наполеоновски руки. Онъ старался не смотрѣть на нее. Дѣвушка сидѣла, опустивъ глаза и держа въ рукахъ тетрадку, въ которую она, повидимому, что-то записывала. Когда она по временамъ поднимала длинныя рѣсницы, онъ не могъ не видѣть живыхъ карихъ глазъ, которые на мгновеніе останавливались на немъ, но такъ же мгновенно опускались, какъ только онъ пробовалъ встрѣтить ихъ взглядъ. Лицо ея было задумчиво и серьезно,

---

*) Я нахожу божественной молодую бостонку съ ея велосипедомъ. Она имѣетъ видъ мальчика, независимаго и смѣлаго. Знаете, американки..

**) мой любимый жанръ.

***) Честное слово! Я хочу только созерцать.

даже слишкомъ серьезно, какъ находилъ Красавцевъ. Оно дышало безмятежнымъ спокойствіемъ нетронутой молодой души.

Красавцевъ просидѣлъ минутъ десять «въ безмолвномъ созерцаніи красоты». Но больше онъ вытерпѣть не могъ. Наклонившись къ Бунину и глазами указывая на молодую дѣвушку, онъ сказалъ: «Тихій омутъ».

И вдругъ случилось что-то совершенно неожиданное. Щеки дѣвушки вспыхнули, какъ зарево, въ глазахъ замелькали искорки, розовыя губы задрожали, и она расхохоталась самымъ искреннимъ, заразительнымъ смѣхомъ, безъ удержу, забывъ, что на нее смотрятъ десятки чужихъ людей. Тетрадка и карандашъ полетѣли подъ скамью, на которой возсѣдалъ благородный басъ.

Послѣдній казался сконфуженнымъ.

«Неужели поняла»? мелькнуло у него въ умѣ въ то время, какъ онъ, съ величіемъ, достойнымъ лучшей участи, лазилъ подъ скамью, за тетрадкой. Доставъ тетрадку, благородный басъ съ рыцарской вѣжливостью, приподнявъ шляпу, подалъ ее дѣвушкѣ. Та продолжала смѣяться. Старикъ также усмѣхался, а потомъ сказалъ по-русски:

— Поосторожнѣй нужно быть, молодой человѣкъ, случается, что и въ Америкѣ можно русскихъ встрѣтить.

Красавцевъ началъ разсыпаться въ извиненіяхъ, по обыкновенію мѣшая русскій языкъ съ французскимъ, но посреди самой цвѣтистой фразы остановился. Вниманіе его привлекла тетрадка, которую онъ только что поднялъ и которую молодая дѣвушка, не замѣтивъ, держала теперь обратной стороной къ Красавцеву. На этой сторонѣ былъ сдѣланъ маленькій набросокъ карандашомъ—фигура Мефистофеля, съ сложенными руками, наклоненной головой и мрачнымъ взглядомъ исподлобья. Въ этой фигурѣ, не смотря на то, что черты были нѣсколько утрированы, Красавцевъ тотчасъ же узналъ каррикатуру на самого себя. Брови были нѣсколько приподняты, глаза удлиннены, овалъ лица былъ сдѣланъ болѣе худощавымъ, губы болѣе сжаты, наконецъ, надъ лбомъ красовались пресмѣшные рожки, но сходство было несомнѣнное.

Бунинъ бросилъ газету и, улыбаясь, смотрѣлъ на обоихъ.

— Mademoiselle...—началъ опѣшившій благородный басъ. Въ эту минуту поѣздъ остановился, и старикъ заволновался.

— Батюшки, Маруся, не проѣхать-бы намъ. Вѣдь это, кажется, наша станція?..

— Даже проѣхали одну лишнюю, папочка. Идемъ, идемъ скорѣе,—отвѣчала Маруся, спѣша къ выходу и на ходу кивнувъ головой Бунину и Красавцеву.

— Вашъ адресъ, молю,—почти завопилъ имъ въ слѣдъ благородный басъ.

Вмѣсто отвѣта въ него полетѣла визитная карточка, которую старикъ едва успѣлъ вынуть изъ кармана.

Красавцевъ слѣдилъ, какъ они проходили по платформѣ, оживленно разговаривая. Старикъ, высокій и худой, шелъ, немного согнувшись. Дѣвушка, тоненькая и стройная, походила на молоденькую березку рядомъ со старымъ дубомъ.

«Какое жизнерадостное лицо», подумалъ Бунинъ. Она продолжала улыбаться, и улыбка озаряла ее всю, точно солнечнымъ лучомъ.

Красавцевъ заглядѣлся на ея стройную фигуру и, когда отецъ и дочь исчезли за дверями станціи, сказалъ:

— Et voilà! Мелькнула, какъ метеоръ, напроказничала и улетучилась, а нашъ братъ страдай. Вѣдь теперь, пожалуй, ее долго не забудешь. Эхъ, и рисунокъ не успѣлъ попросить на память!

— Кто они?—спросилъ Бунинъ.

— Вотъ карточка: Дмитрій Петровичъ Нееловъ. Живутъ за Гарлемомъ, на сѣверъ отъ Нью-Іорка. Непремѣнно ихъ разыщу.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Е. Сомова.

Прощаніе.

Не съ горделивой усмѣшкой презрѣнья
Съ юностью вашей прощайтесь, друзья,
Съ этою ясной зарей бытія,
Съ этой блаженной порой опьяненья,—
Траты слѣпой самыхъ цѣнныхъ даровъ,
Дерзкой вражды и съ людьми и съ богами,
Горькихъ ошибокъ, несбыточныхъ сновъ,
Свѣтлыхъ побѣдъ и вѣнчанья цвѣтами!
Все, что живого подъ солнцемъ цвѣтетъ,
Къ свѣту и радости взоръ устремляя,
Движется ею одною впередъ...
Благословенна ты, юность святая!
Пусть мудрецы съ охлажденнымъ умомъ
Трезвому опыту васъ поучаютъ,
Небо миражемъ пустымъ называютъ,
Грезы о крыльяхъ—ребяческимъ сномъ:
Вслѣдъ безпокойной Икаровой тѣни,
Смѣло, о братья, отважно впередъ,
Выше, все выше! не бойтесь паденій
Съ ясныхъ лазурныхъ высотъ!
Слава побѣды лишь храбрымъ дается,
Срама не знаетъ погибшій въ борьбѣ...
Юность, тебѣ наша пѣсня поется—
Вѣчная слава тебѣ!..

П. Я.

Поэма конца вѣка.

(«Въ безбрежности». К. Бальмонта).

Общественныя явленія, очень сильно дающія себя чувствовать за послѣднее время въ жизни, какъ Запада, такъ и Россіи и окрещиваемыя именемъ «конца вѣка», не смотря на уже вызванную ими цѣлую литературу изслѣдованій, памфлетовъ, эпиграмъ и панегириковъ, до сихъ поръ весьма мало выяснены. Остается нераскрытой самая сущность этихъ явленій, то, что объединяетъ ихъ въ одно цѣлое, не смотря на все ихъ разнообразіе. Что такое «конецъ вѣка» чувствуется, но не выяснена еще причина этой сѣти явленій, ни ихъ глубина, ни общественное значеніе. Между тѣмъ они представляютъ собой весьма замѣтный элементъ современной жизни и, въ качествѣ такового, заслуживаютъ самого глубокаго вниманія.

«Конецъ вѣка» проникаетъ повсюду, въ литературу, въ политику, въ философію, въ науку, въ искусство, всюду вноситъ свою смутность мысли, отсутствіе принциповъ, эгоизмъ, доведенный до крайнихъ предѣловъ, и дрябло пессимистическое отношеніе къ жизни. Упадочникъ, въ какой бы сферѣ дѣятельности онъ ни являлся, всюду вноситъ извращеніе, разложеніе и смерть. Отъ твореній упадочниковъ вѣетъ могильнымъ холодомъ, но они иногда такъ красивы, что невольно влекутъ къ себѣ, иногда такъ талантливы, что могутъ производить сильное впечатлѣніе, даже на трезваго человѣка, пока онъ не успѣетъ дать себѣ отчета въ ихъ сущности. Наша русская дѣйствительность представляетъ собой крайне благопріятную почву для развитія упадочничества во всѣхъ его формахъ, поэтому намъ кажутся заслуживающими полнаго вниманія даже неособенно крупныя, но типичныя проявленія упадочничества на русской почвѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы думаемъ, что изученіе отдѣльныхъ проявленій упадочничества прольетъ извѣстную долю свѣта на самую ихъ сущность и на вызвавшія ихъ общественныя условія.

Къ числу талантливыхъ произведеній упадочничества принадлежитъ и лежащая передъ нами книжка г. Бальмонта «Въ безбрежности.

Книга эта въ теченіи года выдержала два изданія, что свидѣтельствуетъ объ успѣхѣ, рѣдкомъ для нашихъ поэтовъ. Несомнѣнно, у г. Бальмонта есть поклонники и почитатели, люди, которымъ близка и понятна его больная поэзія. Такимъ образомъ мы имѣемъ дѣло не съ индивидульной душевной расшатанностью, а съ болѣзнью извѣстной части общества, выразителемъ которой явился нашъ талантливый поэтъ.

«Въ безбрежности»—сборникъ стихотвореній и стихотвореній въ прозѣ, но въ то же время это поэма личной жизни автора (такъ, повидимому, смотритъ на свою книгу и онъ самъ). Отдѣльныя стихотворенія этой поэмы объединены однимъ настроеніемъ, въ развитіи котораго видны три главныхъ момента.

«Безбрежность»—это та область грезъ, куда уходятъ отъ всего земного человѣческаго поэты упадка, область, кажущаяся трезвому человѣку больнымъ бредомъ, но нашъ поэтъ гордится этимъ бредомъ, находитъ въ немъ почву для своего рода маніи величія, считаетъ себя неизмѣримо выше трезваго человѣчества, по его мнѣнію, окутаннаго мракомъ ночи.

Начинается поэма г. Бальмонта вступительнымъ стихотвореніемъ, въ которомъ, какъ въ оперной увертюрѣ, слышенъ основной мотивъ всего произведенія. Далѣе слѣдуютъ три части, носящія каждая свое претенціозное заглавіе: первая—«За предѣлы», вторая—«Любовь и тѣни любви», третья—«Между ночью и днемъ». Заканчивается сборникъ стихотвореніемъ—эпилогомъ, которое является заключительнымъ аккордомъ, резюмирующимъ настроеніе всей поэмы.

Вступительное стихотвореніе такъ характерно, что мы его приведемъ цѣликомъ:

Я мечтою ловилъ уходящія тѣни,
Уходящія тѣни погасавшаго дня,
Я на башню всходилъ и дрожали ступени,
И дрожали ступени подъ ногой у меня.
И чѣмъ выше я шелъ, тѣмъ яснѣй рисовались,
Тѣмъ яснѣй рисовались очертанья вдали,
И какіе то звуки вокругъ раздавались,
Вкругъ меня раздавались отъ небесъ до земли.
Чѣмъ я выше всходилъ, тѣмъ свѣтлѣе сверкали,
Тѣмъ свѣтлѣе сверкали выси дремлющихъ горъ
И сіяньемъ прощальнымъ какъ будто ласкали,
Словно нѣжно ласкали отуманенный взоръ.
И внизу подо мной уже ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей земли,
Для меня же блистало дневное свѣтило,
Огневое свѣтило догорало вдали.
Я узналъ, какъ ловить уходящія тѣни,
Уходящія тѣни потускнѣвшаго дня,
И все выше я шелъ и дрожали ступени
И дрожали ступени подъ ногой у меня.

Этотъ стихотворный абсурдъ напечатанъ курсивомъ: очевидно

авторъ придаетъ ему особенное значеніе. Башня съ «дрожащими ступенями», звуки «отъ небесъ до земли», странная ловля «уходящихъ тѣней потускнѣвшаго дня»—эти образы, ни чѣмъ не связанные между собой; это психопатическое повтореніе безъ всякой надобности однихъ и тѣхъ же словъ,—все это сразу вводитъ насъ въ міръ бреда или безумія, когда человѣка преслѣдуютъ несвязныя насильственныя представленія. Такимъ насильственнымъ представленіемъ въ душевномъ мірѣ нашего автора, представленіемъ, составляющимъ основной мотивъ его поэзіи, является слѣдующее: землю покрыла какая то «ночь», а самъ поэтъ ушелъ отъ этой ночи на недосягаемую высоту, къ таинственной «красотѣ». Вокругъ этой идеи группируются другія, столь же странныя и смутныя, которыя мы очертимъ при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи поэзіи г. Бальмонта.

Первая часть сборника поэмы г. Бальмонта, «За предѣлы», должна выражать стремленіе поэта къ высокому, но неясному, выходящему за предѣлы земли. Нѣкоторыя изъ стихотвореній выражаютъ это стремленіе довольно опредѣленно.

Эти стихотворенія по внѣшности не носятъ явныхъ признаковъ декадентства, декадентскими дѣлаетъ ихъ настроеніе, скрытое въ нихъ. Лучше и яснѣе всего выражаетъ безпокойное стремленіе «за предѣлы» стихотвореніе «Вѣтеръ», посвященное «нѣмецкому поэту Георгу Бахману».

Я жить не могу настоящимъ,
Я люблю безпокойные сны,
Подъ солнечнымъ блескомъ палящимъ
И подъ влажнымъ (?) мерцаньемъ луны.
Я жить не могу настоящимъ,
Я внимаю намекамъ струны,
Цвѣтамъ и деревьямъ шумящимъ,
И легендамъ приморской волны.
Желаньемъ томясь несказаннымъ,
Я въ неясномъ грядущемъ живу,
Вздыхаю въ разсвѣтѣ туманномъ,
И съ вечернею тучкой плыву.
И часто въ восторгѣ нежданномъ
Поцѣлуемъ тревожу листву (!).
Я въ бѣгствѣ живу неустанномъ,
Въ ненасытной тревогѣ живу.

«Неустанное бѣгство», «ненасытная тревога», это не стремленіе къ идеалу, не недовольство окружающимъ—такія чувства предполагаютъ извѣстную нравственную устойчивость, ясность принциповъ, сознаніе цѣли въ жизни, жажду дѣятельности. Это и не здоровый естественный порывъ къ счастью; для нашего поэта и представляемыхъ имъ больныхъ группъ человѣчества ничего этого нѣтъ. Не говоря уже о принципахъ, идеалахъ, имъ чуждо представленіе о здоровомъ личномъ счастіи; они даже не пессимисты, они страдаютъ меланхоліей и весь міръ подернутъ для нихъ темной дымкой, сквозь которую, какъ въ полумракѣ лунной ночи, всѣ явленія міра

представляются имъ туманными, фантастичными, заключающими въ себѣ нѣчто таинственное, «символическое».

Счастья нѣтъ для нашего поэта, онъ даже не пытается бороться за счастье, онъ пассивно покоряется судьбѣ, бросаясь «въ море отчаянья, въ темную бездну сомнѣнья», какъ выражается онъ въ одномъ изъ талантливѣйшихъ своихъ стихотвореній («Нѣтъ, не могу я заснуть и не ждать и смириться»). Въ другомъ своемъ стихотвореніи, тоже принадлежащемъ къ числу лучшихъ, поэтъ говоритъ:

Въ этой жизни смутной
Насъ повсюду ждетъ
За восторгъ минутный
Долгой скорби гнетъ.
Радость совершенства
Смѣшана съ тоской;
Есть одно блаженство:
Мертвенный покой.
Жажду наслажденья
Въ сердцѣ побѣди,
Усыпи волненья,
Ничего не жди.

Человѣкъ съ сильной натурой, придя къ такому выводу, либо, примирившись съ недоступностью *личнаго* счастья, сталъ бы искать успокоенія въ борьбѣ за счастье другихъ, въ борьбѣ съ общественнымъ зломъ, постарался бы наполнить свою жизнь, отдавшись какому-нибудь дѣлу, либо наконецъ покончилъ бы съ собой. Нашъ поэтъ не принадлежитъ къ числу сильныхъ людей, какъ и всѣ представители изнервничавшагося человѣчества. Не смотря на всю свою меланхолію, онъ продолжаетъ тянуться къ счастью, какъ тянется къ свѣту поставленное въ темнотѣ растеніе. Счастье ему потому и не дается, что оно доступно только сильнымъ и крѣпкимъ, потому что оно можетъ покоиться только на твердыхъ устояхъ нравственнаго міра человѣка. И эта безсильная погоня за «уходящими тѣнями погасавшаго дня» дѣлаетъ все чернѣе и чернѣе сгустившуюся надъ поэтомъ ночь, все причудливѣе и фантастичнѣе видѣнія этой ночи.

Душевное состояніе постояннаго кошмара, въ которомъ живетъ изнервничавшійся упадочникъ, превосходно передается стихотвореніемъ «Подводныя растенія».

На днѣ морскомъ подводныя растенья
Распространяютъ блѣдные листы
И тянутся, ростутъ, какъ *привидѣнья*,
Въ безмолвіи угрюмой темноты.
Ихъ тяготитъ покой уединенья,
Ихъ манитъ міръ безвѣстной высоты,
Имъ хочется любви, лучей, волненья,
Имъ снятся ароматные цвѣты.
Но нѣтъ пути въ страну борьбы и свѣта,
Молчитъ кругомъ холодная вода.

Акулы проплываютъ иногда.
Ни проблеска, ни звука, ни привѣта,
И сверху посылаетъ зыбь морей
Лишь трупы и обломки кораблей!

Пессимизмъ, какъ видимъ, полный—«нѣтъ пути въ страну борьбы и свѣта», но примириться съ этимъ поэтъ не можетъ. Онъ говоритъ:

Нѣтъ, не могу я заснуть, и не ждать и смириться,
Въ сердцѣ волненье растетъ и растетъ!
Можетъ ли вѣтеръ свободный кому покориться,
Можетъ ли звѣздъ не блистать хороводъ?
Нѣтъ, мнѣ не нужно покоя, не нужно забвенья.
Если же счастіе намъ не дано,
Въ море отчаянья, въ темную бездну мученья
Брошусь на самое дно.

Искать спасенія отъ пессимизма въ отчаяньи,—это тоже, что прятаться отъ дождя въ рѣку; такое рѣшеніе показываетъ только степень пессимизма, степень душевной надломленности.

Ясно, что при такомъ душевномъ состояніи полнаго отчаянія, когда меланхолія дѣлаетъ для человѣка весь міръ черной ночью, невозможна никакая нравственная борьба, а слѣдовательно и борьба съ своимъ отчаяньемъ. А между тѣмъ жить въ такомъ состояніи, видя вокругъ себя лишь трупы да проплывающихъ акулъ, немыслимо. И вотъ упадочники-меланхолики начинаютъ создавать условный міръ, въ который и уходятъ «на высоту» отъ земли и людей. Элементы этого міра не новы; упадочники не въ состояніи создать ничего новаго; новое можетъ опираться только на дѣйствительность, развиваясь изъ наиболѣе жизненныхъ элементовъ ея; упадочники всѣхъ категорій, вслѣдствіе разныхъ причинъ, прерываютъ связь съ дѣйствительностью и людьми, замыкаясь въ культѣ своей личности. Все, что *не я*, для нихъ безразлично. И вотъ, стремясь создать новое—они только копируютъ отжившее; ихъ оригинальный на первый взглядъ костюмъ—ни что иное, какъ пестрый плащъ Арлекина, сшитый изъ клочковъ разнаго старья. Поэты упадочники черпаютъ особенно обильно у тѣхъ прежнихъ поэтовъ, образы которыхъ наименѣе близки къ современной дѣйствительности—напр. у провансальцевъ, у романтиковъ, окрашивая эти образы своимъ лихорадочнымъ настроеніемъ, которое является единственнымъ новымъ элементомъ ихъ поэзіи.

Кто это ходитъ въ ночной тишинѣ,
Кто это бродитъ при блѣдной лунѣ?
Сонныя вѣтви рукою качаетъ,
Вздохомъ протяжнымъ на вздохъ отвѣчаетъ.
Кто надъ нѣмою дремою стоитъ,
Влажнымъ дыханіемъ травы поитъ?
Чье это видно лучистое око—
Ближе и ближе и снова далеко?
Слышно, какъ старыя сосны шумятъ,

Слышенъ гвоздики ночной ароматъ.
Въ сонномъ болотѣ знакомыя травы
Больше не дышутъ дыханьемъ отравы.
Тише! Помедли, помедли со мной!
Кто ты,—не знаю, о, призракъ ночной!
Сладко съ тобой подъ луною встрѣчаться,
Съ призракомъ—призракомъ легкимъ качаться.
Что же ты вновь убѣгаешь, скользя,—
Или намъ ближе обняться нельзя?
Или подвластны мы чарамъ запрета
Въ царствѣ холоднаго луннаго свѣта?
Кто жъ это гонится тамъ за тобой?—
Призракъ сверкаетъ блестящей стопой
Легкимъ видѣніемъ тѣнь убѣгаетъ,—
Только на небѣ зарница мелькаетъ.

Что же новаго въ этомъ произведеніи «новаго» искусства? Образы? Они какъ будто бы не обычны, но далеко не новы. Всякому они напоминатъ что-то давно знакомое, русскому читателю скорѣе всего хрестоматію г. Галахова, по которой онъ знакомился въ дѣтскіе годы съ образчиками домашняго романтизма; тамъ достаточно тѣней, блуждающихъ при блѣдной лунѣ, видѣній и т. д. Намъ кажется не совсѣмъ невѣроятнымъ предположеніе, что именно хрестоматія Галахова и обогатила нашего поэта такими образами. Нѣчто сходное, быть можетъ, можно замѣтить и у другихъ упадочниковъ. Такъ, отдѣльныя группы картины Пювисъ де-Шаванна «Зима» своей мертвенностью удивительно напоминаетъ тѣ картины, которыя помѣщаются въ школьныхъ дѣтскихъ книжкахъ и вывѣшиваются на стѣнахъ классовъ. Мы не рѣшаемся утверждать, что наше предположеніе вѣрно, но вліяніе школьныхъ картинъ и учебниковъ на творчество упадочниковъ мы считаемъ психологически вполнѣ допустимымъ. Въ своей погонѣ за нереальнымъ, въ стремленіи отрѣшиться отъ современности, упадочникамъ столь же естественно возвращаться къ давно пройденнымъ моментамъ своего индивидуальнаго развитія, какъ и къ пройденнымъ ступенямъ развитія человѣчества; образамъ, запечатлѣвшимся въ умѣ художника въ дѣтствѣ, столь же естественно возникать въ качествѣ чего-то новаго въ творчествѣ упадочника, какъ и образамъ, созданнымъ отжившимъ искусствомъ. Но каково бы ни было происхожденіе призраковъ и видѣній въ поэзіи г. Бальмонта, они не новы. Несомнѣнно новымъ однако должны мы признать проникновеніе этихъ образовъ въ *лирическое* стихотвореніе. Эти образы для поэта-упадочника пріобрѣтаютъ гораздо большую реальность, чѣмъ для поэта романтика. Послѣдній извлекъ ихъ изъ-подъ спуда, прельстившись ихъ своеобразной красотой и «народностью», первый живетъ среди нихъ. Упадочникъ такимъ образомъ возвращается къ душевному состоянію не романтика, а первобытнаго человѣка. Въ этомъ явленіи мы не можемъ не видѣть вслѣдъ за Нордау умственной деградаціи, хотя она, по нашему мнѣнію, происходитъ главнымъ обра-

зомъ на соціальной почвѣ, и лишь только отчасти на физіологической.

Дѣйствительность кажется чѣмъ-то холоднымъ, пустымъ, безсмысленнымъ, даже отвратительнымъ. «Я жить не могу настоящимъ», говоритъ г. Бальмонтъ. Въ выше цитированномъ уже стихотвореніи онъ выражаетъ свое отвращеніе къ дѣйствительности еще опредѣленнѣе:

„О нищенская жизнь, безъ бурь, безъ ощущеній!
Холодный полумракъ безъ звуковъ и огня!
Ни воплей горестныхъ, ни гордыхъ пѣснопѣній,
Ни тьмы ночей, ни свѣта дня".

Вотъ это отвращеніе къ дѣйствительности, признаніе окружающей жизни ложью, безсмыслицей и есть, по нашему убѣжденію, сущность упадочничества: упадочникъ—человѣкъ, потерявшій подъ собой почву, въ реальности ему не на что опереться, реальность для него ненавистна и отвратительна, отсюда неестественныя построенія упадочниковъ. Если упадочникъ поэтъ,—онъ ищетъ спасенія въ мірѣ эльфовъ и грезъ, если онъ публицистъ, онъ ищетъ спасенія въ «идеальной власти»; если онъ философъ—въ «метафизическомъ чувствѣ» г. Введенскаго и т. д. На какой почвѣ развивается эта ненависть къ дѣйствительности и современности, мы пока говорить не будемъ. Отмѣтимъ только, что особенной ненавистью упадочниковъ пользуются тѣ элементы современности, развитіемъ которыхъ обусловливается дальнѣйшій прогрессъ: такъ, упадочники-публицисты наиболѣе всего ненавидятъ просвѣтительныя стремленія, упадочники-философы отрекаются отъ положительной мысли, у упадочниковъ-поэтовъ отсутствуетъ чувство гуманности, ими игнорируется поэзія борьбы труда и мысли. Вмѣстѣ съ тѣмъ, у большинства упадочниковъ мы видимъ еще одну очень характерную черту, остроумно подмѣченную М. Нордау, но врядъ ли основательно возведенную имъ въ степень «маніи»—это культъ своего я, который поглощаетъ въ себѣ весь міръ. Этотъ культъ своего «я» сказывается и у нашего поэта. Тяготясь безсодержательностью своей жизни, тяготясь до мученія, до отвращенія къ жизни, онъ не вспоминаетъ ни разу о людяхъ; мысль искать спасенія въ общеніи съ людьми не приходитъ ему даже. Онъ говоритъ о личномъ счастьи, и жалѣетъ даже, что въ жизни нѣтъ «воплей горестныхъ».

«Воплей горестныхъ», видите ли, въ наше время нѣтъ... Жалѣть о томъ, что въ жизни нѣтъ «воплей горестныхъ», можетъ только тотъ, чье сердце абсолютно глухо ко всему, что дѣлается внѣ его, иначе пришлось бы стенать, что этихъ воплей слишкомъ, до мучительности много. Но таково уже свойство души «празднаго человѣка»—упадочника. Онъ тянется лишь къ *своему* счастью и ищетъ его въ мірѣ эльфовъ и чаръ. Но жизнь за пренебреженіе

къ себѣ мститъ все болѣе и болѣе тяжелой неудовлетворенностью и тоской, которая дѣлаетъ мало-по-малу существованіе празднаго человѣка настоящей трагедіей, тяжелой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отвратительной.

Уходя отъ земли въ безбрежность, нашъ поэтъ однако не отказывается отъ чисто земного чувства—любви. Вторая часть сборника-поэмы носитъ названіе «Любовь и тѣни любви». Здѣсь нашъ поэтъ трактуетъ о своихъ, какъ у всякаго поэта, безчисленныхъ увлеченіяхъ, настоящихъ и минувшихъ, «истинныхъ и ложныхъ», причемъ воспоминанія о прежнихъ увлеченіяхъ, по словамъ поэта, граничащія съ раскаяньемъ, называются «тѣнями любви».

Тѣни «любвей» нашего поэта, такъ сказать, двухъ цвѣтовъ: однѣ розовыя (такихъ меньшинство), другія—черныя. Вотъ какъ изображаетъ онъ свою «Первую любовь»:

Въ царствѣ свѣта, въ царствѣ тѣни, бурныхъ сновъ и тихой лѣни,
Въ царствѣ счастія земного и небесной красоты,
Я всѣмъ сердцемъ отдавался чарамъ тайныхъ откровеній.
Я рвался душой въ предѣлы недоступной высоты,
Для меня блистало солнце въ дни весеннихъ упоеній,
Пѣли птицы, навѣвая лучезарныя мечты,
И акаціи густыя и душистыя сирени
Надо мною наклоняли бѣлоснѣжные цвѣты.
Точно сказочныя змѣи, безконечныя аллеи
Извивались и сплетались въ этой ласковой странѣ.
Эльфы свѣтлые скликались и толпой скользили феи,
И водили хороводы при сверкающей лунѣ;
И съ улыбкою богини, съ нѣжнымъ профилемъ камеи
Чья-то тѣнь ко мнѣ безшумно наклонялась въ полуснѣ.
И зардѣвшіяся розы и стыдливыя лилеи
Нашу страсть благословляли въ полуночной тишинѣ.

Этому стихотворенію нельзя отказать въ граціи и талантливости, образы подобраны красивые и, если знать, что дѣло идетъ о первой любви, то, пожалуй, передающія это чувство.

Мы не можемъ не сдѣлать маленькаго отступленія, чтобы отмѣтить отличіе «новаго» символизма отъ символизма, всегда существовавшаго въ искусствѣ. Отличительная черта новаго символизма, что онъ неизбѣжно нуждается въ подписи «се левъ, а не собака», тогда какъ старый въ этой подписи не нуждался. Достаточно сравнить только что приведенное, несомнѣнно талантливое стихотвореніе съ такими стихами Лермонтова:

Ночевала тучка золотая
На груди утеса великана...

Или съ стихотвореніемъ, переведеннымъ тѣмъ же поэтомъ изъ Гейне:

На сѣверѣ дальнемъ стоитъ одиноко
На голой вершинѣ сосна, и т. д.

Стихотворенія Лермонтова названы «Утесъ» и «Сосна», поэту

ненужно было заглавіемъ дать понять читателю, что скрывается за этими простыми и грандіозными образами. Всякому ясно, что за тоской утеса по посѣтившей его тучкѣ, за грустной мечтой одинокой сосны, скрывается чувство одинокой могучей и гордой души, которая тоскуетъ о пережитомъ счастьи, можетъ быть любви, или томится въ разлукѣ съ другой, далекой, столь же могучей, гордой и одинокой душой.

Г. Бальмонтъ, несмотря на массу нагроможденныхъ имъ образовъ, не можетъ ими съ такой полнотой передать свое настроеніе, какъ дѣлаетъ это Лермонтовъ нѣсколькими штрихами. Впечатлѣніе, производимое стихотвореніемъ г. Бальмонта, остается неяснымъ, и онъ для поясненія принужденъ прибѣгать къ заглавію—пріемъ во всякомъ случаѣ прозаическій и ложный, показывающій, что художественная цѣль произведенія не достигнута.

Къ такому пріему принужденъ прибѣгать однако не одинъ г. Бальмонтъ, а вообще художники-упадочники, особенно живописцы. Яркихъ примѣровъ примѣненія такого пріема можно найти сколько угодно хотя бы въ картинахъ французскихъ художниковъ, съ которыми могла ознакомиться наша публика во время послѣдней выставки. Тутъ мы увидимъ голову блондинки съ подписью—«Солнечный блескъ», увидимъ профиль дующей въ пространство брюнетки съ подписью «Вьюга» и цѣлый рядъ картинъ, въ которыхъ при очень пылкомъ воображеніи можно найти иногда сходство съ тѣмъ, что хотѣлъ изобразить художникъ, но при видѣ которыхъ мысль о намѣреніяхъ художника никогда не явилась бы въ головѣ зрителя, еслибы послѣдній былъ неграмотенъ или если бы подпись «се левъ, а не собака» была сдѣлана на незнакомомъ ему языкѣ.

Стихотвореніе г. Бальмонта: «Въ царствѣ свѣта, въ царствѣ тѣни» принадлежитъ именно къ числу произведеній, нуждающихся въ подписи «се левъ, а не собака». Когда знаешь заглавіе этого стихотворенія, можно согласиться, что оно болѣе или менѣе передаетъ душевное состояніе *влюбленности* (именно влюбленности, а не любви), но если бы заглавія не было, то мы можемъ съ спокойной совѣстью утверждать, что никто бы не понялъ смысла этого стихотворенія, кромѣ развѣ мастеровъ отгадывать шарады. Но разъ шарада отгадана, разъ мы знаемъ, что долженъ выражать калейдоскопъ образовъ, нагроможденныхъ поэтомъ, мы по этой пестротѣ можемъ судить о характерѣ чувства, лежащаго въ основѣ даннаго настроенія. Упадочники—поэты и ихъ защитники видятъ въ «*смутномъ*» чувствѣ, проникающемъ поэзію упадка, то новое, чего ищутъ упадочники. Смутное чувство, какъ это сознаютъ и лучшіе защитники упадочничества, не ново; это нѣчто вѣчное, такъ сказать, полутѣнь чувства. Выраженіе его можно найти и у лучшихъ поэтовъ, но прежніе поэты затрогивали смутныя чувства мимоходомъ, упадочники же явились, такъ сказать, «спеціалистами», посвятившими свои силы «разработкѣ» смутныхъ чувствъ. Но поэзія выра-

жаетъ внутренній міръ поэта, и спеціализація въ поэзіи свидѣтельствуетъ только о подобной же спеціализаціи во внутреннемъ мірѣ. Упадочникъ не потому выражаетъ въ своихъ стихахъ смутное чувство, что раньше мало его выражали и онъ рѣшилъ восполнить этотъ пробѣлъ, а потому, что смутное чувство его господствующее настроеніе и что онъ вслѣдствіе культа своего *я* можетъ интересоваться только *своими* ощущеніями. Отсюда вѣчное копанье въ оттѣнкахъ своихъ чувствъ и изображеніе этихъ оттѣнковъ дѣйствительно съ большей полнотой и рельефностью, чѣмъ у представителей здоровой поэзіи.

Въ разсматриваемомъ стихотвореніи г. Бальмонта, какъ и въ рядѣ другихъ, мы видимъ именно такое копанье въ своихъ чувствахъ, въ данномъ случаѣ смакованіе своей влюбленности.

Въ его жизни, какъ вообще впрочемъ въ жизни празднаго человѣка, стремящагося наполнить пустоту своей жизни наслажденіями, любовь играетъ нѣсколько иную роль, чѣмъ должна бы. Ада Негри въ одномъ изъ своихъ стихотвореній спрашиваетъ человѣка, объяснившагося ей въ любви, «работалъ ли ты?» Эти слова здороваго человѣка менѣе всего понятны представителю празднаго человѣчества. Онъ ищетъ въ любви только наслажденія и потому то самое чувство, которое онъ стремится сдѣлать небеснымъ, у него теряетъ свою законность, а вмѣстѣ съ тѣмъ силу и свѣжесть, становится уродливымъ, тусклымъ, а подъ часъ и низменнымъ. Прекраснымъ выраженіемъ такой дряблости чувства является у нашего поэта стихотвореніе «Оазисъ».

Ты была какъ оазисъ въ пустынѣ,
Ты мерцала стыдливой звѣздой,
Ты луною зажглась золотой
И тебѣ, недоступной богинѣ,
Отдавалъ я мечту за мечтой.
Я рѣшился въ желаніи смѣломъ
По кремнистой дорогѣ идти
И не медлить нигдѣ на пути (?)
Ты казалась мнѣ высшимъ предѣломъ,
За который нельзя перейти.
И потомъ... О какое мученье!
Къ недоступному доступъ найденъ.
Я, какъ жалкій ребенокъ, смущенъ.
Гдѣ любовь, гдѣ восторгъ упоенья?
Все прошло, ускользнуло, какъ сонъ.
Я мечты отдавалъ не богинѣ,
Ты, какъ всѣ, ты—земля на землѣ,
Я одинъ (!) *въ удушающей мглѣ.*
Я очнулся въ безплодной пустынѣ
И проснулся на жесткой скалѣ.

Къ сожалѣнію, неясность, свойственная твореніямъ упадочниковъ, не даетъ возможности отгадать, самимъ ли поэтомъ найденъ путь къ недоступному или кѣмъ другимъ, что, конечно, не безраз-

лично для понимания и оцѣнки страданій поэта. Но это отчаяніе по такому простому и естественному поводу, что любимая поэтомъ особа не богиня, а женщина, способная любить, что она—«земля на землѣ», и это поэтическое восклицаніе нашего неземного существа: «Я одинъ въ удушающей мглѣ!»—все это не требуетъ комментаріевъ. Впрочемъ, нашъ поэтъ не всегда остается столь небеснымъ, какъ въ приведенномъ стихотвореніи. Иногда подъ вліяніемъ своего темперамента онъ тоже на время становится «землей на землѣ». Вотъ, напримѣръ, одно его «земное» стихотвореніе:

Тебя я хочу, мое счастье,
Моя неземная краса!
Ты—солнце во мракѣ ненастья,
Ты—жгучему (?) сердцу роса!
Любовью къ тебѣ окрыленный,
Я брошусь на битву съ судьбой.
Какъ колосъ (!), грозой опаленный,
Склонюсь я во прахъ предъ тобой.
За сладкій восторгъ упоенья
Я жизнью своей заплачу!
Хотя бы цѣной преступленья—
Тебя я хочу!

Это стихотвореніе по откровенности займетъ видное мѣсто среди «цензурныхъ» любовныхъ стихотвореній. Черта характерная для упадочниковъ: стремясь къ небесамъ, они оказываются ближе къ землѣ, чѣмъ другіе. Только что приведенному стихотворенію нельзя отказать въ энергіи и въ содержаніи, въ немъ вылилось сильное и не смутное чувство, хотя довольно низменнаго порядка; другіе любовныя стихотворенія при невысокомъ полетѣ чувства, лишеннаго всякаго идейнаго содержанія, лишеннаго даже стремленія къ счастью, страдаютъ дряблостью, какой то старческой болтливостью, по временамъ переходя въ дѣтское подражаніе готовымъ образцамъ. Вотъ напримѣръ стихотвореніе «Слова любви».

Слова любви всегда безсвязны,
Они дрожатъ, они алмазны,
Какъ въ часъ предъутренній звѣзда;
Они журчатъ, какъ ключъ въ пустынѣ,
Съ начала міра и донынѣ,
И будутъ первыми всегда;
Всегда дробясь, повсюду цѣльны,
Какъ свѣтъ, какъ воздухъ безпредѣльны,
Легки какъ всплески въ тростникахъ,
Какъ взмахи птицы опьяненной,
Съ другою птицею сплетенной
Въ летучемъ бѣгѣ, въ облакахъ.

Какая пестрота! Какой арсеналъ образовъ, и какъ мало содержанія, какъ мало новаго... Неправда ли, это напоминаетъ нѣчто очень давно извѣстное?

Съ одной стороны:

О, ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени предвѣчный,
Безъ лицъ въ трехъ лицахъ Божества.
Духъ всюду сущій и единый, и т. д.

Съ другой стороны:

Кудри дѣвы-чародѣйки,
Кудри—блескъ и ароматъ,
Кудри волны, кольца, змѣйки,
Кудри шолковый каскадъ.

Къ этимъ двумъ образцамъ можно присоединить еще апухтинскія «Ночи безумныя», и врядъ ли мы ошибемся, сказавши, что кромѣ этихъ литературныхъ источниковъ вдохновенія нашего поэта, въ данномъ случаѣ не было никакого жизненнаго источника: очень ужъ все вымучено, фразисто и несвязно! Еще съ большей ясностью дряблость чувства сказывается въ слѣдующемъ стихотвореніи.

Мы шли въ золотистомъ туманѣ
И выйти на свѣтъ не могли,
Тонули въ нѣмомъ океанѣ,
Какъ тонутъ во мглѣ корабли.
Намъ снились видѣнія рая,
Чужіе лѣса и луга,
И прочь отъ родимаго края
Иные влекли берега.
Стремясь ускользающимъ взглядомъ
Къ предѣламъ безвѣстной земли,
Дышали съ тобою мы рядомъ.
Но былъ я какъ будто вдали
И лгали намъ вѣтры и тучи,
Смѣялись извивы волны,
И были такъ странно пѣвучи
Беззвучные смутные сны.
И мы безконечно тонули,
Стремяся отъ влаги къ землѣ—
И звѣзды печально шепнули,
Что мы утонули во мглѣ.

Это какой-то рядъ грезъ, при отсутствіи даже близости между любящими, при отсутствіи признака счастья—необходимаго условія настоящей любви, это продуктъ напряженія безпокойной, но холодной фантазіи,а не чувства. И въ этихъ «смутныхъ снахъ», какъ мѣтко опредѣляетъ поэтъ свое душевное настроеніе, съ послѣдовательностью, характерной для всѣхъ вообще сновъ, мелькаютъ «лгущія тучи», стремленіе «отъ влаги (?) къ землѣ», тонущіе во мглѣ корабли и тому подобные образы, либо ничего общаго съ любовью неимѣющіе, либо совершенно неестественные. Да, даже любовь, съ которой упадочники такъ носятся, у нихъ не живая сильная страсть, а «смутный сонъ» съ болѣе или менѣе дикими видѣніями. «Жизнь проспать свою», —это завѣтная мечта для нашего поэта; ничего

больше не находитъ онъ пожелать любимой женщинѣ въ очень характерномъ стихотвореніи «Баюшки-баю». Самая мысль—пѣть совершенно серьезно своей возлюбленной колыбельную пѣсню можетъ зародиться только въ головѣ упадочника; влюбленные много дурачатся, въ качествѣ дурачества колыбельная пѣсня возлюбленной была бы естественна,—но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ дурачествомъ: наборъ гремучихъ словъ, общій патетическій тонъ пѣсни, все это говоритъ за то, что мы имѣемъ дѣло съ любопытнымъ отношеніемъ упадочника къ женщинѣ.

Женщина у упадочника—дитя, крошка, мотылекъ, жемчужина, все что хотите, но не человѣкъ. Въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего новаго, все это старо, какъ міръ или по крайней мѣрѣ какъ терема и гаремы, но любопытно возведеніе въ принципъ этого смакованія женщины, устраненіе изъ отношеній между женщиной и мужчиной всякихъ другихъ элементовъ. Въ своей враждѣ ко всему, что дѣлаетъ женщину человѣкомъ, упадочникъ совершенно искрененъ, ему нѣтъ дѣла до человѣка, какъ нѣтъ дѣла до жизни, и чѣмъ безцвѣтнѣе будетъ женщина, тѣмъ легче ему дѣлать съ ней все что ему угодно «въ волшебныхъ грезахъ смутныхъ сновъ». Философія жизни—сна съ женщиной—птичкой—сжато и не безъ граціи выражена въ названномъ уже стихотвореніи—«Баюшки-баю»:

Спи, моя печальная,
Спи, многострадальная,
Грустная, стыдливая,
Вѣчно молчаливая.
　　Я тебѣ спою
　　Баюшки-баю.
Съ радостью свиданія
Къ намъ идутъ страданія;
Лучше—отреченіе,
Скорбь—самозабвеніе.
　　Счастія не жди,
　　Въ сердце не гляди.
Въ жизни кто оглянется,
Тотъ во всемъ обманется;
Лучше безразсудными
Жить мечтами чудными,
　　Жизнь проспать свою (!).
　　Баюшки-баю.
Гдѣ-то море плещется,—
И оно измѣнится,
Утомится шумное,
Шумное, безумное,
　　Будетъ подъ луной
　　Чуть дышать волной.
Спи-же, спи, печальная,
Спи, многострадальная,
Грустная, стыдливая,
Птичка боязливая.
　　Я тебѣ пою
　　Баюшки-баю.

Это колыбельная пѣсня не только возлюбленной поэта, но и разуму, дѣятельности, общественной жизни.

«Любви» г. Бальмонта, повидимому, были безчисленны и именно имъ, можно думать, обязанъ онъ «ночью», охватившей для него землю. Для «празднаго человѣка» неудачи въ любви становятся трагедіей, портящей всю жизнь; ему не на что опереться, потерявши надежду на наслажденіе—такъ какъ въ наслажденіи единственный смыслъ его жизни; естественно поэтому, что неудачи въ любви приводятъ его къ отчаянію, а если его нервная система представляетъ достаточно подготовленную почву, то и къ сумашествію или самоубійству.

Намеки на любовную трагедію празднаго человѣка находимъ въ двухъ сонетахъ г. Бальмонта, озаглавленныхъ «Поздно». Изъ нихъ видно, что, когда поэтъ «полонъ былъ дыханья красоты», «призракъ женщины» все измѣнялъ ему. Ничего, кромѣ этой горести, повидимому, съ поэтомъ не приключилось, а между тѣмъ онъ дошелъ до психопатологическаго состоянія. Любовныя неудачи оказываются если не единственнымъ вообще, то единственнымъ отразившимся въ поэзіи г. Бальмонта поводомъ его меланхоліи.

Воспоминаніе о многочисленныхъ своихъ «любвяхъ» г. Бальмонтъ, какъ мы уже говорили, называетъ «тѣнями любви». «Воспоминаніе граничитъ съ раскаяньемъ», гласитъ эпиграфъ, избранный поэтомъ для второй части его книги. И дѣйствительно, нѣкоторыя стихотворенія, посвященныя «тѣнямъ любви», носятъ характеръ покаянный. Въ полупрозаическомъ, полустихотворномъ отрывкѣ «Прощальный взглядъ», повидимому долженствующемъ, по мысли автора, быть стихотвореніемъ въ прозѣ, поэтъ говоритъ:

«И ее вспоминаю я, подругу моихъ майскихъ дней. Темныя брови, темные глаза, пышные свѣтлые волосы, стройный дѣвическій станъ. Самъ *погасилъ я прекрасный свѣтильникъ, самъ разрушилъ свои волшебные замки*. И неужели все? Все. Какъ плоско, мелко! *Такъ же, какъ у всѣхъ* (?!). Моя участь и участь другихъ—стертыя монеты; не отличишь одну отъ другой. Хотя бы что нибудь страшное было, что нибудь, передъ чѣмъ содрогнулся бы съ ужасомъ. Ничего. Вѣчные сѣрые будни».

И такъ поэтъ, оказывается, самъ виноватъ въ своихъ несчастьяхъ, да и несчастья-то его совсѣмъ «особаго рода». Его несчастье въ томъ, что его жизнь похожа на жизнь другихъ и что съ нимъ ничего не случалось страшнаго! Какъ это напоминаетъ институтокъ, мечтающихъ въ темной комнатѣ о «страхахъ», да и не мудрено, что напоминаетъ: причины «страховъ» г. Бальмонта и институтокъ однѣ — мысль не занята, жизнь съ ея дѣйствительными ужасами, горемъ, борьбою течетъ гдѣ-то далеко; какъ же тепличному поэту, подобно тепличной барышнѣ, не выдумывать себѣ страстей, страховъ и страданій. Институтская поэзія г. Бальмонта даже своими при-

чудами напоминаетъ вкусы барышенъ, кушающихъ грифель и жженую бумагу.

Да, жестоко мститъ жизнь «праздному человѣку» за его праздность, и вопросъ Ады Негри: *работалъ ли ты?* является пробнымъ камнемъ для испытанія нормальности современнаго человѣка. Мы не будемъ останавливаться на покаяніи г. Бальмонта. Онъ кается не въ своей душевной пустотѣ. Онъ кается передъ своими возлюбленными, перемѣшивая свои покаянія жалобами на свою судьбу, упреками тѣхъ же возлюбленныхъ, — до всего этого намъ мало дѣла. Быть можетъ нашъ поэтъ страдаетъ истинно и глубоко, но кто же его принуждаетъ гоняться за наслажденіями, закрывъ глаза на жизнь, на страшную трагедію человѣчества. Если такая погоня привела къ разочарованію, то въ этомъ можно видѣть лишь справедливое возмездіе судьбы.

Послѣдняя — третья часть сборника г. Бальмонта озаглавлена «Между ночью и днемъ». Что такое «ночь» у г. Бальмонта — мы уже говорили. Подъ вліяніемъ меланхоліи г. Бальмонтъ думаетъ, что все земное окутала «ночь». «Ночь» г. Бальмонта это его настроеніе, благодаря которому онъ стремится отрѣшиться отъ всего земного и уйти «на высоту, ловить уходящія тѣни погасавшаго дня»; день же—это «неизвѣстная красота», неясная, неопредѣленная мечта, къ которой стремится поэтъ и ради которой создаетъ міръ сновъ. Эпиграфомъ къ «Между ночью и днемъ» г. Бальмонтъ избираетъ слова Гете «Immer weiter»: «день» имъ еще не достигнуть, онъ «между ночью и днемъ», но уже не на землѣ, а «за предѣлами». Въ стихотвореніи въ прозѣ, озаглавленномъ «На высотѣ», г. Бальмонтъ говоритъ: «Нѣтъ, не хочу я вѣчно плакать. Нѣтъ, я хочу быть свободнымъ. *Свободнымъ отъ слабостей долженъ быть тотъ, кто хочетъ стоять на высотѣ*».

Такое признаніе своего собственнаго величія свойственно великимъ людямъ. Горацій и Пушкинъ оставили намъ по одѣ «Памятникъ», отчего же г. Бальмонту не пойти дальше и не признать себя «свободнымъ отъ слабостей», отъ которыхъ до сихъ поръ не былъ свободенъ, какъ извѣстно, ни одинъ смертный. Но въ чемъ же свобода нашего поэта?

«Какъ будешь стоять надъ пропастью, говоритъ онъ, когда голова кружится? Какъ войдешь на вершину горы, когда жаль разстаться съ сельскимъ домикомъ? Ничего не возьму я съ собой, ни о комъ я не буду жалѣть. Я долженъ стремиться все выше и выше, туда, гдѣ лазурь не запятнана, гдѣ вѣтеръ свободенъ. Такъ высоко хочу я войти, чтобы даже тучи небесныя были подо мной».

Признаемся, этотъ отрывокъ, непосредственно слѣдующій за ранѣе приведеннымъ, производитъ впечатлѣніе полнаго вздора. Съ легкой или, вѣрнѣе, съ тяжелой руки Тургенева у насъ многіе повадились писать стихотворенія въ прозѣ, забывая, что для этого надо быть Тургеневымъ. Трудно найти другого писателя, у кото-

раго мысль, ясная и глубокая, граціозные, красивые образы и изящный, колоритный языкъ такъ взаимно гармонировали бы, какъ у Тургенева. Въ стихотвореніяхъ въ прозѣ Тургеневъ равно художникъ и мыслитель, каждый изъ его поэтическихъ афоризмовъ заключаетъ въ себѣ глубокую, ясную мысль. У г. Бальмонта въ большинствѣ произведеній нѣтъ не только мысли, но и смысла, его сила въ красотѣ стиха, въ богатствѣ образовъ, хотя подъ часъ излишне нагроможденныхъ. Въ стихотвореніяхъ г. Бальмонта скудость содержанія, а подчасъ прямая безсмыслица, маскируется красивой формой, въ стихотвореніяхъ же въ прозѣ она выступаетъ во всей своей безобразной наготѣ. Высота, на которую подымается нашъ поэтъ — манія величія, свобода отъ слабостей — культъ своего я. Каковъ же будетъ день, если уже между ночью и днемъ нашъ поэтъ попалъ въ такіе дебри?

Но, «Immer weiter»... Въ какомъ кругѣ идей вращается нашъ поэтъ «на высотѣ», «между ночью и днемъ»? Въ послѣдней части сборника-поэмы г. Бальмонта элементъ мысли, если хотите, своеобразная идейность выражается довольно рельефно; это во всякомъ случаѣ не юношеская поэзія искусства для искусства, какъ ее понимали наши ранніе поэты. Тутъ есть попытка внести въ поэзію философское содержаніе, но какъ чувство упадочника-поэта—смутное чувство, скорѣй ощущеніе, чѣмъ чувство, такъ и мысль его есть отголосокъ чужой мысли, превратившійся въ ощущеніе. Передъ нами три отрывка изъ поэмы «Погибшій». Нельзя не пожалѣть, что эта поэма не появилась цѣликомъ — она дала бы массу цѣннаго для характеристики міросозерцанія одного изъ яркихъ представителей упадка и, слѣдовательно, для пониманія самого явленія упадка.

Во второмъ изъ этихъ отрывковъ мы получаемъ настоящій вопль:

Помогите! помогите! Я одинъ въ ночной тиши.
Цѣлый міръ ношу я въ сердцѣ, но со мною ни души.
Для чего кровавымъ потомъ обагряется чело?
Какъ мнѣ тяжко! Какъ мнѣ душно! Вѣковое давитъ зло!
Помогите! помогите! Но никто не внемлетъ мнѣ.
Только звѣзды, улыбаясь, чуть трепещутъ въ тишинѣ.
Только ликъ луны мерцаетъ, да въ саду, среди вершинъ
Шепчетъ вѣтеръ перелетный: ты одинъ,—одинъ, одинъ.

Очевидно, одиночество, отрѣшеніе отъ міра и людей, давитъ и гнететъ нашего поэта. Это обстоятельство показываетъ, что разрывъ между индивидуумомъ и обществомъ, заключеніе индивидуума въ культъ своего «я», явленіе столь характерное для упадочничества,—развивается на общественной, а не на физіологической почвѣ, какъ думаетъ Нордау. Если бы упадочники всегда были самообожателями по своей натурѣ, они не страдали бы отъ своего разобщенія съ міромъ. Настоящему эгоисту міръ не нуженъ, что мы видимъ и у нѣкоторыхъ упадочниковъ, но иногда упадоч-

никъ глубоко страдаетъ отъ своей разобщенности съ міромъ. На этой почвѣ внутреннихъ противорѣчій быть можетъ развивается значительная доля психозовъ, столь частыхъ среди упадочниковъ, что Максъ Нордау принялъ упадочничество въ цѣломъ за сплошной психозъ.

У г. Бальмонта есть любопытное стихотвореніе «Воскресшій». Поэтъ разсказываетъ, что онъ, въ порывѣ отчаянія, выбросился изъ окна. Онъ «цѣною страшнаго паденья хотѣлъ купить освобожденье отъ узъ, наскучившихъ давно; хотѣлъ убить змѣю печали, забыть позоръ погибшихъ дней». И вотъ, лежа «полурастоптаннымъ калѣкой» на мостовой, онъ слышитъ чей то таинственный шопотъ:

Ты не исполнилъ свой предѣлъ,
Ты захотѣлъ успокоенья,
Но нужно заслужить забвенье
Самозабвеньемъ чистыхъ дѣлъ.
Умри, когда отдашь ты жизни
Все то, что жизнь тебѣ дала,
Иди сквозь мракъ земного зла,
Къ небесной радостной отчизнѣ.
Ты обманулся самъ въ себѣ
И въ той, что льетъ теперь рыданья,—
Но это мелкія страданья.
Забудь. Служи иной судьбѣ.
Душой отжившею страдая,
Страдай за міръ, живи съ людьми
И послѣ—мой вѣнецъ прими...

То былъ голосъ смерти, которая впрочемъ, давъ поэту «жизни откровенье», «прочь—до времени—ушла». «И прикоснувшійся къ землѣ, я всталъ съ могуществомъ Антея», разсказываетъ поэтъ.

Нѣтъ основаній придавать этому стихотворенію автобіографическое значеніе, но едва-ли можно сомнѣваться въ его субъективности. Дѣло однако въ томъ, что призракъ смерти, проговоривъ свои укоризненныя слова, исчезъ, и воскресшій остается въ прежнемъ мірѣ сновъ, къ которому быть можетъ прибавляется нѣсколько новыхъ видѣній, напр. представленіе о страданьи «за міръ», представленіе о скорби человѣчества, которое мелькаетъ въ двухъ трехъ стихотвореніяхъ нашего поэта, но именно мелькаетъ, какъ мимолетный смутный образъ, тотчасъ же уступая мѣсто «мелкимъ страданьямъ», эльфамъ, грезамъ и т. д. Не смотря на слова, которыми заканчиваетъ нашъ поэтъ стихотвореніе: «Я всталъ съ могуществомъ Антея»,—именно могущества то мы такъ и не находимъ въ поэзіи г. Бальмонта. Въ его лирикѣ не отразилось ни одно сильное чувство. Его отчаяніе переходитъ въ состояніе душевной разслабленности. Его любовь трудно даже признать любовью, это какое то копанье въ эротическихъ мечтахъ; только въ одномъ стихотвореніи мы встрѣтились съ сильнымъ чувствомъ любви, но скорѣй физіологической, которая не должна бы имѣть мѣста въ лирикѣ. Какъ большинство упадочниковъ, нашъ поэтъ стремится быть религіоз-

нымъ, но религіозность у него тоже переходитъ въ область ощущеній. Вотъ, напримѣръ, характерное для декадентской религіозности стихотвореніе:

Ахъ, только бы знать, что могу я молиться,
Что можно молиться, кому я молюсь!
Ахъ, только-бы въ мысляхъ, въ желаніяхъ слиться
Съ тѣмъ чистымъ, къ чему я такъ жадно стремлюсь!
И что мнѣ лишенья, и что мнѣ страданья,
Пусть буду я ждать и томиться года,
Безумствовать, падать во тьмѣ испытанья,—
Но только бы вѣрить всегда,
Но только бы видѣть изъ бездны преступной,
Что тамъ надо мной, въ высотѣ недоступной
Горитъ—и не меркнетъ звѣзда!

Вѣрить—для того, чтобы безумствовать и падать, это странная вѣра, которая можетъ придать только извѣстную «пикантность» паденію; это что то вродѣ переходовъ Верлена отъ ультра-эротическихъ стихотвореній къ культу Св. Дѣвы, это даже не вѣра, а мечта о вѣрѣ, мечта, доставляющая поэту своеобразныя ощущенія.

Дѣтскимъ лепетомъ заканчиваетъ свою поэму нашъ талантливый поэтъ, лепетомъ, производящимъ необычайно тяжелое впечатлѣніе:

За предѣлы предѣльнаго,
Къ безднамъ свѣтлой безбрежности
Въ ненасытной мятежности,
Въ жаждѣ счастья цѣльнаго,
Мы воздушные летимъ,
И помедлить не хотимъ,
И едва качаетъ крыльями.
Все захватимъ, все возьмемъ
Жаднымъ чувствомъ обоймемъ!
Дерзкими усильями
Устремляясь къ высотѣ,
Дальше прочь отъ грани тѣсной,
Мы домчимся въ міръ чудесный
Къ не извѣстной
Красотѣ!

Мы закончили обзоръ сборника поэмы г. Бальмонта, по нашему мнѣнію одного изъ характернѣйшихъ проявленій «конца вѣка» на русской почвѣ. Что же характернаго въ этомъ частномъ явленіи, представляющемъ собой одинъ изъ моментовъ въ общественномъ теченіи, которое далеко нельзя назвать выясненнымъ?

Во творчествѣ нашего поэта новаго немного, образы очень знакомы, форма тоже, ново настроеніе (именно *настроеніе*, не мысль, не идея, такъ какъ ихъ нѣтъ). Въ настроеніи же прежде всего бросается въ глаза самозамкнутость личности, ея одиночество. Это не одиночество сильной личности, которая не находитъ среди людей отклика на свои идеи, на свою любовь къ человѣчеству; не оди-

ночество высоко развитой личности, которая не находитъ себѣ равныхъ, и тоскуетъ о мелочности окружающихъ. Это—одиночество слабой личности, которая одинока потому, что не знаетъ, не понимаетъ людей, потому что привыкла жить для себя. Личность черствая, сухая, эгоистичная могла бы блаженствовать въ этомъ культѣ своего я, ненавидя все то, что этого культа не раздѣляетъ. За такими примѣрами ходить не далеко. Но личность нашего поэта иного порядка, она жаждетъ не только своего счастья, но и высшаго начала, котораго не можетъ сознать; она томится и переживаетъ глубокую трагедію.

Передъ нами одинъ изъ наиболѣе симпатичныхъ представителей «конца вѣка» и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ несомнѣнно очень талантливый. Но на этомъ талантливомъ, искреннемъ поэтѣ особенно ясно выступаетъ мрачный колоритъ того теченія, которымъ онъ увлеченъ и которое его погубило.

Каковы причины этого общественнаго теченія, мы теперь говорить не можемъ, это было бы возможно только при изученіи условій его подготовлявшихъ.

Н. Коробка.

О жилищахъ петербургскихъ рабочихъ.

Въ этой статьѣ сгруппированы нѣкоторыя свѣдѣнія о жилищахъ петербургскихъ рабочихъ, собранныя за послѣднее время петербургскими санитарными врачами для коммиссіи по изысканію мѣръ къ улучшенію жилищъ рабочихъ русскаго общества охраненія народнаго здравія, частью же авторомъ статьи при помощи одного временнаго думскаго врача. Эти свѣдѣнія относятся къ пяти частямъ города: Спасской, Александро-Невской, Васильевской, Петербургской и Выборгской. Всего имѣются свѣдѣнія о 39 квартирахъ, въ которыхъ помѣщается 726 человѣкъ рабочихъ и ихъ семейныхъ.

Такъ какъ свѣтъ и воздухъ составляютъ самую необходимую принадлежность жилища, то прежде всего мы должны обратить вниманіе на то пространство, которое занимается однимъ человѣкомъ, и на освѣщеніе комнатъ дневнымъ свѣтомъ.

Изъ доставленныхъ свѣдѣній мы узнаемъ, что въ одной квартирѣ помѣщалось отъ 4 до 73 человѣкъ. Въ 30 квартирахъ было болѣе десяти человѣкъ, въ 11 квартирахъ болѣе двадцати. Въ одной комнатѣ помѣщалось отъ одного до двадцати человѣкъ. 13 разъ въ одной комнатѣ было болѣе десяти человѣкъ. Изъ 117 комнатъ менѣе одной кубической сажени на одного человѣка было въ 83, отъ 1

до 2 въ двадцати, отъ 2 до 3 въ десяти, а болѣе 3 к. с. въ четырехъ комнатахъ. Чаще всего встрѣчалось 0,4—0,5—0,7 куб. саж. на одного человѣка. Квадратная площадь пола на одного 0,3—0,5 кв. саж., 81 разъ менѣе 1-й кв. саж., 23 раза отъ 1 до 2 кв. саж. Въ помѣщеніяхъ безъ оконъ жило восемнадцать человѣкъ.

Эти цифры заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Въ квартирѣ живетъ 20—73 человѣкъ, а въ одной комнатѣ 10—20 чел. На одного человѣка приходится менѣе одной кубической и менѣе одно квадратной сажени (¼=¼ куб, и кв. сажени).

0,3 квадр. и 0,3 куб. сажени—такое пространство занимаетъ одинъ человѣкъ. Для того, чтобы составить себѣ ясное представленіе о значеніи этихъ цифръ, надо отмѣрить у себя въ комнатѣ три аршина въ длину и вышину и одинъ въ ширину. Это и будетъ треть кубической и квадратной сажени. На такомъ пространствѣ долженъ помѣщаться одинъ человѣкъ. Конечно, въ концѣ концовъ намъ надо только три аршина земли. Но живой человѣкъ не мертвецъ. Живой человѣкъ не можетъ постоянно лежать на своемъ трехаршинномъ мѣстѣ. Онъ хочетъ жить и двигаться. Но жить и двигаться невозможно на такомъ пространствѣ. Поэтому живой человѣкъ начинаетъ изыскивать всевозможные способы, чтобы удовлетворить свою потребность въ движеніи. Онъ въ свободное отъ работы время пойдетъ въ кабакъ, пойдетъ къ знакомымъ, пойдетъ во дворъ. Только, навѣрное, не останется въ своемъ жилищѣ, гдѣ ему предоставляется ровно столько мѣста, сколько нужно, чтобы лежать.

Такое пространство мнѣ пришлось видѣть въ одномъ новомъ деревянномъ домѣ. Постройка дома была еще не окончена, а квартиры въ немъ всѣ уже были заняты.

Квартира, въ которой мнѣ пришлось быть, состояла изъ трехъ комнатъ и кухни. Двѣ комнаты были свѣтлыя, въ каждой по одному окну. Третья комната проходная и совсѣмъ безъ оконъ. Въ кухнѣ окно выходило въ корридоръ и тамъ господствовалъ мракъ.

Квартирохозяинъ недавно нанялъ эту квартиру и въ ней живутъ заводскіе чернорабочіе, пока только одинадцать человѣкъ. Въ одной свѣтлой комнатѣ помѣщалось двѣ семьи. Каждая семья занимала кровать съ ситцевымъ пологомъ. Между кроватями находилось узкое пространство для прохода. Стоялъ столъ, двѣ табуретки и маленькій сундукъ. Въ комнатѣ довольно чисто и опрятно. Въ ней помѣщалось семь человѣкъ: двое мужчинъ, двѣ женщины и трое дѣтей моложе десяти лѣтъ. Двое изъ нихъ были больны скарлатиной. Одинъ маленькій, на рукахъ, другой—дѣвочка лѣтъ шести-семи помѣщалась на сундучкѣ, который хваталъ ей до колѣнъ. Несчастный больной ребенокъ долженъ былъ лежать скорчившись. Въ этой комнатѣ приходилось 0,3 кв. и 0,3 куб. саж. на человѣка, считая взрослыхъ и дѣтей.

Во второй свѣтлой комнатѣ живетъ пока одинъ. Кровати двѣ.

Будутъ пускать еще жильцовъ. Можетъ быть, въ этой комнатѣ помѣстятся тоже двѣ семьи.

Въ темной проходной комнатѣ жильцовъ еще нѣтъ, но она сдается и, по всей вѣроятности, жильцы найдутся. Можетъ быть, поселится одна и даже двѣ семьи.

Въ темной кухнѣ живетъ квартирный хозяинъ съ женой и маленькимъ ребенкомъ. Здѣсь просторнѣй, нежели въ комнатахъ, но темно.

Жильцы въ первой комнатѣ, гдѣ нельзя сдѣлать шагу, чтобы не зацѣпить за что-нибудь, и жильцы въ темной кухнѣ,—какую жалкую жизнь имъ приходится влачить въ этихъ темныхъ и узкихъ пространствахъ! Человѣкъ принужденъ или какъ звѣрь лежать въ своей берлогѣ, или бѣжать вонъ изъ дома. И взрослый мужчина, навѣрное, убѣжитъ. Но что же дѣлать женщинѣ, у которой на рукахъ маленькія дѣти, да еще больныя? Ей приходится волей-неволей покориться своей участи и жить безъ воздуха и въ темнотѣ, проклиная свою горькую долю или впадая въ тупое равнодушіе, которое помогаетъ ей кое-какъ влачить свою жалкую жизнь.

Въ этой квартирѣ было трое дѣтей, изъ которыхъ двое скарлатинозныхъ, а третій изнывалъ въ темной кухнѣ. Эти дѣти, навѣрное, не выростутъ нормальными и здоровыми людьми.

Треть кубической сажени, повидимому, чего же меньше, но оказывается, что есть еще меньше, есть четверть куб. саж. на одного человѣка. Такой объемъ приходится на одномъ чердакѣ, свѣдѣнія о которомъ доставлены д-ромъ Сланской.

Комнаты на этомъ чердакѣ со сводами. Высота въ серединѣ три аршина, около стѣнъ полтора. Отношеніе свѣтовой поверхности къ площади пола гораздо меньше нормальнаго. Квартира состоитъ изъ трехъ комнатъ и кухни. Въ ней живетъ шесть мужчинъ, двѣнадцать женщинъ и шестеро дѣтей. Самое большое кубическое содержаніе на человѣка въ комнатѣ полъкубической сажени. Въ одной комнатѣ, почти совсѣмъ темной. живутъ женщины. Очевидно, ихъ заработокъ такъ малъ, что ничего лучшаго онѣ не могутъ имѣть.

Выше было сказано, что въ совершенно темныхъ комнатахъ, совсѣмъ безъ оконъ, жило восемнадцать человѣкъ; здѣсь жили преимущественно одинокіе мужчины и женщины и помѣщались въ проходныхъ корридорахъ. Но мы составили бы себѣ ошибочное представленіе о существующемъ положеніи вещей, если бы думали что только эти восемнадцать человѣкъ живутъ въ темныхъ комнатахъ. Это помѣщеніе совершенно безъ оконъ, но есть комнаты съ окнами, выходящими въ стѣну или въ корридоръ, и въ такихъ помѣщеніяхъ часто живутъ цѣлыя семьи. Вотъ напр., образцы такихъ квартиръ, въ которыхъ мнѣ пришлось быть самой.

Квартира помѣщается въ первомъ этажѣ двухъ-этажнаго деревяннаго дома. Состоитъ изъ двухъ комнатъ и кухни. Ходъ изъ сѣ-

ней черезъ кухню въ первую комнату, а изъ первой во вторую. Въ комнатахъ по два окна на улицу. Свѣта достаточно. Стѣны оклеены обоями. На стѣнахъ и на потолкѣ слѣды сырости. Есть форточки. Окно въ кухнѣ выходитъ въ корридоръ. Въ ней господствуетъ полумракъ. Въ квартирѣ грязь. На лѣстницѣ грязь и зловоніе. Въ этой квартирѣ помѣщались преимущественно семейные рабочіе. Въ первой комнатѣ живетъ восемь человѣкъ: трое мужчинъ, три женщины и двое дѣтей. Всѣ помѣщаются на трехъ кроватяхъ. Во второй двѣ семьи и двое одинокихъ, всего девять человѣкъ (трое дѣтей). Въ темной кухнѣ живутъ только семейные, здѣсь же помѣщается и квартирная хозяйка съ мужемъ. Всего одиннадцать человѣкъ (четверо дѣтей). На каждаго въ квартирѣ приходится около половины кубической сажени воздуха. Въ квартирѣ живутъ заводскіе чернорабочіе, получающіе 60—80 к. въ день. Плата за кровать въ комнатахъ 4 р. и 3 р. 50 к., а въ кухнѣ 3 р.

Въ этомъ домѣ во второмъ этажѣ находится такая же квартира, состоящая изъ двухъ комнатъ и кухни. Ходъ черезъ кухню. Въ комнатахъ по два окна на улицу, а въ кухнѣ одно въ корридоръ. Въ ней полумракъ. И здѣсь въ комнатахъ грязь и сырость, а на лѣстницѣ грязь и вонь, которую распространяетъ простое отхожее мѣсто, здѣсь находящееся.

Въ комнатахъ этой квартиры помѣщается артель заводскихъ чернорабочихъ, всего двадцать человѣкъ. Въ первой комнатѣ восемь человѣкъ, а во второй двѣнадцать. Всѣ помѣщаются на десяти кроватяхъ. Первая комната служитъ и столовой. Въ ней стоитъ столъ, грубо сколоченный изъ досокъ, скамейки и табуретки. На каждаго приходится около половины кубической сажени воздуха. Плата 3 р. 20 к. за кровать или 1 р. 60 к. съ каждаго въ мѣсяцъ. За эту плату хозяйка стираетъ бѣлье, готовитъ кушанье и убираетъ комнаты. Жильцы получаютъ 60—80 к. въ день.

Въ кухнѣ, темной и проходной, помѣщается три семьи, считая и хозяйскую, всего восемь человѣкъ (двое дѣтей). Плата 3 р. 20 к. за кровать, но хозяйка ничего не дѣлаетъ для семейныхъ.

Дворъ, на которомъ находится этотъ домъ, очень большой. но немощенный, грязный и зловонный. Здѣсь было бы достаточно чистаго воздуха, если бы ретирады были устроены сообразно съ гигіеническими требованіями и если бы дворъ былъ замощенъ и содержался въ чистотѣ. Но ретирады самаго первобытнаго устройства заражаютъ весь дворъ и весь домъ. Грязь съ незамощеннаго двора заносится на лѣстницу, а съ лѣстницы въ комнаты, которыя и безъ того трудно поддерживать въ чистотѣ, такъ-какъ въ нихъ живетъ двадцать восемь человѣкъ.

Въ 39 изслѣдованныхъ квартирахъ десять семей (33 чел.) жили въ помѣщеніяхъ, подобныхъ кухнѣ этихъ двухъ квартиръ. Слѣдовательно, изъ 762 чел. 51 чел. были лишены благотворнаго вліянія дневного свѣта и изъ нихъ было тринадцать дѣтей, которымъ

свѣтъ особенно необходимъ для сохраненія здоровья и нормальнаго развитія.

Насколько рабочіе дорожатъ дневнымъ свѣтомъ, доказываетъ слѣдующее описаніе одной квартиры, доставленное санитарнымъ врачемъ Петербургской части, д-ромъ Бонкеромъ.

Описанная имъ квартира помѣщается во 2-мъ этажѣ деревяннаго стараго дома, содержимаго довольно удовлетворительно. Состоитъ она изъ трехъ комнатъ, прихожей и кухни. Входъ со двора изъ сѣней. Пять оконъ выходятъ на дворъ. Разстояніе отъ противоположной стѣны шесть саженъ. Водопровода въ квартирѣ нѣтъ. Вода доставляется дворникомъ изъ водопровода на дворѣ. Въ корридорѣ простое отхожее мѣсто. Въ квартирѣ двѣ круглыхъ и одна русская печь. Зимой ставится и желѣзная. Стѣны комнаты оклеены обоями, а въ кухнѣ и корридорѣ выкрашены клеевой краской. Форточка есть въ одной комнатѣ и въ кухнѣ. Плата за квартиру восемнадцать рублей безъ дровъ.

Въ ней живутъ подбойщики (сапожники, работающіе на улицѣ). Всего четырнадцать человѣкъ (11 муж. и 3 жен). Одинъ помѣщается въ темномъ корридорѣ. На каждаго приходится 1—2 куб. саж. воздуха. Свѣта достаточно. Кроватей 11. Въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ спятъ, тамъ и работаютъ.

Сама по себѣ квартира не представляетъ ничего особеннаго, но интересно слѣдующее примѣчаніе врача относительно платы за уголъ.

«Квартирохозяинъ, говоритъ д-ръ Бонкеръ, взимаетъ съ жильцовъ плату такимъ образомъ:

1) Если жилецъ занимаетъ уголъ и окно, т. е. работаетъ у окна, то плата три рубля въ мѣсяцъ.

2) Если жилецъ работаетъ не у окна, то два рубля въ мѣсяцъ.

3) Если двое работаютъ у одного окна, то пять рублей въ мѣсяцъ съ двоихъ.

4) Если жилецъ занимаетъ только уголъ, но не работаетъ, то два рубля въ мѣсяцъ».

Такимъ образомъ оказывается, что за возможность пользоваться дневнымъ свѣтомъ жилецъ долженъ приплачивать 1 р. или 50 к.

Въ одной комнатѣ нерѣдко помѣщается 10—20 чел., а въ квартирѣ 20—51 человѣкъ. Это отвлеченное 10—20 человѣкъ не даетъ намъ настоящаго представленія о дѣйствительности. Для того, чтобы составить о ней хотя бы приблизительное понятіе, вспомните о жилищахъ рабочихъ въ то время, когда въ вашей маленькой гостиной соберется 10—20 человѣкъ гостей и вамъ покажется въ ней очень тѣсно. И представьте себѣ тогда, что при такихъ условіяхъ люди живутъ постоянно, что люди различнаго характера, наклонностей и привычекъ должны проводить совмѣстную жизнь въ такой тѣснотѣ.

Санитарнымъ врачемъ Петербургской части доставлено описаніе

нѣсколькихъ квартиръ, занимаемыхъ артелями. Въ этихъ квартирахъ помѣщается двадцать и болѣе человѣкъ въ одной комнатѣ.

Вотъ какъ живетъ, напримѣръ, артель каменобоевъ, содержимыхъ подрядчикомъ.

Квартира помѣщается въ подвалѣ деревянно-каменнаго стараго дома. Полъ ниже уровня земли на одинъ аршинъ два вершка. Пять оконъ выходятъ на дворъ. Разстояніе отъ противоположной стѣны четыре сажени. Квадратная площадь каждаго окна полтора аршина. Освѣщеніе дневнымъ свѣтомъ недостаточно. Вода возится съ Невы, хранится въ квартирѣ въ кадкахъ. Простое отхожее мѣсто. Плата за квартиру съ водой 18 р. 50 к.

Квартира состоитъ изъ одной комнаты. Нѣтъ ни кухни, ни прихожей. Входъ прямо изъ сѣней. Стѣны окрашены клеевой краской. Русская печь и плита. Три форточки. Простой деревянной перегородкой въ комнатѣ отдѣлено небольшое престранство для кухарки.

Въ этой квартирѣ помѣщается 26 чел. (25 муж., 1 жен.). Мужчины спятъ на нарахъ, устроенныхъ около трехъ стѣнъ. Ширина наръ равняется $20^1/_2$ аршинъ, а длина $2^3/_4$ арш. Слѣдовательно, на каждаго приходится приблизительно три четверти аршина ширины. Это пространство настолько мало, что спящіе должны плотно лежать другъ около друга, чтобы имѣть возможность умѣститься. И въ такомъ положеніи должны спать 25 чел., утомленныхъ тяжелымъ трудомъ! На каждаго приходится около половины куб. и квадр. саж. Квартира содержится грязно. Стѣны и потолокъ носятъ слѣды сырости.

Если ко всему этому мы прибавимъ, что въ этой же комнатѣ готовятъ и пищу и сушатъ грязное и мокрое платье, то всякій можетъ представить себѣ ту грязь, тотъ невозможный воздухъ и то количество насѣкомыхъ, которое должно находиться въ такихъ жилищахъ.

Санитарный врачъ Васильевской части также описываетъ подвальную квартиру, въ которой живетъ артель извощиковъ, содержимая однимъ каретчикомъ.

Эта квартира помѣщается въ подвалѣ смѣшаннаго, грязно содержимаго дома. Полъ подвала ниже уровня улицы на 15 верш. При большихъ наводненіяхъ подвалъ заливается водой. Стѣны и потолокъ носятъ слѣды сырости. Рядомъ съ квартирой чуланъ и отхожее мѣсто. Въ квартирѣ есть ватерклозетъ, но имъ не пользуются, а пользуются простымъ ретирадомъ на дворѣ. Есть водопроводъ. Квартира состоитъ изъ двухъ комнатъ, изъ которыхъ одна служитъ и кухней. Одна русская и одна голландская печь. Четыре окна. Три форточки. Освѣщеніе въ первой комнатѣ неудовлетворительное, а во второй плохое. Высота комнатъ одна саж. Плата за квартиру 13 р. безъ дровъ.

Въ первой комнатѣ помѣщается 9 человѣкъ (8 муж. 1 жен.).

Для спанья имъ служатъ двѣ кровати и шесть наръ безъ перегородокъ. Во второй живетъ трое мужчинъ и стоятъ двѣ кровати. Въ первой около одной, а во второй около половины куб. сажени на человѣка.

Слѣдующая квартира, описанная санитарнымъ врачемъ Петербургской части, нѣсколько лучше. Она помѣщается въ первомъ этажѣ стараго деревяннаго дома. Состоитъ изъ двухъ комнатъ и кухни. Ходъ изъ сѣней черезъ кухню. Шесть оконъ выходятъ на дворъ и на улицу. Въ первой комнатѣ свѣта достаточно, во второй мало. Двѣ форточки. Воду носитъ дворникъ изъ водопровода. Въ этой квартирѣ помѣщается артель ломовыхъ извощиковъ, получающихъ квартиру отъ хозяина, который живетъ здѣсь же. Въ первой комнатѣ живутъ извозчики, 12—15 человѣкъ. Спятъ на нарахъ, шириною около аршина на каждаго. На каждаго около одной куб. и квад. саж. Во второй комнатѣ помѣщается содержатель артели съ женой. Въ кухнѣ живетъ кухарка. Квартира содержится довольно опрятно. За квартиру платятъ 40 р. безъ дровъ, съ конюшнями на тридцать ставокъ.

Это образцы квартиръ, нанимаемыхъ хозяиномъ для артели. Слѣдующее описаніе касается квартиръ, даваемыхъ домовладѣльцемъ своей артели.

Санитарный врачъ Васильевской части, д-ръ Альбовъ, даетъ слѣдующее описаніе такой квартиры.

Квартира помѣщается въ первомъ этажѣ деревяннаго дома, содержимаго неопрятно, состоитъ изъ пяти комнатъ и кухни. Ходъ изъ сѣней. Простое отхожее мѣсто въ коридорѣ и общее на дворѣ. Есть водопроводъ. Шесть оконъ на улицу, четыре на дворъ. Двѣ круглыхъ, двѣ русскихъ и одна голландская печь. Три форточки и три вентилятора. Въ четырехъ комнатахъ стѣны оклеены обоями, а въ одной и въ кухнѣ выкрашены клеевой краской. Квартира раздѣляется на два помѣщенія. Одно предназначено для рабочихъ—ломовыхъ извощиковъ, а другое для самого хозяина.

Первое стоитъ изъ двухъ комнатъ, въ которыхъ помѣщается двадцать человѣкъ. Спятъ на нарахъ, 14 вершковъ ширины и $2^1/_2$ аршина длины. Въ одной комнатѣ освѣщеніе плохое. На каждаго приходится половина кубической и квадратной сажени. Второе помѣщеніе состоитъ изъ трехъ комнатъ и занимается хозяйской семьей (четыре человѣка). Пять оконъ на улицу. Свѣта и воздуха много.

Здѣсь домовладѣлецъ живетъ въ одной квартирѣ со своими рабочими и мы видимъ между обоими помѣщеніями рѣзкую разницу. На хозяйской половинѣ на каждаго болѣе трехъ кубическихъ саженъ и много свѣта, а въ комнатахъ рабочихъ недостатокъ свѣта и воздуха. Въ хозяйскихъ комнатахъ—кровати, а для рабочихъ нары 14 вершковъ ширины и $2^1/_2$ аршина длины.

Слѣдующее описаніе касается артели ломовыхъ извощиковъ, живущихъ въ квартирѣ безъ хозяина, домовладѣльца.

Квартира помѣщается въ первомъ этажѣ деревяннаго, грязно содержимаго дома, состоитъ изъ двухъ комнатъ и кухни. Кухня разгорожена перегородкой, не доходящей до потолка, на столовую и кухню. Ходъ черезъ кухню изъ сѣней. Общее простое отхожее мѣсто на дворѣ. Воду носитъ дворникъ изъ водопровода, хранится въ квартирѣ въ кадкахъ. Стѣны и потолокъ носятъ слѣды сырости. Въ квартирѣ шесть оконъ, изъ которыхъ два выходятъ въ корридоръ къ отхожему мѣсту. Освѣщеніе недостаточное. Двѣ русскихъ и одна круглая печь. Одна форточка и два вентилятора. Въ каждой комнатѣ помѣщается по десяти человѣкъ. На каждаго приходится половина кубической и половина квадратной сажени. Въ комнатахъ двѣ кровати и нары. На каждой кровати спятъ по два человѣка, а на нарахъ приходится 15—18 вершковъ ширины на каждаго.

Вторая квартира отличается отъ первой тѣмъ, что расположена около отхожаго мѣста, къ которому выходятъ окна. Слѣдовательно, въ эту квартиру могутъ безпрепятственно проникать міазмы и заражать комнатный воздухъ. Очевидно, домовладѣлецъ не могъ найти у себя худшей квартиры для помѣщенія своей артели.

Санитарный врачъ Александроневской части, д-ръ Прокоповичъ, даетъ нѣсколько любопытныхъ описаній квартиръ, занимаемыхъ рабочими съ невской бумагопрядильни.

Квартира помѣщается во второмъ этажѣ стараго каменнаго двухэтажнаго дома, въ которомъ находится до двадцати квартиръ. Она состоитъ изъ трехъ комнатъ и кухни. Ходъ черезъ кухню. Вода доставляется изъ Невы въ бочкахъ, хранится въ кухнѣ въ ушатѣ. Ушатъ содержится грязно. Простое отхожее мѣсто на лѣстницѣ. Въ квартирѣ шесть оконъ. Свѣту достаточно. Въ комнатахъ есть форточки, въ кухнѣ нѣтъ. Двѣ голландскихъ печи и русская. Стѣны выкрашены клеевой краской и носятъ слѣды сырости. Плата за квартиру 24 р. 50 к. безъ дровъ. Въ ней живетъ 29 человѣкъ: 24 мужч. и 5 женщ. Въ первой комнатѣ живетъ 10 чел., спятъ на пяти кроватяхъ, во второй и третьей по шести человѣкъ и по три кровати. Въ кухнѣ семь человѣкъ и четыре кровати. На каждаго живущаго въ квартирѣ приходится около 0,8 куб. и 0,6 кв. саж. Плата за кровать 3 р. съ услугой.

По замѣчанію санитарнаго врача, такихъ квартиръ въ этомъ домѣ нѣсколько и взята типичная.

Такія квартиры расположены по правой сторонѣ лѣстницы, а по лѣвой находятся другого рода, типомъ которыхъ будетъ служить слѣдующая.

Квартира находится въ четвертомъ этажѣ. Состоитъ изъ двухъ комнатъ, кухни и корридора. Простое отхожее мѣсто на лѣстницѣ. Воду возитъ дворникъ изъ Невы въ бочкахъ. Вода хранится въ бакѣ, который содержится плохо. Въ квартирѣ три окна, выходящихъ къ отхожему мѣсту и къ помойной ямѣ. Свѣту достаточно.

Въ комнатахъ и кухнѣ есть форточки. Одна голландская и одна русская печь. Въ комнатахъ стѣны оклеены обоями, а въ кухнѣ и въ корридорѣ выкрашены клеевой краской; стѣны въ углахъ и подъ окнами сыры. Затхлый и сырой воздухъ. Плата за квартиру 14 р. безъ дровъ.

Въ этой квартирѣ живутъ преимущественно семейные рабочіе съ невской бумагопрядильни. Всего 15 чел. (6 мужч., 6 женщ. и 3 дѣт.). Въ каждой комнатѣ помѣщается по двѣ семьи (4 и 6 чел.). Въ кухнѣ помѣщается четыре человѣка, а въ темномъ корридорѣ одна женщина. На каждаго живущаго въ квартирѣ приходится 0,5—1,0 куб. и 0,4—0,8 кв. саж. Въ первой комнатѣ и въ кухнѣ плата за кровать 3 р. 50 к., а во второй 4 р., въ корридорѣ 3 р. Очевидно, во второй комнатѣ плата дороже, потому что тамъ больше дѣтей и просторнѣе.

По замѣчанію санитарнаго врача, въ этой квартирѣ плата за углы дороже, потому что здѣсь въ комнатахъ просторнѣе и не такъ много набивается жильцовъ. Кромѣ того, квартира находится близко около фабрики. Вообще, говоритъ д-ръ Прокоповичъ, за помѣщеніе, находящееся поближе къ фабрикѣ, платится дороже. Если плата одинакова, то самое помѣщеніе тѣснѣе и грязнѣе.

Такимъ образомъ у насъ имѣются двѣ типичныхъ квартиры въ одномъ и томъ же домѣ и по одной лѣстницѣ: одна для семейныхъ, а другая для одинокихъ.

Тотъ-же санитарный врачъ даетъ слѣдующее описаніе одной квартиры въ другомъ домѣ, съ которой сходны тринадцать квартиръ этого дома.

Квартира находится въ третьемъ этажѣ стараго каменнаго дома, населеннаго заводскими рабочими. Состоитъ изъ трехъ комнатъ, кухни и корридора. Въ квартирѣ водопроводъ и ватерклозетъ. Двѣ голландскихъ печи и плита. Шесть оконъ выходятъ на дворъ къ помойной ямѣ. Четыре форточки. Освѣщенія достаточно. Въ комнатахъ и въ кухнѣ стѣны оклеены обоями, а въ корридорѣ выкрашены клеевой краской. Стѣны сыры, особенно подъ окнами. Въ квартирѣ зловоніе отъ помойной ямы и отъ грязнаго двора. Плата 19 р. безъ дровъ.

Въ квартирѣ помѣщается 23 чел. заводскихъ рабочихъ, преимущественно одинокіе (20 мужч., 2 женщ., 1 реб.). Въ первой комнатѣ живетъ девять мужчинъ, спятъ на пяти кроватяхъ; во второй пять мужчинъ и три кровати, въ третьей четверо мужчинъ, одна женщина и три кровати. Въ кухнѣ семья, состоящая изъ трехъ человѣкъ, и двѣ кровати. Въ корридорѣ одинъ человѣкъ и двѣ кровати. На каждаго живущаго приходится около полкубической сажени воздуха. Плата за кровать въ комнатахъ и въ кухнѣ 3 р., а въ корридорѣ 2 р.

«Въ этомъ домѣ, говоритъ д-ръ Прокоповичъ, находится тринадцать квартиръ, во всемъ совершенно идентичныхъ съ описан-

ными. Кровати самаго примитивнаго устройства; на козлахъ положены три-четыре доски; постели—мѣшки, набитые соломой, иногда мочалой; подъ каждой кроватью по два сундука съ вещами жильцовъ. На кроватяхъ спятъ по двое, слѣдовательно, каждый платитъ 1 р. 50 к. Въ эту плату входитъ: 1) стирка бѣлья (4 рубахи, 4 пары подштанниковъ, 4 полотенца и 4 пары онучей), 2) уборка комнаты и 3) варка пищи; провизія, конечно, покупается жильцами. Освѣщеніе тоже пріобрѣтается послѣдними. Въ комнатахъ около печи протянуты веревки для просушки мелкихъ вещей. Въ стѣны вбито множество гвоздей разной величины; на нихъ висятъ шубы, сапоги, полотенца, разные узлы и т. д. Если въ углу поселился одинъ жилецъ, то платитъ два рубля въ мѣсяцъ со стиркой бѣлья и варкой пищи. Цѣны угловъ одинаковы и въ комнатахъ, и въ кухнѣ, въ коррידорѣ же дешевле. Лучшими считаются кровати (углы) у оконъ. Онѣ занимаются жильцами дольше живущими, тѣми, кто раньше нанялъ уголъ; позднѣе въѣхавшій занимаетъ худшее помѣщеніе и затѣмъ постепенно переходитъ ближе къ окну. Мебель каждой комнаты состоитъ изъ большого стола и скамьи и находится въ общемъ пользованіи. Нѣкоторые жильцы имѣютъ свои табуреты. Семейные завѣшиваются ситцевыми пологами».

Предполагая, что въ каждой изъ этихъ тринадцати квартиръ живетъ приблизительно около двадцати человѣкъ, мы будемъ имѣть 260 человѣкъ, живущихъ въ помѣщеніяхъ, подобныхъ только что описанному. На каждаго обитателя полкубической сажени воздуха. На одной кровати спятъ по двое. Въ этой же квартирѣ стираютъ и сушатъ мокрое бѣлье и готовятъ пищу на двадцать человѣкъ. Въ этихъ переполненныхъ людьми комнатахъ хранится грязное платье и бѣлье, хранится вся одежда. Въ эти квартиры проникаетъ зловоніе отъ ретирадъ и грязнаго двора. Мудрено въ такихъ жилищахъ искать чистоплотности и чистаго воздуха. Въ квартирѣ есть форточки во всѣхъ комнатахъ и въ кухнѣ. Но къ чему служатъ форточки при такихъ условіяхъ, когда въ комнатахъ на каждаго приходится полкубической сажени, а на дворѣ господствуютъ міазмы? Вентиляціи при помощи форточекъ бываетъ недостаточно и въ болѣе благоустроенныхъ жилищахъ, а здѣсь форточки почти совсѣмъ безполезны. Открывъ форточку въ такой квартирѣ, живущіе не только не освѣжаютъ воздуха, но впускаютъ въ комнату міазмы съ грязнаго и зловоннаго двора.

Въ описаніи различныхъ квартиръ очень часто упоминается о томъ, что одинокій рабочій не имѣетъ отдѣльной кровати. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ его распряженіи находятся не цѣлая кровать, а полкровати. Въ комнатѣ помѣщается шесть—десять человѣкъ, а кроватей три—пять. Изъ 205 одинокихъ только восемнадцать человѣкъ спали на отдѣльной кровати.

Спать вдвоемъ на одной кровати и неряшливо, и нездорово. Совмѣстное спанье служитъ однимъ изъ способовъ распространенія

заразныхъ болѣзней. При тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ живутъ рабочіе, къ неряшеству и заразѣ слѣдуетъ прибавить еще другія неудобства. Сдавая полкровати, хозяинъ, конечно, не станетъ спрашивать жильца, кого взять ему въ товарищи, и возьметъ перваго попавшагося. Въ одномъ мѣстѣ мнѣ объяснили, что полкровати сдается такимъ же образомъ, какъ цѣлая комната и вся квартира, при помощи билетика. Полкровати нанимаетъ каждый, кто сойдется съ хозяиномъ въ условіяхъ. Такимъ образомъ трезвому и чистоплотному въ товарищи можетъ попасть пьяница и неряха, порядочному и скромному—развращенный и безшабашный. Какова будетъ жизнь лучшаго изъ нихъ при такомъ близкомъ сосѣдствѣ, каждый можетъ себѣ представить. По всей вѣроятности, одна кровать на двоихъ служитъ немалымъ источникомъ разнаго зла, ссоръ и непріятностей, которыя разрушительно дѣйствуютъ на духовное здоровье рабочихъ. Часто такія, повидимому, ничтожныя причины порождаютъ большія послѣдствія, особенно если они многочисленны. Уничтоженіе обычая сдавать полкровати несомнѣнно должно было бы благотворно повліять на духовное и физическое здоровье рабочихъ.

Огромное большинство одинокихъ петербургскихъ рабочихъ спятъ вдвоемъ на одной кровати—это дико и странно должно показаться тому, кто привыкъ видѣть, что каждый взрослый имѣетъ отдѣльную постель. Но въ Петербургѣ существуетъ еще болѣе удивительное явленіе, нежели полкровати,—это полное отсутствіе кроватей и спанье на рабочихъ инструментахъ. Ниже слѣдуетъ описаніе такихъ жилищъ, доставленное докторомъ Лещинскимъ, санитарнымъ врачемъ Спасской части. Эти жилища находятся въ домѣ кн. Вяземскаго, который описывается имъ слѣдующимъ образомъ.

Домъ кн. Вяземскаго выходитъ фасадомъ на Забалканскій проспектъ и набережную рѣки Фонтанки, по городской табели имѣетъ нумерацію 4 и 6 по Забалканскому проспекту и 95 по Фонтанкѣ. Онъ состоитъ изъ шести отдѣльныхъ жилыхъ корпусовъ и одного ветхаго, незанятаго. Подъ этими постройками находится 2466 кв. саж. земли. Въ пяти занятыхъ корпусахъ насчитывается нѣсколько тысячъ жителей обоего пола, разныхъ профессій: торговцы и торговки въ разносъ, чернорабочіе, нищіе, лица, живущія пенсіей и пособіями отъ разныхъ благотворительныхъ учрежденій, каменьщики, плитники, маляры, штукатуры, корзинщики и др. и часть пролетаріата, находящагося на иждевеніи родственниковъ и знакомыхъ. Въ лицевомъ корпусѣ со стороны Забалканскаго проспекта находятся торговыя бани, двѣ портерныхъ лавки, трактиръ, мучной лабазъ, мелочная лавка, двѣ квасныхъ, три сельдяныхъ, ренсковый погребъ, молочная лавка, постоялый дворъ, нѣсколько ледниковъ и кладовыхъ, арендуемыхъ торговцами съ Сѣнной площади; въ этомъ же дворѣ имѣются четыре склада для покупки и продажи бумажныхъ обрѣзковъ. Во флигелѣ, выходящемъ на Фонтанку, находится ти-

пографія, дѣйствующая газомоторомъ, при шести скоропечатныхъ машинахъ. Изъ мастерскихъ въ домѣ имѣются: мѣднокотельная, жестяная, слесарная, столярная, двѣ корзиночныхъ и мебельная. Имѣются также одиночки легковые и ломовые извощики. У содержателя постоялаго двора до 25 ломовыхъ закладокъ. Зимой на этомъ дворѣ останавливаются пригородные крестьяне, прибывающіе въ столицу для сбыта деревенскихъ продуктовъ.

Таковъ въ общихъ чертахъ домъ кн. Вяземскаго и надо сознаться, что онъ представляетъ изъ себя много характернаго для жилищъ рабочихъ. Мы находимъ въ этомъ домѣ двѣ портерныхъ, трактиръ, ренсковый погребъ, три сельдяныхъ лавки, двѣ квасныхъ, мелочную, молочную—вообще такія торговыя заведенія, которыя показываютъ, что обитатели дома любятъ выпить, а питаются чѣмъ Богъ послалъ.

Возьмемъ теперь описаніе нѣсколькихъ квартиръ этого дома.

1) Типъ угловой квартиры, гдѣ проживаютъ кустари.

Квартира помѣщается въ корзиночномъ флигелѣ въ первомъ этажѣ. Состоитъ изъ трехъ комнатъ, нѣтъ ни кухни, ни прихожей. Отхожее мѣсто, общее для двухъ квартиръ, помѣщается въ сѣняхъ. Водопровода нѣтъ. Вода доставляется дворниками изъ чана на дворѣ. Въ двухъ комнатахъ стѣны оклеены обоями, третья выкрашена клеевой краской. Чугунка, русская и голландская печь. Одна комната безъ печи и безъ окна. Три окна на дворъ. Двѣ фортки. Свѣту въ двухъ комнатахъ достаточно. Стѣны у оконъ носятъ слѣды сырости. Плата 31 р. безъ дровъ.

Въ этой квартирѣ живутъ кустари корзинщики, которые работаютъ здѣсь же. Всего 17 человѣкъ: хозяинъ съ женой и 15 мужчинъ. Изъ нихъ девять работаетъ на себя, а шесть на хозяина.

Въ первой комнатѣ помѣщается тринадцать человѣкъ. Кроватей нѣтъ. Спятъ на верстакахъ. Во второй мужъ съ женой, а въ третьей двое рабочихъ, которые спятъ на одной кровати. На каждаго живущаго въ квартирѣ приходится немного болѣе $1^1/_2$ куб. саж. воздуха. Работающіе на себя платятъ 2 р. 50 к. за мѣсто, на которомъ стоитъ рабочій верстакъ. Въ первой комнатѣ русская печь и она служитъ кухней. Въ ней же работаетъ хозяинъ съ двумя взрослыми рабочими и четырьмя учениками и остальные девять кустарей.

2) Квартира также кустарей—корзинщиковъ. Она состоитъ изъ двухъ квартиръ, заключающихъ въ себѣ три комнаты и кухню. Помѣщается въ первомъ этажѣ. Девять оконъ выходятъ на дворъ. Три фортки и вытяжная труба. Свѣту мало. Водопровода нѣтъ. Воду носитъ дворникъ изъ чана на дворѣ. Чанъ содержится не всегда удовлетворительно. Въ корридорѣ отхожее мѣсто, общее для четырехъ квартиръ. Двѣ голландскихъ печи, одна русская, двѣ чугунки и плита. Стѣны выкрашены клеевой краской. Плата за обѣ квартиры 62 р. въ мѣсяцъ.

Въ квартирѣ живетъ хозяинъ съ женой и сыномъ и 33 рабочихъ, изъ которыхъ одиннадцать моложе двѣнадцати лѣтъ. Въ пер-

вой комнатѣ живетъ восемнадцать человѣкъ, во второй—восемь, въ третьей—семь. Хозяинъ съ женой и сыномъ помѣщается въ кухнѣ. На каждаго живущаго приходится около половины куб. саж. воздуха.

Изъ 33 чел. хозяину платятъ за помѣщеніе четверо, по 2 р. 50 к. съ верстака.

«Въ означенныхъ двухъ квартирахъ, говоритъ д-ръ Лещинскій, занимаемыхъ однимъ хозяиномъ, помѣщается большая корзиночная мастерская одного хозяина, который пускаетъ къ себѣ кустарей—корзинщиковъ, платящихъ ему по 2 р. 50 к. съ верстака, на которомъ спятъ, ѣдятъ, работаютъ и вообще проживаютъ. Самый же верстакъ имѣетъ всего $1^1/_2$ квад. арш. Такъ какъ на немъ невозможно улечься взрослому, то къ такому верстаку придѣлываютъ изъ досокъ изголовье или просто придвигаютъ другой маленькій верстакъ. Рваное тряпье и полушубки, служащіе постельными принадлежностями, хранятся на досчатыхъ полатяхъ, устроенныхъ въ самыхъ мастерскихъ, а равно и на русскихъ печахъ».

Такимъ образомъ мы узнаемъ поразительный фактъ, что въ Петербургѣ находятся люди, и по всей вѣроятности такихъ не мало, которые принуждены жить на пространствѣ $1^1/_2$ квад. арш. И среди нихъ есть дѣти до двѣнадцати лѣтъ. Кажется, чего ужъ хуже полкровати и наръ, а это оказывается еще худшимъ.

Таковы угловыя и артельныя квартиры кустарей. Семейныя оказываются немногимъ лучше, что можно видѣть изъ слѣдующаго описанія.

3) Квартира находится въ третьемъ этажѣ того-же дома. Состоитъ изъ одной комнаты и кухни. Оконъ два. Выходятъ къ отхожему мѣсту и помойной ямѣ. Одна форточка. Въ корридорѣ простое отхожее мѣсто, общее для двухъ квартиръ. Есть водопроводъ. Печи нѣтъ. Одна только плита. Въ комнатѣ стѣны оклеены обоями, а въ кухнѣ окрашены клеевой краской. На стѣнахъ слѣды сырости. Плата за квартиру 8 р. безъ дровъ.

Въ комнатѣ живетъ хозяинъ портной съ женой и ученикомъ, а въ кухнѣ обойщикъ съ женой. На каждаго около одной куб. и квад. сажени. Работаютъ въ той же комнатѣ, гдѣ спятъ. Ученику постель не полагается. Жильцы платятъ три рубля за уголъ.

4) Типъ квартиры, гдѣ живутъ пріѣзжіе, угловые жильцы и артель.

Квартира помѣщается во второмъ этажѣ, рядомъ съ банями. Ходъ черезъ прихожую. Состоитъ изъ десяти комнатъ, кухни, прихожей и корридора. Простое отхожее мѣсто въ квартирѣ въ корридорѣ. Есть водопроводъ, 16 оконъ, выходящихъ на дворъ и въ проулокъ. Три голландскихъ печи и плита. Двѣ комнаты безъ печей. Семь форточекъ, одна вертушка и одна вытяжаая труба. Въ трехъ комнатахъ стѣны оклеены обоями, въ остальныхъ помѣщеніяхъ окрашены клеевой краской. Плата 200 р. въ мѣсяцъ безъ дровъ съ конюшнями.

Квартирный хозяинъ содержитъ постоялый дворъ, артель ломовыхъ извощиковъ съ конюшнями и отдаетъ комнаты подъ углы.

Все помѣщеніе распредѣляется такимъ образомъ. Въ двухъ комнатахъ, изъ которыхъ одна безъ оконъ, и въ кухнѣ помѣщаются ломовые извощики. Живетъ въ нихъ 25 чел. (22 муж., 2 жен. и 1 реб.), изъ которыхъ пять помѣщается въ темной комнатѣ. Спятъ всѣ на нарахъ, 13 верш. ширины и $2^1/_2$ арш. длины. На нарахъ же спятъ обѣ женщины и ребенокъ. На каждаго около полкубической и полквадратной сажени.

Двѣ комнаты отдаются подъ углы. Въ нихъ живетъ двадцать человѣкъ, въ томъ числѣ шесть женщинъ. Кроватей десять. На каждаго около полкуб. и полкв. сажени. Плата 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ.

Двѣ комнаты назначены для пріѣзжихъ. Устроены нары по 15 верш. ширины и $2\frac{1}{2}$ арш. длины, всего 24 мѣста. Плата 15 коп. въ сутки.

Въ четырехъ комнатахъ, изъ которыхъ двѣ безъ оконъ, живетъ семья хозяина, четыре человѣка.

Если представимъ себѣ, что всѣ 24 мѣста заняты пріѣзжими на ночевку, то въ шести комнатахъ будетъ находиться 69 чел., изъ которыхъ на каждаго приходится около полкубической сажени воздуха. Можно представить себѣ, какимъ ужаснымъ воздухомъ должны дышать живущіе въ этой квартирѣ.

Изъ вышеприведеннаго описанія мы видимъ, что въ этой квартирѣ въ самыхъ худшихъ условіяхъ живетъ артель ломовыхъ извозчиковъ. Для угловыхъ жильцовъ кровати, для пріѣзжающихъ нары въ 15 верш. ширины, а для артели нары шириной 13 верш. Вообще петербургскія артели, особенно содержимыя хозяиномъ, живутъ, повидимому, въ самыхъ худшихъ условіяхъ и Петербургу слѣдовало бы обратить на нихъ особенное вниманіе и подвергнуть ихъ строгому надзору.

Приведемъ описаніе еще одной квартиры въ томъ же домѣ, въ которой сдаются углы.

5) Типъ угловой квартиры, занятой семейными и одинокими.

Квартира помѣщается въ третьемъ этажѣ во флигелѣ. Входъ въ квартиру черезъ прихожую. Двѣ комнаты, кухня, прихожая и корридоръ, общій для трехъ квартиръ. Водопровода нѣтъ. Воду носитъ дворникъ изъ водопровода на дворѣ. Вода хранится въ кадкѣ, которая содержится грязно. Въ квартирѣ пять оконъ, три въ комнатахъ на улицу, одно въ прихожей, на дворъ. Разстояніе послѣдняго отъ противоположной стѣны два аршина. Слѣдовательно, освѣщеніе не удовлетворительное. Въ кухнѣ окно выходитъ въ корридоръ, темно. Форточки есть во всѣхъ комнатахъ. Въ квартирѣ три голландскихъ и одна русская печь. Въ комнатахъ стѣны оклеены обоями, а въ кухнѣ и прихожей выкрашены клеевой краской. Плата 37 р. безъ дровъ.

Въ этой квартирѣ помѣщаются только угловые жильцы, семейные и одинокіе. Здѣсь живутъ торговцы шарами, пѣвчими птицами, разнощики съѣстныхъ припасовъ, ягодники, селедочницы, торговки мелочью, поденщики. Всего помѣщается 46 человѣкъ: 24 мужч., 15 жен. и 7 дѣтей. Живутъ въ комнатахъ, въ кухнѣ и прихожей. Кроватей двадцать. На каждаго около половины кубической и около трети квадратной сажени. Каждый взрослый платитъ 1 р. 50 к. Дѣти помѣщаются безплатно.

Въ такихъ квартирахъ живутъ тѣ уличные разнощики, которые продаютъ селедки, ягоды, шары и разную мелочь. Такъ какъ разнощикъ не всегда продаетъ все въ одинъ день, то ему приходится непроданное ночь держать въ своей квартирѣ. Но гдѣ хранить все это въ такомъ помѣщеніи, гдѣ на каждаго приходится треть квадратной сажени и которое почти все сплошь уставлено кроватями? Трудно пріискать болѣе удобное мѣсто, нежели подъ кроватью. Подъ кроватью и берегутъ все то, что осталось непроданнымъ.

Условія подобныхъ квартиръ должны помнить всѣ тѣ, которые покупаютъ что либо у уличныхъ разнощиковъ. Мать покупаетъ ребенку воздушный шаръ. Этотъ шаръ находился въ грязномъ и тѣсномъ жилищѣ, гдѣ ютится всевозможная зараза. Этотъ шаръ, можетъ быть, зараженъ и его надо прежде подвергнуть тщательной дезинфекціи, а потомъ уже дать ребенку. Но мы видимъ, что шаръ какъ купится, такъ сейчасъ же и дается дѣтямъ. А потомъ оказывается, что ребенокъ заболѣлъ скарлатиной или дифтеритомъ, и мы не можемъ придумать, откуда онъ захватилъ заразу. То же слѣдуетъ сказать и относительно съѣстныхъ припасовъ. Мать покупаетъ ягоды или плоды съ уличнаго лотка и тутъ же даетъ дѣтямъ. Эти ягоды и плоды переночевали одну, а можетъ быть и нѣсколько ночей подъ кроватью въ грязной угловой квартирѣ. Если въ этой квартирѣ есть зараза, то дѣти или взрослые заболѣваютъ.

Въ публикѣ очень распространенъ обычай покупать съ уличныхъ лотковъ. Въ виду этого улучшеніе угловыхъ жилищъ и строгій надзоръ за ними представляется прямо вопросомъ общественнаго здоровья.

Въ домѣ кн. Вяземскаго насчитываютъ болѣе трехъ тысячъ жителей. Если не всѣ, то во всякомъ случаѣ огромное большинство обитателей этого дома живетъ въ помѣщеніяхъ, подобныхъ вышеописаннымъ. Множество жильцовъ, малое кубическое содержаніе воздуха, ничтожная квадратная площадь пола на каждаго, тѣснота, духота, сырость, нары, двое на одной кровати, жизнь на верстакахъ—вотъ при какихъ условіяхъ живетъ это трехтысячное населеніе.

Обыкновенно указываютъ на домъ кн. Вяземскаго, какъ на самое худшее жилище во всемъ Петербургѣ. Но это несправедливо. Какъ мы видѣли выше, вездѣ въ Петербургѣ находятся ужасныя жилища. Мы ихъ находимъ въ Петербургской, Выборгской, Васильевской,

Александро-невской и Спасской частяхъ. Вездѣ жилища рабочихъ нисколько не лучше дома князя Вяземскаго. Есть даже хуже. Вспомнимъ вышеописанный чердачекъ, гдѣ на каждаго человѣка приходится менѣе трети куб. саж. По переполненію жильцами и по плохому освѣщенію онъ перещеголялъ жилища въ домѣ князя Вяземскаго. Вышеописанныя квартиры съ цѣлыми семьями въ темныхъ кухняхъ также свидѣтельствуютъ, что о домѣ Вяземскаго, какъ о самомъ худшемъ жилищѣ во всемъ Петербургѣ, составилось ложное представленіе. Подобныхъ жилищъ и даже худшихъ въ Петербургѣ множество, и если бы въ немъ произвести изслѣдованіе квартиръ въ обширныхъ размѣрахъ, то блестящая снаружи столица показала бы себя съ очень непривлекательной стороны.

Въ Петербургѣ существуетъ обычай сдавать уголъ для цѣлой семьи. Такъ какъ въ углу можетъ помѣститься только одна кровать, то на ней приходится спать цѣлой семьѣ. Семейная кровать, обыкновенно, завѣшивается пологомъ, которая служитъ вмѣсто перегородки. Въ 39 квартирахъ семейныхъ кроватей было 26. На одной кровати помѣщалось отъ двухъ до пяти человѣкъ.

Насколько нормальна можетъ быть жизнь семьи при такихъ условіяхъ, предоставляю судить каждому.

27 разъ семья помѣщалась въ отдѣльныхъ комнатахъ. Такія семейныя комнаты отличаются вообще микроскопическими размѣрами. Въ нихъ также бываетъ только по одной кровати и помѣщается отъ двухъ до семи человѣкъ. Такая семейная комната имѣетъ одно только преимущество передъ угломъ — это деревянную перегородку вмѣсто ситцеваго полога. Благодаря деревянной перегородкѣ семья чувствуетъ себя хотя нѣсколько изолированной отъ остальныхъ обитателей квартиры.

Иногда микроскопическую отдѣльную комнату занималъ и одинокій. Это было пять разъ. Такіе счастливцы должны считаться привиллегированными среди остальныхъ.

Плата за комнату, за уголъ, за нару представляетъ для насъ большой интересъ. Свѣдѣнія объ этомъ доставлены нѣкоторыми санитарными врачами, собраны докторомъ Сланской по моей просьбѣ и мною при ея содѣйствіи.

Прежде всего мы должны отмѣтить тотъ интересный фактъ, что жилища рабочихъ на окраинахъ нисколько не дешевле ихъ жилищъ въ центрѣ столицы. Мы знаемъ, что жилища, занимаемыя болѣе состоятельными людьми, въ центрѣ дороже, а на окраинахъ дешевле. Относительно жилищъ рабочихъ этого нельзя сказать. Выше было приведено замѣчаніе санитарнаго врача Александро-невской части, который указываетъ на то, что жилища рабочихъ удорожаются по мѣрѣ приближенія къ фабрикѣ или къ заводу. Каждая фабрика и каждый заводъ служатъ центромъ, который увеличиваетъ цѣнность жилища. Это и понятно. При существующихъ условіяхъ фабричнаго труда, который отнимаетъ большую часть дня у рабо-

чихъ и даетъ только короткіе промежутки для пріема пищи, рабочій стремится поселиться поближе къ мѣсту своей работы, чтобы не тратить много времени на ходьбу и имѣть возможность обѣдать дома. Этимъ пользуются домовладѣльцы и квартирохозяева и берутъ дороже за помѣщеніе.

Выше была приведена также замѣтка санитарнаго врача Петербургской части, изъ которой видно, что близость угла къ источнику дневного свѣта также оказываетъ вліяніе на плату: мѣсто около окна оплачивается вмѣсто двухъ рублей тремя съ одного и пятью съ двоихъ.

Подробныя свѣдѣнія о платѣ извѣстны относительно 38 семей (155 чел.), живущихъ въ комнатахъ, и 66 семей (428 чел.), занимающихъ углы. Кромѣ того, имѣются свѣдѣнія о 249 человѣкъ одинокихъ. Изъ нихъ отдѣльную комнату занимало семь человѣкъ, отдѣльную кровать 18 чел., кровать на двоихъ 187 чел., спали на нарахъ 24 чел. и на верстакахъ 13 чел.

Плата за комнату семейныхъ была 4—12 р., чаще (20 разъ), 5—6 р. въ мѣсяцъ. Въ комнатѣ помѣщалось 2—7 чел., чаще 3—5 чел. (25 разъ).

Плата за кровать семьи 1 р. 10—4 р. 50 к., чаще 3 р. (26 разъ). На одной кровати помѣщались 2—5 чел., чаще 2—3 чел. (21 разъ).

Одинокіе платили за комнату 3—4 р. Кровать для одного стоила 1—3 р., чаще 3 р. (8 разъ). Плата за полкровати 1—2 р., чаще 1 р. 50—1 р. 60 к. (158 разъ). Плата за мѣсто на нарахъ 1 р. 35 к., а на верстакахъ 2 р. 50 к.

Квартирная плата въ разныхъ частяхъ города представляла изъ себя нѣкоторую разницу. Въ Спасской части за кровать для семейныхъ платили 3 р. и д-ръ Лещинскій замѣчаетъ, что дѣти не считаются; въ Александро-невской 2—4 р., чаще 3—3 р. 50 к., за дѣтей плата увеличивается; въ Васильевской 2—3 р., въ Петербургской 3 р., въ Выборгской 1 р. 10 к.—4 р. 50 к., чаще 3—3 р. 50 к. Дѣти увеличиваютъ плату.

Полкровати во всѣхъ частяхъ стоило 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ, а на Выборгской нерѣдко 1 р. 60—1 р. 70 к. По всей вѣроятности, эта разница зависитъ отъ того, что въ Выборгской части собрано было гораздо больше свѣдѣній, нежели въ другихъ частяхъ. Такимъ образомъ оказывается, что на окраинахъ квартиры для рабочихъ не только не дешевле, но, пожалуй, даже дороже, нежели въ центрѣ.

Для одинокихъ въ квартирную плату постоянно входитъ стирка бѣлья, приготовленіе пищи и уборка комнатъ. Такъ что, собственно говоря, квартирная хозяйка получаетъ плату съ рабочихъ скорѣе за свой трудъ, нежели за жилище. Возьмемъ, напр., квартиру, въ которой живетъ артель заводскихъ чернорабочихъ. Въ квартирѣ помѣщается двадцать человѣкъ одинокихъ. Платятъ по 1 р. 60 к.

каждый, всего 32 р. Кромѣ того, въ кухнѣ живетъ двѣ семьи, плата 3 р. съ каждой. Слѣдовательно, хозяйка получаетъ 38 р. въ мѣсяцъ. Сама она платитъ за квартиру 16 р. безъ дровъ. Если прибавить на дрова рубля четыре въ мѣсяцъ, то квартира стоитъ хозяйкѣ 20 р. и ей остается 18 р. Но если представить себѣ, что она должна на двадцать человѣкъ выстирать бѣлье, приготовить хотя и незатѣйливое кушанье и убрать комнаты, то едва ли мы скажемъ, что она дорого беретъ съ своихъ жильцовъ. Кромѣ того, не всегда бываютъ заняты всѣ кровати и ей приходится получать меньше, а за квартиру платить столько же. Судя по тому, что въ жилищахъ рабочихъ квартирные хозяева часто ютятся въ самыхъ дурныхъ комнатахъ и углахъ, трудно думать, что отъ содержанія жильцовъ они получаютъ особенныя выгоды. Напр., хозяева вышеупомянутой квартиры съ ребенкомъ помѣщались въ полутемной кухнѣ, гдѣ кромѣ нихъ ютились еще двѣ семьи. И такіе факты мы встрѣчаемъ сплошь и рядомъ. Это не то, что домовладѣлецъ. Выше было приведено описаніе квартиръ двухъ артелей, содержимыхъ домовладѣльцами. Въ одной изъ нихъ вмѣстѣ съ артелью живетъ и самъ домовладѣлецъ. Но, засадивъ артель въ двѣ комнаты, гдѣ на каждаго приходится менѣе половины куб. сажени, для себя онъ занялъ три комнаты, гдѣ на каждаго приходится болѣе трехъ куб. саж. А другой домовладѣлецъ, помѣстивъ артель въ тѣсное жилище, расположенное около отхожаго мѣста, съ окнами, выходящими къ послѣднему, самъ не живетъ здѣсь, а, по всей вѣроятности, выбралъ себѣ не худшую квартиру во всемъ домѣ.

Во время санитарныхъ осмотровъ, предпринятыхъ петербургской санитарной комиссіей въ виду холеры, нѣкоторые санитарные врачи хотѣли выселять жильцовъ изъ слишкомъ переполненныхъ помѣщеній. Но домовладѣльцы этому воспротивились, заявляя, что при уменьшеніи числа жильцовъ квартирные хозяева не соглашаются платить прежней цѣны за квартиры. Судя по тѣмъ условіямъ, въ какихъ живутъ домовладѣльцы и квартирные хозяева, и по количеству труда, ими затрачиваемаго на данную квартиру, для насъ становится яснымъ, въ чью пользу главнымъ образомъ идетъ переполненіе жилищъ рабочихъ.

Для насъ очень интересно знать, какую часть своего заработка тратитъ на свое жилище петербургскій рабочій. По свѣдѣніямъ Sax'а оказывается, что плата за квартиру составляетъ:

Въ Лондонѣ	$^1/_{10}$ — $^1/_8$	всего	дохода	рабочаго
» Берлинѣ	$^1/_5$ — $^1/_4$	»	»	»
» Парижѣ	$^1/_4$ — —	»	»	»
» Вѣнѣ	$^1/_4$ — $^1/_3$	»	»	»

Изъ статистическихъ данныхъ за 1867 годъ д-ръ Швабе нашелъ, что въ Берлинѣ чѣмъ больше доходъ семьи, тѣмъ меньшій процентъ она затрачиваетъ на квартиру. Напримѣръ, получающіе

900 мар. платятъ 24%, а получающіе 30,000 мар. платятъ 9,2%. Судя по этому, мы должны думать, что доходъ лондонскаго рабочаго больше, нежели парижскаго или берлинскаго.

Относительно петербургскихъ рабочихъ у меня имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія о заработкѣ и о квартирной платѣ, которыя собраны на Выборгской сторонѣ. Общій выводъ, который можно сдѣлать изъ этихъ свѣдѣній, слѣдующій.

Семейные рабочіе, получающіе 15—20 р. въ мѣсяцъ, платятъ за комнату 5—6 р. 50 к., а за кровать 2—4 р. Получающіе 25—35 р. въ мѣсяцъ, платятъ 4—9 р. за комнату и 3 р. 25 к. за кровать. Получающій 50—55 р. за комнату платятъ 6—9 р.

Одинокіе, зарабатывающіе 15—20 р., платятъ за квартиру 1 р. 50—1 р. 60 к.

Такимъ образомъ петербургскіе рабочіе уплачиваютъ за квартиру:

Семейные,	получающіе	15—20 руб.	. . . . 33—25%.
»	»	25—35 »	. . . . 29—16 »
»	»	50—55 »	. . . . 18—12 »

Это плата за отдѣльную комнату. За кровать семейный рабочій уплачиваетъ 12—20% своего заработка.

Одинокіе, получающіе 12—20 р. затрачиваютъ на квартиру 7,5—10% своего заработка.

Изъ этихъ цифръ видно, что петербургскій рабочій затрачиваетъ на квартиру 7,5—33% своего заработка и что семейному приходится уплачивать большій процентъ, нежели одинокому. Кромѣ того, оказывается, что въ Петербургѣ повторяется тоже явленіе, которое замѣчено въ Берлинѣ: получающій больше дохода платитъ меньшій процентъ за квартиру.

Общее впечатлѣніе, которое производятъ жилища петербургскихъ рабочихъ, можно выразить коротко такъ. Въ нихъ господствуетъ сырость, грязь, темнота, духота, недостатокъ воздуха и свѣта; часто нѣтъ водопровода и ватерклозета, которые составляютъ необходимую принадлежность каждаго благоустроеннаго жилища. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ тамъ пользуются первобытными ретирадами, которые постоянно служатъ источникомъ загрязненія почвы и зловонія на дворахъ и въ квартирахъ.

Въ тѣхъ жилищахъ, въ которыхъ мнѣ самой приходилось быть, зловоніе на дворахъ, въ сѣняхъ, на лѣстницахъ составляло обычное явленіе. Черезъ открытыя окна и двери оно безпрепятственно проникало въ комнаты. Это обычное явленіе для бѣдныхъ петербургскихъ квартиръ въ всѣхъ частяхъ города. Санитарный врачъ Александро-невской части говоритъ, что въ одной изъ четырехъ изслѣдованныхъ имъ квартиръ господствовало зловоніе, источникомъ котораго служило отхожее мѣсто и грязный дворъ. Санитарный врачъ Васильевской части въ своемъ отчетѣ за 1893 годъ замѣ-

чаетъ, что простыя отхожія мѣста при квартирахъ и общіе ретирады на дворахъ въ большинствѣ случаевъ крайне неопрятны и распространяютъ около себя сильное зловоніе. Думскій врачъ Рождественской части въ своемъ отчетѣ за тотъ же годъ говоритъ, что въ Консисторской улицѣ нечетные номера всѣхъ домовъ, за исключеніемъ каменныхъ, на заднихъ дворахъ отличаются такой грязью и вонью, что для прохода въ квартиру больного приходится зажимать носъ платкомъ.

Женщина-врачъ М. И. Покровская.

Новыя книги.

Генрихъ Сенкевичъ. На свѣтломъ берегу. Разсказы. Переводъ Ф. В. Домбровскаго. Изданіе М. В. Попова. СПБ. 1897 г.

Имя г. Сенкевича пользуется у насъ достаточной извѣстностью, чтобы переводы его произведеній не нуждались въ особомъ привлеченіи къ нимъ вниманія публики. Настоящее изданіе представляетъ собою сборникъ его мелкихъ произведеній, написанныхъ въ послѣдніе годы. Открывается онъ довольно большой повѣстью „На свѣтломъ берегу". Тамъ же, гдѣ идетъ дѣйствіе „Вешнихъ водъ" Тургенева,—подъ яркимъ солнцемъ южной Франціи, около Ниццы и моря, нашло себѣ мѣсто и творчество Сенкевича. Но этимъ сходствомъ внѣшняго положенія, обстановки, не ограничивается сходство между упомянутыми произведеніями. Тотъ же сюжетъ за незначительными уклоненіями, та же горечь отъ лжи и фальши человѣческихъ отношеній на фонѣ чудной природы, та же трепетная жажда молодой искренней любви и обидное сознаніе мужской слабости передъ обаяніемъ женской красоты и чаръ. Художникъ Свирскій, человѣкъ уже пожилой, талантливый, честный и умный, встрѣчается въ Ниццѣ съ молодой вдовой, госпожей Эльзенъ. Онъ еще далеко не старъ, красивъ, богатъ, пользуется извѣстностью, и красавица-вдова сразу выдѣляетъ его изъ ряда своихъ многочисленныхъ поклонниковъ. Самъ онъ хорошо знаетъ о ея полусомнительной репутаціи, чувствуетъ всю жестокость и эгоизмъ ея натуры и однако „съ нимъ случилось то же, что случается со многими, *даже* интеллигентными людьми. Его разумъ отупѣлъ съ той минуты, когда въ немъ проявилась чувственность, которой онъ и поддался, но вмѣсто того, чтобы бороться съ нею, онъ долженъ былъ пред-

ставлять себѣ всѣ аргументы и оправданія, и уговаривать самого себя. Такимъ образомъ Свирскій, который все зналъ и понималъ, началъ все оправдывать, смягчать, вывертываться и объяснять въ ея пользу". Намъ кажется страннымъ, что Сенкевичъ все же выдвигаетъ интеллигентность, какъ качество враждебное этой двойственной психологіи. Именно на ея почвѣ и возможно скорѣе всего отсутствіе той цѣльности и единства чувствъ и отношеній, которая составляетъ удѣлъ простыхъ непосредственныхъ натуръ. Вопросъ о бракѣ Свирскаго и Эльзенъ почти рѣшенъ, когда случайная встрѣча его съ молодой бѣдной дѣвушкой, предложившей ему свои услуги въ качествѣ натурщицы, сразу раскрыла передъ Свирскимъ всю бездну, отдѣляющую испорченную душу холодной и фальшивой женщины отъ чистой нетронутой юной души честной дѣвушки. Послѣ эпизода съ однимъ изъ поклонниковъ г-жи Эльзенъ, гувернеромъ ея дѣтей, раскрывшаго еще болѣе всю жесткость ея сердца, Свирскій порываетъ съ ней всѣ отношенія и женится на любимой и полюбившей его дѣвушкѣ.

Уже изъ нашего краткаго изложенія сюжета повѣсти читатель безъ труда узнаетъ въ ея дѣйствующихъ лицахъ обычныя у Тургенева фигуры: женщину хищницу съ холоднымъ сердцемъ, жаждующую сильныхъ впечатлѣній и подчиненія и въ противоположность ей образъ чистой, самоотверженно и искренно любящей дѣвушки, а между ними мужчину колеблющагося, нерѣшительнаго, безсильнаго передъ обаяніемъ красоты и женской настойчивости, несмотря на жажду правдиваго и искренняго чувства.

Изъ произведеній, составляющихъ остальное содержаніе книги, трогательное впечатлѣніе производятъ разсказъ „Изъ записокъ познанскаго учителя",—описаніе послѣднихъ дней и смерти ребенка, изнемогшаго подъ непосильной тяжестью школьнаго ученія, всѣхъ этихъ латинскихъ, греческихъ и нѣмецкихъ спряженій, унесшихъ за долгими безсонными ночами его слабыя силы и хрупкую жизнь. Разсказы: „Свѣтъ и во тьмѣ свѣтитъ", „Органистъ изъ Пониклы"—все это иллюстраціи къ изреченію: „любовь сильнѣе смерти". Въ первомъ изъ нихъ одинокій въ послѣднемъ градусѣ чахотки скульпторъ умираетъ въ своей студіи, охваченный порывомъ невыразимаго счастія: въ образѣ сестры милосердія къ нему явилась передъ смертью его страстно любимая покойная жена. „Органистъ изъ Пониклы" замерзъ въ пути, счастливый сознаніемъ только что полученнаго согласія на бракъ съ любимой дѣвушкой. Господствующій тонъ всѣхъ этихъ произведеній: „У источника", „Свѣтъ и во тьмѣ свѣтитъ", „Органистъ изъ Пониклы", „Кто виноватъ", глубоко меланхолическій, близко напоминающій послѣднія произведенія опять того же Тургенева.

Въ изданіи помѣщенъ также цѣлый рядъ афоризмовъ, сентенцій и мыслей, извлеченныхъ изъ разныхъ произведеній Сенкевича. Трудно сказать, въ какой мѣрѣ характерны они для самого Сенкевича: не все, что авторъ влагаетъ въ уста персонажей своихъ романовъ и повѣстей, служитъ выражежееніемъ его дѣйствительнаго собственнаго мнѣнія. Съ другой стороны распространять отъ имени автора не всегда согласныя между собою сентенціи, случайно вырванныя безъ связи съ предъидущимъ и послѣдующимъ теченіемъ мысли, врядъ ли есть особая необходимость.

Существеннымъ недостаткомъ изданія являются нерѣдкіе промахи перевода. Въ общемъ удовлетворительный, онъ пестритъ нерусскими оборотами словъ, которыя всегда могла бы устранить внимательная редакція. Такіе обороты и слова какъ „спятиться назадъ" (27), „отмѣнность дней прошлыхъ отъ настоящихъ" (57), „безъинтересное"—вмѣсто „безкорыстное" благочестіе (159), „такіе дни увеличивали его грусть и усугубленіе" (163), „сродниваетса" (224), „берегъ залюдняется" (225) и многіе другіе недопустимы въ чистой русской рѣчи. Въ особенности досадна неумѣстная вульгарность нѣкоторыхъ словъ въ самыхъ трогательныхъ мѣстахъ, но еще болѣе страдаютъ отъ этого афоризмы, самый смыслъ которыхъ теряется или затемняется. Что сказать, напримѣръ, о такой сентенціи: „На самомъ дѣлѣ существуютъ только индивидуумы, а качества—это общее понятіе, находящееся въ отношеніи къ единицѣ полнѣйшимъ самозабвеніемъ"? (249). Или: „по правдѣ сказать, любовь въ значеніи нарицательномъ и любовь въ значеніи собственномъ—это жизненные каноны, а потому—прочь съ критикой!" (248). Подобные образцы не даютъ намъ ручательства за точность остального перевода.

Н. Пружанскій. Новый Моисей. Романъ въ двухъ частяхъ. Изд. Д. А. Наумова. СПб. 1897 г.

Г. Пружанскій задался цѣлью раскрыть передъ нами картину общественныхъ теченій современной еврейской жизни. Въ центрѣ этой картины онъ поставилъ своего героя, Вольфа. Это дѣйствительно герой: авторъ надѣлилъ его всѣмъ, чѣмъ могъ: умомъ, силой, гигантскимъ ростомъ, милліоннымъ богатствомъ, таинственнымъ прошлымъ и загадочными цѣлями жизни, которыя, впрочемъ, постепенно раскрываются въ ходѣ романа. Вольфъ или, какъ его настоящее имя, Михаилъ Шоръ, сынъ „цаддика"—праведника, чудотворца, царившаго нѣкогда надъ рабски покорной ему и слѣпо въ него вѣрившей толпой „хассидовъ" въ одномъ изъ южныхъ городовъ. По обычаю онъ долженъ былъ унаслѣдовать авторитетъ своего отца, но,

родившись съ умомъ проницательнымъ и благороднымъ сердцемъ, онъ рано понялъ всю ложь и шарлатанство, окружавшія его въ домѣ. Еще при жизни отца выбивается онъ мыслью на другую дорогу, по смерти же его открыто порываетъ съ невѣжественной и суевѣрной средой, которую эксплуатировали его предки, и скрывается вмѣстѣ съ перешедшими къ нему богатствами отца. Онъ много учится, путешествуетъ, попадаетъ въ Америку, тамъ разными предпріятіями увеличиваетъ свои средства до баснословной величины. Но это богатство, въ основѣ происхожденія котораго лежитъ обманъ и шарлатанство его предковъ, жжетъ его сознаніе. Онъ чувствуетъ себя въ долгу передъ своимъ народомъ и хочетъ возвратить ему этотъ долгъ путемъ улучшенія его положенія. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что ни для какого народа существованіе самостоятельной культуры безъ земли немыслимо. Еврейство должно или употребить всѣ усилія и укрѣпиться на землѣ или, если это будетъ для него невозможно, исчезнуть, какъ самостоятельный народъ. Руководимый этимъ убѣжденіемъ, онъ покупаетъ въ Америкѣ цѣлую территорію свободной земли и возвращается на родину, чтобы довершить свое дѣло—вывести евреевъ на новую землю. Здѣсь онъ встрѣчаетъ иное движеніе, мечтающее объ основаніи іудейскаго государства въ Палестинѣ, о возвращеніи на землю отцовъ. Эта мысль кажется Вольфу неосуществимой, химерической. Возможно ли еврейству думать о томъ, чтобы успокоиться отъ испытанныхъ историческихъ треволненій, отдохнуть и устроиться по своему на томъ мѣстѣ, которое считается источникомъ распространенія новаго культа, признаваемаго половиною міра, но не евреями, на „міровомъ перекресткѣ исторической столбовой дороги", на клочкѣ земли, къ которому протянуты руки всѣхъ народовъ, только и ожидающихъ удобнаго момента, чтобы завладѣть имъ? И авторъ не жалѣетъ красокъ, чтобы описать все умственное и нравственное убожество руководителей движенія, ставшаго поперекъ дороги его герою. Однако, надо признать, что при всемъ своемъ преклоненіи передъ послѣднимъ—(авторъ считаетъ Вольфа человѣкомъ, который, родись онъ не среди евреевъ, а среди какого нибудь другого народа, могъ бы повернуть исторію этого народа, создать въ ней новую эру),—симпатіи автора не на сторонѣ идеи „Новаго Моисея". Уже въ концѣ книги устами ученаго, котораго онъ именуетъ геніальнымъ, нѣкоего Лоевскаго, произносится критика этой идеи: Да! противъ историческихъ законовъ идти нельзя, съ чѣмъ согласенъ и Вольфъ, но дѣло въ томъ, что ходъ исторіи теперь ведетъ не къ прикрѣпленію къ землѣ, а напротивъ къ отдѣленію отъ нея, къ удаленію отъ физическаго труда. Съ тѣхъ поръ, какъ начали ходить пароходы, строиться

желѣзныя дороги, человѣкъ совершенно оторвался отъ земли. Сила не въ землѣ, а въ человѣкѣ.—На эту критику задачъ и идеи Вольфа ревностнѣйшій его поклонникъ не можетъ ничего возразить. Да и самъ Вольфъ въ письмѣ, помѣщенномъ въ концѣ романа, приходитъ къ безнадежному заключенію, что онъ „опоздалъ", что нѣтъ людей и нѣтъ еврейскаго народа: евреи за время двухтысячелѣтняго скитанія въ разбродѣ и безпочвенности совершенно разучились жить общею жизнью, дѣлать общее дѣло. Къ сожалѣнію, авторъ не даетъ возможности понять, въ этомъ ли послѣднемъ обстоятельствѣ видитъ онъ неудачу замысловъ Вольфа, или въ доводахъ Лоевскаго.

Мы затрудняемся сказать, въ какой мѣрѣ романъ г. Пружанскаго воспроизводитъ передъ нами дѣйствительныя черты современныхъ общественныхъ теченій среди еврейства: слишкомъ ужъ часто прибѣгаетъ онъ къ шаржу. Но романъ его написанъ довольно живо, читается легко и, судя по нѣкоторымъ главамъ, могъ бы обладать въ большей степени характерными реально-бытовыми подробностями, чѣмъ то нашелъ нужнымъ допустить авторъ.

Гюставъ Лансонъ. Исторія французской литературы. Переводъ со второго французскаго изданія, пересмотрѣннаго и исправленнаго авторомъ. Томъ I. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1897.

Переводъ труда Лансона имѣетъ то безспорное достоинство, что появляется во-время. У насъ до сихъ поръ нѣтъ полнаго и обстоятельнаго изложенія исторіи французской литературы. Соотвѣтственныя главы—по необходимости, краткія и поверхностныя — въ курсахъ всеобщей исторіи литературы (Корша и Кирпичникова, Іог. Шерра, Ад. Штерна) и монографическіе обзоры литературы послѣднихъ двухъ вѣковъ (Юліана Шмидта, Шахова, Геттнера, Брандеса, Пелисье) — вотъ все, что находилъ у насъ читатель, не владѣющій иностранными языками и заинтересовавшійся исторіей богатой и яркой литературы, оставившей и до сихъ поръ оставляющей глубокіе слѣды на литературной жизни всей Европы. Книга Лансона пополняетъ этотъ важный пробѣлъ, въ ней разработаны наиболѣе подробно именно тѣ отдѣлы исторіи французской литературы, которые были до сихъ поръ представлены у насъ особенно недостаточно — зачатки литературы, происхожденіе эпопеи, городская литература среднихъ вѣковъ, животный эпосъ и фабліо, лирика и литература дидактическая и нравоучительная.

Лансонъ ясно представляетъ себѣ предѣлы своей задачи и, не расширяя понятія исторіи литературы до исторіи идей, не отожествляетъ его съ исторіей языка: „Я не хотѣлъ пи-

сать ни исторіи цивилизаціи, ни исторіи мысли, говоритъ онъ, и оставлялъ въ сторонѣ многія сочиненія, имѣющія первоклассное значеніе съ точки зрѣнія этихъ предметовъ. Я не называлъ именъ, которыя должны были бы прославляться въ политической исторіи,—такъ какъ рѣчи знаменитыхъ государственныхъ людей могутъ не имѣть никакого литературнаго значенія... Я даже не задавался цѣлію излагать исторію языка, такъ какъ для этого надо было-бы написать цѣлую книгу; между исторической грамматикой и исторіей литературы существуетъ еще нѣчто среднее, что я назвалъ-бы литературной исторіей языка, состоящей въ изученіи литературныхъ свойствъ, особенностей и богатствъ главнаго нарѣчія въ его различныхъ историческихъ стадіяхъ". Характеристика различныхъ ступеней исторіи языка въ этомъ смыслѣ занимаетъ извѣстное мѣсто въ книгѣ Лансона и, напримѣръ, въ исторіи перехода къ классической литературѣ (книга V) служитъ прекраснымъ подспорьемъ пониманію того состоянія усталости, которое запечатлѣлось и на болѣе видныхъ явленіяхъ умственной жизни этой переходной эпохи.

Къ сожалѣнію, не все въ теоретическимъ разсужденіяхъ автора такъ просто и безпорно; съ нѣкоторыми его воззрѣніями на исторію литературы едва-ли согласится кто нибудь знакомый съ методологіей этой науки.

Прежде всего, онъ по странному недоразумѣнію не видитъ въ ней науки; онъ не допускаетъ, „чтобы можно было изучать литературу съ какой нибудь другой цѣлью, кромѣ саморазвитія, и руководясь какой нибудь другой причиной, кромѣ доставляемаго ею удовольствія". Несмотря на признаніе, что „ничего не можетъ быть законнѣе всякой попытки связать, путемъ научнаго метода, наши идеи и отдѣльныя впечатлѣнія и представить общую синтетическую картину хода и преобразованія литературы", авторъ склоненъ видѣть въ исторіи литературы характеристики отдѣльныхъ—и лишь выдающихся—писателей, да эстетическія оцѣнки ихъ произведеній, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ. Указавъ на тотъ общеизвѣстный фактъ, что въ литературѣ „существуютъ произведенія, способность которыхъ вызывать впечатлѣнія безконечна, и относительно которыхъ никто не можетъ утверждать, что онъ исчерпалъ все ихъ содержаніе или нашелъ для нихъ неизмѣнную формулу", авторъ доходитъ до утвержденія, будто эта свобода индивидуальнаго пониманія художественнаго произведенія несовмѣстима съ научнымъ изслѣдованіемъ эволюціи литературы: „литература не можетъ быть предметомъ точной науки; это—предметъ умственныхъ занятій, вкуса, наслажденія"; „въ основѣ исторіи литературы лежатъ индивидуальныя впечатлѣнія, индивидуальныя интуиціи" и т. д. Идея преемственности

литературнаго движенія, послѣдовательности литературныхъ формъ и не коснулась теоретическихъ соображеній автора. Онъ смѣшиваетъ исторію литературы съ критикой и думаетъ, что „она изучаетъ не виды или категоріи, но Корнеля, Расина или Гюго, и для изученія ихъ она пользуется не такими пріемами или опытами, которые могли-бы быть повторяемы каждымъ и давали-бы всегда неизмѣнные результаты, а примѣненіемъ способностей, различныхъ въ каждой отдѣльной личности и дающихъ по необходимости относительные и недостовѣрные результаты". Въ связи съ этимъ авторъ не признаетъ права на мѣсто въ исторіи литературы тѣхъ незамѣтныхъ тружениковъ, вкладъ которыхъ, какъ показываетъ современная теоретическая исторія литературы, такъ значителенъ; основаніе для такого пренебреженія второстепенныхъ писателей весьма своеобразно: „къ чему описывать произведенія, которыя едва-ли заслуживаютъ труда быть прочитанными?"

Надо, однако, сказать, что, если съ точки зрѣнія строго научной такой пріемъ не заслуживаетъ одобренія, то для той ограниченной цѣли, которую полагаетъ себѣ авторъ, онъ вполнѣ пригоденъ. Исторія литературы, „обращенная ко всѣмъ развитымъ или желающимъ развиться людямъ", дѣйствительно, можетъ быть изложена въ видѣ отдѣльныхъ яркихъ картинъ выдающихся моментовъ; это скорѣе всего можетъ осуществить завѣтную мечту автора: обратить читателя къ самостоятельному знакомству съ первоисточникомъ, съ литературными памятниками. Авторъ съ полнымъ правомъ жалуется на то, что въ наше время, „желая научить рѣшительно всему и не допуская никакихъ частичныхъ пробѣловъ, достигаютъ формальнаго знанія безъ истиннаго пониманія литературы... Никто не предполагаетъ, чтобы исторія искусства могла избавить отъ необходимости видѣть картины и статуи... Если чтеніе оригинальныхъ текстовъ перестанетъ составлять постоянную иллюстрацію и конечную цѣль исторіи литературы, то она будетъ сообщать одни безплодныя и ни на что ненужныя свѣдѣнія".

Въ виду этой цѣли Лансонъ даетъ вездѣ свѣдѣнія о главныхъ изданіяхъ сочиненій каждаго автора. Другая категорія библіографическихъ указаній относится къ лучшимъ сочиненіямъ о писателѣ; здѣсь читатель получаетъ возможность, при желаніи, заняться заинтересовавшимъ его авторомъ болѣе подробно и основательно. Біографіи писателей также отнесены въ примѣчанія.

Классическимъ вѣкомъ заканчивается 1-й томъ полезной книги Лансона. Съ выходомъ въ свѣтъ 2-го тома мы будемъ имѣть законченную исторію французской литературы, весьма пригодную для тѣхъ широкихъ круговъ читающей публики, для которыхъ предназначалъ ее авторъ.

В. Алексѣевъ. Римскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Т. I. Изд. Суворина, Спб. 1897.

Г. Алексѣевъ продолжаетъ свое полезное предпріятіе: ознакомленіе русской публики съ образцами древней классической поэзіи. Составивъ хрестоматію, посвященную древне-греческимъ поэтамъ, онъ собралъ въ лежащемъ предъ нами солидномъ томѣ (470 стр.) переводы изъ римскихъ поэтовъ, разбросанные по разнообразнымъ и иногда мало доступнымъ изданіямъ.

Грустно думать, что, заинтересовавшись почему-либо римской поэзіей, къ книгѣ этой должны будутъ прибѣгнуть не только тѣ, которые въ жизни не видали латинской книги, но — за немногими исключеніями — и тѣ, которые потратили на изученіе классическихъ языковъ бездну времени, которое, по справедливости, могло быть употреблено съ большей пользой на многое другое. Если-бы этой дорогой цѣной хоть покупался тотъ результатъ, который предполагается на бумагѣ достигнутымъ всякимъ юношей, прошедшимъ чрезъ горнило классичесскаго образованія — умѣніе свободно читать классиковъ. Но этого нѣтъ; остается знакомиться съ сокровищами древней литературы въ переводахъ.

Къ тому-же въ хрестоматію г. Алексѣева вошли тѣ, на нашъ взглядъ самые интересные писатели, чтеніе которыхъ не входитъ въ гимназическія программы. Вѣяніе живой современности классическаго міра рѣдко заносится въ скучающіе классы, гдѣ происходитъ чтеніе и грамматическій разборъ „Тускуланскихъ бесѣдъ“ или „Федона“—произведеній драгоцѣнныхъ для изученія при извѣстномъ уровнѣ интересовъ и развитія, но очень скучныхъ для мальчика. Даже сатиры Горація, болѣе близкія къ повседневному быту римской жизни, возбуждаютъ вниманіе ученика въ той степени, въ какой его никогда не задѣвали истинные перлы глубокомыслія, художественныя красоты и діалектическіе подвиги классиковъ. Комедіи Плавта и Теренція, полныя реальныхъ подробностей обихода, конечно, могли-бы заинтересовать его еще больше.

Въ книгу г. Алексѣева кромѣ вступительнаго очерка, посвященнаго исторической характеристикѣ римской поэзіи, вошли образцы латинской антологіи и біографіи съ избранными произведеніями Плавта, Теренція, Катулла и Вергилія; въ примѣчаніяхъ дана библіографія переводовъ каждаго произведенія. Переводы въ общемъ читаются гладко; особеннаго упоминанія заслуживаютъ удачные и поэтичные переводы Вл. С. Соловьева и Д. П. Шестакова. За то сплошную поэтическую, логическую и лингвистическую „вольность“ представляютъ собой переводы г. Котельникова.

Р. Орженцкій. Ученіе о цѣнности у классиковъ и канонистовъ. Политико-экономическій очеркъ. Одесса 1896.

Ученіе о цѣнности составляетъ несомнѣнно одинъ изъ самыхъ важныхъ отдѣловъ экономической науки. Вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ о цѣнности является однимъ изъ самыхъ сложныхъ, запутанныхъ, по которому существуетъ множество спорящихъ между собою точекъ зрѣнія. Въ русской экономической литературѣ установилось опредѣленное теченіе въ этой области—своего рода научная традиція. Лучшіе наши представителя науки являются выразителями трудовой теоріи цѣнности. Въ самое послѣднее время однако стали появляться труды, стремящіеся нарушить господствующее направленіе противопоставленіемъ иныхъ точекъ зрѣнія по вопросу о цѣнности. Труды гг. Георгіевскаго, Бунге, Залѣсскаго, Дена, журнальныя статьи г. Слонимскаго -- таковы литературные факты этого „новаго" теченія (въ сущности повторяющаго зады европейской науки), къ числу которыхъ отнынѣ примыкаетъ и „политико-экономическій очеркъ" г. Орженцкаго, представляющій, повидимому, магистерскую диссертацію. Г. Орженцкій избралъ темою своей работы изслѣдованіе весьма отдаленной странички изъ длинной исторіи вопроса о цѣнности—именно ученіе классиковъ и канонистовъ, т. е. греческихъ, римскихъ и средневѣковыхъ писателей; но такъ какъ, говоритъ авторъ, „у классиковъ и канонистовъ совершенно нѣтъ трудовыхъ теорій цѣнности, тогда какъ въ современной наукѣ онѣ занимаютъ, какъ извѣстно, выдающееся мѣсто" (стр. I),—то, по его мнѣнію, необходимо было для правильной оцѣнки ученій классиковъ и канонистовъ „рѣшить, дѣйствительно-ли трудовая теорія цѣнности имѣетъ такое абсолютное значеніе, какое ей приписываютъ"; а „отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ критическое изученіе современнаго состоянія теоріи цѣнности", чему посвящена вся первая половина книги и нѣсколько страницъ конца ея (стр. 1—121 и 248—256). Такой странный методологическій пріемъ особенно удивилъ насъ въ примѣненіи г. Орженцкаго, который самъ упрекаетъ нѣкоторыхъ ученыхъ (напр., Endemann'a) въ томъ, что тѣ „оцѣнивали идеи канонистовъ съ точки зрѣнія понятій, выработанныхъ современной теоріей"; между тѣмъ какъ, по его мнѣнію, „критеріемъ правильности объясненія хозяйственныхъ явленій извѣстной эпохи служитъ не согласіе этого объясненія съ объясненіемъ хозяйственныхъ явленій другой эпохи, не соотвѣтствіе съ какими либо абсолютными истинами, которыхъ мы не знаемъ, а соотвѣтствіе и согласіе съ природою тѣхъ явленій, которыя подлежатъ объясненію" (184). Легко видѣть, что именно съ этой точки зрѣнія присоединеніе къ анализу ученія классиковъ и канонистовъ критики современнаго состоянія теорій

цѣнности является совершенно излишнимъ. А между тѣмъ такое напрасное расширеніе авторомъ своей задачи невыгоднымъ образомъ отразилось на всей его работѣ, страдающей крайнею неполнотою и отрывочностью. Такъ, напр., изъ греческихъ авторовъ представлены Платонъ, Ксенофонтъ и Аристотель; римскіе юристы и писатели свалены всѣ вмѣстѣ въ одну кучу; выразителемъ средневѣковыхъ ученій служитъ единственный второстепенный писатель Scaccia. При этомъ характеристики хозяйственнаго быта данной эпохи не выдѣлены въ особыя главы, нестройно перемѣшиваясь съ изложеніемъ ученій. Еще болѣе поверхностнымъ характеромъ отличается первая половина книги. Адамъ Смитъ не нашелъ вовсе мѣста въ исторіи современнаго состоянія теоріи цѣнности; теорія предѣльной полезности изложена по ученію одного лишь Менгера, и ни слова не говорится о крупнѣйшемъ представителѣ этого направленія,—Бэмъ-Баверкѣ; ученіе Родбертуса изложено по соціальнымъ письмамъ къ Кирхману, тогда какъ въ болѣе раннемъ трудѣ этого писателя „Zur Erkenntniss nserer Staatswissenschaftlichen Zustände“ (1842) содержится наиболѣе полное обоснованіе его взглядовъ на вопросъ о цѣнности. Изъ „новыхъ“ писателей выбраны на необозримомъ пространствѣ міровой литературы третьестепенный ученый Efferz и русскіе экономисты гг. Антоновичъ и Залѣскій... Критика удостоенныхъ вниманіемъ новыхъ писателей (Рикардо, Милля, Родбертуса, Маркса) отличается чрезвычайною шаблонностью, не превышая глубиною и обстоятельностью того, что сотни разъ повторялось на страницахъ элементарныхъ учебниковъ не только европейской, но и русской литературы.

Если же отъ этихъ частностей перейдемъ къ оцѣнкѣ общихъ взглядовъ и конечныхъ выводовъ г. Орженцкаго, то должны будемъ провести рѣзкое разграниченіе между первою и второю половинами его труда. Съ полною похвалою мы отмѣчаемъ, что рекомендуемый авторомъ (въ приведенныхъ выше словахъ) и совершенно правильный методъ оцѣнки экономическихъ идей и въ частности теоріи цѣнности съ точки зрѣнія соотвѣтствія ея хозяйственнымъ явленіямъ данной, изучаемой эпохи,—что этотъ методъ дѣйствительно руководилъ авторомъ при разборѣ ученія классиковъ и канонистовъ (стр. 122—248). Характеризуя экономическій бытъ древнихъ и среднихъ вѣковъ въ общемъ чертами натуральнаго хозяйства, г. Орженцкій устанавливаетъ отсутствіе въ эти эпохи систематическаго, правильно организованнаго обмѣна. Правда, и въ это время имѣлъ мѣсто обмѣнъ между отдѣльными хозяйствами; цѣлые города и области вели обширную торговлю, но то былъ случайный обмѣнъ, торговля излишками хозяйства или монопольными произведеніями данной мѣстности. При

такомъ характерѣ торговыхъ сношеній, мѣновыя сдѣлки не могли совершаться на основаніи учета издержекъ производства, крайне разнообразныхъ у отдѣльныхъ производителей и неизвѣстныхъ покупателямъ. Взглядъ на трудъ, какъ на источникъ и мѣрило цѣнности, не могъ существовать у древнихъ и средневѣковыхъ писателей, въ эпоху рабства, когда „работникъ—рабъ былъ средствомъ удовлетворенія потребностей, наравнѣ со всѣмъ другимъ имуществомъ (стр. 147). Случайный обмѣнъ предметами соотвѣтственно степени ощущаемой въ нихъ потребности создалъ теорію цѣнности классиковъ и канонистовъ, приближающуюся къ ученіямъ современной австрійской школы такъ называемой теоріи предѣльной полезности. Не смотря на возраженія, имѣющіяся у насъ противъ нѣкоторыхъ частностей въ изложеніи теорій цѣнности у классиковъ и канонистовъ, мы выражаемъ свое полное согласіе съ этимъ окончательнымъ выводомъ, полученнымъ путемъ анализа характера мѣновыхъ сношеній того времени. Къ сожалѣнію, въ первой половинѣ книги г. Орженцкій не пользовался указаннымъ методологическимъ пріемомъ и поэтому пришелъ къ совершенно невѣрнымъ заключеніямъ. Оставивъ въ сторонѣ характеристику современнаго хозяйственнаго строя и поверхностно разобравъ теоріи издержекъ производства, трудовую, предѣльной полезности, спроса и предложенія и нѣкоторыя „новыя", смѣшанныя, — онъ признаетъ истинною теорію предѣльной полезности, т. е. ту именно теорію, которая ведетъ свое начало отъ Платона и была создана, какъ прямое слѣдствіе хозяйственнаго быта, основаннаго на случайности мѣновыхъ сдѣлокъ и ничего общаго не имѣющаго съ современною экономическою жизнью, основанною на систематическомъ обмѣнѣ и на широко проведенномъ общественномъ раздѣленіи труда. Самъ г. Орженцкій признаетъ, что теорія предѣльной полезности не даетъ „объясненія обмѣна въ сложныхъ условіяхъ раздѣленія труда и правильнаго производства" (стр. 121),—т. е. не объясняетъ *современнаго* обмѣна и, слѣдовательно, должна быть отвергнута, съ его собственной точки зрѣнія, видящей, какъ мы уже сказали, мѣру цѣнности экономической теоріи въ ея „соотвѣтствіи и согласіи съ природой тѣхъ явленій, которыя подлежатъ объясненію" (стр. 184). Причины такого непонятнаго совмѣщенія наличности опредѣленнаго научно-критическаго масштаба наряду съ признаніемъ теоріи, явно противорѣчащей этому масштабу, остаются для насъ совершенною тайною. Равно какъ тайною являются для насъ и причины помѣщенія всей первой половины книги — разбора современныхъ теорій, не приведшаго автора ни къ какимъ положительнымъ результатамъ и не стоящаго ни въ какой логической связи съ собственно темою

работы — изложеніемъ теорій классиковъ и канонистовъ. И если эта послѣдняя часть, при всей своей отрывочности и разбросанности, при нѣкоторыхъ частныхъ недостаткахъ, отличается правильностью общей точки зрѣнія и конечныхъ выводовъ,—то единственнымъ назначеніемъ ни къ селу, ни къ городу приплетенной первой части труда можетъ быть лишь безплодное увеличеніе и безъ того уже безконечной литературы по вопросу о цѣнности.

В. Е. Уилльямсъ. Торжество германской промышленности. «Made in Germany". Перев. съ англ. В. Ляпидевской, съ предисл. проф. П. И. Георгіевскаго. С.-Петербургъ 1897. Цѣна 1 р.

Сочиненіе англичанина Уилльямса, „посвященное промышленникамъ и торговцамъ *Великобританіи*" и трактующее о „торжествѣ *германской* промышленности", своимъ содержаніемъ способно было вызвать со стороны англійскихъ патріотовъ тѣ „разнообразные упреки и даже довольно безцеремонную брань" по адресу автора, на которые послѣдній справедливо жалуется въ предисловіи. На большомъ фактическомъ матерьялѣ, цѣлою грудою фактовъ, заимствованныхъ большею частью изъ оффиціальныхъ источниковъ, Уилльямсъ доказываетъ паденіе промышленнаго первенства Великобританіи и соотвѣтственный ростъ Германіи, все болѣе и болѣе поднимающей голову на міровомъ рынкѣ, вытѣсняющей тамъ продукты англійской промышленности и даже наводняющей самую Великобританію товарами нѣмецкаго происхожденія. Мы не станемъ приводить здѣсь всѣ эти цифры, отсылая интересующихся ими къ самой книгѣ. Мы взамѣнъ того обратимся къ оцѣнкѣ указываемыхъ авторомъ причинъ констатируемаго имъ явленія. Оказывается, что при разсужденіяхъ объ угнетенномъ состояніи англійской промышленности и торговли, авторъ не имѣлъ „никакой спеціальной доктрины, никакого спеціальнаго цѣлебнаго средства" (стр. 27). „Эта книга (говоритъ онъ) не была мнѣ внушена ни идеями лиги биметалистовъ, ни поклоненіемъ принципу свободной торговли, ни какой либо другой изъ экономическихъ системъ, которыя различные реформаторы усиленно предлагали, какъ цѣлебное средство для нашей погибающей торговли. Моя цѣль состоитъ въ томъ, чтобы расположить имѣющіеся факты въ такой послѣдовательности, чтобы изъ нихъ ясно обнаружились причины, а вмѣстѣ съ тѣмъ намѣтились бы и средства помощи, если только они могутъ быть найдены" (ibid). Такое отношеніе автора къ изучаемому предмету цѣлесообразно постольку, поскольку оно предохраняетъ отъ тенденціозности изложенія, отъ стремленія подогнать извѣстный матерьялъ подъ заранѣе выбранную точку зрѣнія.

Но какъ часто такое отсутствіе тенденціозности граничитъ съ отсутствіемъ всякой точки зрѣнія, съ отсутствіемъ того общаго взгляда, безъ котораго и самое кропотливое собираніе фактовъ не приводитъ къ опредѣленнымъ результатамъ. Нѣчто подобное мы встрѣчаемъ въ разсужденіяхъ Уилльямса о причинахъ гибели англійской и торжества германской промышленности. Съ одной стороны онъ указываетъ на покровительственную систему, на существованіе правительственныхъ субсидій и премій въ Германіи (стр. 179, 181), совѣтуетъ Англіи „перейти отъ свободной торговли къ торговлѣ равноправной" (стр. 207),—т. е. по отношенію къ Германіи къ системѣ высокихъ таможенныхъ тарифовъ, чѣмъ обнаруживаетъ опредѣленныя протекціонистскія идеи. Но съ другой стороны онъ вѣритъ въ силу свободной человѣческой личности, горячо выхваляя самопомощь, настойчивость, приспособляемость нѣмецкихъ промышленниковъ, ихъ „живую прогрессивность", ихъ „умъ, сметливость и желаніе угодить покупателю" (стр. 198). Съ одной стороны онъ говоритъ о вліяніи на ходъ торгово-промышленныхъ дѣлъ такихъ важныхъ условій, какъ общее и техническое образованіе, величины рабочаго дня и заработной платы, повторяемость стачекъ (причемъ взгляды его на два послѣднія условія страдаютъ крайнею неопредѣленностью, двойственностью); съ другой стороны, онъ съ комичною серьезностью пускается въ разсужденія о любви нѣмцевъ къ выставкамъ, о превосходствѣ нѣмецкихъ коммивояжеровъ, о томъ, что „нѣмецкіе капиталисты ведутъ умѣренный и простой образъ жизни, что даетъ имъ возможность обходиться безъ немедленно значительнаго барыша и накоплять капиталы" (стр. 11—12); о „пренебреженіи англичанъ къ желаніямъ покупателей" (стр. 199); о „недостаткѣ методичности и разорительной небрежности англійскаго народа", о „неспособности англичанъ указать своимъ заграничнымъ покупателямъ въ накладной общую цѣну доставки, включая сюда упаковку и перевозку" (202). И еще старается увѣрить читателей, что „эти детали имѣютъ *существенное* (курс. нашъ) значеніе въ спискѣ причинъ, почему Германія побѣждаетъ англичанъ" (ibid). При такомъ обиліи какъ хозяйственныхъ, такъ и психологически-бытовыхъ преимуществъ германской торговли и торговцевъ, отмѣченныхъ Уилльямсомъ, послѣдній однако не даетъ въ своемъ трудѣ точнаго и подробнаго сравненія соотвѣтствующихъ качествъ у двухъ соперничающихъ сторонъ. А вѣдь безъ такого сравнительнаго анализа (замѣняемаго у автора нѣсколькими случайными разсужденіями) вся аргументація не достигаетъ цѣли. Зато Уилльямсъ высокомѣрно третируетъ „британскихъ экономистовъ" (стр. 2—7) и смѣло, чтобы не сказать болѣе, иронизируетъ надъ „преувеличеннымъ

всезнаніемъ“ такого выдающагося не только англійскаго, но и міровогo ученаго, какъ Торольдъ Роджерсъ (стр. 3). А между тѣмъ, еслибы Уилльямсъ потрудился подробнѣе разобраться въ мнѣніяхъ „британскихъ экономистовъ“, онъ нашелъ бы тамъ болѣе основательныя изслѣдованія причинъ упадка англійской торговли. „Англійскіе фабриканты и заводчики (говоритъ, напр., *Тиббинсъ*. Промышленная исторія Англіи. Спб. 1895, стр. 157) теперь все больше и больше жалуются на иностранную конкурренцію, *что нужно понимать въ томъ смыслѣ*, что они ошиблись въ своемъ старинномъ разсчетѣ на всемірную монополію снабженія; теперь оказывается, что у нихъ вовсе не было этой монополіи, а было только то преимущество, что они раньше были впереди, и что другія націи нагоняютъ ихъ теперь въ современной погонѣ за богатствомъ“. Вотъ эту-то *историко-соціологическую* причину сравнительнаго упадка англійской торговли и упустилъ вовсе изъ виду Уилльямсъ. Съ каждымъ шагомъ экономической исторіи, съ ростомъ производительныхъ силъ всѣхъ странъ, все большое количество послѣднихъ выступаетъ на арену міровой торговли, и тѣмъ затруднительнѣе становится положеніе каждой отдѣльной страны,—въ частности старой королевы міровой промышленности и торговли—Англіи. Таково естественное слѣдствіе повсемѣстной экономической эволюціи, самое крупное свойство и характернѣйшее внутреннее противорѣчіе капиталистическаго хозяйственнаго строя, о чемъ не мѣшало бы упомянуть въ книгѣ, излагающей „разсказъ о позорѣ англійской промышленности“ (стр. 163). На основаніи всего сказаннаго мы должны признать, что, какъ сообщеніе любопытныхъ фактовъ текущей экономической исторіи, сочиненіе Уилльямса представляетъ несомнѣнный интересъ. Но, къ сожалѣнію, она содержитъ въ себѣ чисто *техническое*, а не *соціологическое* объясненіе собранныхъ въ ней фактовъ, и мы не видимъ причинъ, почему эта книга должна разойтись въ большой русской публикѣ, какъ это предсказываетъ редакторъ перевода, проф. Георгіевскій.

Н. В. Рейнгардтъ. Неевклидова геометрія и позитивизмъ. Казань. 1897.

Въ 1893 году казанское физико-математическое общество издало весьма интересную небольшую (121 стр.) книгу подъ заглавіемъ: „Объ основаніяхъ геометріи“. Книга эта содержала переводъ статей Гаусса, Пельтрами, Римана, Гельмгольца, Ли и Пуанкаре, способствовавшихъ (по словамъ автора предисловія къ этимъ статьямъ) „пониманію и уясненію“ мыслей нашего знаменитаго математика Н. И. Лобачевскаго. Поэтому появленіе этой книги и было пріурочено къ чество-

ванію столѣтняго юбилея Лобачевскаго. Брошюра г. Рейнгардта является въ сущности бѣглымъ пересказомъ „Основаній геометріи", причемъ систематичность изложенія источника замѣняются неточностью и отрывочностью изложенія популяризатора. Назвавши г. Рейнгардта „популяризаторомъ", мы, въ сущности, выразились весьма неправильно, но дѣло въ томъ, что въ нашемъ распоряженіи нѣтъ слова, вродѣ „не-популяризаторъ", для обозначенія авторовъ, которые, не претендуя на самостоятельность, въ то-же время и не дѣлаютъ болѣе общедоступными чужія мысли. Въ томъ-то и бѣда, что г. Рейнгардтъ является „не-популяризаторомъ", такъ что, пародируя слова арабскаго полководца, мы можемъ сказать: „кто можетъ читать „Основанія геометріи", для того брошюра г. Рейнгардта безполезна, а кто не можетъ ихъ читать, для того эта брошюра, опять-таки, безполезна".

Хотя для пониманія „Основаній геометріи" и не нужно особенно глубокихъ математическихъ познаній, но, все-таки, эта книга въ общемъ совершенно недоступна для средняго образованнаго человѣка. Однако, и въ этой книгѣ, написанной спеціалистами и для спеціалистовъ, есть статья Римана: „о гипотезахъ, лежащихъ въ основаніи геометріи", вполнѣ доступная для средняго образованнаго человѣка и знакомящая съ такими важными вещами, какъ понятія о величинѣ n—протяженной и понятіе мѣры кривизны (мѣра уклоненія отъ плоскаго многообразія). Г. Рейнгардтъ не сумѣлъ изложить .и этой статьи.

Однако, намъ могутъ замѣтить, что, судя по заглавію, разбираемая брошюра и не задается цѣлью уяснить геометрію Лобачевскаго, а хочетъ указать на связь этой геометріи съ позитивизмомъ. Но и съ этой точки зрѣнія брошюра г. Рейнгардта не представляетъ интереса. Все дѣло ограничивается указаніемъ на то, что и Огюстъ Контъ и Лобачевскій признавали необходимымъ основать геометрію на опытѣ; но при этомъ нѣтъ даже и попытки критически сопоставить эти утвержденія, указать на взгляды предшествовавшихъ и послѣдующихъ философовъ и математиковъ; однимъ словомъ, нѣтъ ничего, кромѣ простого сопоставленія цитатъ изъ двухъ авторовъ.

P. Flechsig, профессоръ психіатріи. **Предѣлы душевнаго равновѣсія.** Рѣчь, произнесенная въ день рожденія Альберта, короля саксонскаго, 23 апр. 1896 г. Перев. съ нѣмецкаго С. Штейнгауза 1897.

Содержаніе этой, во всякомъ случаѣ не лишенной интереса, брошюры, собственно говоря, мало соотвѣтствуетъ ея заглавію. Вопросъ о „предѣлахъ душевнаго равновѣсія" въ

ней разсматривается мало: читатель напрасно искалъ-бы здѣсь описанія и анализа тѣхъ состояній, которыя лежатъ на границѣ между „здоровьемъ“ и „болѣзнію“. Однако, изъ этого еще не слѣдуетъ, что разбираемая нами брошюра не заслуживаетъ вниманія. Напротивъ, она можетъ быть прочтена съ пользою и интересомъ людьми не знакомыми съ психіатріей.

Ея содержаніе наполнено, главнымъ образомъ, двумя предметами. Во первыхъ, авторъ подробно и убѣдитетьно показываетъ, какъ ошибается публика, незнакомая съ психіатріей и берущаяся судить о помѣшательствѣ на основаніи „здраваго человѣческаго смыла“. У публики, оверхъ весьма ограниченнаго личнаго опыта, существуетъ, въ большинствѣ случаевъ, еще одинъ только источникъ свѣдѣній относительно душевныхъ разстройствъ, это—описанія романистовъ, драматурговъ и поэтовъ. Но это крайне недоброкачественный источникъ, и даже величайшіе представители искусства являются въ данномъ случаѣ плохими руководителями. „Развѣ въ жизни хоть одинъ человѣкъ бредитъ такъ, какъ Офелія у Шекспира?“—спрашиваетъ совершенно основательно авторъ (стр. 14).

Авторъ касается столь распространенныхъ обвиненій (поддерживаемыхъ, по его оловамъ, романистами), будто врачи склонны ,,всюду видѣть помѣшательство“. Хотя авторъ и утверждаетъ категорически: ,,мы не знаемъ пока въ Германіи случая, гдѣ бы совершенно здоровый человѣкъ, на основаніи какихъ-нибудь ничтожныхъ данныхъ, былъ-бы признанъ душевно больнымъ“ (стр. 7—8); однако, онъ отлично понимаетъ, что эти обвиненія дѣлаютъ свое дѣло. ,,Вполнѣ естественно (говоритъ онъ на стр. 8) поэтому опасеніе, что наоеленіе подъ вліяніемъ подобныхъ обвиненій потеряетъ всякое довѣріе къ психіатрическимъ лѣчебницамъ, составляющимъ въ настоящее время существенную необходимость, что сами судьи будутъ относиться съ ни на чемъ не основаннымъ недовѣріемъ къ заключеніямъ врачей—психіатровъ“.

Справедливость послѣднихъ словъ автора, къ сожалѣнію, была недавно подтвержена у насъ трагическимъ эпизодомъ смерти одного изъ симпатичнѣйшихъ земскихъ дѣятелей Батуева, убитаго человѣкомъ, котораго судъ незадолго передъ тѣмъ призналъ, вопреки мнѣнію врачей, психически здоровымъ.

Другая тема, разсматриваемая авторомъ въ его брошюрѣ, это ученіе Ломброзо о связи геніальности и помѣшательства. Авторъ, по справедливости, относится къ этому ученію сурово. Какъ рѣшительно онъ отвергаетъ ученіе Ломброзо, читатель можетъ видѣть изъ слѣдующихъ его словъ: ,,Говоря о результатахъ изысканій Рюдингера надъ мозгомъ геніальныхъ людей, Ломброзо считаетъ нужнымъ обратить свое вни-

маніе только на одинъ фактъ нахожденія „значительныхъ врожденныхъ аномалій извилинъ“, въ которомъ онъ видитъ подтвержденіе того, что геній представляетъ собою дегенеративный типъ. Этимъ Ломброзо только доказываетъ, что пониманіе морфологическихъ проблемъ ему совершенно чуждо. Трактовать въ нашъ вѣкъ точнаго естествознанія научные вопросы въ духѣ Ломброзо составляетъ во всякомъ случаѣ явленіе атавизма“ (стр. 4—5).

Александръ Чеховъ. (А. Сѣдой). **I. Призрѣніе душевнобольныхъ въ С.-Петербургѣ. II. Алкоголизмъ и возможная съ нимъ борьба.** Спб. 1897. Ц. 1 р.

Всѣмъ извѣстно, какіе успѣхи сдѣлала за послѣднее время психіатрія. Пріемы былыхъ временъ, когда съ больными обращались почти какъ съ преступниками, когда употребляли не только смирительныя рубахи, но и цѣпи, отошли, конечно, въ вѣчность; но, къ сожалѣнію, матеріальная сторона дѣла, по крайней мѣрѣ у насъ, далеко еще не стоитъ на высотѣ современныхъ требованій. Лучшіе представители современной психіатріи исполнены самыхъ прекрасныхъ намѣреній, но на пути къ осуществленію этихъ намѣреній они встрѣчаютъ часто почти непреодолимыя препятствія.

Книга г-на Чехова знакомитъ насъ съ тѣми затрудненіями, съ которыми приходится бороться психіатрамъ даже въ Петербургѣ. Эти затрудненія весьма просты и прозаичны: нѣтъ средствъ, нѣтъ помѣщенія и т. п., но эта проза жизни парализуетъ всѣ благія намѣренія людей науки... Къ недостатку средствъ присоединяется еще другое, довольно своеобразное, но для Петербурга характерное бѣдствіе. Подобно весьма многимъ важнымъ учрежденіямъ, существующимъ въ Петербургѣ, больницы помѣщаются въ зданіяхъ, выстроенныхъ для другого употребленія. Такъ, напр., больница Николая чудотворца помѣщается въ зданіи бывшей тюрьмы, сооруженной по повелѣнію Николая I „для лицъ продерзостныхъ, нарушающихъ благонравіе и наносящихъ стыдъ и зазоръ обществу“ (стр. 7 — 8). А больница св. Пантелеймона (на Удѣльной) помѣщается въ зданіи, въ которомъ прежде „помѣщалось земледѣльческое училище, потомъ нѣкоторое время стояла артиллерія“ (стр. 28). Само собою разумѣется, что, строя тюрьму „для лицъ продерзостныхъ“, приготовляли не особенно комфортабельное помѣщеніе, а къ этому еще въ больницѣ вмѣсто 380 больныхъ, полагающихся по штату, въ настоящее время „скучено 715—725 больныхъ“ (стр. 10).

Существуютъ, правда, больницы, поставленныя въ болѣе благопріятныя условія. Такова, напр., больница „Всѣхъ Скор-

бящихъ" (такъ называется больница „на одинадцатой верстѣ") и „Ново-знаменская дача", но всего этого еще далеко недостаточно.

Вторая половина книги г. Чехова занята вопросомъ объ алкоголизмѣ и борьбѣ съ нимъ. Что бороться съ алкоголизмомъ очень и очень нужно, это можно видѣть хотя-бы изъ того, что „въ 1893 г. въ Европейской Россіи выпито 22,432,426 ведеръ безводнаго спирта" (стр. 119)!! У насъ въ Россіи пока почти ничего еще не одѣлано для борьбы съ такимъ опаснымъ врагомъ; поэтому описаніе авторомъ того, какія мѣры приняла у себя Финляндія, не лишено общественнаго интереса. Къ сожалѣнію, авторъ ограничивается описаніемъ (порою идиллическимъ) того, какіе порядки существуютъ въ Финляндіи, но не пытается указать, почему у насъ нѣтъ этихъ порядковъ, и что нужно одѣлать, чтобы и мы могли начать серьезную борьбу съ этимъ народнымъ бѣдствіемъ.

Е. Карновичъ. Русскіе чиновники въ былое и настоящее время. Спб. 1897 г.

Въ предѣлахъ небольшой брошюры (128 стр. in—8°) Карновичъ даетъ общій историческій очеркъ нашего чиновничества и высказываетъ нѣсколько замѣчаній о современномъ его значеніи, преимущественно по отношенію къ общественнымъ интересамъ. Исходя изъ того положенія, что существованіе „чиновничества" или „бюрократіи",—употребляя это выраженіе отнюдь не въ порицательномъ смыслѣ,—всегда составляло, составляетъ и будетъ составлять необходимую принадлежность правительственнаго механизма въ каждомъ государствѣ", авторъ сводитъ вопросъ о значеніи чиновничества къ установленію степени „соразмѣрности этого рода силы съ дѣйствительными интересами страны и съ финансовыми средствами, какими можно вознаградить представителей администраціи, а также къ степени ихъ вліянія не только на дѣла администраціи, но и на интересы всего народа". При отсутствіи литературы о русскомъ чиновничествѣ въ точномъ значеніи этого слова, задача, которую поставилъ себѣ авторъ, внушаетъ серьезный интересъ. При выполненіи ея ему приходилось, какъ онъ говоритъ, руководствоваться отрывочными матеріалами, разсѣянными въ историческихъ и юридическихъ актахъ и въ нѣкоторыхъ историческихъ сборникахъ и сочиненіяхъ.

Ограничившись этимъ общимъ замѣчаніемъ, авторъ далѣе не дѣлаетъ никакихъ ссылокъ или указаній на источники, которыми онъ пользовался, чѣмъ лишаетъ возможности судить о причинахъ замѣтной неполноты нѣкоторыхъ отдѣловъ разсматриваемаго имъ предмета.

Чиновничество наше, развившееся къ концу XVII вѣка, подъ вліяніемъ старо московскихъ государственныхъ порядковъ и воззрѣній, находилось въ положеніи крайне неудовлетворительномъ. Государи московскіе, уступая понятіямъ и требованіямъ мѣстничества, вынуждены были, обходя людей „худородныхъ“, назначать на высшія и представительныя должности людей родословныхъ, не принимая въ соображеніе ихъ личныхъ достоинствъ и способностей. Естественно, что, при малой способности, а иногда и совершенной неспособности высшихъ правительственныхъ лицъ, ввѣренныя имъ части управленія и подвѣдомственныя имъ дѣла переходили въ руки дьяковъ и подъячихъ, которые и были главными воротилами всего государственнаго управленія; конечно, такой порядокъ представлялъ господство бюрократіи въ самомъ дурномъ значеніи этого слова. Петръ I задумалъ измѣнить этотъ порядокъ внутренняго государственнаго управленія. Старинное приказное управленіе, основанное на личномъ началѣ, онъ замѣнилъ коллегіальнымъ порядкомъ, а значительную часть хозяйственныхъ и распорядительныхъ дѣлъ, которыми прежде вѣдали исключительно приказы и воеводы, передалъ въ открытыя имъ сословныя учрежденія, магистраты и ратуши. Кромѣ того, онъ провелъ по многимъ частямъ общаго и мѣстнаго управленія выборное начало, что должно было ослабить вліяніе на нихъ чиновничества. И однако ни всѣ эти реформы, ни изданіе „Табели о рангахъ“, долженствовавшей правильнѣе устроить составъ служащихъ, ни заботы Петра о поднятіи ихъ образовательнаго уровня не оправдали надеждъ преобразователя. Произволъ и своеволіе знатныхъ и незнатныхъ чиновниковъ, неурядица и медленность дѣлопроизводства продолжали имѣть мѣсто, тѣмъ болѣе, чѣмъ дальше это было отъ глазъ царя. „Се бо нынѣ сколько новыхъ статей издано, пишетъ Посошковъ въ извѣстной книгѣ „О скудости и богатствѣ“, а немного въ нихъ дѣйства, ибо всѣхъ ихъ *древностная неправда одолѣваетъ*. И того ради, по старому, кто ково сможетъ, тотъ тово и забижаетъ, а суда по старому искать на сильныхъ неможно“. „Онъ (т. е. Петръ),—говоритъ далѣе Посошковъ, — на гору аще и самъ десять тянетъ, а подъ гору его милліоны тянутъ“. Главная неудача Петра въ преобразованіи чиновничества зависѣла, по мнѣнію Карновича, отъ того, что онъ, хотя и далъ самоуправленіе городамъ, и призвалъ дворянство къ участію въ мѣстномъ управленіи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не только оставилъ, но даже еще болѣе усилилъ прежнюю опеку надъ всѣми общественными и частными интересами; и вслѣдствіе этого вмѣшательство чиновничьей администраціи не знало никакихъ границъ. Самоуправленіе же прививалось очень плохо, такъ какъ оно

вводилось среди забитыхъ и запуганныхъ массъ, для которыхъ служба по выборамъ при необоримомъ вліяніи чинов ничества казалась скорѣе тяжелымъ ярмомъ, нежели привиллегіей. По всему этому старомосковская бюрократія или подъячество продолжала здравствовать, только подъ иными формами (62).

Со времени изданія „Табели о рангахъ“ и до учрежденія министерствъ при императорѣ Александрѣ I, т. е. въ продолженіе 80 лѣтъ, не было произведено никакихъ коренныхъ и общихъ преобразованій, относившихся до гражданско-служебнаго персонала. Внутреннее управленіе Россіи въ прошломъ столѣтіи было въ рукахъ мелкаго чиновничества, преимущественно секретарей, которые, дѣйствуя изъ-за начальниковъ, обходили разнымъ способомъ законъ, замѣняя его своимъ произволомъ. Низшее чиновничество продолжало бѣдствовать въ виду крайней необезпеченности его въ матеріальномъ отношеніи и принуждено было изыскивать недозволенныя средства къ существованію. Чтобы понять, до какой степени правительство было затруднено удовлетвореніемъ чиновниковъ даже причитавшимся имъ по закону жалованіемъ, достаточно указать на то, что выдача его деньгами нерѣдко разрѣшалась только въ случаѣ удачной продажи въ Петербургѣ пушныхъ сибирскихъ товаровъ, т. е. дорогихъ мѣховъ, собираемыхъ въ видѣ дани съ сибирскихъ инородцевъ и поступавшихъ въ казну. Если же продажа оказывалась безуспѣшной, то оклады жалованья чиновникамъ на основаніи указа 11 сентября 1736 года выдавались не деньгами, а наличнымъ товаромъ—мѣхами.

Изданіемъ „Городового Положенія“ 1775 г. Екатерина II предоставляла городскимъ жителямъ самоуправленіе, а „Грамотою Дворянству“ 1785 г. права и преимущества этому сословію, въ томъ числѣ право избирать чиновниковъ на судейскія и полицейскія должности. И однако вліяніе чиновническихъ элементовъ ослабѣвало въ самой незначительной степени уже потому одному, что избираемыя сословіями должностныя лица смотрѣли на себя, да и избиратели съ своей стороны смотрѣли на нихъ, прежде всего, какъ на коронныхъ чиновниковъ. Важность каждой избирательной должности обусловливалась ея рангомъ, а цѣлью избираемаго на нее лица было не независимое служеніе обществу ради его интересовъ, но разсчетъ на тѣ награды и отличія, какихъ оно могло удостоиться отъ правительства за службу по сословнымъ или общественнымъ выборамъ. „Городовое Положеніе“, а тѣмъ болѣе „Дворянская Грамота“ разъединили общественные интересы на особыя сословныя категоріи, почему всѣ тѣ дѣла, которыя касались общихъ, а не однихъ только сословныхъ интересовъ. т. е. такія дѣла, которыя представляли наиболь-

шую важность, остались, по прежнему, въ непосредственномъ вѣдѣніи мѣстнаго чиновничества. Вдобавокъ къ этому, всѣ избираемыя и дворянствомъ и городскими жителями лица были поставлены въ слишкомъ большую подчиненность отъ мѣстныхъ начальствъ, и отъ этихъ же послѣднихъ находились въ полной зависимости и направленіе и ходъ всѣхъ дѣлъ, касавшихся даже исключительно сословныхъ интересовъ.

Давая приведенную оцѣнку значенію реформъ Екатерины въ области внутренняго управленія. авторъ находитъ, что и реформы начала настоящаго столѣтія, указъ 1809 г. объ испытаніяхъ чиновниковъ, учрежденія министерствъ и проч. не только не ослабили прежнее вліяніе чиновничества на общественныя дѣла, но еще болѣе его усилили. Учрежденыя на исполнительномъ началѣ взамѣнъ прежнихъ коллегій министерства способствовали всего болѣе развитію особаго типа петербургскаго чиновника, предрѣшавшаго заглазно всѣ мѣстныя потребности Россіи и способы ихъ исполненія только канцелярскимъ путемъ. Сперанскій самъ представляетъ собою выдающійся типъ такого чиновника, который стремился захватить въ свои руки сколь возможно болѣе государственныхъ дѣлъ и рѣшать ихъ канцелярскимъ порядкомъ посредствомъ ловко и краснорѣчиво составленныхъ докладовъ. Заботы же его о поднятіи образовательнаго ценза гражданскихъ чиновниковъ ослаблялись усилившимся приливомъ въ среду чиновничества военнаго элемента, для котораго, при имѣніи чина маіорскаго и выше, не существовало правилъ объ испытаніяхъ. Низшее чиновничество продолжало пребывать на скудномъ жалованіи и „отъ недостатка и бѣдности" прибѣгать къ незаконнымъ поборамъ и взяткамъ.

Авторъ доводитъ свое изслѣдованіе до самаго послѣдняго времени. Онъ, „чуждаясь всякой лести настоящей эпохѣ", считаетъ должнымъ признать, что послѣднія реформы уменьшили власть и вліяніе чиновничества на общественные интересы. Важно уже то, что со введеніемъ земскихъ учрежденій и новаго „Городового положенія" совершился переломъ въ стародавнихъ господствовавшихъ у насъ понятіяхъ, когда общественная служба отождествлялась съ коронною; подсѣчена въ корнѣ мысль о томъ, что представители общественныхъ правъ и интересовъ должны считать себя чиновниками. „Задача правительствъ, заканчиваетъ авторъ свою работу, заключается главнымъ образомъ въ томъ, чтобы установить правильное равновѣсіе между своею непосредственною властью и представителями общественныхъ дѣлъ, причемъ чиновничество займетъ свое опредѣленное мѣсто въ общей системѣ государственнаго управленія, не давая чувствовать странѣ всѣ неудобства своего постояннаго и мелочнаго вмѣшательства"...

Книги поступившія въ редакцію.

Мадьярскіе поэты. Изданы подъ ред. Н. Новича. («Маленькая Антологія» № 14). Спб. 97. Ц. 45 к.

А. Н. Емельяновъ-Коханскій. Клеопатра. Вскрытіе и друг. М. 97. Ц. 1 р.

Его-же. Месть.—Коварная Панна.—Въ аду.—Ночь подъ Ивана Купала.—Страшное наказаніе.—Легенды. Спб. 97. Ц. 30 к.

Сумерки вѣка. (Собственность **А. Н. Емельянова-Коханскаго**) М. 97. Ц. 25 к.

С. Г. Фругъ. Стихотворенія. Томъ I-ый. Изданіе третье. Спб. 97. Ц. 1 р. 75 к.

Генрихъ Сенкевичъ. На свѣтломъ берегу. Повѣсть и другіе разсказы. Переводъ Ф. В. Домбровскаго. Изданіе М. В. Попова. Спб, 97. Ц. 1 р. 25 к.

Люди тёмные. Очерки и разсказы изъ народнаго быта. **И. Н. Захарьина (Якунина).** Изд. второе, П. П. Сойкина. Спб. 97. Ц. 1 р.

Стихотворенія **А. А. Грешнера.** Кіевъ. 97. Ц. 1 р.

Сказки русскихъ писателей для дѣтей. Сборникъ редакціи газеты «Кіевское Слово». 4-е изданіе. Кіевъ. 97. Ц. 30 к.

Редьярдъ Киплингъ. Индусскіе разсказы. Перевелъ съ англійскаго В. Н. Офросимовъ. Спб. 97. Ц. 50 к.

Повѣсти и разсказы **С. И. Смирновой.** Изданіе А. С. Суворина. Спб. 97. Ц. 2 р.

Н. Пружанскій. Отверженный. (Изъ записокъ сумашедшаго). Изданіе Д. А. Наумова. Спб. 97. Ц. 1 р.

А. Осиповичъ. (А. О. Новодворскій). Собраніе сочиненій. Изданіе А. П. Батуева. Спб. 97. Ц. 1 р. 50 к., съ пересылкой 1 р. 70 к.

Н. И. Николаевъ. Театрально-критическіе наброски. Кіевъ. 97. Ц. 1 р.

I. Шерръ. Всеобщая исторія литературы. Переводъ подъ редакціей П. И. Вейнберга. Вып. XX и XXI. М. 97.

А. Ѳ. Кони. Федоръ Петровичъ Гаазъ. Біографическій очеркъ. Съ портретомъ. Спб. 97. Ц. 50 к.

П. Милюковъ. Главныя теченія русской исторической мысли. Т. I. М. 97. Ц. 2 р.

Гринъ. Краткая исторія англійскаго народа. Въ трехъ выпускахъ. Вып. 1-й. Перев. В. Я. Богучарскаго подъ редакціей Н. Н. Шамонина. М. 97. Ц. 50 к.

О демократіи въ Америкѣ. Сочиненіе **Алексѣя де-Токвиля.** Перев. съ 14-го франц. изданія В. Н. Линдъ. М. 97. Ц. 2 р. 50 к.

Политическая исторія современной Европы. Эволюція партій и политическихъ учрежденій. 1814—1896. Написалъ **Ш. Сеньобосъ.** Часть первая. Перев. съ французскаго. Спб. 97. Ц. 2 р.

Д. Багницкій. Политическая исповѣдь современнаго поляка. Спб. 97. Ц. 60 к.

Открытіе огня. **Л. Гейгера.** Переводъ съ нѣм. Л. С. Зака. Изданіе Южно-Русск. О-ва Печатнаго дѣла. («Библ. обществен. знаній». Серія II, вып. 5-й). Одесса. 97. Ц. 15 к.

Г. Фр. Кольбъ. Исторія человѣческой культуры. Перев. подъ редакціей А. А. Рейнгольдта. Вып. IV. Кіевъ. 97. Подписная цѣна на 8 в. 2 р. 50 к.

Происхожденіе арійцевъ и доисторическій человѣкъ. Изслѣдованіе **И. Тейлора.** Съ 30-ю рис. въ текстѣ. М. 97. Ц. 1 р. 25 к.

Изъ народовѣдѣнія. Чтенія для народа. Составилъ **Ѳ. Ѳ. Пуцыковичъ.** 1) Болгары.—2) Сербы.—3) Черногорцы.—4) Чехи.—5) Хорваты.—6) Русины.—7) Англичане.—8) Китайцы.—9) Абиссинцы.—10) Французы.—11) Нѣмцы.—12) Скандинавы.—13) Итальянцы.—14) Персы.—15) Арабы.—16) Египтяне.—17) Турки.—18) Корейцы.—19) Японцы.—20) Индусы.—21) Испанцы.—22) Венгерцы.—23) Сѣверо-американцы.—24) Негры.—Спб. 96—97. Ц. 5 к. за книжку.

Народные университеты въ Англіи и Америкѣ. Д-ра **Джемса Русселя.** Переводъ съ англ. Изд. Южно-Русск. О-ва Печатнаго дѣла. («Библ. общественн. знаній», серія II, вып. 3-й). Одесса. 97. Ц. 50 к.

Свящ. **I. Фудель.** Народное образованіе и школа. М. 97. Ц. 40 к.

Церковная школа на всероссійской выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ. Составилъ **Михаилъ Макаревскій.** Спб. 97. Ц. 20 к.

Борьба съ заразными болѣзнями въ школѣ. (Изъ журнала «Вѣстникъ воспитанія»). **А. Филиппова.** М. 97.

Луи Бланъ. О разводѣ. Одесса. 97. Ц. 15 к.

Е. Каричъ. Женщина и жизнь. Спб. 97. Ц. 1 р.

Жакъ Лурбэ. Женщина предъ судомъ современной науки. Перев. съ французскаго. Кіевъ. 97. Ц. 30 к.

Процессы противъ животныхъ въ средніе вѣка. **Я. Канторовича.** Изд. «Юридич. Библ.». Спб. 97. Ц. 20 к.

Право и нравственность. Очерки изъ прикладной этики. **Влад. Соловьева.** Изд. Я. Конторовича. («Юридич. Библіот.» № 14). Спб. Ц. 1 р.

Суевѣріе и уголовное право. **А. Левенстима.** Изд. Я. Конторовича. («Юридич. Библ.» № 15). Спб. Ц. 80 к.

Проф. суд. мед. **Ф. А. Патенко.** Дѣло мултанскихъ вотяковъ. Харьковъ. 97.

Т. Рибо. Психологія чувствъ въ двухъ частяхъ. Пер. съ французскаго. Кіевъ. 97.

Д-ръ Т. Рибо. Психологія вниманія. Пер. съ 3-го франц. изданія. Кіевъ. 97. Ц. 80 к.

Естественный нравственный законъ. (Психологическія основы нравственности). Изслѣдованіе **Ивана Попова.** Сергіевъ посадъ. 97. Ц. 3 р.

Рѣшеніе философскаго вопроса о достовѣрности существованія въ насъ души и тѣла. Самостоятельное философское изслѣдованіе **Свѣчникова.** Сарапулъ. 97. Ц. 5 р. (in 16°, стр. 79).

Разъясненіе изслѣдованія неопредѣленности вида $x=\frac{0}{0}$. Составилъ **Р. М. Шаргородскій.** Кишиневъ. 97. Ц. 50 к.

Роб. Люпке. Основанія электрохиміи. Перевелъ С. И. Сазоновъ. Съ 55 рис. въ текстѣ. Спб. 97. Ц. 1 р. 50 к.

Натуралистъ на Ла-Платѣ. **У. Хэдсона.** Перев. съ 3 англ. изданія. Часть 1-я съ 15 рис. Часть 2-я съ 11 рис. Изд. П. И. Сойкина. Спб. 97. Ц. 50 к. за каждую часть.

Естественная исторія въ разсказахъ **Альфреда Майльса.** Пер. съ англійскаго Марка Басанина. Изд. П. П. Сойкина. Спб. 97. Ц. 50 к.

Чахотка. Черниговъ. 97.

Г. Бунге. О вредѣ пьянства. Перев. съ нѣмецкаго. Изданіе т-ва кяхтинскихъ чаеторговцевъ подъ фирмою Цзинь-Лунь. Спб. 97. Безплатно.

Краткая **вегетаріанская поваренная книга.** Изданіе «Посредника». М. 97. Ц. 25 к.

Лошадь. Какъ ходить за нею, выбирать при покупкѣ и лѣчить чаще встрѣчающіяся ея болѣзни. Руководство для крестьянъ-коневодовъ. Составилъ ветеринарный врачъ **П. Г. Алтуховъ.** Изд. ветерин. врача М. А. Исакова. Казань. 97. Ц. 12 к.

Опредѣленіе возраста у лошади. Составилъ ветеринар. врачъ **И. Л. Братчиковъ.** Изд. ветер. врача М. А. Исакова. Казань. 96. Ц. 3 к.

Какъ осматривать лошадей при покупкѣ. Составилъ ветерин. врачъ **И. Л. Братчиковъ.** Изд. ветер. врача М. А. Исакова. Казань. 96. Ц. 3 к.

Корова. Какъ ходить за нею, выбирать при покупкѣ и лѣчить чаще встрѣчающіяся ея болѣзни. Руководство для крестьянъ. Сост. ветер. врачъ **Павелъ Алтуховъ.** Изд. вет. врача М. А. Исакова. Казань. 97. Ц. 12 к.

Н. Аметистовой. Средство противъ переутомленія или какъ надо работать, чтобы вмѣсто переутомленія да получалась жизнерадостность. (Безусловно—гигіеническое). Для учащихся, лицъ свободныхъ профессій и хозяекъ. Харьковъ. 97. Ц. 5 к.

Русское экономическое обозрѣніе. Ежемѣсячный эконом. журналъ подъ ред. М. М. Өедорова. 15 мая 1897 г. С. П. Подписная плата за 8 мѣс. текущаго года 7 р.

Металлическія деньги и валюта. **Э. Нассе и Лексиса.** Изданіе «Русской Мысли». М. 97. Ц. 60 к.

Всемірный почтовый союзъ. **П. Казанскаго.** Одесса. 97.

Международный союзъ для охраны промышленной собственности. **П. Казанскаго.** Одесса. 97.

Къ вопросу **о воскресномъ отдыхѣ** и объ ограниченіи праздничной торговли. (Прошенія въ Чистопольскую городскую думу чистопольскихъ приказчиковъ и купцовъ). Изд. Е. Д. М. Казань. 97. Ц. 10 к.

Отчетъ совѣта общества распространенія начальнаго обученія въ Нижегородской губ за 1896 г. Нижній-Новгородъ. 97.

Краткій историческій очеркъ дѣятельности общества распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губ. 1872—1895 г. Составилъ секретарь совѣта общества **Н. Іорданскій.** Казань. 96.

Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ. **Отчетъ** за 1895—96 г. Спб. 97. Краткая историческая записка о высшихъ женскихъ курсахъ въ С.-Петербургѣ.

Отчетъ совѣта общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Семипалатинскѣ за 1896 г.

Отчетъ совѣта общества попеченія объ учащихся въ уѣздныхъ и начальныхъ училищахъ г. Тюмени за 1896 годъ. Тюмень. 97.

Отчетъ дирекціи херсонской обществ. библ. за 1896 г. Херсонъ. 97.

Отчетъ о дѣятельности Донскаго общества сельскаго хозяйства въ 1896 году. Новочеркасскъ 97. Ц. 1 р.

А. Тарабукинъ. Новая практическая грамматика. Этимологія и синтаксисъ. Учебное пособіе для одноклассныхъ и двуклассныхъ училищъ. Спб. 96. Ц. 50 к.

Руководство къ устройству и веденію публ. народн. чтеній Съ приложен. каталога книгъ, одобр. для публ. нар. чт. Харьковъ. 97. Ц. 50 к.

Спб. о-во содѣйствія физическому развитію. Путеводитель № 1. Поѣздка въ Новгородъ Великій. Сост. **Д. И. Рихтеръ** и **В В. Розинъ.** Спб. 97. Ц. 15 к.

Изъ Франціи.

Сколько разъ я уже порывался поговорить съ читателемъ о женскомъ вопросѣ во Франціи, и всякій разъ останавливался передъ задачей, которая мнѣ представлялась тѣмъ болѣе сложной, чѣмъ ближе я подходилъ къ ней. Обдумываешь предметъ въ общихъ чертахъ: дѣло кажется довольно просто, и нѣсколько общихъ положеній, повидимому, исчерпываютъ постановку женскаго вопроса во Франціи. Но приступаешь къ самой задачѣ, хочешь начать съ того, чтобы представить читателю свои непосредственныя впечатлѣнія, производимыя здѣшней жизнію: куда дѣвалась простота и ясность вопроса! Какихъ поправокъ, ограниченій и дополненій требуютъ всѣ эти общія формулы, ткань которыхъ разрывается то тамъ, то здѣсь подъ напоромъ неукладывающагося въ нихъ факта! А какая масса такихъ фактовъ совсѣмъ не покрываются скороспѣлыми обобщеніями! Поневолѣ начинаешь думать, что лучшій пріемъ для изученія задачи, можетъ быть, и заключается въ безхитростномъ сопоставленіи различныхъ, даже и противорѣчащихъ одно другому жизненныхъ явленій. Конечно, отъ этого страдаетъ опредѣленность отвѣта на занимающій насъ вопросъ. Но во всякомъ случаѣ вы такъ не замалчиваете и не искажаете самыхъ фактовъ, которые послѣдующій наблюдатель, можетъ быть, объяснитъ и вдвинетъ въ болѣе широкую формулу, чѣмъ та, что находится у васъ въ данный моментъ подъ руками.

При самомъ первомъ и, какъ зачастую бываетъ, преимущественно книжномъ знакомствѣ съ женскимъ вопросомъ во Франціи я успокоился было на очень распространенномъ взглядѣ, согласно которому въ этой странѣ женскій вопросъ почти совсѣмъ отсутствуетъ, ибо-де громадное большинство женщинъ, за исключеніемъ немногихъ благородно-эксцентричныхъ натуръ, не сознаютъ даже необходимости постановки его, а мужчины, хотя бы самыхъ радикальныхъ убѣжденій, прямо враждебны какой бы то ни было реформѣ отношеній между полами. Затѣмъ, наблюдая нѣкоторые факты жизни и присутствуя при замѣтномъ усиленіи женскаго движенія за послѣдніе семь—восемь лѣтъ, я бросился было въ другую крайность и былъ склоненъ думать, что общественный энтузіазмъ французовъ, разъ вспыхнувъ въ области женскаго вопроса, дастъ вообще огромный толчекъ рѣшенію этой крайне важной задачи и, можетъ быть, поставитъ Францію во главѣ другихъ странъ, борящихся дѣятельно за измѣненіе положенія женщины. Пришлось отказаться и отъ этого черезчуръ розоваго взгляда на вещи. И вотъ, послѣ разныхъ недоумѣній и колебаній, я рѣшаюсь изложить въ этомъ письмѣ свою

настоящую точку зрѣнія на предметъ, точку зрѣнія нѣсколько не опредѣленную, сѣрую и смѣшанную, какъ сѣра и смѣшана сама будничная дѣйствительность. Я постараюсь добросовѣстно поставить передъ глазами читателя и разсмотрѣть вмѣстѣ съ нимъ различные факты, касающіеся женскаго вопроса. И кто знаетъ, можетъ быть, пытаясь разобраться въ этомъ пестромъ клубкѣ явленій, мы подойдемъ ближе къ истинѣ, чѣмъ если бы желали разомъ прикрыть шумную и сложную жизнь, словно какого нибудь бѣднаго мотылька, сѣткой готовой формулы.

Положеніе женщины во Франціи по закону крайне низкое. Порою просто недоумѣваешь, какъ такая цивилизованная нація, бросившая въ міръ столько широкихъ идей и пролившая за нихъ столько благородной крови, можетъ оставаться въ области отношеній между полами чуть ли не на уровнѣ римскаго законодательства временъ Катона старшаго. Если незамужняя женщина и вдова пользуются, по кодексу Наполеона, кое-какими довольно значительными гражданскими правами, то тяжелыя гири зависимости лежать на женщинѣ, вышедшей замужъ, то есть именно той, которая поступила такъ, какъ поступаетъ громадное большинство ея сестеръ. И, однако, удивляться этому особенно нечего. Кодексъ Наполеона является, какъ извѣстно, искаженіемъ кодекса, выработаннаго во время революціи; и на этомъ искаженіи отражаются жалкія и узкія идеи средневѣковаго кондотьери, составлявшія умственный багажъ «спасителя общества». Боясь торжества либеральныхъ взглядовъ, Наполеонъ исковеркалъ и безъ того уже мизерное учрежденіе Трибуната, который обсуждалъ законопроекты по конституціи 22-го Фримера VIII (1799) года; и, кромѣ того, въ качествѣ президента государственнаго совѣта, всячески давилъ на мнѣнія его членовъ, опасаясь особенно либерализма въ вопросѣ о положеніи женщины. Противъ болѣе широкихъ взглядовъ совѣтниковъ первый консулъ возражалъ чудовищными фразами:

„Какъ, вы не внесете въ законъ формальнаго обѣщанія со стороны жены повиноваться мужу? Но надо, чтобы она знала, что, выходя изъ-подъ опеки семьи, она поступаетъ подъ опеку мужа. Мужъ долженъ имѣть неограниченную власть надъ поступками жены. Онъ имѣетъ право сказать ей: «мадамъ! вы не выѣдете сегодня вечеромъ! мадамъ! вы не отправитесь сегодня въ театръ! мадамъ! вы не должны видѣть того-то и того-то!“ *).

И посмотрите на результаты законодательства, выработаннаго подъ вліяніемъ «геніальнаго воина-администратора». Начать съ того,

---

*) Цитирую по статьѣ Gustav Lejeal, «La Française devant la Loi» въ сборникѣ «Les Femmes et les Féministes» (№ 169 отъ 28 ноября 1896 года Revue encyclopédique).

что никакая женщина, даже не замужняя, даже вдова, не можетъ быть свидѣтелемъ по гражданскому договору, нотаріальной бумагѣ и пр. Передовые французы не перестаютъ удивляться странной легальной аномаліи, въ силу которой образованная дѣвушка, получившая дипломъ доктора правъ (какъ, напр., m-elle Шовэнъ), считается неспособной свидѣтельствовать при заключеніи какой нибудь гражданской сдѣлки; а швейцаръ докторессы, можетъ быть прибѣгающій къ ея совѣтамъ при заключеніи того или иного контракта, признается законнымъ свидѣтелемъ. Наряду съ этимъ и благодаря новой, не менѣе комической непослѣдовательности, законъ принимаетъ свидѣтельство женщины въ уголовномъ процессѣ, т. е. какъ разъ тамъ, гдѣ (какъ зачастую бываетъ во Франціи) дѣло идетъ о жизни обвиняемаго.

Но французское законодательство особенно свирѣпо по отношенію къ замужней женщинѣ. Такъ статья 213, которая открываетъ собою рядъ параграфовъ, касающихся правъ и обязанностей супруговъ, является буквальнымъ воспроизведеніемъ словъ Наполеона I о необходимости для жены повиновенія мужу. И какого повиновенія! У женщины отнимается малѣйшая возможность распоряжаться своей физической и нравственной личностью. Она обязана жить постоянно съ мужемъ; она принуждена слѣдовать за нимъ во всѣхъ его передвиженіяхъ и путешествіяхъ, «даже если бы мужу», по наивно-жестокому замѣчанію извѣстнаго юриста Потье, «вздумалось отправиться въ зачумленное мѣсто». А знаменитый «супружескій долгъ», или, какъ называетъ его нестѣсняющійся въ терминахъ латинскій языкъ, *decubitum conjugale*! Исполненія этого долга мужъ отъ жены можетъ требовать силою, что запрещено ему во всѣхъ иныхъ случаяхъ. Довольно крупный французскій криминалистъ, нѣкто Фостэнъ Эли (Faustin Hélie), комментируетъ этотъ параграфъ слѣдующимъ безподобнымъ образомъ: «Актъ, составляющій цѣль брака, не можетъ быть ни въ коемъ случаѣ вмѣненъ мужу въ преступленіе, даже если бы мужъ прибѣгъ для совершенія его къ насилію, лишь бы это насиліе не повело за собою ранъ»! Чѣмъ этотъ просвѣщенный юристъ уступаетъ автору Домостроя, который тоже, какъ извѣстно, совѣтовалъ учить жену плеткой, но вѣжливенько и безъ членовредительства!

Супружеская вѣрность предписывается, конечно, женѣ самымъ строжайшимъ образомъ. Если мужъ застаетъ жену «въ преступномъ разговорѣ» (en conversation criminelle) съ соперникомъ—какъ выражается, не то свирѣпо, не то комично, общепринятая формула,—законъ заранѣе извиняетъ убійство невѣрной мужемъ. И стоитъ хоть самымъ поверхностнымъ образомъ слѣдить за процессами во Франціи, чтобы убѣдиться, какъ здѣшніе присяжные засѣдатели,—обыкновенно столь жестокіе каратели уголовныхъ дѣлъ,—ни во что не ставятъ пулю или ножъ, которыми «обезчещенный» мужъ отдѣлался отъ невѣрной. Деспотическая власть мужа не ограничивается,

впрочемъ, лишь одной физической стороной: она простираетъ свою тираннію на нравственную личность жены и имѣетъ право копаться въ самыхъ сокровенныхъ изгибахъ человѣческаго сердца. Жена отвѣчаетъ мужу не только за поступки, но и за свои невольныя чувства. Такъ мужу, желающему убѣдиться въ истинности симпатій къ нему его подруги жизни, законъ разрѣшаетъ вскрывать ея частную переписку. И словно, чтобы лучше оттѣнить подчиненность женщины, законъ преслѣдуетъ подобное же дѣйствіе со стороны жены, какъ преступленіе.

Ярко выступаетъ разница правъ двухъ половъ и по отношенію къ дѣтямъ. Родительская власть принадлежитъ лишь одному отцу. Онъ воленъ воспитывать ребенка, какъ ему заблагоразсудится; онъ одинъ можетъ позволить ему оставить отцовское жилище, заключить его въ исправительный домъ, дать разрѣшеніе на бракъ и т. п. Мать тутъ ни причемъ.

Но гдѣ французское законодательство особенно поражаетъ своимъ архаическимъ характеромъ, такъ это въ сферѣ имущественныхъ отношеній супруговъ. Какъ извѣстно, французскій кодексъ знаетъ два рода договоровъ, опредѣляющихъ имущественныя права мужа и жены: брачный контрактъ, который выговариваетъ извѣстную часть имущества (приданаго и т. п.) спеціально для жены, и нераздѣльное владѣніе имуществомъ и доходами со стороны обоихъ супруговъ. Брачный контрактъ является, можно сказать, привилегіей имущихъ классовъ: онъ предполагаетъ состоятельныхъ родителей, которые желаютъ удѣлить извѣстную часть имущества выходящей замужъ дочери. Но громадное большинство браковъ заключается безъ всякаго контракта, который былъ бы въ данномъ случаѣ лишь юридическимъ времяпрепровожденіемъ, казуистикой надъ сложеніемъ, ибо среди массъ, какъ извѣстно, наслѣдственное и благопріобрѣтенное блестятъ своимъ отсутствіемъ.

Напримѣръ, во всей Франціи пропорція брачныхъ контрактовъ составляетъ не болѣе 47 на 1,000 всѣхъ заключенныхъ браковъ. Въ Парижѣ эта цифра выше, достигая 157 на 1,000 для совокупности столицы. Но здѣсь крайне интересно измѣненіе упомянутой пропорціи по двадцати округамъ, на которые раздѣленъ городъ и которые рѣзко отличаются между собою по степени благосостоянія ихъ жителей. Такъ, въ исключительно рабочемъ 20-мъ (Менильмонтанскомъ) округѣ на 1,000 заключенныхъ браковъ приходится едва 43 брачныхъ контракта, т. е. даже меньше, чѣмъ во всей Франціи. Наоборотъ, въ фешіонэбельномъ 8-мъ округѣ (носящемъ очень удачное и въ соціальномъ смыслѣ названіе «Елисейскихъ полей») изъ 1,000 брачащихся паръ цѣлыхъ 346, значитъ болѣе трети, вступаютъ въ сожительство, оградивъ свои матеріальныя права формальнымъ договоромъ *).

*) См. Annuaire statistique de la ville de Paris, XIV, 1893; Парижъ, 1895, таблица на стр. 84.

Какъ-бы то ни было, и въ той, и въ другой формѣ имуществе ныхъ отношеній между супругами мужъ пользуется громадны правами, а на женщину законъ смотритъ, какъ на существо н совершеннолѣтнее. Въ самомъ дѣлѣ, гражданскій кодексъ отдае въ руки мужчины распоряженіе имуществомъ жены. Не смот на существованіе брачнаго договора, жена не имѣетъ права дари отчуждать, закладывать, пріобрѣтать и вообще распоряжаться св имъ имуществомъ иначе, какъ съ согласія мужа. И если въ это согласія ей отказано, она должна прибѣгать къ сложной процедур чтобы добыть разрѣшеніе отъ судебной власти.

Таково легальное положеніе женщины въ самомъ благопріятно случаѣ. Но что сказать о несравненно болѣе распространенной с стемѣ «нераздѣльнаго владѣнія имуществомъ», которая, не смотр на свое идиллическое названіе, отдаетъ судьбу женщины на пр изволъ мужчины. Это нераздѣльное владѣніе простирается, ка извѣстно (за исключеніемъ недвижимости, принадлежавшей каждо изъ супруговъ при заключеніи брака), на все движимое имуществ цѣнныя бумаги, векселя, заработную плату, различные доходы с имущества, даже такого, которое принадлежитъ кому-либо изъ с пруговъ лично, и, наконецъ, на недвижимость, пріобрѣтенную в время брака.

Но кто-же выигрываетъ отъ такого порядка вещей? Конечн мужчина, который является настоящимъ господиномъ всего им щества. Онъ можетъ продавать, покупать, закладывать безъ всяка согласія жены; онъ имѣетъ право (почти всегда, какъ увидимъ ниж присвоивать себѣ даже заработную плату жены, и она лишена п закону возможности воспротивиться этому. За личные долги муж отвѣтствуетъ все имущество; и мужъ-же можетъ обратить на сво удовольствія и прихоти послѣднія крохи, которыя, можетъ быт нужны женѣ и дѣтямъ для того, чтобы не умереть съ голоду.

Немногія и нерѣшительныя попытки законодателя за послѣдні пятнадцать лѣтъ хоть чѣмъ-нибудь смягчить этотъ ужасный гнет мужа надъ семьей (я чуть было не забылъ сказать, что онъ поль зуется доходами съ личнаго имущества своихъ дѣтей вплоть до д стиженія ими 18-лѣтняго возраста), эти попытки, говорю я, св лись ни къ чему, благодаря самой робости своей и той рутинѣ въ соціал ной области, которая характеризуетъ французскіе имущіе и правящ классы. Такъ, по закону 9-го апрѣля 1881 г. относительно почтовых ссудо-сберегательныхъ кассъ, жена можетъ дѣлать вклады и выбира ихъ сразу или по частямъ безъ разрѣшенія мужа, если только п слѣдній не протестуетъ формально противъ этого. А такъ какъ, п статистикѣ, общая сумма такихъ женскихъ вкладовъ равняется почт половинѣ (47%) всего итога взносовъ въ почтовыя кассы, то о фиціальные оптимисты только потирали руки отъ удовольствія, п лагая наивно, что они открыли косвенный путь къ примирені двухъ противоположныхъ началъ: права женщины на самостоятел

ный заработокъ и гражданскаго всемогущества мужа. Оказалось однако, что громадное большинство вкладчицъ, принадлежащихъ къ мелкой буржуазіи и отчасти рабочему классу, живутъ подъ режимомъ нераздѣльнаго владѣнія имуществомъ; и потому, лишь только жена брала съ почтовой книжки извѣстную сумму, эта сумма тѣмъ самымъ становилась уже общимъ достояніемъ семьи, т. е., говоря попросту, попадала въ руки мужа.

Другой примѣръ: когда, благодаря пропагандѣ г-жъ Шмаль и Шовенъ, идея о необходимости оградить хотя-бы личный заработокъ жены отъ расточительства мужа проникла въ парламентъ и вызвала здѣсь два проекта, коммиссія, разсматривавшая ихъ, нашла эти проекты черезчуръ радикальными и измѣнила ихъ. А именно, она признала за женой право располагать непосредственно своей заработной платой, но прибавила къ этому: «имущество, пріобрѣтенное женой ея личнымъ трудомъ, принадлежитъ тѣмъ не менѣе обоимъ супругамъ». Иначе говоря, франкъ, пріобрѣтенный вотъ той бѣдной швеей въ теченіе дня, составляетъ ея личный заработокъ; но если она отнесетъ его въ сберегательную кассу, то мужъ можетъ преспокойно наложить руку на эту монету, лишь только жена возьметъ ее съ почтовой книжки. И однако, законъ этотъ, вотированный палатой депутатовъ 27-го февраля 1896 г., считается большинствомъ буржуазныхъ юристовъ крайне опаснымъ нововведеніемъ, которое грозитъ черезъ эту первую брешь ввести врага въ сердце величественной цитадели наполеоновскаго кодекса!...

Продолжимъ наше изложеніе правъ французской женщины, какъ они опредѣлены законодательствомъ и административными мѣрами. Наибольшей сравнительно прогрессивностью отмѣчены взгляды законодателя въ сферѣ образованія, что, впрочемъ, и не удивительно: это, можно сказать, единственная область, въ которой оппортунистская республика довольно энергично пошла впередъ, не смущаясь реакціонными страхами за будущность болѣе грамотнаго и менѣе суевѣрнаго народа. И число учащагося и число обучающаго персонала женскаго пола значительно возросли со времени крупныхъ реформъ, проведенныхъ въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ. Но и тутъ, какъ быстро измѣняются къ худшему эти благопріятныя условія по мѣрѣ того, какъ изъ сферы первоначальнаго образованія поднимаешься въ сферу средняго и высшаго! О первоначальномъ образованіи, конечно, распространяться нечего: по закону 1882 г. оно стало даровымъ, свѣтскимъ и обязательнымъ для дѣтей обоего пола, и, напр., въ 1895 г., на 2.731,992 мальчиковъ, обучавшихся въ первоначальныхъ школахъ, приходилось 2.710,018

дѣвочекъ *). Въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, начиная съ которыхъ принципъ безвозмездности и принудительности падаетъ, число учащихся женскаго пола и абсолютно, и относительно (по сравненію съ учащимися мужскаго пола) быстро убываетъ. Къ 5 ноября 1896 г. число воспитанниковъ въ коллежахъ и лицеяхъ (т. е. городскихъ и правительственныхъ гимназіяхъ) и пр. училищахъ простиралось до 85,485; но воспитанницъ въ соотвѣтствующихъ женскихъ заведеніяхъ было всего 10,645. Еще печальнѣе обрисовывается положеніе высшаго женскаго образованія.

Въ 1894 г. изъ 25,582 слушавшихъ лекціи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ оффиціальная статистика насчитывала 24,855 студентовъ и всего 727 студентокъ, причемъ на 448 француженокъ приходилось 279 иностранокъ.

Этотъ ничтожный процентъ женщинъ объясняется, впрочемъ, и препятствіями, полагаемыми законодательствомъ, и могущественнымъ давленіемъ обычая. Во французскіе университеты женщины допускаются съ половины 70-хъ годовъ и при этомъ осязательную пользу онѣ могутъ извлекать изъ своего диплома лишь на медицинскомъ факультетѣ, кончивъ который, онѣ получаютъ право практиковать; на всѣхъ-же другихъ факультетахъ, напр. юридическомъ, ихъ дипломъ имѣетъ чисто платоническое значеніе. Не удивительно поэтому, что въ то время, какъ медицинскіе факультеты Франціи насчитывали въ 1894 г. на 7,799 слушающихъ 232 женщинъ, на юридическихъ факультетахъ между 8,063 слушающихъ было всего 4 (sic!) женщины и т. п. Кромѣ того, противъ учащихся въ высшихъ школахъ женщинъ вооружается общественное мнѣніе такъ называемыхъ образованныхъ классовъ, а особенно самихъ студентовъ, среди которыхъ къ обычной рутинѣ и боязни новыхъ соціальныхъ явленій— чѣмъ такъ отличаются, кстати сказать, всѣ французы—примѣшивается очень реальное значеніе конкурренціи женщинъ въ либеральныхъ профессіяхъ. Не типично-ли для французской молодежи, что на ея языкѣ «студентка» (étudiante) обозначаетъ кокотку Латинскаго квартала, вращающуюся среди студентовъ, и что лишь въ самое послѣднее время здѣшній интеллигентъ сталъ отличать отъ разбитной и веселой подруги своихъ студенческихъ лѣтъ настоящую студентку, которая желаетъ учиться и жить своимъ трудомъ. Когда десятка полтора — два лѣтъ тому назадъ въ медицинскую школу вошли первыя женщины, господа студенты встрѣтили ихъ появленіе въ аудиторіи криками, достойными обитателей звѣринца, а то и прямо недвусмысленными прозвищами и даже грязными ругательствами. И подобное отношеніе къ своимъ сестрамъ по ремеслу со стороны рыцарей скальпеля продолжалось цѣлыми годами.

Да что студенты! Сами профессора зачастую пожинали лавры

*) *Annuaire statistique de la France. XVI volume. 1895—1896*; Парижъ, 1896, стр. 197.

дешевой популярности среди мужской молодежи, ухитряясь превращать свои лекціи въ настоящую пытку для студентокъ, передъ которыми они умышленно пускались въ скабрезныя и совершенно ненужныя подробности. Я какъ сейчасъ вижу передъ собой покойнаго профессора Кадья (Cadiat), который, дѣлая введеніе къ курсу эмбріологіи, распространялся ни съ того ни съ сего объ «энергичныхъ движеніяхъ таза» и т. п. «рефлексахъ, механизмъ которыхъ намъ нужно изучить болѣе подробно, чѣмъ это можетъ казаться профанамъ». Да и пошелъ и пошелъ, и продолжалъ это пересыпанное усмѣшечками и игривостями «изученіе» до тѣхъ поръ, пока изъ десятка сидѣвшихъ на лекціи студентокъ одна бѣдная дѣвушка, почти ребенокъ, не выдержала и съ горящими щеками, со слезами на глазахъ, торопливо смахивая ихъ вуалемъ, не вышла изъ аудиторіи при взрывѣ общаго хохота. А на ея болѣе привычныхъ къ мужской тактикѣ подругъ посыпались циничныя фразы и восклицанія студентовъ: «и вы всѣ вонъ!»—«нѣтъ, эти не уйдутъ!»—«эти изъ заведенія Телье» (намекъ на бывшій въ то время въ модѣ разсказъ Гюи-де-Мопассана La maison Teilier)—«кліентовъ что-ль ждете?» и т. п.

Теперь въ медицинской школѣ къ студенткамъ уже попривыкли, и если между ними и студентами не установилось еще вполнѣ человѣческихъ отношеній, то прежняя непріязнь значительно ослабѣла и даже нѣсколько французовъ поженились на дѣвушкахъ, съ которыми они сидѣли на студенческой скамьѣ. Довольно вѣжливо встрѣчаютъ женщинъ въ Сорбоннѣ и на юридическомъ факультетѣ,—отчасти, можетъ быть, потому, что тутъ дипломъ не даетъ женщинамъ никакихъ практическихъ правъ и никакой возможности конкуррировать съ мужчинами. За то въ другихъ заведеніяхъ дѣло обстоитъ по прежнему, и напр. въ школѣ изящныхъ искуствъ студенты всего какой нибудь мѣсяцъ назадъ устроили кошачью серенаду женщинамъ, которыя были допущены въ этомъ году впервые къ слушанію лекцій въ стѣнахъ упомянутаго заведенія. Господа будущіе живописцы и ваятели, очевидно, продолжаютъ традицію конца 70-хъ годовъ, когда самъ Тэнъ, этотъ, можно сказать, орелъ между буржуазными воронами, отказался на отрѣзъ допустить на свои лекціи въ школѣ изящныхъ искусствъ нашу талантливую соотечественницу, В. Н. Никитину (скоро начавшую писать подъ псевдонимомъ Б. Жандръ и умершую, къ сожалѣнію, очень рано, на порогѣ къ славѣ, въ 1884 г.).

Почтенный критикъ спиритуализма и страстный англоманъ, увлекавшійся, между прочимъ, самостоятельностью англо-саксонской женщины, не нашелъ ничего лучше въ своемъ отрицательномъ отвѣтѣ Никитиной, какъ сослаться на необходимость соблюденія приличій, на «слишкомъ яркій колоритъ нагого тѣла въ картинахъ фламандской школы» и т. п. пошлости. Но какъ разъ этотъ блюститель особыхъ приличій для дамъ и защитникъ фиговыхъ листи-

ковъ въ преподаваніи, сыгралъ по отношенію къ Никитиной невольно ту роль, которую Сократъ избиралъ сознательно въ своихъ столкновеніяхъ съ учениками. Тэнъ явился акушеромъ литературнаго таланта Никитиной, которая, будучи возмущена филистерскими взглядами историка искусства, взялась за перо и дебютировала страстной и умной отповѣдью по адресу ученаго мужа *).

Какъ бы то ни было, законъ во Франціи—противъ формальнаго расширенія правъ женщинъ, и если узкая сфера легальной дѣятельности, сдавливающая женщину желѣзнымъ кольцомъ, становится то тамъ, то самъ растяжимой и даже допускаетъ возможность вырваться на свѣтъ божій, то это лишь въ нѣкоторыхъ областяхъ, гдѣ законная роль женщины признана болѣе или менѣе издавна. Такова педагогическая дѣятельность нисшаго рода. По статистикѣ 1894—1895 г. въ первоначальныхъ свѣтскихъ школахъ считалось 56603 учителей и 43712 учительницъ, а въ первоначальныхъ школахъ, находящихся въ рукахъ духовенства (но подъ контролемъ правительства), учителей было 9536, а учительницъ 38655 (конечно, главнымъ образомъ монахинь) **). Но когда мы переходимъ къ болѣе высшему разряду обучающаго персонала, эта благопріятная пропорція женщинъ сразу падаетъ. Та же самая оффиціальная статистика насчитываетъ между лицами, имѣющими такъ называемое «свидѣтельство о педагогическихъ способностяхъ» (certificat d'aptitude pédagogique) по закону 1882 г., 20147 учителей и лишь 10926 учительницъ ***). Очевидно, и въ педагогической сферѣ на женщинъ давятъ предразсудки, нашедшіе такое яркое выраженіе въ пресловутой программѣ, набросанной Наполеономъ для Экуанскаго института благородныхъ дѣвицъ (établissement d'Ecouen):

„Чему будутъ обучать воспитанницъ Экуана? Надо начинать съ религіи во всей ея строгости... Воспитывайте намъ религіозныхъ женщинъ, а не резонерокъ. Слабость женскаго мозга, подвижность женскихъ идей, назначеніе женщинъ въ обществѣ, необходимость для нихъ постоянной покорности судьбѣ и легкой и снисходительной филантропіи, все это можетъ быть достигнуто лишь путемъ религіи... Засимъ надо обучить воспитанницъ счету, письму, началамъ грамматики, да чтобы онѣ знали правописаніе. Надо также обучить ихъ немного географіи и исторіи, но ни подъ какимъ видомъ не преподавать имъ латыни, ни иностранныхъ языковъ. Наиболѣе старшихъ изъ нихъ можно было бы, пожалуй, познакомить немного съ ботаникой и пройти съ ними легкій курсъ физики или естественной исторіи; но даже и это представляетъ свои неудобства. Главнымъ образомъ, нужно заставлять ихъ всѣхъ работать въ теченіе трехъ четвертей дня надъ рукодѣльями; онѣ должны умѣть вязать чулки, шить рубашки, вышивать узоры, и словомъ, исполнять всякаго рода женскія работы. Не знаю, можно-ли ихъ будетъ познакомить немного съ медициной и съ употребленіемъ аптечки, какъ это требуется отъ сидѣлки.

*) См. B. Gendre, *M. Taine et l'éducation de la femme*; La Science politique, 1-го апрѣля 1879 г.

**) Annuaire statistique, стр. 196.

***) Ibid., стр. 210.

Но хорошо было бы, еслибы онѣ выучились вести хозяйство. Я желаю, чтобы молодая дѣвушка, выйдя изъ Экуана и очутившись въ положеніи хозяйки, могла шить себѣ платья, чинить одежду мужа, готовить бѣлье для дѣтей, изобрѣтать лакомства для семьи, ухаживать за мужемъ и дѣтьми, когда они заболѣютъ и т. д. Все это такъ просто и тривіально, что не требуетъ большихъ усилій мысли" *).

Подобныя разсужденія и не могутъ, впрочемъ, удивлять насъ въ Наполеонѣ, который требовалъ отъ націи пушечнаго мяса, а отъ женщинъ усердія по части доставки этого продукта, необходимаго для плановъ завоевателя.

До сихъ поръ положеніе женскаго вопроса, какъ онъ ставится во Франціи законодательствомъ—и, отчасти рутиной,—должно было представляться читателю очень простымъ: приниженное состояніе женщины; деспотическая власть мужчины; законъ, опутывающій всевозможными стѣсненіями малѣйшее проявленіе женской дѣятельности; обычай, какъ будто поддерживающій своимъ слѣпымъ и могущественнымъ авторитетомъ этотъ взглядъ законодателя на женщину, какъ на существо слабое и вѣчно несовершеннолѣтнее. Но эта черезчуръ схематическая картина начинаетъ измѣняться и усложняться подъ вліяніемъ тѣхъ поправокъ, которыя вноситъ въ нее сама же французская жизнь, лишь только принимаешься всматриваться въ нее болѣе внимательно. У улицы и ея будничныхъ фактовъ есть своего рода краснорѣчіе. Начнемъ хотя бы съ этой казовой стороны дѣйствительности. Зайдите въ любую мелочную лавку и средній магазинъ, и васъ поразитъ выдающаяся роль, которую играютъ здѣсь женщины. Онѣ и продаютъ, и показываютъ вамъ товары, и сидятъ у кассы. Мало того, въ извѣстныхъ категоріяхъ заведеній онѣ даже представляютъ интеллигентный элементъ, въ то время какъ мужчина является элементомъ исключительно рабочимъ. Войдемъ вотъ хоть въ эту мясную: хозяйка вышла на минуту изъ-за конторки,—случай для наблюденія подвертывается самый удобный. Спросимъ у хозяина нѣсколько кусковъ мяса и потребуемъ счетъ. Операція разрубанія, отрѣзыванія и взвѣшиванія исполнена хозяиномъ и его подручными въ совершенствѣ. Но писанье счета стоитъ почтенному патрону нечеловѣческихъ усилій: начать съ того, что онъ никакъ не можетъ сообразить, сколько су въ точности приходится за такую-то и такую-то дробь килограмма. Наконецъ, эта ариѳметическая операція при помощи головоломныхъ соображеній и фантастическихъ выкладокъ приведена къ благополучному окончанію. Остается едва-ли не самая трудная для мясника задача: это — написать самый счетъ... И видя, какъ ражій

---

*) Цитирую по отрывку *L'éducation féminine d'après Napoléon*, въ уже упомянутомъ мною выше сборникѣ *Les femmes et les Féministes*, стр. 905.

красавецъ-хозяинъ сжимаетъ изо всѣхъ силъ въ своихъ толстыхъ пальцахъ непокорно вертящееся перо, какъ онъ опирается своей мускулистой рукой на бумагу и, тяжело дыша, наклоняется широкой грудью надъ конторкой,—видя это, вы не можете не почувствовать сожалѣнія къ этому великолѣпному, но поставленному въ необычныя условія животному... Къ счастію, хозяйка, отлучившаяся на минуту изъ лавки, возвращается. «Мари! напиши господину счетъ»—весело, словно вырвавшійся на свободу школьникъ, кричитъ мясникъ подругѣ своей жизни и стяжательной дѣятельности, и подъ проворной рукой хозяйки тонкія, изящныя, мелкія, какъ бисеръ, и сильно наклоненныя на французскій манеръ буквы и цифры выростаютъ въ нѣсколько секундъ въ стройныя и прямыя строчки. И подобныхъ сценъ вы насмотритесь не мало, имѣя дѣло съ мелкими и средними лавками и магазинами. Только въ громадныхъ базарахъ, о которыхъ я говорилъ уже съ читателемъ и гдѣ раздѣленіе труда достигло высокаго уровня, сложныя счетныя операціи продѣлываются мужчинами, настоящими виртуозами цифръ. Но и собственно въ торговыхъ операціяхъ женщины дѣятельно помогаютъ мужчинамъ: между мелкой и средней буржуазіей число женщинъ, посвященныхъ въ тайны профессіи мужа и ведущихъ порою дѣла самостоятельно, значительно превышаетъ число незанятыхъ; и француженка по части практической жизни и коммерческой дѣятельности зачастую оставляетъ мужчину за собой. Тутъ, конечно, статистика, не даетъ точныхъ цифръ. Но, повторяю, мало-мальски внимательное наблюденіе и отзывы лицъ, спеціально занимавшихся этимъ вопросомъ, ярко обрисовываютъ значеніе женскаго труда и женской иниціативы въ широкихъ слояхъ общества *). А что говорить о рабочемъ классѣ, среди котораго капиталистическій строй стеръ всякія различія между обоими полами въ смыслѣ участія въ производствѣ: передъ неумолимой машиной женщина вполнѣ равноправна съ мужчиной, развѣ что гнетъ давитъ на нее сильнѣе, ибо за одинаковый трудъ она получаетъ гораздо меньшую заработную плату. И это разсужденіе вполнѣ примѣнимо и къ «либеральнымъ профессіямъ», гдѣ женщинѣ все болѣе и болѣе приходится полагаться на свои знанія и способность къ труду. Обратите вниманіе лишь на печальныя причитанія Гюга Ле-Ру въ «Фигаро», указывающаго на трудность пристроиться для «нашихъ дочерей» (nos filles, т. е. принадлежащихъ такъ или иначе къ буржуазіи).

Если теперь подняться въ самые верхи общества, въ среду богатой буржуазіи и аристократіи, то и здѣсь поверхностный взглядъ на совершенно второстепенное значеніе женщины подлежитъ поправкамъ и ограниченіямъ. Въ этихъ сферахъ, которыя освобождены условіями жизни отъ необходимости горькой борьбы за суще-

*) См., напр., Charles Bonnier, *La question de la femme*; Le Devenir Social, № 5 (Май) 1897 г., стр. 410—411.

ствованіе, французская женщина сыграла и въ прошломъ важную роль, и продолжаетъ играть ее порою и теперь. Кому изъ занимавшихся исторіей цивилизаціи и общественно-политической жизни во Франціи не кидалась въ глаза громадная координирующая и даже прямо творческая дѣятельность женщинъ въ такъ называемыхъ литературныхъ и политическихъ салонахъ? Въ этомъ отношеніи Франціи едва-ли не принадлежитъ первое мѣсто въ ряду культурныхъ странъ.

Возьмите, не забираясь вглубь временъ, хотя-бы семнадцатый вѣкъ, въ которомъ вся работа французской общественной мысли, подъ давленіемъ деспотизма централизованной монархіи, ушла въ литературу и разговоры о книжныхъ сюжетахъ. И что-же? Сообразно съ идейнымъ теченіемъ эпохи, во главѣ образованнаго общества стали литературные салоны, и салоны, группировавшіеся вокругъ женщинъ и подъ непосредственнымъ ихъ руководствомъ и вліяніемъ. За примѣромъ недалеко ходить. Въ одномъ изъ послѣднихъ выпусковъ новой и подробной «Исторіи французскаго языка, и французской литературы», выходящей подъ руководствомъ Пети де-Жульвиля, какъ разъ разсматривается роль знаменитаго «отеля Рамбуйлье» и его не менѣе знаменитой хозяйки—маркизы, урожденной Катерины де-Вивоннъ, «голубая комната» которой являлась центральнымъ пунктомъ всего мыслящаго въ XVII вѣкѣ. Вдумайтесь въ значеніе этого литературнаго и общественнаго собранія, взвѣсьте сравнительную важность идей, вышедшихъ изъ этой комнаты и распространившихся по всей образованной Франціи вплоть до вырожденія этого теченія въ жеманный педантизмъ «Précieuses», и вы убѣдитесь, какую роль женщины играли въ работѣ тогдашней мысли *).

Но вотъ наступаетъ XVIII вѣкъ, а съ нимъ торжество философски-общественной и политической мысли, которая обошла, можно сказать, въ эту пору небо и землю, подвергая безстрашной критикѣ всѣ общепринятыя понятія и гордо созидая изъ элементовъ «разума» храмъ всеобщаго счастія и свободы.

Сообразно съ измѣнившимся направленіемъ общественныхъ задачъ, чисто-литературные вопросы уступаютъ мѣсто философскимъ и политическимъ. Но умственнымъ средоточіемъ являются по прежнему салоны, и опять-таки салоны женскіе, хозяйки которыхъ продолжали координирующую роль своихъ предшественницъ XVII вѣка, хотя уже въ новой, болѣе живой, болѣе близкой къ злобамъ дня сферѣ. Опять-таки за примѣромъ недалеко ходить. Совсѣмъ въ послѣднее время вышла книга нѣкоего Пьера де-Сегюра, изображающая жизнь знаменитой г-жи Шоффрэнъ, которая была въ дружбѣ и перепискѣ съ коронованными особами и въ домѣ которой, на улицѣ

---

*) См. L. Petit de Julleville, *Histoire de la langue et de la littérature française*; Парижъ, 1897, т. IV, вып. 26-й, особенно стр. 82—90 и 100—113.

Сэнтъ-Онорэ, собирались всѣ крупнѣйшіе представители мысли и искусства тогдашней Франціи,—что и подало поводъ автору книги дать ей названіе «Королевство улицы Сэнтъ-Онорэ» *).

А сколько другихъ замѣчательныхъ женщинъ принимали въ это время дѣятельное участіе въ умственномъ движеніи страны, охваченной философскимъ и политическимъ энтузіазмомъ! Сколько и прямо и косвенно Франція была обязана этимъ выдающимся руководительницамъ салоновъ! И пусть не думаютъ, какъ это угодно было утверждать нѣкоторымъ историкамъ, одержимымъ горделивой маніей «сильнаго пола», пусть не думаютъ, говорю я, что эти женщины играли якобы лишь роль салонной мебели или, въ лучшемъ случаѣ, приманки, вокругъ которой собирались блестящіе мужчины, стараясь одинъ передъ другимъ щегольнуть глубиной или новизною мысли.

Какъ, салонная мебель—г-жа Дю-Шатлэ, которая была учительницей Вольтера по физикѣ и математикѣ и которую этотъ несравненный умъ называлъ «ученой Ураніей»? Салонная мебель—г-жа Дю-Деффанъ, одна изъ самыхъ тонкихъ цѣнительницъ людей и событій XVIII вѣка, переписка которой съ Вольтеромъ, д'Аламберомъ, Вальполемъ нисколько не умаляетъ ея умственной фигуры даже въ сосѣдствѣ съ этими замѣчательными людьми? И простая приманка—M-lle Волланъ, эта вѣрная подруга Дидро, которая столько лѣтъ умѣла понимать, умѣла отзываться на настоящій ураганъ геніальныхъ мыслей и благородныхъ чувствъ, поднимавшійся каждый день въ мозгу великаго энтузіаста?

Придвиньтесь теперь нѣсколько ближе къ нашему вѣку, и почти на рубежѣ его вы встрѣтитесь съ міровымъ движеніемъ первой революціи, въ которой опять-таки играютъ такую роль женщины. Но тутъ, сообразно съ измѣнившимися условіями, ихъ дѣятельность не ограничивается работой мысли въ философіи, литературѣ и теоретизирующей политикѣ: она переходитъ въ жизнь, практику, яростную борьбу партій. Самый характеръ умственныхъ центровъ общества мѣняется. На мѣсто литературныхъ салоновъ XVII вѣка, на мѣсто философскихъ и абстрактно-политическихъ салоновъ большей части XVIII вѣка, являются салоны уже чисто-политическіе (напр. г-жи Роланъ), а по мѣрѣ расширенія движенія отступаютъ передъ новой формой идейнаго общенія, клубами и политическими обществами, которые представляютъ собой попытку личностей образовать организацію и коллективно вмѣшаться въ ходъ исторіи.

Тутъ, впрочемъ, кадръ нашей задачи поневолѣ расширяется, и намъ приходится говорить не только о женщинѣ высшихъ классовъ, но болѣе или менѣе о всей женской половинѣ націи, охваченной въ то время движеніемъ. Ибо переворотъ, опрокинувъ общественныя перегородки, смѣшалъ и соединилъ для революціонной цѣли раз-

*) Pierre de Ségur, *Le royaume de la rue Saint-Honoré*; Парижъ, 1897.

личныя сословія, и, на ряду съ образованными женщинами, жены пролетаріевъ и рыночныя торговки ставили и общія политическія, и спеціально-женскія требованія. Минуя различныя перипетіи общей политической борьбы, укажу лишь на нѣкоторыя жизненныя и теоретическія проявленія женскаго вопроса.

Уже при самомъ началѣ движенія, а именно 5 октября 1789 г., женщины, собравшіяся на площади Людовика XV по зову Теруань де-Мерикуръ, провозгласили «право на существованіе» и, указывая на ужасную нищету, которая давила въ то время особенно женщинъ изъ народа, требовали разрѣшенія присутствовать на засѣданіяхъ Національнаго Собранія, что и было имъ дозволено въ теченіи нѣкотораго времени. Двѣ-три недѣли спустя (26-го октября того-же года) женщины адресовали свою первую петицію Національному Собранію, прося его дать доступъ женщинамъ ко всѣмъ профессіямъ, которыя подручны имъ, и провозгласить совершенное равенство обоихъ половъ. Во время медоваго мѣсяца увлеченія новыми идеями женщины твердо вѣрили, что освобожденіе мужчинъ отъ политическаго гнета будетъ сопровождаться освобожденіемъ женщинъ отъ мужскаго ига. И когда эти надежды не сбылись, наиболѣе энергичныя и развитыя женщины подняли борьбу за эмансипацію своихъ сестеръ подъ предводительствомъ талантливой и образованной писательницы, Олимпіи де Гужъ (Olympe de Gouges), сформировавшей въ семнадцати положеніяхъ программу эмансипаціи. Въ заключеніи этой программы, между прочимъ говорилось:

«Женщина рождается свободною и имѣющею одинаковыя права съ мужчиной; ибо общественныя различія могутъ основываться лишь на общей пользѣ. Принципъ всякой власти пребываетъ по существу внутри самой націи, которая есть ничто иное, какъ союзъ мужчины и женщины. Никакая корпорація, никакая личность не можетъ располагать иной властью, кромѣ той, которая вытекаетъ изъ этого союза. Свобода и справедливость состоятъ въ томъ, чтобы воздавать каждому изъ нашихъ ближнихъ то, что принадлежитъ ему. Такимъ образомъ, пользованіе естественными правами женщины не имѣетъ никакихъ иныхъ ограниченій, кромѣ вѣчной тиранніи, которую противоставляетъ этимъ правамъ мужчина. И, однако, законъ долженъ быть выраженіемъ всенародной воли; всѣ гражданки, какъ и всѣ граждане, должны участвовать лично или черезъ своихъ представителей въ установленіи упомянутой воли. Она должна быть равна для всѣхъ. Всѣ гражданки, какъ и всѣ граждане, являясь равными передъ нею, должны быть одинаково допускаемы ко всѣмъ должностямъ и общественнымъ мѣстамъ, согласно съ ихъ способностями и безъ какого-бы то ни было иного различія, кромѣ добродѣтелей и талантовъ. Женщина несетъ, подобно мужчинѣ, государственные налоги: ясно, что, подобно ему, она имѣетъ право потребовать отчета въ веденіи дѣлъ отъ каждаго агента администраціи. Женщина имѣетъ право всходить на эшафотъ:—она очевидно, должна также имѣть право всходить на трибуну» *).

---

*) См. статью Marya Cheliga, *L'Evolution du Féminisme* въ нѣсколько разъ уже цитированномъ сборникѣ *Les Femmes et les Féministes*, стр. 910.

Въ 1793 году, который представлялъ собою кульминаціонный пунктъ революціоннаго движенія,—въ этомъ особенно бурномъ году масса обществъ и политическихъ клубовъ выставила въ своихъ программахъ требованіе коренныхъ соціальныхъ реформъ, основанныхъ на равенствѣ мужчинъ и женщинъ. Достаточно упомянуть общество Друзей конституціи, Братское общество обоихъ половъ, Братское общество рынковъ, Общество женщинъ республиканокъ и революціонеровъ, которыя вели сильную агитацію въ пользу женской эмансипаціи. Но дѣятели первой революціи, за очень немногими исключеніями, смотрѣли враждебно на женское движеніе. Они пользовались въ разгарѣ политической борьбы энтузіазмомъ женщинъ, развертывая передъ ними широкіе горизонты общечеловѣческой свободы. Но когда, отчасти благодаря этой поддержкѣ, они стали у власти, одной изъ самыхъ первыхъ политическихъ мѣръ, проведенныхъ этими врагами женской эмансипаціи, было исключеніе женщинъ изъ всякаго участія въ политической жизни по закону 20-го мая 1793 г. Если нѣсколько раньше, при самомъ началѣ революціи, лишь два представителя народа, Сьейесъ и Кондорсэ, были рѣшительными сторонниками женской равноправности, то въ описываемый нами моментъ только одинъ депутатъ, нѣкто Шарлье протестовалъ противъ этого закона. Остальные же настойчиво требовали, — утопая въ терминахъ тогдашней модной, подражающей грекамъ и римлянамъ фразеологіи,—требовали отрѣзать «безстыднымъ женщинамъ» доступъ къ политической дѣятельности и разъ навсегда покончить со скандаломъ «особъ женскаго пола, облекающихся въ мужскую тунику». Вскорѣ реакція противъ движенія женщинъ достигла провинціи, гдѣ всѣ женскіе клубы были закрыты въ силу декрета Конвента. И бѣдныя піонерки эмансипаціи, угнетаемыя центральной властію, осмѣиваемыя громаднымъ большинствомъ органовъ прессы и подвергавшіяся всевозможнымъ притѣсненіямъ толпы, отчасти разсѣялись и сошли съ политической сцены, отчасти нашли въ добровольной смерти выходъ изъ невыносимаго положенія, въ которое ихъ поставила начавшая улегаться революція.

Надо-ли говорить, что при Наполеонѣ I, съ его дикими взглядами на женщину и ея соціальную роль, малѣйшія проявленія женской самостоятельности были безжалостно подавляемы, и женщина была низведена исключительно на роль самки, производящей работниковъ для страны, чиновниковъ и солдатъ для государства. Единственнымъ пріобрѣтеніемъ женщины (какъ и мужчины, впрочемъ) остался законъ о разводѣ 20-го сентября 1792 г., перенесенный въ Кодексъ Наполеона (ст. 229—231) и смягчавшій требованіе нерасторжимости брака по ученію католической церкви. Но и этотъ законъ былъ смытъ волною *) новой соціальной

*) Онъ снова вошелъ во французское право, но и то въ ослабленной редакціи, лишь по закону 1884 и 1886 г.

реакціи, которая ознаменовала возвращеніе Бурбоновъ и періодъ такъ называемой реставраціи. «Шестой параграфъ первой книги гражданскаго кодекса, касающійся развода», читаю я у лѣтописца этой эпохи отъ 8-го мая 1816 г., «былъ уничтоженъ закономъ, вотированнымъ въ обѣихъ Палатахъ и получившимъ санкцію короля. Этотъ законъ, подвергшійся сильному нападенію со стороны нѣкоторыхъ либеральныхъ ораторовъ, уже въ теченіе долгаго времени былъ требуемъ религіознымъ чувствомъ католическаго населенія страны» *).

Но за то періодъ реставраціи былъ отмѣченъ на ряду съ общимъ пробужденіемъ политической жизни послѣ военно-административнаго гнета Наполеона, возобновленіемъ женскаго движенія. Оно выразилось отчасти возрожденіемъ салоновъ, напоминавшихъ дореволюціонный періодъ, но затронутыхъ политической борьбой тогдашнихъ партій; отчасти агитаціей въ самой странѣ. Какъ ни ярко прокидывалась во всѣхъ сферахъ жизни соціальная реакція, пущенная въ ходъ легитимистами, знаменательно, что въ періодъ реставраціи появился новый женскій манифестъ, почти столь же энергичный, какъ и программа Олимпіи де-Гужъ, и провозглашавшій со стороны женщинъ необходимость «активнаго и пассивнаго сопротивленія». Около того же времени возникло и нѣсколько газетъ, посвященныхъ женскому вопросу: «La Tribune des Femmes», «La Gazette des Femmes»; но за недостаткомъ средствъ онѣ скоро прекратились.

При концѣ реставраціи и во время іюльской монархіи женскій вопросъ вошелъ въ болѣе или менѣе тѣсную связь съ соціальнымъ вопросомъ, и освобожденіе женщины отъ ига мужчины разсматривалось, какъ частный случай освобожденія всего человѣчества отъ экономическаго и политическаго строя, основаннаго на конкурренціи.

Среди самихъ женщинъ февральская революція возбудила большія надежды и вызвала сильное общественное и политическое движеніе. Повсюду составлялись женскіе клубы, образовывались комитеты, писались петиціи, возникали газеты, требовавшія избирательнаго права для гражданокъ и допущенія ихъ ко всѣмъ общественнымъ должностямъ. Но опять-таки это эмансипаціонное движеніе разбилось въ значительной степени о сопротивленіе мужчинъ. Нѣкоторые мужскіе клубы открыли, правда, двери женщинамъ, и кой-кто изъ женскихъ ораторовъ пользовался вниманіемъ слушателей. Но громадное большинство отвѣчало смѣхомъ и прибаутками на требованія равноправности со стороны женщинъ. Спеціальные женскіе клубы, въ родѣ, напримѣръ, того, который былъ основанъ Евгеніей Нибойе, превратились въ мѣсто сборища шутниковъ и

---

*) См. *Abrégé chronologique de l'histoire de France par le président Hénault, continué jusqu'aux événements de* 1830. Ouvrage entièrement revu par M. Michaud: Парижъ, 2-е изд., 1840 г., стр. 829.

горлановъ, которые не давали слова вымолвить женщинамъ. Лучше дѣла обстояли съ прессой, насчитывавшей въ то время съ десятокъ женскихъ газетъ, La Voix des Femmes, L'Opinion des Femmes, La Voix des deux Mondes, и т. д. Общественное мнѣніе было ближе приготовлено къ защитѣ женскаго вопроса въ печати, чѣмъ непосредственно въ самой жизни: читатели привыкли встрѣчать женщинъ между нѣкоторыми любимѣйшими авторами эпохи, и имя Жоржъ Зандъ было, напр., очень популярно.

Наиболѣе энергичныя сторонницы женской равноправности были вмѣстѣ съ тѣмъ и горячими защитницами новаго политическаго и соціальнаго идеала. Фактъ знаменательный: реакція, послѣдовавшая за іюльскими днями и приведшая три года спустя къ перевороту 2-го декабря, обрушилась между женщинами главнымъ образомъ на тѣхъ, которыя стояли за республику. Достаточно упомянуть имена Полины Роланъ, которая у самого прокурора вызвала признаніе: «эта женщина—фанатикъ, но честный человѣкъ», Жанны Деруанъ, которая, подобно только что упомянутой дѣятельницѣ, была брошена въ Сенъ-Лазарскую тюрьму среди воровокъ и публичныхъ женщинъ; и т. д. Преслѣдованія и изгнанія, ознаменовавшія водвореніе второй имперіи, захватили значительное число піонерокъ женскаго движенія, а эффектная рѣчь Виктора Гюго на тему: «XVIII-й вѣкъ провозгласилъ права мужчины, XIX-й провозгласитъ права женщины» была сказана (въ 1853 г.) внѣ предѣловъ Франціи, на островѣ Джерси, на могилѣ Луизы Жюльенъ, одной изъ жертвъ бонапартистской реакціи.

Женское движеніе снова проявилось во вторую половину имперіи. Но, сообразно съ общимъ характеромъ либеральной оппозиціи при имперіи, большинство сторонницъ женской эмансипаціи этой эпохи рядомъ съ прогрессивными идеями въ сферѣ политической держатся консервативныхъ взглядовъ въ области общечеловѣческихъ соціальныхъ вопросовъ. Стоитъ припомнить лишь буржуазныя разсужденія г-жи Клемансъ Ройе насчетъ необходимости грызни въ обществѣ. Конечно, и въ это время нѣкоторыя изъ выдающихся женщинъ шли далеко не только по пути спеціальныхъ женскихъ требованій. Какъ бы то ни было, и независимо отъ разницы соціальнаго міровоззрѣнія, эманципаціонное движеніе женщинъ въ концѣ второй имперіи связано съ именами Маріи Дерэмъ, Гюбертины Оклэръ и Евгеніи Потонье-Пьеръ, къ которымъ надо присоединить защитника женскихъ правъ Леона Рише, основавшаго спеціальный органъ Le Droit des Femmes, издаваемый въ теченіе почти четверти вѣка.

Различіе въ общихъ взглядахъ между сторонницами женскаго движенія, при единствѣ извѣстной доли ихъ спеціальной программы, должно было выразиться, и дѣйствительно ярко выразилось, при третьей республикѣ. Это различіе отражаетъ лишь ту общую разслойку либеральнаго теченія, которая обнаруживается все сильнѣе

и сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ Франція отодвигается отъ деспотическаго режима имперіи, и общественное мнѣніе, предоставленное самому себѣ, логически развиваетъ различныя направленія мысли и различные общественные идеалы, волнующіе современниковъ. И общее усиленіе женскаго движенія и только что упомянутую дифференціацію міровоззрѣній можно прослѣдить на разныхъ явленіяхъ. Таковы, напр., интернаціональные женскіе конгрессы, первый изъ которыхъ имѣлъ мѣсто въ 1878 г., а послѣдній, впервые открытый публикѣ, осенью 1896 г., тогда какъ въ промежуткѣ происходили другіе конгрессы и засѣданія: въ 1889 г., конгрессъ, пріуроченный (подобно первому) къ всемірной выставкѣ и соединившій много француженокъ и иностранокъ; въ 1891 г. собраніе такъ называемаго Всеобщаго женскаго союза, которое установило окончательно связь между всемірнымъ движеніемъ въ пользу женщинъ и общественнымъ мнѣніемъ во Франціи; въ 1893 г., интернаціональный конгрессъ, организованный уже упомянутымъ союзомъ и новой «Французской федераціей женщинъ»; въ томъ же 1893 г. засѣданія комитета этой федераціи, комитета, который выработалъ «Тетрадь женскихъ жалобъ и требованій» (Cahier des doléances féminines), напоминающую своимъ заглавіемъ знаменитыя тетради 1789 г.

Что касается до различныхъ женскихъ обществъ и организацій, то самый бѣглый взглядъ на ихъ тенденціи и программы уже указываетъ на ту глубину дифференціаціи, которой подверглось міровоззрѣніе сторонниковъ и сторонницъ женской равноправности. Нечего говорить о томъ, что послѣдователи самаго крайняго общественнаго міровоззрѣнія не составляютъ въ настоящее время многочисленной «феминистской» группы. Они подчиняютъ женскій вопросъ соціальному; они не вѣрятъ даже въ возможность рѣшить первый независимо отъ послѣдняго. Таковъ взглядъ и самихъ женщинъ, принадлежащихъ къ этой партіи, въ родѣ Паулы Минковской (Paule Mink, какъ называется здѣсь эта получившая право французскаго гражданства полька). Вотъ почему спеціальныя женскія общества далеко не выражаютъ распространенности среди женщинъ рабочаго класса взглядовъ на женскую равноправность: для женъ и сестеръ пролетаріевъ эта равноправность является фактической при всеобщемъ гнетѣ капитала, не различающаго въ этомъ смыслѣ мужчину отъ женщины. И во Франціи есть сравнительно не мало рабочихъ женскихъ организацій, которыя, однако, нисколько не подчеркиваютъ своего спеціальнаго характера и не могутъ найти мѣста въ этой статьѣ. Изъ числа такихъ женскихъ обществъ, существующихъ въ Парижѣ, можно, впрочемъ, упомянуть Союзъ (Sindikat) прачекъ и больничныхъ сидѣлокъ, который къ общимъ требованіямъ программы присоединяетъ еще спеціальныя требованія радикальнаго характера, касающіяся политической правоспособности женщинъ. Но изъ собственно женскихъ организацій, въ одномъ Парижѣ можно насчитать (идя слѣва направо, согласно окраскѣ

программы): Всеобщій союзъ женщинъ, преслѣдующій широкое преобразованіе женскихъ правъ и всего строя на почвѣ федераціи народовъ; общество «Солидарность», выставляющее радикальныя требованія главнымъ образомъ для французскихъ женщинъ; общество «Равенство», сводящее пока свою практическую программу къ достиженію нѣкоторыхъ элементарныхъ правъ, въ которыхъ Наполеоновскій кодексъ отказываетъ женщинѣ. И таково же направленіе «Французской лиги, борящейся за права женщинъ» и «Общества для улучшенія положенія женщины и признанія ея правъ». Консервативныя тенденціи представлены обществами «Предвозвѣстница» и «*Христіанскія феминистки*». Какъ видите, эмансипаціонное движеніе захватываетъ различные слои мысли и уживается съ различными оттѣнками общаго міровоззрѣнія. Но что всего интереснѣе въ послѣдніе годы, это распространеніе между мужчинами болѣе здравыхъ взглядовъ на женскую самостоятельность и ослабленіе чудовищно-презрительнаго отношенія къ женщинѣ, лишь только она выражала желаніе жить, мыслить, чувствовать и развиваться не только для мужчины, но и для самой себя.

Дѣйствительно, печально было видѣть, какъ во Франціи, за самыми немногими исключеніями, наиболѣе сильные мужскіе умы мало чѣмъ отличались отъ заурядныхъ мужчинъ въ вопросѣ о соціальномъ и политическомъ положеніи женщинъ. Зачастую, серьезные дѣятели и искренніе прогрессисты и демократы лишь рѣзче и ярче отражали воззрѣнія или, лучше сказать, рутинные вкусы своихъ среднихъ собратовъ. Не буду останавливаться на Прудонѣ, о взглядахъ котораго столько уже писалось и который, ничтоже сумняшеся, построилъ свою аргументацію противъ женщинъ на посылкахъ, заимствованныхъ у римскаго законодательства или же католической церкви. Но кто изъ французовъ не декламировалъ съ жаромъ и убѣжденіемъ страстныя обличенія поэта-мыслителя, направленныя противъ женщинъ болѣе полвѣка тому назадъ:

«Вѣчная борьба ведется всегда и повсюду на землѣ, на глазахъ Бога, между мужской добротой и женскимъ коварствомъ, ибо женщина есть существо нечистое и тѣломъ, и душой» *).

Кто изъ бородатой половины человѣчества не чувствовалъ своего превосходства, кичась дѣйствительно возмутительнымъ стихомъ того же поэта, который я принужденъ оставить здѣсь въ оригиналѣ:

La femme, l'enfant malade et douze fois impur!

И еще сравнительно недавно, одинъ изъ подававшихъ серьез-

---

*) См. Alfred de Vigny въ его «La colère de Samson»:

Une lutte éternelle en tout temps, en tout lieu
Se livre sur la terre, en présence de Dieu,
Entre la bonté d'Homme et la ruse de Femme,
Car la femme est un être impur de corps et d'âme!

ныя надежды поэтовъ, горячій республиканецъ и свободный мыслитель, именно во имя служенія возвышеннымъ принципамъ, читалъ такую мораль юношамъ:

«Молодой человѣкъ, оставь женщину пресмыкаться у твоихъ ногъ! Иди съ гордо поднятымъ челомъ и сохрани свое пламя для болѣе благородной любви; и будетъ-ли то герцогиня, буржуазка или гризетка, не дѣлай изъ этой красивой игрушки ничего другого, кромѣ забавы на одинъ день... Посмотри: легкомысленна женщина, полна невѣжества и фривольности; и ея капризъ, словно бабочка, устремляется къ пустякамъ. Всякая побрякушка прельщаетъ ее, всякій блуждающій огонекъ одурачиваетъ ее: это вѣчный ребенокъ, жалкая душа, которою управляетъ патеръ при помощи своего кропила».

А вотъ въ какихъ выраженіяхъ грозный судья обращался къ самимъ женщинамъ:

Женщина! Какой глупецъ, какой оселъ захотѣлъ украсить твой узкій лобъ ореоломъ идеала и разрушить твое очарованіе, стараясь втиснуть въ твой черепъ, въ твой легковѣсный мозгъ знаніе съ его холоднымъ и строгимъ взглядомъ? Я же хочу тебя, о женщина, невѣжественной, хочу тебя глупой, такой глупой, чтобы ты жевала траву, чтобы ты ничего не понимала, не имѣла ничего въ сердцѣ ни въ головѣ, была тупа какъ быкъ и послушна какъ собака... Какое мнѣ дѣло до твоего сердца? До твоей души? Я люблю лишь твою форму и хочу лишь твоего тѣла, и т. д. и т. д. *).

И вотъ эта-та возмутительная точка зрѣнія мужчины-эгоиста, властно выкрикивающаго, на подобіе султана, «я хочу тебя такой», «хочу этакой», не подозрѣвая, что и женщина можетъ забавляться игрой въ такіе же декреты сердца и физіологическихъ ощущеній,— эта точка зрѣнія стала замѣтно отступать на задній планъ передъ болѣе здравыми и человѣчными взглядами въ послѣднія пять-десять лѣтъ. Метаморфоза эта отчасти отразилась на нѣкоторыхъ писателяхъ-ветеранахъ, начавшихъ свою дѣятельность еще подъ вліяніемъ старыхъ воззрѣній, а впослѣдствіи замѣнившихъ ихъ новыми: напомню лишь Александра Дюма-сына. Отчасти же современное міровоззрѣніе захватило сравнительно молодыхъ людей, которые пробуждались къ сознательной жизни и общественной дѣятельности въ послѣднее десятилѣтіе. Назову между ними: двухъ братьевъ Рони, романы которыхъ, не смотря на тяжелую и бьющую на оригинальность форму, заключаютъ въ себѣ изображеніе какой-нибудь серьезной стороны общественной или личной психологіи; талантливаго драматурга Поля Эрвьё (Hervieu), двѣ недавнія пьесы котораго, «Клещи» и «Законъ мужчины», возбудили въ публикѣ и между органами прессы оживленные толки и полемику; остроумнаго

*) Называется этотъ женоненавистникъ, сошедшій, если не ошибаюсь, со сцены вскорѣ послѣ перваго томика своихъ звучныхъ стиховъ, Шеве (Chevé). я цитирую по сборнику статей *Etudes sociales, philosophiques et morales* уже упомянутой мною нашей талантливой соотечественницы В. Н. Никитиной (B. Gendre). Парижъ, 1886, стр 361—362.

оратора и философствующаго (не всегда, впрочемъ, достаточно глубоко) публициста Леопольда Лакура, который, посвятивъ первую половину своей уже цитированной мною книги объ «Интегральномъ гуманизмѣ» «дуэли половъ», во второй половинѣ дѣлаетъ заключеніе о «городѣ будущаго», какъ объ общественномъ строѣ, нуждающемся для своего осуществленія въ полнѣйшемъ равенствѣ правъ и обязанностей мужчины и женщины; Жюля Буа, которому увлеченіе сатанизмомъ и прочимъ «чертобѣсіемъ» не мѣшаетъ быть искреннимъ сторонникомъ женской эмансипаціи; романиста Люсьена Декава, который свою ненависть противъ гнета дисциплины въ военной сферѣ (см. его сильный этюдъ Les sous-off) перенесъ на тиранніию мужчины; аббата Виктора Шарбоннэля (Charbonnel), который тщетно пытается влить новое вино демократіи въ старые мѣхи католицизма (вспомните его проектъ Всемірнаго Конгресса религій въ Европѣ) и т. д. Я, конечно, не говорю о тѣхъ представителяхъ передовой мысли, которые не желаютъ быть исключительно «феминистами», не желаютъ именно потому, что смотрятъ на женскій вопросъ, какъ на одну изъ частныхъ сторонъ грандіознаго общаго вопроса и посвящаютъ этому послѣднему всѣ силы свои, но которые тѣмъ не менѣе привѣтствуютъ всякій даже малѣйшій шагъ общества по пути освобожденія женщины.

Наблюдая современное положеніе женскаго вопроса во Франціи, я склоняюсь къ той мысли, что новый серьезный толчокъ къ рѣшенію его будетъ исходить отъ самихъ женщинъ. Я разумѣю тѣхъ женщинъ изъ рабочаго класса и изъ промышленной или интеллектуальной буржуазіи, которыя уже въ настоящее время играютъ такую же роль въ борьбѣ за существованіе, какъ и мужчина, зачастую даже превосходя его быстротой пониманія и оцѣнки, но которыя не рѣшаются изъ-за боязни традицій потребовать отъ страны законнаго признанія ихъ равноправности съ мужьями и отцами. Но и этому новому шагу научитъ французскихъ женщинъ сама жизнь. Вотъ почему въ концѣ концовъ окажутся, можетъ быть, ближе къ цѣли тѣ изъ нихъ, которыя, не выдѣляютъ женскаго вопроса изъ современной общественной задачи и борятся рука объ руку съ мужчинами.

Н. К.

Изъ Германіи.

Послѣ упраздненія исключительнаго закона въ 1890 году и отклоненія репрессивнаго законопроекта въ 1894 г., въ парламентахъ нѣмецкихъ странъ то и дѣло заходитъ рѣчь о ревизіи и реформѣ законодательства объ обществахъ и собраніяхъ. Мотивы, руководящіе въ этомъ случаѣ различными партіями, различны. Интересы сохраненія политическаго могущества прусскаго юнкерства были той почвой, на которой выросъ новый законопроектъ о союзахъ и собраніяхъ, внесенный недавно въ прусскую палату и вызвавшій во всей Германіи то крайнее возбужденіе, какое съ начала 90-хъ годовъ сдѣлалось своего рода періодическимъ явленіемъ. Можно сказать, что формула: «прусская реакція и угроза единству имперіи» сдѣлалась періодическимъ кличемъ въ обиходѣ нѣмецкой жизни для отраженія всякаго рода бѣдъ, идущихъ какъ разъ отъ того государства, которому на свою бѣду объединенная имперія предоставила гегемонію надъ собою.

Начало болѣе новаго законодательства о союзахъ и обществахъ въ Германіи слѣдуетъ отнести къ прусскому земскому праву 1794 г. *). Въ этомъ кодексѣ заключены прежде всего частно-правовыя нормы касательно обществъ, предназначенныхъ исключительно служить имущественнымъ выгодамъ ихъ членовъ. Далѣе слѣдуютъ всякія другія общества съ корпоративной организаціей; ихъ основаніе дозволено и безъ предварительнаго разрѣшенія, если цѣли и дѣятельность такихъ обществъ не угрожаютъ общественному порядку и тишинѣ. Правда, государство сохраняло за собою право закрывать эти общества каждый разъ, «когда они тормозили или причиняли ущербъ другимъ общеполезнымъ учрежденіямъ». Если же какое-нибудь общество возникло съ разрѣшенія власти, то его закрытіе возможно лишь на убѣдительныхъ основаніяхъ общаго блага и при условіи достаточнаго матеріальнаго возмѣщенія; въ этомъ послѣднемъ могло быть отказано въ томъ лишь случаѣ, если члены даннаго общества по строгому судебному разслѣдованію погрѣшили противъ требованій закона. Подъ вліяніемъ французской революціи были однако, какъ въ Пруссіи, такъ и въ другихъ нѣмецкихъ странахъ, воспрещены всѣ общества, занимавшіяся обсужденіемъ политическихъ вопросовъ, или подчинявшіяся неизвѣстнымъ высшимъ властямъ, или члены которыхъ по статутамъ обязывались замалчивать дѣла своихъ обществъ передъ посторонними людьми.

---

*) См. Mascher: Vereins-und Versammlungsrecht in Deutschland. 2 Auflage, 1892.

На этой точкѣ зрѣнія оставались до 1848 года большинство нѣмецкихъ государствъ. Образованіе обществъ, не имѣвшихъ политическаго характера, такъ или иначе терпѣлось; политическія же общества или требовали для своего основанія предварительнаго разрѣшенія, или совершенно воспрещались. Такъ, напр., указъ баварскаго правительства отъ 1818 года, хотя и признаетъ личную свободу гражданъ и ихъ право участія въ общественныхъ дѣлахъ, но не даетъ имъ ассоціаціонныхъ правъ—«исходя изъ того убѣжденія, что истинное благо государства и его гражданъ можетъ быть споспѣшествуемо лишь правительствомъ, которому одному и надлежитъ взвѣшивать наличныя отношенія и по нимъ опредѣлять требованія общаго благополучія». Въ указѣ того же правительства отъ 1832 г. сказано: «Баварская конституція нигдѣ не предоставляетъ гражданамъ права произвольнаго образованія политическихъ ассоціацій рядомъ съ существующими государственными, общинными и представительными учрежденіями; образованіе такихъ ферейновъ безъ исключенія по прежнему зависитъ отъ предварительнаго представленія статутовъ правительству и отъ разрѣшенія этого послѣдняго» *).

Отъ намѣченныхъ здѣсь принциповъ отступали лишь немногія государства, какъ Баденъ въ своихъ законахъ объ обществахъ и собраніяхъ отъ 1833 года, Вюртембергъ въ законахъ отъ 1839 г., а конституція Саксенъ-Мейнингена уже въ 1829 г. полностью признала свободу и право союзовъ.

Лишь законодательство 1848 года и послѣдующаго времени окончательно отступило отъ начала, въ силу котораго образованіе союзовъ и созывъ собраній зависѣли отъ предварительнаго разрѣшенія. Образцомъ для законодательства этого времени послужилъ— въ особенности для Пруссіи, Баваріи и Саксоніи—французскій законъ о собраніяхъ и союзахъ отъ 1848 года. Въ настоящее время дѣйствующимъ законодательствомъ въ интересующей насъ области являются—въ Пруссіи: т. н. законъ о предупрежденіи угрожающихъ законной свободѣ и порядку злоупотребленій правомъ союзовъ и собраній, отъ 11 марта 1850 г.; въ Баваріи: законъ отъ 26 января 1850 г.; въ Саксоніи: законъ отъ 22 ноября 1850 г.; въ Вюртембергѣ: законъ отъ 2 апрѣля 1848 г. и полицейскія постановленія отъ 27 декабря 1871 г.; въ Баденѣ: законъ отъ 21 ноября 1867 г Въ Эльзасѣ и Лотарингіи остаются еще въ силѣ изданные до 1870 г. французскіе законы.

Въ виду занимающаго въ настоящее время общественное вниманіе прусскаго законопроекта, мы остановимся здѣсь по преимуществу на главнѣйшихъ постановленіяхъ прусскаго законодательства объ обществахъ и собраніяхъ, отмѣчая попутно тѣ особенности,

*) См. Iosef Grossmann: «Vereins und Versammlungspolizei in Bayern» Schmoller's Iahrbücher 1896, 3 Heft.

которыя отличаютъ его отъ соотвѣтственныхъ законодательствъ другихъ союзныхъ государствъ Германіи.

Права собраній и союзовъ установлены, какъ основныя права населенія, въ слѣдующихъ статьяхъ (29 и 30) прусской конституціи:

Всѣ прусскіе граждане имѣютъ право безъ предварительнаго разрѣшенія властей мирно и не вооруженными собираться въ закрытыхъ помѣщеніяхъ (29). Они имѣютъ кромѣ того право соединяться въ общества для цѣлей, не противорѣчащихъ законамъ страны (30). Одинаковыя съ этимъ постановленія существуютъ почти во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ: только въ Мекленбургъ-Шверинѣ, Мекленбургъ Стрелицѣ и Эльзасъ-Лотарингіи требуется предварительное разрѣшеніе начальства для образованія политическаго общества и для созыва политическаго собранія.

Само собою разумѣется, что въ предѣлахъ имперіи полноправнымъ гражданиномъ считается каждый нѣмецъ. Права иностранцевъ на участіе въ политическихъ обществахъ и собраніяхъ подлежатъ сомнѣнію; ихъ участіе въ собраніяхъ не всегда поддается контролю, а изъ состава политическаго общества они могутъ быть всегда исключены.

Принципъ свободы собраній и обществъ, ограждая гражданъ отъ полицейскихъ посягательствъ, не исключаетъ тѣмъ не менѣе нѣкоторыхъ ограниченій, вытекающихъ изъ особенностей положенія даннаго лица. Такъ лица военнаго званія не имѣютъ права произвольно собираться и организовываться въ общества и начальство можетъ воспрещать имъ принимать участіе въ обществахъ и собраніяхъ. Послѣдняя мѣра особенно настоятельно проводится военнымъ начальствомъ по отношенію къ рабочимъ обществамъ и собраніямъ.

Полицейскія предписанія относительно собраній и обществъ различны, смотря потому, преслѣдуютъ ли данныя общества и собранія публичныя (öffentlich) задачи или нѣтъ. Законы не даютъ точнаго опредѣленія понятія публичности, требуютъ однако, чтобы относительно собраній публичнаго характера созыватели этихъ послѣднихъ заявляли мѣстной полиціи не позже, чѣмъ за 24 часа до начала собранія. Въ заявленіи должны быть указаны мѣсто и время собранія. Полиція обязана тотчасъ засвидѣтельствовать предъявленное ей заявленіе. Публичныя приглашенія на собраніе, дѣлаются ли они путемъ наклейки особыхъ афишъ, или опубликованіемъ въ газетахъ, должны быть скрѣплены подписью созывателей.

По баварскимъ законамъ при заявленіи полиціи о политическомъ собраніи требуется, кромѣ указанія мѣста и времени, указаніе также и цѣли собранія. Между тѣмъ Баденъ и Саксенъ-Кобургъ-Гота совсѣмъ не знаютъ заявленій, а въ Вюртембергѣ такого заявленія не требуется, если приглашеніе на собраніе сдѣлано публичнымъ образомъ. Въ Пруссіи публичныя собранія могутъ про-

должаться далеко за полночь; собранія, напр., извозчиковъ, поваровъ, булочниковъ и т. п. начинаются обыкновенно послѣ полуночи, т. е. когда этотъ людъ свободенъ отъ работы. Но въ другихъ мѣстностяхъ Германіи время и продолжительность собраній зависятъ отъ дѣйствующихъ полицейскихъ постановленій на счетъ т. н. Polizeistunde, т. е. отъ времени закрытія ресторановъ и другихъ публичныхъ «локаловъ».

Для публичныхъ собраній подъ открытымъ небомъ требуется предварительное письменное разрѣшеніе мѣстной полицейской власти. Заявленіе о такомъ собраніи должно быть сдѣлано не позже, чѣмъ 48 часовъ до начала собранія, которое можетъ быть воспрещено, если есть основаніе опасаться угрозы общественному спокойствію и порядку. Въ случаѣ же разрѣшенія собранія, полиція можетъ принять всѣ необходимыя мѣры предосторожности. Въ Саксоніи, Временѣ, Брауншвейгѣ и другихъ мелкихъ государствахъ разрѣшеніе собраній подъ открытымъ небомъ зависитъ отъ свободнаго усмотрѣнія начальства; въ Эльзасъ-Лотарингіи, обоихъ Мекленбургахъ и Гамбургѣ такія собранія совершенно воспрещены. Само собою понятно, что похоронныя и церковныя процессіи, свадебныя собранія и т. п. не подлежатъ такимъ полицейскимъ ограниченіямъ. Слѣдуетъ еще упомянуть, что публичныя собранія не должны быть допущены въ Пруссіи въ предѣлахъ двухъ миль отъ резиденціи короля и отъ мѣста нахожденія парламента (ландтага и рейхстага). При этомъ подъ резиденціей понимается мѣсто нахожденія короля въ каждый данный моментъ, а относительно парламентовъ слѣдуетъ имѣть въ виду лишь продолжительность сессіи. По баварскимъ законамъ принята въ разсчетъ лишь палата депутатовъ, отъ которой на разстояніи 6 часовъ (ѣзды или ходьбы?) не могутъ быть допущены народныя политическія собранія.

На обязанности предсѣдателя собранія, подлежащаго полицейскому контролю, лежитъ заботиться о порядкѣ и законности. Онъ долженъ лишать слова ораторовъ, преступившихъ требованія закона, и закрыть собраніе, если его требованіе не находитъ удовлетворенія. Собранія могутъ постановлять резолюціи, но могутъ эти резолюціи, петиціи или адресы передавать властямъ, парламенту и пр. черезъ посредство не болѣе десяти лицъ.

Въ собранія публичнаго характера мѣстная полиція вправѣ посылать для надзора одного или двухъ своихъ агентовъ, которымъ должны быть предоставлены особыя мѣста на трибунѣ. Полицейскій коммисаръ можетъ требовать отъ предсѣдателя названія имени того или другого оратора, онъ помогаетъ также предсѣдателю поддерживать порядокъ въ собраніи, но лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ власть предсѣдателя оказывается недостаточной. Представители полиціи должны съ своей стороны легитимироваться передъ собраніемъ путемъ или формы, или другихъ признаковъ; и эти только агенты и признаются облеченными властью. Нерѣдко поэтому можно

наблюдать, какъ предсѣдатель, узнавъ о присутствіи на собраніи постороннихъ тайныхъ или явныхъ агентовъ полиціи, предлагаетъ имъ оставить залъ. Въ Пруссіи полицейскіе представители являются обыкновенно въ полной формѣ съ каской, въ южной Германіи дѣло обстоитъ нѣсколько патріархальнѣе: полицейскій коммисаръ имѣетъ съ собою въ качествѣ служебнаго признака лишь форменную фуражку.

Облеченный правомъ надзора полицейскій коммисаръ можетъ распустить собраніе по разнымъ основаніямъ: 1) если предсѣдатель не предъявляетъ ему засвидѣтельствованнаго полиціей заявленія о созывѣ собранія, 2) если собраніе началось болѣе чѣмъ часъ спустя послѣ того времени, которое было указано въ заявленіи, или если собраніе было продолжено послѣ болѣе чѣмъ часовой паузы; 3) если на собраніи дѣлаются и обсуждаются предложенія, призывающія или подстрекающія къ наказуемымъ дѣяніямъ; 4) если на собраніе явились вооруженные и не слѣдують приказанію удалиться; и наконецъ 5) если собраніе было заявлено отъ имени политическаго общества (а не какъ общее публичное—öffentlich) и на немъ присутствуютъ женщины, ученики и подмастерья, не слѣдующіе приказанію удалиться.

Независимо отъ полицейской практики, не отвѣчающей часто смыслу закона (въ этомъ отношеніи, какъ мы увидимъ ниже, особенно грѣшитъ саксонская практика), въ нѣкоторыхъ государствахъ еще болѣе расширены основанія для распущенія собранія: такъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи распущеніе возможно, если дебаты собранія касаются предметовъ, не находящихся въ связи съ вопросомъ, стоящимъ на очереди собранія; въ Мекленбургѣ—если полицейскому коммисару отказано въ мѣстѣ; и т. п.

Доля нѣмецкихъ женщинъ въ отношеніи права участія въ политическихъ собраніяхъ не по всей Германіи одинакова. Въ Пруссіи онѣ могутъ присутствовать, дебатировать и руководить на т. н. публичныхъ собраніяхъ, между тѣмъ какъ ихъ участіе на собраніяхъ политическихъ обществъ и самое участіе въ такихъ обществахъ въ качествѣ членовъ не допускается. Понятно, что пруссачки очень недовольны такимъ ограниченіемъ ихъ Vereinsrecht, ихъ союзнаго права, но тѣмъ усерднѣе онѣ отводятъ душу при посредствѣ публичныхъ политическихъ собраній, которыя, въ особенности въ Берлинѣ, насчитываютъ сотни и тысячи женщинъ, съ женскимъ президентомъ, женскимъ бюро и женскими «орднерами», слѣдящими за порядкомъ.

Въ противоположность пруссачкамъ, баварки, по строгому смыслу законовъ, не только не могутъ быть членами политическихъ обществъ (politischer Verein), но и не могутъ участвовать на публичныхъ собраніяхъ, обсуждающихъ общественные вопросы (öffentliche Angelegenheiten). При растяжимости понятія «öffentlich», которое при современныхъ условіяхъ далеко не совпадаетъ съ представленіями

объ общественныхъ дѣлахъ 50 лѣтъ тому назадъ, когда сочинялись дѣйствующіе законы, — баваркѣ можно бы формально воспретить занятіе дѣлами благотворительности и прочими скромными матеріями. Но здравый смыслъ опередилъ здѣсь педантическій смыслъ закона, да къ тому еще прибавилось хваленное баварское добродушіе, не ставящее всякое лыко въ строку. Это, конечно, недостаточная гарантія законности, вѣрнѣе—справедливости, въ виду чего и въ Баваріи, какъ повсюду, слышатся настоятельные голоса въ пользу реформы устарѣвшаго законодательства. Тѣмъ временемъ на публичныхъ политическихъ собраніяхъ въ Баваріи сплошь да рядомъ можно встрѣтить женщинъ, и рѣдкому коммисару взбредетъ въ голову распускать изъ за этого собраніе. Конечно, дразнить гусей все-таки не слѣдуетъ, поэтому одна спрячется за спину своего мужа или брата, другая покроетъ голову мужской шляпой, а господинъ коммисаръ съ добродушной пивной физіономіей смотритъ сквозь пальцы на весь этотъ «противузаконный» маскарадъ.

Баловнемъ законовъ и еще болѣе баловнемъ административно-полицейской снисходительности являются женщины въ Вюртембергѣ. Здѣсь законодательство о собраніяхъ и союзахъ, вообще говоря, самое либеральное. Къ этому присоединяется еще чрезвычайно либеральная практика, объясняющаяся историческими причинами. Женщины Вюртемберга могутъ безпрепятственно участвовать какъ на ферейнскихъ, такъ равно и на публичныхъ политическихъ собраніяхъ, и никто не скажетъ, чтобы швабскія матроны отличались особенною политическою разнузданностью. Напротивъ, пруссачки въ этомъ отношеніи куда болѣе бойки.

Касательно права обществъ чрезвычайно важенъ § 8 прусскаго узаконенія по этому предмету, послужившій источникомъ всей парламентской кампаніи и того политическаго возбужденія, о которомъ я упоминалъ въ началѣ этого письма. Этотъ § гласитъ: на общества, преслѣдующія политическія цѣли и ихъ обсужденіе на собраніяхъ, распространяются слѣдующія постановленія:

a) Они не должны принимать къ себѣ женщинъ, учениковъ и подмастерій въ качествѣ членовъ;

b) Они не должны вступать въ сношенія съ обществами одинаковаго характера для преслѣдованія общихъ цѣлей. Разъ эти ограниченія нарушены, то мѣстная полиція, сохраняя за собою право судебнаго преслѣдованія виновныхъ, можетъ впредь до судебнаго рѣшенія объявить общество закрытымъ... Этотъ же § воспрещаетъ женщинамъ, ученикамъ и подмастерьямъ присутствіе на собраніяхъ политическихъ обществъ, въ противномъ случаѣ наблюдающій коммисаръ можетъ распустить собраніе. Баварія, Саксонія и др. болѣе мелкія государства, вмѣсто учениковъ и подмастерій называютъ малолѣтнихъ.

Еще маленькая подробность и мы исчерпали главнѣйшія постановленія объ обществахъ и собраніяхъ. Эта подробность касается

формы распущенія собранія. Для этой цѣли уполномоченный полицейскій коммисаръ долженъ только во всеуслышаніе заявить объ этомъ собранію и покрыть свою голову каской. Собраніе обязано послѣ этого немедленно оставить залъ, въ противномъ случаѣ можетъ быть прибѣгнуто къ вооруженной силѣ. Коммисаръ не обязанъ объяснять собранію резоны распущенія, но руководители собранія могутъ обжаловать дѣйствія коммисара передъ его ближайшимъ начальствомъ и до высшей инспекціи—высшаго административнаго суда.

Если такимъ образомъ въ 22 государствахъ германской имперіи чуть ли не столько же различныхъ законодательствъ объ обществахъ и собраніяхъ, то разнообразіе административной и полицейской практики и истолкованія законовъ не поддается приблизительному исчисленію. Политическое развитіе нѣмецкаго народа, а также и взгляды на задачи государства такъ радикально измѣнились за послѣдніе 50 лѣтъ, что составленные тогда и еще понынѣ дѣйствующіе законы являются, по выраженію одного умѣрѣннаго депутата, «насмѣшкой надъ основными правами народа». Бывшій баварскій министръ фонъ-Пфордтенъ заявилъ какъ то въ палатѣ депутатовъ: «Если спросить, какъ обстоитъ теперь дѣло въ Баваріи, то я отвѣчу: баварскій народъ не имѣетъ союзнаго права и если мы, правительство, захотимъ, то можемъ завтра же объявить всѣ ферейны Баваріи закрытыми». За полстолѣтіе, протекшее со времени изданія дѣйствующаго нынѣ законодательства, общественныя отношенія нѣмцевъ усложнились до неузнаваемости, сами нѣмцы стали самостоятельнѣе. Громадныя задачи, вытекающія изъ могущественнаго положенія объединенной имперіи, никоимъ образомъ не могутъ быть выполняемы безъ содѣйствія богатыхъ силъ народа.

При этихъ условіяхъ будутъ понятны слова, сказанныя имперскимъ канцлеромъ княземъ Гогенлоэ при обсужденіи новаго законопроекта о собраніяхъ и обществахъ въ прусскомъ ландтагѣ: «Я не смущаясь заявляю, сказалъ между прочимъ престарѣлый князь, что считаю право союзовъ и собраній однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ завоеваній, однимъ изъ неизбѣжнѣйшихъ средствъ для политическаго развитія и воспитанія народа». Съ этой точки зрѣнія можно по меньшей мѣрѣ пожалѣть, что это «драгоцѣнное завоеваніе» въ его далеко не совершенной современной формѣ нерѣдко лежитъ въ такихъ рукахъ, которыя годятся на все, что угодно, только не на политическое воспитаніе народа. Хорошо еще, если это тертый городской коммисаръ полиціи, дѣйствующій на глазахъ своего начальства; но это сплошь да рядомъ можетъ быть сельскій урядникъ или жандармъ, призванный разбираться въ хитросплетеніяхъ законовъ объ угрозѣ общественному порядку и законности. Извѣстенъ тотъ курьезъ изъ полицейской практики, когда наблюдающій агентъ, слыша во время дебатовъ слово «тема» и предполагая, что это что

то незаконное или неприкосновенное, вдругъ заявилъ: über «Thema» darf nicht gesprochen werden и тотчасъ распустилъ собраніе. Въ особенности богата такими «воспитательными» эпизодами полицейская практика прекрасной Саксоніи. Недавно депутатъ Бебель выпустилъ для общаго назиданія книжку со сводомъ запрещенныхъ и распущенныхъ собраній въ Саксоніи за послѣдніе 2—3 года *). Для примѣра приведу нѣсколько случаевъ: въ одномъ мѣстечкѣ было воспрещено собраніе, потому что по близости не было отхожихъ мѣстъ; въ другомъ мѣстечкѣ,—потому что было лишь одно отхожее мѣсто. Мы встрѣчаемъ далѣе случай воспрещенія, потому что въ данной мѣстности не оказалось достаточно полиціи, или потому что заборъ сада, въ которомъ должно было происходить собраніе, представился недостаточнымъ (nicht geeignet). Общество натуральнаго леченія (Naturheilverein) просило о разрѣшеніи собранія для прочтенія реферата о женскихъ болѣзняхъ. Оно было воспрещено въ виду неподходящаго характера реферата для молодыхъ незамужнихъ женщинъ и «проистекающей такимъ образомъ опасности для общественнаго спокойствія и нравственности». Сходный съ этимъ случай касается воспрещенія собранія, на которомъ предполагалось говорить объ уходѣ за грудными дѣтьми и леченіи дѣтскихъ болѣзней, потому что «эта тема представляла опасную угрозу общественному спокойствію, тишинѣ и порядку въ физическомъ отношеніи (in gesundheitlicher Hinsicht)». Въ Лейпцигѣ на одномъ собраніи предполагалось говорить о любви въ современномъ обществѣ, собраніе было воспрещено, потому что «эта тема склонна умалить качества современной жизни на счетъ прославленія общества будущаго». Наконецъ въ одномъ мѣстечкѣ литературный клубъ предполагалъ собраться для прочтенія реферата о «Фаустѣ» Гете. Собраніе было воспрещено въ виду того, что настоящая тема даетъ «достаточно поводовъ» коснуться общихъ соціальныхъ и политическихъ вопросовъ и настроить слушателей противъ существующихъ законовъ и существующаго порядка.

Вотъ еще 1—2 примѣра изъ практики лишенія слова оратора полицейскими чинами: депутатъ рейхстага, говорившій на одномъ собраніи въ Глахау, былъ лишенъ слова, потому что онъ объяснялъ многочисленные случаи самоубійства нуждой и матеріальными лишеніями и кромѣ того замѣтилъ, что милліонеры не имѣютъ основаній налагать на себя руки. Въ Лейпцигѣ былъ лишенъ слова одинъ ораторъ, потому что критиковалъ китайскаго вице-короля Ли-Хунъ-Чанга... На собраніи переплетчиковъ въ Дрезденѣ полицейскій чиновникъ потребовалъ отъ предсѣдателя прервать на время оратора, такъ какъ ему, чиновнику, необходимо сходить для естественной надобности... Этихъ примѣровъ пожалуй достаточно. О нѣмецкой

*) Die Handhabung des Vereins-und Versammlungsrechts im Königreich Sachsen.

культурѣ можно бы получить очень плохое мнѣніе, если бы судить о ней по этимъ кунстштюкамъ полицейскаго начальства, являющимся лишь продуктомъ соціально политической обостренности въ наиболѣе промышленныхъ странахъ Германіи, къ каковымъ принадлежатъ Пруссія и Саксонія.

Но въ предѣлахъ имперіи есть земли, въ которыхъ мы видимъ совсѣмъ иное. Къ нимъ принадлежитъ прежде всего Вюртембергъ. Всѣ, кому близка къ сердцу прогрессивная реформа законовъ объ обществахъ и собраніяхъ, указываютъ обыкновенно на Вюртембергъ: вотъ, дескать, образцовое законодательство!.. Между тѣмъ при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что все вюртембергское законодательство состоитъ изъ 3—4 пунктовъ, а все остальное представляетъ неписанный законъ и традиціонную практику *).

Эта краткость вюртембергскаго законодательства даетъ при желаніи много простора для полицейскаго вмѣшательства и репрессій, а между тѣмъ административная практика сложилась здѣсь въ самомъ либеральномъ духѣ. Мы видѣли выше, что для созыва собранія въ Вюртембергѣ достаточно лишь опубликованіе такого созыва въ газетахъ или въ афишахъ. Извѣстно далѣе, что на собранія являются здѣсь полицейскіе надзиратели только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ. И т. д. Спрашивается, почему сложились здѣсь такіе порядки, что на нихъ съ завистью засматриваются саксонцы и пруссаки?

Вюртембергское законодательство объ обществахъ и собраніяхъ, какъ уже упомянуто, состоитъ большею частью изъ неписанной практики. При этихъ условіяхъ нижніе полицейскіе чины останавливаются всегда передъ крутой мѣрой, опасаясь суда публики и тѣмъ самымъ осужденія со стороны своего начальства, ближайшаго и высшаго. Это послѣднее также воздерживается отъ дачи инструкціи нижнимъ чинамъ. Тѣ немногія инструкціи, какія тотъ или иной министръ далъ по своему вѣдомству, имѣютъ тайный характеръ и потому не имѣютъ большого значенія. Полиція не можетъ ссылаться на нихъ въ своихъ сношеніяхъ съ публикой и потому предпочитаетъ въ сомнительныхъ случаяхъ рѣшать въ пользу милости вмѣсто гнѣва. Политика воздержанія со стороны высшихъ властей въ Вюртембергѣ находитъ свое объясненіе въ сложившейся здѣсь министерской отвѣтственности. Вюртембергская палата представителей никогда не согласится на ограниченіе свободы союзовъ и собраній и никакой министръ не рѣшится внести въ палату такого рода проектъ, если у него не будетъ на то безусловно уважительныхъ причинъ и основаній. Не только оппозиціонныя, но и консервативныя партіи стоятъ здѣсь на такой точкѣ зрѣнія, и ни въ одну избирательную кампанію ни съ чьей стороны не слышались такія тре-

---

*) См. Ludwig Iolly. Das Würtembergische Vereins'und Versammlungsrecht.—Schmoller's Iahrbuch, Heft 2, 1896.

бованія. Политическая власть въ Вюртембергѣ, болѣе чѣмъ въ другихъ частяхъ Германіи, перешла на широкія массы народа и мѣстныя условія сильно рознятся отъ тѣхъ, что господствуютъ спеціально въ Пруссіи. Здѣсь уже съ давнихъ поръ существуетъ властный парламентъ, а вюртембергская конституція ставится многими на ряду съ англійской. Народное представительство слагается въ Вюртембергѣ на основаніи общаго, прямого избирательнаго права, хотя съ небольшимъ придаткомъ привиллегированныхъ членовъ. Вюртембергская знать потеряла всякое значеніе, не располагая ни матеріальными богатствами, ни политическою властью. Тогда какъ въ прусской арміи всѣ высшія должности находятся въ рукахъ знати, а въ управленіи министры, президенты и оберпрезиденты провинцій до ландратовъ и ниже вербуются также изъ среды прусской аристократіи,—въ Вюртембергѣ, напротивъ того, знать играетъ въ арміи очень скромную роль, а въ управленіи—никакой. Большая часть чиновниковъ по внутреннему управленію выходитъ даже не изъ высшей буржуазіи, а изъ самыхъ скромныхъ слоевъ населенія. Демократизаціи общественныхъ отношеній содѣйствуетъ также дробленіе земельныхъ владѣній, приведшее къ тому, что значительная часть крестьянства представляетъ въ то же время сельскихъ или промышленныхъ поденщиковъ. Въ виду этого интересы рабочаго населенія пролагаютъ себѣ часто путь въ общинное управленіе. Характерно то, что при всей этой демократизаціи отношеній Вюртембергъ не имѣетъ ни одного соціалъ-демократическаго представителя въ имперскомъ рейхстагѣ; въ мѣстномъ ландтагѣ имѣется, впрочемъ, два такихъ депутата.

Указанныя здѣсь условія вюртембергскаго быта удерживаютъ правительство отъ ограниченій права союзовъ и собраній.

Въ прошломъ году, при обсужденіи въ рейхстагѣ новаго гражданскаго уложенія, нѣкоторыя партіи (съ лѣвой стороны) предлагали воспользоваться случаемъ и на основаніи компетенціи рейхстага въ вопросахъ обществъ и собраній урегулировать законодательство объ обществахъ въ нѣкоторыхъ его частяхъ. Дѣло касалось приведеннаго выше § 8 узаконеній, согласно которому политическія общества не могутъ входить въ сношенія съ обществами одинаковаго типа для общихъ цѣлей... Во власти рейхстага было упразднить его однимъ почеркомъ пера. Ни одна партія принципіально не имѣла ничего противъ упраздненія, но консервативныя группы, предпочитая хозяйничать въ покорныхъ имъ ландтагахъ, настаивали на предоставленіи ландтагамъ разрѣшить данный вопросъ. Упорство консервативныхъ партій шло такъ далеко, что онѣ грозили голосовать противъ всего гражданскаго уложенія, если ихъ требованіе не будетъ выполнено. Партія центра и націоналъ-либералы не оказали достаточнаго противодѣйствія этимъ угрозамъ и согласились на уступку, послѣ того какъ канцлеръ Гогенлоэ обѣщалъ содѣйство-

вать скорѣйшему упраздненію помянутаго § путемъ партикулярнаго законодательства.

Съ тѣхъ поръ прошли мѣсяцы и за кулисами шла дѣятельная работа. Консервативныя партіи, конечно, и не думали соглашаться на упраздненіе §, не получивъ за то вознагражденія сторицей въ смыслѣ внесенія новыхъ ограниченій въ прусское законодательство. «Король» Штуммъ употребилъ все свое вліяніе и не только нашелъ въ прусскомъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ фонъ-Реке достойнаго исполнителя реакціонныхъ плановъ, но и самого князя Гогенлоэ заставилъ примкнуть къ задуманному предпріятію. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ и заключался, между прочимъ, роковой моментъ всей политической аферы: имперскій канцлеръ, заслуженный и пользующійся всеобщимъ довѣріемъ государственный дѣятель, даетъ торжественное обѣщаніе передъ рейхстагомъ упразднить извѣстный § и въ концѣ концовъ, въ качествѣ прусскаго министра президента, даетъ свою подпись подъ законопроектъ, направленный на значительное ухудшеніе дѣйствующаго законодательства.

Вотъ главнѣйшія постановленія новаго законопроекта:

1) Собранія, противорѣчащія существующимъ уголовнымъ законамъ или угрожающія общественному спокойствію, въ особенности спокойствію государства (Sicherheit des Staates), или общественному миру,—могутъ быть распущены полицейской властью. 2) на собраніяхъ, обсуждающихъ политическіе вопросы, не могутъ присутствовать малолѣтніе. 3) общества, цѣль и дѣятельность которыхъ противорѣчатъ уголовнымъ законамъ иди угрожаютъ общественному спокойствію, въ особенности прочности государства или общественному миру,—могутъ быть закрыты полицейской властью.

Остальныя постановленія проекта касаются упраздненія помянутаго воспрещенія взаимныхъ сношеній между политическими обществами и другихъ менѣе существенныхъ пунктовъ. Съ рѣдкимъ единодушіемъ всѣ партіи, за исключеніемъ консервативныхъ группъ, признали новый проектъ посягательствомъ на дарованное конституціей право собраній и союзовъ. Уже при дѣйствующемъ теперь законодательствѣ то и дѣло проиходили злоупотребленія и полицейскій произволъ, когда дѣло, напр., касалось присутствія на собраніи женщинъ, учениковъ и подмастерій. Этотъ произволъ будетъ еще значительнѣе, если воспрещеніе будетъ распространено на всѣхъ малолѣтнихъ — Minderjährige, т. е. на лицъ моложе 21 года. Возможенъ ли тутъ какой нибудь строгій контроль, когда на собраніи присутствуютъ сотни и тысячи народа. Еще опаснѣе въ этомъ отношеніи тѣ параграфы, которые говорятъ объ общественномъ спокойствіи, мирѣ, о прочности государства, угроза которымъ должна служить основаніемъ для распущенія собранія и закрытія общества. Это понятія, допускающія массу толкованій, и всего менѣе поддаются критерію какого нибудь агента съ унтеръ-офицерскимъ образова-

ніемъ. По дѣйствующему законодательству, какъ мы видѣли выше распущеніе собранія и закрытіе общества возможны лишь, если и собраніи дѣлаются и обсуждаются предложенія, заключающія в себѣ призывъ или подстрекательство къ наказуемымъ дѣяніямъ, если на собраніи присутствуютъ вооруженные. Это куда болѣе опре дѣленные моменты, тогда какъ новый проектъ ставитъ соотвѣтствен ное законодательство подъ безусловную диктатуру полиціи. Поли цейскіе чины должны бы быть ангелами, чтобы не позволить себ произвола и злоупотребленій. Между тѣмъ прусскіе полицейскі чиновники далеко не ангелы, и оттого между прочимъ вызвалъ но вый проектъ такую бурю протестовъ со стороны всѣхъ слоевъ об щества. Профессоръ Делбрюкъ, издатель «Preussische Jahrbücher» и назначенный теперь замѣстителемъ покойнаго Гейнриха Трейчке говоритъ въ послѣдней книжкѣ своего журнала: «Прусское поли цейское чиновничество воспитало въ себѣ значительную развязность, но не воспитало въ себѣ достаточнаго чувства законности; поэтому дискреціонная власть не должна быть довѣрена прусской полиціи».

Новый проектъ не прошелъ еще черезъ всѣ законодательныя инстанціи. Судя по размѣрамъ, какъ парламентской, такъ и внѣпарламентской оппозиціи, нельзя думать, что проектъ пройдетъ. Обманутый въ своихъ ожиданіяхъ рейхстагъ снова поднялъ вопросъ о § 8 и внесъ соотвѣтственное предложеніе. Понятно, что предложеніе объ упраздненіи воспрещенія сноситься обществамъ другъ съ другомъ было принято подавляющимъ большинствомъ. Замѣчательно между прочимъ то, что изъ консервативныхъ депутатовъ сынъ канцлера, принцъ Александръ Гогенлоэ, былъ единственнымъ, голосовавшимъ вмѣстѣ съ большинствомъ за предложеніе, бывшее своего рода демонстраціей противъ его родителя.

Только что закончился второй актъ той судебной драмы, первый актъ которой извѣстенъ подъ названіемъ «процесса Лекертъ-Люцовъ». На этотъ разъ передъ судомъ предсталъ полицейскій коммисаръ фонъ-Таушъ, фигурировавшій въ первомъ актѣ въ качествѣ свидѣтеля, а во второмъ обвинявшійся въ лжеприсягѣ, злоупотребленіи властью и преступленіи по должности Громкій политическій процессъ втянулъ на судебную арену безконечный рядъ такъ или иначе причастныхъ дѣлу лицъ, начиная отъ высшихъ сановниковъ,—министровъ, дипломатовъ—и кончая низшими полицейскими чинами. Процессъ, при участіи присяжныхъ засѣдателей, тянулся десять дней и отодвинулъ на задній планъ не только греко-турецкія распри, но и внутреннюю сумятицу по поводу прусскаго законопроекта.

Личность главнаго подсудимаго фонъ-Тауша также стушевалась передъ бездонною пропастью интриги и грязи того авгіева стойла, которое въ Пруссіи называется политической полиціей. Вся та масса скандальныхъ актовъ, которая уже послѣ процесса Лекерта-Люцова

заставила всѣхъ требовать очищенія стойла съ помощью «желѣзнаго помела», — удесятерилась разоблаченіями процесса Тауша. Между тѣмъ и предсѣдатель суда и прокуратура ревниво слѣдили за тѣмъ, чтобы втягиваніемъ «постороннихъ моментовъ» не затянуть процессъ до безконечности. Эта забота не лишена была основанія, потому что въ противномъ случаѣ произошло бы страшное нагроможденіе грѣховъ политической полиціи, изъ-за которыхъ совершенно не видать было бы подсудимаго въ данномъ процессѣ.

Процессъ Тауша подтвердилъ цѣлый рядъ фактовъ изъ прошлаго процесса и далъ массу новыхъ. Онъ подтвердилъ заново безстыдную ложь искаженія царскаго тоста обергофмаршаломъ графомъ Эйленбургомъ, свалившимъ затѣмъ будто бы всю вину на статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ фонъ-Маршалля. Эта ложь была между тѣмъ распространена агентами политической полиціи. Было подтверждено, что со стороны политической полиціи велись систематическія интриги противъ бывшихъ министра внутреннихъ дѣлъ фонъ-Келлера (высшій шефъ полиціи!) и военнаго министра Бронсаръ-фонъ-Шеллендорфа. Данныя процесса съ наглядностью показали, что оклеветанные министры и прежде всего г. фонъ-Маршалль никакимъ инымъ путемъ, кромѣ гласнаго суда, не могли отряхнуть съ себя клеймо гнусныхъ подозрѣній и очистить свое вѣдомство отъ грязныхъ навѣтовъ.

Положительнымъ образомъ удостовѣрено, что тертый агентъ политической полиціи и профессіональный сочинитель статей оскорбляющихъ величество, Норманъ-Шуманъ своевременно зналъ и получалъ отъ полиціи копіи съ документовъ, съ помощью которыхъ оклеветанныя и оскорбленныя имъ вѣдомства старались доискаться корней и нитей. Ближайшіе начальники этого агента,—какъ коммисаръ Мавдороде и бывшій президентъ берлинской полиціи фонъ-Рихтгофенъ, очень во время скончавшіеся,—эти начальники знали продѣлки Нормана-Шумана и грозили ему отставкой, если онъ будетъ клеветать на свое «прямое начальство», слѣдовательно, въ лучшемъ случаѣ на полицію и министра внутреннихъ дѣлъ. Всѣ прочія вѣдомства объявлялись такимъ образомъ внѣ всякой пощады. Доказано также, что въ высшей степени оскорбительныя статьи о Вильгельмѣ, появлявшіяся одно время въ парижскихъ газетахъ, были писаны тѣмъ же агентомъ Норманомъ-Шуманомъ. Берлинская политическая полиція не съумѣла доискаться автора этихъ статей, что легко удалось вѣдомству иностранныхъ дѣлъ. Статсъ-секретарь Маршалль, сообщавшій о клеветахъ на него въ прессѣ еще покойному президенту полиціи, доносилъ объ этомъ и теперешнему президенту, который на основаніи донесеній Тауша указывалъ на иностранное вѣдомство, какъ на источникъ всѣхъ интригъ. Лишь гласное судопроизводство выяснило, что подъ всѣми этими свѣдѣніями въ прессѣ скрывался агентъ Тауша фонъ-Люцовъ и агентъ Люцова малолѣтній Лекертъ.

Процессъ Тауша обнаружилъ далѣе, что этотъ коммисаръ рассказывалъ своимъ собутыльникамъ самыя чудовищныя вещи про ушныя болѣзни и умственное состояніе Вильгельма, котораго онъ, какъ онъ сообщалъ одному свидѣтелю, окружилъ цѣлою сѣтью шпіоновъ. Дѣло въ томъ, что на обязанности Тауша лежало также наблюдать за личною безопасностью императора... Распространеніе слуховъ о болѣзняхъ Вильгельма было также спеціальностью Нормана Шумана, которому, какъ мы видѣли выше, угрожали отставкой въ случаѣ нападокъ на его «непосредственное начальство»... Этотъ Норманъ Шуманъ находился въ самыхъ интимныхъ сношеніяхъ съ Таушемъ и скрылся изъ Берлина только въ день ареста своего патрона. Удостовѣрено, что частныя лица отягощались докучнымъ надзоромъ полицейскихъ агентовъ лишь потому, что этого требовали интересы Нормана-Шумана. Сплошь да рядомъ оперируетъ политическая полиція фальшивыми именами, росписками и т. п. Она потворствовала продѣлкамъ своихъ агентовъ, которыя, вообще говоря, стоятъ въ противорѣчіи съ уголовными законами, но на которыя полиція смотритъ сквозь пальцы изъ т. н. «государственныхъ резоновъ». Лучшіе агенты политической полиціи, по заявленію Тауша на судѣ, и есть именно самые нечистоплотные. Порядочные люди не идутъ къ намъ на такую службу, — заявилъ другой полицейскій начальникъ.

Такимъ образомъ Таушъ, Норманъ Шуманъ, Люцовъ, Лекертъ и т. п.—вотъ тѣ люди, съ помощью которыхъ только и можетъ быть спасено отечество отъ всякаго рода угрозъ. Это, конечно, роковая нелѣпость, и неудивительно, что теперь еще сильнѣе, чѣмъ послѣ перваго процесса, слышатся голоса: поскорѣе прочь со всей этой системой, которая вноситъ въ жизнь лишь деморализацію, которая питаетъ самые низменные инстинкты, которая отдала теперь страну на посрамленіе всего свѣта и, вмѣсто спасенія отечества, подкапываетъ его корни.

Судъ надъ Таушемъ свелся къ суду надъ политической полиціей. Неудивительно поэтому, что передъ ужасами, разоблаченными относительно всей системы, Таушъ оказывается еще невиннымъ агнцемъ. Обвинить его въ лжеприсягѣ было невозможно, для этого было недостаточно основаній. Трудно было доказать, напр., что Таушъ инспирировалъ журналистовъ и газеты, когда онъ самъ увѣряетъ, что онъ только дѣлился своими свѣдѣніями, безъ всякихъ заднихъ мыслей. Присяжные не признали его виновнымъ въ лжеприсягѣ. Гораздо болѣе удивительно, что они не признали его виновнымъ въ преступленіи по должности. Его, впрочемъ, такъ или иначе ждетъ еще дисциплинарный судъ. Но, какъ сказано, дѣло собственно не въ Таушѣ, и общественное мнѣніе было бы мало удовлетворено его обвиненіемъ. Общественное мнѣніе требуетъ другого приговора.

А. Ковровъ.

Литература и жизнь.

Авторъ предисловія къ новому, 12-и томному изданію сочиненій Лѣскова, г. Сементковскій, относитъ его «къ числу первоклассныхъ нашихъ писателей» и ставитъ въ одинъ рядъ съ «Гончаровымъ, Тургеневымъ, Островскимъ, Достоевскимъ, Писемскимъ, Салтыковымъ, Л. Толстымъ», «какъ талантъ не во всемъ имъ равный, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имъ не уступающій и превосходящій ихъ въ другихъ». Затѣмъ г. Сементковскій цитируетъ г. Венгерова: «Подходя нѣкоторыми сторонами своего таланта къ Островскому, Писемскому и Достоевскому, Лѣсковъ ни одному изъ этихъ великихъ мастеровъ русскаго слова не уступаетъ по чисто художественнымъ силамъ... Ни у одного русскаго писателя нѣтъ такого неисчерпаемаго богатства фабулы... Въ тѣсной связи съ богатствомъ фабулы находится сконцентрированность беллетристической манеры Лѣскова... Наконецъ, немного знаетъ Лѣсковъ соперниковъ по колоритности и оригинальности своего языка».

Я думаю, что весьма и весьма многіе искренніе друзья русской литературы не только не согласятся съ этою оцѣнкою, но будутъ даже нѣсколько скандализованы сопоставленіемъ Лѣскова съ нашими дѣйствительно первоклассными писателями. Я думаю, что и гг. Сементковскій и Венгеровъ не станутъ отрицать того, что ихъ оцѣнка не встрѣтитъ сколько нибудь единодушнаго признанія. И у нихъ найдется даже объясненіе этому прискорбному съ ихъ точки зрѣнія, но несомнѣнному факту. Дѣло въ нашей литературной критикѣ. Г. Венгеровъ, какъ видно изъ дальнѣйшей цитаты г. Сементковскаго (самая статья г. Венгерова мнѣ неизвѣстна), утверждаетъ, что «критика мало занималась» Лѣсковымъ. Г. Сементковскій съ этимъ не согласенъ. Онъ думаетъ, что въ количественномъ отношеніи Лѣсковъ не могъ бы жаловаться на критику, но «русская литературная критика до сихъ поръ не задавалась цѣлью *понять* нашего автора: къ нему прикладывали лишь мѣрку собственныхъ воззрѣній и симпатій тѣ или другіе критики, и такъ какъ Лѣсковъ подъ эту мѣрку не подходилъ, то оцѣнка его не могла быть ни справедливою, ни убѣдительною; надъ Лѣсковымъ до сихъ поръ произносила судъ не русская литературная критика, а та или другая партія». Г. Сементковскій хочетъ положить конецъ этой несправедливости. «Попытаемся—говоритъ онъ—установить умственный обликъ Лѣскова, руководствуясь не голосомъ представителей разныхъ партій, а анализомъ его произведеній».

Прекрасное намѣреніе. Но вѣдь и вообще въ критикѣ слѣдуетъ руководствоваться анализомъ произведеній критикуемаго автора, а не чьимъ бы то ни было чужимъ голосомъ, хотя можетъ быть и невыгодно совершенно пренебрегать чужими голосами. Во всякомъ случаѣ, предполагая писать о Лѣсковѣ, я хочу слѣдовать доброму примѣру г. Сементковскаго или, по крайней мѣрѣ, его доброму намѣренію и даже пойду дальше его въ этомъ направленіи. Онъ всетаки входитъ въ разсужденія объ отношеніи разныхъ нашихъ партій къ Лѣскову, объ его отношеніи къ нимъ, о нѣкоторыхъ связанныхъ съ этими отношеніями острыхъ и щекотливыхъ моментахъ въ жизни и литературной дѣятельности Лѣскова. Я постараюсь обойти эти пункты совсѣмъ, насколько это возможно при оцѣнкѣ такого рѣзко тенденціознаго писателя; постараюсь видѣть въ немъ исключительно только художника. Не буду и съ г. Сементковскимъ препираться и замѣчу по его адресу только одно: гр. Л. Толстой, Достоевскій, Тургеневъ, съ которыми г. Сементковскій осмѣливается (это дѣйствительно огромная и ничѣмъ не оправдываемая смѣлость) ставить Лѣскова рядомъ, не разъ и не два подвергались самой рѣзкой партійной критикѣ, но ни читающая публика, ни самая эта критика никогда не сомнѣвались въ первоклассныхъ дарованіяхъ этихъ звѣздъ русской литературы. Одно дѣло—соглашаться или не соглашаться съ политическимъ или инымъ образомъ мыслей писателя, и другое дѣло—судить о степени его талантливости, его художественнаго дарованія. Конечно, и эта оцѣнка можетъ быть не только невѣрна bona fide, а и пристрастна, но дѣйствительно сильный талантъ въ концѣ концовъ не можетъ не оказаться общепризнаннымъ, если онъ имѣлъ достаточно времени развернуться во всемъ своемъ блескѣ. А талантъ Лѣскова имѣлъ для этого достаточно времени: онъ дѣйствовалъ въ литературѣ тридцать пять лѣтъ (1860—1895). Что же касается безпристрастія самого г. Сементковскаго, то достаточно привести одну его фразу: «гр. Л. Толстой, *слѣдуя примѣру Лѣскова*, начерталъ на своемъ знамени лозунгъ любви къ ближнему» (Предисловіе, XLIV).

Лѣсковъ любилъ причудливыя сочетанія словъ въ родѣ «совѣстный Данило», «несмертельный Голованъ», «безнатурный человѣкъ» и т. п. Въ подражаніе этимъ грамматическимъ вольностямъ, самого Лѣскова можно назвать «безмѣрнымъ писателемъ», въ смыслѣ писателя, лишеннаго чувства мѣры. Я знаю, что для художника это очень нелестная характеристика, но думаю, что «безмѣрность» составляетъ наиболѣе выдающуюся черту Лѣскова.

Взять хоть бы эту «колоритность и оригинальность языка», которая сказалась, между прочимъ, и въ разныхъ «несмертельныхъ Голованахъ», «безнатурныхъ человѣкахъ» и проч. Безъ сомнѣнія языкъ Лѣскова былъ и колоритенъ, и оригиналенъ, но и

то, и другое качество были испорчены отсутствіемъ чувства мѣры. Въ романѣ «На ножахъ», одно изъ дѣйствующихъ лицъ ведетъ такую рѣчь: «Гляньте-ко, вонъ гляньте: видите небось: всѣ капралы поскидали кафтаны, а вотъ Божія сосеночка промежду всѣхъ другой законъ бережетъ: стоитъ вся въ листвѣ, какъ егарь въ мундирчикѣ, да командуетъ: кому когда просыпаться и изъ теплыхъ вѣтровъ одежду брать. Надо, надо, людцы, главаря слушаться» (IX, 405). Это разговариваетъ переодѣтый сыщикъ, и авторъ отъ себя замѣчаетъ: «Ермоланчъ все старался шутить въ риѳму и вообще велъ рѣчь; отзывавшуюся выдѣланною искусственностью простонароднаго говора». Самъ Лѣсковъ очень часто писалъ именно этимъ искусственно выдѣланнымъ, утрированнымъ простонароднымъ говоромъ. Такъ сплошь написана, напримѣръ, сказка «Часъ воли Божіей» (XI, 1—31), въ которой въ непомѣрномъ количествѣ разсыпаны якобы простонародные обороты рѣчи и разныя уменьшительныя въ родѣ «мыленка», «зипунишечка», «пяточки», «плетушечки», «народушко», «зоречка» и проч. Этакъ же говорятъ и многія отдѣльныя личности въ разныхъ другихъ произведеніяхъ Лѣскова. Вообще, онъ точно избѣгалъ обыкновенной живой русской рѣчи и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ подмѣнялъ ее или утрированно простонародною, или смѣсью обыкновеннаго разговорнаго языка съ церковно-славянскимъ, какъ въ обширномъ дневникѣ отца Туберозова («Соборяне»), въ «Запечатлѣнномъ Ангелѣ», отчасти въ «Очарованномъ странникѣ», гдѣ, впрочемъ, господствуетъ уже полное смѣшеніе языковъ. Можно, конечно, сказать, что священнику такъ и подобаетъ писать дневникъ, какъ пишетъ Туберозовъ, а староверу такъ разсказывать, какъ ведется разсказъ въ «Запечатлѣнномъ Ангелѣ». Но если даже допустить, что и въ томъ, и въ другомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ явно утрированной поддѣлкой, то остается все таки загадкой—почему Лѣсковъ такъ часто прибѣгалъ къ языку, во всякомъ случаѣ для него чужому и, слѣдовательно, искусственному; почему не самъ онъ разсказываетъ непомѣрно длинныя исторіи «Запечатлѣннаго Ангела», «Очарованнаго странника» и проч., а влагаетъ ихъ въ уста людей, говорящихъ чужимъ для него языкомъ.

Съ другой стороны, онъ выработалъ совсѣмъ особенный, ни на что не похожій языкъ или, вѣрнѣе, особенное украшеніе языка, которымъ тоже злоупотреблялъ сверхъ всякой мѣры. Въ разсказѣ «Лѣвша» находимъ графа «Кисельвроде» (Нессельроде), ласковые «междоусобные» разговоры, «двухсѣстную» (двухмѣстную) карету, «Аболона Полведерскаго», «буреметры» (барометры), «непромокабли», «безразсудокъ» (предразсудокъ), «Канделабрію» (Калабрію), «нимфозорію», «четыре правила сложенія», «мелкоскопъ», «вѣроящія», «свистовыхъ» (вѣстовыхъ) казаковъ, «плезирную» (клистирную) трубку и проч. И всѣ эти выкрученныя,

хотя подчасъ дѣйствительно смѣшныя словечки повторяются множество разъ, такъ что наконецъ просто надоѣдаютъ. А еще авторъ кромѣ того вставляетъ ихъ въ намѣренно неправильныя фразы, чтобы смѣшнѣе выходило. Напримѣръ, изъ спертаго и свѣжаго воздуха онъ составляетъ такую фразу: «У мастеровъ въ ихъ тѣсной хороминкѣ отъ безотдышной работы въ воздухѣ такая *потная спираль* сдѣлалась, что непривычному человѣку съ *свѣжаго повѣтрія* и одного раза нельзя было продохнуть». Или еще примѣръ: «Тѣ лица, которымъ курьеръ *нимфозорію* сдалъ, сію же минуту ее разсмотрѣли въ самый сильный *мелкоскопъ* и сейчасъ въ *публицейскія вѣдомости* описаніе, чтобы завтра же на всеобщее извѣстіе *клеветонъ* вышелъ». Или: «Передъ каждымъ на виду виситъ *долбица умноженія*, а подъ рукой *стирабельная* дощечка: все, что который мастеръ дѣлаетъ,—въ долбицу смотритъ и съ понятіемъ свѣряетъ, а потомъ на дощечкѣ одно пишетъ, другое стираетъ и въ акуратъ сводитъ» (II, 259, 268, 273).

«Лѣвша» есть «*Сказъ* о тульскимъ косомъ Лѣвшѣ и о стальной блохѣ». Кто же это «сказываетъ»? Прямо намъ этого не сообщаютъ, но изъ послѣдней главы, написанной уже обыкновеннымъ русскимъ языкомъ, видно, что герой «сказа» есть «олицетворенный народною фантазіей миѳъ», что въ тѣ времена, когда дѣйствовалъ Лѣвша, существовала «артистическая удаль, которая иногда превосходила мѣру, вдохновляя народную фантазію къ сочиненію подобныхъ нынѣшней (то есть «Сказу») баснословныхъ легендъ». Значитъ, народъ, и именно тульскій рабочій говоритъ этимъ «колоритнымъ и сильнымъ» языкомъ «публицейскихъ вѣдомостей», «клеветоновъ» и проч. Это вздоръ, конечно, и вздоръ этотъ находится въ прямой зависимости отъ «безмѣрности» Лѣскова вообще. Немного нужно наблюдательности, чтобы знать, что простой народъ часто перевираетъ иностранныя слова, но вѣдь онъ ихъ и знаетъ то пожалуй меньше, чѣмъ разсыпано въ «сказѣ» о тульскомъ Лѣвшѣ. Лѣсковъ несомнѣнно отъ себя сочиняетъ «непромокабли» и «клеветоны», а затѣмъ уже сверхъ всякой мѣры и чисто русскія слова калѣчитъ: «свѣжее повѣтріе», «свистовые казаки». Допустимъ однако, что Лѣскову попался такой экземпляръ тульскаго рабочаго, которому незнакомы вѣстовые казаки и свѣжій вѣтеръ, но за то знакомы мелкоскопы, Аболоны полведерскіе, клеветоны и проч., и авторъ пожелалъ увѣковѣчить манеру выражаться этого экземпляра. Но этимъ же языкомъ говорятъ у Лѣскова и люди, не имѣющіе, повидимому, ничего общаго съ тульскимъ рабочимъ. «Мелкескопъ» фигурируетъ, напримѣръ, въ «Запечатлѣнномъ Ангелѣ», гдѣ онъ вложенъ въ уста начетчика старовѣра. «Долбица умноженія» и «четыре правила сложенія», объ которыхъ говорится въ сказѣ о тульскомъ Лѣвшѣ, знакомы и какой то приживалкѣ въ «Полунощникахъ»,

разсказывающей о себѣ, между прочимъ, такъ: «Меня опредѣлили учиться; но у меня объявилась престранная способность; ко всѣмъ рѣшительно понятіямъ развитіе очень большое, а къ наукамъ совсѣмъ никакой памяти не было. Ко всему память и соображенія хорошія, а къ ученію нѣтъ, — *долбицу умноженія* сколько ни долбила, а какъ, бывало, зададутъ на *четыре правила сложенія*—плюсить или минусить, или въ умѣ составить, напримѣръ, *пять изъ семьи—сколько въ отставкѣ?*—то я и никакихъ пустяковъ не могу отвѣчать» (XI, 50). Эту приживалку Лѣсковъ заставляетъ говорить и о «пупонахъ» (купонахъ), о «подземельномъ банкѣ», о «монументальной фотографіи», о «выдающемся животѣ а-ла-пузе», «инпузоріяхъ», «фиміазмахъ», «блеярдныхъ шарахъ», «популярныхъ совѣтникахъ», «полицейскихъ аргентахъ» и проч. и проч. и проч. О Лѣвшѣ разсказывается, что у него въ морѣ «отъ колтыханія морская свинка сдѣлается» (II, 275). Въ разсказѣ «Шерамуръ» тоже «отъ колтыханія морская свинка дѣлается» (II, 472). Но на этотъ разъ эти слова говоритъ не тульскій рабочій, а бывшій студентъ петербургскаго технологическаго института. Странный это студентъ. Неговоря о его чрезвычайной глупости, онъ даже слово «пеклеванникъ» не можетъ выговорить какъ слѣдуетъ, а говоритъ: «поплеванникъ»; добровольцевъ онъ называетъ «доброходцами», а Молдавію и Валахію «Волдавіей» и «Молдахіей», и я не знаю, почему бы ему не называть фельетонъ клеветономъ и Аполлона Бельведерскаго Аболономъ полведерскимъ.

Я могъ бы привести еще много образчиковъ этого страннаго языка, которымъ у Лѣскова говорятъ русскіе люди самыхъ разнообразныхъ положеній, но, думаю, и приведеннаго достаточно, чтобы признать этотъ языкъ языкомъ самого Лѣскова. Замѣчу еще только, что неумѣренная склонность къ вычурнымъ словеснымъ эффектамъ проявлялась у него и разными другими способами. Въ рядѣ анекдотовъ, озаглавленныхъ «Смѣхъ и горе» нѣкій Дургальскій такъ шепелявитъ, что у него выходитъ «голодъ» вмѣсто «городъ» и «блошка» вмѣсто «брошка» (V, 173, 174). Въ «Соборянахъ» въ числѣ дѣйствующихъ лицъ есть учитель Варнава Препотенскій. Это одно изъ тѣхъ созданій Лѣскова, которыхъ онъ безъ всякой мѣры заставляетъ продѣлывать всякія мерзости и глупости, за что самъ же и наказываетъ ихъ осмѣяніями, заушеніями, оплеваніями. Варнава Препотенскій уже довольно долго фигурируетъ въ повѣсти, какъ вдругъ въ немъ обнаруживается еще одна комическая черта: оказывается, что онъ «имѣетъ слабость въ затруднительныя минуты заговариваться и ставить одно слово вмѣсто другого». Поэтому у него выходятъ «люди воспитанскаго семинарія», «Лимона Ивановна дайте мнѣ матренчика», «болова голитъ», «знако лицомое, а гдѣ васъ помнилъ—не увижу», «наступилъ на любимую мозоль»

(I, 221, 227, 230). Два послѣднія изреченія, вѣроятно многимъ и помимо Лѣскова извѣстныя, какъ образчики комическихъ обмолвокъ, показываютъ, что онъ не только самъ сочинялъ разныя смѣшныя сочетанія словъ, но не брезгалъ и чужими. И дѣйствительно, онъ по этой части не только мастеръ, а и любитель. Въ «Печерскихъ антикахъ» Лѣсковъ вспоминаетъ, между прочимъ, о первой кіевской газетѣ «Телеграфъ» и ея редакторѣ Юнгѣ. Газета эта—разсказываетъ Лѣсковъ—славилась своими опечатками и поправками къ опечаткамъ. Въ такомъ родѣ: «Вчера у насъ напечатано: Кіевляне преимущественно всѣ *онанисты*,—читай: *оптимисты*». Въ другой разъ авторъ хотѣлъ говорить о «лизоблюдахъ», а вышло: «неудивительно, что при такомъ воспитаніи выходятъ *недоблуды*»; поправка же гласила: «по ошибкѣ напечатано: «недоблуды»,—должно читать: *переблуды*» (X, 371).

На ловца и звѣрь бѣжитъ. Охотникъ до словесныхъ эффектовъ, Лѣсковъ и анекдоты соотвѣтственные находитъ. Если однако читатель заглянетъ въ указанную страницу «Печерскихъ антиковъ», то увидитъ, что провѣрить разсказъ Лѣскова объ опечаткахъ «Телеграфа» нельзя или, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно трудно: онъ разсказываетъ на память, безъ какихъ бы то ни было фактическихъ подтвержденій, ну, а память вѣдь иногда измѣняетъ людямъ, причемъ иные или прямо «сочиняютъ» или, по крайней мѣрѣ, присочиняютъ. Во всякомъ случаѣ всѣ эти «онанисты—оптимисты», «недоблуды—переблуды» очень родственны творческому духу самого Лѣскова.

При чтеніи вышеприведеннаго, читатель навѣрное хоть разъ улыбнулся, а можетъ быть и расхохотался. И отчего же не посмѣяться, отчего и людей не посмѣшить. Но та чрезмѣрность, съ которою Лѣсковъ направо и налѣво разсыпаетъ свои искусственныя словечки, уже сама по себѣ должна бы конфузить людей, желающихъ причислить его къ лику первоклассныхъ писателей. Какъ и всякая чрезмѣрность, она не свидѣтельствуетъ о значительности художественныхъ силъ и наноситъ явный ущербъ художественной правдѣ. А между тѣмъ это далеко не единственное выраженіе «безмѣрности» Лѣскова.

Мы видѣли, что въ разсказѣ о тульскомъ Лѣвшѣ сказалась «артистическая удаль, которая иногда превосходила мѣру, вдохновляя народную фантазію къ сочиненію подобныхъ баснословныхъ легендъ». Разсказъ о Лѣвшѣ, дѣйствительно, вполнѣ баснословенъ, но такъ какъ онъ и предлагается намъ въ качествѣ сказки, легенды, то «артистической удали» въ немъ естественно предоставляется гораздо большій просторъ, чѣмъ въ другихъ формахъ литературнаго отраженія жизни. Въ разсказѣ дѣйствуютъ историческія лица—Императоры Александръ I и Николай I, генералъ Платовъ, Нессельроде («Киселькроде»), но они введены въ

столь явственное баснословіе, что никому, конечно, и въ голову не придетъ искать тутъ правды исторической. Совсѣмъ другой характеръ имѣли разсказы Кесаря Степановича Берлинскаго, о которомъ Лѣсковъ вспоминаетъ въ «Печерскихъ антикахъ». «Берлинскій былъ самый большой фантазеръ, какого мнѣ удавалось видѣть,—говоритъ Лѣсковъ,—но фантазировалъ онъ не безъ разсчета, иногда очень наивнаго и почти всегда безвреднаго для другихъ. Соображалъ онъ быстро и сочинялъ такія пестрыя фабулы, что еслибы онъ хотѣлъ заняться сочинительствомъ литературнымъ, то изъ него, конечно, вышелъ бы любопытный сочинитель. Вдобавокъ къ этому, все, что Кесарь разъ о себѣ сочинилъ, это становилось для самого его истиною, въ которую онъ глубоко и убѣжденно вѣрилъ. Вѣроятно оттого анекдотическія импровизаціи «печерскаго Кесаря» производили на слушателей неотразимо сильное впечатлѣніе, подъ вліяніемъ котораго тѣ досочиняли еще больше». (X, 327). Въ импровизаціяхъ Берлинскаго игралъ большую роль императоръ Николай I, и такъ какъ Берлинскій выдавалъ свои импровизаціи за чистую правду, а не за сказку или легенду, то къ его разсказамъ должны быть предъявлены совсѣмъ не тѣ требованія, что къ будто бы безъимянному автору «сказа» о тульскомъ Лѣвшѣ. И, конечно, чрезмѣрность импровизацій Берлинскаго о будто бы очень фамильярныхъ отношеніяхъ, существовавшихъ между нимъ и императоромъ Николаемъ, одобренія не заслуживаетъ. «Пестротою фабулъ» Лѣсковъ не уступаетъ Берлинскому, а въ его литературномъ багажѣ, кромѣ беллетристическихъ произведеній, есть и историческія, біографическія, автобіографическія. Къ нимъ слѣдуетъ однако относиться съ осторожностью, можетъ быть не меньшею, чѣмъ какая нужна была слушателямъ импровизацій Берлинскаго. Послѣдній съ чрезвычайною точностью и увѣренностью разсказывалъ о своихъ встрѣчахъ и бесѣдахъ съ императоромъ Николаемъ, и однако—все это были лишь чрезмѣрныя фантазіи, построенныя на очень скромномъ фактическомъ фундаментѣ: полковникъ Берлинскій былъ лично извѣстенъ государю, какъ очень многіе полковники. Лѣсковъ тоже очень увѣренно и съ подробностями разсказываетъ о себѣ и о разныхъ историческихъ личностяхъ, но что тутъ не все Wahrheit, а есть и Dichtung, а иногда даже очень много Dichtung,—въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Взять хоть бы вышеприведенный разсказъ объ опечаткахъ въ кіевскомъ «Телеграфѣ». Или вотъ напримѣръ образчикъ фантазій будто бы Берлинскаго. Онъ разсказывалъ, что въ Петербургѣ солдаты «такъ его любили, что ему нигдѣ, будто, нельзя было показаться: какъ солдаты его увидятъ, сейчасъ перестаютъ слушать команду и бѣгутъ за нимъ и кричатъ: пусть насъ ведетъ отецъ нашъ полковникъ Берлинскій, мы съ нимъ и Константинополь возьмемъ, и самого побѣдоноснаго полководца *Вилезарія* на царскій смотръ въ цѣпяхъ приведемъ». Тотъ же

Берлинскій называлъ своего племянника Николая—«Николавра», и Лѣсковъ поясняетъ: «Здѣсь значеніе усиливалось звукомъ *лавра*. Николай это было простое имя, какъ бываетъ простой монастырь, а *Николавра*—это тоже самое, что лавра среди простыхъ монастырей». Не кажется ли читателю, что полководецъ Вылезарій и Николавра одного происхожденія съ Волдавіей и Молдахіей, клеветономъ, публицейскими вѣдомостями и проч.? А если не общаго происхожденія, то, по крайней мѣрѣ, общаго духа, свидѣтельствующаго о нѣкоторой родственности Берлинскаго съ самимъ Лѣсковымъ?

Я не буду говорить о тѣхъ произведеніяхъ Лѣскова, въ которыхъ фигурируютъ подлинныя живыя лица подъ ихъ настоящими именами, такъ какъ рѣшилъ имѣть дѣло исключительно только съ художникомъ. Но все вышесказанное объ «артистической удали, превосходящей мѣру», мы найдемъ въ беллетристикѣ Лѣскова. Отмѣтимъ однако сперва еще одну сторону его творчества, его «безмѣрность» еще въ одномъ направленіи.

«Ни у одного русскаго писателя нѣтъ такого неисчерпаемаго богатства фабулы... Въ тѣсной связи съ богатствомъ фабулы находится сконцентрированность беллетристической манеры Лѣскова». Такъ говоритъ цитируемый г. Сементковскимъ г. Венгеровъ; и говоритъ отчасти правду, а отчасти нѣчто, прямо противоположное дѣйствительности. Правда, что трудно указать другого писателя съ такимъ богатствомъ фабулы, какъ Лѣсковъ. Но вѣдь и полковникъ Берлинскій сочинялъ въ большомъ количествѣ «пестрыя фабулы». И хотя Лѣсковъ утверждаетъ, что изъ Берлинского могъ бы выдти «любопытный сочинитель», однако любопытный сочинитель еще не значитъ первоклассный или даже вообще хвалы достойный сочинитель. Богатство фабулы требуетъ еще многихъ прибавокъ для того, чтобы получилось истинно художественное произведеніе, и прежде всего требуетъ отсутствія «пестроты» или ея незамѣтности, благодаря той «концентрированности», которую г. Венгеровъ совершенно неосновательно усваиваетъ Лѣскову. Въ дѣйствительности именно этой то сконцентрированности и недостаетъ большинству произведеній Лѣскова. Здѣсь ему опять поперекъ дороги его безмѣрность стала.

Признаюсь, мнѣ стоило немалыхъ усилій дочитывать нѣкоторыя произведенія Лѣскова,—до такой степени они растянуты и переполнены всякаго рода отступленіями, въ свою очередь непомѣрно растянутыми. Многія изъ нихъ представляютъ собою просто длиннѣйшій рядъ анекдотовъ, весьма слабо связанныхъ въ какое то подобіе цѣлаго. Напримѣръ «Смѣхъ и горе». Нѣкоторый человѣкъ, Орестъ Марковичъ Ватажковъ, разсказываетъ въ кругу случайныхъ слушателей «такое же potpourri изъ сюрпризовъ, какъ бываетъ potpourri изъ пѣсенъ». Potpourri это занимаетъ слишкомъ 200 страницъ пятаго тома и разсказчикъ полагаетъ, что оно

«варьировано на интереснѣйшую тему», а именно слѣдующую: «Жизнь нигдѣ такъ не *преизобилуетъ самыми внезапнѣйшими разнообразіями* (подчеркиваю, какъ характерное для Лѣскова нагроможденіе превосходныхъ степеней), какъ въ Россіи. По крайней мѣрѣ я уѣзжаю отсюда заграницу именно для успокоенія отъ калейдоскопической пестроты русской жизни» (V, 5). И такъ тему, на которой концентрируется безконечный рядъ разсказовъ или анекдотовъ Ватажкова, составляетъ «калейдоскопическая пестрота русской жизни»... Центръ довольно сомнительный и во всякомъ случаѣ предоставляющій автору возможность вертѣть сколько ему калейдоскопъ и прекратить это занятіе опять таки когда угодно, а не въ силу внутренней необходимости, заключающейся въ самой фабулѣ.

Въ безконечной болтовнѣ приживалки въ «Полунощникахъ» пожалуй есть извѣстный центръ: исторія Клавдиньки. Но она до такой степени переплетена отступленіями, что самъ Лѣсковъ обрываетъ разсказъ словами: «Шехерезада умолкла». Именно Шехерезада: она могла бы пожалуй и больше тысячи и одной ночи разсказывать сказку за сказкой, густо посыпая ихъ солью реченій въ родѣ «выдающійся животъ а-ла-пузе», «одѣтъ а-ла-морда», «подземельный банкъ», «пупоны» и проч.

«Очарованный странникъ». Въ смыслѣ богатства фабулы это можетъ быть самое замѣчательное изъ произведеній Лѣскова, но въ немъ же особенно бросается въ глаза отсутствіе какого бы то ни было центра, такъ что и *фабулы* въ немъ, собственно говоря, нѣтъ, а есть цѣлый рядъ *фабулъ*, нанизанныхъ, какъ бусы, на нитку; и каждая бусина сама по себѣ и можетъ быть очень удобно вынута, замѣнена другою, а можно и еще сколько угодно бусинъ нанизать на ту же нитку. Припомнимъ хоть начало этого ожерелья.

Группа пассажировъ ѣдетъ на пароходѣ по Ладожскому озеру отъ Коневца къ Валааму, по дорогѣ заѣзжаетъ въ Корелу, потомъ плыветъ дальше. Завязывается разговоръ о Корелѣ. Одинъ изъ пассажировъ выражаетъ мысль, что хорошо бы было «неудобныхъ въ Петербургѣ людей» отправлять не въ отдаленныя какія нибудь мѣста, а вотъ сюда, въ Корелу, «гдѣ любое вольномысліе и свободомысліе не могутъ устоять передъ апатіей населенія и ужасною скукою гнетущей, скупой природы». Другой пассажиръ разсказываетъ, что однажды сюда былъ сосланъ какой то дьячекъ и повѣсился. Разговоръ переходитъ на тему о самоубійцахъ и о томъ, «можно ли за нихъ молиться». Молчавшій до тѣхъ поръ пассажиръ въ монашеской одеждѣ вступаетъ въ бесѣду разсказомъ объ одномъ священникѣ, который «всегда на святой проскомидіи за безъ покаянія скончавшихся и руки на ся наложившихъ» молился. Дѣлалъ онъ это съ разрѣшенія московскаго митрополита Филарета, а митрополитъ въ свою очередь

имѣлъ на этотъ счетъ разныя видѣнія. Трогательный и довольно длинный разсказъ монаха заинтересовалъ слушателей. Они освѣдомились о личности разсказчика. Оказалось, что онъ, между прочимъ, былъ въ военной службѣ, и именно вотъ кѣмъ: «Я *конэссеръ*-съ, конэссеръ, или, какъ простонароднѣе выразить, я въ лошадяхъ знатокъ и при ремонтерахъ состоялъ для ихъ руководствованія». Идетъ разсказъ объ томъ, какъ «конэссеръ» укрощалъ лошадей и въ особенности одну, отъ которой самъ «бѣшенный укротитель» Рарей отказался; затѣмъ разсказъ объ томъ, какъ Рарей приглашалъ «конэссера» къ себѣ на службу и почему это дѣло не состоялось. Тогда слушатели приступаютъ къ разсказчику съ просьбой повѣдать имъ свою жизнь, на что онъ тотчасъ же и соглашается. «Только, говоритъ, я иначе не могу, какъ съ самаго первоначала». И начинаетъ... Тутъ и эпизоды изъ ранняго дѣтства, и татарскій плѣнъ, и цыганскій таборъ, и исторія любви какого то князя, у котораго конэссеръ служилъ, и исторія другой любви того же князя, и разсказы объ томъ, какъ конэссеръ на Кавказѣ солдатомъ сражался, и какъ онъ въ адресномъ столѣ служилъ, и какъ онъ на балаганахъ демона представлялъ, какъ въ монастырь попалъ и какія ему тамъ искушенія были и проч. Все это съ величайшими и подчасъ очень утомительными подробностями. Архитектоника этого литературнаго калейдоскопа нисколько не пострадала бы, еслибы конэссеръ, напримѣръ, не представлялъ демона на балаганахъ или, напротивъ, представлялъ не только демона, но еще и какого нибудь «Вылезарія»; если бы онъ совсѣмъ не былъ въ татарскомъ плѣну или, напротивъ, побывалъ въ этомъ плѣну, а потомъ еще во Францію или Англію какъ нибудь попалъ. Вдобавокъ пестрыя приключенія конэссера разсказаны какимъ то дѣланнымъ, то утрированно-простонароднымъ, то стариннымъ книжнымъ языкомъ.

«Запечатлѣнный Ангелъ». Это одинъ изъ лучшихъ разсказовъ во всемъ литературномъ багажѣ Лѣскова. Но, не говоря ужъ объ утрированности языка, отсутствіе чувства мѣры портитъ этотъ разсказъ и въ другихъ отношеніяхъ. На постоялый дворъ ночью вьюга загнала много людей разнаго званія. У одного изъ нихъ, оказавшагося старовѣромъ, какъ это часто случается у Лѣскова, нашлась въ запасѣ «цѣлая большая исторія», которую онъ, тоже по примѣру многихъ другихъ персонажей Лѣскова, по первой же просьбѣ присутствующихъ, соглашается разсказать. Почему то этотъ разсказчикъ стоитъ на колѣняхъ, когда всѣ прочіе сидятъ или лежатъ. Ему предлагаютъ устроиться поудобнѣе, но онъ отвѣчаетъ: «Нѣтъ-съ, на этомъ благодарю-съ! Зачѣмъ васъ стѣснять, да и къ тому же повѣсть, которую я предъ вами поведу, пристойнѣе на колѣняхъ стоя сказывать, потому что это дѣло весьма священное и даже страшное». И затѣмъ онъ, стоя на колѣняхъ, говоритъ на протяженіи слишкомъ 70 страницъ убористаго шрифта.

Пусть кто нибудь изъ почитателей Лѣскова прочитаетъ этотъ разсказъ, стоя на колѣняхъ, и я увѣренъ, что, поднявшись, онъ скажетъ: да, это ужъ, «безмѣрно»! А и эта безмѣрность вызвана безмѣрностью же: весь тонъ разсказа свидѣльствуетъ, тоже до чрезмѣрности, о чувствахъ, волнующихъ разсказчика, но Лѣскову и это кажется мало, а потому онъ считаетъ нужнымъ еще подчеркнуть ихъ, заставивъ своего героя стоять па колѣняхъ. При этомъ не видно, однако, зачѣмъ онъ стоялъ на колѣняхъ до разсказа о «дѣлѣ весьма священномъ и даже страшномъ»: онъ не молился и участвовалъ въ разговорѣ объ обыкновенныхъ житейскихъ дѣлахъ. Какъ бы то ни было, но чтобы растянуть разсказъ на 70 страницъ, разсказчикъ торопиться не долженъ. Онъ и не торопится и вводитъ въ свою повѣсть непомѣрное количество отступленій и постороннихъ эпизодовъ, причемъ рѣчь не всегда о дѣлахъ священныхъ и даже страшныхъ идетъ. Напримѣръ: «У насъ въ русскомъ настоящемъ понятіи насчетъ женскаго сложенія соблюдается свой типъ, который по нашему гораздо нынѣшняго легкомыслія соотвѣтственнѣе. Мы длинныхъ цыбовъ не уважаемъ, а любимъ, чтобы женщина стояла не на долгихъ ножкахъ, да на крѣпонькихъ, чтобъ она не путалась, а какъ шарикъ всюду каталась и поспѣвала, а цыбастенькая побѣжитъ да спотыкнется. Зміевидная тонина у насъ тоже не уважается, а требуется, чтобы женщина была изъ себя понѣдристѣе и съ пазушкой, потому оно хотя это и не такъ фигурно, да за то материнство въ ней обозначается; лобочки въ нашей настоящей чисто русской женской породѣ хоть потѣльнѣе, помясистѣе, а за то въ этомъ мягкомъ лобочкѣ веселости и привѣта больше. То же и на счетъ носика: у нашихъ носики не горбылемъ, а все будто пипочкой, но этакая пипочка, она, какъ вамъ угодно, въ семейномъ быту гораздо благоувѣтливѣе, чѣмъ сухой гордый носъ. А особливо бровь» и т. д. (I, 465, 466). Согласитесь съ тѣмъ, что для этой диссертаціи можно бы и поднять разсказчика съ колѣнъ, а еще бы лучше и совсѣмъ не вводить ее въ повѣсть о «дѣлѣ священномъ и даже страшномъ». Пропорціональность отдѣльныхъ частей разсказа отъ этого только выиграла бы, равно какъ и пропорціи фигуры разсказчика; но пропорціональность, художественная мѣра и есть именно то, чего никогда не хватало Лѣскову.

То же отсутствіе чувства мѣры сказывается и въ пристрастіи Лѣскова къ изображенію съ одной стороны «праведниковъ» (онъ ихъ иногда такъ и называетъ), а съ другой злодѣевъ, превосходящихъ всякое вѣроятіе. Изъ нашихъ писателей, не то что перворазрядныхъ, а хоть сколько нибудь заслуживающихъ памятной отмѣтки въ исторіи литературы, не найдется ни одного, который бы такъ неумѣрено возвеличивалъ своихъ любимцевъ и всячески пригнеталъ своихъ художественныхъ пасынковъ. Здѣсь эстетиче-

ская «безмѣрность» переходитъ уже въ ту свою параллель въ нравственной области, которая называется отсутствіемъ справедливости. Но мы будемъ говорить, какъ условились, только о художникѣ.

Разными орудіями бьетъ и казнитъ своихъ пасынковъ Лѣсковъ. Я не имѣю ни времени, ни, признаться, охоты изслѣдовать весь этотъ арсеналъ, да едва ли въ этомъ есть и надобность. Двухъ-трехъ примѣровъ для моей цѣли достаточно.

Въ романѣ «На ножахъ» есть главы, называющіяся «Два вора», «Дока на доку нашелъ», «Воръ у вора дубинку укралъ». Житейское положеніе, выражаемое этими поговорками, есть одна изъ излюбленнѣйшихъ темъ Лѣскова. И это очень характерно все для той же его безмѣрности: изобразивъ негодяя или, по крайней мѣрѣ, хитреца, онъ искалъ случая свести его съ человѣкомъ еще гнуснѣе или хитрѣе, затѣмъ этого послѣдняго или обоихъ съ хитрѣйшими, наконецъ, согласно своей склонности къ нагроможденію превосходныхъ степеней, съ самымъ хитрѣйшимъ. Темѣ этой Лѣсковъ иногда посвящалъ отдѣльные разсказы (напримѣръ «Отборное зерно», «Обманъ», т. VII), а иногда эксплоатировалъ въ видѣ эпизодовъ въ большихъ своихъ произведеніяхъ. Впрочемъ романъ «На ножахъ» почти сплошь состоитъ изъ такихъ эпизодовъ. Тутъ два-три «праведника», несмотря на всю свою неизреченную красоту, еле мерцаютъ среди какого то неистоваго шабаша вѣдьмъ и демоновъ, кувыркающихся другъ черезъ друга и озабоченныхъ лишь тѣмъ, чтобы не только «праведниковъ», но и одинъ другого, другой третьяго и т. д. надуть. Воры, убійцы, поджигатели, обманщики-спириты, ростовщики, шпіоны, содержанки спутываются въ какой то невѣроятно дикій клубокъ, слѣдить за нитями котораго почти физически тяжело. Но порокъ въ концѣ концовъ не торжествуетъ. И вотъ, для образца, какъ казнится онъ въ лицѣ одного изъ негодяевъ, Висленева. Это воръ и убійца и все таки далеко не самый большой негодяй въ коллекціи. У него «воруютъ дубинки» архи-негодяй Гордановъ, красивый демонъ въ юбкѣ Глафира Бодростина, собственная его жена, любовникъ ея, шпіонъ и ростовщикъ Кишенскій. Послѣдніе двое составляютъ источникъ едва ли не наибольшихъ несчастій Висленева: они запутали его въ неоплатные долги и всячески притѣсняютъ, такъ что онъ, когда то пропагандистъ «женскаго вопроса», и, такъ сказать, ради него женившійся (это особая и очень длинная исторія), теперь трепещетъ передъ этимъ «женскимъ вопросомъ», видя его воплощеніе въ своей женѣ. Это не мѣшаетъ ему быть влюбленнымъ въ Глафиру Бодростину и, домогаясь взаимности, совершать всевозможныя подлости. Бодростина, въ своихъ преступныхъ цѣляхъ, облыжно подаетъ ему надежды и, между прочимъ, везетъ его съ собой въ Парижъ, гдѣ выдаетъ его за лакея, дворецкаго, а потомъ медіума, каковыя роли онъ

исполняетъ съ успѣхомъ. Изъ всей этой путаницы мы остановимся только на возвращеніи Висленева, вмѣстѣ съ Бодростиной, въ Россію.

Въ Берлинѣ Висленевъ выкрасился — или, какъ не совсѣмъ изящно, но во вкусѣ Лѣсковскаго остроумія выражается Бодростина, «окрасился въ вороную масть и росписалъ себѣ родимыми бородавками фронтонъ». Онъ такъ мотивируетъ эту метаморфозу: «Я за границей, при иностранныхъ законахъ о правѣ женщины, не трусилъ и никогда бы не струсилъ и не побоялся моей жены, будь я ей хоть даже вдесятеро болѣе долженъ; но когда мы въѣзжаемъ въ Россію, гдѣ на сторонѣ женщины законъ, тутъ... я, какъ мужчина, обязанъ сберечь свою свободу отъ жениной власти; да-съ, я это обязанъ!» (IX, 189). — Не забудьте, что это труситъ воръ и убійца, но дѣло въ томъ, что у него «украли дубинку» еще болѣе вороватые жена и ея любовникъ. Казалось бы, даже гораздо болѣе совѣстливый человѣкъ, чѣмъ Висленевъ, можетъ довольно просто выпутаться изъ когтей жены и ея любовника, но нашъ авторъ не любитъ простыхъ путей: ему нужно, чтобы у вора была украдена дубинка и чтобы болѣе вороватые колотили его этой дубинкой, что называется, сколько влѣзетъ. И вотъ Висленевъ, не довольствуясь переодѣваніемъ въ Берлинѣ, еще усиливаетъ его въ Петербургѣ: подвязалъ себѣ огромную бороду и надѣлъ на голову «вязаный полосатый британскій колпачекъ». Въ этомъ дурацкомъ видѣ онъ, къ удивленію Бодростиной (да и читателя), зачѣмъ то вскакиваетъ, за лакея, на козлы ея кареты, нанятой у вокзала, хотя, конечно, въ каретѣ онъ былъ бы безопаснѣе. Затѣмъ, добравшись въ лакейскомъ видѣ до дома мужа Бодростиной, онъ вихремъ пролетаетъ черезъ всю квартиру и запирается въ ванной комнатѣ, откуда уже не хочетъ выходить. При этомъ онъ выдергиваетъ кранъ въ ваннѣ и чуть не затопляетъ квартиру, а самъ стоитъ «какъ мраморный дельфинъ, окатываемый брызгами фонтана»...

Этимъ далеко не кончаются злоключенія Висленева, но право же скучно за ними слѣдить. Я выбралъ далеко не самый яркій эпизодъ изъ романа «На ножахъ», притомъ же подкрашенный комизмомъ, но его, по крайней мѣрѣ, можно выдѣлить. Исторія же краденыхъ дубинокъ другихъ дѣйствующихъ лицъ романа—Бодростиной, Горданова, Кишенскаго, Ропшина, княгини Вахтерминской и двухъ ея любовниковъ и проч. — просто непередаваема, до такой степени переплетены злодѣйства и подлости этихъ ковнодѣевъ и архи-ковнодѣевъ. По истинѣ можно сказать: «быкъ реветъ, медвѣдь реветъ, а кто кого деретъ,—самъ чортъ не разберетъ». А въ добавокъ въ концѣ романа на сценѣ появляются судебные слѣдователя и сыщики, которые, не будучи сами «ворами», всѣхъ или почти всѣхъ «воровъ» перехитряютъ и на законномъ основаніи у нихъ дубинки отбираютъ.

Такую же непомѣрную путаницу всевозможныхъ пакостей и взаимныхъ подсиживаній представляютъ отношенія Варнавы Препотенскаго, князя Борноволокова, Термосесова и др. въ «Соборянахъ». Любопытно, что Варнава Препотенскій терпитъ отъ автора приблизительно такую же казнь, какъ Висленевъ въ «На ножахъ». Вотъ что сообщаетъ объ немъ дьяконъ Ахилла изъ Петербурга: «Варнава сталъ человѣкъ жестоко несчастливый, потому что невдавняхъ женился на здѣшней барышнѣ, которая гораздо всякой дамы строже и судитъ все противъ брака, а Варнаву, говорятъ, не рѣдко бьетъ, и онъ теперь совсѣмъ уже не такой: самъ мнѣ открылся, что еслибы не боялся жены, то готовъ бы даже за Бога въ газетѣ заступиться, и ругательски ругаетъ госпожу Бизюкину, а особливо Термосесова, который чудесно было себя устроилъ и получалъ большое жалованье на негласной службѣ для надзора за честными людьми, но врагъ его смутилъ жадностію: сталъ фальшивыя бумажки перепущать и теперь въ острогъ сѣлъ» (I, 319).

Но оставимъ этихъ энциклопедическихъ, всесторонниxъ извертовъ и негодяевъ и попробуемъ взглянуть на Лѣсковскихъ «праведниковъ». Ихъ у него много. Онъ ихъ и изъ древнихъ сказаній заимствовалъ, и изъ исторической или якобы исторической дѣйствительности, и наконецъ изъ собственной художественной фантазіи. Въ числѣ ихъ есть люди высокопоставленные и мелкая сошка, духовнаго и свѣтскаго званія, мужского и женскаго пола, мудрые и придурковатые. Мы остановимся только на одной ихъ группѣ, представляющей нѣкоторый спеціальный интересъ.

Въ разсказѣ «Звѣрь» (т. VII) фигурируетъ жестокій помѣщикъ, распространяющій вокругъ себя страхъ и уныніе. Онъ большой любитель охоты и выращиваетъ у себя медвѣжатъ, которыхъ, по достиженіи ими извѣстнаго возраста, травитъ собаками. Въ числѣ его охотниковъ есть двадцатипятилѣтній парень Ферапонтъ, красавецъ, силачъ и удалецъ. Съ медвѣдями онъ былъ вообще въ дружескихъ отношеніяхъ, но въ особенности пользовался его любовью и отплачивалъ ему взаимностью молодой медвѣдь Сганарель. И вотъ наступила очередь этому Сганарелю быть убитымъ. Помѣщикъ, знавшій объ отношеніяхъ Ферапонта къ Сганарелю, съ утонченною жестокостью предоставилъ ему главную роль въ охотѣ. Кончилось однако тѣмъ, что Ферапонтъ далъ медвѣдю убѣжать въ лѣсъ, причемъ пулю, предназначенную Сганарелю, получилъ нечаянно въ руку онъ, Ферапонтъ. Помѣщикъ былъ чрезвычайно разгнѣванъ, и всѣ со страхомъ ожидали, какое наказаніе придумаетъ онъ Ферапонту. Но случилось нѣчто для всѣхъ неожиданное. Дѣло было на Рождествѣ. Старичекъ священникъ заговорилъ съ дѣтьми, въ присутствіи гнѣвнаго помѣщика, о смыслѣ пѣсни «Христосъ раждается» и продолжалъ свою рѣчь такъ трогательно на тему о любви и прощеніи, что

помѣщикъ смягчился и даже расплакался. А затѣмъ произошло слѣдующее. Помѣщикъ велѣлъ позвать Ферапонта, или «Храпошку», какъ его обыкновенно называли.

Тотъ предсталъ блѣдный, съ подвязанной рукой.

— Стань здѣсь! — велѣлъ ему дядя (помѣщикъ) и показалъ рукою на коверъ.

Храпошка подошелъ и упалъ на колѣни.

Встань... поднимись!—сказалъ дядя.—Я тебя прощаю.

Храпошка опять бросился ему въ ноги. Дядя заговорилъ нервнымъ, взволнованнымъ голосомъ.

— Ты любилъ звѣря, какъ не всякій умѣетъ любить человѣка. Ты меня этимъ тронулъ и превзошелъ меня въ великодушіи. Объявляю тебѣ отъ меня милость: даю вольную и сто рублей на дорогу. Иди, куда хочешь.

— Благодарю, я никуда не пойду,—воскликнулъ Храпошка.

— Что?

— Никуда не пойду, повторилъ Ферапонтъ.

— Чего же ты хочешь?

— За вашу милость я хочу вамъ вольной волей служить честнѣй, чѣмъ за страхъ по неволѣ.

Дядя моргнулъ глазами, приложивъ къ нимъ одной рукой свой бѣлый фуляръ, а другой, нагнувшись, обнялъ Ферапонта...

Ферапонтъ сталъ вольнымъ, но остался служить у помѣщика, переѣхалъ съ нимъ въ Москву, тамъ похоронилъ его, самъ умеръ и «лежитъ въ ногахъ у него». «Но въ московскихъ норахъ и трущобахъ есть люди, которые помнятъ бѣлоголоваго длиннаго старика, который словно чудомъ умѣлъ узнавать, гдѣ есть истинное горе, и умѣлъ поспѣвать туда во время самъ, или посылалъ не съ пустыми руками своего добраго пучеглазаго слугу». Эти два праведника и были возродившійся къ новой жизни помѣщикъ и его вѣрный Ферапонтъ.

Лѣсковъ есть по преимуществу разсказчикъ анекдотовъ. Даже его большія произведенія представляютъ собою, собственно говоря, цѣпь анекдотовъ, болѣе или менѣе прямолинейную, какъ въ «Очарованномъ странникѣ», «Запечатлѣнномъ Ангелѣ», «Полунощникахъ», «Смѣхѣ и горѣ», «Печерскихъ антикахъ» и проч., или же чрезвычайно запутанную, какъ въ «Соборянахъ», «Захудаломъ родѣ», «Некуда», «На ножахъ». Анекдотъ же, какъ нѣчто отрывочное и случайное, серьезно самостоятельнаго значенія не имѣетъ. Въ лучшемъ случаѣ онъ призванъ не характеризовать извѣстное лицо или положеніе, а лишь дополнять или иллюстрировать характеристику. Въ большинствѣ же случаевъ анекдотъ цѣнится ради его мимолетной занимательности: анекдотъ выслушанъ, произвелъ извѣстное впечатлѣніе, трогательное или комическое, и съ васъ этого довольно, вы не очень задумываетесь надъ тѣмъ, сколько въ немъ были и сколько небылицы. Можно бы было признать именно такимъ анекдотомъ разсказъ о жестокомъ помѣщикѣ и вѣрномъ Ферапонтѣ, на ряду съ какими нибудь пустяками въ родѣ «Путешествія съ нигилистомъ»

(т. VII), «Голоса природы» (тамъ же) и т. п.: пробѣжать можно, но задумываться не стоитъ и сейчасъ же забыть можно. Однако въ разсказѣ о Ферапонтѣ есть черта, которую Лѣсковъ не давалъ забыть, къ которой онъ даже слишкомъ часто возвращался и въ мелкихъ своихъ произведеніяхъ, и въ романахъ. Черта эта—рабская преданность. Естественно, что черта эта главнымъ образомъ пробивается въ разсказахъ изъ дореформеннаго помѣщичьяго, крѣпостного быта. Главнымъ образомъ, но отнюдь не исключительно. Лѣсковъ вовсе не былъ почитателемъ крѣпостного права, какъ учрежденія, и умилялся не имъ, а добровольнымъ рабствомъ. Въ разсказѣ «Дама и Фефела» мы имѣемъ параллель между утрированно грубою «дамой» и «простолюдинкой», горничной или нянькой, Прашей, съ нѣжнымъ и благороднымъ сердцемъ, настоящей праведницей. Дѣло происходитъ уже въ новѣйшее время, и Праша, хотя и крестьянка, но человѣкъ вольный. Когда «дама», истерзавъ своего мужа, разошлась съ нимъ, Праша переселилась къ нему. «Я — разсказывала она — только и хотѣла, чтобъ онъ зналъ, что онъ теперь не одинъ, а у него есть *раба*» (курсивъ Лѣскова: XII, 83). Въ «Старинныхъ психопатахъ» жена помѣщика Вишневскаго поставляетъ ему любовницъ, «крѣпостныхъ одалисокъ». Мужъ жилъ иногда въ другомъ имѣніи и жена, приготовивъ для него дѣвицу «по его вкусу», приглашала его къ себѣ. Онъ отвѣчалъ: «очень тебя благодарю и заботы твои обо мнѣ цѣню, а впрочемъ, въ главномъ выборѣ я на твой вкусъ больше, чѣмъ на свой собственный, полагаюсь». А жена въ свою очередь писала: «За довѣріе твое, безцѣнный другъ мой, весьма тебя благодарю и въ разсужденіи моего вкуса, въ чемъ на меня полагаешься, отъ души тебѣ угодить надѣюсь, но только прошу тебя, ангелъ моей души, пріѣзжай ко мнѣ сколь возможно скорѣе, потому что сердцо мое по тебѣ стосковалося, и ты увидишь, что я не объ одной себѣ сокрушаюсь, но и твой вкусъ понимаю. Дѣти наши обѣ здоровы и тебѣ кланяются и цѣлуютъ ручки». Подпись: «твоя вѣрная жена и раба Степанида» (VII, 379). Авторъ приводитъ еще такое же письмо и съ видимымъ удовольствіемъ прибавляетъ: «И опять таже подпись: «жена и раба».

Эта рабская преданность, именно рабская, какъ неоднократно и разными способами подчеркиваетъ Лѣсковъ, умиляетъ его сама по себѣ, какъ таковая, и онъ не заботится объ томъ, чтобы какъ нибудь мотивировать ее и тѣмъ самымъ сдѣлать для читателя понятною. Напримѣръ, въ вышеупомянутомъ разсказѣ «Звѣрь» нѣтъ ни одного штриха, который подготовилъ бы читателя къ рѣшенію Ферапонта, получивъ вольную, остаться служить свирѣпому помѣщику. Ферапонтъ человѣкъ молодой, полный жизни,—казалось бы, съ чего ему оставаться при баринѣ, который только что сыгралъ съ нимъ злую шутку, да и вообще своею свирѣпостью прославился? Но, по щучьему велѣнью, по авторскому

прошенью, на Ферапонта ни съ того, ни съ сего нисходитъ духъ преданности, за что авторъ и производитъ его, вмѣстѣ съ бариномъ, въ праведники.

Въ числѣ вводныхъ эпизодовъ, непомѣрно пестрящихъ «На ножахъ», любопытно появленіе у гроба Бодростана его стараго двороваго, полупомѣшаннаго восьмидесятилѣтняго «Сида». Онъ ругательски ругаетъ своего барина; ему замѣчаютъ, что не годится такъ говорить о покойникѣ, да еще надъ его тѣломъ.

— А что мнѣ его тѣло! рѣзко отвѣтилъ старикъ. А извѣстно ли кому, что это не его тѣло, а мое? Да, да: кто мнѣ смѣетъ сказать, что это его тѣло? Когда онъ двѣнадцати лѣтъ тонулъ, кто его вытащилъ? Я! Кто его устыжалъ, когда онъ въ Бога не вѣрилъ? Я! Кто его на войнѣ изъ чужихъ мертвыхъ тѣлъ на спинѣ унесъ? Я! Я, все я, вѣрный рабъ Сидоръ Тимоѳеевъ, я его изъ могилы унесъ, моимъ дыханьемъ отдышалъ!—закричалъ старикъ, начавъ колотить себя въ грудь, и вдругъ подскочилъ къ самому столу, на которомъ лежалъ обезображенный мертвецъ, присѣлъ на корточки и зашамкалъ:—Я ради тебя имя крестное потерялъ, а ты какъ Сидора Тимоѳеева злымъ псомъ называлъ? Какъ по сусаламъ билъ? какъ ты его за дерзость на цѣпь сажалъ? За что, за правду! За то, что я вѣрный рабъ, я крѣпостной слуга, не наемникъ скаредный, не за деньги тебѣ служилъ, а за побои, потому что я правду говорилъ, и говорилъ я тебѣ, что я тебя переживу, и я тебя пережилъ, пережилъ, и я на судъ съ тобой стану, и ты мнѣ поклонишься и скажешь; „прости меня, Сидъ", и я тебя тогда прощу, потому что я вѣрный рабъ, а не наемщикъ, а теперь ты лежи, когда тебя Богъ убилъ, лежи и слушай" (IX, 421).

Изъ разсказовъ постороннихъ людей оказывается, что Сидъ дѣйствительно много разъ выручалъ барина изъ большихъ бѣдъ, но и былъ отъ него жестоко битъ, преимущественно за докучныя наставленія. А когда баринъ «давалъ Сиду и отпускную, и деньги, и землю, то Сидъ Тимоѳеичъ все это съ гордостію отвергъ:—Ишь ты, подлое твое дворянское отродье, откупиться лучше хочешь, чтобы благодарнымъ не быть,—отвѣчалъ онъ, разрывая отпускную и дарственную».

Въ хроникѣ «Захудалаго рода» Патрикѣй Сударичевъ, крѣпостной слуга князя Протозанова привозитъ женѣ послѣдняго извѣстіе, что князь убитъ на войнѣ. Княгиня наградила его за вѣрную службу отпускною и клочкомъ земли. Преданный Патрикѣй возроптал противъ этого и сталъ энергически отказываться. Княгиня настояла на своемъ, но затѣмъ оказалось, что Патрикѣй засунулъ вольную въ какой то ящикъ, гдѣ она и провалялась сорокъ лѣтъ. Патрикѣй «имѣлъ умъ довольно глубокій и сосредоточенный, характеръ солидный и даже немножко важный; онъ по натурѣ былъ фанатикъ рабской преданности и твердый консерваторъ старыхъ порядковъ» (VI, 33). «Охотникъ мечтать о дарованіяхъ и талантахъ, погибшихъ въ разныхъ русскихъ людяхъ отъ крѣпостного права, имѣлъ бы хорошую задачу расчислить: какихъ степеней и положеній могъ достичь Патрикѣй на поприщѣ дипломатіи или науки, но я не знаю, предпочелъ ли бы Патрикѣй

Семенычъ всякій блестящій путь тому, что считалъ своимъ призваніемъ: быть вѣрнымъ слугой своей великодушной княгинѣ. Ея рабъ, говорилъ онъ, и ея рабомъ я умру. И онъ такъ и сдѣлалъ. Въ этомъ былъ его point d'honneur и даже болѣе: онъ чувствовалъ потребность быть ей преданъ безъ мѣры» (68).

Именно «безъ мѣры». Типъ безкорыстно преданнаго двороваго человѣка не разъ эксплоатировался въ нашей беллетристикѣ и большими, и малыми художниками. Но никто не обращался къ нему такъ часто и не освѣщалъ его такъ преувеличенно и односторонне, такъ во всѣхъ отношеніяхъ «безмѣрно», какъ Лѣсковъ. Для «фанатика рабской преданности» Патрикѣя Сударичева онъ придумываетъ, напримѣръ, такое невозможное положеніе. У Патрикѣя есть сынъ, котораго княгиня Протозанова беретъ подъ свое покровительство, отдаетъ учиться и, что называется, выводитъ въ люди. Молодой Сударичевъ пріѣзжаетъ къ отцу на побывку уже архитекторомъ. Княгиня приглашаетъ его къ себѣ обѣдать. Старый Сударичевъ возсталъ противъ этого: «Какъ, онъ, его сынъ «Николашка», будетъ сидѣть за однимъ столомъ съ княгиней! За тѣмъ самымъ столомъ, за которымъ самъ онъ, Патрикѣй Семенычъ, такъ упорно присвоилъ себѣ право стоять и обходить гостей съ бутылкой мадеры... И, стало быть, теперь онъ и къ сыну, къ «Николашкѣ», долженъ будетъ подойти съ обернутою салфеткой бутылкой вина и спросить «прикажете мадеры» (65). Положеніе, конечно, трудное, но не безвыходное, даже не для такого тонкаго ума, какимъ авторъ рекомендуетъ княгиню Протозанову. Но княгиня нашлась только на половину: утихомирила старика и дала ему какое то порученіе на время обѣда, но допустила, что въ половинѣ обѣда онъ явился, занялъ свое обычное мѣсто за княгининымъ стуломъ, а въ надлежащее время сталъ обходить гостей съ бутылкой мадеры. «Онъ хотѣлъ показать, что изъ преданности можетъ даже и это снести», но, дойдя до сына и уже наклонившись къ нему для обычнаго вопроса: «прикажете?»—не выдержалъ и, крикнувъ: «пошелъ вонъ!» упалъ въ обморокъ...

Нѣтъ, кажется, надобности настаивать на совершенной нелѣпости этой сцены. Ясно, что для возведенія Патрикѣевской преданности въ «самую превосходную» степень Лѣсковъ наградилъ всѣхъ присутствовавшихъ за обѣдомъ, со включеніемъ Сударичева-сына и добродѣтельной княгини Протозановой, мѣдными лбами: никому изъ нихъ не позволилъ предотвратить нелѣпый эффектъ лакейскаго услуженія старика отца молодому сыну.

Съ особеннымъ наслажденіемъ размазываетъ (именно размазываетъ) Лѣсковъ словесную автобіографію «плодомасовскаго карлика», Николая Афанасьевича, «вѣрнаго раба», крѣпостного господъ Плодомасовыхъ. Въ изданіи сочиненій она имѣется въ двухъ экземплярахъ: въ первомъ томѣ (150—171 стр.) и въ шестомъ (410—430). И не только самъ Лѣсковъ наслаждается, сочиняя

эту автобіографію, но и слушателей разсказовъ безмѣрно преданнаго карлика заставляетъ умиляться. Они восхищаются этими разсказами и вставляютъ въ нихъ умиленныя восклицанія: «Наитеплѣйше это у него выходитъ»! «Ахъ, старичекъ прелестный!» Между прочимъ, карликъ разсказываетъ, какъ барыня хотѣла его женить на карлицѣ же, Меттѣ Ивановнѣ, «для пыжиковъ». «Это, то есть, она желала маленькихъ людей развесть», записываетъ въ своемъ дневникѣ священникъ Туберозовъ. Свадьба не состоялась собственно потому, что г-жа Плодомасова хотѣла купить Метту Ивановну, а владѣлица Метты Ивановны хотѣла напротивъ сама купить Николая Афанасьевича; дѣтей отъ нихъ, то есть «пыжиковъ», обѣ помѣщицы другъ другу уступали. А въ то время, какъ шла эта торговля, карликъ и карлица должны были забавлять барынь: ихъ, напримѣръ, одѣвали медвѣдями и заставляли бороться...

Этотъ разсказъ карлика производитъ необыкновенно тяжелое впечатлѣніе. Всѣ мы знаемъ, что и не такія еще вещи продѣлывались надъ людьми въ такъ называемое доброе старое время. Поэтому не столько содержаніемъ своимъ непріятно поражаетъ разсказъ карлика, сколько тѣмъ умиленнымъ, слащавымъ тономъ, которымъ онъ ведется, тѣмъ восторгомъ, съ которымъ его слушаютъ присутствующіе, наконецъ, тѣмъ явнымъ сочувствіемъ, съ которымъ все это сочиняетъ Лѣсковъ. Г-жа Плодомасова изображена вообще гораздо болѣе симпатичными чертами, чѣмъ баринъ «вѣрнаго раба» Ферапонта или баринъ «вѣрнаго раба» Сида, но вѣдь нельзя же все-таки, кажется, восторгаться желаніемъ свести двухъ карликовъ для приплода «пыжиковъ», или этой борьбой двухъ несчастныхъ уродцевъ, наряженныхъ медвѣдями. Пусть бы «вѣрный рабъ» умилялъ какими нибудь другими воспоминаніями о своей барынѣ, а объ этой обидѣ и издѣвательствѣ хоть умолчалъ бы изъ уваженія къ памяти покойницы. А онъ не только не умалчиваетъ, но разсказываетъ съ восторгомъ и приводитъ въ восторгъ и умнаго и благороднаго попа Туберозова, и добродушнаго дьякона Ахиллу, и другихъ, а главное—Лѣскова. Чѣмъ же Лѣсковъ тутъ восторгается? Ни чѣмъ инымъ, какъ фактомъ безмѣрной преданности вѣрнаго раба, ради которой онъ тоже безмѣрно готовъ пожертвовать и здравымъ смысломъ, и художественной правдой.

Я кончилъ о Лѣсковѣ. Я не думалъ исчерпать содержаніе всѣхъ двѣнадцати томовъ его сочиненій, но, думаю, и приведеннаго достаточно, чтобы видѣть, что въ какомъ бы направленіи или отношеніи мы ни изслѣдовали этого плодовитаго писателя,— въ отношеніи ли языка, или характера дѣйствующихъ лицъ, или архитектуры фабулы, — мы вездѣ встрѣтимся съ однимъ и тѣмъ же его кореннымъ свойствомъ: безмѣрностью, отсутствіемъ чув-

ства мѣры. Это станетъ еще болѣе яснымъ, если ввести элементъ, мною намѣренно устраненный: его отношеніе къ нашимъ различнымъ партіямъ. Здѣсь природная безмѣрность окрыляется политическою озлобленностью, вслѣдствіе чего образы и картины получаютъ характеръ чудовищно фантастическій. Пусть любуются на нихъ гг. Сементковскіе, тѣмъ самымъ свидѣтельствуя, помимо всего прочаго, о своей свободѣ отъ элементарнѣйшаго художественнаго чутья, а для насъ и безъ того ясно, что писатель, столь во всѣхъ отношеніяхъ безмѣрному, не мѣсто въ первыхъ рядахъ литературы.

За послѣдніе годы ни одно беллетристическое произведеніе не вызывало столько разговоровъ, какъ напечатанный въ апрѣльской книжкѣ «Русской Мысли» разсказъ г. Чехова «Мужики». Не въ первый разъ г. Чеховъ вызываетъ къ себѣ такое усиленное и сосредоточенное вниманіе. Такъ было, напримѣръ, съ его комедіей «Ивановъ». Скоро однако разговоры объ этомъ вполнѣ неудачномъ произведеніи совсѣмъ прекратились и вышло такъ, какъ будто никогда и не было комедіи «Ивановъ». Мнѣ думается, что то же самое должно произойти и съ разсказомъ «Мужики». Это, разумѣется, ни малѣйше не колеблетъ репутаціи г. Чехова, а репутація эта очень опредѣленна: сильный талантъ, который можетъ, конечно, промахнуться и слабой вещью, но которому, главное, какія то обстоятельства мѣшаютъ развернуться во всю мѣру своей силы. Въ то же время едва ли кто отнесетъ г. Чехова къ числу писателей, «подающихъ надежды». Всѣ его почитатели—а у него ихъ очень много—признаютъ его уже осуществившимъ возможныя надежды и слѣдовательно мирятся съ тѣмъ, что этотъ большой талантъ никогда не покажетъ намъ полной мѣры своей силы.

«Мужики» были встрѣчены критикою болѣе чѣмъ благосклонно. По крайней мѣрѣ тѣ отзывы, которые мнѣ попадались, переполнены похвалами. Говоря совершенно искренно, я не понимаю этихъ восторговъ. «Мужики» далеко не изъ лучшихъ разсказовъ г. Чехова. Въ нихъ есть что то недодѣланное, отзывающееся черновикомъ, при пересмотрѣ котораго авторъ навѣрное нѣкоторыя части развилъ бы, выдвинулъ бы впередъ, а нѣкоторыя другія напротивъ сократилъ бы. Вотъ, напримѣръ, часть описанія пожара:

Марья металась около своей избы, плача, ломая руки, стуча зубами, хотя пожаръ былъ далеко, на другомъ краю; вышелъ Николай въ валенкахъ, повыбѣгали дѣти въ рубашенкахъ. Около избы десятскаго забили въ чугунную доску. „Бемъ, бемъ, бемъ“... понеслось по воздуху, и отъ этого частаго, неугомоннаго звона щемило за сердце и становилось холодно. *Старыя бабы стояли съ образами.* Изъ дворовъ выгоняли на улицу

овецъ, телятъ и коровъ, выносили сундуки, овчины, кадки. *Вороной жеребецъ, которагю не пускали въ табунъ, такъ какъ онъ лягалъ и ранилъ лошадей, теперь, пущенный на волю, топоча, со ржаньемъ, пробѣжалъ по деревнѣ разъ и другой и вдругъ остановился около телѣги и сталъ бить ее задними ногами.*

Зазвонили и на той сторонѣ, въ церкви.

Около горѣвшей избы было жарко и такъ свѣтло, что на землѣ видна была отчетливо каждая травка. На одномъ изъ сундуковъ, которые успѣли вытащить, сидѣлъ Семенъ, рыжій мужикъ съ большимъ носомъ, въ картузѣ, надвинутомъ на голову глубоко до ушей, въ пиджакѣ; его жена лежала лицомъ внизъ, въ забытьи, и стонала. Какой то старикъ лѣтъ восьмидесяти, низенькій, съ большой бородой, похожій на гнома, не здѣшній, но, очевидно, причастный къ пожару, ходилъ вездѣ съ бѣлымъ узелкомъ въ рукахъ; *на лысинѣ его отсвѣчивалъ огонь.*

Не правда ли, яркая картинка? Вглядитесь, однако, въ нее попристальнѣе, хотя бы только въ тѣ мѣста, которыя я подчеркнулъ. «Старыя бабы стояли съ образами». На одной изъ передвижныхъ выставокъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, была картина на этотъ сюжетъ: освѣщенная очевидно близкимъ пламенемъ пожара часть избы, у дверей которой стоитъ старая баба съ иконой въ рукахъ. Ничего больше, никакихъ другихъ подробностей. Но въ физіономію бабы художникъ (къ сожалѣнію, не помню его имени) вложилъ столько спокойной увѣренности, что икона оградитъ избу отъ огня, который, однако, вотъ-вотъ отгонитъ бабу,—что передъ вами раскрывается цѣлая сложная сторона мужицкой жизни. Въ картинѣ г. Чехова старыя бабы съ образами—мелкая деталь, занимающая ровно столько же мѣста, сколько отраженіе огня на лысинѣ старика. Притомъ же записана эта деталь такъ небрежно, что не всякій и пойметъ, въ чемъ тутъ дѣло: можетъ быть бабы просто спасали образа. За то мы узнаемъ, не только какъ велъ себя на пожарѣ вороной жеребецъ, но и какой у него вообще дурной характеръ.

Это, конечно, мелочи. Но и въ самыхъ существенныхъ частяхъ разсказа мы встрѣчаемъ ту же черновую небрежность или недодѣланность, особенно бросающуюся въ глаза при тщательной разработкѣ второстепенныхъ подробностей.

Крестьянинъ Николай Чикильдѣевъ служилъ въ Москвѣ, въ «Славянскомъ Базарѣ», половымъ, но пришелъ въ негодность, заболѣлъ и рѣшилъ уѣхать въ родную деревню, вмѣстѣ съ женой, служившей въ Москвѣ же горничной въ меблированныхъ комнатахъ, и маленькой дочерью. Въ деревнѣ онъ съ перваго же дня получаетъ множество непривычныхъ для него тяжелыхъ впечатлѣній: грязь, нищета, грубость, пьянство, драки. Онъ рвется изъ этого омута, но податься некуда. Здоровье его слабѣетъ, какой то старикъ, отставной военный фельдшеръ, ставитъ ему банки, непосредственно послѣ которыхъ больной умираетъ. Его жена и дочь уходятъ въ Москву пѣшкомъ, побираясь по дорогѣ Христовымъ именемъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе «Мужиковъ». Нѣкоторыя детали разсказа сдѣланы съ свойственнымъ г. Чехову мастерствомъ. Нѣкоторыя фигуры, напримѣръ, старосты Антона Сѣдельникова, двухъ невѣстокъ,—забитой Марьи и «озорной» Ѳеклы,—намѣченныя всего нѣсколькими штрихами, стоятъ передъ вами, какъ живые. Но даже и они вызываютъ временами чувство досады на автора, на его небрежность. Напримѣръ. Озорная Ѳекла очень дурно относится къ пріѣзжимъ москвичамъ, въ особенности къ женѣ Николая, Ольгѣ: ругается, даже дерется. Кроткая, не помнящая зла Ольга отплачиваетъ ей добромъ. Ѳекла ночью «гуляла» за рѣкой съ какими то «озорниками» изъ помѣщичьей усадьбы, а тѣ въ заключеніе раздѣли ее до нага, да такъ и пустили домой. Ольга ласково прикрыла ее въ двоякомъ смыслѣ слова: и одѣла, и помогла скрыть приключеніе. У читателя естественно является вопросъ: какъ же послѣ этого стала относиться Ѳекла къ Ольгѣ? Разумѣется, читатель не имѣетъ права приставать къ автору со всѣми вопросами, какіе ему придутъ въ голову при чтеніи. Но въ данномъ случаѣ вопросъ самъ собой вытекаетъ изъ особеннаго, экстреннаго положенія, въ которое самъ авторъ поставилъ своихъ дѣйствующихъ лицъ. Озорная, грубая Ѳекла, можетъ быть, во всю свою жизнь ни одного ласковаго слова не слыхала,—вонъ даже сейчасъ она вернулась изъ-за рѣки осрамленная, а еще это была гулянка, веселье. Можетъ быть, въ первый разъ въ жизни нашелся человѣкъ, который ее пожалѣлъ, и мы хотимъ знать, какъ она къ этому отнеслась. Мы ничего не подсказываемъ автору, не требуемъ, напримѣръ, чтобы Ѳекла прониклась чувствомъ благодарности къ Ольгѣ или, наоборотъ, еще пуще не взлюбила ее; мы хотѣли бы только посмотрѣть на нихъ вмѣстѣ послѣ описаннаго случая. Но автору не приходитъ въ голову удовлетворить это естественное желаніе: имена Ѳеклы и Ольги больше ни разу не встрѣчаются въ разсказѣ рядомъ. хотя онѣ прожили еще чуть не цѣлый годъ въ одной избѣ.

Во всякомъ случаѣ нѣкоторыя второстепенныя дѣйствующія лица сдѣланы гораздо лучше, чѣмъ главныя: Николай и Ольга Чикильдѣевы и ихъ дочь Саша. Въ особенности неудачна Ольга. Я не хочу сказать, что такихъ не бываетъ, но авторъ не сдѣлалъ ее вѣроятною, не представилъ въ ея пользу никакихъ оправдательныхъ «человѣческихъ документовъ». Ольга—сама кротость, ласка и приличіе; она грамотная и любитъ читать евангеліе; читаетъ она его безъ всякаго пониманія и плачетъ отъ умиленія при словахъ «аще» и «дондеже», но она и безъ пониманія проникнута духомъ евангельской любви и всепрощенія, въ каковомъ духѣ и дочь свою, Сашу, воспитала. Все это дѣлаетъ ее какимъ то свѣтлымъ пятномъ на мрачномъ и грязномъ фонѣ жизни «мужиковъ». Но васъ невольно беретъ сомнѣніе въ правдивости этого образа. Ольга была въ Москвѣ горничной въ мебли-

рованныхъ комнатахъ, а что такое московскія меблированныя комнаты, объ этомъ несвѣдущіе люди могутъ отчасти узнать изъ напечатаннаго въ апрѣльской же книжкѣ «Русской Мысли» разсказа г. Тимковскаго «Приватъ-доцентъ». Въ одномъ изъ такихъ учрежденій «передъ Корнеліевымъ (приватъ-доцентъ) замелькали потныя, сердитыя лица, полупьяные глаза, отчаянно жестикулирующія руки; слышались возгласы: «шулерство... негодяйство... ноги моей не будетъ... пошелъ ко всѣмъ чертямъ!» и т. п. Испуганный и оглушенный, Корнеліевъ бочкомъ пробрался къ двери и выскользнулъ въ коридоръ». Въ другихъ меблированныхъ комнатахъ одинъ жилецъ жалуется Корнеліеву: «У васъ вонъ тамъ весна, а анаѳемская хозяйка по этому случаю топить перестала: видите, какую сырость развела? Э ч квартирныя хозяйки, я вамъ скажу, такія...»

Разсказъ г. Тимковскаго посвященъ вовсе не описанію меблированныхъ комнатъ. Приведенныя черты жизни являются въ разсказѣ, конечно, въ болѣе развитомъ видѣ, чѣмъ у меня, но все таки онѣ отмѣчаются мимоходомъ. Въ нашей литературѣ найдутся гораздо болѣе яркія и полныя изображенія жизни въ московскихъ меблированныхъ комнатахъ, и я привелъ нѣсколько строкъ изъ разсказа г. Тимковскаго только потому, что читатель найдетъ его рядомъ съ «Мужиками» г. Чехова. По и въ приведенныхъ нѣсколькихъ строкахъ содержится достаточно намековъ на ту дѣйствительность, въ которой жила Ольга въ Москвѣ. Богема, населяющая меблированныя комнаты, часто проводитъ время болѣе, чѣмъ весело, и горничная тутъ всякой штуки навидится и наслышится; а хозяйка, хоть и не непремѣнно «анаѳемская», своего во всякомъ случаѣ не упуститъ, и горничная тутъ всякой штуки натерпится и въ смыслѣ неустанной работы съ утра до вечера, и въ смыслѣ помѣщенія гдѣ нибудь въ конурѣ подъ лѣстницей. При этихъ условіяхъ могутъ вырабатываться очень различные типы горничныхъ, но только не Ольги; это не типъ, а экземпляръ, сложившійся благодаря какимъ то особеннымъ, необычнымъ обстоятельствамъ, которыхъ намъ авторъ не показалъ, а потому и Ольга является совершенно неоправданною.

Можетъ быть, на Ольгу вліялъ мужъ, Николай? Это, повидимому, мягкій, добрый человѣкъ, но это и все, что объ немъ можно сказать: онъ гораздо блѣднѣе Ольги. Къ профессіи своей Николай относится какъ бы даже восторженно. Когда онъ въ деревнѣ слышитъ въ первый разъ звонъ ко всенощной, онъ «мечтательно» вспоминаетъ: «Объ эту пору въ Славянскомъ Базарѣ обѣды». Ночью, когда его никто не видитъ, надѣваетъ свой лакейскій фракъ и умиленно улыбается; при случаѣ охотно говоритъ о котлетахъ марешаль и т. п. Эти нѣсколько комическія черты, придавая нѣкоторую жизненность блѣдной фигурѣ Ни-

колая, тонутъ въ его мягкости и деликатности, но не въ нихъ же искать источника святости Ольги. И опять таки мы ничего не узнаемъ о жизни Николая до его пріѣзда въ деревню, кромѣ того, что онъ одиннадцати лѣтъ былъ отвезенъ на трактирную лакейскую службу въ Москву.

Недавно въ «Сынѣ Отечества» была напечатана замѣтка о положеніи трактирныхъ половыхъ. Авторъ, между прочимъ, говоритъ:

Одинъ изъ моихъ читателей пишетъ мнѣ отъ своего имени и отъ имени своихъ товарищей по работѣ и указываетъ, что ихъ работа начинается съ 7 часовъ и продолжается до 2-хъ и 4-хъ часовъ ночи. Вѣдь это не меньше 19 часовъ работы. Скажутъ, что эта работа легкая, что очень часто приходится сидѣть совсѣмъ безъ дѣла. Да, но вѣдь сидѣть безъ дѣла въ ожиданіи, что каждую минуту любой пьяница можетъ васъ позвать и начать безнаказано издѣваться надъ вами, — это еще не значитъ отдыхать. Большинство служащихъ работаютъ безъ жалованья, существуя исключительно тѣми деньгами, которыя посѣтители даютъ «на чай». Изъ этихъ же денегъ служащій уплачиваетъ хозяину за разбитую посуду. «Никакое начальство, никакое покровительственное общество не входитъ въ наше положеніе, жалуется авторъ письма, такъ что въ общемъ служащій человѣкъ что то такое ненужное и презрѣнное, что ни просьбъ, ни жалобъ отъ него никто не желаетъ принимать. Разъ онъ слуга, значитъ долженъ быть и подчиненъ и добръ по характеру и честенъ и за все молчать и все переносить. А вѣдь онъ тоже человѣкъ. А онъ тоже и жить хочетъ».

Вотъ какіе виды видалъ я Николай Чикильдѣевъ за свою долголѣтнюю лакейскую службу съ одиннадцати лѣтъ и до старости. Но авторъ вычеркнулъ все это изъ его памяти, не показалъ и читателю и поставилъ въ среду «Мужиковъ» такимъ, какимъ онъ является посѣтителю Славянскаго Базара: чистоплотнымъ, деликатнымъ, весело предупредительнымъ, любезно предлагающимъ скушать котлету-марешаль. Выходитъ опять своего рода свѣтлое пятно, и опять неоправданное.

Вообще весь разсказъ г. Чехова производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто талантливый и наблюдательный человѣкъ, попавъ въ деревню, поразился ея нищетою и грязью, наскоро занесъ свои впечатлѣнія въ свою записную книжку; потомъ вспомнилъ лакея, видѣннаго имъ въ московскомъ трактирѣ и обратившаго на себя его вниманіе своею мягкостью и деликатностью, и такъ и ввелъ его въ деревенскую картину; потомъ присочинилъ ему жену и дочь, потомъ наскоро и грубо присочинилъ кое какія сцены для пополненія запаса подлинныхъ наблюденій. Еслибы все это выровнять, отдѣлать, то, при талантливости автора, могла бы выдти прекрасная вещь, а теперь вышли только «Мужики».

Но можетъ быть этотъ разсказъ, хотя бы и не изъ удачныхъ самъ по себѣ, дорогъ тѣмъ, что даетъ матеріалъ для важныхъ выводовъ, которые вотъ и дѣлаются критикой? Посмотримъ.

Во всемъ, что я слышалъ и читалъ о «Мужикахъ», меня

прежде всего поразило то, что, восхищаясь талантливостью этого произведенія, талантомъ г. Чехова вообще, никто не попытался вспомнить хоть одно какое нибудь изъ прежнихъ произведеній г. Чехова. А вѣдь это такъ естественно, когда рѣчь идетъ о произведеніи талантливаго писателя, имѣющаго болѣе или менѣе долгое литературное прошлое. Читая, напримѣръ, не то что такую грандіозную работу, какъ «Война и миръ», а даже такой незначительный разсказъ, какъ «Хозяинъ и работникъ», вы невольно вспоминаете рядъ образовъ и картинъ изъ другихъ произведеній Толстого, ищете въ нихъ дополненій, разъясненій, параллелей, контрастовъ; вамъ открываются такія или иныя перспективы въ творческій міръ Толстого вообще. Возьмите любого другого беллетриста, привлекавшаго къ себѣ вниманіе публики: Тургенева, Салтыкова, Успенскаго, Достоевскаго; вездѣ вы получите то же самое: столь тѣсную связь между, если не всѣми, то большинствомъ ихъ произведеній, что даже при желаніи изолировать какое нибудь одно изъ нихъ, сдѣлать это трудно. Это напротивъ очень легко относительно г. Чехова. Трудно напротивъ найти какую нибудь связь между «Мужиками» и «Ивановымъ», «Степью», «Палатой № 6», «Чернымъ монахомъ», водевилями въ родѣ «Медвѣдя», многочисленными мелкими разсказами. Есть только одно произведеніе, которое мнѣ всегда вспоминается при чтеніи каждой новой работы г. Чехова. Это «Скучная исторія», и въ ней грустныя слова главнаго дѣйствующаго лица: «Во всѣхъ мысляхъ, чувствахъ и понятіяхъ, какія я составляю обо всемъ, нѣтъ чего то общаго, что связывало бы все это въ одно цѣлое. Каждое чувство и каждая мысль живутъ во мнѣ особнякомъ, и во всѣхъ моихъ сужденіяхъ о наукѣ, театрѣ, литературѣ, ученикахъ и во всѣхъ картинахъ, которыя рисуетъ мое воображеніе, даже самый искусный аналитикъ не найдетъ того, что называется общей идеей или богомъ живого человѣка. А коли нѣтъ этого, то, значитъ, нѣтъ и ничего»...

Послѣднее, можетъ быть, ужъ слишкомъ сурово: Николай Степановичъ, говорящій эти печальныя слова, есть умный, ученый и добрый человѣкъ; умъ, знанія, доброта за нимъ и остаются. Точно также за г. Чеховымъ остаются талантъ и наблюдательность, но «того, что называется общей идеей или богомъ живого человѣка» — у него нѣтъ. Въ этомъ, между прочимъ, и заключается разгадка той странности, что всѣ мы, почитатели таланта г. Чехова, твердо знаемъ, что онъ никогда не развернетъ этотъ свой талантъ во всю мѣру его силы. Отсюда же слѣдуетъ и другой общій выводъ, а именно тотъ, что никакихъ общихъ выводовъ изъ произведеній г. Чехова дѣлать не слѣдуетъ, да и просто нельзя. Безпрестанно перенося свое художественное вниманіе съ одного предмета на предметъ, онъ довольствуется самыми поверхностными наблюденіями. Поверхностность эта скрадывается боль-

шою талантливостью, но все таки не нужно быть «самымъ искуснымъ аналитикомъ», чтобы усмотрѣть ее, а значитъ и отказаться отъ какихъ бы то ни было выводовъ на основаніи столь скуднаго, поверхностнаго матеріала.

Чеховъ хотѣлъ показать «Мужиками» то-то или то-то... Такъ говорятъ и пишутъ. Я этого не знаю и вполнѣ допускаю, что г. Чеховъ даже ровно ничего не хотѣлъ показать, а просто писалъ, какъ писалось, подъ вліяніемъ извѣстныхъ впечатлѣній съ одной стороны, извѣстнаго настроенія — съ другой. Для меня лично никакіе общіе выводы не слѣдуютъ изъ написанной имъ картины, въ которой столько случайнаго, экземплярнаго, непропорціональнаго и недоговореннаго, несмотря на громкое и какъ бы суммирующее заглавіе «Мужики». Другіе думаютъ иначе. Говорятъ, напримѣръ, что мы получили яркую картину деревенской нищеты, невѣжества и дикости, а это уже само по себѣ есть призывъ, указаніе на необходимость просвѣщенія деревни. Когда то подобныя картины не были рѣдкостью въ нашей литературѣ, раздавались даже негодующіе голоса, что она «провоняла мужикомъ» и что надоѣло слушать, какъ «какой нибудь Сысойка отъ дикости своей принужденъ сосновой корой питаться». Потомъ и совсѣмъ было о мужикѣ забыли, а теперь вотъ онъ опять всплылъ въ разсказѣ г. Чехова, да еще какого шуму надѣлалъ! Какъ бы то ни было, но необходимость просвѣщенія мужика (если ее еще нужно доказывать) дѣйствительно вытекала бы изъ разсказа г. Чехова, еслибы не лучезарность Николая и Ольги Чикильдѣевыхъ. Одна плачетъ при словахъ «аще» и «дондеже», а другой умѣетъ вѣроятно написать счетъ, обозначивъ въ немъ котлету-марешаль и «ёфъ бруи» и многое другое. Это, конечно, просвѣщеніе, но дѣло не въ немъ, очевидно, а въ тонкой чувствительности, деликатности, «гуманности», воспитанныхъ городской жизнью.

Необходимость просвѣщенія — выводъ практическій, приглашающій къ нѣкоторымъ дѣйствіямъ. Другіе считаютъ его пустяками, не стоющими вниманія, а важенъ, дескать, выводъ теоретическій: городъ въ лицѣ полового Николая и горничной Ольги выше деревни въ лицѣ ихъ дикихъ сродниковъ. Ну, а дальше что? Слѣдуетъ ли изъ этого, что городъ, который и безъ того хорошъ, можно оставить безъ вниманія, и всѣ заботы общества должны сосредоточиться на деревнѣ, которая такъ темна и безпомощна? Повидимому, нѣтъ, и даже скорѣе напротивъ. Во всякомъ случаѣ насъ предпочитаютъ держать на высотѣ чисто теоретическаго вывода и настаиваютъ на немъ съ страннымъ полемическимъ задоромъ. Задоръ этотъ страненъ по своей запоздалости. Было время, когда кое кто изъ нашихъ беллетристовъ чрезмѣрно идеализировалъ деревню въ ущербъ или въ пику городу. Были у этого направленія свои теоретики-публицисты, при-

бѣгавшіе къ чрезвычайно страннымъ пріемамъ для оправданія и развитія своихъ положеній. Напримѣръ, одинъ изъ нихъ писалъ: «Если только намъ суждено скоро услышать «надлежащее слово», его скажутъ люди деревни, а не города, и ужъ всего меньше Петербурга. Да, скажетъ его деревня, какъ бы презрительно ни думали о ней книжники. Хотѣлось бы пояснить, что подъ деревней здѣсь подразумѣвается единица, олицетворяющая собою принципъ солидарности, нравственной связи, въ противоположность принципу крайняго индивидуализма и разобщенности, выразителемъ котораго былъ и есть европейскій городъ». Это писалъ двадцать лѣтъ тому назадъ въ «Недѣлѣ», нѣкто г. П. Ч., вѣроятно давно уже отказавшійся отъ своей тогдашней точки зрѣнія. Да и вообще въ настоящее время въ литературѣ нѣтъ ея представителей. Но за то ее усвоили, напримѣръ, комментаторы «Мужиковъ», только, такъ сказать, съ перемѣною адреса. Логическая ошибка вышеприведеннаго разсужденія г. П. Ч., какъ я тогда же указывалъ, состоитъ въ томъ, что, вѣрно или невѣрно усвоивъ деревнѣ извѣстную черту, онъ *отвлекаетъ* ее отъ всѣхъ непривлекательныхъ сторонъ деревни—ея невѣжества, пьянства, грубости—и противопоставляетъ эту *отвлеченную* деревню *конкретному* Петербургу, въ которомъ, конечно, много мерзостей. Совершенно такъ же поступаютъ комментаторы «Мужиковъ» (я не говорю самъ г. Чеховъ). Вѣрно или невѣрно приписавъ извѣстныя черты городскому жителю вообще, они берутъ *отвлеченнаго* полового — вытираютъ изъ его прошлаго всѣ тычки, пинки, ругательства и издѣвательства, претерпѣнныя имъ съ одиннадцатилѣтняго возраста до тѣхъ поръ, пока онъ самъ сталъ раздавать таковыя такимъ же мальчишкамъ-ученикамъ; промываютъ его глаза и уши отъ всего, что онъ видѣлъ и слышалъ въ отдѣльныхъ кабинетахъ; вычеркиваютъ и его ежедневную 19-и-часовую работу, и всѣ гнусныя привычки хамскаго угодничества изъ-за «на-чаевъ», выработываемыя нашими дикими нравами вообще, и всѣ тѣ оскорбленія, которыя онъ, благодаря все той же нашей общей дикости, получилъ отъ пьяныхъ посѣтителей, и проч., и проч., и проч. Вотъ, напримѣръ, недавно писали въ газетахъ, что какой то милліонеръ изъ купцовъ заставилъ лакея-татарина въ загородномъ ресторанѣ лечь на полъ кабинета и, поливая его шампанскимъ, приговаривалъ: «плавай!» Старикъ-татаринъ, для угожденія «хорошему гостю», легъ на полъ и началъ руками и ногами производить движенія, какъ во время плаванія. —«Теперь получай награду», — возвѣстилъ коммерсантъ, и далъ татарину пятьсотъ рублей. Татаринъ остался крайне доволенъ и съ восторгомъ, какъ заявляютъ газеты, заявилъ окружающимъ: «Тридцать лѣтъ служу, а такого хорошаго господина не видалъ»... Все это отметается, стирается, и получается исключительно воплощеніе того момента каторжной жизни полового, когда онъ любезно и

предупредительно предлагаетъ вамъ въ хорошемъ московскомъ трактирѣ: спаржи не прикажете ли?—хорошую и лучшли. И этого отвлеченнаго полового внѣдряютъ въ *конкретную*, даже въ ультраконкретную деревню, изъ которой не только ни одна подлинная соринка не выметена, а еще лишняго навозу навалено для большей яркости.

Отвлеченный половой всѣмъ возмущается въ конкретной деревнѣ. «На Илью пили, на Успенье пили, на Воздвиженье пили. На Покровъ въ Жуковѣ былъ приходскій праздникъ, и мужики по этому случаю пили три дня; пропили 50 рублей общественныхъ денегъ и потомъ еще со всѣхъ дворовъ собирали на водку». Да, это правда, и ужасная правда. Но вѣдь это только для отвлеченнаго полового невидаль, а конкретный половой знаетъ, что въ московскихъ трактирахъ круглый годъ, каждый день пьютъ.— Въ избѣ, въ которой пришлось поселиться Чикильдѣевымъ, грязно, тѣсно, душно. Да, навѣрное такъ. Но прочтите печатающуюся въ этой же книжкѣ «Русскаго Богатства» статью г-жи Покровской «Жилища петербургскихъ рабочихъ», и вы увидите, что не только на деревенской родинѣ Чикильдѣева есть люди, живущіе въ грязи, тѣснотѣ, смрадѣ. И конкретный половой не можетъ этого не знать, потому что, какъ засвидѣтельствовано многочисленными полицейскими протоколами, многіе половые, проработавъ 18—19 часовъ въ трактирной атмосферѣ со всѣми ея прелестями, отдыхаютъ, то есть спятъ въ условіяхъ, своими неудобствами, можетъ быть, превосходящихъ даже избу Чикильдѣевыхъ. Ну, а отвлеченный Чикильдѣевъ,—тотъ такъ и стоитъ въ храмоподобномъ залѣ Славянскаго Базара, облеченный во фракъ и крахмальную манишку, и любезно улыбается. Есть, однако, и относительно этого франта одно указаніе, способное очень ослабить то впечатлѣніе свѣтлаго пятна, которое онъ производитъ на фонѣ деревенскаго мрака. Проработавъ, не зная отдыха, лѣтъ сорокъ, онъ не имѣетъ, гдѣ приклонить голову, и ѣдетъ кончать жизнь въ деревню; а послѣ его смерти его жена и дочь побираются Христовымъ именемъ. И такъ это просто, точно онѣ всегда къ этому готовы были. Дойдя до перваго же села, «остановившись около избы, которая казалась побогаче и новѣе, передъ открытыми окнами, Ольга поклонилась и сказала громко, тонкимъ, пѣвучимъ голосомъ: — Православные христіане, подайте милостыню Христа ради, что милость ваша, родителямъ вашимъ царство небесное, вѣчный покой. — Православные христіане—запѣла Саша, — подайте Христа ради, что милость ваша, царство небесное»...

Господа, подайте милостыню своего вниманія подлинной вдовѣ и сиротѣ подлиннаго рабочаго человѣка, гдѣ бы онъ ни работалъ, въ деревнѣ ли, въ городѣ ли; и не сшибайте лбами двухъ разрядовъ людей, жизнь которыхъ, въ разномъ родѣ,

но одинаково темна и скудна, одинаково требуетъ и одинаково заслуживаетъ участія...

«Кто то нарядилъ его во фракъ, научилъ его держаться полакейски, заставилъ выражать всей своей фигурой удовольствіе при видѣ кушающихъ и пьющихъ господъ, заставилъ «затвердить» сотни какихъ то словъ, невѣдомо что означающихъ, словомъ замаскировалъ и скрылъ его подлинную человѣческую суть— и вотъ эта то суть, горькое, каторжное существованіе простого рабочаго человѣка, недосыпающаго и недоѣдающаго, вдругъ зазвучало въ его монологѣ о ликерахъ и финзербахъ такъ ясно и такъ жалобно, что скучающіе посѣтители не осмѣлились продолжать шутки.

— Конечно, продолжалъ лакей, уже не какъ лакей, а какъ каторжный работникъ, конечно, кто знаетъ, напримѣръ, иностранный языкъ и досугъ у него есть, такъ это очень легко затвердить, а нашему брату-мужику очень это трудно! Я отродясь не знаю, каковъ таковъ и досугъ то есть на свѣтѣ... Десяти годовъ меня въ Петербургъ представили изъ деревни... У насъ въ Ярославской губерніи народъ все отхожій—то въ Москву, по трактирной части, то по фабричной... У меня отецъ на фабрикѣ померъ, осталась мать, двѣ сестры маленькія, да я по десятому году. Мать то на фабрику пошла, а меня въ Питеръ увезли. Насъ, ярославскихъ ребятъ, какъ телятъ въ Питеръ возятъ. Такіе есть мужики— наберетъ мальчишекъ штукъ десятокъ, на свой счетъ представитъ ихъ въ Питеръ ли, въ Москву ли и раздастъ по трактирамъ, по кабакамъ. Конечно, на этомъ и наживаетъ съ хозяевъ. Такъ меня десяти годовъ на Сѣнную, въ самый черный трактиръ опредѣлили. День и ночь торговали, извощицкій. Два года стоялъ за стойкой, посуду мылъ. А что побоевъ! Все по головѣ, все по затылку, съ оплеухой! Такъ сколько я претерпѣлъ, покудова Господь меня сподобилъ съ Сѣнной то изъ вертепа достигнуть до ресторана! Конечно, добрые люди помогли, научили всему.

— Да чему же тутъ учить?

— Помилуйте, какъ чему? Теперича на свадьбахъ оффиціантомъ приглашаютъ, все надо знать, оршадъ, лимонадъ, весь порядокъ. Да тутъ страсть Господня! Опять, какъ подать, какъ обойтись... Облей ко соусомъ то гостя—ну и вонъ! Какъ можно! Тутъ ни дня, ни ночи покою нѣтъ. Главное, спишь кое-какъ, совсѣмъ по нашей должности сна мало... Такъ тутъ, при такой жизни, гдѣ ужъ намъ доходить до всего—дай Богъ только памятью не сбиться! Я этотъ самый прейсъ-курантъ то мѣсяца три по ночамъ зудилъ, съ огаркомъ, покудова вошелъ въ память Только бы Господь далъ не перепутать. А кромѣ того надо съ гостемъ обойтись умѣть, услужить ему; а иной буйный на то и

въ трактиръ идетъ, чтобы наскандальничать... Иной разъ не д
жарятъ или пережарятъ—а ругаютъ то нашего брата. Бываетъ
который сердитый гость, такъ прямо тарелкой въ рыло норовитъ
ему нипочемъ, напримѣръ, въ сердцахъ, за лацканъ дернутъ
оторвать или соусомъ какимъ облить... А вѣдь фракъ то нам
мало девять цѣлковыхъ!»

Это я выписалъ изъ разсказа Глѣба Успенскаго «Развеселил
господъ» (Сочиненія, т. I, 959—970), который рекомендую пр
читать или перечитать всѣмъ, такъ или иначе заинтересова
шимся «Мужиками» г. Чехова. Надо замѣтить, что въ разска
полового нѣтъ ни одной сочиненной черты, онъ весь записанъ с
натуры, какъ мнѣ доподлинно извѣстно, потому что я прису
ствовалъ при разсказѣ; Успенскій только вставилъ его въ рамк
опредѣлившую и заглавіе: «Развеселилъ господъ». Половой У
пенскаго тоже мягкій, деликатный человѣкъ, какъ и Никол
Чикильдѣевъ. Но, во-первыхъ, у этого полового вскрыта е
«подлинная человѣческая суть» и его «горькое каторжное суще
ствованіе простого рабочаго человѣка». Во-вторыхъ, отношені
этого полового къ деревнѣ прямо противоположны тѣмъ, которы
мы видимъ у Чикильдѣева: онъ только и мечтаетъ объ томъ
какъ бы, помаявшись еще года два въ половыхъ, поселиться в
деревнѣ, жизнь которой рисуется ему идиллическими красками
Въ третьихъ, наконецъ, Успенскій не то, что г. Чеховъ, кото
рый, записавъ нѣсколько своихъ наблюденій, даетъ имъ исчер
пывающее заглавіе «Мужики», а затѣмъ перейдетъ, можетъ быть
къ «Черному монаху» или къ водевилю «Медвѣдь». Успенскій
постоянно трепетно и вдумчиво вглядывался въ деревенскую
жизнь. Онъ зналъ, какая это обширность и сложность. Зналъ
что подлинный разсказъ полового объ его идиллическихъ дере
венскихъ отношеніяхъ не исчерпываетъ этой обширности и слож
ности, въ которой есть и скорбь, и мракъ, и ужасъ, какъ есть
они и въ жизни городского рабочаго человѣка.

Ник. Михайловскій.

Дневникъ журналиста.

О гимназическихъ учебникахъ.

I.

Греко-турецкая война, какъ неотложная злоба дня, отвлекла наше вниманіе отъ гимназическихъ учебниковъ, которыми мы занимались въ апрѣльскомъ *Дневникѣ* и къ которымъ обѣщали возвратиться. Наступившее лѣтнее затишье даетъ намъ для того необходимый досугъ. Сегодня мы опять займемся этимъ, давно назрѣвшимъ, вопросомъ. Чему научаютъ наше молодое поколѣніе въ средней школѣ? Чему желаютъ научить и можно ли научить желаемому по предлагаемымъ руководствамъ и учебникамъ? Эти вопросы не только давно назрѣли, какъ мы только что выразились, но и давно наболѣли. Мы видѣли, какъ и чему учатъ учебники русскаго языка. Посмотримъ теперь на знанія, предлагаемыя руководствами по другимъ общеобразовательнымъ предметамъ.

Между гимназическими предметами нельзя не обратить вниманія на одинъ, имѣющій особое значеніе, какъ связующее звено между гуманитарными и реальными предметами, заключающее въ себѣ и познаніе природы, и познаніе человѣка. Я говорю о географіи. Для средней гуманитарной школы землевѣдѣніе есть преимущественный и наиболѣе удобный проводникъ реальныхъ знаній и связаннаго съ ними пониманія мѣста человѣка въ природѣ и мѣста его обиталища, земли, во вселенной. Безъ такого пониманія самое широкое гуманитарное образованіе будетъ неполно. Болѣе того, оно будетъ немощно принести требуемые отъ него плоды, дать пониманіе мѣста человѣка въ человѣчествѣ, въ отечествѣ и въ великомъ мірѣ человѣческихъ идей, идеаловъ и задачъ. Съ другой стороны, та же географія является въ средней реальной школѣ проводникомъ гуманитарнаго знанія, исправляя односторонность реальной школы, знакомя человѣка съ человѣкомъ и человѣчествомъ. Покамѣстъ мы не выработали еще типа школы, призванной замѣнить обѣ существующія системы, обѣ устарѣлыя и обѣ давно нуждающіяся въ замѣнѣ, до тѣхъ поръ преподаваніе географіи *можетъ* явиться однимъ изъ немногихъ коррективовъ обѣихъ системъ, дополняя ихъ односторонность и исключительность, давая представленіе о мірозданіи ученику гуманитарной школы, о человѣкѣ и его культурѣ—реалисту. Поэтому-то значеніе географіи въ нашей средней школѣ можно смѣло поставить наряду съ самыми важными предметами, съ самимъ преподаваніемъ родного языка (этого необходимаго предварительно усвояемаго орудія всякаго образованія).

Землевѣдѣніе и связанное съ нимъ народовѣдѣніе сдѣлали въ

наше время колоссальные успѣхи и представляютъ собою теперь одну изъ самыхъ разработанныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ самыхъ увлекательныхъ отраслей знанія. Давно ли наши свѣдѣнія о внутренней Азіи, о центральной Африкѣ, о внутренности Австраліи были самыя скудныя? Давно ли карты этихъ обширныхъ территорій представляли пустоту, наполненную гадательными, малодостовѣрными столько же, сколько малочисленными данными и отмѣтками? Немногое, что здѣсь отмѣчалось, было извлекаемо изъ Птоломея и Страбона, изъ Массуди, Ибн-Батуты и Марка Поло. Данныя о населеніи и государствахъ, скудныя и ничтожныя, относились при этомъ къ самымъ отдаленнымъ другъ отъ друга эпохамъ, насильственно и противуестественно соединяемымъ на одной фантастической картѣ. Столь же фантастичны были и карты строенія территоріи. Стоитъ только вспомнить о знаменитомъ меридіональномъ средне-азіатскомъ хребтѣ Белуртагѣ, будто бы отдѣлявшемъ средне-азіатскую плоскую возвышенность (какъ тогда называли внутреннюю нагорную Азію) на востокѣ отъ Туранской низменности на западѣ. Этотъ несуществующій хребетъ (признававшійся изъ самыхъ высокихъ на земномъ шарѣ) фантазія географовъ населила особымъ голубоглазымъ свѣтловолосымъ племенемъ *белуровъ* или *болоровъ*, послѣднимъ обломкомъ индо-европейской расы, вышедшей будто бы изъ ущелій этого Белуръ-тага. Я привелъ крупный, рѣжущій глаза примѣръ, но вся географія этихъ громадныхъ внутриматериковыхъ территорій мало отличалась отъ фантастической географіи Белуръ-тага. Въ настоящее время все измѣнилось. Наука прорѣзала по всѣмъ направленіямъ громадные малодоступные материки, ознакомилась съ строеніемъ и геологіей, флорой и фауной, населеніемъ и культурой. Проникла на высочайшіе пики, спустилась на дно океановъ, проложила пути въ полярныя страны, открыла новые материки и земли. Нельзя еще сказать, чтобы земной шаръ былъ вполнѣ изученъ, но уже можно и должно сказать, что наука землевѣдѣнія съ нимъ основательно ознакомилась вообще, а въ частности подробно и обстоятельно изучила многія очень обширныя его части, притомъ всѣхъ типовъ и поясовъ. Все это не только преобразовало содержаніе науки, до неузнаваемости измѣнило изложеніе предмета, но вмѣстѣ съ тѣмъ преобразило и всю физіономію науки, ея составъ, методъ, задачи, выводы. Землевѣдѣніе теперь удовлетворяетъ уже не только любознательности человѣческой и нѣкоторымъ практическимъ запросамъ. Оно призывается удовлетворить высшей умственной пытливости, раскрывая законы строенія и жизни нашей планеты, законы возникновенія и многообразнаго развѣтвленія человѣческой жизни и культуры, законы взаимодѣйствія между природою и культурою. И знакомитъ насъ географія съ этими законами и данными не въ отвлеченныхъ формулахъ, еще не пригодныхъ для усвоенія учениками средней школы, а въ конкретныхъ образахъ, занимательныхъ и увлекатель-

ныхъ, живо запечатлѣвающихся въ молодыхъ мозгахъ и постепенно мало по малу вводящихъ эти мозги въ пониманіе законовъ, которыхъ воплощеніемъ и выраженіемъ и служатъ эти живые, полные красокъ и движенія образы. Нѣтъ науки поэтому болѣе пригодной для введенія молодого ума въ область точнаго знанія, чѣмъ географія, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ науки, которая могла бы соперничать съ географіей въ легкости усвоенія. Конечно, и то, и другое подъ условіемъ, чтобы преподаваніе стояло на высотѣ современнаго научнаго уровня, и давало бы въ самомъ дѣлѣ живые образы, полные красокъ и движенія, хотя отчасти отражающія чудеса природы и культуры, чудеса жизни и развитія. Удовлетворяютъ-ли, въ какомъ либо, хотя бы въ самомъ скромномъ, масштабѣ этому требованію географическіе учебники и руководства, господствующіе въ нашей средней школѣ?. На этотъ вопросъ мы и поищемъ теперь отвѣта.

Говорить о многихъ учебникахъ мы не будемъ. Ихъ и не много имѣется, да къ тому же и эти немногіе имѣютъ нерѣдко очень скромную, свою спеціальную сферу распространенія. За исключеніемъ одного, конечно, именно, за исключеніемъ учебника г. Смирнова, господствующаго рѣшительно повсемѣстно въ среднихъ школахъ, классическихъ и реальныхъ, мужскихъ и женскихъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Передо мною лежитъ «XXXV изданіе» этой «Учебной книги географіи», вышедшее въ 1896 году. Первое изданіе вышло въ 1861 году и сейчасъ же вытѣснило устарѣлый учебникъ Ободовскаго, который до того времени такъ же исключительно царствовалъ въ среднихъ школахъ, какъ съ тѣхъ поръ руководство г. К. Смирнова. Милліоны учениковъ выучились по книгѣ г. Смирнова, сотни тысячъ учатся въ настоящее время и, вѣроятно, еще будутъ не малое время учиться. Естественно, если мы займемся именно этимъ руководствомъ, которому нельзя назвать даже соперниковъ. До такой степени учебникъ этотъ составляетъ общепризнанное и общепринятое руководство въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Нѣсколько поколѣній обучались по этому руководству и нынѣ учащіяся молодыя поколѣнія знакомятся съ землею и ея обитателями все по тому же учебнику. Моя задача не въ томъ, чтобы найти удовлетворительный или болѣе удовлетворительный учебникъ. Это дѣло спеціалистовъ. Моя задача оцѣнить только то, что уже пріобрѣло *общественное* значеніе. Такое, и притомъ, громадное значеніе и имѣетъ книга г. Смирнова. И между учебниками *Всеобщей географіи*—только она *одна*.

II.

Если мы остановимся на выборѣ части свѣта, описаніе которой насъ лучше всего бы познакомило съ достоинствами и недостатками любого учебника географіи, то не трудно замѣтить, что такою частью

свѣта можетъ быть скорѣе всего Азія, благодаря своему громадному, прямо исчерпывающему разнообразію физическаго строенія, обширности распространенія, сосредоточенію всевозможныхъ расъ, многообразію культуръ и цивилизацій. Европа и Америка суть части свѣта, состоящія по преимуществу изъ обширныхъ низменностей, перерѣзанныхъ въ опредѣленныхъ направленіяхъ горными цѣпями. Плоскогорія здѣсь рѣдкость и не типичны. Странъ уступовъ вовсе нѣтъ. Горные узлы не характерны. Явленіе дивергенціи и конвергенціи горныхъ цѣпей выражены сравнительно слабо, не типично, не характерно. Климатическія особенности, хотя и разнообразны въ Европѣ, но диктуются и въ Европѣ и въ Америкѣ сравнительно немногочисленными факторами. Еще болѣе, чѣмъ къ Европѣ и Америкѣ, эти замѣчанія о климатологіи надо отнести къ Африкѣ и Австраліи, отличающимся особымъ единообразіемъ климатическихъ факторовъ, учетъ которыхъ не затруднителенъ. Сходясь въ этомъ отношеніи съ двумя вышеназванными частями свѣта, Африка и Австралія въ остальномъ отношеніи составляютъ прямую ихъ противоположность, по крайней мѣрѣ, во всемъ, что касается ихъ строенія и природы. Не низменности и горныя цѣпи, а плоскогорія и страны уступовъ, окаймленныя такъ называемыми окраинными хребтами, составляютъ основную черту строенія этихъ материковъ. Явленія конвергенціи и дивергенціи и горные узлы слабо и не типично выражены. Развитіе береговъ роскошно выражено въ Европѣ, слабо выражено въ Америкѣ и, можно сказать, отсутствуетъ въ Африкѣ и Австраліи. Европа вся лежитъ въ умѣренномъ поясѣ, Африка и Австралія цѣликомъ въ жаркомъ. Европа населена одною бѣлою расою, создательницею одной общей европейской цивилизаціи. Америка, населенная двумя расами, восприняла европейскую цивилизацію на всемъ протяженіи. Также Австралія. Африка большею частью погружена въ первобытное варварство, на окраинахъ воспринимая европейскую цивилизацію. Таковы характернѣйшія черты каждой изъ перечисленныхъ четырехъ частей свѣта. При всемъ внутреннемъ разнообразіи каждой части свѣта изъ числа названныхъ, всякая, пріобрѣтая *свой* преимущественный характеръ и типъ, тѣмъ самымъ не можетъ служить представителемъ *всѣхъ* характеровъ и типовъ. Азія служитъ именно такимъ представителемъ всѣхъ характеровъ и типовъ.

Страна самыхъ обширныхъ, самыхъ высокихъ и самыхъ типичныхъ плоскогорій, Азія является вмѣстѣ съ тѣмъ страною самыхъ обширныхъ, самыхъ типичныхъ и самыхъ низкихъ низменностей (не мало даже отрицательныхъ). Изобилуя горными цѣпями европейскаго и американскаго типа, Азія не менѣе того богата и окраинными хребтами африканскаго типа. Страны уступовъ, характерно выраженныя уже въ Африкѣ, но ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ, на материкѣ Азіи выражены еще полнѣе, характернѣе и разнообразнѣе. Горные узлы, явленіе дивергенціи и конвергенціи могутъ

быть изучаемы съ достаточною ясностью только въ Азіи... Факторы климатическіе такъ разнообразны, какъ нигдѣ больше. Поясы азіятскаго материка простираются черезъ всѣ зоны, отъ экватора (м. Буру, одинъ градусъ с. ш.) до самаго сѣвернаго пункта какого либо материка (мысъ Челюскинъ, 77¾ с. ш.). Изъ расъ Азію населяютъ бѣлая, черная и малайская, населяющія и другія части, и желтая, составляющая исключительную особенность Азіи. Изъ цивилизацій Азія распредѣлена между европейскою и мусульманскою, свойственными и другимъ частямъ свѣта, а такъ же буддійскою и индобраминскою, свойственными исключительно Азіи. Представительница всѣхъ типовъ строенія, родина всѣхъ расъ, колыбель и поприще всѣхъ цивилизацій, простирающаяся во всѣхъ поясахъ и климатахъ, сосѣдняя всѣмъ остальнымъ четыремъ частямъ свѣта, Азія представляется для географа самою благодарною частью свѣта, гдѣ легче всего показать тайны строенія и развитія природы, человѣка и культуры. По нашимъ гимназическимъ программамъ съ Азіи начинается обученіе частямъ свѣта. Эта раціонально, такъ какъ, ознакомившись съ Азіей, ученикъ далѣе будетъ находить по частямъ то въ болѣе развитомъ, то въ рудиментарномъ видѣ лишь то (но не все то), что уже усвоилъ въ Азіи. Надо только, чтобы онъ въ самомъ дѣлѣ усвоилъ. Это вообще. Въ частности же для насъ, русскихъ, Азія имѣетъ особый интересъ, какъ въ значительной части входящая въ сферу нашей исторіи, нашихъ матеріальныхъ, политическихъ и моральныхъ интересовъ. Поэтому, не желая утомлять читателя разборомъ всего курса г. Смирнова, я выбираю для этого преимущественно отдѣлъ объ Азіи. Богатство географическаго матеріала и сравнительная легкость изложенія, общая важность азіятской географіи для познанія всѣхъ остальныхъ частей свѣта и спеціальная важность ея для русскихъ дѣлаютъ изъ этого отдѣла наиболѣе достовѣрный показатель достоинствъ и недостатковъ учебника.

Еще Карлъ Риттеръ научилъ начинать изученіе страны общимъ взглядомъ на ея строеніе, «на горизонтальное и вертикальное развитіе территоріи», какъ назвалъ этотъ отдѣлъ великій основатель научной географіи, самимъ названіемъ указывая два существенныхъ момента въ строенія поверхности страны. *Горизонтальное развитіе*—это очертаніе береговъ материка, количественно выражаемое численнымъ отношеніемъ между площадью страны и длиною береговой линіи и находящее качественное выраженіе въ конфигураціи этой линіи и въ свойствахъ окружающихъ водъ. Горизонтальное развитіе имѣетъ громадное значеніе и для природы, и для культуры изучаемой территоріи. Отъ обилія соприкосновенія омывающихъ материкъ водъ съ его сушею, отъ глубины ихъ проникновенія въ континентъ въ видѣ заливовъ и проливовъ зависитъ, прежде всего, климатъ, этотъ нервъ и природы, и культуры страны. Отъ теченій, господствующихъ въ омывающихъ страну моряхъ, отъ близости

другихъ странъ, отъ обилія острововъ, сближающихъ материкъ съ другими, зависитъ естественный обмѣнъ флоры и фауны. За этимъ естественнымъ обмѣномъ слѣдуетъ искусственный обмѣнъ человѣческихъ произведеній, культуръ, идей. Въ общемъ установлено неоспоримо, что богатое горизонтальное развитіе благопріятно и естественному развитію страны, и особенно развитію историческому, общенію идей и культуръ, составляющему одинъ изъ самыхъ могучихъ импульсовъ человѣческаго прогресса. Это вообще, но въ частности значеніе горизонтальнаго развитія очень видоизмѣняется и колеблется въ прямой зависимости отъ характера омывающихъ водъ. Холодныя, надолго замерзающія воды представляютъ далеко меньшее значеніе, нежели теплыя. Бурныя моря, или изобилующія опасными мелями, менѣе, нежели спокойныя и безопасныя. Лишенныя бахромы острововъ менѣе, нежели ими изобилующія. Обширные бассейны позже пріобрѣтаютъ то же культурное значеніе, нежели умѣренные. Океаны позже морей. Такимъ образомъ, съ перваго шага, при изученіи страны, съ самаго начала знакомства съ ея границами и очертаніями, геніальныя обобщенія Риттера и глубокія изслѣдованія цѣлаго ряда послѣдующихъ географовъ даютъ возможность вводить обучающагося въ пониманіе типа страны, подготовлять его къ усвоенію основной сущности ея строенія, природы и культуры и къ ясному разграниченію ея отъ другихъ странъ и территорій. Посмотримъ, что даетъ намъ объ Азіи въ этомъ отношеніи учебникъ г. Смирнова.

„Самая сѣверная оконечность материка, мысъ *Челюскинъ* касается $77^1/_2$° с. ш.; самая южная, *Буру*—1°; самая западная, *Баба*—43¾ в. д. отъ Ферро; самая восточная, мысъ *Дежневъ*—208¼° в. д.

„*Морскую* границу составляютъ океаны—Сѣверный, Великій, Индійскій и моря—Средиземное, Архипелагъ, Мраморное и Черное; *континентальную* границу съ Европою—Кавказскія горы, р. Уралъ и Уральскія горы; съ Африкою—Суэзскій перешеекъ (около 100 вер.).

„*Полуострова*: Малоазійскій, Аравійскій, Индостанъ, Индокитай съ Малаккою, Корея и Камчатка; *острова*: Кипръ, Цейлонъ, Зондскіе (Суматра, Ява, Борнео), Молукскіе, Филиппинскіе, Формоза, Японскіе (Хондо), Сахалинъ и Курильскіе; *моря и заливы*: Черное, Мраморное, Архипелагъ, Средиземное; заливы: Аравійскій, Персидскій и Бенгальскій, моря: Южно-Китайское съ заливами Сіамскимъ и Тонкинскимъ, Восточно-Китайское, Желтое съ заливомъ Чжилійскимъ, Японское, Охотскіе и Берингово; *проливы*: Константинопольскій, Дарданелльскій, Бабъ-эль-Мандебскій, Малакскій, Зондскій и Беринговъ.

„*Моря* представляютъ слѣдующія неудобства: одни наполнены *коралловыми рифами* (Красное и Японское); другія представляютъ *мели*, какъ напр., Бенгальскій заливъ, у Корамондельскаго берега, и Желтое. Рифы и мели становятся тѣмъ опаснѣе, что въ этихъ моряхъ бываютъ бури; въ Бенгальскомъ заливѣ даже ураганы; ураганы господствуютъ, кромѣ того, въ моряхъ—Восточно- и Южно-Китайскомъ. Нѣкоторыя моря замерзаютъ на болѣе или менѣе продолжительное время. Охотское бываетъ покрыто льдомъ столько же времени, сколько наше Балтійское; Берингово—большую часть года; Сѣверный океанъ почти круглый годъ; иногда, въ іюлѣ и августѣ, ледяныя глыбы относятся отъ береговъ, но не надолго“

Мы привели все, отъ строки до строки. Далѣе уже «устройство поверхности», т. е. вертикальное развитіе Азіи. О горизонтальномъ больше ни слова. Не упомянуто даже этого выраженія «горизонтальное развитіе», которое обязало бы хоть бы намекнуть на значеніе азіатскаго берегового очертанія. Простая номенклатура, списокъ ничего не говорящихъ уму именъ и названій, и вы напрасно будете искать во всемъ учебникѣ чего нибудь объ этой сторонѣ азіатской географіи, чего нибудь кромѣ этой полустранички мертвыхъ названій, подъ которыми, однако, скрывается подъ каждымъ живая индивидуальность, имѣющая свой смыслъ и значеніе для географіи Азіи, для ея климата, флоры, фауны, населенія, культуры.

Азія по горизонтальному развитію, измѣряемому количественно, занимаетъ между частями свѣта второе мѣсто. Естественно, если она и въ исторіи человѣчества оспариваетъ первенство у самой Европы, далеко превосходя всѣ остальныя части свѣта. Но особыя свойства омывающихъ Азію морей значительно понижаютъ значеніе богатаго горизонтальнаго развитія Азіи. Нѣкоторыя изъ нихъ перечислены г. Смирновымъ, но, взятыя безъ причинной и логической связи между собою и характеромъ азіатской исторіи и природы, эти свѣдѣнія являются непонятнымъ балластомъ, дополняющимъ своими некоординованными отрывочными данными такую же несогласованную, неодухотворенную номенклатуру морей, заливовъ, проливовъ, полуостровов и острововъ. Къ тому же не всѣ свѣдѣнія вѣрны. Охотское море замерзаетъ на срокъ болѣе долгій, нежели Балтійское (почему «наше» Балтійское?) Вѣдь не всѣ учащіеся живутъ въ Петербургѣ, а русскимъ моремъ Охотское является въ большей степени, нежели Балтійское. Берингово же море въ своей южной наиболѣе важной части замерзаетъ на болѣе короткій срокъ. Одно время даже считали Авачинскую губу (гавань въ Камчаткѣ на берегу Берингова моря) незамерзающимъ портомъ. Японское море неудобно не столько рифами, сколько лѣтомъ—туманами, зимою—замерзаніемъ, особенно во всей своей западной половинѣ (приблизительно на срокъ Балтійскаго). Главное неудобство Краснаго моря опять таки не рифы, а безвѣтріе, до изобрѣтенія пароваго двигателя, имѣвшее такое важное значеніе для мореплаванія. Мели и бури Бенгальскаго залива имѣютъ, конечно, большое значеніе, но еще болѣе того отсутствіе архипелага и обширность этого воднаго бассейна, который здѣсь отъ береговъ Индіи не знаетъ материка до полярныхъ странъ антарктическаго пояса. То же значеніе имѣетъ и Аравійское море (пропущенное г. Смирновымъ) съ южнымъ продолженіемъ, тѣмъ же Индійскимъ океаномъ, что примыкаетъ и къ Бенгальскому и также отсюда волнующимся на безконечное пространство до льдовъ южнаго полюса.

Такимъ образомъ, перечисленіе неудобствъ водъ, омывающихъ Азію невѣрно, неполно и вовсе не истолковано. Съ другой стороны, рядомъ съ неудобствами не перечислены удобства. Напр. архипе-

лагъ Эгейскаго моря и относительная безопасность плаванія по Средиземному морю, послужившія столь быстрому, раннему и богатому развитію культурнаго общенія западныхъ азіатскихъ окраинъ (Финикія, Малоазійскія греческія колоніи). Цѣлая бахрома архипелаговъ, окаймляющая восточный берегъ Азіи, послужила и здѣсь для значительнаго историческаго развитія, даже вопреки негостепріимству омывающихъ эти берега морей. Здѣсь рядомъ съ континентальной китайской цивилизаціей выросла островная японская, зародились и ихъ отвѣтвленія и разновидности въ Кореѣ, на Ликейскихъ островахъ (пропущенныхъ въ учебникѣ), въ Индо-Китаѣ. Отсюда же, благодаря опять той же бахромѣ архипелаговъ, культура, еще задолго до появленія европейцевъ, проникла на малайскіе острова. Муссоны аравійскаго моря и сѣверо-западной части Индійскаго океана должны быть тоже упомянуты при перечисленіи удобствъ азіатскихъ водъ. Благодаря этимъ муссонамъ уже давно человѣчество побѣдило пространство, и арабы издревле проложили дорогу къ восточнымъ берегамъ Африки и къ западнымъ Индіи.

Теперь можно считать весьма вѣроятнымъ, что первоначальною родиною негритянской расы является Индія, тогда какъ аборигенами Африки была малорослая раса, обломки которой встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ Африки вкрапленными между неграми (болѣе извѣстны бушмены). Негры проникли въ Африку не черезъ Аравію, Сирію и сѣверную Африку. Это путь расы Хамитской (Эѳіопской). Только муссоны могли прямо перенести ихъ отъ Малабара и Цейлона къ Занзибару и Мозамбику. Тѣснимая наступленіемъ монгольской и туранской расы (которыя смѣшались съ черною туземною, и образовали нынѣшніе прото-дравидійскія и дравидійскія темнокожія племена Декана), черная раса, въ незапамятныя времена, когда еще индо-европейская раса не появлялась на полуостровѣ (потому что она уже застала дравидовъ готовыми), воспользовалась муссонами для своихъ миграцій на африканскій континентъ, ставшій постепенно настоящимъ ея отечествомъ. Безъ муссоновъ. Африка могла остаться и безъ негровъ.

Читатель видитъ, что даже вовсе не излагая прагматически сюжетъ, а только критикуя и дополняя г. Смирнова, уже можно оживить его номенклатуру, дать смыслъ этимъ именамъ, поставить ихъ во взаимную логическую связь. Не говоря даже о томъ, что только въ такомъ *пониманіи* строенія земли и заключается землевѣдѣніе, слѣдуетъ не забывать, что истолкованіе очертанія материка и его составныхъ частей является лучшимъ средствомъ для запоминанія именъ. Зубреніе не имѣющихъ смысла названій и труднѣе, и менѣе прочно. Осмысленное усвоеніе не требуетъ зубренія, запоминается легко и надолго.

При простой номенклатурѣ и указаннаго г. Смирновымъ списка именъ много. При осмысленномъ преподаваніи легко усвоилось бы гораздо больше. И въ самомъ дѣлѣ пропущено очень много. Изъ

морей совершенно пропущено Аравійское и не упомянуто въ перечисленіи границъ Азіи кромѣ того Красное. Изъ *заливовъ* не упомянуты губы Обская, Енисейская, Тазовая, Ленская, заливы Анадырскій, Акабскій (между Синайскимъ полуостровомъ и Аравіей), Синайскій (между тѣмъ же полуостровомъ и Африкой), Аденскій и др. Изъ *проливовъ*—Карскія ворота, Югорскій шаръ, Маточкинъ шаръ, Ормуздскій, Цейлонскій, Формозскій, Корейскій, Татарскій, Лаперузовъ, Восфоръ Восточный и другіе, менѣе важные. Изъ *острововъ*—всѣ азіатскіе острова Мраморнаго и Эгейскаго морей, Перимъ, Бахрейнскіе, Хуріанъ-Муріанскіе (оба эти архипелага пріобрѣли въ послѣднее время очень серьезное значеніе), Лакедивскіе, Маледивскіе, Андаманскіе, Никобарскіе, Целебесъ, всѣ Малые Зондскіе, Пескадорскіе, Бонинъ-Сима, Ликейскіе, Чусанскіе, Корейскіе, Командорскіе, Ново-Сибирскіе и др. Изъ *полуострововъ* пропущены Измидскій, Синайскій, Катарскій и др.

Я перечислилъ только тѣ мѣстности, которыя или по величинѣ, или по географическому строенію, или по культурно-политической роли имѣютъ значеніе, не меньшее перечисленныхъ г. Смирновымъ. Изъ острововъ, пропущенныхъ въ вышеприведенномъ обзорѣ, нѣкоторые позже приведены при политическомъ обозрѣніи (далеко не всѣ и не важнѣйшіе); остальныя же мѣстности пропущены совсѣмъ. *Мысы*, кромѣ четырехъ, совсѣмъ не упомянуты, такъ что даже такіе, какъ Чукотскій Носъ и Коморинъ, остаются неизвѣстными даже по имени. *Бухты* совершенно пропущены (позднѣе очень неполно названы въ политическомъ обозрѣніи). Эта неполнота является, пожалуй, даже заслугою учебника, потому что, въ самомъ дѣлѣ, заучивать массу не имѣющихъ смысла названій, все равно фатально обреченныхъ на забвеніе, было бы безполезно и обременительно. Осмысленное, истолкованное изложеніе позволило бы ввести эту полноту, которая при этомъ нисколько не обременила бы памяти и безъ которой все очертаніе и горизонтальное развитіе изучаемаго материка является въ неполномъ и ложномъ свѣтѣ.

III.

Обратимся къ вертикальному развитію Азіи или «устройству поверхности», какъ предпочитаетъ выражаться г. Смирновъ (почему «устройство», а не строеніе? Или, кромѣ невѣрности и неполноты, и неточность, и ненаучность выраженій тоже требуются отъ учебника?). Сначала разберемъ по частямъ изложеніе г. Смирнова, а затѣмъ посмотримъ, насколько нарисованная имъ картина въ ея цѣломъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

„Азія—самая возвышенная часть свѣта; возвышенности ея занимаютъ около $^{2}/_{3}$ ея поверхности и состоятъ главнымъ образомъ изъ плоскогорій; горныя цѣпи представляются или разбросанными по плоскогоріямъ, или расположенными по краямъ ихъ, или простирающимися отъ нихъ, въ видѣ

отраслей. Азіатскія возвышенности занимаютъ средину материка; низменности только по краямъ“ (стр. 3—4).

«Только» слишкомъ сильно сказано. Отрицательная Турфанская низменность находится въ самомъ центрѣ материка, да и громадную Туранскую низменность, частью тоже отрицательную, едва-ли справедливо назвать окраинною. Это, впрочемъ, сравнительно небольшія неточности. Вообще вѣрно, хотя очень тускло.

„*Возвышенности.* Средне-азіятское плоскогоріе почти въ $1^1/_2$ раза болѣе Европы и самая высокая часть на Югѣ называется Тибетомъ (3¾—4¾ вер.); часть къ З. отъ Тибета — плато-Памиръ (крыша свѣта) еще выше: это самая высокая на земномъ шарѣ мѣстность; горныя вершины на ней 5—7 слишкомъ верстъ. Отъ Памира, по южному краю плоскогорія, къ ю.-в. тянутся высочайшія на земномъ шарѣ *Гималаи* съ высочайшею горою на свѣтѣ *Эверестомъ*, выше 8 верстъ; параллельно съ Гималаями по плоскогорію *Кара-Корумъ*; прямо къ в. — *Куэнь-Лунь*; къ с.-в.—*Тянь-Шань*. Сѣверо-западная часть средне-азіятскаго плоскогорія прорѣзывается *Алтайскими* горами, сѣверный край сопровождаютъ его *Саянскія* и *Даурскія* (?), сѣверо-восточный—*Татарскія* (отъ устья Амура до Кореи), юго-восточный—рядъ параллельныхъ цѣпей. Отъ плоскогорія простираются *Становыя*, *Индо-Китайскія* и *Гинду-Кушъ* Горы *Хинганъ*, на сѣверо-восточной части плоскогорія, и *Китайскія* (?Сюэ-Шань?) на восточной, служатъ какъ бы продолженіемъ, первыя—Становыхъ, вторыя—Куэнь-Луня“ (стр. 4).

Таково описаніе «средне-азіатскаго плоскогорья». Какое нибудь представленіе составить себѣ по этому описанію, конечно, невозможно, по его крайней неясности и дурному языку. Пожалуй. это и хорошо. Иначе, представленіе было бы ложное «*Параллельно* съ Гималаями по плоскогорью — Каракорумъ; *прямо къ востоку*—Куэнь-Лунь; къ *сѣверо-востоку*—Тянь-Шань». *Откуда* къ востоку и сѣверо-востоку? По точному смыслу предложенія отъ Гималаевъ. Однако, отъ Гималаевъ оба хребта лежатъ прямо къ сѣверу. Если же пренебрегая русскимъ языкомъ, будемъ оріентироваться отъ Каракорума, то все же съ Тянь Шанемъ будетъ не ладно. Далѣе, что за сонъ такой Даурскія горы, составляющія будто бы сѣверную окраину плоскогорья? *Даусссе-Алинъ* (Даурскія горы) — имя, дѣйствительно небезъизвѣстное въ географіи, именно какъ другое названіе хребта, болѣе извѣстное подъ именемъ *Малаго Хингана*. Это невысокій и лѣсистый меридіональный хребетъ, отдѣляющійся отъ Становаго и направляющійся прямо на югъ раздѣляя болѣе возвышенную западную террасу Даурскую, отъ болѣе восточной Уссурійской. Его прорываетъ Амуръ ниже Благовѣщенска, а Сунгари нѣсколько выше впаденія въ Амуръ. Плоскогорія онъ нигдѣ не касается, тѣмъ менѣе съ сѣвера (такъ какъ лежитъ на значительномъ разстояніи къ востоку отъ самаго восточнаго его края). Г. Смирновъ, даже при своемъ феноменальномъ невниманіи къ излагаемому имъ предмету, не могъ этотъ хребетъ помѣстить, какъ *сѣверную* окраину плоскогорія. Судя по одному мѣсту политическаго обзора, г. Смирновъ Даурскимъ хребтомъ назвалъ хре-

бетъ *Яблоновый*, который, дѣйствительно, составляетъ окраину плоскогорія на сѣверо-востокѣ подобно тому, какъ Алтай и Саянъ на сѣверо-западѣ. На сѣверѣ же, на наибольшемъ протяженіи, отъ Енисея до Селенги на разстояніи $1^{1}/_{2}$ тысячи верстъ окрайнымъ хребтомъ является могучій вѣчно-снѣжный кряжъ *Кентей*, совсѣмъ забытый г. Смирновымъ. Нельзя похвалить его и за произвольное переименованіе Яблоноваго хребта въ Даурскій, какъ и за такое-же переименованіе хребта *Сихота-Алинь*—въ Татарскій, который вдобавокъ оказывается окраиной средне-азіатскаго плоскогорья, между тѣмъ какъ пролегаетъ отъ него къ востоку свыше, чѣмъ на тысячу верстъ. Окраиной плоскогорья съ востока служитъ Большой Хинганъ, который отнюдь не есть продолженіе Становаго. Нельзя учебнику поставить въ заслугу и незнаніе, какъ называются «параллельныя цѣпи», окаймляющія юго-востокъ плоскогорія. Въ виду того, что г. Смирнову не вполнѣ ясно само представленіе объ описываемомъ плоскогоріи и его очертаніе, и я не могу помочь ему припомнить названіе этихъ миѳическихъ «параллельныхъ цѣпей», потому что не могу сообразить, гдѣ надо искать указываемый г. Смирновымъ «юго-востокъ». Если разумѣть *Монгольское* плоскогоріе, то южная окраина его окаймляется *Калганскимъ* кряжемъ, *Инь-Шанемъ*, *Ала-Шанемъ*. Если же разумѣть плоскогоріе *Тибето-туркестанское*, то вѣдь южной (и юго-восточной) окраиной будутъ сами Гималаи.

Пора сказать, что великое средне-азіатское вздутіе коры земной явственно раздѣляется на два плоскогорія, соединенныя между собою лишь однимъ изъ угловъ своихъ. На сѣверо-востокѣ это плоскогоріе Монгольское, на юго-западѣ—Тибето-туркестанское. Сѣверною окраиною послѣдняго является хребетъ Тянь-Шань. Прямое его продолженіе (послѣ нѣкотораго пониженія) Ала-Шань, Инь-Шань и Калганскій кряжъ, простирающіеся въ тѣхъ же широтахъ, служатъ, какъ мы уже упомянули, южною окраиною Монгольскаго плоскогорія, которое своимъ юго-западнымъ угломъ лишь соприкасается съ сѣверо-восточнымъ угломъ Тибето-туркестанскаго. Куэнь-Лунь разрѣзываетъ это послѣднее на два плато, Тибетское, очень высокое, и Восточно-туркестанское, не выше Монгольскаго и соединенное съ нимъ, какъ уже сказано, на сѣверо-востокѣ посредствомъ такой же высоты небольшаго плато *Ордосъ*. Плато Памира составляетъ такое же, только очень высокое, узловое плато, соединяющее Средне-азіатское плоскогоріе съ плоскогоріемъ Иранскимъ, которое лежитъ такъ же на юго-западъ отъ Тибето-туркестанскаго, какъ это послѣднее отъ Монгольскаго. Г. Смирновъ, конечно, ничего этого не отмѣчаетъ. Это раздѣленіе средне-азіатскаго плоскогорія на двѣ самостоятельныя части, сцѣпляющіяся между собою, по тому же плану, какъ и съ плоскогоріемъ Ирана, совершенно мѣняютъ сбивчивую картину невнимательно, не всегда вѣрно и грубо намалеванную г. Смирновымъ.

Впрочемъ, г. Смирновъ дополняетъ ее нѣсколькими замѣчаніями о хребтахъ описываемаго плоскогорія.

«Куэнь-Лунь и особенно Кара-Корумъ замѣчательны первыми въ свѣтѣ, по средней высотѣ, хребтами и горными проходами» (—4). Что это могло бы означать эта первая въ свѣтѣ *средняя* высота? Если первая, то не средняя, если средняя, то далеко не первая. «Тянь-Шань (небесныя горы) такой же высоты, какъ и Куэнь-Лунь» (*ibidem*). Гдѣ же, однако, «первыя въ свѣтѣ»? Кажется, лучше бы безъ дополнительныхъ замѣчаній. Достаточно напутано и въ основномъ описаніи.

«Иранское плоскогоріе значительно ниже Средне-азіатскаго. Изъ горныхъ цѣпей, ограничивающихъ его, примѣчательны: *Гинду-Кушъ*, *Индо-Персидскія* (Солимановы) и *Эльбурсъ*» (—4). Не указано, что восточная часть Эльбурса носитъ названіе *Копетъ-Дага* (хребетъ, ограничивающій нашу Закаспійскую область). Важнѣе, пропускъ *Загроса* длиннаго снѣжнаго хребта, окаймляющаго Иранъ съ юга и юго-запада.

«Наиболѣе извѣстны проходы *Баміанскій* черезъ Гинду-Кушъ, изъ Индостана въ Туранъ, и *Кабульскій* (Хайберскій), черезъ Индо-Персидскія изъ Индостана въ Иранъ» (—5). Эти строки столь фантастичны и столь нелѣпы, что могли бы доставить минуту неподдѣльно веселаго смѣха, если бы только не соображеніе, что вѣдь эту ерунду заучиваютъ наши дѣти. Представьте только себѣ, что Хайберскій проходъ (почему то называемый у г. Смирнова Кабульскимъ) ведетъ отъ Пешавера въ Кабулъ, а Баміанскій (правильнѣе: Хаджи-Хакскій) — изъ Кабула же въ Баміанъ. Конечно, Пешаверъ можетъ быть отнесенъ къ Индіи, а Баміанъ можетъ считаться преддверіемъ Туркестана, но что же въ такомъ случаѣ Кабулъ? Если г. Смирновъ правъ, утверждая, что Хайберскій проходъ ведетъ отъ Индостана въ Иранъ, то Кабулъ выходитъ Ираномъ, но тогда Баміанскій будетъ вести изъ Ирана въ Туркестанъ (собственно говоря, въ Иранъ же, такъ какъ Баміанъ еще на плоскогоріи, хотя въ настоящее время и населенъ тюркскимъ народомъ хезарейцевъ). Если же г. Смирновъ, напротивъ того, правъ, сообщая, что Баміанскій проходъ ведетъ изъ Индостана въ Туркестанъ, то Хайберскій ведетъ изъ Индостана въ Индостанъ и Кабулъ оказывается частью Индостана! Подите же, разберитесь въ этомъ тонкомъ знаніи географіи!..

Надо замѣтить еще, что отъ Пешавера въ Кабулъ дорога пролегаетъ черезъ два ущелья, отдѣленныя другъ отъ друга широкою террасою Джелалабада: первое — Хайберское, нынѣ находящееся въ рукахъ англичанъ; затѣмъ упомянутая терраса, принадлежащая афганцамъ, за которою на слѣдующую болѣе высокую террасу, Кабульскую, выводитъ второй проходъ, *Хурдъ-Кабульскій*, въ которомъ въ 1842 году афганское племя Гильдзаи истребили англо-индійскую армію. Называя Хайберскій проходъ Кабульскимъ, не

смѣшалъ-ли его г. Смирновъ съ Хурдъ-Кабульскимъ? Весьма возможно, хотя они отдѣлены другъ отъ друга сотнями верстъ и прорѣзываютъ два различныхъ хребта. Кстати о прорѣзываемыхъ хребтахъ. Сообщеніе г. Смирнова, что Баміанскій проходъ ведетъ черезъ Гинду-Кушъ правильно, но чтобы Хайберскій (или хотя бы Хурдъ-Кабульскій) велъ черезъ Солимановъ хребетъ (произвольно называемый у г. Смирнова Индо-Персидскимъ)—это новая фантазія г. Смирнова. Солимановъ хребетъ кончается значительно южнѣе, на нѣсколько сотъ верстъ, у Корумскаго прохода, который отдѣляетъ сѣверныя оконечности Солимановыхъ горъ (меридіональнаго хребта) отъ южныхъ склоновъ *Сефидъ-Куга* (хребта широтнаго, перпендикулярнаго Солимановымъ цѣпямъ). Черезъ отроги этого-то Сефидъ-Куга (входящаго въ систему Гинду-Куша) и пролегаютъ оба прохода, Хайберскій и Хурдъ-Кабульскій. Почти на дняхъ, въ текущемъ іюнѣ 1897 года около упомянутаго только что Корумскаго прохода истребленъ племенемъ Вазирисовъ англо-индійскій отрядъ.

Почему, однако, г. Смирновъ вообще счелъ необходимымъ упомянуть о проходахъ Хайберскомъ и Баміанскомъ? Мы выше привели полностью описаніе средне-азіатскаго плоскогорія и не встрѣтили ни одного указанія на проходы и перевалы черезъ окружающія и прорѣзывающія цѣпи. Между этими перевалами есть въ высшей степени интересные въ физико-географическомъ отношеніи и другіе, еще болѣе важные, въ культурномъ и политическомъ. Указаніе на проходы и перевалы такъ же необходимо, какъ и указаніе на проливы, но относительно другихъ плоскогорій г. Смирновъ умалчиваетъ. Наконецъ, между проходами, ведущими на иранское плоскогоріе, почему г. Смирнова особенно заинтересовалъ только Хайберскій и Баміанскій? Изъ нихъ Хайберскій имѣетъ нѣкоторое коммерческое значеніе для сравнительно незначительной торговли между Индіей и Кабулистаномъ (другія части Афганистана пользуются лучшими и кратчайшими путями). Баміанскій же проходъ, очень неудобный, лежащій выше снѣжной линіи, не имѣетъ и этого значенія. Когда то этимъ путемъ Тамерланъ водилъ свои орды на Индію, но трудно сказать, почему этотъ «мірокрушитель» предпочелъ Хаджи-Хакскіе снѣжные перевалы (потому что ихъ не одинъ, а три) другимъ, болѣе удобнымъ. Изъ Герата, откуда онъ направлялъ свои орды, было ближе, а знаменитый «бичъ божій» не очень щадилъ и своихъ. Александръ Македонскій спустился на Кабульскую террасу черезъ нынѣшній Логарскій проходъ, широкія ворота между Гинду-Кушемъ и Сефидъ-Кугомъ. Баберъ, завоеватель Индіи и основатель имперіи моголовъ (потомокъ Тамерлана) предпочиталъ пользоваться проходами Горбендскимъ и Пендширскимъ, лежащими на сѣверо-востокѣ отъ Хаджи-Хакскаго и выводящими изъ Кабула прямо на дорогу въ Балхъ (древняя Бактра), которая лежитъ уже на окраинѣ туранской низменности. Баміанскій проходъ ничѣмъ не замѣчательнѣе полдюжины другихъ черезъ тотъ же Гинду-

Кушъ. Хайберскій же имѣетъ меньше значенія, чѣмъ вышеупомянутый Корумскій, выводящій прямо изъ Индійской низменности на Иранское плоскогоріе, и гораздо меньше, чѣмъ лежащій южнѣе, *Боланскій*, ведущій изъ Шикарпура по берегу Инда въ Кветту, въ Белуджистанѣ на Иранскомъ плоскогоріи. Черезъ Боланскій проходъ англичане проложили желѣзную дорогу въ Кветту, занятую англійскимъ гарнизономъ, и далѣе на сѣверо-западъ до Пишина, на границахъ Афганистана, въ двухъ переходахъ отъ Кандагара, второй афганской столицы. Коммерческое, культурное и политическое значеніе Боланскаго прохода отъ этого стало первостепеннымъ, но именно объ немъ-то и умалчиваетъ географія г. Смирнова (вышедшая, однако, въ 1896 г.). Большое культурное и политическое значеніе имѣютъ и проходы съ Иранскаго плоскогорія черезъ мало доступный, вѣчно снѣжный Загросъ (забытый г. Смирновымъ) къ берегу моря. Здѣсь извѣстно два прохода: изъ Шираза къ Бендеръ-Буширу по берегу Персидскаго залива и изъ Мекрана къ Бендеръ-Абассу, по берегу Ормуздскаго пролива (тоже забытаго г. Смирновымъ). Это—пути англійской торговли съ Персіей; пути англійскаго наступленія въ бывшія двѣ англо-персидскія войны и вѣроятные пути проектируемой желѣзной дороги изъ Россіи къ Индійскому океану. Забытый Богомъ и людьми Воміанскій проходъ кажется г. Смирнову важнѣе. Не упоминаетъ онъ и о проходѣ по долинѣ Теджента (рѣка, тоже пропущенная г. Смирновымъ) изъ Туранской низменности (русской закаспійской области, въ данномъ случаѣ) къ Герату, на Иранскомъ плоскогоріи. Этотъ пропускъ г. Смирновъ отчасти исправляетъ при политическомъ обзорѣ, но всѣ остальные забыты основательно, какъ и всѣ сообщенія двухъ средне-азіатскихъ плоскогорій съ окрестными территоріями.

Выше цитированныя восемь строкъ—все, что счелъ нужнымъ сообщить г. Смирновъ объ иранскомъ плоскогоріи. Неясно, невѣрно, неполно и неосмысленно,—это самая снисходительная характеристика свѣдѣній, сообщаемыхъ этимъ учебникомъ.

«*Мало-азійское плоскогоріе* ниже Иранскаго. Горныя цѣпи, ограничивающія плоскогоріе на югѣ, называются *Тавромъ*, на юго-востокѣ— *Анти-Тавромъ*. Къ сѣверо-востоку отъ плоскогорія возвышается знаменитая въ Св. Исторіи гора *Араратъ*, въ 4½ версты.

«Таврскія горы, простираясь почти по самому берегу Мало-азійскаго полуострова, въ направленіи своемъ отъ востока къ западу становится постепенно ниже; въ восточной части средняя высота ихъ доходитъ до трехъ верстъ; наружу отвѣсны, къ плоскогорію отлоги» (—5).

Трудно было бы преднамѣренно написать болѣе невѣрную картину строенія Мало-азіатской поверхности. Малая Азія, вмѣстѣ съ Арменіей, лежащей къ В. отъ нея и соединяющей ее съ Иранскимъ плоскогоріемъ, отнюдь не представляетъ одного плоскогорія, какъ иранское или монгольское, но рядъ сравнительно небольшихъ плато, раздѣленныхъ и окаймленныхъ горными цѣпями и понижающихся

уступами съ востока къ западу. Это характерная *страна уступовъ*, заключенная, какъ между стѣнами, между горною цѣпью Анти-Тавра и Тавра съ юга и такого же характера горною цѣпью *Понтійскихъ горъ* съ сѣвера (цѣпь эта забыта составителемъ учебника). Обѣ цѣпи, какъ всегда въ странахъ уступовъ (если при этомъ не окаймляютъ сосѣднихъ плоскогорій) понижаются по мѣрѣ пониженія окаймленныхъ террасъ (въ данномъ случаѣ отъ востока къ западу). Самая восточная терраса, *Велико-Армянская*, примыкаетъ къ Иранскому плоскогорію. Она самая обширная и самая возвышенная. Въ сѣверо-восточномъ углу ея, а не къ сѣверо-востоку отъ нея, какъ ошибочно полагаетъ г. Смирновъ) возвышаются вершины двухъ Араратовъ. Къ юго-западу отъ Велико-армянскаго плато расположена терраса *Каппадокійская* (нынѣ вилайетъ *Конія*), замкнутая со всѣхъ сторонъ высокими горами и не имѣющая стоковъ. Она ниже велико-армянской, но выше остальныхъ. Сосѣдняя съ нею съ сѣвера (а отъ Велико-армянской лежащая къ западу и сѣверо-западу) *Пафлагонская* (нынѣ *Сивасъ*) обширнѣе, но ниже. Наконецъ, къ западу отъ Каппадокійской и Пафлагонской расположена невысокая, изобилующая лугами, отличающаяся плодородіемъ и благословеннымъ климатомъ терраса *Фригійская* (нынѣ вилайетъ *Ангора*), постепенно переходящая на сѣверо-западѣ въ холмистую низменность *Виѳинію* и *Мизію* (нынѣ вилайетъ *Брусса*), а на западѣ и юго-западѣ—въ такую же низменность *Іонію* и *Карію* (нынѣ вилайетъ *Смирна*).

Назвать всю эту систему террасъ однимъ Мало-азіатскимъ плоскогоріемъ и упомянуть всего лишь о южномъ окраинномъ хребтѣ—значитъ не дать никакого понятія объ описываемой странѣ. Вообще г. Смирновъ совершенно не знаетъ того типа страны, который, вслѣдъ за Риттеромъ, принято называть *странами уступовъ*. Въ Азіи—это очень распространенный типъ, нерѣдко являющійся методомъ, коимъ природа пользуется для перехода отъ нагорія къ пониженію. Монгольское плоскогоріе имѣетъ такія страны уступовъ: на востокѣ—Дауро-Манджурію, на западѣ—Чжунгарію. Иранское плоскогоріе, на сѣверо-востокѣ—Кабулистанъ, на сѣверо-западѣ—Малую Азію. Этотъ же типъ территоріи, столь распространенный въ Азіи, обусловливаетъ уже упомянутое явленіе дивергенціи и конвергенціи (расхожденія и схожденія) горныхъ кряжей. Въ Азіи вообще замѣчается дивергенція къ востоку и конвергенція къ западу. Выше констатированное явленіе горныхъ узловъ въ юго-западныхъ углахъ азіатскихъ плоскогорій тоже связано съ этимъ любопытнымъ явленіемъ. Въ культурно-историческомъ отношеніи законъ конвергенціи имѣетъ то значеніе, что, благодаря, ему, Азія распадается на рядъ обширныхъ территорій, въ себѣ замкнутыхъ, по своей обширности способныхъ создать свой особый культурный міръ, мало, однако, доступный общенію съ другими такими же мірами.

«*Сирійское плоскогоріе* глубочайшею въ свѣтѣ долиною (мѣстами даже на ¼ версты ниже уровня океана) раздѣляется на двѣ части восточную и западную. На западной горная цѣпь *Ливанъ*; на восточной *Анти-Ливанъ* (противъ Ливана), вдвое ниже Тавра. Ливанъ и Анти-Ливанъ, соединяясь на югѣ образуютъ горный узелъ *Гермонъ*, высотою около 3 верстъ» (—5).

Конечно, всякій пойметъ это описаніе такъ, что «глубочайшая долина въ свѣтѣ» (долина Іордана и Мертвое Море) лежитъ между Ливаномъ и Анти-Ливаномъ, а Гермономъ замыкается съ юга. Иначе понять невозможно, а между тѣмъ совершенно наоборотъ: Гермонъ лежитъ сѣвернѣе истоковъ Іордана, текущаго на югъ отнюдь не между Ливаномъ и Анти-Ливаномъ. Ливанъ и Анти-Ливанъ ограничиваютъ Кэйлосирію, которая составляетъ сѣверную, а Палестина южную половину Сиріи. Если къ этому прибавить неизвѣстное г. Смирнову обстоятельство, что Сирія (какъ и Аравія), хотя и расположены на азіатскомъ материкѣ, но принадлежитъ уже къ системѣ Африканскихъ плоскогорій (какъ и Пиренейскій полуостровъ, расположенный на европейскомъ материкѣ, то какъ должны мы назвать характеристику Сиріи, данную учебникомъ?

«*Аравійское плоскогоріе* большею частью съ крутыми склонами, на югѣ отвѣсными своими скалами падаетъ прямо въ море. Средняя высота такая же, какъ и Иранскаго» (—5).

Составитель учебника, вѣроятно, позабылъ, что онъ не сообщилъ средней высоты Иранскаго плоскогорія... А остальное? Развѣ это характеристика? Къ тому же и Аравія—не единое плоскогоріе, а система по типу столообразныхъ плато, свойственныхъ Африкѣ.

«*Деканское плоскогоріе* наполняетъ собою почти весь (?) полуостровъ Индостанъ съ незначительнымъ наклономъ къ востоку; нѣсколько ниже Иранскаго. Съ востока и запада ограничивается невысокими горами *Гатъ* изъ которыхъ западный выше восточнаго» (—5).

Не «почти весь полуостровъ», а около половины (если считать сѣверною границею прямую линію между устьемъ Инда и Брамапутры). Остальное вѣрно, но ничего не говоритъ уму. Этотъ предполагаемый обломокъ исчезнувшаго міра, Деканъ очень оригиналенъ по строенію, но генетически не связанъ съ остальнымъ азіатскимъ нагорьемъ. Поэтому, съ прискорбіемъ отмѣчая пустословіе учебника, за недосугомъ не останавливаемся дольше.

«*Низменности. Сибирская*—обширнѣйшая въ свѣтѣ; въ сѣверной части—тундры, въ юго-западной—степи съ солончаками.

«*Туранская*. На сѣверѣ—луговыя степи, а на югѣ песчаныя пустыни съ оазами.

«*Индостанская*. На западѣ—большею частью песчаныя и глинистыя равнины, которыя только во время дождя покрываются травой, на востокѣ плодороднѣйшія пространства земного шара.

Китайская. Въ сѣверной части ровна, какъ столъ, въ южной холмиста, весьма плодородна.

«*Месопотамская*—однообразная песчаная пустыня» (5—6).

Есть нѣкоторыя невѣрности: характеристика западнаго Индостана относится только къ меньшей его части. Для Пенджаба, Раджпутаны или бассейна Нербуды (кстати, вовсе пропущеной учебникомъ) она не годится. Характеристика Сибирской низменности какъ бы раздѣляетъ ее на тундру и степь, между тѣмъ большая часть Сибири лѣсистая равнина. Забыты многочисленныя горы, прорѣзывающія Сибирь, а равно и невысокое, но обширное плато Якутское. Горы, и очень замѣчательныя, забыты и на Туранской низменности. И Месопотамія не вездѣ пустыня, а «песчаная» даже весьма мало. Хотя эти ошибки и невѣрности почти цѣликомъ покрываютъ собою все это коротенькое сообщеніе объ Азіатскихъ низменностяхъ, тѣмъ не менѣе главный дефектъ даже не въ этомъ, а въ полномъ неумѣніи оріентироваться въ замѣчательно закономѣрномъ и поучительномъ расположеніи этихъ низменностей.

Мы уже знаемъ, что средину материка составляютъ три обширнѣйшія и высочайшія плоскогорія, Монгольское, Тибето-туркестанское и Иранское, окруженныя высочайшими горами, спускающіяся въ разныя стороны четырьмя характерными странами уступовъ (Даурскаго, Чжунгарскаго, Кабульскаго и Мало-азійскаго) и посылающія отъ себя многочисленные отроги въ видѣ горныхъ цѣпей и кряжей. Эти плоскогорія соединяются между собою своими сѣверо-восточными и юго-западными углами, такъ что тотъ возвышенный гребень материка, который можно было бы назвать осью его строенія, простирается съ сѣверо-востока на юго-западъ. Внимательный взглядъ на карту покажетъ, что эта ось продолжается и на сѣверо-востокъ, и на юго-западъ. Съ сѣверо-востока къ монгольскому плоскогорію примыкаетъ уже упомянутое невысокое плато Якутское, окаймленное хребтомъ, спускающееся уступами къ Берингову проливу, гдѣ у Чукотскаго Носа и заканчивается одинъ конецъ этой нагорной оси Азіи. Съ юго-запада, Аравійское плоскогоріе, хотя и отдѣленное отъ Ирана Персидскимъ заливомъ съ Месопотамскою низменностью, лежитъ, однако, на продолженіи той же оси, какъ въ томъ же направленіи, на той же оси, къ юго-западу отъ Аравійскаго плоскогорія лежитъ уже въ Африкѣ Абиссинское, далѣе плоскогоріе великихъ озеръ, далѣе—южно-африканскою, характерною страною уступовъ спускающееся къ Южному океану и завершающееся Мысомъ Доброй Надежды. Персидскій заливъ, отдѣляющій Иранское плоскогоріе отъ Аравійскаго, раздѣляетъ двѣ системы плоскогорій, весьма отличающихся по геологическому и тектоническому строенію, по характеру поверхности, по флорѣ, фаунѣ и пр., но лежащія обѣ, на одной оси поднятія, общей всему соединенному материку Стараго Свѣта. На сѣверовостокѣ Чукотскій Носъ, на югозападѣ Мысъ Доброй Надежды составляютъ крайніе концы этой оси.

Если мы теперь посмотримъ на расположеніе низменностей относительно этой нагорной оси Стараго Свѣта, то къ сѣверо-

западу отъ нея увидимъ всѣ африканскія низменности, обширнѣйшія азіатскія (сибирскую, туранскую и месопотамскую) и всю Европу (низменность, только перерѣзанная хребтами), тогда какъ на юго-востокѣ океанъ почти повсемѣстно плещетъ свои волны непосредственно у подножія нагорья. Отъ Мыса Доброй Надежды до устья Инда всюду плоскогорія непосредственно оступаются въ море. Только индостанская низменность, заключенная между тибетскимъ, иранскимъ и деканскимъ плоскогоріями, да китайская, такъ же оберегаемая монгольскимъ и тибетскимъ плоскогоріями и альпійскою стороною Индо-Китая (отвѣтвленіемъ Тибета), и представляютъ съ юго-востока довольно значительныя низменности, совершенно теряющіяся передъ необозримыми низменностями сѣверо-запада.

Если при этомъ не забыть, что этотъ сѣверо-западъ, по геологическому составу, является относительно новообразованіемъ, а юго-востокъ принадлежитъ къ самымъ древнимъ сушамъ земного шара, то прямо упремся въ фактъ первоклассного значенія, безъ котораго непонятно строеніе Стараго Свѣта вообще, Азіи въ частности, въ фактъ секулярнаго перегибанія всего материка Стараго Свѣта съ сѣверо-запада на юго-востокъ (подобно такому же перегибанію Новаго Свѣта съ запада на востокъ). Секулярное поднятіе сѣверо-запада (продолжающееся и понынѣ) выдвинуло изъ водъ обширнѣйшія низменности Судана, Сахары, Европы, Сибири, Турана. Секулярное опусканіе юго-востока погрузило цѣлые міры въ воды океана и привело его къ подножія нагорья. Бахрома архипелаговъ, именно съ юго-востока обрамляющая и Азію, и Африку, свидѣтельствуетъ о горныхъ цѣпяхъ, изрѣзывавшихъ исчезнувшую подъ волнами сушу. Въ свѣтѣ этихъ данныхъ законъ расположенія низменностей въ Азіи (и законъ расположенія островов) становится яснымъ, доступнымъ, осмысленнымъ.

Въ заключеніе этихъ замѣтокъ объ орографіи Азіи укажу, что разбираемый учебникъ совершенно пропустилъ всѣ низменности, образованныя наносами большихъ рѣкъ Азіи. Между ними есть довольно значительныя, въ устьяхъ Амура, Иравади, Меконга, но особенно Сіамская, по берегамъ Селуэна и Менама. Эти низменности тѣмъ болѣе достойны отмѣтки, что расположены на юго-востокѣ нагорной оси, понемногу возвращая сушѣ отнятое океаномъ.

IV.

Сдѣланный нами подробный разборъ горизонтальнаго и вертикальнаго развитія Азіи, какъ оно излагается учебникомъ г. Смирнова, выяснилъ намъ достаточно характеръ учебника. Крайняя неполнота, масса непростительныхъ невѣрностей и неточностей и совершенная неосмысленность, неистолкованность, крайняя безсвязность сообщаемыхъ данныхъ,—таковы свойства учебника, какъ они положительно выясняются изъ вышеизложеннаго. Я полагаю,

что мы можемъ поэтому не слѣдить далѣе, шагъ за шагомъ, за изложеніемъ г. Смирнова и можемъ ограничиться отмѣткою наиболѣе достойнаго вниманія. Безсвязность и неосмысленность изложенія составляютъ, какъ видно изъ приведеннаго, основной методъ учебника и большихъ иллюстрацій не требуютъ. Неполнота и невѣрность, прямыя ошибки — вотъ что мы собираемся еще пополнить.

Говоря о районѣ муссоновъ, юго-восточныхъ лѣтомъ и сѣверо-западныхъ зимою, г. Смирновъ распространяетъ эту область на «юго-восточныя стороны острововъ Остъ-Индскаго Архипелага (?Малайскаго?), Индо-Китая и Средне-азіатскаго плоскогорія» (стр. 6). Область этихъ муссоновъ гораздо обширнѣе: въ нее входятъ весь Китай, Корея, Японія, Пріамурскій и Уссурійскій край, Манджурія, Даурія и даже частью Монголія. Это болѣе чѣмъ удвоиваетъ площадь области муссоновъ, вводя въ нее старо-культурныя страны, гдѣ сама культура въ значительной степени подчинена этому факту.

«Необыкновенно сильное испареніе воды въ этомъ морѣ (Мертвомъ) производитъ сильное сгущеніе раствора соли, такъ что въ немъ плаваютъ иногда довольно тяжелыя асфальтовыя глыбы, отчего оно называется также Асфальтовымъ» (стр. 7). Если признать, что это мѣсто написано по-русски, то пожалуй окажется, что сильное сгущеніе раствора соли производитъ асфальтовыя глыбы... На какомъ бы нарѣчіи здѣсь писалъ г. Смирновъ?

На страницѣ 8 оказывается, что р. Кабулъ прорѣзываетъ Индо-Персидскія горы. Мы видѣли, что Индо-Персидскими горами нашъ учебникъ называетъ Солимановъ хребетъ, который, однако, лежитъ нѣсколько сотъ верстъ въ сторонѣ отъ р. Кабула.

На той же стр. *Си-цзянъ* оказывается впадающимъ въ Индійскій океанъ. На этой рѣкѣ стоитъ Кантонъ, и она впадаетъ въ Тихій океанъ (собственно говоря, въ Южно-Китайское море, составляющее однако часть не Индійскаго, а Тихаго океана). Эта ошибка непростительна для ученика и заслужила бы ему единицу.

Характерная особенность большихъ азіатскихъ рѣкъ, указанная Риттеромъ, ихъ парность, совершенно не отмѣчена учебникомъ. Такими парами являются: Тигръ и Евфратъ, Гангъ и Брамапутра, Гоанго и Янтсекіангъ, Аму-Дарья и Сыръ-Дарья, Обь и Иртышъ. Начинаясь приблизительно въ одниxъ мѣстахъ, эти «рѣки-близнецы» затѣмъ далеко расходятся, но въ устьяхъ опять сближаются, нѣкоторыя же даже сливаются. Это опять крупное физико-географическое и культурно-историческое значеніе. Исходя изъ одной страны, эти воды несутъ и сѣмена растеній, и постепенно спускающуюся культуру одной расы сначала въ совершенно различныя условія (рѣки сначала далеко расходятся) и это создаетъ различія, которыя, достигши низовья, опять стекаются. Гомологичныя, эти культуры способны къ общенію; испытавшія различныя вліянія,

долго разлученныя, онѣ, снова сливаясь, дарують разнообразіе и разносторонность развитія, иначе не такъ легко достижимую. Конечно, г. Смирнова ничто подобное не интересуетъ.

Объясняя континентальность климата Азіи, г. Смирновъ, между прочимъ, указываетъ причину, «что ³/₅ ея состоятъ изъ высокихъ плоскогорій, на которыхъ воздухъ не столь плотенъ, какъ на низменности, и земная поверхность быстро теряетъ собранную ею днемъ солнечную теплоту» (стр. 9). Что разумѣетъ г. Смирновъ подъ плотностью воздуха? Если то же, что всѣ люди, то кому же неизвѣстно, что именно азіатскія плоскогорія суть область высокихъ атмосферныхъ давленій, а низменности наоборотъ. Быстрое лучеиспусканіе почвою Средней Азіи пріобрѣтенной теплоты—фактъ, но объясняется онъ не меньшей плотностью (которая, наоборотъ, здѣсь больше), а отсутствіемъ растительнаго покрова, сухостью почвы и атмосферы, безоблачностью. Цитированныя строки не только явная невѣрность, но и явное невѣжество.

«Наиболѣе цѣнное богатство Сибири — ея хвойные лѣса. Изъ животныхъ ей свойственны преимущественно пушные звѣри и птицы» (стр. 11). Эти «птицы», свойственныя Сибири, это довольно таки прелестно. Другія страны мало знаютъ птицъ... Вѣдь, если птицы особенность Сибири, то какъ же иначе понимать? Да и изъ богатствъ Сибири обиліе цѣнныхъ минераловъ и черноземной почвы чего нибудь да стоятъ же, не одни хвойные лѣса.

Довольно фантастичны представленія г. Смирнова и о расахъ, населяющихъ Азію. «Монгольское племя разселилось преимущественно по сѣверо-восточной части материка» (стр. 11). Такъ какъ Индо-Китай заселенъ монголами, а Якутское плато тюрками, то скорѣе даже юго востокъ, а не сѣверо-востокъ Азіи заселенъ монголами. Правильнѣе всего сказать, что монголы живутъ въ восточной части материка. «Кавказское—на юго-западной» (*ib.*). Очевидно, г. Смирновъ еще не знаетъ о русской колонизаціи Сибири. «Малайское—занимаетъ полуостровъ Малакку и почти всѣ о-ва Зондскіе» (*ib.*). Надо прибавить Молукскіе о-ва, Филиппинскіе, внутренность о. Гайнана (впрочемъ, совершенно забытаго г. Смирновымъ), восточныя горы Формозы. «Приблизительною границею между монгольскимъ и кавказскимъ племенемъ служатъ низовья Ганга, горы Гималайскія, *Гиндукушъ и сѣверная окраина Иранскаго плоскогорія*» (стр. 11). Это уже прямо безподобно. Оказывается, что вся Сибирь, Джунгарія, Восточный и Западный Туркестанъ населены монголами! Г. Смирновъ ихъ не умѣетъ отличить отъ тюрковъ, которые однако входятъ, какъ составная часть, въ великую кавказскую (бѣлую) расу, вмѣстѣ съ индо-европейцами и семитами. Забыть эту азбуку, составляя учебникъ географіи, внушать эти ложныя представленія учащемуся юношеству, какъ прикажете назвать этотъ подвигъ?

«Островъ Цейлонъ и южная часть Индостана населены черно-

кожимъ народомъ Дравида» (стр. 12). Я говорилъ выше о происхожденіи Дравидійскихъ племенъ. Черная раса, покоренная монголами, образовала отъ смѣшенія съ ними прото-дравидійскую народность (которая понынѣ сохранилась въ малодоступныхъ горахъ центральнаго Индостана). Затѣмъ, покоренные тюрками, протодравидійцы, смѣшавшись съ покорителями, создали дравидійскую народность (тамиловъ, малабаровъ и др.). Они населяютъ южную Индію (въ ущельяхъ хребта Гатъ сохранились и чистые негры). Это, однако, не относится къ Цейлону, гдѣ дравидійцы—недавніе пришлецы и составляютъ меньшинство населенія. Сингалезы, составляющіе численно господствующую народность Цейлона, отнюдь не принадлежатъ къ дравидійской народности. Это метисы, происшедшіе отъ смѣшенія завоевателей арійской расы съ чернокожими туземцами. Племя Веддахи, сохранившееся въ малодоступныхъ лѣсахъ и джунгляхъ внутренняго Цейлона, признается остатками этой туземной народности. Безъ Веддаховъ можно и обойтись въ учебникѣ, но населить Цейлонъ дравидійцами—стыдная ошибка, или еще болѣе стыдное невѣжество.

«Въ Азіи получили начало всѣ важнѣйшія *религіи* земного шара, какъ полиѳеистическія—Браминская, Буддайская и пр., такъ и моноѳеистическія—Христіанская, Магометанская и Іудейская» (стр. 12). Буддизмъ причислять къ политеистическимъ религіямъ—очень стыдно. И что это такое за Будд*ай*ская религія? Принято говорить будд*ій*ская. Вообще въ этомъ отношеніи г. Смирновъ очень либераленъ. Онъ пишетъ Бомб*ай*, *З*унгари, Нага*з*аки, и пр., вмѣсто общепринятого начертанія Бомб*ей*, *С*унгари, Нага*с*аки и т. д., какъ и полиѳеистическій, вмѣсто поли*т*еистическій. Зачѣм это понадобилось? Только новое затрудненіе для учащихся.

Родина всѣхъ расъ, Азія, въ этомъ отношеніи представляетъ не только глубокій научный интересъ, но и сближая ихъ, сличая ихъ культуру и жизнеспособность, она можетъ служить прекраснымъ введеніемъ для ознакомленія съ расами, подготовленіемъ для ихъ изученія въ другихъ частяхъ, гдѣ онѣ, обрѣтя новое отечество, получили свое полное опредѣленіе и выраженіе, бѣлая — въ Европѣ, черная—въ Африкѣ, малайская—въ Океаніи, красная—въ Америкѣ (айны Японіи и Сахалина, курильцы, камчадалы, коряки, чукчи нынѣ наукою все болѣе и болѣе сближаются съ американскими расами, указывая и для нихъ родину въ Азіи). Даже тѣхъ немногихъ несистематическихъ замѣтокъ, брошенныхъ нами выше мимоходомъ по разному поводу, достаточно, чтобы показать поучительность этого факта. Г. Смирнову, конечно, ни до чего подобнаго нѣтъ никакого дѣла. Все общее физико-географическое и этнографическое обозрѣніе Азіи изложены на двѣнадцати разгонисто напечатанныхъ страничкахъ!.. Правда, это почти совершенно обнаженная номенклатура... Для этого двѣнадцати страницъ много. Затѣмъ, политическое обозрѣніе занимаетъ еще 26 страницъ, всего

же географія Азіи—тридцать восемь! Остановимся на кое-какихъ отмѣткахъ политическаго обозрѣнія.

Японской имперіи, пріобрѣвшей теперь такое крупное значеніе, учебникъ посвящаетъ двѣ страницы. Невѣрностей не особенно много, но пропусковъ такъ много, что не знаешь, на чемъ остановиться. Статистика отсутствуетъ. Пути сообщенія не указаны. Нѣтъ свѣдѣній о государственномъ устройствѣ, ни объ административномъ дѣленіи. О расѣ сказано, что одна и та же съ китайскою, между тѣмъ это смѣсь монгольскихъ завоевателей (не китайской, а скорѣе корейской или манджурской отрасли) съ туземцами, вѣроятно, родственными аинамъ. Раса рѣзко отличается отъ китайской. Далѣе: не упомянуты вовсе такія важныя владѣнія, какъ архипелагъ Пескадорскій и Бонинъ-Сима, островъ Чу-Сима. Не упомянутъ второй по значенію портъ Японіи, *Кобе*. О Нагасакахъ сказано только, что торгуетъ съ Китаемъ; забыта торговля съ Европою и стоянка русскаго флота. Не упомянутъ такъ же портъ *Хакадате*, имѣющій значеніе для сѣверной Японіи, и древняя резиденція *Міако*.

Индіи посвящено четыре страницы, но, если это только возможно, свѣдѣнія еще менѣе удовлетворительны, чѣмъ о Японіи. Индія—цѣлый міръ, болѣе разнообразный, чѣмъ міръ Европы. Учебникъ этого не изображаетъ. Индія населена расами: негритянскою (Веддахи, Тодды и другія племена мало доступныхъ горъ); протодравидійскою (центральныя горы); дравидійскою (Деканъ); сингалезскою (Цейлонъ); болѣе или менѣе чистою индо-европейскою (высшія касты индусовъ, брамины и кшатріи, а также народности патановъ и парсовъ); смѣсью индо-европейцевъ съ дравидійцами (низшія касты индусовъ); тюрками (джаты); монголами (племена, разбросанныя въ долинахъ Гималаевъ). Учебникъ знаетъ только индоевропейцевъ и дравидовъ, да неправильно именуетъ монголами гуркасовъ, господствующихъ въ Непалѣ. Этого слишкомъ мало.

Изъ религій въ Индіи исповѣдуется: *браминизмъ* въ двухъ своихъ развѣтвленіяхъ (*вишнуизмъ* на сѣверѣ и *сиваизмъ* на югѣ); *буддизмъ* тоже въ двухъ развѣтвленіяхъ (*ламаизмъ* на сѣверѣ и ортодоксальный буддизмъ—на югѣ, на Цейлонѣ); *исламъ*, особенно на сѣверо-западѣ; *джаинизмъ*, религія, родственная буддизму; *маздеизмъ*, древняя религія Зенд-Авесты, исповѣдуемая въ западной Индіи парсами, бѣжавшими изъ Ирана отъ арабовъ; *христіанство*, по преданію внесенное апостоломъ Ѳомою и, кромѣ того, распространенное европейскими миссіями. Изъ всѣхъ этихъ религій учебникъ упоминаетъ только о браминизмѣ! Тоже болѣе, чѣмъ мало.

Въ политическомъ отношеніи Индія распадается на области двухъ родовъ: англійскія владѣнія и вассальныя государства съ туземными правительствами. Учебникъ, кажется, даже не подозрѣваетъ о существованіи послѣднихъ. Между тѣмъ, между ними есть не мало интереснаго и въ политическомъ, и въ культурномъ отношеніи. Въ политическомъ очень важно могущественное мусульманское государ-

ство *Гайдерабадское* на Деканскомъ плато. Во многихъ отношеніяхъ интересно и мусульманское же владѣніе, *Кашмиръ*. Въ составѣ браминистскихъ владѣній надо отличать двѣ интересныхъ группы: *раджпутанскую* и *маратскую*, любопытныхъ по культурѣ и національному патріотизму. Между другими владѣніями встрѣчаются нынѣ потерявшія значеніе, но славныя своимъ прошлымъ. Такъ на среднемъ Гангѣ лежитъ сохранившее лишь тѣнь автономіи владѣніе *Бегарское*. Здѣсь, однако, царевичемъ родился Будда. Отсюда же Асока управлялъ Индіей. Тутъ же расположенъ и Бенаресъ. Все это не интересуетъ г. Смирнова, и учащіеся даже и подозрѣвать не будутъ о существованіи всѣхъ этихъ владѣній и добросовѣстно будутъ считать всю Индію просто англійской провинціей.

По поводу Индіи г. Смирновъ пускается въ кое-какія соображенія: «Чрезмѣрное богатство страны изнѣжило ихъ (индусовъ) до того, что они время отъ времени легко были покоряемы иноземными завоевателями; ихъ безъ труда (!) покорилъ Александръ Македонскій. Лѣтъ 500 назадъ напали на Индостанъ монголы и основали тамъ магометанское государство подъ именемъ *Имперіи Великаго Могола*» (стр. 25). Чудная философія исторіи здѣсь соперничаетъ съ такимъ же чуднымъ невѣдѣніемъ, истинно блаженнымъ. Александръ Македонскій Индіи не покорилъ, а только два небольшихъ княжества въ Пенджабѣ, и покорилъ ихъ съ трудомъ, встрѣтивъ никакъ не изнѣженное, но очень воинственное населеніе, которое по уходѣ великаго македонскаго авантюриста немедленно прогнало грекомакедонянъ, а затѣмъ отняло у нихъ и значительную часть нынѣшняго Кабулистана. Монголы напали на Индію не 500 лѣтъ тому назадъ, а 700, на порогѣ XIII вѣка, раньше вторженія въ Россію. Они опустошили Индію и ушли. Никакого государства не основывали, а тѣмъ менѣе магометанскаго, потому что и сами не были магометанами. Г. Смирнова ввело въ заблужденіе созвучіе словъ *Монголъ* и *Великій Моголъ*. Имперію Великаго Могола основалъ, какъ уже упомянуто, султанъ Баберъ. Его войско состояло изъ тюрковъ и иранцевъ. И это было не 500, а около 300 лѣтъ тому назадъ! И скучно, и грустно, и поучительно отмѣчать всю эту чепуху, выдаваемую за географію.

И свѣдѣнія объ индійскихъ городахъ у г. Смирнова очень устарѣли. Теперь не Мадрасъ, а *Коконадо* — главный портъ Коромандельскаго берега; не Лагоръ, а *Симла* — важнѣйшій городъ Пенджаба. Г. Смирновъ забываетъ такъ же о французскихъ и португальскихъ владѣніяхъ въ Индіи (Пондишери, Гоа, Діу). Устарѣли свѣдѣнія и о мѣстныхъ произведеніяхъ. Нѣкогда въ самомъ дѣлѣ Цейлонъ славился кофейными плантаціями. Теперь онѣ тамъ рѣдкость, ихъ замѣнилъ чай. Андаманскіе острова, по мнѣнію г. Смирнова, служатъ мѣстомъ ссылки преступниковъ. Это было когда то, но вслѣдствіе нездороваго климата они оставлены. Ихъ замѣнили

острова Никобарскіе, тоже расположенные въ Бенгальскомъ заливѣ. Все это было бы даже забавно, если бы не было грустно.

Обозрѣвая Малайскій архипелагъ, учебникъ ничего не знаетъ объ англійскихъ владѣніяхъ (Лабуанъ, сѣверный Борнео, Бали, часть Тимора и др.), имѣющихъ и для англичанъ, и для всемірной торговли очень большое значеніе. Едва ли не курьезнѣе еще, что при этомъ обозрѣніи совершенно пропущены Молукскіе острова, этотъ перлъ голландскихъ колоній, цѣлые вѣка ихъ обогащавшій своими пряностями, мускатомъ, гвоздикой и др. Долго торговля пряностями была монополіей голландцевъ и только въ самое последнее время эти драгоцѣнныя растенія разведены и въ другихъ мѣстахъ тропическаго пояса, но и до сихъ поръ вывозятся главнымъ образомъ съ Молукъ. О Филиппинскихъ островахъ упомянуто только, что они испанскіе. Хоть бы о сигарахъ не забыли. Въ прошломъ году они были театромъ возстанія христіанскаго испано-малайскаго населенія.

Двѣ странички, посвященныя Ирану, тоже достаточно чепуховаты. Кабулъ и Гератъ, оказывается, лежатъ на двухъ концахъ дороги изъ Индіи въ Туранъ и *потому* имѣютъ важное коммерческое значеніе. Пройти изъ Индіи въ Гератъ черезъ Кабулъ— можно (ходилъ такъ Тимуръ), но это очень неудобно и въ коммерческихъ видахъ никто этимъ путемъ не пользуется. Обычный путь изъ Индіи въ Гератъ черезъ Боланское ущеліе и Кандагаръ (выше уже упомянутъ). Составъ населенія Иранскаго плоскогорія изображенъ поверхностно и невѣрно; пропущены цѣлыя важныя группы населенія: таджики, галчасы, хезарейцы, аймаки, туркмены, брагуи и др. Послѣдніе—дравидійцы, три предъидущихъ—тюрки. На западѣ пропущены—армяне, іезиды, арабы. Изложеніе болѣе, чѣмъ небрежное. Изъ городовъ Персіи не названъ самый важный—*Тавризъ*, не названа недавняя столица *Испагань*, ни одного порта въ Персидскомъ заливѣ (Бендеръ-Абасъ, Бендеръ-Буширъ, Мохамерай). Статистика по обыкновенію вполнѣ отсутствуетъ.

Съ Аравіей еще менѣе благополучно. Учебникъ знаетъ, что существуетъ какая-то независимая Аравія, но что это такое, надо полагать, не очень освѣдомленъ. По крайней мѣрѣ ни слова больше, кромѣ факта существованія. Можно подумать, что это одно государство, а ихъ пять (Шамаръ, Неджедъ, Неджранъ, Гадрамаутъ и Джауфъ). Если бы г. Смирновъ зналъ что нибудь о независимой Аравіи, онъ, вѣроятно, не удержался бы хоть нѣсколько строкъ дать о ней. Вѣдь эта страна *Вэхабитовъ*, особаго, въ высшей степени оригинальнаго вѣроисповѣданія, отложившагося отъ ислама и возникшаго на соціально-политической почвѣ. Въ турецкой Аравіи г. Смирновъ не отличаетъ Геджаса отъ Іемени, двухъ совершенно отличающихся областей, по природѣ и культурѣ. Онъ не называетъ ни одной гавани (Джедда въ Геджасѣ, Ходейда и Мокка для Іемени). И англійскія владѣнія въ Аравіи не вполнѣ извѣстны учеб-

нику. Пропущенъ очень важный по жемчужнымъ ловлямъ *Караманъ* и политически важные острова *Хуріанъ-Муріанъ*.

Лежащая у нашихъ европейскихъ границъ, имѣющая такое большое значеніе для Европы, Азіатская Турція изображена такъ же неудовлетворительно. Начать съ того, что цѣлыя значительныя группы племенъ и народностей совершенно пропущены: Лазы, Іезиды, Зейбеки, Марониты, Несторіане и др., въ совокупности составляющіе очень значительный элементъ. Распредѣленіе остальныхъ народностей дано поверхностное и невѣрное. «Турки-Османы— господствующій классъ населенія, преимущественно по городамъ» (стр. 35). Именно, не по городамъ, гдѣ больше сосредоточиваются греки, армяне, арабы. Турки сплошь занимаютъ террасы Каппадокіи, Пафлагоніи и Фригіи; въ значительномъ числѣ великоармянскую; распространяются слабѣе къ берегамъ морей; въ Сирію и Месопотамію почти не проникли. «Курды—по склонамъ армянскаго нагорья». Надо бы сказать: «преимущественно по южному склону армянскаго нагорья, частью по самому нагорью», потому что сѣверный склонъ занятъ лазами, восточный—грузинами, а западный— турками и армянами. «Армяне—на армянскомъ нагорьѣ». Опять таки «преимущественно», а частью по всей Малой Азіи. «Друзы—въ Сиріи, въ Ливанскихъ горахъ» (*ib.*). До шестидесятыхъ годовъ друзы жили въ горахъ Антиливана, но послѣ ихъ усмиренія французами выселились на востокъ въ горы Гауранскія, гдѣ не дальше 1896 года произвели возмущеніе, лишь съ трудомъ подавленное турками.

Статистика, конечно, тоже отсутствуетъ. Государственное устройство, пути сообщенія, административное дѣленіе тоже не интересуютъ г. Смирнова и по отношенію къ Турціи. Изъ городовъ забыты очень крупные и важные — Алеппо, Антіохія, Александретта, Адана, Конія, Ангора и др. Попадаются курьезныя свѣдѣнія: «Родосъ — станція турецкаго флота!» Увы, нѣкогда была... Это на 38 страницѣ, т. е. на послѣдней, посвященной Азіи. Да будетъ это и нашимъ послѣднимъ замѣчаніемъ объ этой части свѣта.

Не менѣе невѣжества обнаруживаетъ учебникъ и по отношенію къ другимъ частямъ свѣта. Суэцкій каналъ въ отдѣлѣ объ Азіи длиною 100 верстъ, а въ отдѣлѣ объ Африкѣ уже 150 верстъ (стр. 50). Въ Гвинеѣ учебникъ не знаетъ Дагомеевъ, Ашантіевъ, ни германскихъ владѣній въ Камерунѣ. Бушмены для г. Смирнова негры. Мадагаскаръ до сихъ поръ самостоятельное государство говасовъ. Республика Оранжевой рѣки названа полусамостоятельной, а Трансвааль—самостоятельнымъ. Слѣдовало бы наоборотъ. Абиссинія (которая почему-то пишется Абессинія, Abyssinia) почитается итальянскою колоніей, и т. д., и т. д. Если бы мы послѣдовали за г. Смирновымъ черезъ Атлантическій океанъ въ Америку, то мы тамъ указали бы, пожалуй, еще больше курьезовъ, невѣрностей, пропусковъ, прямого невѣжества. Однако, съ насъ довольно. Итоги

ясны до очевидности. Основной, ничѣмъ непоправимый дефектъ учебника—это полная и совершенная неосмысленность, неистолкованность и безсвязность сообщаемыхъ свѣдѣній. Это не географія, а географическая номенклатура, одно обременительное упражненіе памяти, не дающее представленія о земномъ шарѣ. Къ этому основному недостатку надо прибавить чрезвычайное обиліе невѣрностей, порою изумляющихъ по своему безпросвѣтному невѣжеству. Пора, давно пора этотъ старый хламъ выбросить за бортъ и позаботиться, чтобы такой важный образовательный предметъ, какъ географія, получилъ подобающее мѣсто въ системѣ средней школы.

Въ заключеніе, укажу на слѣдующій поистинѣ замѣчательный фактъ. Я сличалъ разобранное выше тридцать пятое изданіе учебника г. Смирнова со вторымъ, вышедшимъ тридцать три года назадъ, въ 1864 году. Сличеніе это во всѣхъ отношеніяхъ не въ пользу изданія 1896 года. Учебникъ значительно ухудшился. Въ первыхъ изданіяхъ г. Смирновъ тоже не отличается дарованіемъ, но онъ пробуетъ найти хотя какую нибудь аріаднину нить для странствія по этому лабиринту именъ. Онъ старается ихъ оживить и осмыслить, дѣлаетъ сравненія и сближенія, указываетъ связь и вліяніе. Видно вліяніе географовъ-мыслителей, изъ которыхъ коечто заимствовано. Все это тщательно и окончательно истреблено въ рядѣ изданій до тридцать пятаго включительно. Общее пониженіе уровня нашей средней школы сказалось и въ этомъ самоискаженіи г. Смирнова. Не велики достоинства были его учебника и въ первыхъ изданіяхъ, потому что не велики таланты автора. Но тамъ былъ методъ, была идея, былъ осмысленно выбранный путь. Была, словомъ, попытка къ чему-то лучшему. А теперь? Пожалуй, и о старикѣ Ободовскомъ пожалѣть можно. Если назначить премію за худшій учебникъ географіи, то едва ли нашелся бы другой, болѣе достойный преміи, нежели учебникъ г. Смирнова.

Я хотѣлъ сегодня поговорить еще объ учебникахъ русской географіи. Мѣста для этого, однако, на сегодня не хватаетъ. Оставлю ихъ совсѣмъ безъ исповѣди и покаянія. Мимоходомъ замѣчу только, что и съ учебникомъ географіи Россіи г. Бѣлоха произошло нѣчто вродѣ метаморфозы учебника г. Смирнова. И учебникъ г. Бѣлоха въ теченіе тридцати лѣтъ все сокращали, покуда не сократили до сухой, ничего не говорящей уму, трудно заучиваемой, легко забываемой, неосмысленной номенклатуры... По этому пути порчи учебниковъ намъ, кажется, дальше идти некуда. Не пора ли остановиться и образумиться? Впрочемъ, прежде, чѣмъ заняться этими общими вопросами, мы еще заглянемъ въ учебники исторіи, не принесутъ ли хоть они намъ нѣкотораго утѣшенія.

С. Южаковъ.

Post Scriptum. Въ прошлой майской книжкѣ «Русскаго Богатства» я оговорилъ нѣкоторыя опечатки, вкравшіяся въ текстъ моего апрѣльскаго *Дневника* объ учебникахъ русской грамматики. Между прочими, оговорена и опечатка, вкравшаяся въ заглавіе учебника г. Петрова. Еще до выхода майской книжки, но послѣ отпечатанія моей статьи, я получилъ отъ г. Петрова письмо съ просьбою возстановить весь текстъ заглавія его книги и привести годъ изданія. Исполняю его просьбу. Книга называется:

Русскій языкъ. Опытъ практическаго учебника русской грамматики. Этимологія въ образцахъ. Составилъ Конст. Ѳедор. Петровъ. 1882 годъ.

Г. Петровъ прислалъ при письмѣ и послѣднія, позднѣйшія изданія своего учебника. Пятое изданіе вышло въ 1896 году. Я его просмотрѣлъ по тѣмъ вопросамъ, которыхъ коснулся въ моемъ разборѣ. Есть нѣкоторыя улучшенія. Напр., число и названіе видовъ и залоговъ приведено къ согласію съ г. Буслаевымъ. Вообще же, много утѣшительнаго объ учебникѣ и въ новомъ видѣ сказать нельзя. Лучше учебники гг. Кирпичникова и Гилярова, но вѣдь то геркулесовы столбы.

С. Ю.

Хроника внутренней жизни.

Законъ 7 апрѣля 1897 г. и паспортные порядки. Наши тюрьмы. Къ пересмотру положенія о крестьянахъ. Сельскія власти. „Ты" и „Вы". Общественное пьянство. Тѣлесныя наказанія.

Профессоръ Сикорскій написалъ книгу о психологіи славянъ. Къ отличительнымъ чертамъ славянской натуры онъ относитъ, между прочимъ, нерѣшительность. Сущность этой психологической черты состоитъ въ выжиданіи, въ опасеніи сказать слово или совершить дѣйствіе, не допускающее возврата. Однимъ словомъ то, что русская пословица выражаетъ словами: «семь разъ примѣряй, одинъ отрѣжь». Черта эта имѣетъ тѣсное соотношеніе съ тонко развитымъ чувствомъ славянъ, составляетъ послѣдствіе преобладающаго значенія чувства въ ихъ душевномъ строѣ.

Конечно, нерѣшительность въ смыслѣ осторожнаго и обдуманнаго способа дѣйствій въ отвѣтственномъ дѣлѣ есть качество похвальное. Но нерѣшительность тамъ, гдѣ дѣло ясно, какъ день, врядъ ли можетъ составлять достоинство какой бы то ни было націи. Между тѣмъ, у той вѣтви славянъ, къ которой мы имѣемъ честь принадлежать, слишкомъ часто приходится встрѣчаться съ

нерѣшительностью именно этого послѣдняго рода и, притомъ, убѣждаться, что тонко развитое чувство и преобладаніе его въ душевномъ строѣ не играютъ тутъ никакой роли.

Закономъ 7 апрѣля 1897 года отмѣнены сборы, взимаемые въ пользу казны съ видовъ на жительство. По словамъ оффиціальнаго органа министерства финансовъ, обременительность и несостоятельность паспортныхъ пошлинъ издавна была сознаваема правительствомъ. «Несостоятельность паспортныхъ пошлинъ и желательность ихъ отмѣны, читаемъ мы въ «Вѣстникѣ Финансовъ»,—очевидны. Эти пошлины представляются несправедливыми и крайне стѣснительными для большей части обывателей имперіи, онѣ ложатся тяжелымъ бременемъ преимущественно на наименѣе обезпеченные классы населенія». И журналъ приводитъ въ пользу отмѣны пошлинъ тѣ самыя соображенія, которыя, по словамъ «Русскихъ Вѣдомостей», «высказывались въ печати много разъ въ послѣдніе тридцать тридцать-пять лѣтъ» (№ 112). И если законъ издается лишь теперь, то, по словамъ оффиціальнаго изданія, мотивомъ тому послужили особо благопріятныя условія, въ какихъ въ послѣднее время находится нашъ государственный бюджетъ. Положимъ, тѣ 4—5 милліоновъ рублей, которые приносили указанные сборы казнѣ, составляли до изданія закона настолько ничтожную долю въ нашемъ обще-государственномъ бюджетѣ, что и тогда не могли искупить всей суммы вреда, который приносили они населенію, стѣсняя его свободу передвиженія и экономической дѣятельности. Скорѣе это было проявленіе все той же нерѣшительности и медленности, которыя сказываются у насъ въ важномъ дѣлѣ освобожденія населенія отъ связывающихъ его путъ, налагаемыхъ паспортной формой надзора. Эта нерѣшительность проявилась у насъ во всей исторіи паспортной реформы. Все зло существовавшихъ паспортныхъ порядковъ было сознано и населеніемъ, и правительствомъ задолго до реформы 3 іюня 1894 года. Но уже то обстоятельство, что черезъ два съ половиною года послѣ изданія новаго положенія о паспортахъ потребовалось внесеніе столь существеннаго дополненія, какъ отмѣна соединенныхъ съ выдачею паспортовъ денежныхъ сборовъ въ пользу казны, показываетъ, насколько нерѣшительно была проведена реформа. Было признано, что паспорты не должны имѣть другого значенія, кромѣ удостовѣренія личности предъявителя и его права на свободный переходъ изъ одного мѣста въ другое. Установлены паспортныя книжки долгосрочныя и краткосрочныя, облегченъ порядокъ выдачи паспортовъ лицамъ податныхъ сословій и нѣкоторыя отлучки разрѣшены даже безъ паспортовъ. Но право отлучекъ безъ паспортовъ ограничивалось неопредѣленностью понятія о «мѣстожительствѣ», установленіемъ для того произвольныхъ разстояній. По прежнему населеніе связывала обязательность фиктивныхъ приписокъ къ обществамъ. И взысканіе пошлины отъ 15 коп. до 1 руб. за паспортныя бланки, какъ это было установлено положеніемъ 3

іюня 1894 г., оказывалось весьма чувствительнымъ для всякаго простолюдина, отправлявшагося на заработки подъ гнетомъ нужды и безъ того принужденнаго дѣлать различныя затраты по сборамъ въ дорогу.

На эту сторону дѣла и обращаетъ вниманіе законъ 7 апрѣля 1897 года. Раньше за 15 коп. можно было получить только 3-хъ-мѣсячный паспортъ, за 50 коп.—полугодовой, за 1 руб.—годовой. Теперь же и уплата за паспортныя бланки и рублевый годовой сборъ съ паспортныхъ книжекъ и временныя свидѣтельства — отмѣняются. Бланки паспортовъ, т. е. годовыхъ видовъ на жительство, будутъ выдаваться безплатно. Для возмѣщенія расходовъ казны по печатанію видовъ на жительство, за паспортныя книжки, т. е. за виды, выбираемые на срокъ не менѣе 5 лѣтъ, будетъ взиматься ихъ заготовительная стоимость въ размѣрѣ 15 коп. (вмѣсто прежняго 50-ти копѣечнаго единовременнаго сбора). Сборъ будетъ сохраненъ, и то лишь временно, для паспортовъ заграничныхъ, для паспортовъ, выдаваемыхъ пріѣзжающимъ въ Россію иностранцамъ, и, наконецъ, для паспортовъ, выбираемыхъ обывателями губерній Царства Польскаго.

Печать привѣтствовала эту мѣру, какъ дальнѣйшій и существенный шагъ въ освобожденіи населенія отъ паспортныхъ узъ. Закономъ 7 апрѣля положенъ конецъ фискальному значенію паспорта въ пользованіи имъ внутри страны. Это открываетъ возможность къ дальнѣйшему устраненію обязательности паспортовъ. Но и законъ 7 апрѣля, избавляя населеніе отъ довольно обременительнаго налога, налога строго личнаго, не перемѣщаемаго, и создавая большую легкость въ передвиженіи населенія, далеко не снимаетъ съ него всей массы затрудненій при отлучкахъ. Какъ совершенно основательно говоритъ авторъ статьи «Обложеніе паспортовъ» въ «Недѣлѣ» (№ 5): «извѣстно, что, съ одной стороны, свободу передвиженія стѣсняютъ ближайшія сельскія власти своею медленностью и придирчивостью, а съ другой—куда бы рабочій ни показался—онъ встрѣтится съ мѣстными прописочными сборами, особенно чувствительными въ столицахъ. Эти послѣдніе сборы превысятъ тотъ, отъ какого освободится уходящій рабочій въ своей деревнѣ или городѣ, слѣдовательно, въ общемъ онъ выиграетъ не особенно много. Для соблюденія послѣдовательности и поддержанія дѣйствительнаго значенія проектированнаго закона необходимо серьезно пересмотрѣть и прописочные сборы, съ цѣлью возможно большаго ихъ облегченія». И, дѣйствительно, о томъ, какъ тяжелы бываютъ для трудящагося населенія прописочные и адресные сборы свидѣтельствуетъ тотъ же «Вѣстникъ Финансовъ», приводя слѣдующій примѣръ: «рабочій, являясь въ С.-Петербургъ, долженъ уплатить при самомъ прибытіи своемъ около 3 рублей, т. е. сумму, значительную даже для лицъ съ среднимъ достаткомъ, но эта сумма является минимальною и относится собственно до прислуги и чернорабочихъ, другія же лица,

живущія частнымъ трудомъ, уплачиваютъ гораздо больше, такъ, напр., адресный сборъ достигаетъ до 7 р. 15 к. въ годъ». Проектъ обѣщаетъ пересмотръ и этой категоріи паспортныхъ сборовъ, что составитъ третье существенное дополненіе къ закону 1894 года.

И, однако, главное зло прежней и современной паспортной системы заключается не въ матеріальной тягости, которою падаетъ она на трудящееся населеніе. Это зло заключается въ томъ, что обязательность паспортовъ отдаетъ его въ руки низшихъ мѣстныхъ властей, волостного и мѣщанскаго начальства, создавшаго на почвѣ этой обязательности цѣлую систему прижимокъ и незаконныхъ поборовъ, и еще въ большей степени зло заключается во взглядѣ на паспортъ, какъ орудіе полицейскаго надзора. Несостоятельность этого взгляда безчисленное число разъ доказала наша слѣдственная практика. Необходимость имѣть паспортъ не только не стѣсняетъ злонамѣренныхъ людей, но часто служитъ имъ пособіемъ при совершеніи преступныхъ дѣйствій. «Русь» приводитъ мнѣніе экспертовъ по полицейской части, высказанное ими еще въ 1875 г., когда поднятъ былъ вопросъ объ обязательности паспортовъ. «Они единогласно заявили, что паспортъ вовсе не нуженъ для охраненія общественной безопасности, и что въ большинствѣ случаевъ онъ значительно затрудняетъ преслѣдованіе нарушителей оной. Привыкнувъ имѣть дѣло не съ личностями, а съ форменными бумагами, полицейскіе чины впадаютъ нерѣдко въ заблужденія, имѣющія крайне прискорбныя послѣдствія. Разыскивая заподозрѣнныхъ въ преступленіи лицъ, они сосредоточиваютъ все свое вниманіе на не имѣющихъ письменнаго вида».

Въ результатѣ ловкіе мошенники и дѣйствительно злонамѣренные люди гуляютъ себѣ свободно съ подложными и чужими видами въ карманѣ, а честные работники и мирные обыватели испытываютъ такія передряги, которымъ подчасъ отказываешься вѣрить. Но сомнѣваться тутъ не приходится, потому что факты эти не единичны и обставлены достаточно достовѣрными свидѣтельствами. Вотъ какъ описываются въ письмѣ въ редакцію «Орловскаго Вѣстника» мытарства нѣкоего Бездольнаго (письмо имъ подписано).

«... Пошелъ я въ свой городъ, отстоявшій отъ нашего селенія верстъ на 20. Прихожу въ городъ, начинаю искать заработка, вдругъ подходитъ городовой и спрашиваетъ:

— Ты что за человѣкъ?

— Крестьянинъ такого-то селенія, такой-то волости и уѣзда,— отвѣчаю я.

— А паспортъ имѣешь?

— Нѣтъ.

— Что-же ты околачиваешься? Пойдемъ въ часть!

— Явите божецкую милость, господинъ городовой, тутъ меня знаютъ, я вѣдь не впервой въ городѣ.

— Нечего разговаривать—сказано пойдемъ и пойдемъ.

Дѣлать нечего, пошли въ часть. Тамъ, конечно, допросъ, протоколъ и кутузка. Въ кутузкѣ Бездольный встрѣтилъ тоже своего брата-мужика.

— А ты за што?—спрашиваю.

— Пріѣхалъ съ бабой на базаръ кое-что продать. Заѣхали съ бабой въ трактиръ чайку попить, а тутъ, какъ на грѣхъ, городовой. Подходитъ и спрашиваетъ: ты кто будешь?—Такой-то, говорю.—А паспортъ?—Какой, говорю, паспортъ, я съ бабой пріѣхалъ на базаръ, продалъ кое-что, да вотъ и заѣхали чайку, значитъ, попить, вѣдь мы не дальніе, всего въ 15-ти верстахъ отъ города, меня тутъ знаютъ.—Нечего—говоритъ—знаютъ, пойдемъ въ часть.— А лошадь-то какъ же?—Лошадь, баба отведетъ домой. Ну, значитъ, меня взялъ, вотъ и сижу, а баба поѣхала домой.

Потомъ Бездольнаго отправили въ уѣздное полицейское управленіе и хотѣли было съ городовымъ вести въ деревню. Но тутъ на счастье случился односелецъ, удостовѣрилъ его личность, и Бездольнаго отпустили.

— Ну, думаю: слава тебѣ Господи, хоть до двора дойду безъ караульныхъ. Вѣдь срамота противъ обчества. Иду это я и радъ; только прошелъ улицу, другую... глядь, городовой.

— Ты кто? опять шляться?

— Меня отпустили, говорю, иду домой.

— Нѣтъ, говоритъ, погоди, пойдемъ въ часть.

Пришли—опять тоже и протоколъ. Меня опять засадили въ кутузку и на другой день повели въ уѣздную полицію съ городовымъ.

Я говорю: пустите Бога ради, вѣдь, я двое сутокъ ничего не ѣлъ.

— Подожди, приведутъ домой—поѣшь.

Насилу, насилу до дома добрался».

А вотъ другой случай, приведенный въ «Саратовскомъ Листкѣ», наглядно показывающій, какъ обязательное имѣніе вида на жительство отнюдь не мѣшаетъ дѣйствительнымъ преступникамъ ускользать отъ правосудія, въ руки котораго предварительное полицейское дознаніе, руководясь исключительно документальными данными, отдаетъ людей совершенно неповинныхъ. Въ Сызрани была совершена кража со взломомъ. Лицо, въ ней заподозрѣнное, представило судебному слѣдователю видъ, впослѣдствіи оказавшійся подложнымъ, на имя Семена Быкова, саратовскаго мѣщанина. Слѣдователь отправилъ мнимаго Быкова въ Саратовъ для удостовѣренія личности мѣщанскому старостѣ, *который и удостовѣрилъ*. По пріѣздѣ въ Сызрань этотъ человѣкъ былъ выпущенъ на свободу и, воспользовавшись ею, бѣжалъ. Документы на имя Быкова, между тѣмъ, высылаются въ Саратовъ и по нимъ полиція арестовываетъ нѣкоего Семена Акимова Быкова, мѣщанина, сапожника по ремеслу, человѣка смирнаго, работящаго и семейнаго. Можно представить себѣ его ужасъ,

когда онъ узнаетъ, что его обвиняютъ въ кражѣ со взломомъ, совершенной въ Сызрани, гдѣ онъ никогда и не былъ. Черезъ адвоката онъ добился того, что полиція, по приказанію прокурора, произвела дознаніе. Допрошенные свидѣтели удостовѣрили, что Быковъ никуда не отлучался, слылъ за человѣка скромнаго, честнаго. Выяснилось даже, что въ день совершенія кражи въ Сызрани, Быковъ былъ свидѣтелемъ при брачномъ обыскѣ въ Саратовѣ и росписался въ церковной книгѣ. Все это не помѣшало, однако, тому, что Семенъ Быковъ, арестованный, былъ препровожденъ въ тюрьму, въ Сызрань. И уже послѣ того, какъ онъ испыталъ всѣ прелести этапа и тюрьмы, сызранскій судебный слѣдователь окончательно выяснилъ, что саратовскій Быковъ—несчастный человѣкъ, именемъ котораго злоупотребилъ какой-то бродяга. Быкова освободили и дали денегъ на проѣздъ.

Такимъ образомъ, правда восторжествовала. Но, вѣдь, могло бы быть и иначе. Справедливо говоритъ «Смоленскій Вѣстникъ» (№ 62): «Хорошо еще, что Быковъ, повидимому, оказался человѣкомъ мягкимъ и, будучи арестованъ ни за что, ни про что, только просилъ и молилъ о пощадѣ, а попадись другой съ болѣе сангвиническимъ темпераментомъ, «преступникъ», чего добраго, началъ бы протестовать, ругаться, а тамъ, глядишь, слѣдователь счелъ бы себя «оскорбленнымъ при исполненіи служебныхъ обязанностей», и разыгралось бы чисто щедринское происшествіе:

«а теперь, милая тетенька, прокуроръ настаиваетъ, чтобы меня сослали въ каторгу»...

Мѣщанскій староста г. Саратова безъ промедленія удостовѣрилъ личность мнимаго Быкова, но обычное явленіе составляетъ, наоборотъ, убійственная канцелярская волокита изъ-за выправки и высылки паспорта одинаково какъ въ мѣщанскихъ управахъ, такъ и въ волостныхъ управленіяхъ. «Самарская Газета» (№ 100) передаетъ случай съ крестьяниномъ самарскаго уѣзда Николаемъ Лапинымъ, который въ январѣ мѣсяцѣ послалъ въ правленіе волости, куда былъ приписанъ, заявленіе съ деньгами, прося выслать пятилѣтній паспортъ; на страстной недѣлѣ за неимѣніе документа былъ уволенъ изъ мастерскихъ самаро-златоустовской дороги, гдѣ работалъ, и уже послѣ праздниковъ, не получивъ документа даже при содѣйствіи мѣстнаго земскаго начальника, добился его высылки, обратившись къ помощи г. начальника губерніи. Достаточно одного каприза сельскаго старосты, чтобы затормозить дѣло на цѣлые мѣсяцы. Корреспондентъ газеты «Жизнь и Искусство» пишетъ изъ Сосницы Черниговской губерніи: «На дняхъ получилъ письмо отъ одного крестьянина съ просьбой «похлопотать» о скорѣйшей высылкѣ паспорта. «Недоимокъ за мною нѣтъ никакихъ,—писалъ крестьянинъ, пришедшій на заработки на Полѣсскую желѣзную дорогу,—а паспорта не выдаютъ». Деньги на высылку паспорта отосланы 30 декабря 1896 года, и вотъ уже три мѣсяца прошло. Изъ наведенныхъ

справокъ оказалось, что староста на сдѣланный ему будто бы запросъ: нѣтъ ли препятствій?—упорно молчитъ и не отвѣчаетъ» (№ 89). Этого одного достаточно, чтобы лишить человѣка заработка, поставить его на чужой сторонѣ въ безвыходное положеніе, подвергнуть опасности попасть за безпаспортство въ тюрьму, быть высланнымъ по этапу. Отсутствіе письменнаго вида обрекаетъ человѣка на всѣ случайности полицейскаго усмотрѣнія, налагаетъ на него клеймо преступности и обвиненіе въ укрывательствѣ. Понятенъ послѣ этого тотъ трепетъ, который испытываетъ всякій мирный обыватель, почему либо оказавшійся въ положеніи безпаспортнаго. До чего можетъ доводить эта боязнь изъ-за неимѣнія документа оказаться въ рукахъ властей въ качествѣ заподозрѣннаго преступника, показываетъ слѣдующій печальный случай, передаваемый «Биржевыми Вѣдомостями».

«Въ Сувалки изъ Граева пріѣхалъ безъ надлежащихъ документовъ пятнадцатилѣтній мальчикъ и нанялся въ одну изъ пекарень. На-дняхъ въ пекарню зашелъ городовой, чтобы купить чего нибудь съѣстного. Но мальчикъ, думая, что тотъ явился за его документами, которыхъ у него нѣтъ, такъ испугался, что сбѣжалъ въ погребъ и тамъ повѣсился».

Но тяжелѣе всего отражается существующая паспортная система на судьбѣ тѣхъ группъ населенія, которыя стоятъ въ особомъ положеніи, на судьбѣ старообрядцевъ, раскольниковъ, евреевъ. Открывающаяся здѣсь возможность всегда придраться по тому или иному формальному поводу, затянуть дѣло выдачи вида или прописки подъ благовиднымъ предлогомъ создаетъ изъ паспортнаго надзора за этой частью населенія постоянный источникъ незаконныхъ доходовъ для низшихъ властей. О положеніи въ этомъ случаѣ старообрядцевъ «Биржевыя Вѣдомости» пишутъ слѣдующее:

Въ 1874 г. былъ обнародованъ законъ, по которому въ городахъ при полицейскихъ управленіяхъ и въ деревняхъ при волостныхъ правленіяхъ ведутся метрическія книги для записи рожденій, браковъ и смертей старообрядцевъ; браки, записанные въ эти книги, признаются законными. И вотъ этими метрическими книгами заправилы волостныхъ правленій съумѣли воспользоваться для вымоганія мзды съ бѣдняковъ Обыкновенно, эти книги совсѣмъ не ведутся или ведутся исключительно съ нечистыми цѣлями. Мы не останавливаемся на другихъ способахъ незаконнаго пользованія помощью этихъ книгъ, а только относительно паспортовъ. Собрался, напримѣръ, старообрядецъ съ женой на дальній заработокъ и является въ волостное правленіе за паспортомъ. Если старообрядецъ знаетъ свое дѣло и раскошелится въ требуемомъ количествѣ, ему, само собой разумѣется, паспортъ выдается тотъ же часъ; въ противномъ же случаѣ происходитъ очень простая исторія. Старообрядцу выдается видъ, на которомъ значится «холостъ». А жена—бери видъ откуда угодно. Всѣ ссылки на бракъ разбиваются о непреклонное:

«въ книгахъ не записанъ!» Само собой разумѣется, вслѣдъ за этимъ начинается хожденіе съ мольбами и слезами, затѣмъ внесеніе требуемой суммы, и только тогда получается паспортъ.

Въ рукахъ низшаго полицейскаго чиновника паспортъ это—ключъ, чтобы подойти ко всякому обратившему на себя его вниманіе человѣку, ворваться въ его частную жизнь; при желаніи—орудіе къ тому, чтобы вынудить у него взятку. Тутъ поистинѣ разыгрывается «произволъ, ограниченный взяточничествомъ». Нѣтъ паспорта,—и вы во власти всевозможныхъ случайностей, и самое лучшее, что вамъ остается,—это искать себѣ защиты подъ кровомъ постояннаго «мѣстожительства». Вотъ поучительная исторія одного мамадышскаго мѣщанина, служащая иллюстраціей все къ той же необходимости имѣть у себя всегда въ карманѣ видъ, удостовѣряющій твою личность:

«Мѣщанинъ г. Мамадыша А. Е. Борисовъ 15 января поѣхалъ въ гости къ своему дядѣ Андрею Авдѣеву, жителю села Ныртовъ, мамадышскаго уѣзда (находящагося въ 55 верстахъ отъ г. Мамадыша).

Переночевавши у дяди, онъ, по приглашенію послѣдняго, отправился на слѣдующій день къ знакомому молоканину Потапу Василевичу Молчанову, гдѣ его, какъ грамотнаго человѣка, попросили почитать Св. Евангеліе.

Чего бы, кажется, дурного въ такомъ поступкѣ Борисова?

Однако, мѣстный урядникъ, Геранинъ, очевидно, нашелъ «такое дѣяніе преступнымъ», поэтому онъ вмѣстѣ съ 5-ю понятыми, взятыми изъ кабака, подошелъ къ дому Потапова и «сталъ наблюдать за поведеніемъ находящихся въ этомъ домѣ людей».

Любопытство урядника Геранина, конечно, не ограничилось однимъ заглядываніемъ въ окна, и вскорѣ мирное чтеніе Евангелія было прервано внезапнымъ появленіемъ «власти».

— Кто у васъ тутъ пріѣзжій?—строго спросилъ «блюститель» удивленныхъ читателей.

Мѣщанинъ Борисовъ подробно назвалъ свое имя, фамилію и мѣстожительство.

— Паспортъ вашъ?—требовалъ дальше урядникъ.

Мѣщанинъ Борисовъ на это отвѣтилъ, что паспорта у него нѣтъ, по той простой причинѣ, что онъ, уѣзжая въ гости къ дядѣ (который всегда могъ удостовѣрить его личность), не считалъ нужнымъ запасаться видомъ на жительство, да и кромѣ того ему извѣстно, что въ своемъ уѣздѣ паспортъ не обязателенъ.

Урядникъ Геранинъ, авторитетно замѣтивши, что паспортъ необходимъ всегда, когда уѣзжаютъ дальше чѣмъ на 50 верстъ отъ своего мѣстожительства, строго спросилъ Борисова, какую книжку онъ только что читалъ.

И увидѣвши Св. Евангеліе, заявилъ, что непремѣнно по поводу этого чтенія (Св. Евангелія!!.) составитъ протоколъ...

Нечего, конечно, и говорить, какое впечатлѣніе на присутствующихъ произвело такое странное заявленіе Геранина!

Г. Борисовъ не протестовалъ противъ желанія «урядника», хотя былъ очень удивленъ; странно, какъ же это такъ, вѣдь мы не водку пили, не въ карты играли, а между тѣмъ протоколъ... «Странно, сказалъ вслухъ В., если урядникъ вправѣ составлять на меня протоколъ, то почему же послѣ этого въ церквахъ, гдѣ неизмѣнно въ каждый праздникъ читается та же священная книга, не составляется никакихъ протоколовъ!»

— Молчать!!!—закричалъ урядникъ Геранинъ и приказалъ г. Борисову тотчасъ запрягать лошадей и ѣхать домой, угрожая въ противномъ случаѣ посадить его въ общественную караулку...

— За что же?!—спрашиваетъ въ своемъ письмѣ г. Борисовъ,—за то, что читали Св Евангеліе?!

Ночь была темная, дорога нѣсколько верстъ пролегала лѣсомъ, ѣхать жутко... но урядникъ настаивалъ на своемъ, дойдя въ своемъ сумасбродствѣ до того, что даже не далъ г. Борисову поужинать.

И когда приказаніе урядника было исполнено, и г. Борисовъ, сопровождаемый своимъ дядей, выѣзжалъ изъ Ныртовъ, урядникъ и К° съ угрозами было бросились на Борисова, и только быстрая лошадь спасла несчастнаго мѣщанина еще отъ одного готовившагося оскорбленія... («Сам. Газ.» № 58).

Говорить о положеніи евреевъ въ связи съ паспортными стѣсненіями, которыя они испытываютъ, мы считаемъ излишнимъ: настолько положеніе это исключительно. И опять же оно столько же тяжело своими законными рамками, сколько и всей суммой непріятностей, неудобствъ и случайностей, которыя вытекаютъ изъ него, изъ положенія человѣка, всюду и всегда обязаннаго имѣть при себѣ документъ, ограничивающій его свободу передвиженій. Отсутствіе этого документа обращаетъ человѣка въ существо совершенно безправное, беззащитное, съ которымъ можно дѣлать, что угодно. Только на почвѣ такихъ порядковъ возможны случаи, подобные передаваемому «Одесскими Новостями»:

Въ одесскую еврейскую больницу доставлена сильно избитая молодая женщина Шаръ. Послѣ подачи первой медицинской помощи она пришла въ себя и разсказала слѣдующую исторію. Будучи иностранной подданной, Шаръ обратилась съ просьбой къ мѣстной администраціи разрѣшить ей прожить въ Одессѣ до полученія паспорта. Администрація разрѣшила. Между тѣмъ, околоточный надзиратель Михайловскаго уч., Погребнякъ, настойчиво требовалъ отъ нея документа, безъ котораго не разрѣшалъ ей прожить здѣсь и день. Когда она всетаки не уѣзжала, Погребнякъ арестовалъ ее съ 4-мя дѣтьми при участкѣ, гдѣ они голодали весь день. Выпущенная лишь къ вечеру, Шаръ пошла жаловаться мѣстному приставу на дѣйствія надзирателя. Узнавъ объ этомъ, Погребнякъ по-

звалъ къ себѣ женщину и до того ее избилъ, что пришлось препроводить ее въ еврейскую больницу.

Читатель, вѣроятно, уже замѣтилъ, что на заднемъ фонѣ всѣхъ этихъ паспортныхъ исторій неизмѣнно рисуется образъ «кутузки», «общественной караулки», «участка» и тому подобныхъ мѣстъ заключенія, радушно открывающихъ двери для всѣхъ «безпаспортныхъ», кто бы они ни были, дѣйствительно укрывающіе свое имя и званіе или случайные и невольные нарушители законныхъ правилъ. О томъ, что такое мѣста заключенія при городскихъ полицейскихъ участкахъ и какова бываетъ подчасъ судьба временно туда попадающихъ, въ печати было не мало сообщеній. Но состояніе сельскихъ тюремъ, всѣхъ этихъ «караулокъ», «холодныхъ», «темныхъ», которыхъ минуетъ рѣдкій обыватель деревни, даже самый смирный и благонамѣренный, извѣстно гораздо менѣе. Вотъ что пишетъ о нихъ тамбовскій корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» (№ 125).

«Холодныя» вполнѣ оправдываютъ свое названіе. Это, дѣйствительно, большею частью помѣщенія, въ которыхъ въ холодное осеннее и зимнее время температура рѣдко уклоняется отъ нуля въ сторону тепла. По Тамбовскому уѣзду, что, конечно, будетъ примѣнимо безъ ошибки и ко всей Россіи, помѣщенія холодныхъ встрѣчаются двухъ родовъ. Это или отдѣльныя крошечныя избушки, наскоро сколоченныя, едва-едва проконопаченныя, съ поломавшимся и провалившимся поломъ, съ такими щелями въ стѣнахъ, что врывающійся въ нихъ вѣтеръ тотчасъ же тушитъ поднесенную свѣчку, или же холодныя помѣщаются въ самомъ волостномъ правленіи, гдѣ нибудь въ углу за перегородкой. Безъ преувеличенія можно сказать, что наши невинныя тюрьмы-холодныя, въ которыя и садятся всегда самые невинные преступники, а чаще всего даже и не преступники, а просто бѣдняки неплательщики и недоимщики, представляютъ изъ себя едва ли не самый ужасный видъ тюремнаго заключенія. Въ холодныхъ ничего, кромѣ голыхъ стѣнъ, встрѣтить нельзя. Здѣсь никогда не бываетъ ни лавки, ни стола, ни стула, ни постели. Посаженный въ холодную въ полномъ смыслѣ слова ввергается въ темницу. Къ его услугамъ одинъ только полъ, дырявый и холодный, на которомъ едва можно растянуться во всю длину тѣла; въ головы можно класть только собственный кулакъ: заключенному ни подушки, ни постели не полагается. Это въ полномъ смыслѣ отверженный, въ которомъ человѣческая личность рѣшительно и окончательно отрицается. Можно подумать, что наши холодныя при волостныхъ правленіяхъ—мѣста заключенія для самыхъ страшныхъ злодѣевъ и преступниковъ. «Холодныя» въ то же время и «темныя». Наряду съ холодомъ въ нихъ царитъ большею частью и полный мракъ. Есть не мало холодныхъ, въ которыхъ окна совершенно отсутствуютъ. Прибавьте ко всѣмъ этимъ преле-

стимъ спертую и душную атмосферу, и картина будетъ поистинѣ ужасная».

Холодъ, мракъ, духота не составляютъ однако всего зла этихъ тюремъ. Главное зло заключается въ томъ, что человѣкъ, туда брошенный, не обезпеченъ ни отъ какихъ насилій надъ его личностью. Цѣлый рядъ возникшихъ въ послѣднее время судебныхъ процессовъ показываетъ, что въ этихъ «темныхъ» и «холодныхъ», стоящихъ обыкновенно въ сторонѣ отъ другихъ жилыхъ помѣщеній, свободно и невозбранно могутъ чиниться самыя возмутительныя насилія надъ заключенными. Впрочемъ, справедливость требуетъ отмѣтить, что это не есть особенность однихъ сельскихъ тюремъ: порядки городскихъ тюремныхъ помѣщеній не отстаютъ отъ нихъ въ этомъ отношеніи. Возмутительнѣйшій случай передаетъ газета «Уралъ» къ характеристикѣ того обращенія, которое испытываютъ лица, имѣвшіе несчастіе попасть въ тюрьму при мѣстномъ полицейскомъ управленіи.

Въ каталажную камеру барнаульскаго окружнаго полицейскаго управленія привели пьянаго мѣщанина Н. Его втолкнули въ камеру, гдѣ онъ упалъ на полъ и уснулъ. Часовъ въ пять утра старшій дежурный при камерѣ городовой Я. его поднялъ и велѣлъ ему вынести парашку. Н. исполнилъ это безпрекословно. Потомъ Я. велѣлъ ему мыть полъ въ сборной камерѣ. Н. на это отвѣтилъ, что онъ не срочный и не долженъ мыть камеру. Тогда Я. началъ его бить, втолкнулъ въ камеру, гдѣ продолжалъ бить, пинать ногами, потомъ сказалъ арестантамъ, чтобы они били его также. Нѣсколько человѣкъ арестантовъ принялись бить Н., кто какъ могъ: кто— кулаками, кто пиналъ ногами. Этого показалось мало: начали таскать за волосы по полу. Все это время городовой Я. въ дверяхъ поощрялъ бившихъ арестантовъ. Затѣмъ велѣлъ затащить Н. въ сборную камеру, гдѣ битье несчастнаго продолжалось. Тутъ Я. опять оказалъ свою посильную помощь. Наконецъ, все это, должно быть, надоѣло. По распоряженію того же Я., Н. толкнули головой въ парашку и окунули тамъ. Потомъ одинъ изъ арестантовъ началъ мазать лицо Н. мочалкой, которую прежде окунули въ той же парашѣ. Наконецъ, добились того, что Н. вымылъ часть пола. Потомъ его снова втолкнули въ камеру, откуда онъ и былъ освобожденъ часамъ къ 10. (Смол. Вѣстн. № 75).

Послѣ всего этого становится понятною вся жестокость правилъ, благодаря которымъ человѣкъ, случайно утерявшій документъ, не озаботившійся имѣть его при себѣ или не получившій его во время, благодаря паспортной неурядицѣ и волокитѣ, обрекается испытывать всѣ прелести пребыванія въ тюрьмахъ и прохожденія по этапу. Тѣмъ настоятельнѣе выступаетъ передъ нами необходимость скорѣйшаго и рѣшительнаго измѣненія той части нашего свода законовъ, которая говоритъ о преступленіяхъ, вытекающихъ изъ паспортной системы и наказаніяхъ за нихъ. Внимательнаго пере-

смотра требуютъ также наши законы о бродяжничествѣ, излишняя суровость которыхъ влечетъ за собою рядъ житейскихъ драмъ, отнюдь не вызываемыхъ существомъ дѣла. При реформѣ нашей паспортной системы недостаточно обращать вниманіе на ту только сторону ея, которая матеріально отражается на положеніи личности, надо сдѣлать все возможное, чтобы судьба документа, бумаги, не являлась рѣшающимъ моментомъ въ судьбѣ человѣка, живой и чувствующей личности.

«Новое Время» недоумѣваетъ, чему приписать, что ни въ печати, ни въ обществѣ не ощущается живого интереса къ пересмотру крестьянскаго положенія. Вопросъ настолько важный, проникающій въ самое нутро русской жизни, не возбуждаетъ и не волнуетъ общаго вниманія, какъ то было раньше. Явленіе это отмѣчаютъ и другіе органы печати. «Волжско-Камскій Край» пишетъ, напримѣръ, въ одной изъ своихъ передовыхъ: «Въ нашей періодической печати за послѣднее время можно встрѣтить очень обширныя разсужденія по поводу пересмотра «положенія о крестьянахъ». Не смотря на обиліе всякаго рода принципіальныхъ статей по этому вопросу—отношеніе печати къ проектируемой реформѣ въ общемъ, однако, довольно вялое» (№ 357).

Вникая, однако, въ сущность дѣла, указанному отношенію общества и печати къ предположенному пересмотру крестьянскаго положенія удивляться не приходится. Что обѣщаетъ намъ реформа? Детальныя измѣненія въ юридическомъ положеніи крестьянъ на существующихъ основаніяхъ. Въ какомъ направленіи осуществятся эти измѣненія? Ничто не ручается намъ за то, что они будутъ дальнѣйшимъ развитіемъ началъ, положенныхъ въ основу реформы 12 іюня 1889 года. Между тѣмъ, самый фактъ необходимости пересмотра, сознанной самимъ правительствомъ, показываетъ, повидимому, на непригодность этихъ началъ въ цѣляхъ упорядоченія и поднятія общественнаго уровня деревни. Развѣ не имѣлось въ виду при учрежденіи земскихъ начальниковъ, что они введутъ порядокъ и отчетность въ дѣлахъ волостного управленія, усмирятъ вліяніе «горлановъ» и «кулаковъ» на сельскомъ сходѣ, уничтожатъ общественныя растраты и пьянство и проч? Однако, прошло уже 7 лѣтъ, время достаточное для того, чтобы судить, идетъ-ли общественная жизнь деревни впередъ или назадъ, и мы опять стоимъ передъ этими задачами. По прежнему въ волости царитъ вліяніе волостного писаря, по прежнему составъ должностныхъ лицъ сельскаго и волостного управленія оказывается неудовлетворительнымъ, на сходахъ вершатъ дѣла «горлопаны», то и дѣло читаешь въ газетахъ о случаяхъ общественныхъ растратъ и общественныхъ пропитій. И пишутъ объ этомъ тѣ самыя газеты и, можетъ быть,

чаще и болѣе другихъ, которые возлагали такія надежды на вліяніе мѣстной реформы 1889 года,

Что касается насъ, то насъ это нисколько не удивляетъ. Какому уважающему себя и маломальски развитому крестьянину придетъ охота исполнять должность волостного старшины, сопровождаемую значительной отвѣтственностью, но нисколько не гарантирующую его отъ возможности время отъ времени попадать въ тѣ самыя «холодныя», которыя мы описывали выше? Какъ извѣстно, мѣстные представители власти имѣютъ право подвергать не только сельскаго старосту, но и волостного старшину за неисполненіе ихъ требованія административному взысканію, включительно до ареста на 7 дней при полицейскомъ управленіи. И пользуются они этимъ правомъ довольно широко. О сельскихъ же старостахъ вотъ что пишетъ Д. Бородинъ въ «Новостяхъ».

«Что касается сельскихъ старостъ, на которыхъ, главнымъ образомъ, лежитъ вся черная работа крестьянскаго самоуправленія, то крестьяне смотрятъ на эту должность, какъ на тяжелую повинность, и вотъ почему отказы отъ должности старосты составляютъ заурядное явленіе. Сходы избираютъ не лучшихъ, зажиточныхъ, толковыхъ домохозяевъ, а самыхъ посредственныхъ, а иногда и изъ захудалыхъ дворовъ. Намъ приходилось иногда спрашивать крестьянъ: «Зачѣмъ вы избираете такихъ худыхъ людей въ представители села?»—и отвѣтъ былъ одинъ: «Пусть ихъ кормятся, кому-же охота арестантомъ быть». И это явленіе теперь общее: избираютъ повсюду старостъ изъ захудалыхъ крестьянъ, и они «кормятся» на счетъ міра, мѣстныхъ кулаковъ и міроѣдовъ. Должность старосты въ такой степени умалена въ глазахъ крестьянъ, что на исправленіе этой обязанности смотрятъ, какъ на наказаніе, которое можно заслужить только порочнымъ поведеніемъ».

Повидимому, всякая общественная должность должна не только не умалять правъ и достоинства лица, ее принимающаго, но ставить ихъ подъ особую охрану. Но въ сферѣ деревенскаго управленія происходитъ зачастую совершенно обратное. Какой-нибудь почтенный, зажиточный и вліятельный крестьянинъ, пользующійся уваженіемъ не только своихъ односельчанъ, слышитъ отовсюду приличное «вы» даже отъ лицъ недеревенской среды. Но вотъ онъ попадаетъ въ волостные старшины, начальство надъ нимъ приходится считать десятками и все оно, по молчаливому уставу, созданному институтомъ земскихъ начальниковъ и съ успѣхомъ проникающему теперь въ область прочихъ нашихъ судебныхъ учрежденій, начинаетъ «тыкать» его при всякомъ представляющемся случаѣ. Большею частью старшины, въ силу исторически сложившейся привычки, ничего, повидимому, не имѣютъ противъ подобнаго съ ними обращенія, но опять-таки жизнь и время, хотя медленно, дѣлаютъ свое дѣло и въ деревнѣ. Авторъ статьи въ «Приазовскомъ Краѣ» передаетъ свои впечатлѣнія отъ подобнаго обращенія со старшиной, ко-

тораго ему пришлось быть свидѣтелемъ. «Мнѣ случилось, пишетъ онъ, какъ-то быть свидѣтелемъ служебнаго объясненія засѣдателя (нѣчто въ родѣ станового для Россіи) со старшиной. Этотъ послѣдній былъ изъ «первыхъ мужиковъ» въ своемъ селѣ по хозяйственному и умственному уровню: умница во всякомъ дѣлѣ, внушительный на «рѣчахъ», маститый по виду, съ медалью на шеѣ по должности, онъ такъ и просился на картину и, вѣроятно, таковымъ именно рисовалъ въ своемъ воображеніи старшину законодатель, когда создавалъ положеніе о волости. Засѣдатель—юнецъ, въ маленькихъ чинахъ, только-что, волею судебъ, возвышенный изъ положенія, въ которомъ на собственной особѣ долженъ былъ познать всю прелесть «тыканія», дѣлалъ этому въ своемъ родѣ патріарху, въ присутствіи односельчанъ, какое-то внушеніе съ частымъ «ты», и мнѣ, случайному очевидцу этой сцены, бросилось въ глаза, что старшина при словѣ «ты» какъ-то морщился.

Несомнѣнно, что такое третированіе достоинства старшины маленькимъ чиновникомъ, нѣсколько роняетъ престижъ его, старшины, въ глазахъ тѣхъ, надъ кѣмъ онъ поставленъ главенствовать, и ни въ какомъ уже случаѣ не можетъ способствовать укрѣпленію представителя волости «на высотѣ положенія».

Газета замѣчаетъ, что такой чувствительный къ своему личному достоинству типъ крестьянина еще только нарождается, но что, конечно, упомянутый старшина не единственный въ своемъ родѣ. Между тѣмъ этому росту чувства личнаго достоинства въ народѣ отвѣчаетъ совершенно обратное стремленіе подчеркнуть неравноправность между различными общественными слоями даже тамъ, гдѣ по закону она не существуетъ. Мы уже упоминали о томъ, что, по почину Павлоградскихъ земскихъ начальниковъ, обязательное употребленіе «ты» по отношенію къ сторонамъ и свидѣтелямъ изъ крестьянъ, вошло, по словамъ «Юридической газеты», въ практику не только многихъ уѣздныхъ земскихъ начальниковъ, но и мировыхъ и окружныхъ судовъ. При этомъ происходитъ раздѣленіе предсѣдательствующими свидѣтелей и другихъ лицъ, являющихся по дѣламъ на два, такъ сказать, сорта: второй какъ бы худшій составляетъ такъ называемое, «простонародье», отличаемое по крестьянской одеждѣ. Съ этимъ «простонародіемъ» и предсѣдательствующіе, не стѣсняясь, обращаются на «ты», оставляя вѣжливую форму разговора для «перваго» сорта публики. Газета справедливо замѣчаетъ по этому поводу:

«Такое неравенство въ обращеніи суда съ равноправными гражданами, которые должны на судѣ укрѣпляться въ чувствахъ равенства и уваженія къ личности, нельзя не признать явленіемъ отрицательнымъ и не соотвѣтствующимъ высотѣ нашихъ судебныхъ учрежденій. И дѣйствительно, не только публика, но и сами «тыкаемые» явно чувствуютъ неловкость при окрикахъ «на ты», тѣмъ

болѣе, что тутъ-же, на этомъ самомъ судѣ, не только адвокатъ или старшина присяжныхъ, но не рѣдко и боковой членъ суда или товарищъ прокурора задаютъ вопросы тому-же свидѣтелю въ обычно вѣжливой формѣ. Многіе изъ крестьянъ склонны, повидимому, объяснять это несоотвѣтствіе особыми прерогативами предсѣдательской власти, что видно не только изъ ихъ спутанныхъ отвѣтовъ на вопросы предсѣдателя, но и изъ изобрѣтаемыхъ ими по адресу послѣдняго различныхъ титуловъ, въ родѣ «вашего сіятельства», «превосходительства и проч.»

Но помимо общихъ соображеній не трудно видѣть, что это обыкновеніе врядъ-ли отвѣчаетъ какъ духу, такъ и буквѣ закона. Вполнѣ основательно пишетъ Н. Дружининъ: «Ни для какихъ должностныхъ лицъ не можетъ быть повода обращаться къ однимъ подвѣдомственнымъ лицамъ на «вы», а къ другимъ — на «ты», ибо, согласно ст. 718 т. III устава о службѣ гражданской, изд. 1876 г. «никто изъ служащихъ, въ исполненіи возложенныхъ на него обязанностей, не долженъ смотрѣть ни на какое лицо». Званіе и состояніе лицъ, съ которыми должностное лицо входитъ въ сношенія, должны быть для него совершенно безразличны». И далѣе: «Въ рѣшеніяхъ: за 1870 г. № 1625 и за 1874 г. № 694, — уголовный кассаціонный департаментъ сената выразилъ, что обращеніе къ кому либо съ словомъ «ты» можетъ составить наказуемую обиду при наличности того необходимаго для существованія обиды общаго условія, которое заключается въ намѣреніи выразить этимъ словомъ презрѣніе, нанести оскорбленіе. Никто не будетъ утверждать, что для всякаго дворянина «ты» составляетъ обиду, и, наоборотъ, что ни одинъ крестьянинъ или мѣщанинъ не можетъ быть обиженъ обращеніемъ къ нему съ этимъ словомъ. Возможно, что нѣкоторыя лица и высшаго сословія не будутъ обижены этимъ словомъ и также возможно, что лицо низшаго сословія увидитъ себя обиженнымъ имъ. За тридцать пять лѣтъ успѣло въ значительной степени изгладиться дѣйствіе вѣкового приниженія, тяготѣвшаго надъ бывшими крѣпостными крестьянами. Помимо того, отдѣльныя лица изъ среды низшихъ сословій, путемъ самообразованія и благодаря стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ, ушли довольно далеко въ умственномъ развитіи. При такихъ условіяхъ слишкомъ возможны даже нерѣдкіе случаи, когда обращеніе со стороны лица должностного къ лицу низшаго сословія со словомъ «ты» составило бы въ глазахъ послѣдняго прямую обиду и вызвало бы жалобу, которую судъ могъ бы признать вполнѣ основательной. Но, понятно, что занятіе какой бы то ни было должности, не исключая и высшей, не можетъ почитаться уполномочивающимъ на такое обращеніе съ гражданами, которое можетъ вызывать въ нихъ чувство обиды и оскорбленнаго достоинства. Никакое должностное лицо не можетъ, поэтому, почитать себя въ правѣ говорить подвѣдомственнымъ ему лицамъ «ты» и,

въ частности, не можетъ принадлежать подобное право земскимъ начальникамъ» *).

«Вообще теперь довольно принято считать крестьянъ людьми, говоритъ Поль Луи Курье. Но еще далеко до того, чтобы съ ними обращались, какъ съ людьми» **). Въ особенности обычно обращеніе съ ними не какъ со взрослыми людьми, а какъ съ дѣтьми, притомъ дѣтьми, дурно воспитанными, которыя нуждаются въ постоянномъ присмотрѣ и которымъ непозволительно многое изъ того, что доступно взрослымъ. Какъ далеко заходятъ въ этомъ отношеніи лица, принимающія на себя роль опекуновъ и руководителей этихъ малолѣтнихъ, хотя и бородатыхъ дѣтей, наглядно показываетъ слѣдующій случай, происшедшій въ с. Синенькомъ Саратовскаго уѣзда.

«18-го апрѣля синеньскій волостной сходъ вновь выбиралъ старшину на будущее трехлѣтіе. Передъ выборами г. земскій начальникъ заявилъ передъ сходомъ, что онъ, земскій начальникъ, запрещаетъ своею властью выбирать кандидатовъ закрытою подачей голосовъ, такъ какъ, по его мнѣнію, крестьяне не *воспитаны* и еще *не доросли* до такихъ выборовъ; шары же есть ничто иное, какъ *привилегія* высшихъ классовъ. Напрасно протестовали нѣкоторые крестьяне, заявляя, что они «испоконъ-вѣка» выбирали старшинъ шарами, что они привыкли къ такому способу избранія должностныхъ лицъ — выборы всетаки производились открытою подачею голосовъ и принесли, какъ это и можно было предположить, самые неожиданные результаты: избранъ прежній старшина г. Сухоруковъ (который, къ слову сказать, въ предыдущіе выборы боялся даже баллотироваться), и кандидатами—Родіоновъ и Шейкинъ. Родіоновъ въ первые выборы баллотировался въ старшины, но былъ забаллотированъ огромнымъ большинствомъ голосовъ. Такимъ образомъ на сходъ «старики» шли совершеннолѣтними, а возвратились со схода «*недорослями*». Узнали они также, что и неотъемлемая принадлежность крестьянскаго самоуправленія — закрытая подача голосовъ стала привилегіей высшихъ классовъ». (Сар. Дн. № 87).

«Сарат. Дневникъ» сообщаетъ слѣдующій фактъ:

«30 марта крестьяне дер. Медвѣдевки, даниловской вол., аткарскаго уѣзда, собравшись на сельскій сходъ въ количествѣ 90 чел. (изъ 130 домохозяевъ деревни), сдѣлали слѣдующее любопытное постановленіе. Принимая во вниманіе—говорится въ этомъ постановленіи—что «предками нашими введенъ былъ обычай при наемкѣ пастуховъ, въѣзжей квартиры, сельской ямщины, при сдачѣ права на винную торговлю и при другихъ сдѣлкахъ выпивать «могарычъ» и считая обычай этотъ «безнравственнымъ, весьма вред-

*) Н. Дружининъ. Юридическое положеніе крестьянъ. Спб. 1897 г., стр. 270, 274.

**) Сочиненія. Ч. I. Спб. 1897, 16 стр.

ными и разорительными...», «мы, всѣ участвующіе на сходѣ, единогласно постановили: съ настоящаго времени не пить никакихъ общественныхъ могарычей», а взамѣнъ этого «ежегодно взимать деньгами по шести коп. съ каждаго рубля всей договорной и назначенной въ жалованіе суммы: съ наймовъ, сельскаго писаря, пастуховъ, сельской ямщины, общественныхъ караульщиковъ, учителя нашихъ дѣтей, въѣзжей квартиры, а также съ сдачи винной торговли и съ общественныхъ должностныхъ лицъ», оборъ этотъ обращать въ общественный запасный капиталъ, который долженъ храниться въ уѣздномъ казначействѣ».

Упомянутый обычай, прочно въѣвшійся въ практику общественныхъ дѣлъ, поддерживался въ особенности группою міроѣдовъ, получавшихъ, благодаря ему, тѣ или иныя выгоды. Борьба съ нимъ оффиціальнымъ путемъ была совершенно немыслима. Обычай породилъ цѣлую систему ухищреній для отвода глазъ, которыя начали положительно уничтожать всякую возможность провести даже самое незначительное дѣло открыто и по совѣсти. Противъ подобныхъ порядковъ вооружилась группа медвѣдевской молодежи, рѣшившая объявить борьбу противъ этого общественнаго зла и связавшая другъ друга честнымъ словомъ всѣми мѣрами противодѣйствовать общественному пьянству. («Сар. Дн.») № 79). Она то своимъ вліяніемъ и добилась вышеприведеннаго приговора сельскаго схода. Но вотъ какова была дальнѣйшая судьба этого приговора:

Земскій начальникъ, на утвержденіе котораго представлено было постановленіе медвѣдевскаго схода, приговоръ опротестовалъ «въ виду полной его незаконности» и передалъ его въ съѣздъ, при чемъ разослалъ циркулярное извѣщеніе по своему участку о томъ, что общественные могарычи запрещаются, а виновные «какъ въ допущеніи ихъ, такъ и тѣ, которые будутъ въ нихъ участвовать, будутъ подвергаться самому строгому наказанію».

Мы не будемъ уже говорить о томъ, въ какой мѣрѣ протестъ земскаго начальника клонился ко благу ввѣреннаго ему населенія, но сами формальныя основанія его протеста не представляются намъ безспорными. Развѣ сходъ не можетъ постановить отчисленіе въ пользу мірскихъ капиталовъ извѣстнаго % со всякой договорной суммы, вопросъ же объ общественныхъ могарычахъ входилъ лишь въ мотивы приговора.

Больше-ли будутъ пить въ с. Медвѣдевкѣ послѣ строгаго циркуляра земскаго начальника или меньше, покажетъ недалекое будущее. Вообще пріемы борьбы съ пьянствомъ, практикуемые нѣкоторыми земскими начальниками, довольно своеобразны. Такъ, напр., въ Слободскомъ уѣздѣ, Ват. губ., общество Холуницкаго завода, послѣ того, какъ мѣстные винокуры и виноторговцы, гг. Александровы, не изъявили согласія на просимую небольшую прибавку, рѣшило одно торговать виномъ. Хотя въ другихъ мѣстахъ сами

земскіе начальники настаиваютъ на открытіи общественной торговли и руководятъ ею, «но, пишетъ корреспондентъ «Вятскаго Края» (№ 31), у насъ не легко было осуществить это намѣреніе; нашъ земскій начальникъ нѣсколько разъ переспрашивалъ насъ на сходѣ «такъ вы не боитесь торговать одни безъ Александровыхъ?» на что дружно ему отвѣчали: «не боимся».—Общество стало торговать одно, а недовольные Александровы открыли «дешевку», кабачекъ сначала въ деревнѣ Федосѣевской, а за тѣмъ взяли приговоръ на открытіе виноторговли еще поближе къ заводу «въ деревнѣ» или «при деревнѣ» Великопольской. Съ поспѣшностью, для другого дѣла немыслимой, былъ составленъ и утвержденъ приговоръ на этотъ предметъ, причемъ не было обращено вниманіе даже на то обстоятельство, что кабачекъ открытъ не «при деревнѣ», а почти среди поля, на проселочной дорогѣ. За этотъ кабакъ Александровы платятъ обществу 60—70 руб. въ годъ, въ дѣйствительности же не эта, конечно, плата подѣйствовала на допущеніе торговли. *Жалобы на незаконность приговора не были услышаны*, ходатаямъ отъ нашего общества было заявлено, что Александровы сами закроютъ этотъ кабачекъ, если только холуницкое общество для своей виноторговли вино покупать будетъ у нихъ, а не у Савинцева? Но, чтобы покупать вино у Александровыхъ, нужно платить имъ за «обыкновенное» 5 р. 25 к., а у Савинцева за такое же—4 р. 95 к. Выходитъ хоть плачь, да покупай!»

На цѣломъ рядѣ примѣровъ мы наглядно видимъ, какъ общественная самодѣятельность въ деревнѣ оказывается безсильной въ борьбѣ съ укоренившимся зломъ, не находя себѣ поддержки именно тамъ, гдѣ всего скорѣе могла бы ее ожидать. А между тѣмъ, въ ея развитіи несомнѣнно самый дѣйствительный путь къ тому, чтобы благополучно выйти изъ лабиринта деревенскихъ непорядковъ и золъ.

По поводу пересмотра положенія о крестьянахъ вновь поднялись разговоры о всесословной волости. Но, спрашивается, какая возможна всесословная волость, уравненіе разныхъ сословій въ мѣстномъ управленіи, пока деревенская Русь все еще дѣлится на «Русь сѣкомую» и «Русь несѣкомую», когда то, что считается позорнымъ, унизительнымъ, отринутымъ во имя здраваго смысла и справедливости для одной части населенія, сохраняется для другой. Пока существуетъ тѣлесное наказаніе для крестьянства, отмѣненное для всѣхъ остальныхъ классовъ общества, разговоры о сліяніи всѣхъ общественныхъ силъ Россіи во имя устроенія деревенской жизни, поднятія ея благосостоянія и т. п., всѣ эти разговоры отзываются неумѣстной маниловщиной. Жизнь сурова, она не терпитъ лицемѣрнаго примиренія взаимно отрицающихъ отношеній.

Убѣжденіе въ необходимости устранить существованіе двухъ правдъ, изъ которыхъ одна имѣетъ силу по отношенію къ простому народу, другая къ «чистой публикѣ», и замѣнить ихъ одной обще-

человѣческой истиной, проникаетъ, однако, хоть и медленно, въ общественное сознаніе.

Недавно столичныя газеты, пользуясь свѣдѣніями «Нижегородск. Листка» и «Волгаря», отмѣчали, что въ Нижегородской губерніи примѣненіе тѣлесныхъ наказаній, сокращаясь постепенно, доходитъ до минимума, отъ котораго недалеко и до полной отмѣны розги. По уѣздамъ процентное отношеніе приговоровъ о тѣлесномъ наказаніи къ общему числу дѣлъ въ 1890 г. представлялось въ слѣдующемъ видѣ: самое большое число 12½% (въ Лукояновскомъ уѣздѣ), самое меньшее 6% (въ Ардатовскомъ): въ 1895 году maximum—4¹/₁₀ въ Нижегородскомъ уѣздѣ, minimum—2% въ Горбатовскомъ. Если же взять число приговоровъ волостныхъ и исключить приговоры къ тѣлесному наказанію, отмѣненные уѣздными съѣздами и земскими начальниками, то получатся цифры еще болѣе внушительныя: въ 1890 г. самый большой % равнялся 8½, minimum 4, а въ 1895 г. самый большой %—3, самый меньшій—0 (въ Семеновскомъ уѣздѣ). Изъ 249 волостей губерніи въ 37 вовсе не было тѣлесныхъ наказаній за весь разсматриваемый періодъ; въ 56 оно встрѣчается въ видѣ одиночныхъ случаевъ, въ огромномъ большинствѣ остальныхъ волостей числа сокращаются постепенно, иногда большими скачками, по мѣрѣ приближенія къ 1896 г. Семеновскій уѣздъ (наиболѣе крестьянскій) за послѣдніе два года не знаетъ этого наказанія.

Но Нижегородская губернія отнюдь не является первою въ этомъ отношеніи. Нѣкоторые уѣзды Одесскаго градоначальства въ дѣлѣ фактической отмѣны тѣлеснаго наказанія превзошли ее. Такъ «Одесскія Новости» пишутъ объ Одесскомъ уѣздѣ слѣдующее:

«Одесскій уѣздъ, къ счастію, принадлежитъ, къ тѣмъ немногочисленнымъ уголкамъ нашего обширнаго отечества, которые не нуждаются въ оффиціальной отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія: этотъ устарѣвшій способъ наказанія и исправленія окончательно вывелся тамъ. Одесскому уѣздному съѣзду въ лицѣ земскихъ начальниковъ былъ недавно сдѣланъ со стороны высшей администраціи запросъ о томъ, въ какой степени примѣнялось въ одесскомъ уѣздѣ за послѣдніе годы тѣлесное наказаніе. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказывается, что почти съ самаго введенія земскихъ начальниковъ перестали прибѣгать къ розгамъ. На первыхъ порахъ введенія земскихъ начальниковъ было нѣсколько случаевъ наказанія розгами, но впослѣдствіи земскіе начальники стали отмѣнять такіе приговоры. Волостные суды продолжали приговаривать крестьянъ къ розгамъ, но уѣздный съѣздъ, куда эти приговоры обжаловались, отмѣнялъ ихъ, замѣняя розги арестами и денежными штрафами. Прошло два года, и волостные суды перестали уже приговаривать крестьянъ къ розгамъ. За послѣдніе годы не было ни одного случая не только наказанія, но и даже приговора къ розгамъ. Это отрадное явленіе отчасти можетъ быть объясняемо тѣмъ, что большинство земскихъ

начальниковъ одесскаго уѣзда—лица съ высшимъ юридическимъ образованіемъ».

Еще далѣе пошелъ въ этомъ направленіи уѣздъ Бендерскій, корреспондентъ изъ котораго пишетъ:

«За время, со дня введенія въ нашемъ уѣздѣ института земскихъ начальниковъ, тѣлесному наказанію подвергся всего лишь *одинъ человѣкъ*, да и то земскій начальникъ и всѣ высшія инстанціи долго колебались, прежде чѣмъ рѣшились утвердить приговоръ волостного суда. Наказаннаго общество нѣсколько разъ собиралось удалить изъ своей среды. Что касается остальныхъ приговоровъ, то ни одинъ изъ нихъ не былъ утвержденъ къ исполненію, въ виду чего волостные судьи совсѣмъ перестали пользоваться правомъ тѣлеснаго наказанія, предпочитая лучше налагать другія взысканія». (Одес. Нов. № 41).

О. Б. А.

Народно-хозяйственные наброски.

XXXVI. Изъ хозяйственнаго быта татаръ Малмыжскаго уѣзда. — XXXVII. Отхожіе промыслы Смоленской губ.—XXXVIII. Измѣненія площади посѣвовъ и распространеніе улучшенныхъ орудій въ Полтавской губ.

XXXVI.

Намъ доставлена весьма интересная брошюра. Это результатъ подворной переписи, произведенный въ 1895 г. въ одной татарской волости Малмыжскаго уѣзда: *Ѳ. Жирновъ — Очеркъ экономическаго положенія татаръ Кошкинской волости* (Вятка, 1896). Брошюра невелика—50 съ лишнимъ страничекъ съ таблицами—и трактуетъ о хозяйственномъ строѣ на небольшой территоріи, населенной немногочисленнымъ населеніемъ (около 9½ тыс. душъ). Но она очень интересна.

Въ небольшомъ сжатомъ цифирномъ изложеніи авторъ съумѣлъ просто и ясно развернуть картину такихъ условій жизни своего «медвѣжьяго угла», надъ которыми стоитъ серьезно подумать. Для насъ, конечно, не можетъ быть безразлична судьба этихъ 9½ тыс. душъ: вѣдь это-же не 9½ тыс. камней, а человѣческихъ существъ, имѣющихъ свои потребности, стремленія, нуждающихся въ извѣстномъ минимумѣ удобствъ жизни, который нѣсколько отличался-бы отъ уровня потребностей четвероногихъ. Но еще важнѣе, что хозяйственныя причины, обусловливающія нищенское прозябаніе этихъ татаръ, отличаются отъ хозяйственныхъ условій другихъ мѣстностей лишь количественно, а не качественно. Условія эти могутъ быть острѣе или сноснѣе; они могутъ измѣняться быстрѣе или медленнѣе, но причины, ихъ создающія, носятъ болѣе или менѣе всеобщій характеръ, имѣютъ распространеніе далеко за предѣлами Кошкинской волости. Съ этой точки зрѣнія изслѣдованіе г. Жирнова имѣетъ еще большій интересъ. Въ немъ, какъ въ микрокосмѣ, мы можемъ въ маломъ видѣ наблюдать тѣ процессы, которые совершаются въ разныхъ углахъ нашей страны, такъ какъ аналогичныя причины производятъ и аналогичныя слѣдствія. Въ послѣднее время мы стали задаваться вопросомъ о томъ, бѣднѣемъ мы, или, пожалуй, богатѣемъ. Если для кого нибудь это—еще вопросъ, то, конечно, его, дѣйствительно, пора поставить и не худо-бы поторопиться выяснить опредѣленно. Небольшая брошюра г. Жирнова можетъ служить и въ этомъ смыслѣ недурной иллюстраціей и опять-таки—не только для небольшой части Малмыжскаго уѣзда, а для цѣлаго ряда мѣстностей, находящихся въ подобныхъ же хозяйственныхъ условіяхъ.

Къ сожалѣнію, цифирь подворныхъ изслѣдованій мало читается, и занятная брошюра г. Жирнова несомнѣнно находитъ себѣ крайне немногочисленное распространеніе. Поэтому невозможно только указать на эту работу; весьма полезно подѣлиться главнѣйшими изъ ея выводовъ.

Населеніе Кошкинской волости—исключительно земледѣльческое. Промыслы, если и существуютъ, то лишь въ видѣ подсобныхъ занятій. Поэтому основу «благосостоянія» тамъ составляетъ земля. Съ землевладѣнія слѣдуетъ и начать.

Пахатныя земли кошкинскихъ татаръ не плохи. При унавоживаніи онѣ могли бы дать хорошій урожай, такъ какъ почва (сѣрая земля) «даетъ прекрасный эффектъ удобренія и продолжительную отплату его, доходящую до 15 лѣтъ». Но, по недостатку скота, татары могутъ унавоживать ежегодно не болѣе $^1/_{12}$—$^1/_{25}$ парового поля, т. е. «весь циклъ унавоживанія заканчивается въ періодъ 36—75 лѣтъ». И вотъ рядомъ съ этимъ размѣры ихъ землевладѣнія ничтожны. Въ среднемъ на дворъ у нихъ приходится всего 8,1 дес.; эта цифра возвышается въ одной деревнѣ всего до 11,6 дес. и опускается въ другой до 7,2 дес.; землевладѣніе остальныхъ девяти деревень колеблется въ этихъ предѣлахъ. Насколько незначительны эти размѣры надѣловъ, можно видѣть изъ сравненія ихъ съ средними размѣрами надѣловъ другихъ народностей того-же Малмыжскаго уѣзда: у черемисъ—почти 19 дес., у вотяковъ — почти 25 дес., у русскихъ—30 дес., т. е. у вотяковъ—втрое больше, а у черемисъ и русскихъ—почти въ $2^1/_2$ раза больше, чѣмъ у кошкинскихъ татаръ. При сравненіи этихъ данныхъ съ цифрами переписи 1884 г. оказывается, что среднее земельное обезпеченіе двора сократилось за 11 лѣтъ на 1,3 дес. или на 14%, т. е. на $^1/_7$. Въ одной изъ деревень Кошкинской волости оно уменьшилось за тотъ же періодъ на 3,4 дес., что составляетъ 23%, т. е. почти цѣлую четверть землевладѣнія 1884 г.

Таковы среднія данныя. Только что было сказано, что изслѣдованіе г. Жирнова имѣетъ болѣе или менѣе общее значеніе, теперь мы видимъ, что оно касается такой волости, которая надѣлена землей гораздо хуже прочихъ народностей того-же уѣзда. Но въ этомъ нѣтъ противорѣчія: кошкинцы только идутъ впередъ по тому-же пути, по которому слѣдуютъ за ними и нѣсколько болѣе обезпеченныя группы крестьянства. Мы видѣли, какъ быстро таютъ средніе размѣры земельнаго обезпеченія крестьянскаго двора. Въ только что приведенной деревнѣ средній надѣлъ на дворъ равнялся еще въ 1884 г. 15 дес., т. е. лишь немногимъ меньше нынѣшняго надѣла черемисъ, а теперь равняется всего 11,6 дес. При такихъ небольшихъ величинахъ земельнаго фонда уменьшеніе его почти на ¼ въ 11 лѣтъ должно быть признано весьма внушительнымъ.

Слѣдуемъ далѣе за нашимъ авторомъ. Распредѣленіе земли между

отдѣльными группами дворовъ таково: безземельные составляютъ $^1/_{20}$ (5,6%), имѣетъ до 5 дес. — $^1/_5$ (20,9%), отъ 5 до 15 дес. — 63,9% и, наконецъ, болѣе 15 дес.—9,6%. Или, принимая 15-ти десятинную норму на дворъ, видимъ, что обезпечено землей—$^1/_{10}$ домохозяевъ, а необезпечено—$^9/_{10}$. Первая группа составляетъ болѣе богатую часть населенія, «въ рукахъ которой находятся всѣ остальные»; изъ второй группы, какъ упомянуто, 5,6% уже прекратили всякую связь съ землей и живутъ сторонними заработками; «заработалъ на хлѣбъ—ладно, нѣтъ—пошелъ по міру побираться». Остальные домохозяева той-же группы должны или пополнять свои дефициты арендой земли въ послѣднихъ деревняхъ, или промышлять заработками на сторонѣ. Представляетъ, далѣе, большой интересъ сопоставить аналогичныя данныя двухъ переписей на разстояніи 11 лѣтъ—1884 и 1895 гг., что авторъ и дѣлаетъ. Изъ соотвѣтственной таблички оказывается, что число безземельныхъ выросло въ крупномъ размѣрѣ—съ 1,9% на 5,6%, т. е. втрое; увеличилась и численность второй группы (до 5 дес.) на 2,9%, но за то уменьшились обѣ послѣднія: третья (5—15 дес.) на 4,3%, а четвертая—на 2,4%. Уменьшеніе третьей группы сравнительно невелико (4,3% при 68,1%), но обращаетъ на себя вниманіе уменьшеніе послѣдней (съ 12,0% на 9,6%, т. е. на 2,4% или на цѣлую пятую часть). Оказывается, что истекшій 11-лѣтній періодъ, въ составѣ котораго были несчастные 1891 и 1892-й годы, болѣе всего отразился на крайнихъ группахъ и притомъ въ противоположныхъ направленіяхъ: безземельные сильно увеличились въ числѣ, а обезпеченные землей сильно уменьшились. Это показываетъ, что съ теченіемъ времени постепенное объединеніе кошкинцевъ выражается въ перемѣщеніяхъ извѣстной части домохозяевъ изъ старшихъ земельныхъ группъ въ младшія, увеличивая кадры пролетаріевъ и наиболѣе малоземельныхъ. Матеріалъ не выясняетъ, къ сожалѣнію, возникающаго при этомъ интереснаго вопроса о томъ, какія измѣненія претерпѣваетъ наиболѣе многоземельная группа—эти оставшіеся 9,6% домохозяевъ съ 15 и болѣе дес. на дворъ: уменьшаясь въ числѣ, увеличиваетъ-ли она въ то же время свое благосостояніе, концентрируя надѣлы и инвентарь остальныхъ группъ въ своихъ немногихъ рукахъ, или же благосостояніе ея умаляется, подобно прочимъ, но лишь нѣсколько медленнѣе, обладая нѣсколько большей устойчивостью. Безъ отвѣта на этотъ вопросъ картина, начерченная авторомъ, нѣсколько теряетъ въ ясности. Выше уже приведено его выраженіе: «въ рукахъ этихъ дворовъ (9,6%) находится все остальное населеніе»; можно-ли принять это за намекъ въ первомъ смыслѣ?

Пополнять свое малоземелье внѣ-надѣльной арендой кошкинскіе татары не могутъ по отсутствію вблизи казенныхъ, удѣльныхъ и частно-владѣльческихъ земель. Но недостаточность средствъ къ обработкѣ земель заставляетъ малоземельные дворы сдавать часть ихъ надѣловъ болѣе состоятельнымъ домохозяевамъ, т. е. такимъ,

у которыхъ еще имѣется скотъ, орудія и сѣмена. Но такихъ оказывается въ предѣлахъ волости меньше, чѣмъ то было бы нужно сообразно предложенію надѣльныхъ земель въ аренду: берутъ 57 домохозяевъ 224,6 дес., а сдаютъ 102 домохозяина 418,3 дес.. т. е. половина сданныхъ надѣловъ нанимается, очевидно, лицами, живущими внѣ предѣловъ волости. Другими словами, не увеличивая своего землепользованія арендой внѣ-надѣльныхъ земель, кошкинцы уменьшаютъ его сдачей надѣловъ постороннимъ: они такъ обѣднѣли, что имъ не подъ силу обработка даже столь ничтожнаго надѣла...

Таковы земельныя отношенія. Не лучше стоятъ тамъ и платежныя. Лежащіе на кошкинцахъ платежи невелики по сравненію съ окрестнымъ населеніемъ: на дворъ — 10 р. 81 к. (менѣе средняго по уѣзду на 7 р.) или на работника м. п. 8 р. 22 к. (менѣе средняго на 3 р.); но они очень велики по сравненію съ доходностью надѣловъ: на десятину пашни—1 р. 53 к. при средней чистой доходности той же десятины — 1 р. 1 к. «Иначе говоря, крестьяне описываемой волости должны ежегодно приплачивать 52 к. на каждую десятину пашни, которая находится въ ихъ пользованіи. Этотъ недочетъ они должны пополнять посторонними заработками, или же оставлять недоимкою за собою». До переложенія оброчной подати въ выкупные платежи населенію приходилось платить казнѣ въ два раза больше, чѣмъ оно платитъ теперь.

Всѣ эти данныя и лежатъ въ основѣ хозяйства кошкинцевъ. Легко можно предположить, что является въ результатѣ.

Прежде всего, пахота тамъ занимаетъ 82,3% въ составѣ надѣла, т. е. «все, что можно было распахать, уже превращено въ пашню»; лѣса нѣтъ; сохранившійся кое-гдѣ кустарникъ такъ мелокъ, что не годится даже на дрова, и «если онъ сохранился, то только благодаря тому, что площадь, занимаемая имъ, совершенно недоступна для обработки подъ пашню». Топливомъ служитъ ржаная солома; по разсчету автора, для удовлетворенія этой потребности населенію волости нужно 6,4 милл. сноповъ, т. е. вдвое больше того, сколько оно ихъ получаетъ съ своихъ полей. «Прежде зола сбывалась на стекольные заводы, но теперь она бросается, какъ ни къ чему не нужный продуктъ». Это во-первыхъ.

Далѣе, скота у кошкинцевъ почти не существуетъ, не смотря на то, что главнымъ занятіемъ ихъ служитъ земледѣліе... На дворъ у нихъ приходится... *полъ-лошади* (0,5), т. е. въ среднемъ на два двора одна. *Ни въ одной деревнѣ*, входящей въ составъ волости, нѣтъ столько лошадей, сколько дворовъ; въ одной (Ураскина) приходится одна лошадь на три двора. *Всего скота* приходится только 12 головъ на 10 дворовъ. «Если возьмемъ за норму, говоритъ авторъ, что одной лошадью можно обрабатывать 8 дес. пашни, что вполнѣ согласно съ дѣйствительностью, то недостатокъ въ рабочемъ скотѣ выразится въ цифрѣ 737 головъ. Это тотъ минимумъ, который не-

обходимъ населенію Кошкинской волости, чтобы оно могло удовлетворительно обрабатывать свою землю». Больше половины—54,6% домохозяевъ не имѣютъ рабочаго скота; «вспашка ихъ надѣловъ находится въ зависимости отъ того, найдутся или нѣтъ лишнія рабочія лошади у сосѣдей», поэтому всѣ работы ихъ производятся несвоевременно, что не можетъ «не отозваться на производительности полей». Послѣ голоднаго года здѣсь создался особый видъ артелей (изъ 2—3 домохозяевъ), существующихъ на время полевыхъ работъ; одинъ членъ артели имѣетъ лошадь, другой—безлошадникъ; землю обрабатываютъ сообща, сообща жнутъ, кладутъ снопы и пр.; урожай не дѣлится, а каждый получаетъ то, что уродилось на его полосахъ. «Появленіе такихъ артелей весьма характерно, прибавляетъ авторъ; оно свидѣтельствуетъ, что населеніе ищетъ выхода изъ своего тяжелаго положенія». Рогатый скотъ у кошкинцевъ столь-же большая рѣдкость, какъ и лошади: 55,5% домохозяевъ его не имѣютъ и часть ихъ довольствуется козами вмѣсто коровъ... Всякъ стремится помочь себѣ, чѣмъ можетъ...

Въ соотвѣтствіи со всѣмъ сказаннымъ, и обработка земли «характеризуется у кошкинцевъ своей примитивностью». Въ то время, какъ въ сосѣднихъ волостяхъ, получили уже распространеніе сабанъ, однолемешная соха, косуля и желѣзная борона, тамъ еще продолжаютъ работать двуральными сохами и деревянными боронами. «Производство полевыхъ работъ отличается продолжительностью. Когда въ сосѣднихъ волостяхъ пашня кончена, посѣвъ произведенъ, кошкинцы продолжаютъ работать на своихъ поляхъ»; несвоевременная и плохая обработка полей сильно понижаетъ ихъ урожайность. Да и какъ же быть иначе? Мы видѣли, что скота почти нѣтъ, что солома сжигается, слѣдовательно—удобренія взять не откуда, орудія примитивны—по какой же причинѣ улучшаться урожайности?... Далѣе, показателями хозяйственнаго благосостоянія татаръ могутъ служить ихъ постройки. «Извѣстно, что каждый татаринъ средней зажиточности уже не довольствуется одной избой; онъ строитъ себѣ другую избу, бѣлую, въ которой обыкновенно принимаетъ своихъ гостей, состоятельный татаринъ имѣетъ уже нѣсколько избъ». И вотъ при такой бытовой особенности племени весьма характерны данныя о постройкахъ у кошкинцевъ. Изъ нихъ 206 хозяевъ (11,4%) *уже не имѣютъ крова* и живутъ на квартирахъ. «Могутъ-ли вести они хозяйство удовлетворительно—это вполнѣ понятно каждому и здѣсь излишни какіе-либо комментаріи», говоритъ авторъ. Къ этой группѣ примыкаютъ еще 515 хозяевъ (28,5%), которые имѣютъ только по одной избѣ (безъ надворныхъ построекъ). Это—тоже маломощные, не имѣющіе помѣщенія для скота, котораго кстати у «подавляющаго большинства ихъ» вовсе и не оказывается. Двѣ и болѣе избъ съ надворными постройками имѣютъ всего 12,9% домохозяевъ—только они и удовлетворяютъ съ точки зрѣнія

татарскаго быта минимальнымъ требованіямъ средней зажиточности двора; изъ нихъ только 1,6% превышаютъ этотъ минимумъ...

Въ смыслѣ задолженности населенія Кошкинская волость и вообще татарское населеніе уѣзда «пріобрѣло печальную извѣстность». Объ этомъ нѣсколько разъ «говорилось въ губернскомъ и уѣздномъ земскихъ собраніяхъ». По обыкновенію, говорилось «о лѣности татаръ, о ихъ неспособности къ земледѣльческому труду и пр. пр.». Это при 8 дес. на дворъ неудобренной земли и при платежахъ, въ $1^1/_2$ раза превышающихъ доходность пашни... Но фактъ остается въ силѣ. Кошкинцы могутъ пользоваться большой извѣстностью даже въ нашей задолженной странѣ по размѣрамъ своей недоимочности. У нихъ приходится недоимокъ въ среднемъ на дворъ 78,34 руб., на работника 62,78 р., т. е. состоитъ въ недоимкѣ на дворъ *семерной*, а на работника—*восьмерной* ежегодный окладъ. Цѣнность всѣхъ ихъ построекъ *ниже* суммы недоимокъ на 41 тыс. рублей. Очевидно, *такія* недоимки для кошкинцевъ безопасны—взыскать ихъ невозможно... «Эти общіе выводы вполнѣ приложимы къ любому селенію волости, такъ какъ въ распредѣленіи недоимки по отдѣльнымъ селеніямъ нѣтъ рѣзкихъ колебаній». Вотъ ужъ къ кому по истинѣ приложимо выраженіе Лавеле — égalité dans la misère! Безъ малаго половина дворовъ (45,3%) накопила недоимку въ 50—100 р, почти вся другая половина имѣетъ 10—50 р. (23%) и 100—150 р. (24%), 73 двора—150—250 р., только 47 дворовъ—до 10 руб. и, наконецъ, только 20 дворовъ не имѣютъ недоимки. Это—тѣ, которые живутъ торговлей или производствомъ валенокъ, представляя собой хозяевъ-фабрикантовъ.

Наконецъ, вліяніе приведенныхъ хозяйственныхъ условій сказывается и на приростѣ населенія. Въ то время, какъ дѣйствительный ежегодный приростъ для Россіи выражается цифрой—1,44%, у кошкинцевъ онъ не достигаетъ даже 1% (0,3% по среднему разсчету на 37 лѣтъ). Это обстоятельство отчасти объясняется выселеніями изъ предѣловъ волости, начавшимися въ 70 годахъ и продолжающимися до настоящаго времени. Но цифры выселившихся не приведены и потому мы лишены возможности судить о томъ, посколько служатъ причиной указаннаго явленія одни выселенія и посколько—колебанія рождаемости и смертности.

Подспорными занятіями кошкинцевъ служатъ нѣкоторые мѣстные промыслы—валяльный, веревочный, чеботарный, кузнечный, плотничный, портняжій, печной и др. Но значеніе ихъ невелико, если судить по тому, что число занятыхъ въ наиболѣе распространенномъ изъ нихъ — валяльномъ—не превышаетъ 400 человѣкъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, т. е. всего около 4% населенія волости. Промыселъ требуетъ не малыхъ затратъ на сырье (160—350 р.) и на пріобрѣтеніе шерстобитной машины. Затраты эти кошкинцамъ, конечно, не подъ силу и потому кустарей-валеньщиковъ среди нихъ нѣтъ, а всѣ они работаютъ на хозяевъ; «валеньщики всецѣло на-

ходятся въ рукахъ крупныхъ промышленниковъ, которые поставили валяльное дѣло на широкую ногу, завели шерстобитныя машины, особыя мастерскія, въ которыхъ и работаютъ кошкинскіе валенщики».

Шире развиты отхожіе промыслы; въ 1894 г. ими занято было 806 человѣкъ, т. е. 35,7% всѣхъ работниковъ волости. «Понятно, болѣе ⅓ работниковъ уходитъ на сторону не по охотѣ, не по лѣни, а ихъ гонитъ туда, вдаль отъ семьи и родныхъ горькая нужда, заработками на сторонѣ они разсчитываютъ покрыть тотъ дефицитъ, который даетъ земледѣліе». Но и эти надежды сбываются рѣдко. Больше половины ихъ уходятъ въ Пермскую губ. на заводы и угольныя копи, при чемъ въ результатѣ весьма тяжелой работы оказывается чистый заработокъ менѣе 5 р. въ мѣсяцъ, а иногда не окупается даже и стоимость пищи. Случается и такъ: «продастъ домохозяинъ лошадь, часть вырученныхъ денегъ оставитъ дома женѣ на расходы, а другую беретъ съ собой на дорогу, надѣясь, конечно, возвратить эти деньги сторицею. Ушелъ. Проходитъ годъ, другой, денегъ семья не получаетъ, самъ онъ не возвращается домой, такъ какъ *не могъ заработать на дорогу*... И живетъ по нѣсколько лѣтъ, ожидая счастья. «Кто пошелъ уголь копать, тотъ безъ лошади будетъ», говорятъ сами татары. — Кромѣ чернорабочихъ, уходятъ на сторону валенщики и друг. промышленники, переходятъ изъ деревни въ деревню; гдѣ находятъ работу, останавливаются и работаютъ небольшими артелями, изъ хозяйскаго матеріала, на хозяйской пищѣ. Иногда работаютъ просто изъ-за харчей, иногда вырабатываютъ 10—25 руб. въ зиму на человѣка.—Отхожіе смолокуры также не зарабатываютъ часто ничего и не болѣе 6—8 руб. за осень.

На основаніи отзывовъ мѣстныхъ жителей, авторъ сообщаетъ, что до 60-хъ годовъ татары жили «хорошо»: «хлѣбъ родился, работа была дома, лучше жили». Эти отзывы «старожиловъ», конечно, можно принимать къ свѣдѣнію обыкновенно «подумавши». Золотой вѣкъ всегда рисуется назади. Но въ данномъ случаѣ есть нѣкоторые объективные признаки, по которымъ можно думать, что дѣйствительно благосостояніе кошкинцевъ было гораздо лучше нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ. «Масса новинныхъ земель, имѣвшихся въ распоряженіи населенія, сильно повышала урожайность ихъ полей». Это разъ. Во-вторыхъ, въ уѣздѣ существовало китаечное и кумачное производство, дававшее не малый заработокъ населенію въ зимній сезонъ, въ свободное отъ земледѣльческихъ работъ время. Но съ 60-хъ годовъ производство это стало быстро сокращаться, вслѣдствіе развившейся конкурренціи ситца, и уничтожилось въ началѣ 70-хъ годовъ. Освободившіеся рабочіе принялись за мѣстные и отхожіе промыслы. Но мы только-что видѣли, насколько ничтожны подспорные заработки, доставляемые тѣми и другими. И вотъ въ 1872 г. кошкинцы впервые обратились въ

земство за продовольственной ссудой. Съ тѣхъ поръ, «цѣлый рядъ лѣтъ населеніе продовольствуется на счетъ земства», а обѣднѣніе его прогрессивно увеличивается. Утѣсненіе въ землѣ возрастаетъ, размѣры надѣловъ уменьшаются до ничтожной величины, почва истощается, возстановлять ея плодородіе становится нечѣмъ, соотношеніе между ея доходностью и платежами прогрессивно увеличивается. Отсюда скотоводство уничтожается, работать становится нечѣмъ, удобрять нечѣмъ, приходится замѣнять коровье молоко козьимъ; орудія остаются на примитивной ступени своего развитія; постройки сокращаются; часто уничтожается кровъ для скота и даже для людей; задолженность принимаетъ громадные размѣры; первыя потребности населенія удовлетворяются все хуже и хуже, часть населенія ищетъ лучшихъ условій жизни на сторонѣ, приростъ его уменьшается.

Таковъ въ общихъ чертахъ смыслъ картины, нарисованный г. Жирновымъ. И надо ему сказать за это большое спасибо не только потому, что онъ познакомилъ насъ съ интересными деталями быта одного изъ нашихъ заброшенныхъ угловъ, но также и потому, что его схема вѣрна также и для массы другихъ «угловъ». Въ самомъ дѣлѣ, развѣ только у однихъ кошкинцевъ можно найти ничтожные размѣры надѣловъ при высокихъ платежахъ и при небольшомъ развитіи промысловъ? А вѣдь въ этомъ и заключается корень всѣхъ прочихъ явленій, которыя выяснились изъ неумолимыхъ цифръ нашего автора...

XXXVII.

Въ прошломъ году намъ пришлось на страницахъ нашего журнала бесѣдовать съ читателемъ объ отхожихъ промыслахъ. Мы сдѣлали попытку тогда сгруппировать относящіяся къ нимъ данныя земской статистики, чтобы пролить нѣкоторый свѣтъ на это важное народно-хозяйственное явленіе нашей страны, къ тому-же — мало изученное. Съ тѣхъ поръ наша литература обогатилась нѣсколькими изслѣдованіями того-же предмета. Почти одновременно появились работы гг. Кудрявцева, Пономарева, кн. Шаховского, давшія немало новыхъ фактовъ и обобщеній. Не со всѣми ими, конечно, можно соглашаться, о многомъ можно-бы поспорить, но названныя монографіи явились все-же какъ нельзя болѣе во время, такъ какъ много способствуютъ знакомству съ этой мало извѣстной стороной нашей экономики.—Въ послѣднее время появилось еще одно изслѣдованіе, спеціально касающееся того-же явленія въ одной изъ губерній: *Д. Н. Жбанковъ—Отхожіе промыслы въ Смоленской губ. въ 1892—95 г.* (*Смоленскъ, 1896, изд. Смол. Губ. Земства*). Эта работа имѣла-бы большой интересъ даже въ томъ случаѣ, еслибы наша литература по отхожимъ промысламъ была гораздо богаче нынѣшней. И это по двумъ причинамъ, во-первыхъ, по имени по-

чтеннаго автора, давно работающаго надъ изученіемъ этого вопроса, а во-вторыхъ, потому, что именно Смоленская губ. принадлежитъ къ числу тѣхъ, гдѣ отхожіе промыслы развиты особенно сильно и гдѣ ихъ изученіе представляетъ особенный интересъ. Въ табличкѣ, приложенной къ упомянутой нашей статьѣ, 6 уѣздовъ Смоленской губ. занимаютъ *первое* мѣсто среди 131 уѣзда, о которыхъ свѣдѣнія тамъ приведены, потому что еще въ половинѣ 80-хъ годовъ (при земско статистическомъ изслѣдованіи) оттуда отправлялась въ отхожіе промыслы наибольшая часть муж. рабоч. населенія ($42^1/_2$%).—По этимъ причинамъ изслѣдованіе г. Жбанкова заслуживаетъ того, чтобы остановить на немъ вниманіе читателей.

Начнемъ съ того, что и Смоленской губерніи свойственно то явленіе, которое признано нами всеобщимъ для всей Россіи: отхожіе промыслы въ ней въ періодъ 1875—95 гг. «постоянно и значительно возрастаютъ». Уменьшеніе ихъ замѣчено только въ $^1/_6$ части волостей (17,1%), а въ $^4/_5$ (80,2%) они увеличиваются. Въ шести уѣздахъ ихъ 12 (Вяземскій, Рославльскій, Ельнинскій, Краснинскій, Сычевскій и Смоленскій) возрастаніе отхода наблюдается почти во всѣхъ волостяхъ (91%—100%), въ другихъ пяти—болѣе чѣмъ въ $^7/_{10}$ волостей (72,4%—80%) и только въ одномъ Порѣчскомъ уѣздѣ количество волостей съ возрастающимъ отходомъ невелико (11,7%). Ко всему этому необходимо прибавить весьма важное наблюденіе г. Жбанкова: наибольшій отходъ въ губерніи былъ въ 1895 г., т. е. именно въ послѣдній изъ годовъ, которыхъ касалось изслѣдованіе. Стало быть, причины, обусловливающія возникновеніе и развитіе отхожихъ промысловъ, продолжаютъ дѣйствовать въ Смоленской губ. безпрерывно и значеніе ихъ, повидимому, продолжаетъ увеличиваться. Причинъ этихъ г. Жбанковъ почти не касается, но въ упомянутой статьѣ мы старались ознакомиться съ ними и видѣли, что главнѣйшія изъ нихъ коренятся въ разстройствѣ земледѣльческаго крестьянскаго хозяйства въ мѣстахъ, откуда выходятъ отхожіе промышленники.

Заслуживаетъ, далѣе, серьезнаго вниманія слѣдующій выводъ нашего автора. Мы говорили ранѣе, что женскій отходъ развивается позднѣе мужского. По наблюденіямъ И. М. Красноперова въ Тверской губ., женщина является въ этомъ случаѣ, такъ сказать консервативнѣе мужчины; хозяйка и ея дочери долго не покидаютъ своей избы, своего хозяйства, когда ихъ отцы, мужья и братья уже давно ищутъ заработковъ на сторонѣ; женщины начинаютъ слѣдовать ихъ примѣру лишь тогда, когда ни интересы домашняго хозяйства, ни опасенія за порчу нравовъ женщинъ и дѣвушекъ не въ состояніи превозмочь рѣшительной необходимости въ подспорномъ отхожемъ заработкѣ всѣхъ членовъ семьи. Согласно этимъ наблюденіямъ, развитіе женскаго отхода можетъ служить показателемъ болѣе глубокаго хозяйственнаго разстройства деревенскаго на-

селенія, чѣмъ развитіе одного мужского. Поэтому данныя г. Жбанкова о женскомъ отходѣ Смоленской губ. представляютъ немалый интересъ. Въ 1895 г. тамъ выдано было болѣе 140 т. паспортовъ *) изъ которыхъ почти 26 тыс. было выдано женщинамъ (3,6% женскаго населенія губерніи). Такимъ образомъ, мужской отходъ еще въ 4½ раза больше женскаго, хотя приведенная абсолютная цифра представляется уже довольно значительной. Характерно, однако, вотъ что. По продолжительности отлучки всѣ ушедшіе въ указанномъ году распредѣляются такъ:

			мужчины:	*женщины:*
на	5	лѣтъ	0,3%	0,8%
»	1	годъ	26,7 »	40,4 »
»	½	года	42,8 »	36,7 »
»	1—3	мѣсяца	30,1 »	22,1 »

Получается весьма интересный выводъ, подтверждаемый и детальной разработкой тѣхъ-же цифръ по отдѣльнымъ уѣздамъ: женскій отходъ во всей губерніи *продолжительнѣе* мужского. Число паспортовъ, выданныхъ на большіе сроки—5 лѣтъ **) и одинъ годъ, относительно выше у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ. Только четверть съ небольшимъ отхожихъ промышленниковъ воспользовались долгосрочными паспортами, но болѣе ⅖ промышленницъ. И наоборотъ, краткосрочныя отлучки относительно больше распространены среди мужчинъ, чѣмъ среди женщинъ. Выводъ этотъ усиливается еще тѣмъ соображеніемъ, что среди послѣдней группы женщинъ далеко не всѣ идутъ на заработки: билеты на 1—3 мѣсяца берутся женщинами часто для путешествій на богомолье въ отдаленныя мѣстности. «Женщинѣ труднѣе выбраться изъ деревни и уходятъ изъ нихъ преимущественно безсемейныя, бездѣтныя, безземельныя»—и, можно прибавить, изъ захудалыхъ дворовъ; «уходя при такихъ условіяхъ, женщины должны дольше оставаться на сторонѣ, а многія изъ нихъ, разъ ушедши въ городъ, совсѣмъ прерываютъ всякую связь съ деревней; не нужно забывать, что и дорога для женщинъ дается труднѣе; при сравнительно меньшемъ заработкѣ женщинъ, имъ нужно дольше прожить на сторонѣ, чтобы окупить стоимость дороги» (18).

*) Не считая вторыхъ и третьихъ лицъ, уходящихъ по семейнымъ паспортамъ, говоритъ авторъ, мы фиктивно уменьшаемъ число уходящихъ; съ другой стороны, принимая всѣ повторные паспорты, какъ выданные новымъ лицамъ, мы фиктивно увеличиваемъ число уходящихъ; эти неточности взаимно парализуютъ другъ друга и общее число паспортовъ, записанныхъ въ паспортныя книги въ волостяхъ, довольно вѣрно выражаютъ дѣйствительное число уходящихъ изъ губерніи (стр. 2—3).

**) «Вѣроятно, только недавнее введеніе долгосрочныхъ паспортовъ было причиною того, что всѣ, подолгу отсутствующіе, не выправляли въ 1895 г. пятилѣтнихъ паспортовъ; въ будущемъ число этихъ паспортовъ должно значительно увеличиться» (17).

Заслуживаетъ большаго вниманія замѣчаніе г. Жбанкова о связи, существующей между развитіемъ отхожихъ промысловъ съ одной стороны и брачностью и рождаемостью, съ другой. При средней брачности сельскаго населенія въ Смоленской губ. 1,0% въ наиболѣе отхожихъ уѣздахъ Сычевскомъ и Гжатскомъ цифра эта опускается до 0,7% и 0,6%; цифра средней рождаемости въ губерніи 5,74% падаетъ въ тѣхъ-же уѣздахъ до своей минимальной величины 4,31% и 3,73%. Связь между обѣими серіями явленій очевидно существуетъ, отходъ способствуетъ сокращенію брачности и рождаемости. Слѣдуетъ выразить большое сожалѣніе по поводу того, что авторъ такъ мало остановился на этихъ зависимостяхъ, имѣющихъ особенно важное значеніе для изученія общественной роли отхожихъ промысловъ. Едва-ли ему слѣдовало останавливаться на той вполнѣ понятной истинѣ, что брачность, рождаемость и смертность колеблется въ зависимости не отъ одной только величины отхода—въ этомъ никто не сомнѣвается. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы нельзя было прослѣдить вліяніе его на движеніе населенія болѣе детально, чѣмъ это сдѣлано авторомъ. Въ табличкѣ на стр. 6, допущенъ такой пробѣлъ, который исключаетъ возможность пользованія ею: не указано въ какомъ порядкѣ (возрастающемъ или убывающемъ) расположены уѣзды по остальнымъ тремъ признакамъ, кромѣ отхода. Относительно рождаемости и брачности можно лишь *догадываться*, что уѣзды расположены въ возрастающемъ порядкѣ; относительно-же смертности читатель не въ правѣ даже сдѣлать никакой догадки.

Большей детализаціи и обработки матеріала нужно-бы ожидать отъ автора врача и по вопросу о вліяніи отхожихъ промысловъ на заболѣваемость населенія. Въ работѣ г. Жбанкова, къ сожалѣнію, мы далеко не встрѣчаемъ того изслѣдованія этого вопроса для Смоленской губ., какое даютъ напр. работы гг. Тезякова и Кудрявцева для Херсонской. Отдѣльныя указанія, однако, имѣютъ и здѣсь немалую цѣну. Такъ, «*время* отсутствія мужчинъ изъ дому оказываетъ значительное вліяніе на время зачатій и распредѣленіе рожденій въ деревняхъ по временамъ года; время рождаемости въ свою очередь сильно вліяетъ на большую болѣзненность и смертность дѣтей. Дѣти, рожденныя весной и въ началѣ лѣта, еще весьма слабыми подпадаютъ подъ усиленную лѣтнюю дѣтскую смертность и, конечно, рискуютъ погибнуть скорѣе, чѣмъ дѣти, рожденныя осенью и, слѣдовательно болѣе окрѣпшія къ сезону лѣтней дѣтской смертности». «*Мѣсто* отхода и *занятія* уходящихъ оказываютъ очень значительное, но менѣе уловимое вліяніе; тѣ деревни, которыя отпускаютъ своихъ жителей въ города ради ремеслъ и другихъ постоянныхъ занятій, дающихъ хорошій заработокъ, гораздо состоятельнѣе..., тогда какъ селенія, изъ которыхъ идутъ на «авось», для всѣхъ такъ называемыхъ черныхъ работъ, дающихъ небольшой заработокъ.., по благосостоянію нерѣдко уступаютъ осѣдлымъ деревнямъ. *Составъ*

уходящихъ на заработки, т. е. идутъ-ли одни взрослые мужчины, или также дѣти и женщины, несомнѣнно также отражается на физическомъ развитіи, культурѣ и вообще благосостояніи населенія данной мѣстности; значительный женскій отходъ способствуетъ неправильной половой жизни среди уходящихъ; отходъ подростковъ и дѣтей, особенно при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, какъ житье въ столичныхъ подвалахъ или работѣ на рыбьихъ промыслахъ и пр., несомнѣнно ведетъ къ тому, что эти такъ рано начавшіе отходчики по физическому развитію будутъ уступать своимъ деревенскимъ сверстникамъ» (8—9).

Поволостная таблица, приложенная къ работѣ г. Жбанкова, показывающая, *куда* направляется отходъ смолянъ, даетъ весьма пеструю картину. Она показываетъ, какъ сильна должна быть потребность въ удовлетвореніи насущнѣйшихъ потребностей этихъ 150 т. человѣкъ, разбрасывающая ихъ по всей территоріи страны въ поискахъ за заработками, заставляющая ихъ приспособляться къ всевозможнымъ климатамъ, нравамъ и обычаямъ разноплеменныхъ давальцевъ имъ работы, живущихъ на тысячи верстъ одни отъ другихъ, обучаться самымъ разнохарактернымъ профессіямъ, не имѣющимъ часто ничего общаго съ тѣмъ основнымъ занятіемъ—земледѣліемъ, въ которомъ они и отцы ихъ родились и выросли. Отхожіе промышленники направляются изъ Смоленской губерніи, конечно, чаще всего въ ближайшіе крупные промышленно-торговые центры — Петербургъ, Москву, Ригу; затѣмъ, они ищутъ себѣ заработковъ въ сосѣднихъ губерніяхъ; наконецъ, массами двигаются они въ мѣста весьма отдаленныя—въ Кіевъ, Кіевскую и Подольскую губ., въ Новороссію (особенно часто упоминаются заводы и копи Екатеринославской губ., Одесса, Керчь, другія мѣстности Херсонской и Таврической губ., Ростовъ-на-Дону), въ Сухумъ, на Кавказъ, въ Сибирь (не только въ качествѣ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, но и для плотничныхъ, каменотесныхъ и пр. работъ). Итакъ: Петербургъ и Кавказъ, Рига и Сибирская ж. д...

Чаще всего смоляки направляются на фабрики и заводы, въ столицы и въ московскій промышленный районъ. Второй по распространенности группой спеціальностей называютъ услуги разнаго рода (прислуга, дворники и т. п.); затѣмъ слѣдуютъ плотники, пильщики, чернорабочіе, занимающіеся сплавомъ лѣса, плотовъ, дровъ, барокъ, земляными работами, каменьщики, каменотесы, мраморщики, бетонщики, мастеровые, рабочіе на желѣзныхъ дорогахъ, сахарныхъ заводахъ, земледѣльческіе, кирпичники, льнотрепальщики, извозчики, грузчики, крючники, рогожники, рыболовы и друг.

Приведенныя личныя изслѣдованія автора дополнены имъ нѣсколькими выдержками изъ газетныхъ сообщеній о смоленскихъ отхожихъ промыслахъ. Эти описанія представляли бы большой интересъ, если бы можно было поручиться за ихъ достовѣрность. Свѣдѣнія о бытовой сторонѣ отхода, напр., въ работѣ г. Тезякова до-

быты на основаніи массоваго опроса многихъ тысячъ рабочихъ и потому безспорно служатъ важнымъ матеріаломъ для изученія промысла. Иное отношеніе вызываютъ къ себѣ стр. 74—78 труда г. Жбанкова. Насколько, напр., можно довѣрять корреспонденту «Смоленскаго Вѣстника», когда онъ разсказываетъ, будто нѣкоторые отхожіе смоляне успѣли нажить себѣ капиталы въ 5—20 тыс. рублей «исключительно» перевознымъ промысломъ на Невѣ? Кто можетъ обосновать это «исключительно?» Или: вѣрно ли сообщеніе изъ Дорогобужа о томъ, что мѣщане этого города, «одѣвшись въ лохмотья и замѣнивъ сапоги рваными лаптями, на тощей клячѣ, впряженной въ развалившуюся телѣжку» отправляются въ профессіональное нищенство по деревнямъ, когда крестьяне начнутъ обмолачивать хлѣбъ? Какъ-то непонятно выходитъ: будто эти мѣщане и «тощую клячу», и «развалившуюся телѣжку» держатъ только для этого случая... а можетъ быть, у нихъ другихъ-то и нѣтъ? Казалось бы, что работа г. Жбанкова много выиграла бы, если бы почтенный авторъ вовсе не включалъ въ нее этихъ рискованныхъ страницъ.

XXXVII.

Въ заключеніе нѣсколько интересныхъ сообщеній о крестьянскомъ земледѣліи въ Полтавской губерніи, сообщаемыхъ мѣстнымъ земскимъ «Обзоромъ сельскаго хозяйства за 1895 годъ». Измѣненія, совершающіяся въ этой области, регулируются теперь главнымъ образомъ паденіемъ хлѣбныхъ цѣнъ, какъ важнѣйшимъ факторомъ той части нашего земледѣлія, которое работаетъ на рынокъ. Отмѣтить имѣющіяся на этотъ счетъ наблюденія и представляется нужнымъ въ виду того интереса, который возбудился у насъ къ этому предмету въ послѣднее время. Выгодной особенностью названнаго «Обзора» въ данномъ случаѣ служитъ то обстоятельство, что, говоря о крестьянскомъ хозяйствѣ, онъ различаетъ разныя группы крестьянства, на которыя оно распадается по своему достатку, а не трактуетъ его, какъ однородное цѣлое, всѣ члены котораго имѣютъ совершенно одинаковые хозяйственные интересы, какъ это часто дѣлается въ аналогичныхъ изданіяхъ. Такое смѣшеніе довольно дифференцированныхъ уже въ настоящее время элементовъ, изъ которыхъ состоитъ теперь сельская земледѣльческая масса, только затемняетъ истинный характеръ процессовъ, совершающихся въ нашемъ современномъ хозяйствѣ. Изучать каждый изъ нихъ и всю ихъ совокупность въ ихъ взаимодѣйствіи можно лишь путемъ анализа вліяній, оказываемыхъ ими на интересы каждой изъ упомянутыхъ группъ въ отдѣльности.

Итакъ, посмотримъ, какія новыя фактическія наблюденія даетъ намъ названный «Обзоръ».

Многочисленныя отзывы корреспондентовъ, читаемъ мы въ немъ, устанавливаютъ фактъ, что въ хозяйствахъ *средне и малосостоя-*

тельных крестьянъ, высѣвающихъ хлѣбъ главнымъ образомъ для своего продовольствія и вообще для нуждъ своего хозяйства, площадь посѣва яровыхъ хлѣбовъ на своей землѣ весьма мало измѣнилась. Сокращеніе сказанной площади замѣчено, правда, въ нѣкоторыхъ, хотя и немногихъ мѣстахъ (въ семи волостяхъ четырехъ уѣздовъ). Между другими причинами этого послѣдняго явленія корреспонденты указываютъ и на низкія хлѣбныя цѣны: «не смотря на обильный урожай 1894 г., крестьянамъ приходилось при существующихъ низкихъ цѣнахъ продавать значительное количество хлѣба главнымъ образомъ на уплату различныхъ повинностей, а отчасти и на необходимыя потребности своего хозяйства; поэтому у нѣкоторыхъ хозяевъ не хватило своего хлѣба не только на обсѣмененіе, но даже и на продовольствіе». Но, повторяемъ, такія сообщенія получены были изъ небольшого количества мѣстностей губерніи. Остальные «относительно часто наблюдавшіеся случаи сокращенія запашекъ» у крестьянъ ярового и даже озимого хлѣба замѣчены у «зажиточныхъ, многоземельныхъ хозяйствахъ», работающихъ хлѣбъ для продажи; угнетенное состояніе хлѣбнаго рынка отразилось на нихъ уменьшеніемъ площади посѣвовъ зерновыхъ хлѣбовъ и стремленіемъ развивать иныя культуры, на которыя не распространяется дѣйствіе паденія цѣнъ на хлѣбъ. Такъ, у нихъ наблюдается расширеніе посѣвовъ масляничныхъ растеній, цѣны на продукты которыхъ обѣщаютъ большія денежныя выгоды. Къ такимъ главнымъ образомъ относится ленъ. Важно при этомъ отмѣтить, что этотъ зажиточный слой крестьянства сходится въ данномъ случаѣ съ владѣльческимъ хозяйствомъ, относительно котораго изъ восьми уѣздовъ получены свѣдѣнія, что оно по тѣмъ же причинамъ начало усиленно заниматься въ послѣдніе годы культурой масляничныхъ растеній; и у нихъ на первомъ мѣстѣ стоитъ ленъ, а затѣмъ яровой рапсъ и рыжей, наконецъ—подсолнухъ и макъ. Владѣльцы расширяютъ при этомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на счетъ ярового поля кормовую площадь, занявъ часть этого поля сѣнокосомъ, а часть—пастбищемъ для скота. Этого, очевидно, не можетъ дѣлать въ массѣ даже зажиточный слой полтавскаго крестьянства.

Такъ стоитъ дѣло на надѣльной землѣ. Что касается до съемной, то площадь яровыхъ крестьянскихъ посѣвовъ на ней «безусловно и довольно значительно сократилась». Весьма жаль, что составители «Обзора» не расчленили въ данномъ случаѣ движенія денежныхъ и натуральныхъ арендъ, такъ какъ вліяніе низкихъ цѣнъ на обѣ эти формы найма земли существенно различны между собой. Надо предполагать, что рѣчь идетъ здѣсь только о денежныхъ арендахъ. «Многіе корреспонденты, говоритъ «Обзоръ», по отдѣльнымъ уѣздамъ положительно утверждали, что въ этомъ году, не смотря на *пониженіе* съемной платы за землю, среди крестьянъ встрѣчалось весьма мало желающихъ нанимать землю подъ посѣвъ яровыхъ хлѣбовъ; замѣченное явленіе объяснялось тѣмъ, что при

существующихъ низкихъ цѣнахъ на крестьянскую пшеницу (30—35 к. за пудъ) и на ячмень (15—18 к.) производство этихъ хлѣбовъ на чужой землѣ положительно убыточно для съемщиковъ. Судя по указаніямъ нѣкоторыхъ корреспондентовъ, если крестьяне и нанимали въ этомъ году землю, то въ большинствѣ случаевъ для посѣва масличныхъ растеній, преимущественно подъ посѣвъ льна, затѣмъ рапса, отчасти рыжея». Изъ четырехъ уѣздовъ (Пирятинскаго, Лубенскаго, Хорольскаго и Золотоношскаго) получено составителями «Обзора» особенно много сообщеній объ увеличеніи культуры этихъ растеній у крестьянъ. Изъ этой выдержки можно видѣть, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о наймѣ земли не для потребительныхъ, а для рыночныхъ цѣлей. Выше было указано, что только болѣе состоятельный слой полтавскаго крестьянства принялся за культуру масляничныхъ растеній, обѣщающихъ при реализаціи урожая большія денежныя выгоды. Теперь мы видимъ, что это теченіе приняло настолько значительные размѣры, что этотъ слой, не смотря на свое сравнительное многоземеліе, считаетъ выгоднымъ даже принанимать земли для той же цѣли. «Даже на своихъ «подметахъ» эти домохозяева посѣяли въ 1895 г. больше льна, чѣмъ конопли». Что же касается до найма земли подъ зерновые хлѣба, то *не смотря на паденіе арендныхъ цѣнъ*, онъ значительно сократился. Денежныя арендныя цѣны сократились. Казалось бы, наемъ земли сталъ выгоднѣе съемщикамъ. На самомъ дѣлѣ обнаруживается обратное явленіе: денежный съемъ сокращается, значитъ, паденіе хлѣбныхъ цѣнъ глубже, чѣмъ паденіе арендныхъ. Очевидно, работа хлѣба на рынокъ для состоятельнаго слоя крестьянства при этихъ условіяхъ невозможна. Средніе и малосостоятельные крестьяне, арендующіе для потребительныхъ цѣлей, также не могутъ развивать своихъ *денежныхъ* арендъ. Вѣдь для взноса арендной платы въ 1 р. *до* паденія цѣнъ на хлѣбъ имъ приходилось выносить на рынокъ x пуд. хлѣба, а *послѣ* паденія—приходится выносить *2* x или около этого. Вотъ причины, которыми вполнѣ удовлетворительно объясняется приведенное сообщеніе Полтавскаго «Обзора». Но дальше, къ сожалѣнію, его свѣдѣнія не идутъ. Для удовлетворенія потребности въ хлѣбѣ для себя, семьи, для хозяйства и въ виду удешевленія найма земель эти слои крестьянства, очевидно, могутъ развивать не безъ выгоды для себя натуральныя аренды. Это въ самомъ дѣлѣ и наблюдается въ другихъ мѣстахъ; напр., такія сообщенія мы получаемъ изъ «Обзора» по Нижегородской губ. за тотъ же 1895 г. Было бы весьма желательно, чтобы Полтавское бюро нашло возможнымъ выяснить фактическое положеніе этого вопроса въ своей губерніи въ послѣдующихъ выпускахъ своего «Обзора».

Въ томъ же изданіи находимъ свѣдѣнія о распространеніи среди крестьянъ полтавщины улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій. Опять же существенный интересъ этихъ свѣдѣній заключается въ

томъ, что въ нихъ разграничены данныя, касающіяся разныхъ слоевъ крестьянства, что опять-таки почти никогда не встрѣчается въ соотвѣтствующихъ сборникахъ. Сообщенія о дѣятельности тѣхъ или другихъ земствъ по снабженію сельскаго населенія земледѣльческими орудіями почти всегда именно и страдаютъ тѣмъ крупнымъ недостаткомъ, что по нимъ нельзя съ точностью судить, кому именно фактически помогаетъ земство, достигаетъ-ли земская помощь именно къ тѣмъ, для кого она необходимѣе всего. Въ тѣхъ уѣздахъ Полтавской губерніи, гдѣ земскіе склады орудій производили продажу безъ разсрочки платежа, распространеніе земледѣльческихъ орудій подвигается вообще весьма медленно. Въ Лохвицкомъ и Роменскомъ уѣздахъ крестьяне пашутъ по большей части простыми деревянными плугами; безденежье и отсутствіе кредита не позволяютъ пріобрѣтать другіе. Поэтому улучшенныя орудія доступны тамъ пока исключительно зажиточнымъ хозяевамъ. Иначе дѣло стоитъ въ тѣхъ уѣздахъ Полтавской губерніи, гдѣ крестьяне имѣютъ возможность пріобрѣтать орудія въ земскихъ складахъ не только по болѣе дешевой цѣнѣ, но и на болѣе льготныхъ условіяхъ, т. е въ кредитъ съ разсрочкой платежа на 6 мѣсяцевъ безъ процентовъ. «Почти въ каждомъ» изъ такихъ уѣздовъ «встрѣчаются теперь цѣлыя селенія, гдѣ желѣзные плуги, бороны и рала въ крестьянскихъ хозяйствахъ не только преобладаютъ надъ числомъ такихъ же деревянныхъ орудій, но составляютъ достояніе почти каждаго хозяина». Какъ же справляются съ покупкой такихъ орудій малоимущные крестьяне? А вотъ какъ: «бѣдные, малоземельные хозяева, *по прежнему*, покупаютъ плуги, соединившись въ небольшія товарищества; это явленіе, судя по сообщеніямъ изъ Золотоношскаго, Кременчугскаго и Кобелякскаго уѣздовъ, не только продолжаетъ существовать, но, повидимому, имѣетъ склонность къ распространенію, встрѣчаясь *все чаще и чаще* среди маломощныхъ хозяевъ». Далѣе, «вѣялки (заводскія и кустарныя) въ настоящее время имѣются не только въ хозяйствахъ зажиточныхъ крестьянъ, но все чаще и чаще входятъ въ обиходъ и среднесостоятельныхъ хозяевъ». Въ Хорольскомъ и Переяславскомъ уѣздахъ у такихъ же среднесостоятельныхъ входятъ въ употребленіе, по свидѣтельству корреспондентовъ бюро, и экстирпаторы для разрыхленія почвы.

Сказаннымъ ограничивается усовершенствованіе орудій у рядового крестьянства. Составители «Обзора» прибавляютъ, что замѣчаемое среди него усиленное стремленіе къ улучшенію своего хозяйства разбивается о недостатокъ средствъ и знаній. «Нѣкоторые корреспонденты выражаютъ мысль, что при современномъ экономическомъ и культурномъ положеніи массы населенія врядъ-ли возможно безъ посторонней помощи ожидать какихъ-либо серьезныхъ и прочныхъ улучшеній въ крестьянскомъ хозяйствѣ, а въ связи съ

этимъ и болѣе существеннаго улучшенія матеріальнаго благосостоянія крестьянъ».

На ряду съ этимъ у болѣе состоятельнаго слоя деревни въ послѣднее время появилось «сравнительно весьма много» конныхъ молотилокъ: «почти у каждаго зажиточнаго крестьянина есть теперь молотилка», четырехсильная и даже шестисильная. Владѣльцы этихъ орудій, обмолотивши свой хлѣбъ, сдаютъ ихъ внаймы другимъ, не имѣющимъ своихъ молотилокъ, и этотъ капиталистическій пріемъ молотьбы «годъ-отъ-года все болѣе и болѣе распространяется среди крестьянъ», вызывая большое неудовольствіе и ропотъ бѣднѣйшихъ крестьянъ, зарабатывающихъ хлѣбъ со снопа. Конкурренція машинъ вытѣсняетъ ихъ. Наконецъ, единичные хозяева, отличающіеся выходящею изъ ряда зажиточностью, обзаводятся рядовыми сѣялками, сортировками, жнеями, конными граблями и т. п.

Н. Карышевъ.

Издатели: Вл. Короленко.
Н. К. Михайловскій.

Редакторы: П. Быковъ.
С. Поповъ.

